



**Акторы российской имперской  
модернизации  
(XVIII — начало XX в.):  
региональное измерение**



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

**АКТОРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ  
МОДЕРНИЗАЦИИ (XVIII – НАЧАЛО XX В.):  
РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**



Екатеринбург  
2016

УДК 94(470+470,5)»18/19»

ББК 63.3(2)5

А 43

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 14-18-01625  
«Акторы российской имперской модернизации (XVIII – начало XX вв.): региональное измерение».*

Ответственный редактор  
доктор исторических наук *И.В. Побережников*

Рецензенты:  
член-корреспондент РАН, доктор исторических наук *Л.И. Бородкин*  
доктор исторических наук *В.А. Аракчеев*

Авторский коллектив:  
академик, д.и.н. *В.В. Алексеев*, д.и.н. *Е.В. Алексеева*, д.и.н. *О.Н. Богатырева*, д.и.н. *Л.А. Дашкевич*,  
к.и.н. *О.К. Ермакова*, к.и.н. *К.И. Зубков*, д.и.н. *Е.Ю. Казакова-Апкаримова*, *Н.С. Корепанов*,  
к.и.н. *Е.А. Курлаев*, к.и.н. *В.П. Микитюк*, д.и.н. *Е.Г. Неклюдов*, д.и.н. *С.А. Нефедов*, к.и.н. *М.Ю. Нечаева*,  
д.и.н. *И.В. Побережников* (руководитель проекта), к.и.н. *С.А. Пьянков*, д.и.н. *Е.Ю. Рукоусев*,  
к.и.н. *Е.С. Тулисов*

**А43** **Акторы** российской имперской модернизации (XVIII – начало XX в.): региональное измерение /  
Институт истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2016. – 316 с.  
(сер. «Каменный пояс: взгляд сквозь тысячелетия»).

ISBN 978-5-9907691-7-5

Проведено обобщающее исследование движущих сил российской имперской модернизации XVIII – начала XX в. на основе собственного оригинального акторного подхода, который предполагает выявление роли акторов модернизации, эволюции акторных структур, реконструкцию модернизационных стратегий акторов. Не ограничиваясь изучением роли государства в целом как модернизационного актора, которая признается высокой и возросшей в условиях догоняющей модернизации, авторы обратились на уральском региональном материале к исследованию таких социальных акторов как предприниматели, интеллигенция, иностранные специалисты. Выявлены существенные сдвиги, произошедшие во второй половине XIX в. в развитии всех этих категорий, связанные с диверсификацией и интенсификацией экономической и культурной жизни региона. Серьезное внимание уделено и региональным институциональным акторам (административный аппарат, органы самоуправления, общественные организации, профессиональные общества, представительские организации и партии), совершенствование которых, как доказывается в монографии, содействовало рационализации системы управления, становлению элементов гражданского общества, развитию публичной сферы в российской провинции.

Книга представляет интерес для историков, философов, социологов, экономистов, регионоведов.

© Институт истории и археологии УрО РАН, 2016.  
© Индивидуальные авторы, 2016.  
© Т.Е.Богина, художественное оформление, 2016.  
© Банк культурной информации, оформление,  
серия 2016.

ISBN 978-5-9907691-7-5

## СОДЕРЖАНИЕ

Введение .....	4
<b>Глава 1. Теоретико-методологические основания</b>	
1.1. Парадигма модернизации в историческом исследовании .....	9
1.2. Акторный подход .....	22
<b>Глава 2. Российская модель модернизации: факторы, акторы, контекст</b>	
2.1. Факторы российской имперской модернизации .....	33
2.2. Государство как актор имперской модернизации .....	41
2.3. Стратегии российской имперской модернизации .....	55
2.4. Фронтирная модернизация как российский феномен .....	74
<b>Глава 3. Региональные социальные акторы</b>	
3.1. Предприниматели .....	86
3.2. Интеллигенция .....	104
3.3. Иностранцы специалисты .....	126
<b>Глава 4. Региональные институциональные акторы модернизации</b>	
4.1. Административный аппарат и рационализация .....	149
4.2. Институты самоуправления .....	182
4.3. Общественные добровольные ассоциации .....	242
4.4. Профессиональные общества .....	275
4.5. Представительские организации и партии .....	296
Заключение .....	310
Сокращения .....	313

## ВВЕДЕНИЕ\*

Особое внимание исследователей привлекают широкие исторические трансформации, которые, не ограничиваясь лишь количественным приростом каких-либо параметров, приводят к модификации самих этих параметров, к изменению способов организации общества. Подобные трансформации составляют наиболее важные вехи в истории человечества, такие как антропогенез, переход от присваивающей к производящей экономике (неолитическая революция), появление городского образа жизни и возникновение ранних цивилизаций, переход от традиционного к современному обществу и др. Подобные трансформации нередко именуются революциями, настолько всеобъемлющ их характер и настолько значимы их последствия для развития человечества. Последняя из названных кардинальных трансформаций получила в науке наименование модернизации.

В современной литературе понятие модернизация употребляется в различных смыслах: 1) для обозначения широкого многовекового перехода от традиционности к современности, от аграрного к индустриальному обществу (хронологически совпадающего с переходом от Средневековья к Новому и Новейшему времени); 2) многовариантного процесса, в ходе которого отстающие догоняют ушедших вперед; 3) для характеристики преобразований, совершенствований, реформ, внедрения инноваций, которые осуществляются в современных уже современных обществах в ответ на новые вызовы; 4) для объяснения усилий стран Третьего мира с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых обществ; 5) для описания трансформаций, переживаемых постсоциалистическими странами.

Модернизация в первом, широком, смысле слова, как движение от «традиционности» к «современности» (в той или иной степени включающее в себя и все прочие интерпретации), трактуется исследователями как протяженный, охватывающий несколько столетий всеобъемлющий исторический процесс инновационных мероприятий, обусловленный действием внутренних и внешних импульсов, который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность подпроцессов: индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, демократизации, становления современных ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций и т.д. В ходе модернизации аграрные, традиционные общества трансформируются в индустриальные, современные, что связано с развитием передовой индустриальной технологии и политических, культурных и социальных механизмов, соответствующих поддержке, регулированию и использованию этой технологии<sup>1</sup>.

Активное освоение модернизационной макротeorии отечественными обществоведами началось относительно недавно, лишь в постсоветской России. В отечественной версии модернизационный подход сохранил свой полидисциплинарный характер, проникнув в российскую социально-философскую, экономическую, политологическую, историческую литературу. В опубликованных трудах уже нашел отражение ряд значимых теоретических, историографических и конкретно-исторических проблем истории российских модернизаций<sup>2</sup>.

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

<sup>1</sup> См.: Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006.

<sup>2</sup> Например, см.: Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165; Ее же. К вопросу о концептуализации экономического развития России XIX – начала XX вв. // Экономическая история. Обзор. Вып. 11. М., 2005. С. 151–158; Большакова О.В. Парадигма модернизации в англо-американской русистике (Российская империя) // Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: Современные исследования: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. М., 2003. С. 139–157; Бородин Л.И. Общее и особенное в процессах модернизации России в XIX–XX веках: методологические аспекты // Цивилизации. М., 2015. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. С. 201–214.

Предприняты попытки определения специфики российских модернизаций, нашедшие, в частности, отражение в формулировании их моделей («имперская модель», модели «консервативной», «рецидивирующей» модернизации, «псевдомодернизации», «контрмодернизации», «деархаизации» и т.д.); доказывается волнообразный, циклический характер российских модернизаций; получили разработку проблемы соотношения модернизации и имперского строительства, модернизации и революции в России, воздействия политики модернизации на отдельные периоды российской истории, пространственно-региональные аспекты модернизации, трансформации функций модернизации в условиях глобализации и т.д. (В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, Е.В. Анисимов, А.С. Ахиезер, Н.М. Арсентьев, В.М. Арсентьев, Л.И. Бородин, А.Г. Вишневецкий, Д.В. Гаврилов, М.А. Давыдов, Н.Н. Зарубина, К.И. Зубков, В.В. Запарий, А.Б. Каменский, С. Каспэ, В.В. Керов, В.В. Козловский, Г.Е. Корнилов, В.А. Красильщиков, Т.Ю. Красовицкая, В.В. Лапкин, О.Л. Лейбович, А.Н. Медушевский, Б.Н. Миронов, С.А. Нефедов, В.И. Пантин, И.В. Побережников, Л.В. Поляков, И.В. Поткина, Н.А. Проскурякова, В.Т. Рязанов, А.С. Сенявский, В.В. Согрин, А.В. Сперанский, А.И. Уткин, В.Г. Федотова, В.Г. Хорос, В.В. Шелохаев и др.). Наиболее полно были раскрыты темы цивилизационно-модернизационной динамики России, субпроцессов, моделей модернизаций<sup>1</sup>.

Хронологические рамки российской модернизации имперского периода варьируются в различных трудах в широких пределах – от XVI–XVII вв. до 1917 года, согласно одной точке зрения, до фактически рубежа XIX – начала XX вв. (узкая точка зрения). При этом 1917 год как финальный рубеж имперской модернизации признается большинством историков, но существуют разногласия относительно старта модернизации: 1) XVI–XVII вв.<sup>2</sup> (сторонники «ранней» модернизации обыкновенно указывают на зарождение многих явлений и тенденций, таких, например, как полки иноземного строя, развитие образования и культуры, появление «заводов», еще в допетровский период); 2) эпоха петровских преобразований (наиболее распространенная точка зрения как среди зарубежных, так и среди российских ученых)<sup>3</sup>; 3) начало XIX (при этом период XVI–XVIII вв. трактуется как эпоха, скорее, продолжения прежних традиций; петровские реформы в данном случае не рассматриваются в качестве водораздела в истории России)<sup>4</sup>; 4) эпоха Великих реформ<sup>5</sup>; 5) рубеж XIX–XX вв.<sup>6</sup>. В рамках различных концепций Россия интерпретируется то как страна, реализовавшая модель догоняющего развития, то как государство со своим самобытным историческим маршрутом<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Например, см.: Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000; Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / под ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург, 2011; Россия реформирующаяся. Вып. 12: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М., 2013. С. 157–380; Модернизационные парадигмы в экономической истории России. Саранск, 2007; История России: теоретические проблемы. М., 2013. Вып. 2: Модернизационный подход в изучении российской истории; Цивилизации. М., 2015. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века; Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2014. Т. 1; 2015. Т. 2–3.

<sup>2</sup> Modernizing Muscovy: reform and social change in seventeenth-century Russia / Ed. by Kotilaine J., Poe M. L., 2004; Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 33–52.

<sup>3</sup> Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. указ. соч.; Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1994; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: реформы в России XVIII века (опыт целостного анализа). М., 1999; Его же. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М., 1999; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1–2; Опыт российских модернизаций...

<sup>4</sup> Martin R. The Petrine divide and the periodization of Early Modern Russian history // Slavic review. Champaign, 2010. Vol. 69, № 2. P. 410–425; Ostrowski D. The end of Muscovy: A case circa 1800 // Slavic review. Champaign, 2010. Vol. 69, № 2. P. 427–438.

<sup>5</sup> The transformation of Russian society. Aspects of social change since 1861. Cambridge (Mass.), 1960.

<sup>6</sup> Грегори П. Экономический рост Российской империи. М., 2003.

<sup>7</sup> Большакова О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века: американская историография. М., 2008; Большакова О.В. Парадигма модернизации в англо-американской русистике (Российская империя) // Политическая наука. Политическое развитие и модернизация: Современные исследования: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. политической науки. Росс. ассоц. полит. науки; Отв. ред. и сост. А.Г. Володин. М., 2003. С. 139–157; Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России. Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; Поткина И.В., Селунская Н.Б. Россия и модернизация (В прочтении западных ученых) // История СССР. 1990. № 4. С. 194–207; Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165; Побережников И.В. Россия в мировом историческом процессе: три теоретические проекции // Нестор. № 11. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 49–59.

При этом необходимо отметить, что до сих пор в отечественной исторической литературе модернизация изучалась преимущественно на страновом (или региональном) макроуровне в формате осуществления модернизационных subprocesses (индустриализации, урбанизации, демографической революции, бюрократизации, демократизации, рационализации, профессионализации, образовательной революции). В подобных исследованиях модернизация обыкновенно превращалась в автоматический процесс, направляемый анонимными закономерностями и дирижируемый государством как почти единственным модернизационным актором.

Между тем, одной из ключевых предпосылок успешной реализации модернизационного проекта является наличие в современном российском обществе действующих субъектов, способных выступать акторами модернизации. Но на вопрос об их присутствии и идентификации дается множество ответов, порой полярно противоположных: например, что модернизация в России невозможна вследствие отсутствия самих субъектов модернизации, или что возможными акторами модернизации являются средний класс или чиновники<sup>1</sup>. В этой связи высокую актуальность приобретает вопрос об адекватных методологических схемах исторического анализа формирования акторов модернизации, эволюции акторных структур, модернизационных стратегий акторов, исторического опыта формирования социальных статусов и идентичностей различных акторных групп, а также выработки технологий увеличения имеющихся в их распоряжении ресурсов и способов их преобразования в реальные современные возможности.

В данном контексте перспективным представляется сфокусироваться на определении роли различных акторов в контексте российской имперской модернизации. Конечно, не может быть обойден вопрос о значении государства, которое обычно трактуется как инициатор общественных трансформаций, наиболее активная и сильная общественная структура (доминирующая позиция) на протяжении истории Российской империи.

Далее, для выявления роли различных акторов оправдано обращение к конкретному региональному материалу. Действительно, региональные и субрегиональные общности по-разному ведут себя в общестрановом модернизационном контексте: выступают региональным фактором модернизации или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходящие из центра или более продвинутых регионов<sup>2</sup>. Сказанное объясняет актуальность конкретно-проблемного изучения российских модернизаций на материале отдельных регионов.

Урал, как регион, достаточно рано испытывавший воздействие модернизации (уже с XVII–XVIII вв.), ярко воплощает общие типологические черты и национально-историческую специфику перехода от традиционного общества к индустриальному<sup>3</sup>. Особенностью Урала было то, что он продолжал осваиваться на всем протяжении имперской модернизации (XVIII – начало XX в.), то есть являлся по существу регионом фронтирной модернизации, зеркально, таким образом, отражая основную специфику страновой модели модернизации, которая также являлась фронтирной. Процессы экономической модернизации и сопровождавшей ее социальной эволюции на Урале (в границах Пермской, Вятской, Оренбургской и Уфимской губерний на рубеже XIX–XX в.) характеризовались определенной спецификой по отношению к другим регионам России и значительным внутренним разнообразием. Это нашло выражение, в частности, в существенном воздействии промышленного сектора экономики на социально-экономические процессы, на традиционные сообщества региона, которые в значительной степени вовлекались в сферу индустриального труда; в растянутости колониционных процессов во времени, в частности, применительно к Северному и Южному Уралу; в отсутствии на Среднем Урале и в Приуралье (Пермская и Вятская губернии; горнозаводские латифундии в первой – особый случай) развитого частного землевладения; в социально-сословной и этноконфессиональной мозаике и т.п.

<sup>1</sup> Например, см.: Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М., 2001; Яковлев А.А. Агенты модернизации. М., 2007; Возможна ли модернизация в России? (материалы «круглого стола») // Мир России. 2008. № 2. С. 69–91.

<sup>2</sup> Побережников И.В. Уровни изучения модернизации: мировой, цивилизационный, страновой, региональный, локальный (теоретические аспекты) // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции, 2–3 июля 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 55–65.

<sup>3</sup> См.: Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации / Отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург, 2006; Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Е.В. Алексеева. Екатеринбург, 2011.



Даже тогда, когда государство целенаправленно транслировало в регионы свои модернизационные начинания (например, создание Уральского горнозаводского региона), оно было вынуждено, учитывая расстояния и местное своеобразие, осуществлять там насаждение «современности» с опорой на относительно автономные институты комплексного территориального управления (Уральское горное управление). С этой точки зрения, говоря о региональных акторах модернизации, необходимо иметь в виду не только те или иные социальные группы, сформировавшиеся в рамках региональных сообществ, но и региональные институты управления, чей автономный и комплексный характер деятельности в значительной степени определялся региональной спецификой. Среди них можно выделить органы территориально-экономического управления (Уральское горное управление).

Целесообразно фокусирование внимания на разных категориях акторов, как социальных (например, предприниматели, интеллигенция, иностранные специалисты), так и институционально-организационных (гражданские и территориально-отраслевые административно-бюрократические структуры, органы самоуправления, общественные добровольные ассоциации, профессиональные общества, представительские организации и партии и т.д.), и изучение их вклада в обеспечение динамики и характера российской прото- и раннеиндустриальной модернизации (XVIII – начала XX в.), в формирование институционально-политического, социально-экономического и культурно-символического дизайна модернизации. И здесь вновь особую ценность приобретает региональный подход – поскольку в регионах, особенно удаленных от столицы, по объективным причинам была слабее степень прямого централизованного контроля над экономическими, политическими, социокультурными процессами, постольку здесь заметно выше могло быть значение общественной самодеятельности в инициировании прогрессивных сдвигов в структурах жизнедеятельности.

Новизна предлагаемого подхода заключается в его ориентации на «акционизм» (признание активной роли разнообразных субъектов; модернизация трактуется как результирующая многочисленных деятельностей, практик, стратегий, конфликтов, альянсов и т.д.), «историзм» (обусловленность действий акторов их историческим социальным опытом; многолинейность, альтернативность и циклизм, как следствие пересечения в исторической реальности разнообразных интересов, практик, преобразовательных проектов и стратегий), историческую конкретность (дифференциация акторов; анализ не только социальных категорий, сообществ, но и индивидуальных агентов).

Реконструкция российских модернизаций как итога деятельности (деятельностей) за достижение социально-организационных интересов и реализации стратегий типовых акторов обеспечивает новую аналитическую оптику, которая фактически не применялась в исторических исследованиях модернизации. Кроме того, такой подход способствует углублению представлений о закономерностях и особенностях перехода от традиционного к современному обществу в условиях имперской России.

Между тем, в современном изучении истории Российской империи применяются различные подходы, акцентирующие разные аспекты и измерения исторического процесса. Исследование отечественной истории в русле направления «новая имперская история» в последние десятилетия стало чрезвычайно востребованной темой исторического анализа, в орбите внимания которого находятся вопросы государственно-политической организации Российской империи, конфессиональной, национальной и культурной политики, взаимосвязь и взаимообусловленность имперской политики в разных регионах страны (П. Верт, А. Каппелер, М. Ходарковски, А. Рибер, Р. Джераси, К. Мацузато, А.И. Миллер, О.Б. Леонтьева, А. Семенов, М. Могильнер, И. Герасимов, С. Глебов и др.)<sup>1</sup>. Сторонники «новой имперской истории» существенное внимание

<sup>1</sup> Верт П. Православие, инославие, иноверие: очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012; Каппелер А. Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997; Джераси Р. Окно на восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М., 2013; Российская империя в сравнительной перспективе: сб. ст. / под ред. А.И. Миллера. М., 2004; Миллер А. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006; Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004; Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер. М., 2005. Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сб. ст. / под ред. К. Мацузато. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003.



уделяют региональному измерению, вопросам управления территориями, проблемам обеспечения стабильности имперского устройства; при этом преимущественно изучаются территории, населенные нерусскими народами. В определенной степени наши подходы можно рассматривать как взаимодополняющие, но имеющие разные акцентуации – имперская инерция – в случае «новой имперской истории», социальное обновление в широком смысле – в нашем случае.

Оригинальная концепция внутренней колонизации, которую развивают современные отечественные и зарубежные гуманитары (А.М. Эткинд, И. Кукулин, К. Платт, Д. Уффельман и др.), базируется на идее, что российские внутренние регионы подвергались «колониальной» эксплуатации со стороны вестернизированной с петровских времен элиты, что русский путь представляет собой крайний, уникальный вариант развития<sup>1</sup>. Представляется ценной и плодотворной идея незавершенности освоения (колонизации) территории страны, хотя при характеристике взаимоотношений государства (аппарата) и населения дихотомической модели мы предпочитаем подход, ориентированный на изучение взаимодействия властных и общественных сил в контексте модернизационных преобразований.

Сторонники «новой культурной истории», не прибегая к термину «модернизация», зачастую решают близкие для нас задачи, используя другие методы и фокусируя внимание на новые объекты изучения. В частности, они пытаются анализировать усвоение современных принципов на уровне мышления, ментальности (например, процесс постепенной «интернализации» власти, будь то самодержавие, диктатура партии или одного человека; речь идет о внедрении в сознание коллектива и индивида основ и принципов власти, в результате чего власть перестает быть внешней по отношению к индивиду – важно в контексте современного превращения подданного в гражданина)<sup>2</sup>. Данное направление, безусловно автономное, глубокое и перспективное, интересно как резервуар новых познавательных технологий, за счет которых возможно обновление и нашего подхода.

При этом в данном издании предлагается новый взгляд на историю российской модернизации имперского периода сквозь призму акторного подхода. Проблема акторов российских модернизаций XVIII – начала XX в., ее агентов и проводников в страновом и региональном измерении еще не являлась предметом комплексного изучения и теоретико-методологической рефлексии. Между тем, без ее освоения невозможно понимание фундаментальных особенностей российского пути развития. Изучение акторов модернизационного процесса в Российской империи представляет самостоятельный научный интерес как возможность выявления вариативного богатства практик, стратегий, механизмов модернизации.

Разделы монографии написаны:

Введение – И.В. Побережниковым.

Глава 1 – И.В. Побережниковым.

Глава 2: раздел 2.1 – С.А. Нефедовым; раздел 2.2 – В.В. Алексеевым; раздел 2.3 – К.И. Зубковым; раздел 2.4 – И.В. Побережниковым.

Глава 3: раздел 3.1 – Е.Г. Неклюдовым, В.П. Микитюком; раздел 3.2 – Л.А. Дашкевич, В.П. Микитюком; раздел 3.3 – Е.В. Алексеевой, О.К. Ермаковой, Е.А. Курлаевым, В.П. Микитюком, Е.Ю. Рукосуевым.

Глава 4: раздел 4.1 – Е.С. Тулисовым, И.В. Побережниковым, Е.А. Курлаевым, Н.С. Корепановым; раздел 4.2 – Е.Ю. Казаковой-Апкариковой, И.В. Побережниковым, О.Н. Богатыревой, С.А. Пьянковым; раздел 4.3 – М.Ю. Нечаевой, В.П. Микитюком, Е.Ю. Казаковой-Апкариковой, Л.А. Дашкевич; раздел 4.4 – Е.Ю. Казаковой-Апкариковой; раздел 4.5 – В.П. Микитюком, Е.Ю. Рукосуевым.

Заключение – И.В. Побережниковым.

<sup>1</sup> Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М., 2014; Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012.

<sup>2</sup> См.: Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015; Энгельштейн Л. Повсюду «культура»: о новейших интерпретациях русской истории XIX–XX веков // Новая русская книга. 2001. № 3–4. С. 107–121; Ее же. Ключи счастья: секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М., 1996; Большакова О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века: американская историография. М., 2008. С. 244–251.

## **ГЛАВА 1.**

### **ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ\***

#### **1.1. ПАРАДИГМА МОДЕРНИЗАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ**

Модернизационная парадигма была сформулирована в середине XX в. в условиях распада европейских колониальных империй и появления «молодых наций» в Азии и Африке, вставших перед проблемой выбора путей дальнейшего развития. Собственно программа модернизации (ускорения перехода от традиционности к современности) была предложена учеными и политиками США и Западной Европы странам Третьего мира в качестве альтернативы коммунистической ориентации. Во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. различные аналитические течения и теоретические традиции объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу (теория, или точнее – теории, модернизации), которая казалась особенно полезной для обеспечения толчка в развитии стран Третьего мира. В дальнейшем, на протяжении второй половины XX века, в рамках модернизационной перспективы был накоплен значительный теоретико-методологический и эмпирический опыт изучения различных аспектов, в том числе исторических, перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу.

В целом классической модернизационной парадигме 1950–1960-х гг. было присуще фокусирование исследовательского интереса на проблематику развития, факторов и механизмов перехода от традиционности к современности; проведение анализа преимущественно на страновом, национальном уровне; использование в качестве ключевых понятий «традиция» и «современность»; оперирование эндогенными переменными, такими как социальные институты и культурные ценности; положительная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей<sup>1</sup>.

В рамках созданной модели процесс модернизации рассматривался как всеобъемлющий, связанный с «революционными» по значимости, радикальными трансформациями моделей человеческого существования и деятельности<sup>2</sup>. Сторонники классической версии теории модернизации признавали, что переход от традиционности к современности вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия. В рамках данного подхода модернизация рассматривалась как системный имманентный процесс, интегрировавший в связное целое факторы и атрибуты модернизации. Модернизация характеризовалась как глобальный процесс, который обеспечивается как распространением современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ. Процесс модернизации

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

<sup>1</sup> Например, см.: Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge, 1960; Lerner D. *The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East*. New York, London, 1965; Apter D.E. *The Politics of Modernization*. University of Chicago Press, 1965; Eisenstadt S.N. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966; Levy M.J. *Modernization and the Structure of Societies*. Princeton, 1966; Black C.E. *The Dynamics of Modernization: A Study In Comparative History*. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.

<sup>2</sup> Huntington S.P. *The Change to Change: Modernization, Development, and Politics* // *Comparative Modernization: A Reader*. Ed. by C.E. Black. New York, London, 1976. P. 30–31.

изображался как линейный; соответственно, все общества можно было распределить вдоль оси, идущей от традиционности к современности. Представители классической версии рассматривали процесс модернизации как эволюционный, протяженный по скорости осуществления «революционных» изменений. Предполагалась стадийность модернизации, которая должна была осуществляться в рамках определенных стадий или фаз. В контексте классической модели модернизация рисовалась как необратимый и прогрессивный процесс унификации, постепенной конвергенции обществ. Таким образом, классическая теоретическая схема требовала рассмотрения модернизации как единого универсального восхождения обществ от недостаточной развитости (традиционности) к современности и развитости согласно универсальным закономерностям эндогенного характера (метафора движущегося вверх эскалатора способствует пониманию смысла данного подхода также хорошо, как и классического эволюционизма). В рамках модернизационной теории параметры традиционного и современного обществ характеризовались как диаметрально противоположные. Предполагалось, что в процессе модернизации должен произойти полный демонтаж традиционного общества, перестройка его институциональных и социокультурных основ.

Подобный дихотомический подход формировал крайне пессимистический взгляд на перспективы использования интегративных механизмов, существовавших в традиционном обществе, в контексте модернизации. Традиционные институты и ценности рассматривались в качестве барьеров, которые в ходе модернизации должны подвергнуться эрозии, трансформации.

Классическая модернизационная перспектива ориентировалась на опыт западной «атлантической» цивилизации и слабо учитывала многообразие цивилизационного опыта за пределами Западной Европы и Северной Америки. К существенным недостаткам данного подхода необходимо отнести недооценку меняющихся условий международной среды для конкретных обществ, стремящихся модернизироваться. Упрощенным кажется и эволюционистское представление о единой для всех лестнице к высотам современности, исключавшее возможности «параллельно-го» развития или «неразвития» («недоразвития»).

Сбои в осуществлении модернизационных программ, идеологические факторы, а также изменение политического климата на Западе в конце 1960-х и в начале 1970-х гг. сопровождалось массовой критикой теорий модернизации, которые на некоторое время (в 1970-е гг.) были отодвинуты в тень другими теориями, в частности, теориями зависимости и мир-системным анализом.

Оппоненты обратили внимание на многие ошибочные и некорректные эволюционистские и функционалистские допущения, методологические проблемы и идеологическую тенденциозность модернизационной перспективы: западно-центризм, упрощенчество, наивный эволюционизм, дихотомическое – примитивное – видение проблемы взаимоотношений «традиции» и «modernity», неспособность объяснять реальные социальные сдвиги. Данная критика оказалась полезной для развития и совершенствования модернизационного подхода. Впоследствии его сторонники направили собственные усилия на изживание неприемлемых теоретических посылок, в особенности эволюционного телеологизма и жесткого противопоставления традиционности и современности.

1980-е гг. ознаменовались своеобразным возрождением модернизационной перспективы, которая постепенно дистанцировалась от телеологизма, расширяла диапазон учитываемых факторов исторической динамики, переходила от линейных к многолинейным интерпретациям развития, акцентировала влияние традиции и международного контекста. Динамику развития подхода можно рассматривать в русле избывания первоначальной односторонности теоретических представлений и движения в сторону более панорамного, контекстного и исторического объяснения процессов социальных изменений. В модернизационных исследованиях посткритического периода произошел переход от однозначно негативного отношения к социокультурной традиции к более гибкой и конструктивистской трактовке роли традиций в ходе модернизационного перехода<sup>1</sup>. Изменение оценок роли и места традиций в процессе модернизации привело к появлению ряда новых

<sup>1</sup> Gusfield J.R. Tradition and Modernity: Misplaced Polarities In the Study of Social Change // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.). Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. New York, 1973. P. 333–341.



исследовательских тем, а также к большему вниманию по отношению к традиционным чертам (народные религии, семейственность). Благодаря более внимательному изучению широкого спектра национальных культурных традиций сторонники школы модернизации отказались от одностороннего представления о модернизации как движении в сторону западных институтов и ценностей и пришли к убеждению о возможности собственных оригинальных путей развития.

Разработка современной версии модернизационных исследований (неомодернизационный анализ) связана с именами Э. Тириакаяна, П. Штомпки, В. Цапфа, У. Бека, К. Мюллера и др. (вторая половина 1980-х – 2000-е гг.). Теоретическое ядро современной версии модернизации включает следующие положения: а) возможность национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску; б) признание конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода; придание ей статуса дополнительного фактора развития; в) внимание внешним, международным факторам, глобальному контексту; модернизация рассматривается современными исследователями скорее как эндогенно-экзогенный процесс (Р. Робертсон); подобное видение существенно отличается от классического, в рамках которого ученые анализировали преимущественно внутренние переменные, такие как социальные институты и культурные ценности; г) отход от эволюционистского телеологизма; акцентирование внимания не на анонимных законах эволюции, а на роли социальных акторов (коллективов и индивидов), всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства; д) включение в теоретическую модель фактора исторической случайности; признание необходимости рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретной «исторической констелляции»; акцент на пространственно-временной горизонт акторов, в соответствии с которым выстраиваются новые линии развития; е) отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации; признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации; ж) осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса; признание необходимости более внимательного отношения к такому аспекту динамики модернизации, как циклическая природа данного процесса<sup>1</sup>.

Итак, классическая и современная версии модернизационного анализа существенно разнятся. Модификация теоретических основ модернизационного подхода способствовала превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности. Модернизационная перспектива выжила за счет принесения в жертву серьезных посылок, входивших в состав ее теоретического ядра. К числу наиболее важных особенностей эволюции школы модернизации можно отнести: 1) пересмотр роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации, придание ему большего значения в сравнении с ранними концептуальными схемами; 2) переход от достаточно абстрактного теоретизирования к рассмотрению конкретных ситуаций; 3) рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влиянию на данный процесс внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; 4) инкорпорацию в теоретическую модель фактора исторической случайности; 5) акцент на циклическую природу процесса модернизации.

Существуют разные подходы в объяснении механизмов модернизации. Один из таких механизмов – рост нормы накопления – был обоснован в классическом исследовании У. Ростоу «Стадии экономического роста»<sup>2</sup>. В своем исследовании он выступил как сторонник либерального

<sup>1</sup> Grancelli B. (ed.). *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. Berlin; New York: De Gruyter, 1995; Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. 1998. № 8. С. 14–26; Цапф В., Хабиш Р., Бульман Т., Делей Я. Германия: трансформация через объединение // Социс. 2002. № 5. С. 19–37; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000; Ингларт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. / Под редакцией В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 261–291; Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996; Müller K. “Modernizing” Eastern Europe. Theoretical problems and political dilemmas // Archives Européennes de Sociologie. 1992. № 1. P. 109–150; Tiryakian E. The Changing Centers of Modernity // Cohen E., Lissak M., Almagor U. (eds.). *Comparative Social Dynamics: Essays In Honor of Shmuel N. Eisenstadt*. Boulder, CO: Westview Press, 1985. С. 131–147; также см.: Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 152–226; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 68–114.

<sup>2</sup> Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto*. Cambridge, 1960; Idem. *Politics and the Stages of Growth*. Cambridge, 1971; Idem. *The Takeoff Into Self-Sustained Growth* // *Social Change. Sources, Patterns, and Consequences*. Ed. by Eva Etzioni-Halevy and Amitai Etzioni. New York, 1973. P. 285–300.

экономического детерминизма, уверенный в том, что достижение «высокого массового потребления» автоматически ведет к исчезновению институциональных различий между обществами и направит их в сторону модели, достигнутой странами ранней модернизации. По мнению У. Ростоу, существует пять основных универсальных стадий экономического развития: 1) традиционное общество; 2) подготовка предпосылок для «взлета»; 3) стадия «взлета»; 4) «зрелость»; 5) «век высокого потребления», – которые начинаются традиционным обществом и завершаются обществом массового потребления. Центральное место в его схеме занимает т.н. стадия «взлета» («takeoff stage»). По мнению У.Ростоу, необходим дополнительный толчок, чтобы вывести общество за пределы подготовительной стадии. Таким стимулом может быть политическая революция, преобразующая наиболее важные институты; технологическая инновация, например, такая как внедрение паровой машины в процессе промышленной революции; или благоприятное в плане цен и растущего экспортного спроса внешнее окружение. Далее, согласно Ростоу, после прохождения подготовительной стадии страна, желающая добиться самоподдерживающегося экономического роста, должна создать соответствующую структуру для осуществления толчка: капитал и ресурсы должны быть мобилизованы для того, чтобы поднять удельный вес производственных инвестиций до 10% национального дохода, иначе экономический рост не сможет достигнуть роста народонаселения.

Социологический подход при объяснении механизмов модернизации предложил Н. Смелзер<sup>1</sup>. По его мнению, стержнем модернизации является структурно-функциональная дифференциация: в процессе модернизации сложные структуры, выполнявшие прежде множество функций, делятся на специализированные структуры, каждая из которых может отвечать за выполнение одной функции; новая совокупность специализированных структур в целом выполняет те же функции, что и прежние структуры, но с большей эффективностью. Как мы видим, в рамках данного подхода эксплуатируется мысль об эффективности разделения труда, специализации, укорененная еще в трудах Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и др.

Б. Мур обратил внимание на роль лидеров и формирования альянсов в процессе модернизации<sup>2</sup>. Центральным моментом его концепции является констатация сотрудничества или противоборства между различными социальными группами. Характер сотрудничающих между собой групп и само их сотрудничество определяют структуру общества и его развитие. Б. Мур указал на роль буржуазии, крестьянства и коалиций этих групп с дворянством и монархом. Б. Мур выделял три модели (траектории) модернизации: 1) под руководством буржуазии (Великобритания, США); 2) под руководством аристократии (Германия, Япония); 3) крестьянскую (Россия, Китай). Следовательно, для каждого модернизирующегося общества существует возможность выбора пути: (в данном случае) через строительство, например, либерального капитализма, реакционного фашизма или революционного коммунизма.

Целый ряд технологических, экономических и организационных сдвигов в контексте индустриализации связывается с деятельностью предпринимателей, которая трактуется как один из существенных двигателей модернизации<sup>3</sup>. Рассмотрим две концепции предпринимательства в контексте исследования перехода от традиционного к современному обществу – известного экономического историка Александра Гершенкрона и социолога Эверетта Хагена.

Признавая появление современного предпринимательства в качестве неотъемлемой составляющей индустриализации, автор концепции «стадий экономической отсталости» А. Гершенкрон<sup>4</sup> в

<sup>1</sup> Smelser N. The Modernization of Social Relations // Modernization. The Dynamics of Growth. N.Y.; L., 1966. P. 110–121; Idem. N. Toward a Theory of Modernization // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. New York, 1973. P. 268–284.

<sup>2</sup> Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М., 2016.

<sup>3</sup> Связь предпринимательства как особого вида деятельности с капиталистическим обществом нового времени была обоснована в трудах К. Маркса, М. Вебера, В. Зомбарта. См.: Зарубина Н.Н. Социология хозяйственной жизни: проблемный анализ в глобальной перспективе. М., 2006. С. 230–250.

<sup>4</sup> Данная концепция нашла отражение в работе: Gerschenkron A. Economic backwardness in historical perspective. Cambridge, Mass., 1962 (Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015.). Также см.: Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры. М., 2004. С. 420–447. Критический обзор концепции А. Гершенкрона содержится в работах: Поткина И.В. Индустриальное развитие дореволюционной России: Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; Олегина И.Н. Критика концепций современной американской и английской буржуазной историографии по проблемам индустриализации СССР. Л., 1989.

одной из своих публикаций, посвященной роли предпринимательства в процессе модернизации, ставит две проблемы: 1) каковы отличительные «модерные» черты индустриальных предпринимателей, особенно на ранних стадиях модернизации; 2) как происходило формирование указанных особенностей<sup>1</sup>.

А. Гершенкрон определяет предпринимателей как категорию лиц, в задачу которых входит принятие ответственных экономических решений: по поводу того, что и каким образом следует производить; где, когда и по какой цене для этого необходимо приобретать и продавать ресурсы и товары; на каком уровне – стабильном или растущем/понижающемся – следует поддерживать производство. В подобном смысле, подчеркивает А. Гершенкрон, предпринимательство существовало во все периоды экономической истории (предпринимательские функции выполняли и крестьяне отсталой аграрной страны, принимая решения по поводу времени начала пахоты, сева, сбора урожая, и венецианские купцы XVI в., выбирая для приобретения те или иные виды специй на Востоке и одни или другие рынки в Европе, где предполагался сбыт пряностей).

Тем не менее, несмотря на некоторое подобие всех видов предпринимательской деятельности в различные исторические эпохи, А. Гершенкрон склонен проводить различие между предпринимательством эпохи модернизации и более ранних времен<sup>2</sup>.

Во-первых, современному предпринимателю приписывается такое качество, как перспективное мышление (он должен глядеть далеко в будущее), обусловленное тем, что нормальное функционирование современной промышленности невозможно без использования постоянного капитала в объемах, несопоставимых с объемами, характерными для домодерного предпринимательства (т.е., требуется сооружение заводских корпусов, установка машин, стоимость которых окупится лишь в течение длительного периода времени), что существенно повышает степень риска и ответственности в момент принятия решения о размещении инвестиций.

Во-вторых, с повышением временного горизонта связывается превращение предпринимательства из временного (предприниматель предындустриальной эпохи, накопив значительное благосостояние, предпочитал прекратить свои коммерческие занятия, приобрести земельное владение и влиться в ряды дворянства) в пожизненное занятие.

В-третьих, с современным предпринимателем связывается особый характер взаимоотношений с контрагентами, претерпевший трансформацию по сравнению с домодерным периодом вследствие изменения природы трансакций. Мимолетные, разовые трансакции между торговцем и заказчиками домодерной эпохи, как считает А. Гершенкрон, благоприятствовали нечестности и обману в моменты совершения сделок: сильным было желание продавца обмануть покупателя относительно количества и качества приобретаемых последним товаров, что нашло отражение в народном сознании (представления о нечестности, непорядочности прочно связывались с торговлей и торговцами; так, например, происхождение термина «обмен» в английском, как и в некоторых романских языках, восходит к слову, означающему обман; в русском языке данную связь отражает популярная пословица: «Не обманешь, не продашь»).

Что касается современного предпринимателя, который тоже не являлся образцом безупречной честности, то А. Гершенкрон отмечает, что «постоянство его деятельности, тесные отношения с клиентами, связанные с поставкой оборудования и запасных частей, самый факт, что многое из продуктов современного промышленного производства должно продаваться не аморфной массе анонимных покупателей, но другим предпринимателям, – все эти факторы требовали гораздо более добросовестного отношения к покупателю»<sup>3</sup>. Высоких стандартов коммерческой честности от современного предпринимателя требовала и хорошо разработанная система кредита, которая лежала в основе современной промышленности.

<sup>1</sup> Gerschenkron A. The Modernization of Entrepreneurship // Modernization: The Dynamics of Growth. New York, London, 1966. P. 246–257.

<sup>2</sup> Ibid. P. 247–249.

<sup>3</sup> Ibid. P. 249.



В-четвертых, по мнению А. Гершенкрона, современное предпринимательство отличается от современного присущей ему инновационностью<sup>1</sup>, которая в целом обусловлена неотделимостью современной промышленности от технологического и организационного прогресса. При этом истинными инноваторами, как отмечает А. Гершенкрон, были, конечно, немногие индустриальные предприниматели, в действительности первыми применявшие революционную, беспрецедентную технологию; большинство же современных предпринимателей принадлежало к числу имитаторов, определявшихся Й. Шумпетером как «вторичная волна», функция которой заключалась в широком распространении новаций в промышленности. Но различие между инноватором и имитатором – очень нечеткое. Каждая имитация требует энергичных усилий, чтобы преодолеть инерцию, отказаться от привычного способа создания продукта, поднимает множество технических и экономических проблем, которые должны быть решены. Никаких сопоставимых проблем, давления, чтобы ими заняться, не существовало до появления современной промышленности.

Рассуждая о возникновении указанных особенностей современного предпринимательства, А. Гершенкрон подвергает критике понятие предпосылок индустриализации, занимавшее существенное место во множестве концепций перехода от традиционного к современному обществу (так, согласно точке зрения У. Ростоу, временам быстрого индустриального роста должны предшествовать более или менее длительные, от страны к стране, периоды, в течение которых создавались «предпосылки» современной индустриализации; некоторые экономические историки доказывали, что необходимыми предпосылками для последующей индустриализации являются аграрные реформы, включая изменения в системе землевладения, отмену крепостничества, увеличение производительности сельского хозяйства; историки-марксисты настаивали на том, что предпосылкой для обеспечения индустриального рывка должно стать предварительное накопление капитала в течение весьма длительного исторического периода; обратной стороной концепции исторических предпосылок являлось утверждение о невозможности индустриализации в случае их отсутствия).

В действительности же, как утверждает А. Гершенкрон, индустриальный рост нередко осуществляется как раз в условиях отсутствия так называемых необходимых предпосылок, т.е. при незавершенных аграрных преобразованиях, при недостатке предындустриальных накоплений («первоначального накопления капитала», по терминологии советских историков). «И, рассуждая исторически, – пишет экономический историк, – концепция необходимых предпосылок терпит крах, потому что экономическая жизнь содержит многие альтернативные решения, так что в тех странах, где так называемых необходимых предпосылок не было, для них были разработаны разного рода заменители в ходе самого индустриального развития»<sup>2</sup>.

В связи с проблемой предпосылок индустриализации А. Гершенкрон продолжает обсуждение вопроса о современном предпринимательстве, в частности, тезиса о становлении современного предпринимательства как о предпосылке современного индустриального развития. Гершенкрон признает, что исторический опыт ряда европейских стран вроде бы подтверждает данное положение, т.е. в отдельных случаях можно проследить корни (предпосылки) современного предпринимательства в относительно далеком историческом прошлом (например, подобные корни можно

<sup>1</sup> Инновационность рассматривалась выдающимся экономистом Й. Шумпетером в качестве имманентного свойства предпринимательства: «Мы уже видели, что функция предпринимателей заключается в том, чтобы реформировать или революционизировать производство, используя изобретения или, в более общем смысле, используя новые технологические решения для выпуска новых товаров или производства старых товаров новым способом, открывая новые источники сырья и материалов или новые рынки, реорганизуя отрасль и т.д. Начало строительства железных дорог, производство электроэнергии перед Первой мировой войной, энергия пара и сталь, автомобиль, колониальные предприятия – все это яркие образцы большого семейства явлений, включающего также и бесчисленное множество более скромных представителей – вплоть до выпуска новых сортов колбас и оригинальных зубных щеток. Именно такого рода деятельность и есть главная причина периодических «подъемов», революционизирующих экономический организм, и периодических «спадов», возникающих вследствие нарушения равновесия при производстве новых товаров или применении новых методов. Делать что-то новое всегда трудно, и реализация нововведения образует самостоятельную экономическую функцию, во-первых, поскольку все новое лежит за пределами рутинных, понятных всем задач и, во-вторых, поскольку приходится преодолевать сопротивление среды, которое в зависимости от социальных условий может происходить в самых разных формах, начиная от простого отказа финансировать или покупать новые товары и кончая физической расправой с человеком, который попытается создать что-то новое. Чтобы действовать уверенно за пределами привычных вех и преодолевать это сопротивление, необходимы особые способности, которые присущи лишь небольшой части населения, и именно эти способности определяют как предпринимательский тип, так и предпринимательскую функцию». См.: Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995. С. 183–185.

<sup>2</sup> Gershenkron A. The Modernization of Entrepreneurship // Modernization: The Dynamics of Growth. New York, London, 1966. P. 251.

обнаружить в опыте ремесленников в период позднего средневековья – ведь во многих случаях институциональный порядок ремесленных цехов содействовал распространению среди их членов духа мастерства, гордости за качество изделий, честности во взаимодействиях с партнерами, – то есть всего того, что позднее превратилось в т.н. характерные черты индустриального предпринимательства). Не отрицает британский историк и роли протестантизма в обеспечении установок честности и бережливости, пожизненной преданности делу, склонности к инновациям, столь важных для современного предпринимательства, хотя и оставляет при этом открытым вопрос о причинности – были ли обусловлены такие установки доктринами протестантизма или приверженностью преследуемому меньшинству.

Но при этом исследователь склонен трактовать деятельность предпринимателей скорее как неотъемлемую черту самого процесса индустриализации (и модернизации), нежели его предпосылку. «Предприниматели используют капитал и нанимают рабочую силу с целью производства промышленных товаров, – подчеркивает А. Гершенкрон, – но это и есть сама индустриализация; это как раз и есть сами условия любого разумного определения индустриализации»<sup>1</sup>.

Он отвергает тезис ряда концепций экономической модернизации, настаивавших на том, что предпосылкой индустриализации являлось утверждение в обществе в качестве доминирующей системы ценностей, благоприятствующей предпринимательской деятельности, оправдывающей, одобряющей и стимулирующей ее. Историческая действительность нередко противоречила данному положению, поскольку зачастую предпринимателям приходилось действовать, достаточно эффективно, в условиях господства ценностной системы, скорее враждебной по отношению к таким действиям.

Кроме того, концепции, акцентирующие внимание на «социальном одобрении», по мнению А. Гершенкрона, игнорируют тот факт, что во многих стратифицированных и сложных обществах одобрение со стороны отдельных групп может сопровождаться неодобрением со стороны других.

Гершенкрон полагает, что ключом для объяснения проблем индустриализации и предпринимательства может стать концепция «заместителей», суть которой заключается в том, что в ситуациях отсутствия тех или иных предпосылок для индустриального развития их роль переходила к «заместителям».

По мнению исследователя, имелась определенная зависимость между количеством и качеством «заместителей» и уровнем экономического развития страны: «чем более отсталой была страна накануне ее большого индустриального скачка, чем меньше было в ней элементов, которые могли бы трактоваться как предпосылки индустриализации, тем более широко и интенсивно использовались “заместители” таких предпосылок»; «в более развитых странах прединдустриальный период был более разнообразным и красочным, в то время как их индустриальная эпоха представляется относительно стандартной. По контрасту, прединдустриальный ландшафт относительно отсталых стран был довольно беден, в то время как история их индустриализации – намного более сложной и вариативной, поскольку она осуществлялась посредством использования заместителей различного типа»<sup>2</sup>.

А. Гершенкрон делает попытку применить свою концепцию для объяснения индустриального развития Германии и России в XIX в. Дело в том, что обе страны страдали от недостатка так называемых предпосылок индустриализации. Что касается России, то, как полагает историк, к концу XIX в. в ней невелико было количество способных предпринимателей, ограниченным был их временной горизонт, низкими – стандарты их коммерческой честности; отношение народных масс и интеллигенции к действиям предпринимателей отличалось подозрительностью. Подобные же отрицательные особенности были характерны и для Германии середины XIX в. (пусть в меньшей степени; в частности, честность в коммерческих сделках была довольно высока, вероятно, как следствие опыта ремесленных цехов прошлых столетий). То есть обе страны демонстрировали то, что можно назвать отсутствием или ограниченным присутствием предпосылок для современного предпринимательства. Согласно классическим теориям, в данных странах не могла осуществиться индустриализация. Тем не менее, во второй половине XIX в. Германия совершила

<sup>1</sup> Gershenkron A. The Modernization of Entrepreneurship // Modernization: The Dynamics of Growth. New York, London, 1966. P. 251.

<sup>2</sup> Ibid. P. 255.

впечатляющий индустриальный рынок, который поставил ее вровень с Англией, бывшей тогда «мастерской мира». Россия перед Первой мировой войной отставала от Германии по абсолютным показателям, но ее индустриальное развитие в 1880–1890-х стало своеобразным историческим рекордом; нормы индустриального роста, достигнутые в те годы, далеко превосходили нормы роста, когда-либо до того демонстрировавшиеся Германией. Как же такое могло случиться на фоне только что упомянутых препятствий, задается вопросом А. Гершенкрон. Его ответ один – обе страны сумели успешно развить «заместители» отсутствовавших в исторической реальности «предпосылок».

«Дефицит предпринимателей, – пишет А. Гершенкрон, – можно исправить или заместить путем увеличения масштабов производства, расширения масштабов предприятия сверх его оптимального размера. В Германии некомпетентность индивидуальных предпринимателей была возмещена дифференциацией предпринимательской функции: немецкие инвестиционные банки – мощное изобретение, сопоставимое по своему экономическому эффекту с паровым двигателем, – своей инвестиционной деятельностью замещали первоначальное накопление, охотно предоставив капиталы в распоряжение предпринимателей. Банки, кроме того, выполняли функцию заместителей в силу недостаточности предпринимателей. Используя выгоды своего центрального положения, банки принимали активное участие в формировании главных – и иногда даже не самых главных – решений индивидуальных предприятий. Именно они очень часто намечали пути роста предприятий, разрабатывали перспективные планы развития, использовали технологические и организационные новшества, принимали меры по слиянию компаний и их расширению. До некоторой степени, хотя менее эффективно, подобные воздействия испытывали российские предприниматели со стороны имперской бюрократии – прежде всего, со стороны министерства финансов, которое также выполняло функцию замещения, подобно тому, как это делали немецкие банки, и в целом преследовало похожую политику индустриального роста. В России, конечно, количественный и качественный недостаток предпринимателей был также облегчен импортом из-за границы иностранного предпринимательского таланта, хотя степень его не должна преувеличиваться»<sup>1</sup>.

Существенную роль в исторических ситуациях отсутствия или недостатка предпосылок индустриализации, по мнению А. Гершенкрона, принадлежала государству, которое, в частности, в условиях недостатка «социального одобрения» деятельности предпринимателей, доминирования в обществе неблагоприятных для них ценностей, использовало свой аппарат – власть судебной машины, полиции и армии – для того, чтобы защитить предпринимателей и их интересы от социальных сил, которые были враждебны по отношению к ним, не говоря уже о многих установленных законом условиях, которые преследовали ту же самую цель.

Подводя итоги, А. Гершенкрон подчеркивает, что элементарные обобщения неприемлемы при обсуждении процессов современной индустриализации, которые отличались крайним разнообразием. Вариация данных процессов в зависимости от степени отсталости той или иной страны сказывалась и на характере современного предпринимательства. Индустриальное развитие было возможно даже в тех странах, в которых исторические предпосылки современного предпринимательства были представлены слабо или вообще отсутствовали, так как человеческая изобретательность сумела открыть множество способов их замещения. Гершенкрон отмечает, что для становления современного предпринимательства более важным, чем всякие исторические предпосылки, был собственно процесс индустриализации, поскольку в его контексте статус предпринимателей быстро повышался, а они сами обретали столь необходимый опыт предпринимательской деятельности.

Оригинальная концепция предпринимательства была предложена Э. Хагеном<sup>2</sup>, который подверг критике теории, выдвинутые экономистами, за их неспособность объяснить ряд значимых случаев, таких, например, как динамичное развитие Японии в XIX в. или Колумбии в начале XX в.

<sup>1</sup> Gershenkron A. The Modernization of Entrepreneurship // Modernization: The Dynamics of Growth. New York, London, 1966. P. 255–256.

<sup>2</sup> Hagen E.E. How Economic Growth begins: A Theory of Social Change // Finkle J.L., Gable R.W. (eds.). Political Development and Social Change. New York, London, Sydney, 1966. P. 129–139; Idem. Structures sociales et croissances économiques. P., 1970. Вторая работа указанного автора была основательно проанализирована Р. Будоном. См.: Будон Р. Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998. С. 100–111.



Обе страны развивались без какой-либо посторонней помощи и до начала своего впечатляющего экономического роста относились к числу бедных стран. Оба случая, по мнению Э. Хагена, невозможно объяснить при помощи переменных экономического характера, на которые обыкновенно акцентировали свое внимание исследователи-экономисты. В обоих случаях экономическое развитие, утверждал Э. Хаген, было обусловлено формированием прослойки предпринимателей, которая не возникает спонтанно, в момент появления спроса, как полагали авторы экономических теорий.

Э. Хаген обратил внимание на непропорционально высокую долю среди предпринимателей Японии выходцев из класса самураев. Что же касается Колумбии, то в этой стране среди предпринимателей непропорционально высоким был удельный вес выходцев из провинции Антиокья, существенно превосходивших по численности выходцев из столичной провинции Кундинамарка, более значимой в политическом и культурном отношении.

При этом Э. Хаген обратил внимание на наличие одной существенной общей черты, свойственной и самураям, и жителям провинции Антиокья: тех и других можно было считать деклассированными элементами. Самураи, несшие прежде службу у своих сеньоров, были лишены своего статуса и возможности выполнять прежние функции и обречены на социальный статус деклассированных элементов, когда правители дома Токугава принялись укреплять центральную власть в ущерб власти феодалов.

Жители же провинции Антиокья, как и Боготы, были потомками испанских колонистов, прибывших в XVII в. на поиски золота и серебра в Новую Гренаду. Драгоценные металлы в тот период были обнаружены в провинции Антиокья – в районе Боготы их не нашли. Соответственно, жители Антиокьи стали старателями, а поселенцы, обосновавшиеся в Боготе, принялись за обработку земли. Но уже с середины XVII в. шахты, в которых добывались золото и серебро, начали постепенно утрачивать прежнюю рентабельность, вследствие чего жители Антиокьи были обречены на процесс пролетаризации.

Но именно из самураев в Японии в эпоху Мэйдзи стали формироваться деловые люди; аналогичным образом, когда в начале XX в. Колумбия вступила на путь индустриализации, жители Антиокьи стали превращаться в предпринимателей. Опираясь на проведенный анализ индустриального развития Японии, Колумбии и ряда других стран, Э. Хаген пришел к выводу, что коллективное деклассирование выступает в качестве одной из причин становления динамичной прослойки предпринимателей, поскольку подобные люди были якобы одержимы идеей возвращения своего утраченного статуса.

Рассмотренные концепции – А. Гершенкрона и Э. Хагена – уделяют существенное внимание роли предпринимательства в контексте процессов модернизации. Концепции по существу противостоят прямолинейным подходам, сторонники которых трактовали модернизацию как телеологический детерминистический процесс, включавший стандартный набор стадий. Для работ А. Гершенкрона и Э. Хагена характерен историзм, который у первого проявляется в акцентуации внимания на воздействие исторических условий (времени и пространства) на динамику и характер процессов, а у второго – в подчеркивании влияния прошлого социальной группы на ее функционирование в последующий период. Исторические акторы, согласно концепции А. Гершенкрона, обладают возможностью трансформации ситуаций, исходы которых не являются предопределенными. Объясняя активное включение в процессы индустриального развития прошлым тех или иных социальных категорий, Э. Хаген фактически также дистанцируется от широко распространенного представления о надындивидуальных силах, обеспечивающих преемственность исторических эпох. Активистская ориентация, содержащаяся в концепциях Гершенкрона и Хагена, дает возможность перейти от восприятия истории как потока событий, дирижируемого анонимными законами, к представлению истории как арены соперничества и взаимодействия различных социальных групп, что, несомненно, расширяет горизонт познания исторической реальности.

Сторонники модернизационного подхода признают возможность различных путей перехода от традиционного к современному обществу, т.е. различные национально-страновые последовательности решения в процессе модернизации тех или иных задач, разные варианты соотноше-

ния традиционализма и инновационизма и т.д. Сравнительно-исторический подход в рамках модернизационной перспективы (С. Блэк, С. Эйзенштадт, Д. Растоу, С.М. Липсет, Б. Мур, Р. Бендикс и др.) направлен на выявление: 1) общих стадий или фаз, через которые должны проходить общества («вертикальная» классификация); 2) особых путей, которыми могут двигаться общества («горизонтальная классификация»); 3) комбинаций подобных «вертикальных» и «горизонтальных» категориальных классификаций.

А. Гершенкрон выделяет три эшелона развития мирового капитализма<sup>1</sup>. Для первого (к которому он относит Западную Европу и Северную Америку) характерно длительное спонтанное развитие предпосылок капитализма. Ведущую роль играл частный сектор, развитие которого поощряло государство. Длительные сроки развития первого эшелона позволили ему сформировать предпосылки рыночной экономики постепенно, шаг за шагом. Для второго эшелона (к которому он относит Восточную Европу, Россию, Турцию и Японию) история не предоставила так много времени. Эти страны были вынуждены догонять очаги первичного капитализма, поэтому импульс развития рыночной экономики был сформирован не только внутри этих стран, но и под влиянием стран первого эшелона, которые к этому времени заняли ведущее положение в мире. В этой модернизации гораздо большую роль сыграло государство, значение которого по сравнению с первым эшелоном значительно возросло. Для третьего эшелона (к которому Гершенкрон относит колониальную зависимую периферию, страны Азии и Африки) характерна неорганичность капиталистического развития. Эти государства оказались в роли догоняющих. Их частные компании оказались заметно слабее тех, которые уже существовали в странах Западной Европы и Северной Америки, поэтому им на помощь пришлось государство. Его функции заметно расширились, а роль возросла. Однако даже участие государства не компенсировало отставание от передовых эшелонов и не предотвратило зависимое положение на мировом рынке.

Типология С. Блэка<sup>2</sup> ориентирована на сопоставление обществ в соответствии с характерными политическими проблемами, с которыми сталкивались модернистские лидеры в процессах аккумуляции власти и осуществления собственных программ, и группировку стран в типы по степени сходства в решении ими указанных проблем. С. Блэк выделяет «семь типов политической модернизации» среди современных ему обществ: 1) страны ранней самостоятельной эволюционной комплексной модернизации, отличающиеся ярко выраженной внутренней природой вызова современности, высокой степенью континуитета состава территории и населения в эпоху modernity и оптимальной адаптивностью традиционных институтов к модернистским функциям (Великобритания и Франция); 2) «филиалы» Великобритании и Франции в Новом Свете, для которых были характерны более поздние сроки модернизации, внутренний характер непосредственного вызова modernity, наличие развитых институтов и не обремененной наследием прошлого подвижной социальной структуры, способных адаптироваться к функциям современности, наличие обширных и неосвоенных пограничных регионов, где в избытке были представлены земля и другие ресурсы, фактор иммиграции, создававший проблему ассимиляции, фундаментальные перегруппировки состава территорий и населения и продолжительные периоды колониальной зависимости на начальном этапе (США, Канада, Австралия и Новая Зеландия); 3) разнородная группа стран Европы, в которых консолидация модернистского руководства произошла после Французской революции под прямым или косвенным воздействием ее импульса, но при этом имела место длительная внутренняя разработка модернистских идей и институтов, составивших вклад фундаментальной значимости в формирование современного образа жизни, еще в предшествующую эпоху были разработаны институты, способные адаптироваться к функциям современности, наблюдались продолжительные периоды насильственной перегруппировки территорий и состава населения, трудный процесс строительства наций и социальной интеграции (Бельгия, Люксембург, Нидерланды, Швейцария, Германия, Италия, Испания, Дания, Норвегия, Швеция); 4) «филиалы» европейских обществ третьего типа в Новом Свете, для которых были характерны более поздний переход к модернизации, гораздо большая зависимость от иностранных влияний, достижение национальной независимости в неокOLONIALISTСКОЙ

<sup>1</sup> Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015.

<sup>2</sup> Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study In Comparative History. New York, 1975. P. 96–128.

форме, имевшей тенденцию увековечивать традиционалистские модели жизни, численное доминирование неевропейского населения, блокировавшее расширение эффективного гражданства и способствовавшее растущему расколу между немногочисленными богатыми жителями европейского происхождения и массой относительно бедного полу- или неевропейского населения (страны Латинской Америки); 5) также весьма неоднородная группа обществ, сумевших отстаивать независимость благодаря длительному опыту централизованного бюрократического управления, своеобразной эффективности традиционных правительств, созданию территориальных и демографических основ своих государств в домодернизационный период, модернизовавшихся самостоятельно и постепенно, под эгидой собственных традиционалистских правительств, но под косвенным влиянием обществ более ранней модернизации, сохранивших в значительной степени изначальный состав территории и населения (Россия, Япония, Китай, Иран, Турция, Афганистан, Эфиопия и Таиланд); 6) бывшие колонии Азии и Африки, население которых сумело разработать достаточно высоко развитые традиционные культуры (на основе ислама, индуизма и буддизма), ставшие залогом относительно успешного взаимодействия с культурами современных «опекунских» обществ в процессе их адаптации (в целом крайне сложной и незавершенной) к модернистским функциям; 7) ряд районов Африки к югу от Сахары, бывших колоний, не разработавших собственных достаточно развитых религий, систем письменности, политических институтов к тому времени, когда они столкнулись с вызовом современности, вынужденных в силу этого напрямую заимствовать от более современных обществ модернистские идеи и учреждения.

Проблема различия путей развития широко обсуждается и в литературе 1990-х гг. Так, шведский исследователь Гёран Терборн пишет о четырех «дверях» или «путях в/через модернизацию»<sup>1</sup>: а) путь эндогенной модернизации в Западной Европе; б) путь, который прошли новые общества Северной и Южной Америки и Австралии, которые сами возникли в результате трансконтинентальной миграции; в) путь через колонизацию традиционных обществ европейцами, через навязанную колониализмом открытость (страны «колониальной зоны» – от северо-западной Африки до Папуа-Новой Гвинеи); г) модернизация, навязанная извне, под влиянием западной цивилизации (Япония, Россия, Ближний Восток, Турция, Китай).

Типологизируя трансформирующиеся общества второй половины XX в., В. Цапф<sup>2</sup> выделяет: а) переход к демократии и рынку в Западной Германии, Японии и Италии после 1945 г. под надзором и при материальной поддержке держав-победительниц; б) «договорный переход» от авторитаризма к демократии в Испании, Португалии, Греции после 1974 г.; в) в известном плане также «договорные переходы» в странах Латинской Америки; г) самостоятельное развитие «в рамках мировой системы капитализма» (Ю. Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Таиланд, Малайзия, Индонезия); д) перевод социалистической системы в действующую демократию и рыночную экономику на примере Восточной Германии (1990-е гг.); е) трансформацию стран Восточной Европы в 1990-е гг.; ж) «социалистическую рыночную экономику» КНР – альтернативу перехода к демократии и рыночной экономике; з) страны исламского фундаментализма – также альтернативный вариант переходу к демократии и рыночной экономике.

С 1990-х гг. модернизационный подход стал широко использоваться отечественными обществоведами для объяснения особенностей российского перехода от традиционного к современному обществу. Интересные результаты в этом плане были получены в работах специалистов различного профиля: историков, экономистов, социологов, культурологов, философов, политологов – В.В. Алексеева, Е.В. Алексеевой, Н.М. Арсентьева, В.М. Арсентьева, Е.Т. Артемова, А.С. Ахиезера, Л.И. Бородкина, А.Г. Вишневого, Д.В. Гаврилова, Н.Ю. Гавриловой, С.В. Голиковой, В.Г. Железкина, Н.Н. Зарубиной, К.И. Зубкова, Е.Ю. Казаковой-Апкаримовой, В.П. Карпова, С.И. Каспэ, В.В. Керова, В.А. Красильщикова, Г.Е. Корнилова, О.Л. Лейбовича, Л.Н. Мазур, А.Н. Медушевского, Б.Н. Миронова, Е.Г. Неклюдова, С.А. Нефедова, И.В. Побережникова, Н.А. Проскуряковой, Е.Ю. Рукосуева, В.Т. Рязанова, А.С. Сенявского, В.В. Согрина, А.В. Сперанского, В.П. Тимошенко, В.Г. Федотовой, В.Г. Хороса, В.В. Шелохаева, Г.Н. Шумкина и многих других исследователей.

<sup>1</sup> Therborn G. European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945–2000. London, New Delhi, 1995. P. 5–7.

<sup>2</sup> Цапф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. 1998. № 8. С. 16–17.



Среди сторонников трактовки российской истории в модернизационном ключе можно выделить две интерпретационные модификации – оптимистическую и пессимистическую. Согласно первой, нашедшей наиболее яркое и ясное воплощение в работах Б.Н. Митронова<sup>1</sup>, история России трактуется как повторение, но своеобразное, истории Запада, т.е. как движение в том же направлении, которым уже прошли Западная Европа и Северная Америка, только с некоторым опозданием (по мнению историка, Россия живет в другом часовом поясе по сравнению с Западом). В основе концепции Б.Н. Митронова лежит идея «европейского происхождения» основ «русской государственности, быта и менталитета», видение русского исторического процесса как поступательного и нормального («Россия – не ехидна в ряду европейских народов, в ее истории трагедий, драм и противоречий несколько не больше, чем в истории любого другого европейского государства»). Что же касается страновой специфики России, то она, по мнению Б.Н. Митронова, заключалась в расколе культурного пространства на народную и элитарную культуры; в потребительской (минималистской) трудовой этике крестьянства; в широком распространении среди образованного общества антибуржуазных настроений и в слабой секуляризации массового сознания.

Согласно пессимистической модификации модернизационной интерпретации отечественной истории, последняя трактуется как субоптимальная, если не катастрофическая, попытка выйти на нормальный западный путь развития (концепции контр- или псевдомодернизации, «околомодернизации», представленные в трудах А.С. Ахиезера, В.Г. Хороса, В.А. Красильщикова и др.<sup>2</sup>). Такой исторический «портрет» подразумевает аритмию и негармоничность развития, неэффективность политико-правовых и социальных институтов, социокультурный раскол в обществе, масштабную маргинализацию значительной части населения. Псевдо-модернизация, как полагают сторонники данной концепции применительно к русской истории, приводила к обратным результатам: усилению бремени бюрократического аппарата, понижению уровня жизни и покупательной способности большинства населения, усилению немодерных черт русского общества.

Необходимо указать попытки интерпретации модернизационных процессов с учетом противоборства различных социальных и политических группировок, столкновения мнений и стратегий, полных драматизма, героических рывков вперед и катастрофических отступлений. Подобный подход присутствует в коллективной монографии «Модели общественного переустройства России. XX век», вышедшей под редакцией д.и.н., проф. В.В. Шелохаева<sup>3</sup>. Монография, подготовленная видными учеными-историками, посвящена комплексному анализу содержания, направленности и механизмов реализации основных моделей общественного переустройства России в контексте модернизационного процесса в пореформенный период: консервативной, либеральной, народнической и анархистской, социал-демократической.

Акцент на противостоянии различных общественных проектов в контексте русской модернизации второй половины XIX – начала XX в. делает в одной из своих публикаций известный специалист по проблемам русских модернизаций А.С. Сенинский<sup>4</sup>. Он отмечает, что ключевые проблемы России начала XX века уходят корнями как минимум в середину XIX века, когда решался вопрос о путях трансформации России из страны патриархальной, аграрной, сельской в современную, индустриальную, городскую. То был вопрос о модели модернизации, являвшейся для России во многом не продуктом внутреннего развития, которое было заторможено в силу

<sup>1</sup> Митронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1–2. Его же. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 621–685. Его же. Российская империя: от традиции к модерну. СПб., 2014. Т. 1; 2015. Т. 2–3.

<sup>2</sup> Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 1–3; Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. М., 1996; Его же. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А.С. Ахиезера) // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 99–111; Красильщиков В.А. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Piirainen T. Towards a New Social Order In Russia: Transforming Structures and Everyday Life. University of Helsinki, 1997. P. 12–15.

<sup>3</sup> Модели общественного переустройства России. XX век. М., 2004.

<sup>4</sup> Сенинский А.С. Российский исторический процесс во второй половине XIX–XX вв.: проблемы концептуального осмысления // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 594–602.

многих, в основном объективных причин, а результатом внешнего давления, угрозы безнадежного отставания от ушедших вперед западных стран. России предстояло в короткий срок преобразовать все основы своей жизни. В середине XIX в. в обществе, по мнению А.С. Сеньявского, функционировало 4 социальных проекта (не всегда четко оформленных), опиравшихся по сути на 4 существовавших социальных силы. Смыслом патриархально-консервативного проекта, реакционного по сути, было не менять ничего (выражал интересы консервативного дворянства, помещичьего землевладения, стремившегося максимально долго оттянуть отмену крепостного права). Верховная власть отвергла эту позицию как ведущую в тупик. Проект революционных демократов, народолюбцев, продвигал в радикальной форме идею крестьянской войны и «черного передела» помещичьей, удельной, казенной земли между крестьянами, объединенными в общины.

Императорская власть, естественно, не собиралась действовать самоубийственным способом – ущемлять слой помещиков, свою главную в тот момент социальную опору, а патриархальное крестьянство, весьма консервативное и пассивное в тот период, с монархическими иллюзиями, не возражало бы против тотального передела земли в свою пользу, и приняло бы ее, если бы вопрос был решен сверху; но к революционному решению проблемы оно тогда было не способно.

Народнический проект, преемником которого позднее стал эсеровский проект, – по мнению А.С. Сеньявского, – не имел модернистской перспективы. Выражая интересы крестьянства – условия феодального общества, он, по сути, звал в прошлое. А будущее могло быть только за основными классами будущего индустриального общества. Это были формирующиеся классы промышленной буржуазии и пролетариата. В 1860-х – 70-х гг. они находились в еще зародышевом состоянии, не имея никакого политического влияния.

Модернизация осуществлялась верховной властью во многом с опережением социальных, экономических и иных условий, которые имелись в обществе. И здесь действовали два оставшихся проекта модернизации, по мнению А.С. Сеньявского, – либеральный и имперский, – и конкурировавшие, и взаимно дополнявшие друг друга. По сути реализовался имперский проект модернизации при опоре на бюрократию: сильный контроль власти над обществом, энергичное государственное вмешательство в экономику с доминированием в решающих отраслях (железнодорожном строительстве, тяжелой индустрии и др.). Либеральная дворянская элита настояла на формировании основ институтов гражданского общества, социальная база для которых еще не созрела. Земская, городская, судебная, университетская и др. реформы создали основы самоорганизации соответствующих социальных категорий, вовлекли их в более интенсивную идейно-политическую жизнь, стали полем социальной активности. Правда, главный для страны – крестьянско-земельный вопрос – отменой крепостного права так и не был решен.

Уральская школа под руководством ак. В.В. Алексеева разрабатывает конкретно-проблемную методологию изучения пространственно-временных особенностей российских модернизаций, акцентируя внимание на соотношение страновой и региональной динамики, модернизации и имперского строительства, эндогенных и экзогенных факторов модернизации, цивилизационного своеобразия российских модернизаций<sup>1</sup>.

В целом необходимо обратить внимание на творческий характер разработок, осуществленных в русле модернизационного направления. Данная теоретическая перспектива не оставалась не-

<sup>1</sup> Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / отв. ред. В.В. Алексеев. М., 2000; Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004; Опыт российских модернизаций XVIII–XX вв.: взаимодействие макро- и микропроцессов / Рук. проекта В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2011; Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / под ред. В.В. Алексеева. Екатеринбург, 2011; Роль эндогенных и экзогенных факторов в развитии российской цивилизации (XVIII – начало XX в.) / Отв. ред. Е.В. Алексеева. Екатеринбург, 2014; Курлаев Е.А., Корепанов Н.С., Побережников И.В. Техничко-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург, 2011; Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация / Отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург, 2014; Алексеев В.В. Уральская академическая школа историков (к 25-летию основания) // Уральский исторический вестник. 2013. № 1. С. 4–15; Побережников И.В. Проблемы макроисторической динамики в исследованиях уральских историков // Труды Отделения историко-филологических наук РАН. 2014. / Под ред. В.А. Тишкова. М., 2015. С. 180–195; Зубков К.И., Побережников И.В. Научная школа академика В.В. Алексеева: направления исследований // Экономическая история. 2016. № 2 (33). 2016. С. 78–97.

изменной со времени ее первоначального оформления; дальнейшее ее развитие было обусловлено нарастанием сложности реальных модернизационных процессов, развитием теоретического оснащения гуманитарных наук. На протяжении второй половины XX и начала XXI столетия школа модернизации реагировала на модификации реальных процессов развития, расширяла свой исследовательский фокус, включая в орбиту внимания все новые сюжеты, совершенствовала свой познавательный инструментарий, учитывая, в частности, обновление методологии социальных и гуманитарных наук в целом.

Свидетельством влияния модернизационной перспективы может служить тот факт, что многие концепты, получившие детальную теоретическую разработку в ее рамках (традиция, инновация, традиционное и индустриальное общества, структурно-функциональная дифференциация, индустриализация, демократизация, рационализация, профессионализация, стадии роста и т.д.), находят широкое применение в научном дискурсе, в том числе в рамках конкурирующих теоретических направлений.

## 1.2. АКТОРНЫЙ ПОДХОД

Последние десятилетия XX в. и начало XXI в. в гуманитарном знании, в том числе и в историческом, прошли под знаком антропологического поворота, легитимировавшего многогранное изучение индивида в его повседневной, эмоциональной, культурной, интеллектуальной жизни, кросскультурного разнообразия жизненного опыта людей в разных социальных группах, обществах, культурах<sup>1</sup>. Антропологический акцент способствовал миниатюризации методов и масштабов исследования, увлечению локальной историей, микроисторией, историей повседневности, культурной историей.

В последнее время, однако, вновь растет интерес к «большой» истории, к макроуровневым историческим обобщениям, что является естественным ответом на последствия глобализации, проявляющей себя во многих измерениях, на очевидную недостаточность и односторонность исследований, сфокусированных только на локальный масштаб<sup>2</sup>.

Дело в том, что исторические персонажи действуют не в идеальном экспериментальном вакууме, но в «обжитой» среде, заполненной унаследованными от прошлого социальными структурами (технологическими, экономическими, социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и т.д.), связанной глобальными зависимостями, обусловленными иерархическим устройством миропорядка, «пронизываемой» эстафетными механизмами, которые создаются самими людьми, теряющими впоследствии индивидуальный контроль за действием данных механизмов.

На человека «воздействует», лимитируя возможности выбора и своеобразно направляя действия, историческое наследие в широком смысле слова: материальная и культурно-символическая инфраструктура; антропогенно модифицированный ландшафт; тварные материальные и духовные объекты. Все указанные обстоятельства суммируются понятием цивилизация, которая складывалась исторически, под влиянием географических условий, в процессе ответов на вызовы экологической и общественной среды, в результате осуществленных когда-то ценностно-культурных выборов и т.д. Фундаментальные базовые (матричные) структуры и ценности, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций, обнаруживают завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на цивилизационную динамику. Поскольку указанные «структуры и ценности» одновременно являются основой культуры, постольку общественные, изучающие социальные трансформации, были вынуждены признать, что «культура имеет значение»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М., 2012; Кром М.М. Историческая антропология. СПб., 2010; Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015.

<sup>2</sup> Глобальная история: современная проблематика и новые исследовательские подходы / Материалы всероссийской научной конференции с международным участием / под ред. О.В. Воробьевой, З.А. Чеканцевой. М., 2015. Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии. М., 2012. Ионов И.Н. Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание / Отв. ред Л.П. Репина. М., 2015.

<sup>3</sup> Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002.

Чтобы увидеть исторических персонажей «в среде», требуется эшелонированный подход, проникающий в прошлое на достаточную глубину, да и не ограничивающийся индивидуальными или локальными масштабами. Одним из таких подходов является модернизационный, предполагающий изучение социальных перемен в рамках модернизационной парадигмы.

В макроуровневых исторических исследованиях широко применяются концептуальные модели, позволяющие агрегировать большие массивы данных и конструировать более-менее точные имитации исследуемых масштабных объектов и процессов, акцентируя в них наиболее значимые взаимосвязи и взаимодействия и тем самым содействуя общему пониманию проблем. При этом в подобных исследованиях не всегда в полной мере учитываются вариативность истории и уникальность конкретных исторических событий, вследствие чего результаты моделирования могут грешить множеством недоговоренностей и шероховатостей, всегда раздражающих практикующих историков.

В этой связи представляется, что теоретико-методологический ключ к решению проблемы интеграции прошлого и настоящего, структуры и действия, традиции и новации, тенденции и события может дать социологическая теория структуризации<sup>1</sup>, присутствие которой (или эхо присутствия) в разнообразных версиях уже давно обнаруживается в методологии современных исторических перспектив.

В рамках структуриационного подхода историческая (социальная) реальность рассматривается как следствие организации социальных отношений во времени и пространстве в процессе постоянного взаимодействия предшествующих структур и человеческих действий. По мнению П. Штомпки, автора родственной структуриации теории социального становления, наследие структуриационного подхода можно описать посредством следующих онтологических характеристик: общество процессуально и постоянно подвержено изменениям; изменения носят эндогенный характер и приобретают форму самотрансформации; индивиды и социальные коллективы являются конечными двигателями изменений; направление, цели и темпы изменений выступают результирующей конкуренции между различными деятелями (актерами) и становятся областью конфликтов и противоборства; действие осуществляется в контексте данных структур, которые оно, в свою очередь, трансформирует, вследствие чего структуры выступают и как условия, и как результат; взаимодействие между деятельностью и структурами происходит благодаря смене фаз творчества деятелей и структурной детерминации.

Структуриационный подход позволяет включить в орбиту внимания как субъективный, человеческий фактор, так и надындивидуальный, объективный контекст, который ограничивает произвол действующих в истории персонажей, устанавливает определенные рамки (структурные условия, унаследованные от прошлого), которые люди усиливают или модифицируют своими действиями и в новом виде передают своим наследникам. Представление о диалектике структур и действий позволяет объяснять взаимодействия между общественными процессами разных уровней, в том числе историческими макро- и микропроцессами, в частности, процессами, которые осуществляются в глобальном, цивилизационном, страновом, региональном, локальном масштабах и даже на индивидуальном уровне. В нашем исследовании структуриационный подход может играть роль теоретической рамки.

Необходимы теоретические подходы, позволяющие идентифицировать движущие силы, субъектов модернизационных трансформаций. Вряд ли возможно в рамках настоящего исследования эффективное применение марксистского «классового подхода», который, как правило, сводился к объявлению одного класса «господствующим», а другого – «эксплуатируемым»<sup>2</sup>.

Собственно сторонники классической модернизационной парадигмы редко обращались к анализу движущих социальных сил модернизации, влияния социальных коалиций или, наоборот, противостояний на ход и характер модернизации. К числу немногих исключений можно отнести фундаментальный труд Б. Мура (1966), выделившего три траектории модернизации в зависимо-

<sup>1</sup> Гидденс Э. Элементы теории структуриации // Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас. Новосибирск, 1995. С. 40–70; Его же. Устройство общества: Очерки теории структуриации. М., 2003; Также см.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

<sup>2</sup> Алаев Л.Б. Марксизм // Теория и методология истории. Волгоград, 2014. С. 58–59.



сти от того, кто выступал в качестве лидера или основной движущей силы процесса – буржуазия, дворянство или крестьянство<sup>1</sup>.

Однако, нарастание сложности реальных модернизационных процессов, совершенствование теоретического оснащения гуманитарных наук способствовало заметному обновлению методологии модернизационного подхода, которое привело к становлению в 1980–1990-е неомодернизационного анализа, менее абстрактного и более историчного в сравнении с классической версией модернизационной парадигмы (Э. Тириалян, П. Штомпка, В. Цаф, К. Мюллер, Р. Робертсон и др.)<sup>2</sup>. Созданная в результате своего рода теоретического синтеза на основе классических моделей с учетом критики со стороны конкурирующих структуралистских мироцелостных подходов, а также элементов деятельностного подхода неомодернизационная версия характеризовалась большей эластичностью по отношению к изучаемой реальности, акцентированным вниманием к акторно-деятельностным аспектам развития.

В частности, что важно в русле нашего исследования, неомодернизационный подход отходил от эволюционистского телеологизма, фокусируя внимание не на анонимные законы эволюции, а на роль социальных акторов (коллективов и индивидов), всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства.

Далее, в теоретическую модель был включен фактор исторической случайности; признавалась необходимость рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретной «исторической констелляции» (К. Мюллер). Акцент на пространственно-временной горизонт акторов (а не на абстрактные трансцендентные цели – своего рода аттракторы, якобы притягивающие неведомым способом траекторию развития), в соответствии с которым выстраиваются новые линии развития, создавал познавательные основы для более историчной трактовки самого процесса модернизации, теперь устанавливающего зависимость между результативностью преобразований и гармонией между культурными, политическими, экономическими ценностями и приоритетами и наличным ресурсами.

Также значительным и прорывным теоретическим шагом стал отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации. Признавалась возможность различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации; как отмечал Э. Тириалян, отдельные сектора или группы акторов действительно могут сознательно постоянно следовать по пути модернизации; некоторые группы могут делать это лишь на протяжении какого-то временного отрезка; отдельные акторы вообще могут отвергать движение по пути модернизации (например, те, кто имеет доступ к ресурсам в рамках старого институционального устройства).

На основе неомодернизационной версии (1990–2000-е гг.) модернизационной парадигмы нами была разработана фигурационная модель изучения модернизации, акцентированная на пространственную и темпоральную вариативность трансформаций; на взаимосвязанность страновых вариантов модернизации (своеобразные сплетения, фигурации – термин Н. Элиаса); признание действенности как эндогенных (экологических, институциональных, социокультурных и др.), так и экзогенных факторов модернизаций (диффузии идей, технологий, организационных моделей; демонстрационных эффектов; конкуренции; обоюдных влияний и трансформаций)<sup>3</sup>. Данный подход многомерен, чувствителен как к эндогенным факторам и механизмам, так и к экзогенным, учитывает: 1) действие механизма структурно-функциональной дифференциации, обоснованного Э. Дюркгеймом, Т. Парсонсом, Н. Смелзером, что находит выражение в процессах индустриализации, урбанизации, бюрократизации, образовательной революции, формирования

<sup>1</sup> Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М., 2016.

<sup>2</sup> Grancelli B. (ed.). *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. Berlin; New York, 1995; So A.Y. *Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories*. Newbury Park, 1990; Цаф В. Теория модернизации и различие путей общественного развития // Социс. 1998. № 8. С. 16–17; Штомпка П. Социология социальных изменений; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000; Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998; Инглхарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. / Под редакцией В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 267–268; Инглхарт Р., Венцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М., 2011.

<sup>3</sup> Побережников И.В. Линеарность VS многовекторность: реконцептуализация модернизаций // Цивилизация. Модернизация. Идентичность: материалы международного научного симпозиума (Москва, 27–28 ноября 2012 г.). М., 2012. С. 42–52.

гражданского общества и т.д.; 2) воздействие институтов, созданных предшествующими поколениями, на дальнейший ход развития (траекторная зависимость или зависимость от предшествующего маршрута развития («эффект колеи»), программирующая в действительности разновекторный характер страновых вариантов модернизаций); 3) социальные конфигурации, которые складываются между социальными силами, классами, стратами, определяют лидерство – и оказывают существенное влияние на выбор тех или иных инструментов преобразований, в частности, реформистских или революционных; 4) роль диффузии, то есть механизма распространения инноваций, в том числе их импорта в определенное общество извне, как важнейшего механизма модернизации и одновременно дифференцирующего фактора (с одной стороны, вроде бы диффузия способствует конвергенции, страновой гомогенизации; с другой же стороны, обеспечивая трансплантацию экзоинноваций на различные социоисторические ландшафты, она усиливает пестроту модернизирующихся обществ). Фигурационная версия теории модернизации может послужить методологической основой при изучении собственно модернизационных трансформаций.

Акторные подходы при изучении модернизации применялись в социологических или в историко-социологических исследованиях как на макро-, так и на локальном уровне. Пример фокусировки на локальном уровне представляет исследование современной российской модернизации финским социологом Тимо Пиирайненом, который попытался совместить модернизационную перспективу с деятельностным (акторным) подходом с целью объяснения перехода от плановой к рыночной экономике в постсоветской России<sup>1</sup>. Предлагаемый ученым подход сводится к сосредоточению внимания в первую очередь на повседневной жизни обычных людей, выявлению основных путей и стратегий, которые они используют, чтобы справиться с трудностями переходного периода. Выборы в пользу определенных жизненных стратегий, которые делают конкретные семейства, и действия, в которых они участвуют, равно как возможности и ограничения, с которыми они сталкиваются, – становятся предметом анализа Т. Пиирайнена. Сопоставляя выборы и стратегии различных семейств, Пиирайнен, как он сам считает, получает представление о контурах нового социального порядка, коллективных результатах индивидуальных действий акторов.

Труд шведского исследователя Г. Тёрборна<sup>2</sup> представляет собой историческое макросоциологическое исследование, расширяющее горизонты модернизационного анализа за счет использования теории структуризации (в рамках структуриационного подхода историческая реальность рассматривается как следствие организации социальных отношений во времени и пространстве в процессе постоянного взаимодействия предшествующих структур и человеческих действий, практик акторов), которая фокусируется в том числе и на акторах. По мнению Тёрборна, социальный мир может быть представлен с двух выгодных позиций, высвечивающих свойственные человеку как актору измерения, – культуры и структуры. Человеческие общества, поясняет свой подход исследователь, состоят из индивидуальных и коллективных акторов, действующих в контексте (и воздействующих на) культуры и структур. Под культурой автор понимает то, что усваивается и разделяется людьми, что относится к универсуму значений и символов, что обеспечивает внутреннее руководство к действию в рамках общества. Структура же рассматривается Тёрборном как способ типизации (структурирования) ресурсов и ограничений, доступных (или присущих) людям как социальным акторам. Люди действуют определенным образом именно потому, что они принадлежат к специфической культуре и/или потому что они располагаются в специфическом месте в структуре ресурсов и ограничений. Вследствие того, что культурная принадлежность и структурная позиция рассматриваются в качестве главных объяснительных схем действия в социологии, Г. Тёрборн также уделяет существенное внимание культурным и структурным характеристикам.

В периоды широких исторических трансформаций человеческая возможность выбора заметно актуализируется. Именно в такие эпохи человек действительно превращается в актора и

<sup>1</sup> Piirainen T. Towards a New Social Order In Russia: Transforming Structures In Everyday Life. University of Helsinki, 1997.

<sup>2</sup> Therborn G. European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945–2000. London, New Delhi, 1995.

творца истории; контуры будущего общества, траектории развития в подобные периоды оказываются в существенной зависимости от воли и выбора самого человека. Исторический процесс конструируется действиями людей, постоянно вступающих во взаимодействия. В связи с этим представляется в целом плодотворным теоретический подход, акцентирующий взаимодействие между индивидами, трактующий творение истории как реализацию индивидуальных стратегий взаимодействующих персонажей. Подобный подход присутствует во многих работах, выполненных в рамках современной исторической антропологии, микроистории, так называемой исторической социологии (Ч. Тилли, Т. Скокпол, М. Манн и др.). Одним из первых, как мне представляется, дал теоретическое обоснование данного подхода и впоследствии его апробировал в рамках фигуративной социологии Н. Элиас<sup>1</sup>. Ученый отвергал социальные объекты, имеющие постоянный и неизменный характер. Социальные структуры, по его мнению, представляют собой своего рода образы, которые непрерывно создаются и пересоздаются вследствие постоянно происходящих действий и взаимодействий. Эти образы развиваются во времени, при этом закономерности их развития являются обычно непреднамеренными и непредвиденными.

Хорошо известно, что на протяжении последних десятилетий XX в. в исторической науке происходила смена ориентиров, получившая название «антропологического поворота». Ее следствием стал перенос акцента в исторических исследованиях на анализ собственно «человека-в-истории», его непосредственного опыта в историческом процессе, а также широкое использование методов, заимствованных из культурной антропологии для изучения социокультурных представлений людей прошлого<sup>2</sup>. Несомненна продуктивность «антропологического» подхода при изучении социальных трансформаций в истории.

Итак, в основу данного исследования может быть положен подход, сконструированный на основе синтеза теории структуризации, неомодернизационной перспективы, фигуративной модели, историко-антропологического подхода. В данной конструкции теория структуризации выступает в качестве теоретической рамки. Следует признать, что структуриационная модель в теоретическом плане более содержательна по сравнению с чисто акторными моделями, ее отличают более широкий теоретический диапазон и интегративный характер, которые позволяют исследовать те стороны социальной действительности, на познание которых раздельно претендовали структурные и акторные подходы. Неомодернизационный анализ и его версия – фигуративная модель – могут служить теоретико-методологической базой при анализе как модернизационных процессов и стратегий, так и при определении структурных позиций и значения в контексте модернизации тех или иных действий, практик стратных, групповых, институционально-организационных, индивидуальных акторов и агентов. Историко-антропологический подход дает возможность антропологизировать изучение акторной инфраструктуры модернизации, дополнив, в частности, характеристики тенденций анализа мотиваций в категориях мысли самих исторических персонажей. Действительно важно установить, как в процессе модернизации социальные структуры формируются, «становятся» и меняются, ведь именно люди создают новые структуры, подвергают общество реструктуризации; социальный порядок формируется как коллективный результат индивидуальных выборов и действий – реструктуризация общества в подобной ситуации может рассматриваться как взаимодействие старых коллективных достижений и новых выборов и действий, осуществляемых акторами – организационно-институциональными, стратными, коллективными и индивидуальными.

В конечном итоге конституирующим историю началом, как нам кажется, оказывается взаимодействие, природа которого более сложна по сравнению с человеческим действием. Последнее, само по себе очень не простое, существенно уступает в сложности взаимодействию антропологических и надындивидуальных компонентов истории, которое благодаря сетевому эффекту постоянно воспроизводит уникальные (в конечном итоге, случайные) ситуации, логика которых с большим трудом может быть сведена к логикам индивидуальных акторов истории. Историк по-

<sup>1</sup> Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб., 2001. Т. 1–2; Его же. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М., 2002; Его же. Общество индивидов / Пер. с нем. М., 2001.

<sup>2</sup> Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.

стоянно приходится иметь дело с ситуацией *Zusammenhang* (связь, связность), которую постоянно акцентировал выдающийся немецкий географ К. Риттер (1779–1859), один из основоположников географии современного типа. Риттер стремился отойти от элементарного перечисления предметов и явлений внутри сегментов земной поверхности и понять взаимоотношения, причинные взаимосвязи, которые скрепляют территориальную целостность. Вновь и вновь употребляя немецкое слово *Zusammenhang*, он придавал ему смысл качественной характеристики свойства сцепления различных объектов друг с другом. Это понятие оказывается очень современным в гуманитарной и исторической эпистемологии нашего времени. Оно позволяет, обращаясь к исторической конкретике, выходить за пределы сегментированного мира «антропологически» сотворенной истории, открывать сетевые эффекты взаимодействий между деятельностью и структурами; видеть общество процессуальным и постоянно подверженным изменениям, которые выступают результирующей конкуренции между акторами и факторами, постоянно чередующими свои статусы – условий и результатов.

Представляется, что использование акторного акцента при изучении модернизационных трансформаций позволяет открыть новые познавательные горизонты, существенно обновить инструментарий этих исследований. Термин актор или социальный актор (*social actor* – деятель, деятельное лицо), означающий того, кто совершает действия, занимается социальной деятельностью, уже получил право широкой прописки в социологии, политологии, теории международных отношений, социальной психологии, антропологии<sup>1</sup>. При этом под актором может подразумеваться как индивид, так и группа лиц, социальная страта, организационная структура, предприятие, общественное движение и т.д. В сущностном плане выделяются две интерпретации понятия. Согласно первой, акторами являются любые индивиды или социальные группы, играющие какие-либо «роли», причем далеко не всегда сознательно. В рамках подобного подхода акторами становятся все участники исторического события или процесса, вне зависимости от степени их субъективной включенности в это событие или процесс. Мы хорошо знаем, что, «играя роли», люди порой прибегают к их интерпретации или «переделке». Однако автоматическая «игра», которая не сопровождается сознательным «осуществлением руководства» своими действиями – также обычное явление в социальных практиках.

Согласно второй интерпретации, акторы – это авторитетные организации, группы и отдельные лица, не просто «играющие роль», но и способные действовать и вносить своей деятельностью изменения в окружающую среду и параметры самой «роли». Предполагается, что актор во втором смысле соотносится со стратегией и стремится к поиску идентичности. Понятие актор, употребляемое во втором смысле, полезно дополнить понятием агент, означающим выразителя, вольного или невольного проводника тех или иных норм и ценностей определенной социальной системы, логика которой определяет логику его поведения в той или иной ситуации<sup>2</sup>. Подобная терминологическая «диверсификация» обогащает аналитический потенциал, позволяя осуществлять дифференциацию участников исторического процесса по степени их активности/пассивности, организационно-творческого вклада, рефлексивной включенности, как бы присваивать им разные по значимости коэффициенты «уровня участия». Необходимо также понимать, что, как справедливо отмечает историк И.И. Федюкин, «при более внимательном рассмотрении целого ряда государственных новаций ... , выясняется, что своим появлением и обликом они обязаны не “государству” и “государственной политике”, а как раз усилиям вполне конкретных “дельцов”, развивавших соответствующие инициативы в своих собственных целях (пусть даже и пользуясь для этого своим официальным положением государственного чиновника и государственными ресурсами)»<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Большой толковый социологический словарь (Collins). М., 1999. Т. 2 (П–Я). С. 254–255; Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998; Риттер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 91, 239, 263, 343, 352, 448–449, 476–478 и др.; Цыганков П.А. О содержании термина «международный актор»: вклад социологии // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. В 10 т. / под ред. А.Ю. Мельвиля; Рос. ассоциация междунар. исследований. М., 2007. Т. 1: Акторы в пространстве и времени мировой политики / под ред. М. М. Лебедевой. С. 30–42; Харкевич М. Проблематизация государства как актора мировой политики // Космополис. 2008, весна. № 1(20). С. 18–25.

<sup>2</sup> Цыганков П.А. О содержании термина «международный актор»... С. 31–32; Впрочем, иногда понятия «актор» и «агент» употребляются как синонимы. См.: Харкевич М. Проблематизация государства как актора... С. 23.

<sup>3</sup> Федюкин И. Введение // «Регулярная академия учреждена будет...»: Образовательные проекты в России в первой половине XVIII века. М., 2015. С. 10.



Предварительный историографический анализ выявил наличие в русле собственно трудов по модернизационной тематике двух точек зрения по вопросу о роли государства в контексте российских модернизаций: 1) государство – демиург, по сути единственный актор модернизации<sup>1</sup>; 2) дуалистический характер имперской модернизации, что подразумевает наличие по меньшей мере двух потоков или уровней ( а) доминирующей индуцированной, целенаправленной, преимущественно этатистской и б) спонтанной, естественной, низовой, нонэтатистской модернизации)<sup>2</sup>.

Что касается роли отдельных социальных категорий, то здесь мы имеем дело с дихотомической системой историографических координат, представленной оптимистическим и пессимистическим полюсами:

Социальные категории	Оптимистическая позиция	Пессимистическая позиция
Бюрократия	Бюрократия – единственная сила, желающая и реально способная взять на себя ответственность за осуществление трансформации; характеризуется реформаторскими устремлениями, верой в прогресс, преданностью идее «законности» <sup>3</sup> .	Бюрократия – отсталая, безграмотная, бедная, продажная, пассивная и коррумпированная; сопротивлялась любым нововведениям в управлении, боясь потерять хотя бы часть власти; ее функции сводились к получению и исполнению указаний царя и его ближайших советников; когда же ее интересы расходились с инновационными целями монарха, типичным ответом были инертность и тактика затягивания. Бюрократия может проводить модернизацию, не впитывая при этом ее ценности <sup>4</sup> .
Предприниматели	В России сложилась буржуазия как класс капиталистического общества, сформировалось свое предпринимательство <sup>5</sup>	Русская буржуазия оставалась социокультурно неприкаянной; православие не давало твердой санкции на предпринимательство, на богатство; поэтому русский купец и промышленник зачастую становился монахом или гулякой, меценатом или революционером <sup>6</sup> .
Рабочие	Плавный процесс формирования пролетариата капиталистической формации, который начинается еще в рамках традиционного феодального общества – с предпролетариата.	Русские рабочие воспроизводили и развивали коллективистские ценности крестьянства. Если европейский город создавал для рабочего среду воспроизводства новых потребностей, стимулировал тягу рабочих к респектабельности, новым видам досуга (футбол, семейные прогулки в парках, отпуск на морском побережье), то русский рабочий не был укоренен в городе, жил обычно в фабричных казармах, без семьи, а отдых для него означал кабак, публичный дом и коллективные драки («стенки») <sup>7</sup> .

<sup>1</sup> См.: Красильщиков В.А., Гутник В.П., Кузнецов В.И., Белоусов А.Р. и др. Модернизация: Зарубежный опыт и Россия...; Хорос В.Г. В поисках ключа к прошлому и будущему (размышления в связи с книгой А.С. Ахиезера) // Вопросы философии. 1993. № 5. С. 99–111; Piirainen T. Towards a New Social Order In Russia... P. 12–15.

<sup>2</sup> Керов В.В. «Се человек и дело его ...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М.: Экон-информ, 2004; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 2. С. 333

<sup>3</sup> Например, см.: Большакова О.В. Власть и политика в России XIX – начала XX века: американская историография. М., 2008. С. 107–132.

<sup>4</sup> Там же. С. 64–75.

<sup>5</sup> Лаверычев В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России. 1861–1900. М., 1974; Рабинович Г.Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск, 1975.

<sup>6</sup> Ионов И.Н. Россия и современная цивилизация // Отечественная история. 1992. № 4. С. 68.

<sup>7</sup> Там же. С. 69.

Крестьянство	Вполне подвержено буржуазной эволюции, процессам социальной дифференциации, расслоения в результате воздействия капитализма. Способно включиться в модернизационные процессы <sup>1</sup>	Для крестьянства характерны тенденция архаизации, мощная тяга к организационному усилению общины <sup>2</sup> , нерациональный образ жизни без точного распределения времени, даже без представления о времени, отсутствие понимания элементарных связей, грязь и неряшливость, отчуждающая от мира набожность, глубокая покорность климату и природной стихии, хитрость и ограниченность – не способно участвовать в модернизационных процессах <sup>3</sup>
Интеллигенция	Активная, подвижническая, креативная интеллигенция, готовая жить по нормам современного общества, активно функционирующая в рамках гражданского общества <sup>4</sup>	Интеллигенция разделяет антикапиталистические настроения, для нее характерно отсутствие «любования индустриальными творениями», восхищение капитализмом <sup>5</sup> . Разорванность интеллигенции как следствие социокультурного раскола, вызванного вестернизацией Петра I, неспособность к конструктивной созидательной деятельности <sup>6</sup> .

Естественно, в историографии присутствуют не только полярные точки зрения – имеются и промежуточные оценки практически по каждой рассмотренной категории, предполагающие, в частности, противоречивые характеристики социальных групп, сочетающие традиционные и современные измерения, а также эволюцию этих характеристик со временем. Тем не менее, такой разброс мнений свидетельствует, что вопрос о движущих силах, акторах российских модернизаций является недостаточно изученным, дискуссионным. Данное обстоятельство существенно актуализирует обращение к теме акторов российской модернизации.

В русле нашего подхода эвристическую ценность приобретает изучение готовности человеческих ресурсов страны в целом к модернизационным преобразованиям на основе анализа уровня образованности, качества жизни, адаптационных возможностей и т.д., что представляется попыткой взглянуть на модернизацию как-бы «изнутри», с позиций оценивания способности и готовности населения поддерживать модернизационные мероприятия, с точки зрения установления степени соответствия модернизационного пути ожиданиям и запросам населения, от чего во многом и зависят перспективы развития страны вообще.

Для оценки перспектив модернизации важен анализ аксиологических и нормативно-институциональных предпосылок и ограничений. Хорошо известны схемы М. Вебера и С. Хантингтона о связи между культурой и модернизацией. Согласно концепции М. Вебера, протестантская этика явилась фактором развития капиталистического предпринимательства. Исследуя воздействие религии на политическую культуру, С. Хантингтон пришел к выводу о наличии высокой корреляции между протестантизмом и демократией, об умеренном и отсроченном воздействии католицизма на рост демократии, об отсутствии препятствий для демократизации в контексте индуистских и синтоистских культур и о стимулировании тенденций к развитию авторитарных форм правления в русле ислама, конфуцианства и буддизма.

<sup>1</sup> Водарский Я.Е. Промышленные селения центральной России в период генезиса и развития капитализма. М., 1972; Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в., М., 1967; Рындзюнский П.Г. Крестьянская промышленность в пореформенной России (60-е – 80-е годы XIX в.). М., 1966; Рындзюнский П.Г. Крестьяне и город в капиталистической России второй половины XIX века (Взаимодействие города и деревни в социально-экономическом строе России). М., 1983; Соловьева Е.И. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск, 1981.

<sup>2</sup> Там же. С. 68–69.

<sup>3</sup> Оценки Т. фон Лауэ. См.: Гиндин И.Ф. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ // История СССР. 1971. № 4. С. 209.

<sup>4</sup> Миронов Б.Н. Россия и Запад в XVIII – начале XX в. // Нестор. № 11. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. Смена парадигм: современная русистика. Источники, исследования, историография. СПб., 2007. С. 25–26.

<sup>5</sup> См.: Гиндин И.Ф. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ // История СССР. 1971. № 4. С. 209–210.

<sup>6</sup> Ионов И.Н. Россия и современная цивилизация // Отечественная история. 1992. № 4. С. 69–70.

Коснемся вопроса влияния религиозной культуры на динамику и характер экономического развития. Во-первых, как нам кажется, не следует преувеличивать значимость такого влияния. Капитализм получил широкое распространение по всему миру, даже в «созерцательных» странах буддийского востока, причем некоторые из азиатских стран (Китай, Южная Корея, Япония) вообще со временем, несмотря на отсутствие протестантской этики, стали конкурировать с западными партнерами. Во-вторых, вероятно, победное шествие капитализма, а с ним и модернизации по планете, было связано уже не с религией как основой хозяйственной этики, а, скорее, с процессами секуляризации сознания предпринимателей и интеллигенции, внешними стимулами, пробуждавшими межстрановую конкуренцию, трансфером передовых технологий, организационных форм, культурных ценностей.

Тем не менее, что касается православия как основной религии наиболее многочисленного народа Российской империи, то для него характерно двойственное отношение к труду. В системе православного мировосприятия и мировоззрения, с одной стороны, труд – добродетель, инструмент духовного воспитания, форма аскезы. Такая оценка труда вытекает из христианской традиции вообще. С другой стороны, труд – деятельность мирская, деятельность в миру, то, что связано с удовлетворением потребностей тела. Поэтому носители православия не делали из прибыли самоценности, требовали соблюдать умеренность в труде, «надеяться больше на промысел Божий». В этом смысле русские православные, с нашей точки зрения, принципиально не отличались от западноевропейцев (католиков). Вероятно, несколько сложнее обстоит дело с взаимосвязью между конфессиональной и политической культурой, однако, этот вопрос требует самостоятельного осмысления.

Выявление действующих субъектов модернизации невозможно без изучения социально-сословного устройства. В новейшей историографии высказываются разные мнения о социальном строе российского общества имперского периода. М. Конфино полагает, что сословий в России не существовало, а общество делилось на многочисленные социальные группы<sup>1</sup>. Однако, большинство современных историков, как западных, так и российских, исходит из того, что сословия были созданы государственной властью в России на протяжении XVIII в., получили первое законодательное оформление жалованными грамотами дворянству и городам в 1785 г.; после Великих реформ стали медленно превращаться в классы и профессиональные группы, хотя этот процесс так и не завершился к 1917 г. (т.е. сословия оказались чрезвычайно устойчивыми и просуществовали до самого конца царского режима)<sup>2</sup>. Следствием длительного сохранения сословного порядка являлось пребывание человека имперской России в рамках сословной парадигмы.

При этом российская сословная структура была достаточно гибкой, подвижной, особенно после 1860-х гг. Как отмечает Г. Фриз, хотя дореформенное общественное устройство поверхностно напоминало западную систему сословий, российская сословная структура была намного более дифференцированной и текучей, чем могла бы позволить жесткая «четырёхсословная» парадигма, сословная система была вполне адаптируемой к потребностям экономического и социального развития; многовариантная система допускала специализацию и профессионализацию деятельности внутри формальной системы наследственных сословий<sup>3</sup>.

Отсутствие корпоративного статуса было наиболее заметным в случае с представителями самых новых профессий – народными учителями, статистиками, агрономами, лесничими, которые не получили юридического признания в дореформенной России, а после 1864 г. работали преимущественно в земствах («интеллигенция», «третий элемент»)<sup>4</sup>. Тем не менее, сословный строй препятствовал формированию равных возможностей для продвижения представителям различных сословий, тормозил социальную мобильность, процессы урбанизации и индустриализации. Необходимо также иметь в виду, что большинство населения в начале XX в. все еще проживало в

<sup>1</sup> Confino M. The soslovie (estate) paradigm. Reflections on some open questions // Cahiers du monde russe. 2008/4. Vol. 49. P. 681–704.

<sup>2</sup> Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2010; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 76–157; Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 121–162.

<sup>3</sup> Фриз Г. Указ. соч. С. 142–143.

<sup>4</sup> Там же. С. 149–152.

деревне, относилось к крестьянству, придерживавшемуся традиционалистского уклада. Итак, человеческий потенциал одновременно являлся и предпосылкой и индикатором динамики модернизации. В России человеческий потенциал демонстрировал достаточную гибкость и готовность адаптироваться к условиям модернизации.

В качестве методологического приема, позволяющего «отслеживать» (локализовать) акторов модернизации, можно было бы использовать структурно-функционалистский подход, разработанный в начале 1950-х Т. Парсонсом и Эдвардом Шилзом и вошедший в состав так называемой теории социального действия Парсонса – это концепция «типовых переменных»<sup>1</sup>. «Типовые переменные» структурируют проблемы выбора, которые встают перед актором (действителем), и классифицируют возможные пути их решения. По Парсонсу-Шилзу, существует пять наборов типовых переменных: 1) аффективность VS аффективная нейтральность (личностные, эмоциональные, лицом к лицу отношения в традиционном обществе противопоставляются современным социальным отношениям, которые строятся на аффективно-нейтральной основе – как неличностные, отчужденные, косвенные); 2) партикуляризм VS универсализм (традиционалистское внимание лишь к объектам, обладающим специфическими для индивида признаками, противопоставляется современной эквивалентной ориентации индивида на объекты, обладающие равными параметрами); 3) коллективистская ориентация VS индивидуалистская ориентация (достижение интересов индивида или коллектива); 4) приписка (англ. ascription – приписывание) VS достижение (доминирующая в традиционном обществе оценка по личным качествам, «приписанным» от рождения человеку, противопоставляется современному оцениванию людей по их действиям (достижение)); 5) функциональная диффузность VS функциональная специализация (в данном случае вовлеченность наряду с другими индивидами в широкий спектр социальной деятельности («диффузность») противопоставляется концентрации на достижении специфических, структурированных целей (специализация)). Концепция типовых переменных позволяет в общем дифференцировать субъектов, придерживающихся в своем поведении традиционалистских или модернистских ориентаций. Степень «насыщенности» поведения современными ориентациями, вроде бы, позволяет рассуждать о степени «акторности» участника исторических процессов. Правда, подобный подход имеет недостаток, а именно он недостаточно эластичен к динамике, к социальным изменениям.

Тем не менее, даже применение структурно-функционалистского по своей природе подхода показывает, насколько сложной являлась историческая реальность, насколько много поведенческих и мотивационных вариаций демонстрируют даже представители, казалось бы, одной социальной группировки. Так, уральский историк Л.В. Сапоговская в свое время предприняла попытку типологизации стилей хозяйствования владельцев уральских горнозаводских округов в условиях «постфеодального рынка» рубежа XIX/XX вв.<sup>2</sup> Автор учитывала такие критерии, как степень осознания владельцами особенностей переживаемого экономикой момента; характер и системность предпринимавшихся мер; спектр мотивации предпринимаемого («рентоориентированное поведение», с одной стороны; вступление на путь буржуазного предпринимательства, с другой); внутренние или внешние источники финансирования модернизации, рыночной адаптации горнозаводских округов. В итоге были выделены два полярных теоретически условных типа владельцев, положительно или отрицательно оцененных «с точки зрения Дела и Прогресса». Но в реальности, как призналась сама автор, вряд ли можно было кого-либо из заводчиков отнести к какому-либо из идеальных типов, – вместо этого пришлось прибегнуть к моделированию гибридных типов, в разной степени сочетавших современные и традиционалистские черты: «агрессивные рантье» (не желавшие заниматься уральскими делами, в конце концов сошедшие с арены горнозаводской деятельности); «сентиментальные рантье» (интерес к своему делу не подкреплялся умением калькулировать); «хозяйствующие поневоле» рантье; позитивные предприниматели; «рыночники-теоретики» и т.д.<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000. С. 495–515.

<sup>2</sup> Сапоговская Л.В. Владельцы уральских горнозаводских округов: типы хозяйствования в постфеодальном рынке // Развитие металлургического производства на Урале. Сборник докладов и сообщений историко-экономической секции Международного конгресса, посвященного 300-летию металлургии Урала и России. Екатеринбург, 2001. С. 76–87.

<sup>3</sup> Там же. С. 84–85.



Предложенный подход может быть дополнен инструментами, усиливающими его познавательную гибкость. Важное теоретико-методологическое значение в рамках нашего исследования приобретает концепт «стратегия», связывающий микроуровень индивидуальных акторов и макроуровень социальных структур. Стратегия предполагает деятельность по достижению интересов и применима к разным историческим эпохам. При этом необходимо понимать, что жизненные интересы имели различную природу в разные периоды прошлого, различались удельные веса воздействующих на них факторов (расчет и оптимизация, ценности, традиции, аффекты – основные типы поведения, согласно известной схеме М. Вебера), а стратегии далеко не всегда являлись рациональными с современной точки зрения<sup>1</sup>. Данная концептуальная схема рассматривает формирующийся в историческом контексте институциональный порядок как результирующую взаимодействия и противоборства разнообразных и разнонаправленных интересов – индивидуальных, групповых, корпоративных, ведомственных и т.д. В итоге мы получаем гораздо более реалистичную картину модернизационного процесса, – не заданную заранее телеологическую конструкцию, а образ модернизирующегося общества, вклад в рисунок которого вносится каждым из охваченных анализом носителей того или иного интереса.

---

<sup>1</sup> Побережников И.В. Человек в условиях социальных трансформаций: концептуальные интерпретации // Уральский исторический вестник. 2012. № 3 (36). С. 11–12.

## ГЛАВА 2. РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ: ФАКТОРЫ, АКТОРЫ, КОНТЕКСТ\*

### 2.1. ФАКТОРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

По определению одного из создателей теории модернизации С. Блэка, модернизация – это процесс адаптации традиционного общества к новым условиям, порожденным научно-технической революцией, которая сделала возможным контроль за средой обитания<sup>1</sup>. С. Блэк выделяет несколько последовательных стадий модернизации; первая из них – это «вызов модернизации» в XVI–XVIII веках. Это был первый этап европейской научно-технической революции, которая привела к развитию мануфактур и торговли и вызвала к жизни «просвещенный абсолютизм» с его централизацией и бюрократизацией<sup>2</sup>.

Страны, находившиеся на периферии Европы, практически сразу же стали перенимать достижения Запада. «Начиная с конца XV века в России и несколько позже в Турции, – писал С. Блэк, – была принята система политического использования западной техники и специалистов, чтобы модернизировать войско и бюрократию, строить укрепления и общественные здания, создавать фабрики и осваивать природные ресурсы. Эта политика приняла наиболее активную форму в России при Петре Великом...»<sup>3</sup>. Таким образом, С. Блэк подчеркивает роль процесса диффузии в распространении западноевропейских инноваций: «Модернизация – не единственное слово, которое описывает этот процесс, слова “европеизация” и “вестернизация” используются в том же смысле»<sup>4</sup>. Для периферийных стран Восточной Европы и Азии модернизация часто прямо отождествляется с диффузионным процессом вестернизации: так, например А.Н. Медушевский и А.Б. Каменский указывают, что модернизация приняла в России форму европеизации или вестернизации – преобразования общества по западному образцу<sup>5</sup>.

Таким образом, ключевым фактором российской модернизации было техническое и, в особенности, военно-техническое превосходство Запада, которое вынуждало к заимствованию западной техники – и перениманию тех экономических и социальных порядков, которые необходимы для использования этой техники. Однако развитие техники на Западе было пульсирующим, важнейшие технические инновации следовали одна за другой через определенные промежутки времени. Каждая такая фундаментальная инновация давала нации-первооткрывателю решающие преимущества военного или экономического характера и вызывала диффузионную волну заимствований, которая, распространяясь по Европе, достигала России. Фундаментальные инновации выступали в качестве факторов российской модернизации (или вестернизации), причем в силу разнообразия этих инноваций они действовали разнопланово, и порожденные разными факторами волны вестернизации были непохожи одна на другую. Факторы модернизации определяли причины, побуждения и образ мыслей действующих лиц (акторов) модернизационного процесса, и, таким образом, обуславливали различие в их поведении в разные исторические периоды.

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

<sup>1</sup> Black С.Е. The Dynamics of Modernization: A Study In Comparative History. New York, 1966. P. 7.

<sup>2</sup> Ibid. P. 69.

<sup>3</sup> Ibid. P. 71.

<sup>4</sup> Ibid. P. 6.

<sup>5</sup> Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. М., 1993. С. 47; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. М., 1999. С. 41.

При этом нужно учитывать, что процесс модернизации не сводился к простому перениманию западной техники и социальных порядков. Каждая волна модернизации сопровождалась процессом синтеза новых, принесенных с Запада, и старых, традиционных для России, институтов, причем по прошествии некоторого времени наблюдалась так называемая традиционалистская реакция – частичное отторжение заимствованных инноваций.

В XVII веке, в эпоху начальной модернизации, в Европе распространялись две диффузионные волны<sup>1</sup>. Одна из этих волн была связана с появлением в Голландии океанских кораблей нового типа, «флайтов», обусловивших голландское военно-морское могущество и захват Голландией значительной части мировой торговли. Флейт подарил Голландии господство на морях, и купеческая республика захватила монополию посреднической морской торговли. Огромные торговые прибыли определяли всю жизнь Нидерландов, и власть принадлежала тому, кому принадлежали эти прибыли – купеческой олигархии. В поисках прибылей голландские предприниматели строили мануфактуры в других странах, в том числе в Швеции, Дании и России; они приносили с собой новые технологии и таким образом способствовали распространению голландского культурного круга. Отличительными элементами этого культурного круга были океанские корабли, морская торговля и торгово-промышленное предпринимательство, а в политической сфере – правление купеческой олигархии и равенство сословий. Таким образом, голландское влияние приводило, в первую очередь, к заимствованию окружающими странами голландской военной технологии, а затем к строительству (с участием голландских купцов) оружейных мануфактур, созданию океанского флота, приглашению голландских специалистов и распространению технических знаний. Это, в свою очередь, влекло за собой тенденции к меритократии и к отрицанию сословных привилегий<sup>2</sup>.

Вторая диффузионная волна была связана с созданием легкой артиллерии и с военными реформами шведского короля Густава Адольфа. Густав Адольф создал не только новое оружие, полковые пушки и облегченные мушкеты, но механизм использования этого оружия, первую в Европе регулярную армию. Как полагает Майкл Робертс, военная революция Густава Адольфа изменила весь ход истории Европы<sup>3</sup>. Появление регулярных армий потребовало увеличения налогов, создания эффективной налоговой системы и сильного бюрократического аппарата. Появление новой армии, новой бюрократии, новой финансовой системы означали огромное усиление центральной власти и становление режима, который Брайан Даунинг называет «военно-бюрократическим абсолютизмом»<sup>4</sup>. Эта форма абсолютизма, очевидно, была результатом адаптации государства и общества к новой военной технологии, требовавшей, чтобы «государство маршировало, как один батальон»<sup>5</sup>.

Экспансия военных технологий Швеции охватила всю Центральную и Восточную Европу, и, в конечном счете, распространились и на Россию. Первая попытка заимствования шведской военной техники относится еще к временам Густава Адольфа, который был союзником царя Михаила Федоровича и послал полковника Лесли с предложением реформировать русскую армию по шведскому образцу. Вторая – более удачная попытка – имела место после того, как русские войска понесли поражение от шведов под Ригой (1656 г.); в этот период по шведскому образцу были проведены наборы рекрутов («даточных») и сформировано 55 полков иноземного строя.

Одновременно заимствование голландских институтов отразилось в попытках налоговых реформ Б.И. Морозова и в поощрении голландского торгово-промышленного предпринимательства в России. В первую очередь речь шла о проникновении в Россию голландских торговых компаний, которые получали большую выгоду от реэкспорта традиционных русских товаров, и поставляли то, без чего не могла обходиться русская армия – мушкеты и пушки. В 1630-х гг. голландские предприниматели Виниус и Акема наладили производство чугунных пушек и ядер на тульских заводах, но в отношении мушкетов зависимость от голландских поставок сохранялась до 1710-х годов. Вместе с голландскими предпринимателями в Россию пришли голландские специалисты,

<sup>1</sup> См.: Нефедов С.А. Первые шаги на пути модернизации России: реформы середины XVII века // Вопросы истории. 2003. № 3. С. 22–52.

<sup>2</sup> Нефедов С.А. Происхождение «регулярного государства» Петра Великого // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 31–40.

<sup>3</sup> Roberts M. Essays In Swedish History. London, 1967.

<sup>4</sup> Downing B. The Military Revolution and Political Change. Princeton, 1992. P. 3.

<sup>5</sup> Фенор В. Фридрих Вильгельм I. М., 2004. С. 121.

мастера и офицеры, и близ Москвы появился своеобразный западноевропейский анклав – Немецкая слобода; этому поселению было суждено сыграть особую роль в истории петровских преобразований.

Однако первая волна модернизационных реформ сменилась в 1682–1695 годах традиционалистской реакцией, в результате которой большая часть «полков нового строя» была распущена. Реформы возобновились при Петре I – в значительной степени в результате нового удара со стороны шведов. Эти реформы в первую очередь подразумевали освоение шведской военной технологии (к тому времени ставшей уже общеевропейской) и создание регулярной армии шведского образца.

Новая регулярная армия Петра I первое время финансировалась за счет чрезвычайных налогов и денежной эмиссии, но это не могло продолжаться бесконечно – в конце концов Петр I признал необходимым создание нового административного и финансового аппарата. Как известно, значительную роль в выборе Петром образца для государственной реформы сыграл знаменитый ученый Готфрид Лейбниц, который рекомендовал царю систему коллегий шведского образца. Швеция была образцом военно-бюрократического, абсолютистского государства, и шведское административное устройство – в том числе система коллегий – стало образцом для административной реформы Петра I. В целом эти преобразования соответствуют диффузионистской теории, когда вслед за перениманием новой военной технологии следует и перенимание государственных, экономических, политических институтов страны-новатора. Петровское самодержавие в этом контексте является копией шведского военно-бюрократического абсолютизма, и в этой связи важно отметить, что абсолютизм, так же как конституционализм, может быть следствием модернизации и вестернизации.

Вместе с тем, создавая свое «регулярное государство», Петр I не ограничивался копированием, и попытался придать ему некоторые принципиально новые черты. В первую очередь речь идет о принципе служебного продвижения исключительно в зависимости от заслуг, который был с наибольшей отчетливостью сформулирован в «Табели о рангах». С другой стороны, продолжающееся влияние голландского культурного круга способствовало созданию русского флота и строительству «Нового Амстердама» – Петербурга. При Петре I процесс модернизации распространяется на все сферы общественной жизни: создается современная для того времени промышленность, формируется европеизированный чиновничий корпус, вводится принудительное обучение для дворян, и даже одежда дворянства по воле монарха меняется на европейскую.

В результате петровских реформ Россия становится вторичным центром распространения шведской диффузионной волны; новая армия шведского образца обеспечила военное преобладание России в Восточной Европе и создание огромной Российской империи<sup>1</sup>. Однако после смерти Петра I реформы сменяются частичной реакцией и часть нововведений (в частности, в провинциальной администрации) отменяется. Строительство Петербурга останавливается, столица возвращается в Москву.

При Анне Иоанновне к власти вновь приходит так называемая «немецкая партия», которая возобновляет реформы. Двор снова переезжает в Петербург, генерал-фельдмаршал Миних проводит преобразования в армии, копируя наиболее совершенные по тому времени прусские образцы. При этом уровень налогов оставался высоким; сохранялась и тяжесть дворянской службы, что вместе с «немецким засильем» вызывало недовольство дворянской элиты. В своей борьбе с государством элита использовала традиционалистские лозунги, и переворот 1741 года означал не только поражение абсолютизма, но и некоторый возврат к традиционализму. Это проявилось, прежде всего, в возврате к традиционному мягким, допетровским, условиям службы дворян; иностранные офицеры подвергаются преследованиям и многие из них уезжают из России<sup>2</sup>. Кроме того, государство было вынуждено пойти на уступки в вопросе распределения ресурсов, что выразилось в частичной замене прямых налогов косвенными и поощрении дворянского винокурения. Однако это было лишь временным компромиссом между абсолютизмом и дворянством – решающая борьба была еще впереди.

<sup>1</sup> Подробнее см.: Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. С. 135–142.

<sup>2</sup> Там же. С. 150–155.



В середине XVIII века на арену европейской истории выступает новый модернизационный вызов: прусская военная технология, иначе именуемая «линейным порядком». Пруссия переняла и продолжала развивать шведскую военную систему, главной военной инновацией пруссаков была «прусская муштра»; система обучения, позволявшая достигнуть высокого темпа стрельбы и слаженного маневрирования на поле боя. Вместе с тем Пруссия становится новым образцом военно-бюрократического абсолютизма, который теперь называют «просвещенным абсолютизмом». Победы прусского короля Фридриха II порождают в Европе волну модернизации по прусскому образцу: речь идет о перенимании прусской военной системы и четкой государственной дисциплины. Ориентируясь на прусский образец, Петр III освобождает российское дворянство от обязательной военной службы. Одновременно он пытается ввести прусскую муштру в армии и восстановить дисциплину в государственных учреждениях, в армии и в гвардии. Недовольство гвардейцев приводит к дворцовому перевороту, свержению Петра III и воцарению Екатерины II.

Следующие один за другим дворцовые перевороты были связаны с традиционалистской реакцией и неприятием дворянством абсолютизма прусского образца. Однако имело место и влияние диффузионного фактора: распространение в России французской аристократической культуры вызвало рост амбиций и потребностей дворянства. Французская диффузионная волна была результатом «кольберовской» модернизации и взлета французского могущества при Людовике XIV – таким образом, во второй половине XVIII века на смену голландской и шведской диффузионным волнам приходят прусская и французская – «вторичные» волны, связанные с дальнейшим развитием голландских и шведских инноваций. «Офранцузивание» русского дворянства привело к распространению роскоши, к необходимости получения дорогого европейского образования (в том числе обучения французскому языку); вошли в моду поездки за границу. Все это требовало немалых средств и влекло за собой, с одной стороны, ужесточение крепостничества, увеличение барщин и оброков, а с другой стороны – давление на монархию с целью передела ресурсов, увеличения доли помещиков в совокупной ренте и уменьшения доли государства. Приведенная к власти дворянством Екатерина II была вынуждена проводить продворянскую политику и идти по пути как финансовых, так и политических уступок дворянам. Это привело к тому, что реальная величина подушной подати уменьшилась в четыре раза, и (с учетом инфляции) расходы на армию существенно сократились<sup>1</sup>.

При Павле I французское влияние вновь сменяется прусским. Павел I, как и его отец, подражал политике Фридриха Великого, он снова попытался утвердить абсолютизм прусского образца, навести дисциплину в государственных учреждениях, в армии и в гвардии – и его постигла участь его отца.

Победы Наполеона I породили в Европе новую волну модернизации по французскому образцу. В третьей четверти XVIII века появилась новая технология высверливания орудийных стволов, которая обеспечивала большую прочность стенок ствола, и позволяла сделать их более тонкими, за счет чего резко уменьшался вес орудия. Новая артиллерия (создание которой связано с именем генерала Грибоваля) стала более мощной, подвижной и дальнобойной, а роль огня пехотных линий, соответственно, уменьшилась. Новая тактика использования концентрированного орудийного огня в сочетании с ударом колонн пехоты была разработана Лазаром Карно – и именно эта тактика обеспечила победы Наполеона. Это был новый модернизационный фактор, породивший новую волну диффузионных заимствований. Победы Наполеона побудили многие страны не только к военным, но и к социальным реформам по французскому образцу. В соответствии с теорией, военное давление, в первую очередь вызвало реформы в русской армии: введение тактики колонн и артиллерийских орудий «системы Аракчеева». В дальнейшем преобразования по французскому образцу распространились на управленческую сферу. Эти заимствования проявились, прежде всего, в созданном ближайшим помощником Александра статс-секретарем М.М. Сперанским проекте конституции (введение Государственного совета, разделение властей, иерархия выборных местных дум и др.). С этим французским диффузионным влиянием были связаны как конституционные проекты Александра I, так и аналогичные по содержанию планы декабристов.

<sup>1</sup> Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. С. 165–180.

После поражения европейских революций 1821–1822 годов во всей Европе начинается период традиционалистской реакции, захвативший и Россию. Одновременно с реакцией на французское влияние шла новая волна прусского влияния, проявившаяся в новых попытках утверждения государственной дисциплины, обычно ассоциируемых с бюрократическим правлением Николая I. За полвека (1796–1847 гг.) количество ранговых чиновников возросло с 15 до 62 тысяч – государственный аппарат рос в три раза быстрее, чем численность населения<sup>1</sup>. С целью обучения нового поколения чиновников была создана сеть гимназий немецкого образца; после окончания Училища правоведения или Московского университета наиболее способных молодых чиновников отправляли для дальнейшей подготовки в Берлинский университет. В результате такого обучения, пишет М. Раев, чиновники «приобретали высокое чувство профессиональной ответственности»<sup>2</sup>.

Какая-то часть русских чиновников позаимствовала у немцев дисциплину и исполнительность, но далеко не все – поэтому Николай I предпочитал иметь на высших должностях настоящих немцев. В те времена формулярные списки чиновников не содержали сведений о национальности, но характерно, что среди членов Государственного Совета в 1853 году было 17% лютеран (и кроме того, было много лиц с немецкими фамилиями, исповедовавших православие)<sup>3</sup>.

Немецкое влияние особенно явственно проявлялось в жизни армии. После короткого периода французских заимствований в армию вернулась прусская муштра: прусский строевой шаг, палочная дисциплина, «экзерциции» на плацу и ружейные «темпы». Происхождение этой «фрунтовой науки» не вызывало сомнений. «Это экзерцициймейстерство мы переняли у Фридриха II, – писал генерал И.Ф. Паскевич, – который от отца наследовал эту выучку. Хотели видеть в том секрет его побед, не понимая его гения, принимая наружное за существенное»<sup>4</sup>. Император сам – как Павел I и Фридрих II – командовал вахтпарадами и проводил строевые смотры.

Между тем, в начале XIX века на арену истории выступил новый модернизационный вызов – английская промышленная революция. Эта революция заключала в себе целый ряд фундаментальных технических инноваций, которые в совокупности обеспечили огромное техническое, экономическое и культурное превосходство Англии над остальными европейскими странами. В соответствии с теорией, это вызвало огромную по размерам и значению волну диффузии английских инноваций на европейский континент. При этом перенималась не только техника и экономическая организация, но и политические институты. Волна европейских революций 1848 года означала начало перестройки политической и социальной системы европейских государств по английскому образцу.

В военной сфере одним из первых проявлений промышленной революции было создание нарезных ружей, «штуцеров», которые обеспечили победу союзников в Крымской войне. Это поражение России заставило русское правительство спешно приступить к модернизации, как в военной, так и в социальной сфере. Как во времена Петра I, реформы приняли широкий характер – начавшись с освоения производства штуцеров и строительства железных дорог, они закончились освобождением крестьян и введением земского самоуправления. В той части, которая была связана с расширением свободы предпринимательства, созданием земств, введением суда присяжных, реформы ориентировались на либеральные английские образцы.

Одним из проявлений процесса модернизации и вестернизации было становление нового социального слоя – промышленной буржуазии. Процесс этого становления был прямо связан с диффузией западной технологии и вывозом капитала из западных стран в Россию. Русские капиталисты часто выступали посредниками в этом процессе и были непосредственно связаны с западными фирмами, банками и биржами. Промышленная модернизация началась с «грюндерской лихорадки». Если в 1861 г. в России насчитывалось лишь 78 акционерных обществ с капиталом в 72 млн руб., то за 1861–1873 гг. было учреждено 357 акционерных обществ с капиталом в 1116 млн руб. (причем на 53 железнодорожных общества приходилось

<sup>1</sup> Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С. 67, 70.

<sup>2</sup> Раев М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи. Лондон, 1990. С. 183, 186, 193.

<sup>3</sup> Зайончковский П.А. Правительственный аппарат... С. 130; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 114.

<sup>4</sup> Цит. по: Шильдер Н. Великий князь Николай Павлович с 1814 по 1822 год // Николай Первый и его время. Т. 1. М., 2002. С. 265.

699 млн руб. капитала). Число акционерных банков увеличилось за 1868–1873 гг. с 3 до 42, их пассивы достигли 510 млн руб.<sup>1</sup>

Однако многие банки, основанные на волне спекулятивной горячки, оказались нежизнеспособны. Вслед за банкротством Московского коммерческого и ссудного банка в 1875 г. последовал банковский кризис, в результате череды банкротств число банков снизилось до 32, а пассивы – до 360 млн руб. Правительство было вынуждено прибегнуть к методам государственной регламентации банковской (и вообще учредительской) деятельности. В 1872 и 1884 гг. были приняты законы, устанавливавшие минимум уставного капитала, размеры обязательных резервов и некоторые другие показатели деятельности банков<sup>2</sup>.

Поскольку новые общества в значительной мере базировались на привлечении иностранного капитала, то в качестве их учредителей выступали специалисты, знакомые с иностранными языками и мировым финансовым рынком; по большей части это были прибалтийские немцы, поляки, евреи. В области экспортной торговли четыре крупнейшие петербургские компании возглавляли англичане, в южных портах первое место занимали торговцы греческого происхождения. Таким образом, новая российская буржуазия (И.Ф. Гиндин называет ее «петербургской») имела интернациональный характер; она работала с привлечением иностранного капитала, но в то же время посредством «совместительства» была тесно связана с высшими чиновниками и получала льготы от правительства<sup>3</sup>.

Одним из проявлений модернизации были изменения в социальной структуре общества, проявлявшиеся в появлении новых социальных групп и классов. Модернизация породила промышленный пролетариат, буржуазию и интеллигенцию, и хотя можно спорить о том, что эти группы существовали в какой-то форме и раньше, но несомненно, что в процессе модернизации они многократно увеличились количественно и приобрели новое качество. Ключевым моментом в этом процессе социальных изменений было появление нового актора модернизации, интеллигенции, той социальной группы, которая была носителем новых знаний – знаний, которые разрушали старое общество. Рассматривая освещение вопроса о происхождении русской интеллигенции в западной историографии, М.Д. Карпачев отмечает, что «в соответствии с духом теории “вестернизации” (другое ее название – “теория модернизации”) большинство авторов признает ее искусственным социальным организмом, возникшим в результате действия внешних... факторов»<sup>4</sup>.

Рост интеллигенции находил свое выражение в росте числа учащихся и студентов. За 1860–1880 гг. число учащихся средних школ увеличилось более чем в 4 раза, с 17,8 до 69,2 тыс.; число студентов высших учебных заведений возросло с 4,1 до 14,1 тыс. Появились технические школы и вузы – непосредственное проявление технической революции. В реальных училищах в 1880 г. было 13,2 тыс. учащихся, в технических вузах – 6,1 тыс.<sup>5</sup> В классических вузах также давалось образование западного образца, и формирующаяся русская интеллигенция изначально воспитывалась в сознании интеллектуального, технического, экономического и социального превосходства Запада. По своему своему происхождению интеллигенция была «западнической», она была пропитана западной культурой, и ее политической программой была либеральная программа переустройства общества по западному образцу – сюда входили, в частности, политические свободы, парламент, свобода предпринимательства и вероисповедания.<sup>6</sup> «Русское революционное движение, а потом и сама революция развивалась по своему пути главным образом благодаря энергии и стремлениям интеллигенции... – писал М. Малиа»<sup>7</sup>.

Движение «народников» формировалось под прямым воздействием европейского революционного движения. Поначалу народники следовали анархистской доктрине М.А. Бакунина, вы-

<sup>1</sup> Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. С. 352, 391, 392; Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. М., 1956. С. 106.

<sup>2</sup> Гиндин И.Ф. Государственный банк... С. 369, 385, 391–392.

<sup>3</sup> Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности // История СССР. 1963. № 2. С. 70, 71.

<sup>4</sup> Карпачев М.Д. Русские революционеры-разночинцы и буржуазные фальсификаторы. М., 1979. С. 55. See: Pomper Ph. The Russian Revolutionary Intelligentsia. New York, 1970. P. 3, 6, 9; Daniels R. Russia. New Jersey, 1964. P. 60; Haimson L. The Russian Marxists and the Origins of Bolshevism. Cambridge (Mass.), 1955. P. 4–5; Fischer G. Russian Liberalism: From Gentry to Intelligentsia. Cambridge (Mass.), 1958. P. 50.

<sup>5</sup> Лейкина-Свирская В. Р. Интеллигенция в России во второй половине XIX века. М. 1971. С. 51–57.

<sup>6</sup> Кожин В. Черносотенцы и Революция. М., 1998.

<sup>7</sup> Malia M. Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. Harvard, 1961. P. 5.

работанной им в период жизни в Италии и воспринявшей идеи Дж. Мадзини и К. Пизакане. В частности, «хождение в народ» было основным элементом тактики «революционной инициативы» Мадзини, неоднократно опробованной им во время итальянских восстаний<sup>1</sup>. После неудачи «хождения в народ» народовольцы нашли новую идеологическую опору – «бланкизм». Террористическая кампания «Народной воли» вдохновлялась из-за границы журналом «Набат», основателем которого был «любимый ученик Бланки» Г.-М. Турский<sup>2</sup>. Как признавали сами народовольцы, террористические методы были совершенно нехарактерны для русской исторической традиции. «Мы, русские, – писал один из известных террористов С.М. Кравчинский, – вначале были более какой-либо другой нации склонны воздержаться от политической борьбы и еще более от всяких кровавых мер, к которым не могли нас приучить ни наша предшествующая история, ни наше воспитание»<sup>3</sup>. Сам Кравчинский учился терроризму у итальянских анархистов; в 1877 году он участвовал в восстании в Беневенто, на короткое время приехал в Россию, 4 августа 1878 года убил шефа жандармов Н.В. Мезенцева и снова уехал за границу<sup>4</sup>.

Между тем, в Европе волна модернизации по английскому образцу успела породить традиционалистскую реакцию, которая сказалась в рождении бонапартизма – политики государственного и социального регулирования, олицетворяемой сначала с Наполеоном III, а затем с Бисмарком. Новые достижения в военной области (прежде всего, создание стальных пушек Круппа) обусловили победы Германии, что в сочетании с быстрым промышленным развитием сделало эту страну источником новой диффузионной волны и новым образцом для подражания. Пушки Круппа, электродвигатели Сименса и автомобили Даймлера стали новым фактором модернизации, обычно именуемым «второй промышленной революцией». В России порожденная этим фактором диффузионная волна совпала с периодом традиционалистской реакции на проанглийский либерализм. Убийство Александра II народовольцами произвело огромное впечатление на русское общество и вызвало резкую перемену общественных настроений. Террористы рассматривались как орудия западного влияния. «Мстительный дух отрицания и разрушения, захвативший нашу незащищенную молодежь, явился с Запада, – писал лидер славянофилов И.С. Аксаков. – Жестокость подпольных заговоров, подстрекательств и политических убийств не имеет корней в русской душе»<sup>5</sup>. Новый министр внутренних дел славянофил граф Н.П. Игнатьев обвинял в скрытом пособничестве террористам либерально настроенную интернациональную петербургскую буржуазию. «В Петербурге, – докладывал Игнатьев Александру III, – существует могущественная польско-жидовская группа, в руках которой непосредственно находятся банки, биржа, адвокатура, большая часть печати и другие общественные дела... Всякий честный голос русской земли усердно заглушается польско-жидовскими криками, твердящими о том, что нужно слушать только «интеллигентный» класс и что русские требования следует оставить как отсталые и непросвещенные»<sup>6</sup>.

Принятая правительством Александра III доктрина «народного самодержавия» провозглашала отвержение западных идейных влияний и возврат к традиционным русским ценностям. В этой связи К.П. Победоносцев подчеркивал, что надо прежде всего препятствовать подпаданию народа под влияние интеллигенции, которая утратила связь с народной традицией. Наоборот, говорил он, интеллигенция может многому научиться у народа, который есть настоящий хранитель традиционных добродетелей<sup>7</sup>.

В экономической сфере министры финансов И.А. Вышнеградский и С.Ю. Витте проводили политику индустриализации, ориентируясь на германский образец. Была проведена национализация основных железных дорог, резко увеличены таможенные пошлины на промышленные товары, введена винная монополия. Государство стало вкладывать большие средства в железно-

<sup>1</sup> Григорьева И.В. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966. С. 53–55; Колпинский Н.Ю., Твардовская В.А. Бакунин в русском и международном освободительном движении // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 74–75, 79–82; Кирова К.Э. Жизнь Джузеппе Мадзини (1805–1872). М., 1981. С. 21.

<sup>2</sup> Гросул В.Я. Международные связи российской политической эмиграции во 2-й половине XIX века. М., 2001. С. 240.

<sup>3</sup> Кравчинский С.М. Смерть за смерть // История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С. 77.

<sup>4</sup> Там же. С. 74.

<sup>5</sup> Аксаков И. Сочинения. Т. 2. М. 1886. С. 695.

<sup>6</sup> Цит. по: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1879–1880-х годов. М., 1964. С. 338.

<sup>7</sup> Там же. С. 323.



дорожное и промышленное строительство. Государственные предприятия давали в 1900–1903 гг. в среднем 570 млн валовой прибыли в год, которая шла не только на эксплуатационные расходы, но и на строительство новых предприятий, в частности около 200 млн руб. использовалось на строительство новых железных дорог<sup>1</sup>.

Таким образом, государственный сектор экономики во все больших масштабах использовался для финансирования индустриализации. Более того, следуя идеям Бисмарка, правительство ставило своей целью государственное регулирование всей экономической жизни страны. «В России, – писал Витте Николаю II в 1895 году, – по условиям жизни нашей страны, потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличало ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину»<sup>2</sup>.

В правление Александра III и Николая II отвергнутый властями проанглийский либерализм стал знаменем оппозиции. Политика индустриализации ущемляла интересы землевладельцев, и это привело к конфликту между центральной властью и земствами. В 1902 г. земская оппозиция объединилась с представителями интеллигенции, создав либеральный «Союз освобождения». Князь М. Путятин, один из приближенных Николая II, отзывался о либералах так: «Это – партия истинных конституционалистов по западноевропейским шаблонам. Тысячелетняя история России для них не существует»<sup>3</sup>. На другом фланге политической борьбы оформилась Российская социал-демократическая партия – появление этой партии также было связано с диффузией западных идей. Программа РСДРП была в значительной степени скопирована с Эрфуртской программы Социал-демократической партии Германии<sup>4</sup>, а ее идеология – марксизм – была специфическим продуктом развития промышленного общества<sup>5</sup>. Эта идеология не была господствующей даже на Западе – и тем более она была чужда российской действительности.

Вестернизированная оппозиция была относительно малочисленной, поэтому, действуя в одиночестве, она не могла произвести революцию. В этой ситуации либералы и социал-демократы предприняли попытки спровоцировать выступления рабочих и подтолкнули священника Г. Гапона на организацию шествия к Зимнему дворцу. После расстрела 9 января начались рабочие стачки и первые волнения в деревне, и, чтобы привлечь на свою сторону массы, «Союз освобождения» пообещал рабочим 8-часовой рабочий день, а крестьянам – выкуп части помещичьих земель. В события вмешался Запад, приостановивший предоставление кредитов, и, в конечном счете, царь был вынужден согласиться на введение конституции (манифест 17 октября). Вслед за этим многие либералы сочли, что цель достигнута и отошли от борьбы; остальные (кадеты) решили продолжать оппозиционные действия в рамках Думы и также отказались от активных действий. Между тем, неурожай и беспорядки в городах инициировали вступление в борьбу огромных крестьянских масс. Основная часть дворянства, напуганная крестьянским восстанием, перешла в лагерь традиционалистов и сплотилась вокруг престола, а либеральная фракция дворянства сошла с политической арены. Воспользовавшись этой ситуацией, Николай II изменил избирательный закон, обеспечив правым партиям думское большинство; таким образом, либералы вновь оказались в оппозиции<sup>6</sup>.

В результате революции 1905–1907 годов монархия была вынуждена поделиться властью с олигархией крупных собственников – в основном, с крупными землевладельцами, с дворянством. В то же время острейший социальный вопрос – вопрос о земле – остался неурегулированным и требовал своего разрешения. Естественно, что землевладельцы попытались урегулировать земельную проблему в своих интересах, на принципах неприкосновенности частной собственности. Этот принцип был вместе с тем основным принципом западного либерализма, поэтому – с внешней стороны – русское дворянство могло опираться на идеи вестернизации. Реформа Столыпина противопоставляла социалистической программе передела земли вестернизационную програм-

<sup>1</sup> Погребинский А.П. Государственные финансы царской России в эпоху империализма. М., 1968. С. 21, 27.

<sup>2</sup> Цит. по: Ананьич Б.В., Ганелин Р.П. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 68.

<sup>3</sup> Цит. по: Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981 С. 149.

<sup>4</sup> Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 418–424; Keep J.L. The Rise of Social Democracy In Russia. Oxford, 1963. P. 270.

<sup>5</sup> Второй съезд РСДРП...; Keep J.L. The Rise of Social Democracy...; Костин А.Ф. Ленин – создатель партии нового типа. М., 1980. С. 183.

<sup>6</sup> Подробнее см.: Нефедов С.А. Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Екатеринбург, 2005. С. 334–364.

му агротехнической модернизации по европейскому, и, в частности, немецкому образцу<sup>1</sup>. Это был так называемый «прусский путь развития капитализма»: в Пруссии после освобождения крестьян в ходе так называемого «регулирования» было произведено укрупнение крепких крестьянских хозяйств за счет сгона с земли крестьян-бедняков<sup>2</sup>. Известный агроном Вильям Лебе так описывает значение проведенной реформы: «Результаты операции и раздела земель были: переход от трехполья к улучшенной многопольной системе и к плодосмену, введение и всеобщее распространение травосеяния, вообще усиление возделывания кормовых растений, осушение полей, увеличение количества навоза, улучшение скотоводства, повышение производительности хозяйства. Много дворов выселилось на вновь отмежеванные участки, чем достигается большее облегчение сельскохозяйственных работ, уменьшение количества межей, возможность содержать меньше рабочего скота, расширение продуктивного скотоводства и экономия рабочего времени...»<sup>3</sup>. Урожайность в Германии в начале XIX века была примерно той же, что и в России в начале XX века – 45–5 пудов с десятины; это было все, что могли давать истощенные почвы. К 1870-м годам урожаи немецких полей увеличилась вдвое, до 90 пудов с десятины. Следующим шагом было применение рядовых сеялок и сортовых семян, а затем – использование минеральных удобрений; эти нововведения к 1910 году увеличили урожайность до 140 пудов с десятины<sup>4</sup>.

Столыпинская реформа, несомненно, должна была способствовать более тщательной обработке земли и увеличению урожайности. Но эффект мог быть не столь велик, как ожидалось: исследования Н.И. Вавилова показали, что применение в России западноевропейской агротехники не дает такого прироста урожайности, как на Западе, в силу неблагоприятных климатических условий<sup>5</sup>. Решающим условием повышения продуктивности хозяйства до европейского уровня было резкое увеличение капиталовложений. Между тем, в 1913 году капиталовложения в расчете на 1 десятину пашни в России были в 3,6 раза меньше, чем в Германии (урожайность была меньше в 2,4 раза). Естественно, что это отставание было невозможно преодолеть за десять лет или двадцать лет<sup>6</sup>. «Практически, столыпинская реформа не могла решить поставленных задач, потому что *было уже поздно*», – подчеркивает В.П. Данилов (выделено В.П. Даниловым – С.Н.)<sup>7</sup>.

В ситуации еще не вполне угасшего революционного движения любое ослабление самодержавия могло вызвать новую вспышку крестьянских восстаний. Большая война тем более должна была вызвать новый социальный кризис. Как отмечалось выше, революция 1905 года была связана с процессом вестернизации: либералы и социал-демократы вовлекли в борьбу пролетариат, а борьба в городах спровоцировала давно назревавшие восстания в деревне; в итоге «революция вестернизации» переросла в социальную революцию. Испуганные таким оборотом событий, либералы не желали новой революции, избегали союза с народом и фактически не принимали участия в событиях февраля 1917 года. «Я не желаю бунтоваться, – говорил лидер Прогрессивного блока М.В. Родзянко. – Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались...»<sup>8</sup>.

## 2.2. ГОСУДАРСТВО КАК АКТОР ИМПЕРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В исследованиях истории имперской модернизации России неустанно подчеркивается ведущая роль государства в этом процессе, но не всегда конкретно раскрывается, в чем именно она

<sup>1</sup> См.: Кофод А.А. Хуторское расселение. СПб., 1907. С. 3–4.

<sup>2</sup> Кнапп Г.Ф. Освобождение крестьян и происхождение сельскохозяйственных рабочих в старых провинциях прусской монархии. СПб., 1900. С. 118, 170–171.

<sup>3</sup> Цит. по: Граудин Ф.Х. Записка Секретаря Шадринской Земельной Управы Ф.Х. Граудина о нуждах крестьянского хозяйства в Шадринском уезде и мерах к их удовлетворению // Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 30. Пермская губерния. СПб., 1903. С. 544.

<sup>4</sup> Вайнштейн А.Л. Эволюция урожайности зерновых в России до войны и перспективы ее развития в будущем // Вайнштейн А.Л. Избранные труды. Кн. 1 М., 2000. С. 305–320; Кудрявцев Н. К вопросу о поднятии урожайности на Урале // Хозяйство Урала. 1928. № 10. С. 59–60.

<sup>5</sup> Вавилов Н.И. Проблема урожайности в СССР под углом зрения растениевода-селекционера // Пути сельского хозяйства. 1928. № 7. С. 256.

<sup>6</sup> Фигуровская Н.К., Симонов В.В. Н.Д. Кондратьев и российская экономика чрезвычайного времени // Кондратьев Н.Д. Рынок хлеба и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 34, 36.

<sup>7</sup> Данилов В.П. О характере аграрной эволюции России после 1861 года // Крестьянское хозяйство: история и современность. Ч. 1. Вологда, 1992. С. 60.

<sup>8</sup> Родзянко М.В. Крушение империи. М., 2002. С. 298.

заклучалась, особенно на региональном уровне. В решении данной проблемы много трудностей. Обратим внимание на три главные. Первая касается противоречивой оценки той эпохи. В советской историографии она представлялась крайне негативно, в постсоветской – менее пессимистично и совсем оптимистично в современной книге американского специалиста по экономической истории Пола Грегори. Он пишет: «Российская экономика росла быстро или даже быстрее, чем британская, германская, норвежская и итальянская...»<sup>1</sup>, а в заключении книги утверждает: «Опыт рыночной экономики России того времени можно считать успешным, несмотря на то что в политических и научных кругах он традиционно рассматривался как неудачный»<sup>2</sup>. Отсюда делается вывод: «Сталин не был необходим, так как все долгосрочные цели развития России/СССР могли быть достигнуты на путях функционирования стабильной рыночной экономики»<sup>3</sup>, но это трудно доказать.

Вторая трудность заключается в отсутствии у России на протяжении почти всего изучаемого периода специальной инфраструктуры, занятой индустриальным развитием. Она появилась только в 1905 г., получив название Министерство торговли и промышленности. Символично, что оно было организовано последним в системе российской государственности, а принципиально значимое слово «промышленность» тоже стояло в названии последним. В связи с этим сильно затруднен поиск документальных материалов о роли государства в развитии промышленности и в целом по проблемам модернизации в имперский период.

Третья трудность состоит в том, что методика учета государственной собственности в тот период представляет большую сложность. На первый взгляд, она совсем невелика. К началу Первой мировой войны в России насчитывалось 700 казенных промышленных предприятий. На них приходилось 10% промышленного капитала, 8% рабочих и служащих, 7–8% распределенного национального дохода<sup>4</sup>. В 1912 г. доля государственных инвестиций составляла около 20%<sup>5</sup>. Однако, приходится учитывать, что роль государства как актора модернизационных процессов в имперской России была значительно выше, чем удельный вес государственной собственности в экономике страны. Это принципиальный вопрос, и он требует особого рассмотрения.

Проблема модернизации России встала задолго до провозглашения ее империей, но московские цари, в отличие от западных монархов, не сумели возглавить этот процесс, да и социально-экономическая обстановка в стране еще не созрела до того. Между тем, передовые государства Европы уже второе столетие шли по пути модернизации и угрожали восточному соседу своим военно-техническим превосходством, проявившимся, в частности, в сокрушительном поражении русской армии под Нарвой в 1700 г., после которого молодой царь Петр I круто развернул руль отечественной истории – начав модернизацию своей державы.

Имперская модернизация прошла два основных этапа – петровский (1700–1860 гг.) и александровский (1861–1916 гг.). Первый подразделяется на две неравные части – непосредственно годы его царствования и вяло текущий процесс при преемниках вплоть до реформ Александра II. Во втором этапе можно выделить буржуазные реформы 60–70-х гг. XIX в. и последующие реформационные шаги вплоть до конца империи в 1917 г. Возможно, стоит задуматься о выделении и промежуточного – виттевского этапа (1883–1906 гг.), в течение которого С.Ю. Витте дал самый мощный толчок имперской модернизации, но, не будучи первым лицом в государстве, он не мог всецело контролировать ее ход.

Процесс государственного регулирования начался петровскими реформами первой четверти XVIII в., связанными с насаждением казенных мануфактур, и получил развитие во второй половине XIX в. прежде всего в связи с крупным железнодорожным строительством. Определяющим импульсом модернизации были внешние обстоятельства – стремление не отстать от передовых держав Запада в военном отношении. Мануфактуры, работавшие на армию, в первой четверти XVIII в. составляли более половины всех вновь созданных промышленных предприятий, причем 43% из них возникли на средства казны<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.): новые подсчеты и оценки. М., 2003. С. 25.

<sup>2</sup> Там же. С. 248.

<sup>3</sup> Там же. С. 249.

<sup>4</sup> См.: Лапина С.Н., Лелюхина Н.Д. Государственная собственность России: некоторые исторические уроки // Собственность в XX столетии: К 80-летию акад. В.А. Виноградова. М., 2001. С. 219.

<sup>5</sup> Там же. С. 220, 221.

<sup>6</sup> Мавродин В.В. Основание Петербурга. 2-е изд. Л., 1983. С. 99.

Производство вооружений требовало большого количества металла. По указанию Петра I, начиная с 1701 г. и до середины XVIII в. на Урале было построено более 70 металлургических заводов, а во второй половине века – свыше 100 предприятий; причем многие из них не уступали по техническому оснащению европейским заводам. Россия за счет Урала вышла на первое место в мире по производству черных металлов, обогнав Англию и Швецию. На мировом рынке русское железо привлекало внимание покупателей высоким качеством и низкой себестоимостью. Оно сыграло принципиально важную роль в промышленном перевороте в Англии. Это, безусловно, впечатляющие результаты для начала модернизации, но необходимо заметить, что это была лишь вершина айсберга, а в глубинной толще страны, прежде всего в многомиллионной крестьянской массе, которая не ведала ни экономических, ни культурных преобразований, доминировал по-прежнему традиционный феодально-крепостнический строй<sup>1</sup>.

При преемниках Петра I государственная инициатива по развитию модернизации заметно сократилась. Основной целью было не столько развитие производительных сил страны, сколько удовлетворение текущих фискальных потребностей государства. По мнению А.Б. Каменского, Екатерина II полагала, что «главным занятием населения страны должно остаться земледелие, а мануфактурное производство должно либо занимать свободное время земледельцев, либо поглощать избыточную рабочую силу». Она считала вредным большое скопление людей в городах, возмущалась концентрацией промышленности в Москве<sup>2</sup>. С традиционной и экономической точек зрения это выглядело естественно, но с позиций грядущей мировой промышленной революции – недальновидно, хотя императрица была знакома с идеями предреволюционных французских философов. В итоге реформы Екатерины II не устранили главных препятствий на пути модернизации – крепостного права и самодержавия.

Аналогичная ситуация наблюдалась при последующих монархах – Александре I и особенно Николае I, который придерживался традиций самобытного развития. Империя по-прежнему оставалась традиционным обществом, хотя предпринимались попытки вывести ее из этого состояния. Известны проекты реформ М.М. Сперанского, П.Д. Киселева и др., которые стали предвестниками грядущих модернизационных преобразований, но пока еще не сдвинули устоев крепостничества и самодержавия. В данной связи необходимо по-новому взглянуть на роль движения декабристов. В трактовке Николая I, это государственные преступники; с точки зрения Ленина и советских историков, они первые революционеры в России, а с нашей – недооцененные акторы российской модернизации. В самом деле, они выступили против главных препятствий модернизационного процесса в стране – самодержавия и крепостничества, а многие из тех, кто избежал смертной казни, в меру своих возможностей содействовали преобразованию Отечества в перспективном направлении.

В итоге, несмотря на петровские реформы, приблизившие Россию к западно-европейскому стандарту модерна, страна вплоть до середины XIX в. в основном оставалась традиционным обществом со всеми его атрибутами, которые дальше уже не могли уживаться с реальностями индустриализующегося мира и обрекали ее на стадильное отставание от ведущих стран Запада, что убедительно проявилось в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. Государству пришлось срочно перестраиваться, наверстывая упущенные возможности, что привело к противоречивым последствиям, возникшим в ходе буржуазных реформ второй половины века. Однако, в силу сложившейся ситуации, Россия не могла дальше катиться по старой колее, хотя, в отличие от европейских государств, ее производительные силы оставались еще далеко не исчерпанными. Важную роль в этом играли вновь осваиваемые (колонизируемые) необъятные пространства, ресурсы которых, к сожалению, большей частью использовались не столько для внедрения новаций, сколько для удовлетворения растущих потребностей государства и его элиты.

Впрочем, необходимо иметь в виду, что в первой половине XIX в. Россия не представляла принципиального исключения в мировой истории. Тогда подавляющим большинством населения Земли по-прежнему оставалось крестьянство. Даже в развитых державах доля сельского населения составляла 80–90%. В ряде стран сохранялось крепостное право. К числу крупных городов

<sup>1</sup> См. подробнее: Алексеев В.В. Россия в модернизирующемся мире // История России: Теоретические проблемы. Модернизационный подход в изучении российской истории. М., 2013. С. 203–204.

<sup>2</sup> См.: Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М., 1999, С. 351.



относились только Лондон и Париж. В промышленности преобладали полукустарные предприятия. Грамотность населения находилась на низком уровне, а его менталитет отражал типичные ценности традиционного общества, что создавало препятствия для проведения инновационных мероприятий. Так продолжалось до «двойственной революции» – французской 1789 г. и происходившей одновременно с ней британской промышленной революции<sup>1</sup>.

Период всеобщей индустриализации наступил в середине XIX в.<sup>2</sup>, когда рабство заменил наемный труд, развернулась массовая капиталистическая модернизация. Во всем мире ускорился переход от традиционного аграрного общества к современному по тому времени индустриально-урбанистическому. Во главе первого эшелона модернизации шли – Англия, Франция, США. Россия, находясь во втором эшелоне, активизировала свои усилия в этом направлении, особенно после отмены крепостного права и серии реформ 1860–1870-х г. Ей предстояло преодолеть значительное отставание от передовых держав.

Об этом написано много, не стоит повторяться, но применительно к данному тексту необходимо подчеркнуть, что отставание носило стадийный характер. В то время как мир вступал в новую индустриальную стадию развития, Россия оставалась традиционной аграрной державой. Причин тому было немало. Не впадая в идеологическую апологетику, остановимся на главном – путях выхода из такого положения. Для преодоления векового отставания недоставало должных социально-экономических предпосылок. Ощущался дефицит в стратах или классах, обладавших необходимым социальным положением, политическими правами, финансовыми ресурсами и знаниями для осуществления социальной трансформации.

К середине XIX века промышленная революция в Европе обеспечила решающее превосходство ее ведущих держав в военной технике над отставшей в этом отношении Россией, что особенно наглядно проявилось в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. Русская промышленность оказалась не в состоянии обеспечить армию современным вооружением. В то время как англо-французская эскадра располагала мощным флотом паровых судов, российские моряки плавали на парусниках. В 1854 г. флот России состоял из 446 военных кораблей, в числе которых насчитывалось лишь 65 современных паровых судов<sup>3</sup>. Хуже того, крепостное право в России, в отличие от ряда европейских стран, препятствовало введению всеобщей воинской повинности и тем самым ограничивало живую силу армии и ее мобильность. Трудно решались транспортные проблемы. В итоге война была проиграна и вызвала глубокий кризис власти, которая вынуждена была пойти на кардинальные реформы модернизационного плана. «Крымская войны доказала, – писал по этому поводу министр финансов М.Х. Рейтерн, – что без железных дорог и механической промышленности Россия не могла считаться вне опасности в собственных границах»<sup>4</sup>.

Опасаясь гибели ослабевшей империи, царь Александр II, олицетворявший государственную власть в стране, принял решение об отмене крепостного права и проведении реформ, получивших название второй пореформенной (александровской) модернизации. Это стало главным проявлением акторской роли Российского государства на новом модернизационном витке. При этом требовались принципиально новые решения не только в военно-политической, но и в социально-экономической сфере для того, чтобы обеспечить экономический рост на базе кардинальных реформ в области финансов, экономики, социальных отношений. В отличие от стран Западной Европы, где модернизация долго вызревала внутри социума, в России ее предстояло спешно проводить усилиями государственной власти. Ситуация осложнилась тем, что Запад уже пережил промышленную революцию, а в России она стала возможна в полной мере только после отмены крепостного права. Такое положение признавал М.Х. Рейтерн, который писал: «Опыт показал, что при крепостном праве рассчитывать на улучшение финансов было невозможно, потому, что улучшение это должно быть последствием экономического развития, а сие последнее несовместимо с крепостным положением народа»<sup>5</sup>. Он предложил программу долгосрочных экономических преобразований, которая легла в основу деятельности правительства. Коренные перемены

<sup>1</sup> См: Хобсбаум Э. Век революции. Европа 1789–1848. Ростов-на-Дону, 1999. С. 6, 20.

<sup>2</sup> Там же. С. 240.

<sup>3</sup> История человечества. Т. VIII. Россия. М., 2003. С. 442.

<sup>4</sup> Цит. по: Гиндин И.Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. С. 31.

<sup>5</sup> Рейтерн М.Х. Биографический очерк. СПб., 1910, приложение. С. 162.

в экономике, кредитно-банковской системе, поощрение частного предпринимательства, а также земская и судебная реформы, перестройка армии и сферы образования существенно изменили облик страны, заметно подвинули ее в сторону модернизирующегося Запада.

Наряду с важнейшими государственными актами экономического характера за период с 1882-го по 1893 г. было издано несколько законов, ограждавших интересы фабрично-заводских рабочих: «О работе и школьном обучении малолетних, работающих на фабриках, заводах и мануфактурах и об учреждении фабричной инспекции с главным фабричным инспектором по главе»; «Об ограничении работы женщин на фабриках, заводах и мануфактурах»; «О найме рабочих в заведения фабрично-заводской промышленности, о надзоре за сими заведениями и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих, с новым увеличением числа чинов фабричной инспекции» (1886 г.) и др. Хотя эти законы не всегда выполнялись, но они свидетельствовали, что руководство страны держало под контролем данный вопрос.

Из всей совокупности вышеназванных проблем остановимся на индустриальной составляющей, поскольку она служила базовым измерением модернизации. К отмене крепостного права Россия была далека до уровня промышленной державы. В 1854 г. общее количество ее промышленных предприятий составляло 9944 с численностью занятых 460 тыс. чел.<sup>1</sup>. Преобладали мелкие заведения мануфактурного типа. На них использовался преимущественно ручной труд людей крепостного состояния. Они располагались главным образом в районах Петербурга и Москвы, частично – на Урале. В России, в отличие от передовых европейских держав, еще не завершился промышленный переворот – переход от мануфактуры к фабрике со всеми вытекавшими отсюда социальными последствиями, прежде всего касавшимися формирования национального отряда рабочего класса с его экономическими и политическими требованиями.

На первых порах акторская роль государства на новом этапе модернизационного процесса активно проявилась в развертывании железнодорожного строительства, поскольку оно имело принципиальное значение для огромной по территории страны, развития ее производительных сил, формирования национального рынка и удовлетворения нужд населения, но сильно отставало от европейских стран. Если к 1865 г. протяженность железнодорожной сети России составляла 3,5 тыс. верст, то в Англии – 22 тыс. км, во Франции и Германии – по 14 тыс. км, а в США – 56 тыс. км<sup>2</sup>.

Первая в России железная дорога Санкт-Петербург–Царское село протяженностью 25 верст была построена на средства казны по личному распоряжению царя Николая I. Первый поезд проследовал по ней 30 октября 1837 г. Вторая Варшавско-Венская дорога, строилась в 1844–1848 гг. также по повелению императора на государственные деньги. С 1842 г. по указу Николая I развернулось сооружение железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвой, что считается началом создания железнодорожной сети страны. За 1842–1855 гг. в России было введено в эксплуатацию 979 верст рельсовых путей<sup>3</sup>.

Крымская война, с одной стороны, доказала абсолютную необходимость для страны (в первую очередь в военно-стратегическом отношении) развития железнодорожного транспорта, с другой стороны, расстроив финансы государства, резко сократила их приток для решения неотложной проблемы. С целью преодоления финансового дефицита и привлечения частного капитала в 1857 г. при поддержке государства было создано Главное общество российских железных дорог, обязавшееся построить в течение 10 лет 3900 верст железных дорог. Его учредителями стали крупные немецкие и французские банкиры. Правительство гарантировало акции общества на сумму 100 млн руб.

После удачной постройки и эксплуатации Московско-Рязанской железной дороги у иностранных предпринимателей разрушилось предубеждение относительно возможности вложения средств в строительство русских железных дорог. В результате со второй половины 1860-х гг. в изобилии стали поступать заявки на такое строительство, и правительству оставалось только решать, кому из заявителей отдать предпочтение. За 1865–1875 гг. протяженность железнодо-

<sup>1</sup> История человечества. Т. VIII. С. 441.

<sup>2</sup> История человечества. Т. VIII. С. 445.

<sup>3</sup> См. подробнее: Хадонов Е.Е. Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России (1861–1904 гг.). М., 1997. С. 123–131.

рожных сетей увеличилась в пять раз и достигла 19 тыс. верст<sup>1</sup>. В силу того, что государство гарантировало чистый доход в размере 5% на затраченный капитал и другие привилегии, «фактически железные дороги строились на государственные средства или на средства, гарантированные государством»<sup>2</sup>.

Во второй половине 1870-х гг. «концессионная горячка» по постройке железных дорог пошла на убыль. К началу 1880-х гг. общая задолженность частных дорог государству составила почти 1100 млн руб.<sup>3</sup>, что делало государственный долг страны неподъемным. Более того, частные предприниматели не всегда добросовестно исполняли свои обязательства по железнодорожным заказам. Свидетельство тому авария царского поезда у станции Борки (вблизи г. Харькова), которая едва не привела к гибели Александра III и его семьи. Так завершился первый пореформенный этап железнодорожного строительства в России.

Строительство железных дорог и их эксплуатация предъявили высокий спрос на металл, которого в стране в то время производилось недостаточно. Уральская металлургия после отмены крепостного права переживала глубокий кризис по двум главным причинам. Первая объяснялась потерей дармовой рабочей силы крепостных. Вторая происходила из незавершенности промышленного переворота, поскольку основой производства оставалось древесное топливо, а не каменный уголь, как в странах Западной Европы. Конкурентом Урала выступала южная металлургическая база, но она пока еще не вышла на пик своих достижений. Недостаток отечественного металла приходилось компенсировать зарубежными закупками. В 1870 г. его внутреннее производство составило 359,5 тыс. тонн, а из-за границы поступило почти в два раза больше – 679,5 тыс. тонн. В 1880 г. – соответственно 448,4 тонн и 784,9 тонн<sup>4</sup>.

В целом спрос на металл в условиях модернизации интенсивно возрастал. Главным потребителем стала тяжелая промышленность. К середине 1870-х гг. сформировались крупные предприятия транспортного машиностроения, такие как Коломенский, Сормовский, Невский заводы. Тогда в России существовало 5 паровозостроительных, 12 вагонных, 8 рельсовых и 47 других предприятий, выполнявших железнодорожные заказы. Эти заказы с каждым годом увеличивались. Если их первая серия в 1868 г. составляла 204 паровоза, 100 пассажирских и 6700 товарных вагонов, 4 млн пудов рельсов, то вторая серия в 1874 г. насчитывала 470 паровозов, 700 пассажирских и 20 500 товарных вагонов<sup>5</sup>.

Проследить общую динамику роста численности крупных промышленных предприятий в пореформенный период довольно трудно в связи с недостатком статистических данных. По расчетам В.И. Ленина таких в Европейской России в 1866 г. было 2,5–3 тыс., а в 1879 г. их стало 4,5 тыс.<sup>6</sup>. В числе этих предприятий были как государственные, так и частные, причем частные нередко эффективно конкурировали с государственными, например, Демидовские на Урале, Юзовские в Донбассе, Нобелевские на Кавказе.

Государственные структуры формировали промышленную политику и контролировали ее осуществление. Особое внимание уделялось таможенному и тарифному законодательству, поддержанию отечественных производителей. В мае 1876 г. было утверждено положение Комитета министров о запрещении беспошлинного ввоза рельсов. Через год принято не менее важное положение о мерах по развитию в России собственного производства паровозов и подвижного состава. Однако, удельный вес импортных материалов в развитии российской экономики оставался довольно высок. С начала сооружения российских железных дорог по 1876 г. на прокладку почти 19 тыс. верст ушло около 134 млн пудов рельсов, в том числе иностранного производства более 100 млн пудов<sup>7</sup>.

В других отраслях экономики и социальной сферы на данном этапе акторская роль государства проявлялась менее рельефно, хотя стояла задача не просто технической реконструкции, но и модернизации российского общества в целом. Почти за двадцать лет со времени отмены крепостного

<sup>1</sup> История человечества. Т. VIII. С. 445.

<sup>2</sup> Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912. С. 347.

<sup>3</sup> Хадонов Е.Е. Очерки из истории финансово-экономической политики пореформенной России (1861–1904 гг.). М., 1997. С. 39.

<sup>4</sup> См.: Гливиц И. Железная промышленность России. СПб., 1911. С. 45.

<sup>5</sup> Хадонов Е.Е. Указ. соч. С. 45.

<sup>6</sup> Ленин В.И. Соч. Т. 3. Изд. 4. С. 409.

<sup>7</sup> Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. II. Изд 3-е. М., 1952. С. 41–42.

права уровень индустриализации на душу населения поднялся в России по сравнению с Англией лишь на 2% и составил 10% в 1880 г.<sup>1</sup>, когда началась подлинная индустриальная революция.

Одним из главных тормозов модернизации выступала старая дворянская элита, не заинтересованная в кардинальных преобразованиях и выступавшая за сохранение своих привилегий, в частности, прав на большие земельные угодья и поставку продуктов сельского хозяйства на экспорт. Государство не сумело сполна воспользоваться 2 млрд руб. выкупных платежей, полученных с крестьян за землю в ходе отмены крепостного права. Эти средства частично осели на дворянских счетах в банках или были использованы для приобретения новомодной роскоши в Западной Европе теми же дворянами, но не пошли на нужды модернизации Отечества.

После отмены крепостного права огромная масса крестьян превратилась в армию наемных работников, в том числе и на селе, по-прежнему производя сельскохозяйственную продукцию на экспорт. Обсуждая преобладание этой продукции в российском экспорте, знаменитый ученый Д.И. Менделеев писал о том, что «русский мужик, переставший работать на помещика, стал рабом Западной Европы и находится от нее в крепостной зависимости, доставляя ей хлебные условия жизни»<sup>2</sup>. Политическая и экономическая система России продолжали сохранять признаки феодального строя. Последствием модернизации стало массовое разрушение образа жизни миллионов людей, вызвавшее маргинализацию населения и оппозиционные настроения в обществе, терроризм, жертвой которого стал главный актор модернизационного перехода той поры царь Александр II.

Второй этап пореформенной модернизации (80-х гг. XIX в. – начала XX в.) был более активным и результативным, но, как и первый, существенно отличался от ситуации в Западной Европе. Его последовательный и яркий идеолог С.Ю. Витте разъяснял: «В России, по условиям жизни нашей страны, потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличает ее от Англии, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность... В Англии класс чиновников должен только направлять частную деятельность. В России же кроме направления частной деятельности он должен принимать непосредственное участие во многих отраслях общественно-хозяйственной деятельности»<sup>3</sup>.

Возрастание акторской роли государства диктовалось условиями догоняющей модернизации, необходимостью концентрации усилий нации в этом направлении и особенно капитала, которого в связи с очень низким уровнем потребления основной массы населения было крайне мало для ускорения экономического роста, а система привлечения зарубежных финансовых средств была еще недостаточно отработана. Вместе с тем существовали предпосылки для осуществления государством роли актора модернизации, так как государство было крупнейшим собственником средств производства: богатых природными ресурсами недр, земельных угодий, лесов, транспортных артерий, горных заводов и оборонных предприятий; оно полностью контролировало кредитно-денежную систему, монополизировало спирто-водочную торговлю, что давало немалые прибыли.

Если до середины XIX в. проблема модернизации сводилась в России преимущественно к преодолению отставания от иноземных держав в области вооружений и производству хлопчатобумажных тканей, то во второй половине века она охватила всю индустриальную сферу, прежде всего железнодорожное строительство, которое повлекло за собой ускорение развития металлургии и машиностроения. Причин такого поворота событий немало. Выделим две главные: во-первых, это мировой железнодорожный бум, во-вторых, необходимость освоения, «скрепления» всей территории необъятной страны в стратегическом и экономическом отношении. Если в России до 1861 г. было построено только 1 867 км. железных дорог, то в Германии – более 8 тыс., а в США – свыше 40 тыс. В следующем пятилетии Россия вышла на уровень Франции и превзошла Германию. Пиковыми стали 1896–1900 г., когда в России было построено 16 204 км железных дорог, что почти в 4 раза превышало германский показатель и в восемь раз французский<sup>4</sup>. Грузооборот железных дорог за 1868–1895 гг. увеличился в 14 раз.<sup>5</sup>

<sup>1</sup> Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени. Т. 2. М., 2013. С. 107.

<sup>2</sup> Менделеев Д.И. С думою о благе российском. Новосибирск, 1991. С. 10.

<sup>3</sup> Цит по.: Мау В.А. Сочинения. Т. 1. М., 2010. С. 73.

<sup>4</sup> См.: Витте С.Ю. Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. кн. 2. ч. 2. М., 2006. С. 587.

<sup>5</sup> Власенко В.Е. Денежная реформа в России 1895–1898 гг. Киев, 1949. С. 53.



Примечательно, что государство не только само строило железные дороги, но и активно выкупало частные дороги. За первое пятилетие 1880-х гг. было выкуплено в казну 1,3 тыс. верст частных железных дорог; за последующие 7 лет – еще 5,6 тыс. верст; за трехлетие (1893–1895 гг.) – свыше 10 тыс. верст старой железнодорожной сети<sup>1</sup>. Длина железных дорог страны на конец 1913 г. составляла 63 758 верст (68 017 км), из них на государственные линии приходилось 44 712 верст, на частные – 19 048 верст.<sup>2</sup> «Железнодорожное строительство, – по мнению И.Ф. Гиндина, – являлось ведущим звеном индустриального процесса и главным рычагом государственного воздействия на экономику...»<sup>3</sup>.

Во второй половине XIX в. Россия быстро наращивала темпы промышленного развития, переходя от традиционно-аграрной экономики к индустриальной, к экономике «угля и стали». С 1870 г. по 1913 г. добыча угля увеличилась в 36 раз, а производство чугуна – в 13 раз (Россия находилась по этим показателям на четвертом месте среди европейских стран)<sup>4</sup>. По среднегодовым темпам прироста промышленной продукции (5,2%) она обогнала все страны Европы и США<sup>5</sup>, но по объему промышленного производства в 1913 г. Россия уступала Франции в 2,5 раза, Англии – в 4,6 раза, Германии – в 6 раз, США – в 4,3 раза<sup>6</sup>.

Именно на рубеже XIX–XX вв. в России была создана базовая отрасль народного хозяйства – тяжелая промышленность. Более того, практически ее единственной составляющей, имеющей значение для экспорта, являлась нефтяная промышленность. Россия на некоторое время даже вышла на первое место по добыче нефти. Главным центром нефтяной промышленности был Апшеронский полуостров (Баку). Добыча нефти здесь выросла со 116 млн пудов в 1885 г. до 600 млн пудов в 1900 г.<sup>7</sup> По мере развертывания модернизации все более важную роль играла энергооборуженность промышленных предприятий. В то время как с 1900 по 1908 гг. численность таких предприятий увеличилась всего на 4,9%, количество рабочих на них выросло на 16%, а мощность оборудования возросла на 41,2%<sup>8</sup>.

Перед российской модернизацией стояла задача догнать лидеров мирового модернизационного процесса или, по крайней мере, приблизиться к ним. Для этого существовали некоторые предпосылки, в частности использование технологических и институциональных достижений развитых стран. Центральным вопросом государственной политики была концентрация ресурсов на «прорывных» направлениях технического прогресса, мобилизация всех сил и средств, доступных в данный исторический период. В этих условиях государство перешло к активным мерам регулирования хозяйственной жизни. Это проявилось в создании специфической налоговой системы, позволявшей извлекать доходы, получаемые в сельском хозяйстве, и направлять их в первую очередь на развитие индустриализации, в активной протекционистской политике, в покровительственном таможенном тарифе, выкупе железных дорог в казну и развертывании их строительства за счет государства. Последовали коренные изменения основ хозяйственной деятельности. Ускоренная модернизация характеризовалась значительными масштабами вмешательства государства в процесс аккумуляции капитала и перераспределения его от традиционных секторов экономики к приоритетным, что расценивалось некоторыми критиками режима как построение бюрократического социализма.

Это нашло отражение в различных государственных актах и особенно во всеподданнейших записках министров финансов царям соответствующих эпох: М.Х. Рейтерна «О настоящих финансовых затруднениях и о тех мерах, которые должны быть приняты к улучшению финансового и экономического положения государства» (сентябрь 1866 г.); Н.Х. Бунге «О финансовом положении России» (сентябрь 1880 г.); И.А. Вышнеградского «О задачах финансовых учреждений в деле устранения дефицита в государственном бюджете» (декабрь, 1886 г.) и особенно в пакете

<sup>1</sup> Власенко В.Е. Денежная реформа в России 1895–1898 гг. Киев, 1949. С. 607.

<sup>2</sup> Там же. С. 621.

<sup>3</sup> Там же. С. 589.

<sup>4</sup> См.: Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени. Т. 2. М., 2013. С. 113.

<sup>5</sup> См.: Вишневский А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. Изд. 2-е. М., 2010. С. 12.

<sup>6</sup> См.: Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М., 1948. С. 288.

<sup>7</sup> Тери Э. Экономическое преобразование России. М., 2008. С. 69.

<sup>8</sup> Там же. С. 67.

служебных записок С.Ю. Витте Николаю II, в которых, конечно, не употреблялось слово «модернизация», но они решали важные вопросы модернизационного характера.

Необходимо подчеркнуть, что наряду с решением крупных общегосударственных социально-экономических проблем государством принималось множество конкретных постановлений по хозяйственным и социальным вопросам, так или иначе связанным с модернизацией. Проследим это на некоторых примерах по материалам министерства финансов, которое в тот период координировало основную работу в данной области. В них отмечалось большое несоответствие спроса и предложения на нефть в стране, для устранения которого «явилась необходимость беспошлинного ввоза в империю заграничной нефти, что санкционировали и Государственная Дума 3 июня, и Государственный совет 16 июня сего (1913 – В.А.) года этот законопроект приняли, а 21 июня он «удостоился Высочайшего утверждения»<sup>1</sup>. Стоит отметить оперативность прохождения данного акта в государственных учреждениях.

Аналогичным образом было принято постановление «О разрешении беспошлинного ввоза из-за границы каменного угля для потребностей казенных и частных железных дорог»<sup>2</sup>, а также закона «О предоставлении Совету Министров временных полномочий по пропуску, с оплатой пониженную пошлиною чугуна из-за границы». При этом указывалось, что «русская металлургическая промышленность в последние годы чувствует громадный недостаток в чугуне на внутреннем рынке и недостаток железа. Это происходит, главным образом, вследствие усиленного экономического развития страны...»<sup>3</sup>. Последнее признание лишний раз свидетельствует о форсированном характере модернизации в начале XX в.

Отличительной особенностью индустриализации России стало то, что в результате государственного регулирования отрасли тяжелой промышленности развивались быстрее, чем легкой. Это происходило вследствие необходимости форсирования железнодорожного строительства и создания современной военной промышленности, которая требовала огромного количества продукции металлургии и машиностроения. Формировались новые промышленные районы, особенно на юге страны (Харьковская и Ростовская губернии, Донбасс и др.), где развивались угледобыча, металлургия и машиностроение. В последние три-четыре года XIX в. там вступили в строй 17 металлургических заводов, которые поставляли более половины металлургической продукции России. А на северо-западе с центром в Санкт-Петербурге разрастался мощный военно-промышленный комплекс на базе крупных предприятий тяжелой промышленности, обеспечиваемых надежными государственными заказами.

Развитию оборонной промышленности государство уделяло первостепенное внимание. На военных программах «выросли» крупные финансово-промышленные группы. Группа Русско-Азиатского банка контролировала «Общество Путиловских заводов» (производство артиллерии, боеприпасов, судостроение), Невский судостроительный завод, «Русское общество для изготовления снарядов и военных припасов», Ревельский судостроительный завод, «Общество Тульских доменных печей» и Юзовский завод. Группа Санкт-Петербургского международного коммерческого банка «вела» судостроительное предприятие в Николаеве, «Русско-Бельгийское металлургическое общество», Петербургский металлический завод, Сормовский завод (судостроение, паровозостроение), Коломенский завод (паровозостроение) и др.<sup>4</sup> Расходы Военного министерства за 1900–1913 гг. выросли с 300,9 млн руб. до 581,1 млн, а Морского министерства – соответственно с 78,7 млн руб. до 244,8 млн. На долю этих министерств в 1913 г. приходилось 26,7% обыкновенного бюджета России, а с учетом чрезвычайного бюджета – 28,2%.<sup>5</sup>

В результате к началу Первой мировой войны русская армия превосходила армии европейских держав по всем основным показателям: по численности мобилизованных (5,3 млн чел. – в России, 3,8 – в Германии, 2,3 – в Австро-Венгрии, 3,7 – во Франции, 1 млн чел. – в Великобритании), количеству орудий (7 тыс. – в России, 6,5 – в Германии, 3,2 – в Австро-Венгрии, 3,3 – во Франции, 1,2 тыс. – в Великобритании), количеству самолетов (263 – в России, 232 – в Германии,

<sup>1</sup> Народное хозяйство в 1913 году. Петроград, 1914. С. 604.

<sup>2</sup> Там же. С. 605.

<sup>3</sup> Там же. С. 606.

<sup>4</sup> См.: Шапцлло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне: Генералы и политика. М., 2000. С. 353–354.

<sup>5</sup> См.: Петров Ю.А. Государственный бюджет Российской империи. URL: <http://www.protown.ru/information/hide/6612.html> (дата обращения: 20.06.2015).

65 – в Австро-Венгрии, 156 – во Франции, 90 – в Великобритании). Однако состояние армии, ее вооружения, инженерных сооружений, коммуникаций и т.д. не удовлетворяло военных. Поэтому программы развития вооруженных сил принимались вплоть до 1914 г. Обращает на себя внимание то, что на комплексную реконструкцию военных заводов средства были выделены только за год до начала войны. Многие производства пришлось разворачивать уже во время войны<sup>1</sup>.

К началу XX в. потребности России в машинах и оборудовании на одну треть удовлетворялись за счет собственного производства. В 1913 г. более половины электрических машин и электрооборудования, используемых в стране, производилось на ее заводах. Действовало восемь паровозостроительных заводов, которые удовлетворяли практически все потребности государства. Осваивалось производство автомобилей и даже самолетов<sup>2</sup>.

Несмотря на заметные успехи имперской модернизации рубежа XIX и XX вв., технико-экономическое отставание России от передовых держав той эпохи все-таки не было преодолено. Накануне Первой мировой войны российская промышленность давала только 20% национального дохода страны, тогда как в Англии и Германии на долю промышленности приходилось соответственно 43 и 44,7%. Тогда же лишь 14,6% населения Российской империи составляли горожане, 22% – были заняты вне аграрного сектора (против более 50% всего самостоятельного населения стран Западной Европы). В доходах на душу населения Россия отставала от государств Западной Европы в 2,5–4 раза<sup>3</sup>. Очень важно еще и то обстоятельство, что энергетической базой российской промышленности оставался преимущественно паровой двигатель, тогда как западноевропейская индустрия активно переходила на электрический.

Концентрированное выражение государственной политики в области модернизации на рубеже веков находим во всеподданнейшем докладе императору Николаю II министра финансов С.Ю. Витте (1900 г.). Этот документ дает возможность в обобщенном виде представить реальную ситуацию в стране и конкретные правительственные меры по развитию индустриализации. В нем, разумеется, отсутствует слово «модернизация», но он раскрывает ее смысл и позволяет довольно ясно судить о государстве как акторе модернизационного процесса в Российской империи. Приведем некоторые свидетельства на этот счет.

В докладе С.Ю. Витте утверждается, что за два десятилетия (1878–1897 гг.) страна более чем утроила свою горную и фабрично-заводскую промышленность, что превышает темпы роста промышленности экономически развитых государств. Тем не менее, по данным 1898 г., на одного жителя России приходилось 1,04 пуда чугуна, тогда как в Англии – 13,1 пуда, в США – 8,9 пуда, в Германии – 8,1 пуда. Производство каменного угля на одного россиянина было в 20 раз ниже, чем в Германии, и в 34 раза меньше, чем в Англии<sup>4</sup>.

Исходя из этого, автор делал вывод: «Россия и по настоящее время остается страной по преимуществу земледельческой, а при сложившемся ныне строе политических и экономических международных отношений земледельческая страна, не имеющая своей собственной промышленности, достаточно развитой, чтобы удовлетворять главным потребностям населения продуктами отечественного труда, не может почитать свою мощь непоколебимой, без своей собственной промышленности она не может достигнуть настоящей экономической независимости, а опыт всех народов наглядно показывает, что только хозяйственно самостоятельные народы оказываются в силе проявлять в полной мере и свое политическое могущество... В настоящее время политическое могущество великих государств, призванных выполнять исторические задачи, создается столько же духовными силами народа, сколько и его экономическим строем, и даже боевая готовность страны определяется не одним уровнем ее военной организации, но и степенью развития ее промышленности... и было бы роковою исторической ошибкою предполагать, что с удовлетворением этой насущной потребности в создании широкой и разнообразной промышленности можно медлить»<sup>5</sup>.

Столь длинная цитата содержит официальное объяснение социально-экономического положения страны и со всей очевидностью доказывает неотложность ускорения ее индустриализации.

<sup>1</sup> См.: Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне: Генералы и политика. М., 2000. С. 353–354.

<sup>2</sup> См.: Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 39.

<sup>3</sup> Там же. С. 40.

<sup>4</sup> См.: Докладная записка Витте Николаю II // Историк-марксист. 1935. № 2/3. С. 131, 132.

<sup>5</sup> Там же. С. 133.

зации. Однако для этого России не хватает национального капитала. Его общий объем, привлеченный в промышленное и торговое развитие, в записке определяется приблизительно в 2 млрд руб., из которых только около 50% русского происхождения, т.е. около 8 руб., приходится на душу населения, тогда как в Англии – более 300 руб. Поэтому выдвигается задача привлечения капиталов из-за границы. В записке предложена система государственных мер по выполнению этой задачи и по совершенствованию внутреннего российского законодательства в интересах национальной промышленности, в том числе по борьбе с проявлениями ведомственной разобщенности и чиновничьего произвола «от урядника и восходя до генерал-губернатора».

Автор записки, исходя из того, что «более широкое и быстрое развитие промышленности становится первостепенною государственною задачею», предлагал масштабную систему правительственных мер по ее осуществлению, уповая на волю «императорского величества о надлежащем направлении нашей промышленности»<sup>1</sup>. В заключение он испрашивал монаршего соизволения на сосредоточение руководства промышленностью в Министерстве финансов. Такая централизация состоялась, что привело в дальнейшем к созданию специального Министерства торговли и промышленности (1905 г.).

Традиции вмешательства государства в сферу экономики, активного стимулирования развития национальной промышленности, как отмечалось выше, зародились еще при Петре I. Однако, вплоть до последней трети XIX в. взаимоотношения государства с промышленным сектором экономики носили эпизодический характер, лишь с 1880-х гг. индустриальное развитие становится непосредственной заботой правительства, а с начала 1890-х гг. интенсивный рост фабрично-заводской промышленности начинает выступать в качестве самостоятельной и ключевой задачи экономической политики российского государства.

Необходимость приоритетной поддержки собственной промышленности отвечала представлениям царя Александра III, который считал, что: «Равномерное ограждение и оживление всех отраслей русской промышленности стоит здесь на самом видном месте. Пока столь большой и сильный русский народ, ставший уже в числе передовых, не будет иметь своей собственной сильной промышленности – не исполнится истинное завещание Петра Великого, не будет объяснена причина, по которой рубились окна на Запад и на Юг, и не может быть понят весь смысл последних столетий нашей истории. Надо было громко сказать: пора развиваться русской промышленности, как залогоу экономической независимости и зрелости и как средству к достижению возможного народного благосостояния, просвещения и всяких видов прогресса: пора направить русские силы на покорение обильной природы страны, вывести ее из эпохи земледельческой в более сложную – промышленную, совершенно неизбежную по строю развития всего образованного мира»<sup>2</sup>.

Собственно первая программа промышленного развития России датируется 1893 г., когда министром финансов С.Ю. Витте было подготовлено представление «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур» для Государственного совета<sup>3</sup>. Дальнейшее развитие эта идея получила в записках Витте на имя императора Николая II «О необходимости установить и затем непременно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики Империи» (1899 г.) и упомянутой выше «О положении нашей промышленности» (1900 г.)<sup>4</sup>. Однако такая постановка проблемы в силу конкретно сложившейся ситуации в России непросто пробивала себе дорогу в реальной жизни. На этом пути решались задачи протекционизма и привлечения иностранного капитала. Протекционизм преследовал цель покровительства слаборазвитой национальной промышленности за счет строгих запретительных тарифов и пошлин. Витте заявлял, что «отречение от серьезного покровительства своей промышленности было бы не чем иным, как добровольным согласием на установление международного обмена, условием вполне очевидной неприкрытой эксплуатации своих производительных сил, т.е. на условиях не совместимых с достоинством великой державы»<sup>5</sup>. На практике эта мера имела как

<sup>1</sup> Докладная записка Витте Николаю II // Историк-марксист. 1935. № 2/3. С. 139.

<sup>2</sup> Глинский Б.Б. Период твердой власти // Исторический вестник 1912 № 8. С. 690.

<sup>3</sup> См.: Судьбы России: доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). СПб., 1999. С. 289–328.

<sup>4</sup> Там же. С. 331–358.

<sup>5</sup> Всеподданнейший доклад Министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1897 г. // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1897. № 1. С. 7.



позитивные, так и негативные результаты, но оставалась необходимой на этапе становления отечественной промышленности.

Активизация привлечения иностранных капиталов связана в России с тем, что после реформы 1861 г. страна встала перед жесткой необходимостью перехода к индустриально-технологическому типу организации экономики и преодоления отставания в этой сфере. Иностранные капиталы привлекались в двух формах – в форме займов (государственных или гарантированных правительством) и так называемых «предпринимательских» займов (организованных «на» или «при помощи» иновложений предприятий). К 1914 г. иновложения в облигации государственных и гарантированных правительством займов составили 4,5 млрд руб.<sup>1</sup>

Крупной и очень важной акцией государства на пути продвижения модернизации стала денежная реформа 1895–1897 гг., которая обеспечила золотое содержание рубля, первый и единственный раз в истории сделала его конвертируемой валютой, обеспечила большой приток средств для индустриального развития страны. О самой реформе, ее авторе и проводнике С.Ю. Витте существует многочисленная литература. Поэтому не будем касаться механизма ее проведения, а обратим внимание только на значение для углубления модернизационного процесса в России.

Ускоренная, догоняющая индустриализация, которой предстояло стать базой модернизации и противостояния зарубежной угрозе, требовала огромных средств, но страна ими не располагала. Поэтому пришлось обратиться к иностранному капиталу, а он требовал стабилизации денежного обращения на основе введения устойчивой золотой валюты, которая способствовала повышению доверия к России и притоку капиталов в сферу ее производства. Несмотря на серьезные трудности и определенные издержки эта задача была решена. Кроме того, реформа содействовала привлечению в бюджет новых внутренних источников средств. Она способствовала «запуску» внутренних механизмов роста экономики, что принципиально важно в условиях модернизации. Более того, реформа включила Россию в мировую систему золотого стандарта.

Важную роль в российской модернизации сыграл иностранный капитал. Государственные займы производственного назначения начались в 40-е гг. XIX в. в связи со строительством Петербургско-Московской железной дороги. К 1914 г. иностранный капитал составлял одну треть вкладов в российские ценные бумаги, а в общей сумме вложений на производственные цели его удельный вес превышал половину всех вложений. Он сыграл первостепенную роль в создании важных отраслей промышленности, таких как горно-металлургическая, машиностроительная, электротехническая, химическая<sup>2</sup>. В этой же связи необходимо учесть роль иностранного предпринимательства непосредственно на территории России, которое регулировалось многочисленными государственными законами.

Большую сложность для российского государства представляла обратная сторона модернизации – аграрный вопрос, который, по словам Д.И. Менделеева, «требовал мировой сделки между сельским хозяйством и фабрично-заводской промышленностью». Феномен промышленного бума последнего десятилетия XIX в. развивался на фоне невиданного разрыва между сельским хозяйством и промышленностью. Страна по важнейшим показателям производства продукции на душу населения была отброшена на десятилетия назад по сравнению с Западом. Крестьянская реформа, начатая 1861 г., так и не завершилась к началу Первой мировой войны, несмотря на попытки П.А. Столыпина придать ей новое ускорение. Об этом очень много написано, преимущественно в плане возможных ее перспектив, но результат-то нужен был тогда, а не потом, когда дело дошло до революции. Более трех четвертей населения страны оставалось в традиционном обществе, что свидетельствует о незавершенности модернизационного перехода в имперской России, несмотря на существенные достижения в индустриальной сфере, которые якобы гарантировали ей великое будущее в XX в. В этом смысле акторская роль государства оказалась не на должной высоте.

Тем не менее, одним из основных результатов модернизации России на рубеже XIX и XX вв. стал важный шаг на пути от традиционного сельского общества не только к индустриальному,

<sup>1</sup> См. подробнее: Алексеев В.В., Сапоговская Л.В. Исторический опыт промышленной политики в России. Екатеринбург, 2000. С. 59–62.

<sup>2</sup> Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России: Очерки. М., 1997. С. 7, 10.

но и к городскому обществу. Если до середины XIX в. удельный вес горожан в стране находился на уровне примерно 10%, а 80% городов имели преимущественно административные функции, то к 1913 г. он поднялся до 15%, что имело глубокие социально-экономические последствия<sup>1</sup>. На первый взгляд, разница в 5% не так уж велика, но это обозначило начало участия России в принципиально значимом мировом урбанизационном процессе, хотя и сильно запоздавшем.

Роль государства как организатора процессов урбанизации проявилась в меньшей степени, чем его участие в промышленном развитии и железнодорожном строительстве. Тем не менее, значимость такой активности государства для перспектив перехода от традиционности к современному не следует преуменьшать, поскольку в итоге «модернизация из заботы государственной становится заботой личной, вопросом жизни и смерти каждого»<sup>2</sup>. В 1885 г. в России было 13 городов со стотысячным населением, а в 1914 г. – уже 29<sup>3</sup>. Петербург и Москва к концу XIX в. стали городами-миллионерами. И тем не менее, накануне Первой мировой войны порядка 80% населения России оставалось сельским.

Противоречиво развивалась социокультурная модернизация. С одной стороны, государство было вынуждено поднимать культурно-технический уровень народа для обеспечения нужд модернизации, а с другой – боялось разрушить его традиционную покорность, обострить противоречия между сословиями, вековыми традициями и новациями модернизации, тем самым оно усугубляло социокультурный раскол общества. По оценке Б.Н. Миронова, «к началу XX в. только дворянство и духовенство (2% всего населения России) достигли почти полной грамотности; остальные сословия находились на уровне грамотности западноевропейских стран XVII в.: грамотность среди мужчин старше 9 лет в конце XVIII в. более 6%, в 1850 г. – 19%, в 1913 г. – 54%, у женщин – соответственно 4, 10 и 26%... Положение столь серьезно изменяется в начале XX в., особенно после того, как в 1908 г. Государственная дума приняла Закон о постепенном, в течение 10 лет, введении всеобщего обязательного начального образования, и верховная власть поддержала эту инициативу. Грамотность стала быстро повышаться, обгоняя даже текущие потребности народа в ней...»<sup>4</sup>.

Правительственные расходы на начальное образование увеличились в два раза с 1896 г. по 1900 г., еще в два раза – с 1901 г. по 1907 г. и в 4 раза – с 1907 г. по 1917 г. На относительно высоком уровне находилось гимназическое образование, поднимался уровень инженерного образования<sup>5</sup>: в 1898–1914 гг. было открыто четыре политехнических института. Росла сеть коммерческих училищ: их число увеличилось с 8 в 1894 г. до 260 в 1916 г. Развивалась наука: накануне Первой мировой войны в России действовало 298 научных учреждений. Особенно востребованными были работы ученых Императорской академии наук (с 11 июля 1917 г. Российской академии наук) в годы войны, когда было налажено взаимодействие академической науки и власти. Академик В.Н. Ипатьев стал личным докладчиком императора Николая II по вопросам науки. Для мобилизации ресурсов, необходимых для обороны, в 1915 г. была создана Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС) во главе с академиком В.И. Вернадским, которая действует до наших дней<sup>6</sup>.

Что касается отношения российской интеллигенции к успехам в деле форсирования модернизации страны, то оно было далеко не однозначно. Наряду с позитивной оценкой больших достижений в области науки и культуры, в пореформенный период наблюдалось крайне негативное отношение к вопросам предпринимательства, торговли, банковско-финансового дела, вообще капиталистического накопления и буржуазного уклада, что было следствием традиционного православного мировоззрения. Значительная часть интеллигенции и многочисленные политические партии, появившиеся в ходе и после революции 1905–1907 гг., отчаянно критиковали царизм, нередко доходили до самых радикальных западных идей (в первую очередь, социал-демократы), но одновременно испытывали ностальгию по старым добрым временам. Неспособность адекват-

<sup>1</sup> См.: Рашин А. Г. Население России за 100 лет. М., 1956. С. 88.

<sup>2</sup> Вишневский А. Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. Изд. 2-е. М., 2010. С. 79.

<sup>3</sup> См.: Рашин А. Г. Указ. соч. С. 104–110.

<sup>4</sup> Миронов Б. Н. Социальная история России (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб., 1999. С. 294.

<sup>5</sup> См.: Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998. С. 39.

<sup>6</sup> См.: Колчинский Э. И. Первая мировая война и мобилизационная модель организации науки // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85, № 3. С. 262, 265.

но соотнести традиции российской действительности с реалиями индустриальной эпохи вела к потере времени, напрасным жертвам, отсутствию эффективной программы действий в новых условиях.

Выбор модернизационного пути был осложнен старыми разногласиями о перспективах развития России, что наиболее ярко проявлялось в спорах западников со славянофилами. Их дискуссии сводились преимущественно к вопросу о путях общественно-политического переустройства страны и ее культуры, но они почти не касались технологических новаций, в связи с чем В.О. Ключевский заметил, что трудности России заключались в отставании от зарождающейся буржуазной индустриализации<sup>1</sup>. Продолжатели этого спора народники, исповедовавшие теорию аграрного (крестьянского) социализма, не видели в России особых перспектив для развития крупной промышленности. Позднее, критикуя западную практику первоначального накопления капитала и форсирования индустриализации, они высказались за так называемую «самоиндустриализацию», основанную не на массовом разорении крестьянства, а на улучшении его жизненных условий. Их противники – социал-демократы признавали значимость индустрии, но рассматривали ее прежде всего сквозь призму форсирования процесса формирования развития рабочего класса и его классовой борьбы на пути к социализму.

Правые партии неуклонно выступали за самобытное развитие страны, за сохранение самодержавия и традиционного уклада. «Союз русского народа» ратовал «за Веру, Царя, Отечество, за Престолонаследие»<sup>2</sup>. Обращение «Русского Собрания» к избирателям на выборах в Государственную думу в ноябре 1905 г., несмотря на реальные действия царского правительства по форсированию капиталистической модернизации, призывало: «Хозяйственная политика должна иметь своим руководящим началом взгляд на Россию, как на страну преимущественно крестьянскую и земледельческую, и своею целью благоустройство крестьянства путем улучшения сельскохозяйственной культуры, развития кустарных промыслов и увеличения площади крестьянского землевладения»<sup>3</sup>. В итоге Россия вступила в XX столетие не только с недостаточно развитой индустрией, но и без четко определенных перспектив ее будущего, что обрекало страну на дальнейшее отставание от цивилизованного мира, твердо вставшего на позиции индустриализма со всеми вытекавшими отсюда модернизационными последствиями.

Между тем, модернизация оказывала заметное, но противоречивое влияние на социальную сферу страны. Она способствовала подъему жизненного уровня некоторых слоев населения, хотя рабочий класс и крестьянство жили много беднее, чем в развитых странах Европы. Выступая на одном из совещаний министров в марте 1899 г. С.Ю. Витте отмечал, что средний размер потребления в России составляет «четвертую или пятую часть того, что в других странах признается необходимым для существования»<sup>4</sup>.

Население империи в интервале 1867–1913 гг. ежегодно увеличивалась на 1,5%, тогда как в среднем по Европе – только на 0,95%. «Кембриджская экономическая история Европы» объясняет это резким снижением уровня смертности, главным образом в сельских районах<sup>5</sup>. Конечно, это правильно, но надо помнить, что население всей страны в то время было по преимуществу сельским (до 85%), на селе следствием модернизации стал рост санитарной грамотности. Особенно большой прирост населения наблюдался в самом начале XX в. С 1900 по 1912 гг. он составил 26,2%, тогда как в Германии только 16,7%, в Англии 10,7%, во Франции 2,1%<sup>6</sup>. По составу населения Россия оказалась самой молодой страной в Европе, но значительная часть молодежи погибла в ходе Первой мировой и Гражданской войн; оставшиеся в живых и их дети вершили уже не царскую, а сталинскую модернизацию.

Ожидаемая продолжительность жизни в 1904–1913 гг. в России составляла у мужчин 32,4 года, а у женщин – 34,5 лет, в то время как в Англии – соответственно 51,5 и 55,4 года<sup>7</sup>. Ежегодный

<sup>1</sup> Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций: в 3 кн. М., 1993. Кн. 2. С. 357.

<sup>2</sup> Правые партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. Правые партии: Документы и материалы. Т. I: 1905–1910 гг. М., 1998. С. 71.

<sup>3</sup> Там же. С. 73.

<sup>4</sup> Цитируется по: Фурсенко А.А. Роль государственной политики в промышленном развитии России в конце XIX – начале XX в. // Препринт к X Международному конгрессу по экономической истории. М., 1990. С. 64.

<sup>5</sup> Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени. Т. 2. М., 2013. С. 160.

<sup>6</sup> Тери Э. Указ. соч. С. 13.

<sup>7</sup> Кембриджская экономическая история Европы... С. 162.

темпа роста ВВП на душу населения в России в 1870–1913 гг. составлял 1,07%, а в Англии – лишь 0,97%, тогда как индекс человеческого развития опережал российский почти вдвое<sup>1</sup>. Сказалось значительно более раннее включение Англии в модернизационный процесс. В России, как и во всей Европе, модернизация привела к массовому распространению женского труда вне дома. К 1898 г. в Московской губернии не менее 25% взрослых женщин было занято за пределами села в неаграрном секторе<sup>2</sup>.

Подводя итоги, можно констатировать, что имперская модернизация России проходила в специфических природно-климатических и историко-политических условиях с острым дефицитом финансовых ресурсов. Основная масса населения, ориентирующаяся на традиционное хозяйство и соответствующий ему менталитет, да и дворянская элита, заинтересованная в массовом экспорте сельскохозяйственной продукции, не испытывали острой потребности в инновациях и активно не внедряли их в жизнь страны. Не сформировался социальный слой (класс), кровно заинтересованный в этом. Так продолжалось до тех пор, пока государство не подошло к критической черте надвигающегося индустриализма и опасности потери суверенитета. Симптоматически в данной связи прозвучало в самом начале XX в. заявление одного из ведущих сановников империи С.Ю. Витте: «Великая страна не может ждать». Но было уже поздно. Почему?

Попытаемся объяснить это сквозь призму динамики исторического процесса, а не классовой борьбы, противостояния капитализма и социализма, как делалось недавно. Капитализм, зародившийся в Западной Европе, на базе модернизации, проник в Россию, несмотря на отчаянное сопротивление значительной части общества, борющегося за самобытное национальное развитие, которое в конечном счете не могло обойтись в новую эпоху без модернизации – перехода от традиционного аграрного строя к современному по тому времени индустриально-урбанистическому. Пришлось пользоваться опытом капиталистической модернизации, но он по причине поспешности применения пришел в противоречие с традициями России и привел к социальному взрыву, которым воспользовались социалисты и установили свой строй. Однако они не могли не прибегнуть к той же самомодернизации, но с другой политической окраской.

В результате можно утверждать, что модернизация – явление цивилизационной значимости в индустриальную эпоху, а капитализм и социализм – преходящие явления в ней. Поэтому при характеристике модернизации не столько важен уровень развития капитализма в России (по ленинской интерпретации), сколько достигнутый уровень модернизации, степень совершенства технологического уклада. По всей вероятности, имперская Россия находилась в третьем технологическом укладе, ключевым фактором которого был паровой двигатель, и заметно отставала от его лидеров (Великобритании, Франции, Бельгии, Германии, США), активно осваивающих четвертый уклад (из пяти пройденных до настоящего времени).

Если оценивать развитие России в имперский период с точки зрения динамики исторического процесса, то очевидно становится эпохальное столкновение традиционной, аграрной цивилизации, с новой, индустриальной, перед которой невозможно устоять, и все попытки это сделать были обречены на провал. Они привели к мучительной и затяжной трансформации, закончившейся катастрофой начала двадцатого столетия. Эволюционный путь модернизации перерос в революционный, но уже за пределами имперской эпохи.

### 2.3. СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

В имперскую эпоху своей истории, охватывающую период с начала XVIII до начала XX в., Россия пережила несколько более и менее масштабных попыток модернизации, отличавшихся на протяжении всего этого времени разной степенью интенсивности и глубины и в далеко не одинаковой мере затрагивавших отдельные части ее общественного организма. Можно, без сомнения, выделить в рамках этой протяженной эпохи общие черты, присущие всей траектории российских модернизаций, и среди них – безусловно, общий их ориентир – равнение на самую передовую и постоянно поддерживавшую это лидерство европейскую «современность». В ее обоб-

<sup>1</sup> Кембриджская экономическая история Европы нового и новейшего времени. Т. 2. М., 2013. С. 164.

<sup>2</sup> Там же. С. 169.



щенном виде европейскую, или западную, цивилизацию, воспринимаемую как последнее слово общественного прогресса, отличали динамичный рост индустриальной экономики и свободного рынка, научно-технологический рационализм, профессионализация, развитие структур гражданского общества, эмансипация личности и формирование политической культуры либерализма. Очевидно, что не все эти системно связанные компоненты образцовых европейских обществ с одинаковой степенью внимания воспринимались, а тем более копировались российскими акторами модернизации (и, прежде всего, главным из них – российской властью) как необходимое условие прогресса. Социокультурный источник европейского прогресса для России всегда представлял такую же тайну, какую для Запада представляла сама Россия, и во все времена оставался непостижимой и невоспроизводимой в процессе российских модернизаций субстанцией<sup>1</sup>. На этом основании можно говорить о том, что в модели российской имперской модернизации отношение к европейскому прогрессу всегда было вполне типичным для стран «полупериферии» – политически самостоятельных, уже затронутых его благотворным влиянием, но существенно отставших в общем развитии. В таких странах – по крайней мере, на начальных этапах – попытки модернизации инициировались чисто прагматическими интересами правящих элит, а поэтому копировали лишь внешние – ресурсно-силовые и технические – параметры европейской «современности», то есть то, что было в высшей степени важно с точки зрения первичного инстинкта любого государства – его безопасности и выживания. Такие преобразования – тем более осуществляемые в ускоренном, форсированном режиме – могли достигаться только жесткой мобилизацией материальных и социальных ресурсов, монопольным распорядителем которых выступало имперское государство. В этом взгляде на российские модернизации берет начало хорошо известный тезис о перманентно воспроизводимом «догоняющем» и даже «имитационном» характере модернизации в России. С высоты сегодняшнего состояния разработанности этой проблемы можно констатировать довольно широкий и противоречивый разброс точек зрения на потенциал российских модернизаций. Одну полярную крайность выражает давно высказанный тезис о контрпродуктивности гипертрофированной роли государства, которая каждый модернизационный рывок сопровождает воспроизводством мощного механизма торможения активности социальных сил, единственно способных двинуть вперед буржуазное развитие европейского типа<sup>2</sup>. Этому взгляду противостоит сегодня более глубокий и не такой категорично-негативный подход к оценке роли имперского государства в осуществлении модернизационного процесса. Симптоматичным выражением такого подхода является точка зрения Й. Арнасона, который, рассматривая модернизационный опыт Российской империи как структурный прототип советской модели модернизации, подчеркивает, что мобилизационная мощь государства имперского типа существенно отличается от связанного массой условностей более традиционного государства. По его мнению, абсолютистская империя, становясь движущей силой изменений, обеспечивает их радикализацию, но при этом сама со временем становится не противовесом гражданскому обществу, а, напротив, концентрированным и динамичным выражением потенциала его «самотрансформации». Ориентированная на модернизацию империя порождает авторитарный, «структурно деформированный», но довольно динамичный тип развития капитализма, представляющий реальную (по крайней мере, на определенном этапе) альтернативу классическому западному варианту<sup>3</sup>.

В этом контексте закономерно актуализируется вопрос о ведущих социальных субъектах, или акторах, российских модернизаций и о том, в какой мере они обладали перспективным проектным видением путей, механизмов и результатов модернизационных преобразований. Проще говоря, проблема заключается в попытке ответить на вопрос о том, в какой степени российская имперская модернизация XVIII – начала XX вв. следовала определенной стратегии преобразований. Вопрос этот достаточно сложен по самой своей сути. С одной стороны, коль скоро импульсы модернизации предполагают осознание правящей имперской элитой глубины и, возможно, даже причин отставания от передовых стран, всякая попытка преодоления этой отсталости уже несет в себе целенаправленное начало, порождающее – хотя бы в зачатке – определенную си-

<sup>1</sup> Зубков К.И. Модернизация, либерализм и русская консервативная мысль // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 16.

<sup>2</sup> См.: Спундз А.П. Очерк истории русской буржуазии // Наука и жизнь. 1988. № 1. С. 76–82.

<sup>3</sup> Arnason, Johann P. The Future That Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model. London, 1993. P. 19–20, 73.

стему, или план, действий. Но, если цели модернизации в своем основании восходят к решению проблемы безопасности и задаче создания сильного государства, а не повышению благосостояния общества или даже обогащению его правящей элиты, то не исчезает ли из самой стратегии модернизации тот смысловой стержень, который связывает ее с коренными интересами определенных социальных групп общества? Может ли такая анонимная, не связанная с конкретными социальными интересами, цель модернизации вообще сложиться в стратегию? Американский историк Дж. Биллингтон, говоря о процессах модернизации в России, отмечал в качестве их характерной черты то, что даже многообещающие технико-технологические и экономические новации, способные, по логике вещей, вызвать в обществе крупные социокультурные сдвиги, на русской почве продолжали чаще всего осмысливаться в структуре традиционных сверхличностных символов имперского могущества<sup>1</sup>. В нашей историографии также высказывался взгляд, который исходит из представления о том, что Российской империи, в отличие от наследовавшей ей «империи» советской, как раз недоставало социального субъекта, способного последовательно осуществлять модернизационный курс<sup>2</sup>.

Вопрос о стратегии модернизаций имеет и еще одну важную сторону, которую пронизательно уловил К.Д. Кавелин, анализируя «самое живое русское дело» – крестьянскую реформу 1861 г. В его представлении, реформа открыла новую эпоху российской истории, которая по своей противоречивости и по широте своих задач уже не соответствовала ни одному из умозрительных идеалов, которые тогда в России предвосхищали ее. В 1878 г. он писал: «Европейские и русские предпосылки только освещают с двух сторон задачи русской жизни, которая идет вперед, развивается своим чередом. Ни петровская, ни послепетровская старина не могут служить меркой для настоящего и грядущего; и та, и другая войдут в них только как составной элемент, как историческое данное»<sup>3</sup>. По существу, речь идет о том, насколько устойчивой была та или иная стратегия преобразований, насколько она была способна удерживать и реализовать перспективу развития, не сбиваясь, в конечном счете, на общее, полустихийное течение жизни. Как бы ни были затруднительны эти вопросы, задача реконструкции стратегического, проектного компонента в политике осуществления российских модернизаций XVIII – начала XX вв. становится одной из самых актуальных исторических проблем, перекликающихся с современными задачами развития России.

### **Абсолютистская модель**

Несомненно, петровская модернизация начала XVIII в. в наиболее ярком, концентрированном виде демонстрировала положенный в основу преобразований определенный стратегический замысел и даже их последовательно осуществляемый план. Это было обусловлено рядом важных обстоятельств и условий проведения модернизационных реформ. Во-первых, очевидной, несмотря на громадность и сложность задачи, относительной простотой самого замысла и резкостью его разрыва с предшествующим ходом развития. Реформы Петра I приняли форму масштабной «европеизации» русской действительности – умело направляемого властью процесса прямых организационно-технических и культурных заимствований и копирований (не всегда оправданных) у Европы и форсированного насаждения на русской почве этих образцов. Причем процесс европейских заимствований велся одновременно по широкому фронту, охватив собой не только военное дело, экономику и государственное управление, но также сферу культуры и быта, науку и образование, религиозную и внешнюю политику. Нельзя, конечно, считать, что преобразования Петра характеризовались полным отрывом от предшествующих тенденций развития. Как отмечал А.М. Панченко, «европеизация» России уже в нескольких поколениях до Петра проникала в толщу старомосковской старины, хотя не выливалась в устойчивую восходящую тенденцию, а представляла собой, скорее, «неоднородное и пестрое наследство»<sup>4</sup>. Можно констатировать, что Петром I этому уже обозначившемуся и подспудно

<sup>1</sup> Billington J.H. The Icon and the Axe. An Interpretive History of Russian Culture. New York, 1970. P. 382–383.

<sup>2</sup> См.: Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.

<sup>3</sup> Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 420.

<sup>4</sup> Панченко А.М. Начало петровской реформы: идейная подоплека // Из истории русской культуры. Т. III (XVII – начало XVIII века). М., 1996. С. 505.

идущему процессу был придан ускоренный и системный характер осознанного государственного курса. Одновременно доказательством объективно назревшего характера петровских реформ служит закрепление их результатов в последовавший за смертью царя-реформатора период, когда возможности возврата к старине вовсе не исключались и даже заметно проявляли себя в некоторой попятной реакции. Однако, как подчеркивал С.М. Соловьев, оценивая реформы Петра, «...новый порядок вещей остался и развился, и мы должны принять знаменитый переворот со всеми его последствиями как необходимо вытекший из условий предшествовавшего положения русского народа»<sup>1</sup>.

Во-вторых, возможность прочтения петровских преобразований как реализации определенного стратегического курса обусловлена и тем, что вся громадная масса изменений, определившая резкий поворот в жизни страны, приходится на период правления Петра I и фокусируется исключительно на его выдающейся личности. Критическую зависимость побед русского оружия в долгой Северной войне и успехов внутренних преобразований от личности самого Петра и его неустанной и разносторонней деятельности очень хорошо осознавали современники. Когда известный панегирист петровской эпохи Феофан Прокопович воспевал монарха как «[м]ногоочитаго воистинну и многорукаго, или паче многосоставного, и на многия места и дела разделять себя могущаго»<sup>2</sup>, в этом едва ли содержалось преувеличение. Личность и многогранная деятельность Петра I, как воплощение зарождающегося просветительского идеала свободного «разума», основанного на постижении исторической необходимости и способного возвысить до себя человеческий род лишь конечным сознанием своей правоты и ни с чем не считающимися деспотическими методами, придавали проекту первой российской модернизации отчетливый радикально-рационалистический, персоналистский характер. В понятиях своей эпохи, Россия при Петре I никого не «догоняла», но впервые насаждала на русской почве преодолевающую «варварство» цивилизацию исключительными усилиями монарха-демиурга. В этом отношении на фоне эпохи Просвещения фигура Петра отнюдь не одинока и сопоставима с личностями прусских монархов (Фридриха Вильгельма I, Фридриха II), подобными же деспотическими, насильственными средствами и глубоко личным стилем управления создавшими из захолустной окраины германских земель сильное военное и в некоторых отношениях образцовое европейское государство<sup>3</sup>. В России масштабность и сложность этой задачи компенсировалась использованием всей мощи такого традиционного института, как патримониальное, самодержавное государство, которое само в ходе преобразований подверглось основательной бюрократической рационализации, не затронувшей, однако, его решающего, системообразующего элемента – неограниченной власти самодержца.

Роль личности монарха как основной движущей силы преобразований подчеркивала узость социальной базы первой российской модернизации. Кроме ближайшего окружения царя, подавляющая часть правящей элиты была вполне равнодушна или находилась в скрытой оппозиции к его реформам – факт, как показал американский историк П. Бушкович, до известной степени обнаружившийся в ходе дела царевича Алексея (1716–1718 гг.)<sup>4</sup>. Характерный для первой трети XVIII в. лейтмотив полемической литературы (А.А. Матвеев, Ф. Прокопович, П.П. Шафиров, В.Н. Татищев), доказывающий нелегитимность сопротивления подданных воле монарха, косвенно свидетельствует о существовавших в русском обществе напряжениях, вызванных реформами Петра<sup>5</sup>.

Стремление создать опору своим реформам, прежде всего, в лице образованного дворянства как главного источника кадров для военной и государственной службы, преданного проводника замыслов и планов монарха, определила общую линию политики Петра I на унификацию дворянского землевладения (слияние вотчины и поместья, фамилизация земельных владений), приви-

<sup>1</sup> Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IX. История России с древнейших времен. Т. 17–18. М., 1993. С. 538.

<sup>2</sup> Прокопович Ф. Слово на похвалу блаженных и вечнодостоинныя памяти Петра Великаго // Панегирическая литература петровского времени / Под ред. О.А. Державиной. М., 1979. С. 288.

<sup>3</sup> Подробнее см.: Зубков К.И. Петровская модернизация как рецепция рационализма (методологический анализ) // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации: Сб. науч. ст. Екатеринбург, 1998. С. 68–69.

<sup>4</sup> Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671–1725. Cambridge, 2001. P. 339–382.

<sup>5</sup> Hamburg G.M. Russian political thought, 1700–1917 // The Cambridge History of Russia. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge, 2006. P. 117.

легий и обязанностей разных категорий дворянского сословия – с введением одновременно новой регламентации для военной или гражданской службы дворян. Меры по введению обязательного начального обучения дворянской молодежи, посылка ее для обучения за границей, установление порядка отбывания военной службы дворян-офицеров в новой сословной армии, устройство дворянских смотров, преследования «нетчиков», избегающих службы, – всё это закрепляло привилегированный статус дворянства, культурно отрывая его от народной массы и сообщая ему известное моральное превосходство над другими сословиями, но одновременно обременяло его, против прежнего положения, гораздо более тяжелой обязательной службой государству. Указ о единонаследии 23 марта 1714 г. – одно из самых противоречивых мер Петра – одновременно решая задачи сохранения дворянского землевладения от дроблений, разделял дворянское сословие на держателей имений и безземельных искателей службы, но и в том и в другом случае это делалось в видах превращения дворянства в массовый кадровый резерв для различных видов государственной службы. Хотя В.О. Ключевский находил в дворянской политике Петра мало подлинно нового, скептически усматривая в ней лишь приспособление старых отношений «к новым государственным потребностям»<sup>1</sup>, трансформация положения дворянства – по крайней мере, в замыслах Петра – определенным образом «демократизировала» его отношения с другими частями общества на общем поприще служения государству, находя для него полезную функцию. Нельзя в этом контексте обойти вниманием и другое нововведение последних лет петровского правления – известную Табель о рангах от 24 января 1722 г., которая, наряду с более ранним указом от 16 января 1721 г., решительно ставила принцип заслуг на службе государству впереди родовитости, автоматически открывая доступ в потомственное дворянство представителям других сословий, достигшим определенного служебного ранга<sup>2</sup>. Д. Ливен высоко оценивает петровскую Табель о рангах, отмечая не только созданный ею канал социальной мобильности и известной «демократизации» дворянского сословия, но и уникальность самого института пожизненной государственной службы дворянства и для Запада, и для России во все другие периоды истории. Хотя этот принцип ненадолго пережил Петра, этика службы государству довольно прочно закрепилась в традициях российского дворянства. По мнению Ливена, реформы Петра странным образом отразились на судьбе дворянства как общественного сословия: в силу его возросшей гетерогенности с точки зрения богатства, культуры, экономических интересов, профессиональных призваний, они не превратили его в единый класс, но и не сделали его правящей элитой – прежде всего, в силу тотальной подчиненности государству и отсутствия самостоятельных политических институтов, которые бы позволяли ему контролировать государственную машину и эффективно отстаивать свои интересы<sup>3</sup>. Это говорит о том, что модернизационная стратегия Петра I выходила за рамки т.н. «феодальной» модернизации – стремления увековечить привилегированный статус дворянства в государстве, и если она, в силу компромисса с традицией, прочно связала его с государством, то на первом месте в этой связке Петр, определенно, ставил государство.

Похожая политика проводилась в отношении других традиционных сословий, которым Петр последовательно стремился придать новое социальное качество, усиливая их функциональную «полезность» в общей системе абсолютистского государства и своей преобразовательной деятельности. Это выразилось в стремлении Петра определить для каждого сословия ту или иную четкую служебную или податную функцию, в его ненависти к паразитизму духовенства, попытках искоренения всякого «нерегулярного», гулящего элемента (который в значительной степени поглотила новая петровская армия), в насаждении новых принципов и форм деятельности для купечества и ремесленников. Абсолютизм Петра, действуя по определенному рационалистическому шаблону, закреплял сословную систему, придав ей большую четкость и агрегированность, но свести социальную политику царя-реформатора только к этому невозможно. И.В. Волкова отмечает целый ряд порожденных петровскими реформами (прежде всего, военной) социальных эффектов, которые не столько укрепляли феодальные перегородки внутри сословной системы, сколько «раскачивали» ее, сообщая сословиям новые социальные качества и усиливая взаимодействие между ними. Это – формирование новых социальных институтов, выступавших в роли

<sup>1</sup> Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. С. 65–82.

<sup>2</sup> Там же. С. 76.

<sup>3</sup> Lieven D. The elites // The Cambridge History of Russia. Vol. II. P. 228–229.



мощных интеграторов общества (бессловная армия), меритократический принцип социальной мобильности с соответствующими новыми системами внесловных иерархий (государственная служба, армия), множившиеся каналы взаимодействия между армией и гражданской частью общества, новый социальный опыт, который выходившее из замкнутости общинных мирков крестьянство приобретало через выполнение разнообразных государственных повинностей (включая навыки коммерческой сметки, которые в дальнейшем породили массовое отходничество и крестьянское предпринимательство)<sup>1</sup>. В этом отношении стратегия преобразований Петра I воспроизводила уже не вполне традиционную – постфеодальную – социальную структуру общества, способную более гибко адаптироваться к новым историческим задачам.

Опора петровской стратегии модернизации на прогрессивный зарубежный опыт обусловила проведение политики привлечения на русскую службу иностранцев. Эта практика прочно утвердилась в России еще в XVII в. Можно с уверенностью предполагать, что сама программа преобразований Петра во многом складывалась под влиянием иностранцев, смолodu составлявших его ближайшее окружение (Ф. Лефорт, П. Гордон, Я. Брюс и др.). Массовый характер приглашение иностранцев, как носителей научных знаний, военного и производственного опыта, приняло уже в ходе Великого посольства 1697–1698 гг., когда царь и сам, и через своих агентов нанял за границей сотни мастеров и ремесленников. С началом Северной войны эта практика была расширена, в чем важную роль сыграл манифест «О вызове иностранцев в Россию...» от 16 апреля 1702 г., которым на русскую службу привлекались, прежде всего, иностранные военные специалисты «купно с прочими государству полезными художниками», с предоставлением им определенных привилегий и иммунитетов (свобода отправления культа, подсудность специально создаваемой «иноземной» коллегии и т.п.)<sup>2</sup>. При этом все историки согласно отмечали, что в замыслах Петра приглашение иностранцев, как и посылка русских людей для обучения за границей, должно было стать массовой школой для обучения собственных, русских кадров, в связи с чем каждому иностранному специалисту вменялось обучать приставленных к нему русских людей «без всякой скрытности и прилежно»<sup>3</sup>.

Сложнее с определенностью ответить на вопрос о том, на сколь далекую перспективу мыслил Петр I прохождение Россией этого периода «ученичества» у Запада. Большинство современных историков справедливо резюмируют, что для Петра использование иностранных специалистов служило лишь временным «средством ликвидации отсталости России путем подготовки и обучения национальных кадров»<sup>4</sup> и что отношение его к Западу было подчеркнуто прагматичным и в меру критичным. Об этом свидетельствует, в частности, то, что победоносное завершение Северной войны Петр расценивал и как стратегический выигрыш на поприще усвоения западной науки и опыта у той же самой Европы, которая Россию стремилась «не допускать до света разума во всех делах»<sup>5</sup>. Однако не всё в этом вопросе выглядит так однозначно. Приобщение России к европейскому просвещению Петр I осуществлял в том числе и геополитически, что ярко демонстрируют обстоятельства и последствия присоединения к России в ходе Северной войны первой крупной инациональной территории – Остзейского края (1710 г.). Необычайно внимательное, почти предупредительное, отношение Петра к сохранению имущества, привилегий и законодательных обычаев местного «рыцарства» ясно выдавали его стремление инкорпорировать навечно в тело России «западнический» культурный образец, используя балтийских немцев как источник кадров способных, вышколенных, пунктуальных администраторов, знающих европейские методы ведения дел и в значительной массе прошедших обучение в европейских университетах<sup>6</sup>. Как известно, эта политика, а также завязавшаяся традиция династических браков с европейскими дворами, в дальнейшем привели к периоду очень болезненного для русского самосознания засилья немцев во всех отраслях государственного управления.

Петровская модернизация по последовательности преобразований и формам своей реализации в целом подпадает под модель т.н. «военных революций», типичных и для других стран ев-

<sup>1</sup> Подробнее см.: Волкова И.В. Военное строительство Петра I и перемены в системе социальных отношений в России // Вопросы истории. 2006. № 3. С. 35–52.

<sup>2</sup> ПСЗ-1. Т. IV. С. 192–193.

<sup>3</sup> Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. С. 102.

<sup>4</sup> Молчанов Н.Н. Петр I. М., 2003. С. 468.

<sup>5</sup> Судьбы реформ и реформаторов в России / Под ред. Р.Г. Пихои и П.Т. Тимофеева. М., 1999. С. 56.

<sup>6</sup> Kasekamp A. A History of the Baltic States. Basingstoke, 2010. P. 55.

ропейской «полупериферии» XVII–XVIII вв. (Швеция, Пруссия, отчасти Османская империя). В этом случае инициирующим импульсом модернизации становилась внешняя необходимость – стремление стран «полупериферии» не отстать от ведущих западноевропейских «центров силы», прежде всего – в наращивании военных возможностей и вопросах развития военных технологий. По справедливой оценке Х.-Х. Нольте, «армия в полупериферийных странах превратилась в своеобразного проводника модернизации»<sup>1</sup>. Военный характер модернизации и особая роль армии как ее проводника до известной степени уравнивали в модернизируемых странах (включая Россию) появление ростков новой – индустриальной – экономики и политическое восхождение абсолютизма, а в ряде случаев делали их органично дополняющими друг друга компонентами модернизационной модели развития. Для Петра I, проводившего преобразования под непосредственным давлением военных обстоятельств (Северная война 1700–1721 гг.), вся их программа диктовалась преимущественно логикой решения военных проблем и вела свой отсчет от его военной реформы. По меткому замечанию В.О. Ключевского, военная реформа Петра отпечатавалась «слишком отчетливо и глубоко на социальном и нравственном складе всего русского общества», поскольку «выдвигала вперед двойное дело, требовала изыскания средств для содержания преобразованных и дорогих вооруженных сил и особых мер для поддержания их регулярного строя»<sup>2</sup>.

В чем выразила себя «военная революция» в условиях России? Во-первых, военные обстоятельства в сильнейшей степени повлияли на характер экономической модернизации России в эпоху Петра I, дав мощный толчок развитию военного производства – первого сектора экономики, в котором ощутимее всего проявились усилия по созданию крупного промышленного производства, а затем последовательно распространяя этот эффект на смежные отрасли, вовлеченные в снабжение вооруженных сил. Необходимость форсированного развития военной промышленности до крайности сужала иные возможности создания предприятий, кроме как использования средств казны. Большинство крупных предприятий, созданных в России в конце XVII – первой четверти XVIII в., производили продукцию, так или иначе связанную с военными потребностями государства (железо, оружие, военное снаряжение)<sup>3</sup>. По данным В.В. Мавродина, промышленные предприятия «военного назначения» составляли в этот период 51% всех вновь созданных предприятий, а об особой заинтересованности государства в таком развитии говорит тот факт, что 43% всех предприятий были созданы на средства казны<sup>4</sup>. Кроме того, модернизация военно-экономической сферы, осуществляемая в условиях затяжной Северной войны, не могла не усиливать в политике государства экстенсивных методов наращивания военного потенциала, что предполагало не только военно-захватные методы овладения наиболее ценными видами ресурсов, но и расширение территориальных ресурсных баз внутри страны. Об этом довольно красноречиво свидетельствуют оценки военно-экономических возможностей России, изложенные в донесении резидента венского двора Оттона-Антоня Плейера от 1710 г.: «Железо у царя теперь из Сибири, и такое хорошее и мягкое, что даже и шведского не отыщешь лучше; дубового и другого крепкого леса с излишком, потому что рубить его запрещено под строжайшим наказанием, кроме как для царского употребления; серы и селитры вдоволь у них из Украины; для бомб и гранат ни в каком месте нечего и желать лучше железа тульского и из Олонца при Онежском озере по его твердости и хрупкости, потому что при разрыве оно рассыпается на множество кусков; металла для литья пушек и мортир навезено из Польши, Ливонии, Финляндии и Литвы... Ружья уже больше им не нужно с такими расходами выписывать из-за моря: сибирское железо дает такие хорошие ружейные стволы, которые на примерной стрельбе всегда выдерживают тройной заряд безо всякой опасности. Все воинское платье у царя теперь из своей собственной земли...»<sup>5</sup>. Именно порожденная войной тенденция к экономической автаркии явилась мощным стимулом для создания базовых для военного сектора промышленных производств. Ряд исследователей за-

<sup>1</sup> Нольте Х.-Х. Европа в мировом сообществе (до XX в.) // Европейский альманах. История. Традиции. Культура. 1993. М., 1993. С. 19.

<sup>2</sup> Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. С. 64.

<sup>3</sup> См.: Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. М., 1997. С. 21.

<sup>4</sup> Мавродин В.В. Основание Петербурга. 2-е изд. Л., 1983. С. 99.

<sup>5</sup> Плейер О.-А. О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 году // Лавры Полтавы / Юст Юль. Оттон Плейер. М., 2001. С. 399.

рождение русской промышленной политики прямо связывают с обнаружившейся еще в XVII в. потребностью русских властей компенсировать угрозу блокирования враждебными державами военного импорта (железо, оружие и т.п.) созданием соответствующих предприятий, в том числе через «локализацию» привлекаемых иностранных капиталов (семейства Акема, Марселисов, Виниусов)<sup>1</sup>. В правление Петра эта линия государственной политики осуществлялась еще более последовательно, но уж с преимущественной опорой на казенные предприятия.

Во-вторых, колоссальный рост расходов на создание армии и флота, возросшие затраты на разнообразные казенные предприятия и нужды, изъятие на службу огромных масс податного населения обострили в правление Петра проблему государственных финансов и потребовали экстраординарных мер финансовой мобилизации. Мобилизационный характер, предполагающий широчайшую разверстку финансовой нагрузки на всё общество в целом (включая иногда и неподатные сословия), носили уже первые преобразования Петра I – например, принудительная повинность на светских и духовных землевладельцев по созданию «кумпанств» для строительства кораблей Азовского флота в 1696–1697 гг. В годы Северной войны изыскание средств пополнения государственных доходов первоначально характеризовалось довольно хаотичным, бессистемным увеличением размера податей, введением экстренных налогов (прямых и косвенных) и повинностей (посошная, подводная, постоянная и др.), предназначенных к покрытию возникавших статей расходов, изобретением новых бесчисленных сборов, которые с 1704 г., по образному выражению В.О. Ключевского, «как из худого решета посыпались на головы русских плательщиков»<sup>2</sup>. Использовались и другие статьи доходов, в частности, изъятие государством доходов монастырских вотчин, казенные монополии на продажу товаров широкого спроса, инфляция, осуществляемая понижением содержания серебра в монете, уменьшением ее веса. Не подлежит, однако, сомнению, что система государственных финансов при Петре стремительно эволюционировала к построению единого государственного бюджета, попыток если не строгой калькуляции, то, во всяком случае, сбалансирования общих расходов и доходов государств. Введение подушной подати (1718 г.), заменившей подворное обложение и исчисляемой общей раскладкой расходов на подлежащее учету податное население, можно считать кульминацией этой политики. Увеличение налоговых поступлений, достигаемое резким усилением фискального гнета при одновременной тенденции к унификации разных категорий податного населения, происходило, однако, в русле усиления общей политики закрепощения – распространением крепостной зависимости на те категории населения, которые ранее считались свободными (гулящие люди, отпускные холопы), включением в сферу феодальной эксплуатации государственного крестьянства, введением паспортной системы, затруднявшей формирование рынка свободной рабочей силы<sup>3</sup>. В.О. Ключевский, подвергая беспощадной критике подушную реформу Петра, подметил, возможно, главный ее стратегический промах, состоявший в том, что она, подгоняя под «одну схематическую, канцелярски составленную мерку возникшие из жизни разнообразные местные и классовые уровни налогообеспособности» и произведя «крайнее изнурение народного труда», никак не соотносилась с попытками стимулировать народнохозяйственный оборот, с поощрением торговли и промышленности, т.е., говоря современным языком, с перспективой прогресса налогооблагаемой базы<sup>4</sup>. Иначе говоря, решение Петром целого круга новых модернизационных задач, как справедливо отмечал Н.И. Павленко, достигалось ужесточением общего режима крепостничества<sup>5</sup>, т.е. беспощадной фискальной эксплуатацией социальных сил традиционного общества.

В экономической сфере стратегия петровской модернизации фокусировалась на всемерном поощрении развития ее наиболее прогрессивного сектора – торговли и промышленности, оставляя почти без внимания аграрные отношения. Хотя форсированное формирование промышленного сектора во многом диктовалось нуждами войны, нет сомнения, что стратегические замыслы Петра, касающиеся этой сферы, выходили за рамки текущих потребностей. Представления ца-

<sup>1</sup> Fuhrmann J.T. The Origins of Capitalism In Russia: Industry and Progress In the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Chicago, 1972. P. 172–173.

<sup>2</sup> Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. С. 119.

<sup>3</sup> Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1998. С. 604–605.

<sup>4</sup> Ключевский В.О. Указ. соч. С. 131, 133.

<sup>5</sup> Павленко Н.И. Указ. соч. С. 605.

ря-реформатора об условиях богатства и процветания государства складывались под влиянием господствовавшей тогда на Западе экономической философии меркантилизма, которая полагала решающим фактором накопления сферу торговли (и лишь во вторую очередь производство), а основой богатства государства – активный внешнеторговый баланс<sup>1</sup>. Однако, на русской почве меркантилизм приобретал известное своеобразие, став, фактически, со времен Петра прологом к формированию государственной промышленной политики.

Следуя примеру передовых стран Западной Европы, Петр I стремился поднять значение торговли и промышленности в жизни государства, привлечь внимание разнородных социальных акторов (в том числе дворянства) к коммерческой деятельности, разработке природных богатств страны, созданию новых производств, что отвечало как задаче сокращения ввоза определенных групп товаров из-за границы, так и выходу русской торговли на международные рынки. Первые меры Петра к поощрению активности русского купечества (как и преодолению критической для русской торговли проблемы недостатка крупных капиталов) свелись к попытке внедрить в его среду типичные для развитых стран Европы формы коммерческих партнерств (указ 27 октября 1699 г.<sup>2</sup>) – в основном в форме сбытовых картелей («кумпанств»), до этого имевших в России только слабые ростки («складства» XVII в., семейные торговые дома). Однако инертность и косность русского торгового капитала не позволила этому начинанию утвердиться, и в дальнейшем казна решительно берет в свои руки и крупную международную торговлю (в том числе заготовку экспортных товаров), и в значительной мере становящуюся на ноги промышленность. Неудачей закончились и меры по поощрению самоорганизации торгово-ремесленного сословия городов (выборные городские магистраты, цеховое устройство ремесла), что объяснялось тяжестью податей и бесплатных казенных служб, которые вынуждено было нести городское население.<sup>3</sup> Гораздо более результативными, определившими магистральную линию торгово-промышленной политики стали меры, использовавшие два основных рычага воздействия на зарождавшийся в России предпринимательский капитал – льготы и принуждение<sup>4</sup>. Освобождение от казенных и городских служб, беспроцентная продажа и покупка товаров, безвозвратные субсидии и беспроцентные ссуды, протекционистские тарифы и другие льготы частным предпринимателям, заводящим собственные промышленные предприятия, формировали «громоздкую искусственную структуру» опеки (прежде всего, в лице Берг- и Мануфактур-коллегии) над зарождавшейся русской промышленностью, сочетавшую средства ее поддержки и контроля<sup>5</sup>. Необходимость решения к выгоде предпринимателей критической для России проблемы нехватки свободных рабочих рук вылилась в создание оригинальных форм соединения частного промышленного предприятия с принудительным трудом, что нашло отражение в разрешении купцам приобретать на условиях вечного прикрепления к заводам крепостных крестьян (указ от 18 января 1721 г.)<sup>6</sup>, а также в расширении практики приписки государственных крестьян к выполнению заводских работ (особенно на горных заводах Урала и Сибири)<sup>7</sup>. Одновременно в стратегически важных отраслях промышленности, как отмечено выше, стремительно расширялись позиции казенного сектора, формирование которого, в силу контроля государства над основными факторами производства, представляло наименьшие сложности.

Характеристика промышленной политики Петра будет неполной без учета такого важного фактора преимуществ, как богатые природные ресурсы, что позволяло власти в полной мере задействовать экстенсивный путь роста промышленности. Создание новых горнопромышленных центров на Урале (где было построено 23 завода<sup>8</sup>) и в Сибири (Алтай, Нерчинск) порывало с прежней практикой аграрно-промысловой колонизации и означало форсированный перенос на периферию передовых на то время основ производства и культуры. За счет естественных фак-

<sup>1</sup> Зубков К.И. У истоков промышленной политики России: меркантилизм и экспансия // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII–XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 350-летию Н.Д. Антуфьева-Демидова. Екатеринбург, 2006. С. 24.

<sup>2</sup> ПСЗ-1. Т. III. С. 653–654.

<sup>3</sup> Пушкин С.Г. Обзор русской истории. М., 1991. С. 236.

<sup>4</sup> Ключевский В.О. Сочинения. В 9 т. Т. 4. Курс русской истории. Ч. 4. М., 1989. С. 106.

<sup>5</sup> Mavor J. An Economic History of Russia. Vol. I. New York, 1965. P. 122.

<sup>6</sup> ПСЗ-1. Т. VI. С. 311–312.

<sup>7</sup> Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. Т. II. СПб., 1901. С. 300, 304.

<sup>8</sup> Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005. С. 86.



торов продуктивности (богатые запасы руды, лесов, водной энергии) в новых центрах удавалось организовать производство в крупнозаводском технологическом масштабе, результатом чего было существенное (на Урале в 2–2,5 раза) снижение себестоимости продукции металлургии и высокие темпы ее прироста (свыше 17% ежегодно в 1700–1725 гг.)<sup>1</sup>. Это, в свою очередь, открыло путь русскому железу на международные рынки, обеспечив России временное мировое лидерство в этой отрасли производства.

В основных чертах присущую абсолютизму модель социальных и политических преобразований как, прежде всего, проекцию воли и представлений монарха у петровской эпохи наследует правление Екатерины II (1762–1796), которое, будучи долгим и сравнительно стабильным, обнаруживает все признаки последовательно реализуемой стратегии с более противоречивым, но в целом модернизационным вектором трансформации общества. На фоне характерного для петровской эпохи бурного натиска европейских заимствований, их поспешного внедрения и скрещивания со структурами традиционного общества, продолженная Екатериной II «европеизация» приняла форму селективного, более критичного (в силу крепнущего национального самосознания) отбора новаций. Практические результаты, однако, в ряде случаев были не менее значительны: привлечение и натурализация иностранных специалистов становятся обыденным явлением; на вновь осваиваемых землях образуются целые колонии приглашенных на льготных условиях иностранцев (манифесты 4 декабря 1762 г. и 22 июля 1763 г.)<sup>2</sup>.

Кроме того, при Екатерине II в общем потоке европейских заимствований всё большее значение приобретают уже не столько материально-технологические атрибуты западной цивилизации, сколько ее идейно-интеллектуальные продукты (политико-правовые идеи). В этом отношении европеизация, несомненно, шагнула «вглубь» самосознания русского общества. Отмечается также гораздо более тонкая, чем прежде, переработка этих влияний и более широкое их распространение в обществе. С этим следует связывать зарождение в русском обществе (прежде всего, в кругах образованного дворянства) устойчивого интереса к литературе, философии, науке, появление ростков критического мышления в результате усвоения идей европейского Просвещения. В этом отношении екатерининское правление можно считать временем появления в России такого общественного актора, как интеллигенция<sup>3</sup>.

Несомненно, первым реципиентом идей Просвещения стала сама государственная власть. «Просвещенный абсолютизм», как определяющая характеристика правления Екатерины II, при тщательном рассмотрении вовсе не кажется лишь поверхностным налетом модных западных веяний или декларативным блефом, скрывающим усиление крепостнической политики, как это зачастую трактовалось в советской историографии. Другое дело, что идеи просветительского рационализма – как ориентир реализуемого властью проекта преобразований и «самосознание» ее надклассового «высшего разума» – должны были вступать в неизбежный компромисс с силами традиции, которые взяли известный реванш в послепетровскую эпоху. Что любопытно, активизация этих сил, в известной степени, также связана с их обновлением – со специфической рецепцией идей Просвещения, хотя и в духе обостренного сословного эгоизма, – дворянским «революционаризмом» эпохи дворцовых переворотов, лишившим фигуру монарха прежнего сакрального значения, олигархическими притязаниями аристократии (сочинения М.М. Щербатова) и т.п. Отсюда стратегия преобразований Екатерины II с необходимостью вынуждена была сочетать модернизирующий потенциал идей Просвещения и усиление продворянского курса внутренней социальной политики.

Знаменитый «Наказ» Екатерины (1767 г.) позволяет реконструировать основную систему идей, лежащих в основе ее политики «просвещенного абсолютизма». Ссылаясь на естественное право, Екатерина доказывает не только необходимость неограниченной самодержавной власти для России, но и выдержанное в довольно либеральном духе обоснование принципов «законного правления» (по существу, зачатков конституционно-правовых идей): различие государства и гражданского общества; разграничение государственных и частных интересов; необходимость власти ограничивать свои пределы; равенство всех людей перед законом; пределы личной сво-

<sup>1</sup> Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С. 105.

<sup>2</sup> ПСЗ-1. Т. XVI. С. 126–127, 313–316.

<sup>3</sup> Пушкирев С.Г. Обзор русской истории. М., 1991. С. 272–273.

боды и ее преимущества перед принуждением; необходимость гуманного и справедливого суда; и т.п.<sup>1</sup> Экономические воззрения императрицы в целом не выходили за рамки меркантилизма XVIII в. и находились под заметным влиянием учения физиократов (первенствующая роль земледелия для процветания государства как производителя «первых вещей» «на потребу рукоделиям и ремеслам»). Относительно устройства промышленности и торговли взгляды Екатерины довольно противоречивы. В них с идеей цеховой регламентации ремесла, предубеждением против использования машин и отходничества крестьян соседствует стремление к поощрению частной инициативы и свободы экономической деятельности<sup>2</sup>.

В области социальных отношений Екатерина II еще всецело стоит на почве сохранения сословного строя, необходимость которого, однако, обосновывается уже рационалистически – из принципов органического строения общества, в котором каждое сословие призвано выполнять определенную полезную для государства функцию. Привилегированное положение дворянства как носителя «честь» – наследственного достоинства потомков «добродетельнейших и более других служащих людей» – не выбивается из этой систематики и обосновывается тем, что военная служба есть «первое право и упражнение, приличествующее дворянам», хотя «добродетель с заслугою», как отличительный знак дворянства, не исключают и достижения этого достоинства «гражданскими добродетелями» (т.е. гражданской службой)<sup>3</sup>. Екатерина II не могла не уделить особого внимания т.н. «среднему роду людей» (сословие мещан), от которого, по ее словам, государство «много добра ожидает» и которое поэтому заслуживает целенаправленного внимания и стимулирования особой системой отличий, поощряющей «добронравие и трудолюбие»<sup>4</sup>.

Все части нарисованной картины «идеально» устроенной Российской империи у Екатерины пронизывает одна главенствующая идея – всеобъемлющей покровительствующей и направляющей роли государства, смысл существования которого заключается не в том, «чтоб у людей отнять естественную их вольность, но чтобы действия их направить к получению самого большого от всех добра»<sup>5</sup>. Идея государства как инструмента обеспечения «общего блага» рождается уже с реформами Петра I. Впервые высказанная в Манифесте о вызове иностранцев в Россию (1702 г.), эта идея появлялась с известными вариациями в ряде декларационных актов Петра Великого, однако, как считает Н.И. Павленко, о том, какое конкретное содержание вкладывалось в слова о «всеобщем благе», «пользе и прибытке общем», судить трудно, поскольку в содержании петровских законов влияние этой идеи почти не прослеживается<sup>6</sup>. У Екатерины II идея «общего блага» уже не только получает развернутое обоснование и предваряет ее законодательство, но и уточняется в весьма важном пункте, касающемся природы отношений между государством и обществом. В представлении Екатерины, идеальным является правление, не только «естественную вольность меньше других ограничивающее», но которое «наилучше сходствует с намерениями в разумных тварях предполагаемыми» и в своих намерениях «соответствует концу (т.е. цели – К.З.), на который в учреждении гражданских обществ взирают неотступно». Воплощенный в государстве «разум вольности», доказывает Екатерина, может произвести столько же «великих дел» и содействия «благополучию подданных», сколько и сама «вольность»<sup>7</sup>. В этой екатерининской формуле ясно проводится мысль о государстве как субституте отношений гражданского общества, способном проникаться потребностями и интересами различных сословий и общественных групп и разумно репрезентировать их в своей деятельности. Такая трактовка взаимоотношений между государством и обществом задает вполне определенное направление всей социально-политической эволюции, принципиально снимая вопрос о движении к началам представительного правления и полностью замещая эту перспективу более чем умеренной законосовещательной моделью репрезентации общественных интересов. Вместе с тем, в рамках этой модели не только допускаются, но даже и предполага-

<sup>1</sup> Наказ Императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения / Под ред. Н.Д. Чечулина. СПб., 1907. С. 2, 5, 12, 122, 139.

<sup>2</sup> Там же. С. 78, 89, 157.

<sup>3</sup> Там же. С. 105–106, 107.

<sup>4</sup> Там же. С. 109.

<sup>5</sup> Там же. С. 4.

<sup>6</sup> Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1998. С. 601.

<sup>7</sup> Наказ... С. 4.

ются структуры сословного и местного самоуправления, призванные аккумулировать и доносить до верховной власти интересы и чаяния общества.

Как известно, мысли Екатерины II о «разумном правлении» были положены в основу такого ее социально-политического эксперимента, как созыв в 1767 г. Уложенной комиссии, для участия в которой прибыли выборные депутаты от разных сословий и групп населения (кроме духовенства и крепостных крестьян) с соответствующими наказами от населения. А.А. Кизеветтер высоко оценивал этот первый – после прекращения созыва земских соборов – опыт «народосоветия», отмечая, вместе с тем, что он являлся продуктом не столько либеральных увлечений Екатерины II, сколько общей потребности русской жизни, которая рождала подобные проекты и начинания едва ли не с петровского времени. Императрица сумела гениально уловить эту потребность и придать ей практическое направление<sup>1</sup>. Хотя Уложенная комиссия так и не завершила своей работы, она, по мнению С.Г. Пушкарева, дала правительству «богатый материал для ознакомления с нуждами и пожеланиями разных групп населения», который затем был использован в реформаторской деятельности Екатерины II<sup>2</sup>.

При этом необходимо заметить, что незыблемость самодержавных основ государственной власти при широкой законосовещательной поддержке со стороны общества давала Екатерине II широкий простор для социального маневрирования – самостоятельного определения очередности преобразований, тех общественных нужд и сословных интересов, на которые должно быть направлено первоочередное внимание законодателя. Как подчеркивает А.А. Кизеветтер, результаты работы Уложенной комиссии выявили не только общие насущные для всей страны потребности (вроде децентрализации местного управления), которые невозможно было решить с помощью одной бюрократической машины государства, но и острые межсословные противоречия (например, между купечеством, дворянством и крестьянством относительно прав на торговлю и фабрично-заводскую деятельность), которые, к тому же усугублялись сословным эгоизмом и консерватизмом<sup>3</sup>. В этих условиях Екатерина II имела больше чем достаточно оснований, не отступая от общего курса намеченных преобразований, соизмерять их программу со своими собственными представлениями о зрелости и способности сословий воспользоваться благами «вольности».

Это, по мнению В.В. Леонтовича, отмечавшего последовательное сохранение либерального курса Екатериной II в течение всего ее царствования, определило порядок и темп начатой ею «сверху» и принципиально новой для России политики – эмансипации русского общества и создания правовых основ гражданского строя. Историк подчеркивает, что выбор сословия, впервые наделяемого субъективными гражданскими правами и служащего ориентиром для других общественных групп, представлял для Екатерины сложную проблему и, в силу ряда условий (неразвитость городской жизни), не мог не сосредоточиться на наиболее подготовленном для этого дворянстве<sup>4</sup>. Результатом стала известная «Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства» от 21 апреля 1785 г., которой дворянству предоставлялись беспрецедентно широкие для того времени личные и имущественные права, освобождение от обязательной службы и личных податей, а также право самоуправления в рамках собственных корпораций<sup>5</sup>.

Изданная одновременно с Жалованной грамотой дворянству и – в известной части – копировавшая ее общую композицию и законотворческий подход, «Грамота на права и выгоды городам Российской Империи» 1785 г. не оставляет сомнений в том, что и ее содержание в целом является проекцией либерального курса Екатерины II, нацеленного на умножение гражданской «вольности». Несмотря на сохранявшуюся тенденцию к оформлению ключевого для роста экономики и благосостояния государства «среднего рода людей», или мещанства, средствами сословной регламентации, Жалованная грамота городам содержит целый ряд прогрессивных положений, расширяющих свободу экономической деятельности в промышленности и торговле. Это – фак-

<sup>1</sup> Кизеветтер А.А. Из истории законодательства в России XVII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 1904. С. 20–21.

<sup>2</sup> Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. М., 1991. С. 264.

<sup>3</sup> Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 26, 28–29.

<sup>4</sup> Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762 – 1914. М., 1995. С. 33–34.

<sup>5</sup> См.: ПСЗ-1. Т. XXII. С. 344–358.

тическая отмена государственных монополий, свобода предпринимательства, закрепление и гарантии прав частной собственности на средства производства и т.п.<sup>1</sup> В сословных градациях (с соответствующим объемом привилегий), вводимых для купечества (система гильдий, сословная группа именитых граждан, доступ к дворянству) нельзя одновременно не увидеть признаков осознанного внедрения мощной поощрительной системы, стимулирующей легализацию и укрупнение торгово-промышленных капиталов, повышение образованности и социальной активности нарождающейся русской буржуазии<sup>2</sup>.

Среди других важных реформ, усиливавших начала общественного самоуправления, закрепляя их в общей системе управления государством (политика, в целом неудавшаяся при Петре I), следует назвать губернскую реформу 1775 г., которая предоставила право участия в делах местного управления и суда всем сословиям (кроме крепостных крестьян), также новое «городовое положение» (согласно Жалованной грамоте городам 1785 г.), которое, при сохранении сословных градаций, заложило основы единой системы городского самоуправления<sup>3</sup>.

В стратегиях имперской модернизации, воплощенных в государственной деятельности Петра I и Екатерины II, обнаруживается целый ряд общих черт. Среди них необходимо выделить, прежде всего, персональную роль монарха в инициировании и проведении преобразований, осознанный, последовательно реализуемый курс на реформы, усиление роли абсолютистского государства как главного актора преобразований и субститута неразвитых отношений гражданского общества, широкое использование материальных и социальных ресурсов традиционного общества (крепостническая система) как базового источника поддержания модернизационной активности. Это позволяет рассматривать обе стратегии в рамках одного типа, который может быть определен как абсолютистский. Вместе с тем, правление Екатерины II знаменует появление и качественно новых черт модернизационного процесса – переход от форсированных модернизационных усилий к эволюционному, поэтапному прогрессу, соизмерение темпа преобразований с состоянием социального агрегата общества, избирательное, но более глубокое (на уровне политико-правовых образцов) усвоение европейского опыта, постепенное подведение под преобразования новых институциональных начал в виде нарождающихся элементов гражданского общества. Всё это становится прологом к формированию модернизационных стратегий нового типа – постабсолютистских.

### **Постабсолютистская модель**

Переходный период конца XVIII – первой половины XIX вв., в течение которого в российском обществе наблюдалось сложное и противоречивое сосуществование в целом сохранившей свои основы крепостнической системы с новыми гражданскими началами, продвигавшими общество по пути буржуазно-либеральной эволюции, сменила новая волна модернизационных преобразований, затронувшая все основные сферы жизни общества и отличавшаяся определенной внутренней логикой и ускоренной динамикой. Системный характер Великих реформ 1860-х – 1870-х гг. также дает основание рассматривать их сквозь призму реализации определенной стратегии, которую уже, однако, невозможно считать одной только проекцией «высшего разума» абсолютистского государства. Как и в преддверии петровских реформ начала XVIII в., побудительным толчком для нового витка активной модернизационной политики стало осознание верховной властью после поражения в Крымской войне 1853–1855 гг. военной уязвимости страны, что было лишь внешним симптомом нарастающего технико-экономического отставания России от совершивших промышленный переворот стран Западной Европы<sup>4</sup>. Это осознание происходило уже на неизмеримо более высоком, чем прежде, уровне – не в виде только стремления компенсировать поражение воссозданием военной машины государства любой ценой, но через понимание системной природы общей экономической и институциональной отсталости России. Некоторые исследователи (в частности, американских политолог Ф. Фукуяма) видят в подобного рода кризисах источник постоянно возобновляемого в истории России алгоритма модернизации: как по-

<sup>1</sup> ПСЗ-1. Т. XXII. С. 359, 367–368.

<sup>2</sup> Там же. С. 368–370.

<sup>3</sup> Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. М., 1991. С. 266–268.

<sup>4</sup> Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С. 58.



ражение в Крымской войне открыло прямой путь либеральным реформам Александра II, так и поражение царизма в русско-японской войне 1904–1905 гг. дало толчок реформистским начинаниям П.А. Столыпина и экономическому подъему 1905–1914 гг.<sup>1</sup>.

Эта зависимость, по логике вещей, приводила к тому, что в авангарде преобразований неизменно продолжало выступать самодержавное государство, а модернизация приобретала черты организуемых «сверху» масштабных кампаний. В этом отношении, безусловно, между абсолютистской моделью имперской модернизации XVIII в. и проведением «Великих реформ» есть определенная – причем системообразующая, а не побочная – линия преемственности. Этим объясняется устойчивое сохранение в политике государства тех приоритетов, которые определились на предшествующих этапах модернизации. По-прежнему сохраняла свое значение такая важнейшая составляющая имперской модели модернизации, как развитие военно-промышленного комплекса и поддержание сильной армии. Как отмечают В.В. Алексеев и И.В. Побережников, в пореформенное десятилетие (1865–1875 гг.), расходы на армию в среднем поглощали 29% государственного бюджета, а по военным расходам перед 1-й мировой войной Россия занимала второе место в мире (после Германии)<sup>2</sup>.

Вместе с тем, изменившиеся общественные условия наложили свой отпечаток на стратегию и механизм проведения реформ 1860-х – 1870-х гг. Несмотря на ясную решимость Александра II разрешить давно назревший вопрос о крепостной зависимости крестьян и волю к преобразованиям, программа проведения крестьянской реформы 1861 г. не была замкнута в недрах одной только бюрократической машины государства – ни специально созданного в январе 1857 г. Секретного комитета по подготовке реформы, ни Министерства внутренних дел. С созданием губернских дворянских комитетов по проведению реформы крестьянская реформа, прежде всего, критический для ее судьбы вопрос о наделении становящихся лично свободными крестьян землей, стала полем напряженной общественной борьбы. А.А. Кизеветтер, подробно исследовавший ход подготовки реформы, выделил в сопровождавшей этот процесс разногласии не только противоречия между государственными ведомствами (прокрепостническая позиция Секретного комитета и более либеральная – МВД), но и раскол вовлеченной в законосовещательный процесс дворянской общественности на лагерь крепостников-консерваторов и лагерь либералов. То, что крестьянская реформа была реализована в порядке обязательного законоположения на тех условиях, которые были объявлены 19 февраля 1861 г. (личное освобождение помещичьих крестьян с отведением земельных наделов, «временнообязанное» состояние, содействие государства в выкупе надельной земли, выкупные платежи и др.), историк считает заслугой противостоявшего сильнейшему давлению идейных крепостников либерального меньшинства губернских комитетов и поддержавшей его позицию прогрессивной журналистики<sup>3</sup>. Подготовка крестьянской реформы стала первым поприщем, где общественность активно проявила себя при решении важнейших государственных вопросов.

В 1863 г. положения крестьянской реформы были распространены на удельных крестьян, в 1866 г. – на государственных (около половины всего крестьянского населения страны), освобождаемых на условиях внесения выкупных платежей в казну. Положения реформы имели большое значение не только для перестройки системы аграрных отношений в стране, но затронули и интересы промышленности, прежде всего, в сложившихся региональных анклавах горнозаводской индустрии (Урал). Законами 19 февраля («Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людям ведомства Министерства финансов») и 8 марта («Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов») были отменены крепостные отношения для различных категорий работников на частных (вотчинных и посессионных) и казенных горных заводах<sup>4</sup>.

Несомненно, крестьянская реформа 1861 г., освободив от крепостного состояния около 20 млн населения страны, явилась завершением начатой Екатериной II политики эмансипации гражданского общества и решающим институциональным переворотом, открывающим для России

<sup>1</sup> Fukuyama F. The End of History and the Last Man. London, New York, 1992. P. 75.

<sup>2</sup> Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С. 58.

<sup>3</sup> Кизеветтер А.А. Из истории законодательства в России XVII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 1904. С. 35–39.

<sup>4</sup> История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 51–61.

перспективу свободно-капиталистического развития. Однако, буржуазный характер реформы не следует переоценивать; ее непоследовательный характер надолго оставил в неприкосновенности элементы внеэкономического принуждения, полукрепостнические обязательные отношения (система «отработок»). Реформа в значительной степени проводилась за счет имущественной экспроприации непосредственного производителя, которая прочно привязывала его к помещицкому или заводскому хозяйству. Всё это тормозило переход к новым, «очищенным» от пережитков крепостничества капиталистическим отношениям, базирующимся на свободно-контрактной основе. Заметим также, что эта непоследовательность оставляло широкое поле для вмешательства самодержавного государства в урегулирование вновь возникающих социальных отношений.

Логическим продолжением крестьянской реформы стала земская, поскольку с ликвидацией вотчинного управления и суда после отмены крепостного права возник известный «вакуум» управления. Утвержденное 1 января 1864 г. «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» передавало заведывание вопросами, относящимися «к местным хозяйственным пользам и нуждам», в руки выборных органов – распорядительных (земских собраний) и исполнительных (земские управы)<sup>1</sup>. Это, по существу, означало, что когда-то всеильный бюрократический аппарат государства в условиях резко возросшей социальной подвижности и активности общества во всё большей степени оказывался неспособен руководить вопросами развития традиционно запущенной в России сферы местного хозяйства и благоустройства, передоверяя выборным органам местной общественности («местному населению») функции управления некоторыми сегментами общественной жизни. Земские органы являлись бессловными, хотя влияние прежней сословности в скрытом виде сохранялась в куриальной системе выборов гласных и цензовых ограничениях. При этом государство оставляло в своих руках важные рычаги контроля за деятельностью земств. На похожих и даже несколько более либеральных принципах была проведена в 1870 г. и городская реформа, впервые создавшая в России полноценный, хотя и усеченный (в силу цензовых ограничений и разных норм представительства в выборных разрядах) образец внесословного городского самоуправления. Еще более либеральный характер и подчеркнуто модернизационную направленность имели судебная реформа 1864 г. и военная реформа 1874 г. В целом «Великие реформы» 1860–1870-х гг. отчетливо выражали тенденцию принципиальных прогрессивных сдвигов в системе взаимоотношений государства и общества. Развитие капитализма, сопровождаемое ростом экономической свободы, личных и имущественных прав, формирование гражданско-правовых отношений на принципиально новой, несословной основе, усиление влияния новой либеральной общественности на государственную власть задавало, до известной степени, даже обратную перспективу в отношениях государства и общества. Хотя ростки новых отношений были еще достаточно слабы и государство сохраняло за собой основные средства и механизмы контроля за обществом, оставаясь во всех аспектах государством авторитарным и полицейским, гражданское общество прочно закрепляло свое влияние во всех сферах жизни. Больше того, в общественном мнении постепенно утверждалось представление о государстве как о безусловно необходимой и требующей лояльности, но в основе своей охранительно-консервативной силе, в то время как силой, воплощающей движение к прогрессу, считалось именно многоликое гражданское общество, представленное земствами, прессой, общественными организациями, профессиональными съездами и т.п. Тем самым, социально-акторная база модернизации существенно расширялась, хотя ни один из элементов новой общественности – кроме разве что немногочисленных групп либеральной и революционной интеллигенции – в своей активности не дорастал до уровня разработки общей стратегии прогресса, выходящей за рамки непосредственного круга его деятельности. Консолидация либерально-буржуазного лагеря как самостоятельной, оппозиционной правительству силы и носителя альтернативной стратегии и программы развития национальной модели капитализма состоялась достаточно поздно, с большим историческим запозданием, – в основном в рамках третьеиюньской политической системы 1907–1914 гг.<sup>2</sup> Самодержавное государство оставалось в имперский период практически единственным стратегически значимым актором осуществляемого «сверху» модернизационного курса.

<sup>1</sup> ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. 1. С. 1–14.

<sup>2</sup> Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991. С. 196.

В этой связи актуальным становится вопрос о том, в чьих социальных интересах осуществлялся властью модернизационный курс и каково социальное содержание последнего. Вопрос этот носит более сложную природу, чем это кажется на первый взгляд. К.Д. Кавелин, сам активный участник проведения крестьянской реформы 1861 г., анализируя ее первые итоги, отмечал, что она, в настоящем смысле, не удовлетворила ни дворянство, ни крестьянство, но, пройдя по некоей усредняющей бюрократической «равнодействующей», поставила оба сословия перед перспективой сложной и непредсказуемой трансформации привычных основ их существования<sup>1</sup>. Иначе говоря, реформа, лишив дворянство одних исключительных привилегий (крепостное право) и оставив другие – производные (образование, служебный опыт, богатство), тем не менее, ввергла его в неизбежный процесс новой социальной дифференциации и конкуренции с поднимающимся слоем разночинцев, ведя, фактически, к его распаду как единой сословной группы. Точно так же, невозможно подозревать имперскую власть в ясном и осознанном действии в таком направлении, которое в ближайшей перспективе превратило бы оборотистого дворянина или рабчического, работающего крестьянина в капиталиста.

Это логически подводит нас к выводу о том, что и в условиях ускорившейся к середине XIX в. буржуазной эволюции абсолютистское имперское государство, сформировавшееся в особых исторических условиях «догоняющего» развития и в значительной мере как его инструмент, во многом продолжало рассматривать свою миссию в анахронических категориях «общего блага», которое заключалось в необходимости попечения над всем сословно организованным обществом. Это находило свое выражение в претензиях правящей элиты на способность аккумулировать, наделять «разумом» и адекватно воплощать интересы разных групп населения в едином курсе государственной политики, выдерживая равномерность прогресса во всех сегментах общества и регулируя одновременно тот набор служебных и общественных функций, которые надлежало выполнять отдельным сословиям и группам населения для достижения «общего блага». По меткому замечанию Й. Арнасона, понятие «имперское государство» играет ключевую роль в генезисе такого «самосознания» власти, поскольку империя с характерными для нее универсалистскими притязаниями неизбежно проецирует это миропонимание не только вовне, но и на свой собственный общественный организм<sup>2</sup>.

Эта модель взаимодействия государства и общества относительно эффективно действовала в условиях XVIII в., когда государство, осуществляя модернизационный курс и опираясь в этом на разрастающийся бюрократический аппарат, резко возвышалось над косным и пассивным обществом. Эксплуатируя в целях модернизации ресурсы традиционного общества, оно одновременно трансформировало и укрепляло принудительными бюрократическими методами его сословную организацию, стремясь упорядочить служебные функции и повинности, которые сословия должны были нести в пользу государства. В этом, однако, коренилась известная двойственность и историческая ограниченность модернизационного процесса, осуществляемого «сверху». А. Гершенкрон в свое время объяснял этот феномен давлением исходной экономической отсталости модернизируемой страны: разрушая в процессе модернизации некоторые структуры традиционного общества, правящая элита использует для этого новые, «современные», формы бюрократического деспотизма, а они, в свою очередь, блокируют свободное развитие общества и в ходе новой модернизационной «сборки» вновь берут на вооружение преимущественно традиционные институты<sup>3</sup>.

Вероятно, стратегия модернизации в позднеимперский период, действительно, не вышла за пределы этой закономерности. Последовавшая за «Великими реформами» полоса т.н. контрреформ, усилившаяся в правление Александра III (1881–1894), продемонстрировала возвращение самодержавия к модернизационной стратегии, которая противоречиво сочетала попытки реанимации (и даже усиления) абсолютистского авторитаризма власти и в то же время ее гибкое приспособление к новым буржуазным условиям развития. Соединение этих двух компонентов стратегии происходило на базе лишенных либеральных иллюзий прагматизма, своего рода «консервативного модернизма». Суть этого явления заключалась в представлении о том, что все

<sup>1</sup> Кавелин К.Д. Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 124–125.

<sup>2</sup> Arnason, Johann P. The Future That Failed: Origins and Destinies of the Soviet Model. London, 1993. P. 73–74.

<sup>3</sup> Gershenkron A. Economic Backwardness In Historical Perspective. Cambridge, 1962. P. 17.

унаследованные Россией системные компоненты и атрибуты имперского величия (военная мощь, авторитарное единоначалие, патримониальный тип власти, иерархические устои, общественное спокойствие и т.п.), в принципе, возможно органично совместить с реалиями новой и динамичной индустриальной эпохи. Это, в свою очередь, зависело от способности обладающей твердой волей монархической власти целенаправленными усилиями опекать и энергично подталкивать к развитию каждый сегмент национальной жизни, учитывать и своевременно разрешать – естественно, в границах своего понимания и в соответствии с общим «проектом» – нужды и проблемы каждого сословия и каждой общественной группы.

«Контрреформы» Александра III в области аграрной политики, которые заслужили ему в либеральных кругах репутацию едва ли не ретрограда и реставратора крепостничества, – поддержка дворянского землевладения за счет льготных ссуд вновь созданного Дворянского банка (1885 г.), усиление позиций дворянства в системе земских учреждений («Положение о земских участковых начальниках» 1889 г. и новое Положение о земских учреждениях 1890 г.), запрет на продажу и залог крестьянских наделных земель (1893 г.) – одновременно были в какой-то мере уравновешены решениями правительства, направленными на укрепление крестьянского хозяйства (понижение в 1881 г. выкупных платежей с крестьянских наделных земель, учреждение в 1882 г. Крестьянского поземельного банка, понижение, а затем и отмена в 1883–1885 гг. подушной подати). Во внешней противоречивости этого курса, приводившей многих современников в недоумение, между тем, присутствует своя, единая и подчеркнуто консервативная логика, порожденная обеспокоенностью правительства заметным понижением в пореформенную эпоху уровня крестьянского благосостояния, падением в условиях малоземелья урожайности и производительности аграрного труда, разорительной для крестьян тяжестью платежей и податей, что грозило власти, в конечном итоге, обострением проблем с пополнением государственного бюджета. Одновременно наглядно проявился и неспособность большей части помещичьих хозяйств перестроиться на новой – капиталистической – основе. Всё это в совокупности к концу XIX в. обусловило кризис сельского хозяйства, обозначенный современниками как «оскудение центра». Фактически, этот кризис был равнозначен тому, что произведенное крестьянской реформой 1861 г. распределение собственности и труда, создавая самые общие институциональные предпосылки капиталистического развития, оказалось контрпродуктивным с точки зрения практических возможностей вхождения в отношения капиталистического рынка – как со стороны крестьянских хозяйств, так и со стороны помещичьих. Логiku действий правительства в этой ситуации очень точно воссоздал К.Н. Леонтьев, который считал, что в качестве сдерживания слишком «подвижного капитализма», капитала «вольного, неприкрепленного», хаотично-разрушительно воздействующего на русскую деревню, необходимо земельную собственность «прикрепить законом с двух концов: со стороны самой крупной и стороны самой мелкой», т.е. привилегированной дворянской и крестьянской общинной. И только в «просветах» этого жесткого каркаса традиционных поземельных форм допустимо, по мысли Леонтьева, безопасное для имперских устоев функционирование вольного капитала – «собственности купцов и разночинцев»<sup>1</sup>. Близкую точку зрения на меры Александра III по крестьянскому и земскому вопросам высказывал С.Ю. Витте, считая, что в этом проявлялся не столько узкосословный подход, сколько стремление упорядочить жизнь русской деревни – так, что «вся Россия будет разбита на земские участки, что в каждом участке будет почтенный дворянин, который пользуется в данной местности общим уважением, что этот почтенный дворянин-помещик будет опекать крестьян, судить их и рядить»<sup>2</sup>.

Консервативная направленность этого идеала не вызывает сомнений, и это позволяет говорить о том, что правительство опасалось слишком быстрого разлагающего воздействия капиталистических отношений на традиционную структуру общества, которая до сих пор являлась стабилизирующей социальной и, в значительной степени, фискальной опорой абсолютистского государства. Это заставляет с известным скепсисом отнестись к упрощенным представлениям о начале «Великими реформами» 1860-х – 1870-х гг. последовательном и уже не прерывающемся переходе от административно-мобилизационных методов модернизации к рыночно-

<sup>1</sup> Леонтьев К.Н. Избранные письма 1854–1891 гг. СПб., 1993. С. 336.

<sup>2</sup> Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991. С. 195.



капиталистическим, тем более – о движении по пути «превращения феодальной монархии в буржуазную»<sup>1</sup>.

На этом фоне другой важнейший компонент правительственной стратегии – активная промышленная политика, основанная на государственной поддержке крупного национального капитала, – выявляет совершенно другую, во многих отношениях почти современную, роль государства как организатора и генерального менеджера индустриального прогресса в широких имперских рамках. В этих как будто бы не сходящихся крайностях правительственной политики, между тем, есть и определенное системное единство, укрепляемое мировоззрением самого монарха, который, по верной характеристике С.Ю. Витте, «постарался стать царем Московским в Петербурге, в условиях империи и развивающегося капитализма»<sup>2</sup>. Представление об имперском могуществе и величии довольно непротиворечиво увязывало в сознании правящей элиты прочный государственный порядок, внутреннюю стабильность и социальный патернализм монархии с пониманием того, что решающим источником военной и хозяйственной силы государства становится в новых условиях развитие крупной промышленности, современных средств транспорта и торговли. Лекции о народном и государственном хозяйстве, читанные С.Ю. Витте великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг.<sup>3</sup>, могут служить обобщенным символом приобщения правящей монархии к новому экономическому мировоззрению.

Основные направления и достижения инициированной правительством промышленной политики хорошо известны и весьма впечатляющи. Корпоративная организация под патронажем власти отраслевых групп промышленных компаний (съезды горно- и нефтепромышленников, представителей железнодорожных управлений и пароходных обществ) позволяла представителям национального капитала не только вырабатывать общую, согласованную, учитывающую фактор внешней конкуренции линию действий, но и доводить до правительства согласованную позицию о нуждах каждой из отраслей. Огромным стимулом для роста крупных компаний являлась расширявшаяся система государственных заказов, в чем значительную роль сыграли развернувшееся транспортное строительство и перевооружение армии. Выкуп российским правительством частных железных дорог в 1880-х гг. позволил ему решить сразу две стратегические – важные для стимулирования промышленного развития – задачи: во-первых, получить в свои руки эффективный инструмент косвенного регулирования общих условий производства и сбыта продукции, а, следовательно, и оптимального размещения промышленности; во-вторых, создать приемлемую форму сопряжения интересов между традиционно сильным в сфере экономики государством и частнокапиталистическим сектором. Примененная правительством протекционистская политика (в частности, повышение пошлин на импорт топлива и чугуна) позволила в короткие сроки переориентировать приморские районы Южной России на потребление донецкого угля, стимулировав таким образом общее развитие Донбасса, усилила связи передельных металлургических заводов России с отечественным чугунолитейным производством, что, помимо прочего, обеспечило более тесное и гибкое взаимодействие казенного и частного секторов российской промышленности. Тщательный пересмотр условий деятельности в России иностранных компаний и акционерных обществ в 1880-е гг. позволил заложить институциональную базу для постепенной и безболезненной «ассимиляции» иностранных капиталов в русскую промышленность. Крупнейшим достижением царствования Александра III стало принятие решения и начало прокладки Транссибирской железнодорожной магистрали, связавшей центр России с ее отдаленными восточными окраинами – мера, которая, решая проблемы безопасности страны, имела впоследствии беспрецедентное значение для завершения складывания в рамках страны единого капиталистического рынка<sup>4</sup>.

Все мероприятия правительства в этот период ясно обнаруживают черты реализации определенной стратегии, направленной на замещение скрепляющих страну военно-бюрократических связей рыночными и превращение ее в единый геоэкономический организм. Формированию

<sup>1</sup> История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 67.

<sup>2</sup> Витте С.Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. М., 1991. С. 270.

<sup>3</sup> См.: Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу в 1900–1902 гг. М., 2011.

<sup>4</sup> Зубков К.И. Россия в царствование Александра III: геополитика национальных целей // Россия в царствование императора Александра III. Екатеринбург, 1995. С. 32, 36–37.

единого капиталистического рынка Российской империи способствовали и энергичные попытки интегрировать в него экономически полунезависимые и потому проблемные западные окраины (Польша, Финляндия), политика «русификации» окраин и организация первых массовых крестьянских переселений в Среднюю Азию, Сибирь и на Дальний Восток. Очевидно, что ни ускорение развития индустрии, ни последовательность и широта мер, способствовавших этому, не могли состояться в русле стихийного роста капитализма – без политики ускоренной капиталистической индустриализации, принятой на вооружение правительством.

Именно в русле этой политики окреп и проявил себя экономический гений выдающегося русского реформатора С.Ю. Витте. «Система Витте» – стратегия индустриального прорыва, предложенная Николаю II в 1899 г., учитывая специфику географического положения Российской империи между Европой и Азией, рассматривала этот фактор как основу структурного маневра, посредством которого возможно было обеспечить соединение дешевых капиталов из развитых стран Европы и богатых, еще не затронутых развитием ресурсов внутренней России для общего подъема русской промышленности и существенного расширения географических ареалов ее развития. Таким способом должна была быть решена критическая для русской промышленности проблема нехватки капиталов. В реализации этой политики Витте решающее значение придавал сильному государству. Он полагал, что зависимость России от промышленного импорта с Запада вполне обрекала бы ее на положение колониальной страны, если бы не полновесный государственный суверенитет, который позволяет стране, твердо придерживаясь политики протекционизма, заместить приток товаров из-за границы иностранными инвестициями, для которых именно в восточных областях России открывался самый широкий простор. Движение в Азию, как считал Витте, было жизненно необходимым для быстрого развития русской промышленности, поскольку приближало ее к неосвоенным азиатским рынкам, где Россия могла выступать как промышленная европейская держава, и именно за счет этого, по мнению Витте, «наши нынешние потери в европейской торговле могут замениться выигрышами в азиатской». В этом пункте экспансия русского капитала должна была тесно сопрягаться с активной внешней политикой самодержавной власти<sup>1</sup>.

Вместе с тем, при реализации этой модернизационной стратегии с неизбежностью возникали серьезные проблемы, среди которых следует указать, прежде всего, на всё увеличивающийся структурный разрыв между отсталым и трудно переходившим на рельсы капитализма сельским хозяйством (в котором была, к тому же, занята большая часть населения страны) и развивающейся быстрыми темпами крупной индустрией. Эта специфическая раздвоенность российской действительности рубежа XIX–XX вв. во многом вытекала из противоречивой внутренней природы главного актора преобразований – самодержавного государства. С одной стороны, имперская власть опиралась в социально-политическом и морально-психологическом смысле на структуры традиционного общества, продолжало использовать его ресурсы и в интересах социальной стабильности консервировало его институты; с другой же, решительно перешло к концу XIX в. на поддержку ускоренного развития крупнопромышленного капитализма, собственно, и воплощавшего главную линию модернизации. Тем самым энергичное и даже ускоренное развитие капитализма лишалось широкой, надежной и быстро растущей социальной базы и всё больше зависело от целенаправленных усилий самой власти. При этом единственным гарантом, обеспечивавшим смыкание и взаимодействие этих расходящихся экономических реальностей, опять же оставалось государство. Остававшееся абсолютистским, но обратившееся в капиталистическую «веру», оно сильно трансформировалось капитализмом, но, являясь достаточно прочным и самостоятельным институтом, точно та же деформировало траекторию капиталистического развития. Этот структурно деформированный тип модернизации с полным основанием может быть охарактеризован как постабсолютистский. Эти противоречия, несомненно, осознавались наиболее просвещенной и дальновидной частью имперской бюрократии. Аграрные реформы П.А. Столыпина, стартовавшие после революции 1905 г., были попыткой, не прибегая к принудительному отчуждению частновладельческих земель, не только внести рациональность и начала экономической свободы

<sup>1</sup> [Витте С.Ю.]. Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте Николаю II о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи // Материалы по истории СССР. Вып. VI. М., 1959. С. 177, 180.

в устройство крестьянского хозяйства, но и обновить в лице слоя крепких сельских хозяев социальную базу самодержавия, придав ее более выраженный пробуржуазный характер. Создание личной земельной собственности крестьянства путем освобождения его от прикрепления к общине и организация переселения малоземельных крестьян на территории, обладавшие значительным резервом свободных земель, должно было не только разорвать тот узел проблем, который препятствовал развитию капитализма в аграрном секторе, но и в целом двинуть вперед модернизационный процесс – в том числе за счет «модернизации» самой постабсолютистской монархии. Однако этот перспективный курс, приведя к известному оживлению и подъему в развитии сельского хозяйства России, не был реализован до конца и, в силу ограниченности времени, не успел произвести глубоких трансформаций в сложившейся модернизационной модели.

## 2.4. ФРОНТИРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК РОССИЙСКИЙ ФЕНОМЕН

Российская империя складывалась постепенно, на протяжении столетий, расширяя при этом свою территорию во всех направлениях. В подобных условиях цивилизационная пограничность<sup>1</sup> обуславливалась не только естественной социокультурной многоядерностью цивилизационной матрицы<sup>2</sup>, но и наличием фронтальных зон, где имели место этноцивилизационные контакты. Зонами такого цивилизационного пограничья в рамках Российской империи длительное время являлись южные и восточные регионы страны – Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Кавказ и Закавказье, Казахстан и Средняя Азия.

Колоссальное пространство России, разнообразие ее природно-климатических условий, богатство полезными ископаемыми имели неоднозначные последствия для исторической динамики страны в целом и отдельных ее сфер. Пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию. Исторически получилось так, что по меньшей мере на протяжении XVIII – начала XX в. российская модернизация осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения

<sup>1</sup> Применительно к российской истории установление взаимосвязи между модернизационными процессами и цивилизационной динамикой заслуживает особого внимания. Дело в том, что пограничное месторасположение страны в целом между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю. Споры по поводу цивилизационного статуса страны не стихают до сих пор. При этом ответы на последний вопрос можно свести к следующим позициям: 1) Россия – часть (филиал) западной цивилизации; 2) Россия – цивилизация восточного типа; 3) Россия – своего рода мост, «фильтр» между Западом и Востоком, гибрид восточной и западной цивилизации; 4) Россия – уникальная цивилизация, отличная от Европы и от Азии, от Запада и от Востока (Евразия); 5) Россия – последовательность субцивилизаций в рамках единого цивилизационного феномена; 6) Россия – не самостоятельная цивилизация, а своеобразный ансамбль цивилизаций и этнокультурных анклавов, неоднородное, сегментарное общество (недоцивилизация). См.: См.: Ерасов Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 419–461; Кантор В.К. «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Исторические очерки. М., 1997; Егоров В.К. Русский европеец как явление культуры. М., 2001; Егоров В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2008; Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002; Семенникова Л.И. Концепт цивилизации в современной историографической ситуации в России // История России: Теоретические проблемы. М., 2002. Вып. 1. С. 28–45; Кобищанов Ю.М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии: Россия // Общественные науки и современность. 1996. № 2. С. 91–99; Ионов И.Н. Российская цивилизация и ее парадоксы // История России: Теоретические проблемы. С. 139–150; Егоров В.К. Парадоксы российской цивилизации (По следам одной научной дискуссии) // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 115–116; Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Новосибирск, 1997–1998; Ильин В.В., Ахизер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000; Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М. 1997; Флиер А. Цивилизация и субцивилизация в России // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 70–83; Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса. М., 2003; Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М., 2007; Шаповалов В.Ф. Истоки и смысл российской цивилизации. М., 2003; Яковенко И.Г. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999; Проскурякова Н.А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165; Стрелецкий В.Н. Этнокультурные предпосылки регионализации России // Географические процессы и проблемы. М., 2001. С. 10–11; Суворов Д.В. Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России / Автореф. дисс. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2006.

<sup>2</sup> В действительности целый ряд фактов (наличие определенной целостности, мощной способности к регенерации после «смута» и расколов, тенденции к цивилизационной экспансии), все же, свидетельствует в пользу признания цивилизационной самостоятельности и социокультурной целостности России (при одновременной ее «цивилизационной неопределенности», по выражению Е.Б. Рашковского. См.: Рашковский Е.Б. Целостность и многообразие российской цивилизации // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 64, 67). Специфика последней в структурном плане, как нам кажется, может быть адекватно описана при помощи концепта «пограничной» цивилизации (считается, что подобная цивилизация характеризуется относительной молодостью, социокультурной гетерогенностью, симбиотичностью, наличием двух или нескольких культурно-ценностных «ядер», возможностью и социокультурными дивергенциями).

новых земель и их освоения. Данная особенность странового развития не была уникальной, характерной только для России, она проявлялась также в истории таких стран как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Китай, страны Латинской Америки.

Представляется, что модернизацию в условиях незавершенного освоения можно квалифицировать как фронтирную. Как известно, концепция фронта, сформулированная в начале 1890-х гг. американским исследователем Фр. Дж. Тернером для объяснения истории США XIX в., стала удобным познавательным инструментом для изучения стран, в прошлом которых существенную роль играла колонизация, континентальная экспансия, имелись «свободные земли», были свои «запад» и «восток». При этом последователи концепции Тернера расширили понимание фронта, показав односторонность тернеровского представления о пограничных условиях как ключевом факторе формирования страновых особенностей и обратив внимание на несомненную значимость для истории общества традиций, «ввезенных» из метрополии, характера и степени интенсивности взаимоотношений «ядра» и «границы», «запада» и «востока»<sup>1</sup>. Классическую известность приобрел анализ нобелевским лауреатом экономистом Д. Нормом глубоких различий в историческом опыте США и Латинской Америки, обусловленных, по мнению автора, следованием разным институциональным традициям, различными институциональными преемственностями (англосаксонской и иберо-христианской, соответственно)<sup>2</sup>.

Попытаемся концептуализировать фронтирную модернизацию применительно к истории России. Следует начать с того, что условия присоединения и освоения оказывали воздействие на дальнейший ход модернизации. Так, А. Каппелер выделяет 5 этапов-направлений формирования территории Российской империи: 1) «собирающие русские земли» с середины XV до начала XVI вв.; 2) борьба за наследие Золотой Орды на восточноевропейской и североазиатской территории со второй половины XV до конца XVI вв., сопровождавшееся завоеванием Россией Казанского, Астраханского и Сибирского ханств (в какой-то мере продолжением собирания земель монгольской империи стало в XIX веке присоединение Казахстана и Средней Азии, завершившееся уже в контексте типичной колониальной экспансии); 3) присоединение в XVII в. Сибири, главной движущей силой чего выступали экономические цели, прежде всего, добыча драгоценных мехов; 4) добровольное подчинение власти московского царя в XVII в. Украины; 5) имперская экспансия со времен Петра I как в западном, так и в восточном направлениях. При этом А. Каппелер справедливо указывает на разнообразие методов интеграции новых территорий и их населения в состав России, что обуславливалось множеством факторов: было ли оказано жителями регионов военное сопротивление русским или присоединение осуществлялось добровольно; насколько обоснованными были притязания России на новые территории; насколько отличались новые области и их население от России и русских в экономическом, социальном, политическом, культурно-конфессиональном плане; каковы были международная ситуация и возможные реакции других государств<sup>3</sup>. Для нас важно подчеркнуть то, что исторически формировавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах фронтиров освоения регионы в итоге различались административно-управленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их проинтегрируемости для импульсов модернизации.

<sup>1</sup> Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории. М., 2009; Саймонс А. М. Социальные силы в американской истории. М., 1925; Кук Р. Граница и метрополия: опыт Канады. М., 1970 (XIII Международный конгресс исторических наук, М., 16–23 августа 1970 г.); Кушнер Г. Постоянство «идей границы» в американской мысли // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник, 1992. М., 1993. С. 136–151; Шейд У. Дж. Не только граница: значение Фредерика Джексона Тернера для исследования ранней республики // Американский ежегодник, 2002. М., 2004. С. 9–32; Ефимов А. В. «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф. Д. Тернера // Из истории общественных движений и международных отношений / Сб. памяти в память ак. Е. В. Тарле. М., 1957. С. 548–560; Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980; Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005; Резун Д. Я., Ламин В. А., Мамсик Т. С., Шиловский М. В. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001; Фронт в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002; Фронт в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3; Резун Д. Я. Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005; Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

<sup>2</sup> Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 145–150; Его же. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Т. 1, № 2. С. 69–91.

<sup>3</sup> Каппелер А. Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследие Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А. И. Миллера. М., 2004. С. 98–108.



Для России как страны фронтирной модернизации был характерен ряд особенностей. Фронтирная динамика обладала своей логикой: обыкновенно, после присоединения новой территории, происходила «фронтиризация» – формирование пограничных зон, наделенных особыми признаками; затем пограничные – фронтирные – территории постепенно утрачивали «фронтирные» свойства, интегрируясь в общестрановое пространство; происходила «дефронтиризация» (однако данный процесс не следует представлять упрощенно, поскольку вследствие фронтирной многослойности (географический фронтир между различными природно-климатическими зонами, социальный фронтир между различными жизненными укладами, милитарный фронтир между враждебными сообществами, социокультурно-конфессиональный фронтир между различными ценностными и культурными традициями<sup>1</sup>) эрозия фронтирных признаков протекала с разными скоростями в различных измерениях).

Присущей стране освоенческий синдром выражался в подвижности населения; дифференциации пространства страны на центр (ядро) и периферию, различавшиеся по демографическим, социальным, экономическим, административным, культурным признакам; в наличии доступных пограничных областей, богатых ресурсами и служивших клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов; в возможности для лиц и групп, считавших себя незаслуженно обиженными, не сумевших обеспечить себе удовлетворительных условий существования, мечтавших культивировать нетрадиционные представления, переселиться в пограничные области; в потребности в дополнительной рабочей силе, необходимой для разработки избыточных ресурсов; в проблеме адаптации и ассимиляции, возникавшей вследствие притока мигрантов на периферийные территории; в растянутости по времени колонизационных процессов (заселение, аграрное, промышленное освоение); в экстенсивном характере аграрной экономики; в региональных, этнокультурных контрастах и диспропорциях, в различной степени заселенности и освоенности территорий; в социально-сословной и этноконфессиональной мозаике и т.п.

Хорошо известно, что присоединение новых территорий продолжалось и в XIX в. (Кавказ и Закавказье, Средняя Азия, Дальний Восток). Наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавало предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах. Еще В.О. Ключевский заметил: «История России есть история страны, которая колонизируется. ... Так переселение, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты»<sup>2</sup>. Колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла низкотехнологичные уклады в центре страны, транслировала их на периферию, ослабляя таким образом целый ряд модернизационных по своей природе процессов, таких как урбанизация, индустриализация и т.д.

Расширение территории, с одной стороны, увеличивало ресурсы для хозяйственного развития, способствовало складыванию обширного внутреннего рынка, но при этом, с другой стороны, объективно создавало предпосылки и возможности для ориентации на самодостаточное, автаркическое развитие. Россия по существу представляла собой, по терминологии Ф. Броделя, мир-экономику, т.е. самодовлеющую структуру, которая «затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство»<sup>3</sup>. Вследствие того, что Россия представляла собой мир-экономику со своим собственным институциональным порядком, взаимодействия с другими мирами-экономиками были чреватые для нее значительными транзакционными издержками, которых она, естественно, стремилась избежать.

Необходимо также учитывать то, что доминирующий восточный вектор российской колонизации со временем увеличивал удаленность страны от моря, что в плане торговли способствовало росту транспортных издержек при перевозке товаров и делало более дорогостоящей интеграцию страны в международное разделение труда<sup>4</sup>. В то же время огромные пространства затрудняли

<sup>1</sup> Капшелев А. Южный и восточный фронтир России // АВ IMPERIO. 2003. № 1. С. 48.

<sup>2</sup> Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. М., 1987. Т. I: Курс русской истории. Ч. 1. С. 50–51.

<sup>3</sup> Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1922. Т. 3: Время мира. С. 14.

<sup>4</sup> См.: Нольте Г.-Г. Западная и Восточная Европа перед лицом глобализации // Экономическая теория на пороге XXI века – 7: Глобальная экономика. М., 2003. С. 593.

создание транспортной инфраструктуры для обеспечения налаженной и скорой связи потребителей с производителями, для нормального функционирования рынка. Недооценивать данное обстоятельство в контексте модернизационных процессов не следует, так как транспортный фактор имел решающее значение для становления современного индустриального общества. Поскольку организация рыночной инфраструктуры в определенном смысле есть покорение пространства, постольку для России, в силу ее территориально-климатических условий, данный процесс был в значительной степени заторможен.

Очевидно, что в контексте фронтальной модернизации транспортному фактору принадлежит повышенная роль. Хорошо известно, какое значение для индустриализации и интеграции стран имело железнодорожное строительство в США и Канаде в XIX в. В России железные дороги также содействовали ускорению развития окраинных регионов, стимулировали рост в них промышленности, городов. Благодаря созданию общеуральской железнодорожной сети был образован рынок промышленного сырья и топлива, получили развитие внутрирегиональные экономические связи, был дан импульс регионализации социально-экономических и социокультурных процессов в крае. Единственная в России к началу XX в. трансконтинентальная железная дорога, Транссиб, соединившая Сибирь с европейской частью страны, сразу же способствовала ликвидации былой обособленности региона, интенсификации хозяйственного освоения восточных районов, стимулировала миграцию и переход сельского хозяйства к рынку. Строительство Транссибирской магистрали явилось крупнейшим событием промышленной революции в Сибири: относительно дешевая и надежная доставка оборудования облегчила обеспечение новейшими механизмами, паровыми и электрическими двигателями сибирской промышленности. Вообще, последовательность индустриализации в Сибири и в Европейской России существенно отличалась: если в последней модернизация последовательно охватывала легкую, затем тяжелую промышленность, транспорт и т.д., то в Сибири промышленный переворот, как считают специалисты, начинался именно с транспорта, с водного транспорта, а затем – с железной дороги, которые создавали условия индустриализации прочих промышленных секторов<sup>1</sup>.

Необходимо при этом учитывать, что значительная часть вновь присоединенных территорий, особенно на востоке, отличалась суровыми природно-климатическими условиями (холодный, засушливый континентальный климат), мало благоприятными для ведения сельского хозяйства, сезонного и находившегося в сильной зависимости от климатических колебаний, что не могло не сказываться негативным образом на общей динамике экономических и социальных отношений. Так, по мнению Л.В. Милова, следствием низкого естественного плодородия почвы и недостатка в силу климатических условий рабочего времени являлся невысокий уровень производительности труда и агротехнической культуры, что повлекло учреждение крепостнического режима как механизма распределения и перераспределения небольшого по объему прибавочного продукта, укрепление государства – гаранта крепостнической системы, а также длительное сохранение общинных форм жизнедеятельности среди крестьян, обеспечивавших солидарное поведение последних в хозяйственной, социокультурной и прочих сферах<sup>2</sup>. Впрочем, недостаточно благоприятные природно-климатические условия могут стимулировать и интенсификацию труда, создавая, таким образом, предпосылки для социального и экономического прогресса. В литературе уже обращалось внимание на отсутствие жесткой зависимости между природно-климатическими условиями и уровнем социально-экономического развития, что ярко иллюстрируется хозяйственным и социальным прогрессом, достигаемым в неблагоприятной географической среде, и, наоборот, стагнацией или регрессом в экологических нишах, вроде бы запрограммированных на противоположный результат<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Гаврилов Д.В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005; Букин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 66–73; Супоничкая И.М. Опыт освоения земель: Сибирь и Запад // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: Образы, мифы, реальность / Материалы международной конференции, посвященной 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США, РГГУ (Москва), 21–22 февраля 2007 г. М., 2007. С. 134–143; Ее же. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М., 2010; Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск, 2007.

<sup>2</sup> Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1994. С. 39–41.

<sup>3</sup> Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. С. 53–65.

Земли, которые присоединялись или относительно недавно присоединенные территории, к которым, в частности, можно отнести восточные регионы России – Урал и Сибирь, продолжали осваиваться в эпоху модернизации, когда страна в целом проходила прото- и раннеиндустриальную стадии модернизации. Так, только с середины XVIII в. началось мощное земледельческое освоение Южного Урала (Оренбуржье). Большие массивы свободной земли были распаханы в Башкирии, Предуралье и Зауралье во второй половине XIX – начале XX вв. Аграрное освоение региона создавало базу для обеспечения местной промышленности собственным хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Что касается Сибири, то в XVIII – XIX вв. продолжался процесс присоединения и закрепления территорий на юге региона, а также на Дальнем Востоке; продолжалась нарастающими темпами аграрная колонизация<sup>1</sup>.

Кроме того, интенсивное развитие на Урале, а затем и на юге Западной Сибири, на Алтае, получила промышленная колонизация, развернувшееся в первой половине XVIII в. Уральский историк В.Г. Железкин выделяет следующие характерные черты ранней индустриализации колониационного типа на Урале: 1) в качестве организационной формы промышленности крупная металлургическая мануфактура с цеховым и внутрицеховым разделением труда, которая возникала без промежуточных стадий и вытесняла мелкотоварное производство не конкурентоспособностью, а с помощью запретительных мер (указ сибирского губернатора 1717 г., закон об «огнедействующих» заведениях); 2) многопрофильное хозяйство, базирующееся на латифундиальной земельной собственности, а не завод как таковой, в качестве основной отраслевой единицы; следствие этого – основная отрасль – не металлургия, а горнозаводское дело, которое объединяет целый ряд производств (в традиционной, а не колониационной модели развития промышленности, они обычно функционируют как отдельные отрасли: добыча руды, углежжение, металлургия, металлообработка, транспорт, промышленное строительство и т.д.); 3) принудительная мобилизация рабочей силы путем прикрепления различных социально-сословных групп и категорий населения к заводам, в том числе с переселением их из других районов; 4) доминирующая роль государства в регулировании промышленного развития, компенсирующая недостаточное развитие внутреннего рынка; покровительственная политика государства переходит в административное вмешательство в дела промышленности, государство выступает в роли крупнейшего заводоладельца; рынок преимущественно регулирует лишь размер денежной прибыли от продажи металла<sup>2</sup>. Вероятно, эти характеристики с определенными поправками можно экстраполировать и на Сибирь.

Еще одно важное следствие продолжающегося фронта – это необходимость обеспечения условий для мирного стабильного развития в ситуации «пограничья» и наличия порой враждебного «соседства». Вообще со времен раннего средневековья больших усилий от страны требовало противостояние «степной» угрозе. По мере расширения территории страны возрастала потребность в обороне преимущественно открытых границ, в организации контроля над обширными пространствами. Находясь во враждебном окружении, страна постоянно вынуждена была доказывать свое право на существование, на суверенитет. В связи с этим политические процессы обгоняли экономические – достаточно сильное централизованное государство, необходимое в условиях низкой плотности населения, особенно на окраинах, и небольшого по объему прибавочного продукта для обеспечения обороны от внешней агрессии, независимости, сложилось относительно рано, не имея адекватной экономической основы. Раннее формирование достаточно эффективного традиционалистского государства, накопившего длительный опыт централизованного управления в противостоянии внешним угрозам, имело серьезные последствия для динамики и характера начавшейся позднее модернизации. Именно традиционалистские правительства обыкновенно инициировали программы ограниченной или защитной модернизации, разрабатывавшиеся в значительной степени для консервации традиционного общества и защиты его от более интенсивных и радикальных изменений.

Раннее складывание сильного государства обусловило высокую степень централизации государственной администрации, в том числе институтов, отвечавших за разработку и проведение

<sup>1</sup> Шиловский М.В. Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX вв. // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Екатеринбург, 2008. С. 648–653.

<sup>2</sup> Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 147–148.

хозяйственной политики. Догоняющая природа российской модернизации, ее мобилизационный характер лишь усиливали роль централизованного государственного аппарата, осуществлявшего контроль за трудовыми отношениями, проведение политики таможенного протекционизма, занимавшегося созданием корпораций и ряда монополий<sup>1</sup>. Неизменное доминирование политических целей над хозяйственно-экономическими как следствие специфического пути развития, обусловленного в конечном счете географическими факторами, сохраняло силу в контексте российских модернизаций. Показательно, что в ежегодном всеподданнейшем докладе министра финансов в 1903 г. С.Ю. Витте, касаясь распределения ограниченных бюджетных средств, ставил вопрос о том, какая же потребность всего настоятельнее для государства: «Очевидно та, удовлетворение которой обеспечивает самое существование государства, его внешнюю неприкосновенность. Для этой цели население несет личную повинность и уплачивает большую часть налогов, получая взамен неоценимое и несоизмеримое ни с какими материальными благами сознание того, что под державным руководством своего Верховного Вождя каждый из верноподданных Вашего Величества, его семья, имущество и вся родная земля находятся в безопасности от внешнего врага... Мы состоим под действием железного закона – обращать на удовлетворение культурных потребностей лишь то, что остается после покрытия расходов на оборону страны»<sup>2</sup>.

Что касается «фронтирных» территорий, то их характерным признаком являлась заметная милитаризация, проявлявшаяся в размещении фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований (Яицкое (Уральское), Оренбургское казачество, Башкиро-мещерякское войско на Урале; Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское казачьи войсковые организации – в Сибири и на Дальнем Востоке)<sup>3</sup>, установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник).

Колонизационная специфика накладывала сильнейший отпечаток на развитие административно-территориальной системы на востоке страны, в частности, учреждение специальных центральных органов управления с региональной компетенцией. Так, первоначально, в 1580–1590-е гг., Сибирь была подчинена Посольскому приказу, затем перешла в ведомство приказа Казанского дворца, наконец, с 1637 г. была подчинена Сибирскому приказу<sup>4</sup>. Центральные учреждения местного управления вводились для отдельных окраин России и в более поздний период («местные органы верховного управления», по определению известного историка государственного права В.В. Ивановского<sup>5</sup>) существования министерской системы. Их значение, по мнению В.В. Ивановского, состояло в том, что «носитель верховной власти подчиняет управление в таких местностях своему непосредственному регулированию». В условиях министерской системы, межведомственной разобщенности территориальные комитеты в определенной степени повышали скоординированность действий ведомств и эффективность региональной политики центрального правительства. К числу подобных учреждений относились, в частности, Кавказский и Сибирские комитеты, Комитет Западных губерний, Комитет по делам Царства Польского. Так, специфика Сибири подчеркивалась регулярным созданием и воссозданием центральных органов регионального управления типа Комитета по делам сибирского края, I и II Сибирских комитетов, Комитета Сибирской железной дороги (прообразом которых выступал Сибирский приказ), в компетенцию которых входила разработка важнейших законодательных и административных актов, определявших магистральные линии сибирской политики правительства, координация деятельности различных ведомств.

<sup>1</sup> См.: Роуни Д. Методологические аспекты изучения истории России. (Зависимость от пути развития и плановая политика в СССР) // Материалы научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М., 1997. С. 224–229.

<sup>2</sup> Цит. по: Дроздова Н.П. Неинституциональная концепция экономической истории России: постановка вопроса // Экономическая теория на пороге XXI века – 2. М., 1998. С. 694.

<sup>3</sup> История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX века; Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века; Огурцов А.Ю. Военно-инженерная политика русского правительства в Западной Сибири в XVIII в. / Автореф. дисс. ... к.и.н. Свердловск, 1990; Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI–XVII вв. СПб., 2010; Пережогин А.А. Военизированная система управления Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005.

<sup>4</sup> Вершинин Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998; Копылов А.Н. Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI–XVII в. // Известия СО АН СССР. 1965. № 9. Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 80–88; Власть в Сибири. XVI – начало XX века. Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. С. 8–16, 121–124, 131–134.

<sup>5</sup> Ивановский В.В. Русское государственное право. Т. 1. Ч. 2: Местные установления. Казань, 1898. С. 7.



С начала XVIII в. административно-территориальное устройство осуществлялось в контексте проведения политики модернизации, предусматривавшей в перспективе рационализацию и унификацию системы управления, замену в конечном счете исходного многообразия и специфики административных форм внутренне усложненной моновариантной моделью, предполагавшей рост централизации и бюрократизации управления, постепенное совершенствование системы административно-территориального деления, эволюционное утверждение бюрократической системы местного управления, усиление иерархических связей в управлении, сокращение дистанции между государственной властью и населением, внедрение разделения управленческого труда на местном уровне, становление государственной службы, вытеснение административного обычая законодательными актами в нормативном регулировании процессов административного устройства. Однако недостаточно глубокая интегрированность большинства территорий на востоке России вносила существенные коррективы в общий курс административного благоустройства. Управленческие структуры Востока России длительное время сохраняли черты особенности, отличности от соответствующих структур центральных регионов России. Причем эта особенность возрастала по мере движения на восток.

При этом административное освоение порой опережало хозяйственное и социокультурное. Основные принципы и этапы административной интеграции восточных регионов в единое имперское пространство, своеобразного «административного фронта», были довольно точно сформулированы, как отмечал историк А.В. Ремнев, в отчете восточно-сибирского генерал-губернатора Д.Г. Анучина за 1879 г.: первоначально на вновь присоединенных территориях вводилась сильная и в значительной степени автономная военно-административная система управления в виде генерал-губернаторства или наместничества, сохраняются традиционные институты власти для аборигенного населения, создаются лишь самые необходимые государственные учреждения на местах, прежде всего полицейские и фискальные; со временем, по мере упрочения связей «окраины» с «ближайшими частями государства, когда тяготение к русскому центру укреплялось вполне и местные условия сглаживались и приближались к общим русским, правительство решалось ввести такую область в общую систему управления и непосредственно подчинить ее центральным правительственным установлениям»<sup>1</sup>. С этой точки зрения, резюмирует А.В. Ремнев, существовавшее административное устройство Сибири рассматривалось как «переходная форма».

Маркером фронтирной модернизации выступает разновекторная диффузия. Освоение предполагает интенсивную контактность, складывание в регионе многоэтничного по составу населения. В результате миграционных процессов носители разнообразных этнокультур оказываются в новых географических и климатических условиях, вступали в контакты с представителями иных культур и менталитетов. Процесс освоения новых пространств требовал максимального разнообразия культурных навыков и резюмировался формированием различных хозяйственно-культурных типов. Нередко новые природно-климатические условия оказывались контрастно несхожими с условиями мест выхода, порой экстремальными для переселенцев. Шанс выжить в подобных ситуациях прямо зависел от потенциальных возможностей культуры мигрантов-колонистов адаптироваться к новым условиям. Этот процесс мог быть облегчен этнокультурным взаимодействием и заимствованиями из культур автохтонных народов, уже приспособившихся к специфической среде обитания. С другой стороны, контакт местного населения с пришлым создавал и для первого предпосылку для совершенствования собственной культуры. На все эти процессы диффузионного характера модернизация накладывала трансфер технологий, социальных институтов, культурных ценностей западного, преимущественно – западноевропейского, происхождения<sup>2</sup>.

Естественным следствием пограничности периферийных регионов, продолжения на их территории освоенческих процессов, межэтнической миксации, интерференции диффузий тради-

<sup>1</sup> Цит. по: Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления // Отечественная история. 1994. № 2. С. 63.

<sup>2</sup> Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007; Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург, 2011; Курлаев Е.А., Корепанов Н.С., Побережников И.В. Техничко-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург, 2011.

ционного и современного типов становилась конгломератность, т.е. длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделирующих элементов и основанных на них отношений (согласно концепции А.Д. Богатурова и А.В. Виноградова, данные пласты образуют внутри общества анклавы, эффективная организованность которых дает им возможность выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата)<sup>1</sup>.

Когда модернизация исторически запаздывала, проводилась как вынужденная, она могла усиливать фрагментарность общества, способствовать ни нивелировке (социокультурной, региональной, хозяйственной – естественный модернизационный процесс), но, напротив, росту социальной асимметрии. Асимметрия могла нарастать и в рамках субстранных регионов. Так, экономическая модернизация на Урале на протяжении XVIII–XIX вв. привела к возникновению горнозаводского сектора промышленности, занявшего со временем ведущие позиции не только в региональной промышленности, но в экономике страны. Горнозаводской сектор по мере своего развития превратился в важнейший фактор экономической модернизации Урала. Но при этом в ходе модернизации существенно усилилась конгломератность Урала. Дело в том, что протоиндустриальная модернизация XVIII в. сопровождалась интенсивной диффузией западноевропейского опыта – технологического и организационного, даже буквальным переселением на Урал приглашавшихся для работы иностранных специалистов<sup>2</sup>. Очаговый характер модернизации резюмировался созданием промышленных анклавов, окруженных сохранявшейся традиционной аграрной периферией<sup>3</sup>. Даже в конце XIX в. хотя уральская горная промышленность и захватывала Пермскую, Уфимскую, Оренбургскую и отчасти Вятскую и Вологодскую губернии, но в наибольшей степени она была развита в Пермской губернии (составлявшей центр «горнозаводства» на Урале), в меньшей – в Уфимской и Оренбургской.

В еще большей степени неравномерность и очаговость были характерны для модернизации зауральской части России. Так, экономическая модернизация в Сибири на протяжении XVIII – начала XX вв. вела к возникновению современных или протомодерных экономических форм, имевших анклавно-локализацию (преимущественно в западных районах, в Тобольской и Томской губерниях на рубеже XIX–XX вв., или вдоль транссибирского транспортного коридора)<sup>4</sup>, к пространственной дифференциации самой Азиатской России на узкие относительно современные зоны и периферийные территории, лишь в слабой степени испытывавшие импульсы общестрановой модернизации (к ним, в частности, можно отнести обширные тундровые и таежные северные округа, занимавшие  $\frac{4}{5}$  территории Сибири)<sup>5</sup>. То же самое можно сказать о результатах социокультурной или административной модернизации.

Более того, анклавно-локализация была сутью самой модернизации, поскольку в ее процессе широко применялись традиционные институты и социальные технологии – в частности, внеэкономическое принуждение для мобилизации трудовых ресурсов и феодальные привилегии и монополии для обеспечения экономической элиты необходимыми производственными ресурсами. Так, успехи уральской, алтайской, нерчинской горнодобывающей и металлургической промышленности на протоиндустриальной стадии развития во многом достигались за счет привлечения принудительного труда мастеровых и рабочих людей в основном производстве и приписных крестьян на вспомогательных работах<sup>6</sup>. Рыночные отношения отбрасывали свои экономические и социальные

<sup>1</sup> Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия. М., 2002. С. 109–128.

<sup>2</sup> Алексеева Е.В. Роль экзогенных факторов в формировании индустриальных цивилизаций // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции, 2–3 июля 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 46–54.

<sup>3</sup> Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М., 2000.

<sup>4</sup> Букин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 66–73; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007; Тимошенко А.И. Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск, 2007.

<sup>5</sup> К подобным периферийным территориям внутри самой Сибири можно, например, отнести тундровые и лесотундровые районы Тобольского Севера. Например, см.: Побережников И.В. Освоение ямальского региона в условиях российской модернизации XIX – начала XX вв. // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера [Текст]: Материалы Всероссийской научной конференции, 17–18 ноября 2010 года. Тюмень, 2010. С. 114–119.

<sup>6</sup> Адамов В.В. Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 225–256.

ниши еще до буржуазных реформ середины XIX в., но, с другой стороны, последние не привели к моментальному и повсеместному внедрению в экономику рыночных механизмов хозяйствования. Элементы внеэкономического принуждения длительное время сохранялись после отмены крепостного права. Таким образом, необходимо серьезно учитывать пространственную неравномерность модернизационных процессов внутри страны, в рамках различных регионов.

Пространственное измерение значимо для России, огромной страны, которая всегда характеризовалась очевидным региональным разнообразием, многоуровневостью развития составляющих ее территорий. Помимо субстрановых регионов-моторов модернизации всегда существовали ее периферийные зоны. К числу последних, в частности, относился север Сибири. Экономика северных областей Сибири, как, впрочем, и экономика северных регионов Северной Америки (в частности, канадских) на протяжении фактически XVII–XIX вв. носила ярко выраженный «фронтирный» характер, который, по мнению последователя автора фронтирной теории Ф.Д. Тёрнера – А.М. Саймонса, применительно к североамериканскому континенту может быть представлен следующим образом: «Эта вечно движущаяся пограничная полоса явилась одной из отличительных черт в развитии американского общества. Ясное понимание ее влияния разрешает многие трудные проблемы в этой истории. ... история Соединенных Штатов представляет собою описание движения могучей армии на Запад, на завоевание лесов и прерий. Эта армия имела своих разведчиков, свой авангард, своих саперов и минеров, свои оккупационные отряды. Эти различные отряды воспроизводили по очереди различные ступени общественного развития, пройденные в свое время всей расой. ... последовательные ступени заселения Запада надвигающейся армией пионеров Америки вновь воспроизводят перед нами историю социального развития. Авангард охотников, трапперов, рыболовов, разведчиков и борцов с индейцами с замечательной точностью воспроизводит дикое состояние общества. Они жили в примитивных жилищах, выстроенных из бревен, или в землянках, добывали себе пищу и одежду охотой на зверей, группировались вокруг отдельных вождей, часто не знали никаких законов, были грубы и легко возбуждали ссоры, хотя часто обнаруживали еще более характерные черты диких – молчаливость и фаталистическую храбрость. Эти люди заходили на целые сотни миль вглубь пустыни, вдаль от всяких постоянных поселений. Они нередко дружились и жили вместе с индейцами. Таковы были французские бегуны по лесам, которые собирали меха на пространстве от Гудсонова до Мексиканского залива, исследуя реки, нанесенные на карту лишь в течение последних десятилетий. Когда эти разведчики произвели разведку местности, появился первый отряд главной завоевательной армии. Он состоял из небольших групп поселенцев, лепившихся вдоль водяных потоков и главных путей, по которым прошел авангард. ... Люди этого периода представляли собою бродячий элемент. Едва успевали они расчистить небольшой участок в пустыне, как снова двигались в путь, чтобы опять взяться за эту же работу, дальше на Запад. Они тоже группировались вокруг отдельных вождей, обыкновенно соединяли охоту и рыболовство с земледелием, и во всех войнах, в которые оказывались втянутыми Соединенные Штаты, кроме последней, они давали самых лучших борцов»<sup>1</sup>.

Есть основания предполагать, что акторные профили различных регионов должны существенно отличаться. Попробуем, применяя метод кейсов, сопоставить три больших по площади, но очень отличных, региона России, в разной степени подвергшихся воздействию модернизации (Урал; Северо-Западная Сибирь; Дальний Восток).

Включение Урала в состав Российского государства собственно совпадает с эпохой становления последнего на базе Московского великого княжества на протяжении XV–XVII вв. Эпоха фронтирной модернизации в истории Урала (XVIII–XIX вв.) в технологическом плане в основном совпала с протоиндустриализацией (становление и развитие мануфактурной промышленности). Предпосылками протоиндустриализации выступали обеспеченность региона полезными ископаемыми (руды черных и цветных металлов) и другими ресурсами (реки, лес), необходимыми для развития горнометаллургического производства, а также определенный уровень освоенности региона по крайней мере в его средней части (сеть постоянных сельских и городских населенных пунктов). На данном этапе в регионе усилиями русской администрации с опорой на местные демографические и природные ресурсы был создан комплекс металлургических заводов, началось экономическое

<sup>1</sup> Саймонс А.М. Социальные силы в американской истории. М., 1925. С. 87–88.

освоение лесостепных территорий. Уже в первой четверти XVIII в. горнозаводский сегмент уральской промышленности стал ведущим и стратегически значимым для всей Российской империи. В связи с этим модернизационные процессы в металлургии и смежных отраслях приобрели первенствующее значение в экономической модернизации Урала<sup>1</sup>. С начала XVIII в. хозяйственная специфика региона и его историческая судьба определялись промышленностью.

Урал в XVIII в. еще сохранял множество фронтирных черт (в частности, межэтнические конфликты, башкирские восстания, движение 1773–1775 гг., в значительной степени явившееся реакцией населения на «наступление» государства на окраины, на регуляризацию казачества, на заводское строительство на башкирских землях; юг региона только начал заселяться и осваиваться русскими), но постепенно черты личности, фронтирного «экстрима» стирались. Хотя опасность набегов киргиз-кайсаков на южном пограничье сохранялась до середины XIX в., во второй половине XIX столетия Оренбургский край утратил статус пограничного, в связи с чем в 1881 г. был упразднен пост оренбургского генерал-губернатора. Социально-институциональная структура и менталитет региона еще в значительной степени носили традиционный характер, хотя постепенно (фрагментарно) подвергались модернизации. Происходила рационализация бюрократической организации, нарастали современные черты в сознании заводского и городского населения. Создание в конце XIX в. общеуральской железнодорожной сети содействовало более интенсивной интеграции Уральского региона в общестрановые экономические связи<sup>2</sup>. Но некоторые проявления региональной специфики, в частности, связанные с незавершенностью освоения, сохранялись до рубежа XIX–XX вв. (например, военные черты в системе местного управления, мощные традиционные анклав в сельской местности, высокий удельный вес военизированного казачьего сословия в составе населения Оренбургской губернии и др.).

Помимо субстранных регионов-моторов модернизации всегда существовали ее периферийные зоны. К числу последних, в частности, относился север Западной Сибири, экономика которого на протяжении фактически XVII–XIX вв. носила ярко выраженный «фронтирный» характер<sup>3</sup>. Север Западной Сибири был первым зауральским регионом, с которым познакомились славяне. Именно здесь были проложены первые пути в Сибирь. При этом освоение северных территорий Западной Сибири имело свою существенную специфику, которая обуславливалась огромной площадью, крайне суровыми природно-климатическими условиями, малонаселенностью, малочисленностью населения по сравнению с более южными районами.

Тем не менее, интересно, в какой степени он испытывал импульсы модернизации, которая в указанный период разворачивалась в общероссийском масштабе. Проявлениями модернизации стали: 1) рационализация административно-территориального устройства, восходящая еще к началу XVIII в., но при этом длительная консервация локальных отличий, в значительной степени обусловленная сохранением традиционных структур низового управления<sup>4</sup>; 2) интенсификация хозяйственно-экономической интеграции края в рыночную макроструктуру страны; 3) рост интереса к окраинам как к источникам различных ресурсов для растущей экономики страны и заметная активизация географических исследований на Обском Севере, носивших практический характер; 4) активизация миссионерско-просветительской деятельности на севере Западной Сибири (хотя христианизация коренных народов края и отличалась поверхностным характером и неравномерностью, но она сопровождалась распространением просвещения, трансформацией норм обычного права, появлением новых тем и образов в искусстве туземного населения; более глубоким было русское влияние в сфере материальной культуры местных народов – происходили изменения в жилище, летней одежде, системе питания, внедрялись покупные вещи вместо традиционных, трансформациям подвергались производственные технологии)<sup>5</sup>. Большинство

<sup>1</sup> См.: Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 447–502.

<sup>2</sup> См.: Гаврилов Д. В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: избр. тр. Екатеринбург, 2005. С. 205–214.

<sup>3</sup> Побережников И.В. Канадский и сибирский фронт: общее и особенное (XVI – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2009. № 2 (23). С. 25–30.

<sup>4</sup> Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.) / Сборник документов. Тюмень, 1994; Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сборник правовых актов и документов. Тюмень, 1999.

<sup>5</sup> Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975; Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень, 1995; История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. 1: Ямал традиционный. Кн. 2. Российская колонизация.



населения Северо-Западной Сибири в начале XX в. жило еще в условиях традиционности, а проблемы освоения явно преобладали над проблемами модернизации. Тем не менее, в XIX – начале XX века освоительские процессы приобрели более комплексный и динамичный характер, что способствовало ускорению интеграции региона в общероссийское пространство<sup>1</sup>. В качестве гипотезы можно высказать мысль, что на Севере «эхо» общероссийской модернизации пока еще лишь стимулировало ускорение процессов освоения региона.

Процесс освоения русскими Дальнего Востока имел ряд особенностей в сравнении с освоением Сибири. Тихоокеанская территория была присоединена и освоена позже, чем Сибирь. Берегов Тихого океана русские достигли только в 1639 г. Закрепление за Россией левобережья Амура, Приморья и Сахалина относится лишь в середине и второй половине XIX в. Динамика русского освоения тихоокеанских берегов была обусловлена действием ряда факторов: крайняя отдаленность региона от центра, сложная геополитическая ситуация, международная конкуренция, пограничные конфликты с Цинской империей, длительная неурегулированность вопросов границы<sup>2</sup>. В этой связи особенно велика была в процессе освоения Дальнего Востока роль государства, серьезный акцент делался на повышение обороноспособности региона. Под эгидой государства начиная с Первой и Второй Камчатских экспедиций проводились академические исследования территории Дальнего Востока, направленные на разведку естественных богатств, открытие, освоение и закрепление за Россией новых земель в этой части Тихого океана, создание условий для заселения края, расширения земледелия, торговли и промыслов.

Лишь во второй половине XIX в., после стабилизации границы на Дальнем Востоке, активизировалось освоение территорий Приамурья и Уссурийского края, где были поселены казаки, стали привлекаться переселенцы-крестьяне. Колонизация по-прежнему в значительной степени мотивировалась стратегическими соображениями. Специалисты отмечают связь переселенческой политики в Приамурье с внешнеполитической обстановкой (так, бюджетные ассигнования на переселения конца 1850-х и начала 1880-х годов были связаны в первом случае со второй опиумной войной, а значит с существенной военной угрозой Приамурью от англичан и французов, во втором случае – с военной опасностью со стороны Китая на рубеже 1870–1880-х годов в связи со спором на центральноазиатском участке русско-китайской границы)<sup>3</sup>.

В 1850-е гг. были основаны важнейшие торговые и административные центры на Дальнем Востоке: Николаевск, Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, что стимулировало развитие промышленности и сельского хозяйства в крае. В 1890-е гг. был построен уссурийский участок Транссибирской магистрали, а в 1897–1903 гг. – Китайско-Восточная железная дорога, что в совокупности с мерами по заселению и основанию городов способствовало закреплению дальневосточной окраины за Россией, а также ее социально-демографическому, хозяйственному и социокультурному развитию. При этом именно государство играло ключевую роль в колонизации Дальнего Востока, регулируя приток переселенцев на Тихоокеанскую окраину в ходе «столыпинской» аграрной реформы, выступая главным субъектом строительства Транссибирской магистрали, КВЖД и Амурской железной дороги<sup>4</sup>. Правда, в процессе сооружения Транссибирской магистрали и её дальневосточных звеньев на службу государственным интересам привлекалось и частное предпринимательство, подрядчики казны, которые выполняли большую часть работ на низовом уровне, а также доставляли на стройку необходимые материалы<sup>5</sup>.

Сопоставляя рассмотренные региональные варианты развития можно сделать вывод, что характер и динамика модернизации существенно различались во фронтирных обществах. Вариативность была обусловлена размерами регионов, разницей во времени их присоединения, составом населения, геополитическим положением и уровнем безопасности, ресурсным обеспе-

<sup>1</sup> Побережников И.В. Ямал в контексте российской модернизации XIX – начала XX в. // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. № 2 (65): Ямал в панораме Российской истории. Салехард, 2010. С. 21–29.

<sup>2</sup> Киреев А.А. Специфика дальневосточной границы России: теория и история // Ойкумена. 2009. № 2. С. 73–75.

<sup>3</sup> Илларионов А.А., Барбенко Я.А., Харчевникова Е.С. Принципы реализации колонизационной политики правительства в Приморской области рубежа XIX–XX вв.: управление развитием транспорта, промышленности и переселения // Ойкумена. 2009. № 3. С. 117.

<sup>4</sup> Галлямова Л.И. Дальний Восток в контексте государственной политики... С. 34–36; Бурилова В.С. История формирования территориально-промышленных структур Приморского края в середине XIX – начале XX в. Владивосток, 2003.

<sup>5</sup> Илларионов А.А., Барбенко Я.А., Харчевникова Е.С. Принципы реализации колонизационной политики... С. 115.

чением, временем начала модернизации, ролью государства и рынка как механизмов развития. Огромную роль играли природно-климатические условия территорий, их геополитический статус, время присоединения. Из трех регионов наиболее благоприятные для модернизации условия имелись на Урале: достаточная освоенность территории к XVIII в., богатство естественными ресурсами, возможность заниматься производительным сельским хозяйством, фрагментарные геополитические риски (преимущественно на юге региона, на башкирском и киргиз-кайсацком фронтире). В результате именно Урал в XVIII в. стал одним из страновых лидеров протоиндустриальной модернизации, несмотря на то, что процессы освоения еще были далеки до завершения. Северо-Западная Сибирь присоединялась к Российскому государству почти одновременно с Уралом, фактически в XVIII в. было покончено с угрозой нападений со стороны «кочевников тундры»-самоедов, однако неблагоприятные климатические условия серьезно затормозили не только освоение, но даже заселение региона русскими, которые оставались немногочисленными до рубежа XIX–XX вв. О модернизации применительно к Северо-Западной Сибири данного периода можно говорить лишь условно, поскольку население в основной своей массе все еще находилось во власти традиции. Что касается Дальнего Востока, то позднее присоединение не дало возможности для развертывания интенсивных модернизационных процессов в изучаемый период. Поздняя стабилизация границы, позднее формирование демографических основ региона, необходимость решать проблемы обеспечения безопасности не благоприятствовали модернизации, тем не менее во второй половине XIX – начале XX в. заметными становятся явления и процессы, которые связывают именно с модернизацией: урбанизация, развитие торговли, промышленного производства и т.д.

Региональные условия накладывали отпечаток на профиль акторов модернизации. Более благоприятные условия модернизации на Урале способствовали большей комплексности совокупности акторов, включавшей гражданские и территориально-отраслевые административно-бюрократические структуры; органы самоуправления; общественные организации; профессиональные сообщества и т.д. При этом очень важную роль здесь играла ведущая группа уральского и самая престижная группа российского предпринимательства (горнозаводчики), которая сформировалась и эволюционировала в непосредственной связи с «волнами» модернизации<sup>1</sup>. Архаичный характер освоенческой «протомодернизации» на Севере Западной Сибири обусловил и доминирующий состав ее агентов: местная немногочисленная бюрократия; торговцы и рыбопромышленники; священники, миссионеры; ученые – исследователи края. Что касается Дальнего Востока, то запоздалое освоение и поздняя модернизация в сложных геополитических условиях обусловили гораздо большую роль государства, бюрократии и военных.

Подводя итоги, к характеристикам фронтирной модернизации в России XVIII – начала XX вв. можно отнести сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особую роль военно-административного элемента, гетерогенность в социальном, экономическом, культурном отношениях. Фронтирная модернизация в общем способствовала еще большему усложнению развития России, подчеркиванию ее цивилизационно-культурного своеобразия. Ключевыми факторами складывания социокультурного ландшафта страны становились колонизация новых земель, миграции народов, их смешение и чересполосное расселение, образование гибридных этнокультурных групп и синкретических мировоззренческих комплексов. В формирование политико-культурной «палитры» страны вносили свой вклад различные региональные этноконфессиональные, социокультурные группы, каждая из которых обладала своим своеобразным, порой уникальным, историческим опытом, своими приверженностями и предрассудками.

---

<sup>1</sup> Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в контексте российской имперской модернизации // Уральский исторический вестник. 2015. № 4. С. 45–51.

## ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ АКТОРЫ\*

### 3.1. ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ

Одними из активных деятелей модернизации по праву считаются предприниматели, жизненные интересы которых напрямую связаны с переменами в этом направлении развития общества<sup>1</sup>. Однако специфика модернизационного перехода, свойственная его страновым и региональным вариантам, накладывает отпечаток на состав и облик предпринимателей, их эволюцию и модели поведения.

К характерным чертам уральских предпринимателей можно отнести ярко выраженную связь их деятельности с особыми природными условиями этого обширного края, где имелаась возможность развивать как традиционные для России занятия, так и особые отрасли, ориентированные на использование богатых и разнообразных минеральных ресурсов. Эта связь установилась еще в ходе русской колонизации края, когда в XVI в. здесь развернулась масштабная добыча соли, а в XVII в. были сделаны первые шаги по освоению рудных богатств региона<sup>2</sup>. Преобразования Петра I, знаменовавшие движение России по пути модернизации, существенно активизировали демографические и экономические процессы в регионе. С этого времени качественно изменился способ эксплуатации минеральных ресурсов, поднявшись на передовой для того времени уровень крупного мануфактурного (протоиндустриального) производства.

Активное включение в предпринимательскую деятельность добычи и обработки металлических руд и связанную с этим эксплуатацию лесных и водных ресурсов в начале XVIII в. определило структуру регионального предпринимательства. С того времени ведущее положение в ней заняли горнозаводчики, распространив свою деятельность практически на все освоенные области Южного, Среднего и Северного Урала, Приуралья и Зауралья. Начав свой исторический путь вместе со строительством металлургических заводов на Урале в первые годы XVIII в., они завершили его одновременно с национализацией промышленности и ликвидацией крупной частной собственности в России в начале XX в. За эти два с лишним века уральские горнозаводчики (их общее количество достигало 850 чел.)<sup>3</sup> превратились в самую значимую группу регионального и одну из самых престижных групп российского предпринимательства.

Деятельные представители первых поколений горнозаводчиков, вышедшие из разных слоев общества, смогли в достаточно сжатые сроки создать фундамент промышленности протоиндустриального уровня на Урале, перенеся сюда европейский технологический опыт и воспользовавшись теми неограниченными ресурсами, которые предоставило им государство. Знаменитая Берг-привилегия 1719 г. установила государственную монополию на недра и дала возможность разрабатывать минеральные ресурсы и строить металлургические предприятия «всем, и каждому... какого б чина и достоинства он ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях»<sup>4</sup>. Одновременно «горная регалия» была дополнена лесной, что позволило казне беспре-

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

<sup>1</sup> См.: Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. Екатеринбург, 2006; Его же. Акторы российской имперской модернизации: постановка проблемы // Урал индустриальный: Бакунинские чтения. Екатеринбург, 2014. Т. 1. С. 31–41.

<sup>2</sup> См.: Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962; Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков российской промышленной политики. М., 2005.

<sup>3</sup> См.: Предприниматели Урала XVII – начала XX в. Справочник. Вып. 1. Уральские горнозаводчики / Авт.-сост.: Е.Г. Неклюдов, Е.Ю. Рукусев, Е.А. Курлаев, В.П. Микитюк. Екатеринбург, 2013.

<sup>4</sup> ПСЗ-1. Т. V. № 3464. §1.

пятственно отграничивать к заводам огромные «лесные дачи» для заготовки древесного топлива. Государство оказало помощь заводчикам и в отношении другого, не менее важного «социального ресурса», передавая в их распоряжение государственных крестьян и разрешив (в 1721 г.) покупку крепостных к заводам. Эта проявившаяся с первых шагов развития отрасли тесная связь заводчиков и государства, меняя свои формы, будет сопровождать всю дальнейшую историю их взаимоотношений.

Благодаря такой покровительственной политике на Урале развернулось строительство металлургических заводов. Главной заслугой первых поколений горнозаводчиков следует признать создание окружной системы, которая оказалась наиболее совершенной формой организации металлургического производства в географических и демографических условиях Урала того времени. На деле ее создание в каждом конкретном случае означало формирование комплекса металлургических предприятий, состоявшего из нескольких заводов-цехов, расположенных на обширной приписанной к заводам ресурсной территории; организацию там рудной и топливной отраслей, а также транспортных коммуникаций, наконец, комплектование сложных по своему производственному составу рабочих кадров и создание поселенческой и социальной инфраструктуры, которая обеспечивала бы жизнедеятельность воспроизводящего эти кадры горнозаводского населения. Все эти сложные задачи требовали непосредственного участия заводчиков, делая их, наряду с государством, главными акторами превращения Урала в крупнейший промышленный регион России.

Решение сложных организационных и производственных задач и стало основным содержанием функционала заводчиков периода формирования горнозаводских округов на Урале. Чтобы добиться успеха, им необходимо было сочетать организаторские способности с техническими и экономическими знаниями. Требовалось умение договариваться с властями разного уровня, вплоть до самого высшего. Не исключалась и жесткость по отношению к рабочим, вызывавшаяся необходимостью удержать их на предприятиях с тяжелейшими условиями труда. Тем более что закрепощение, в тех исторических условиях ставшее основным методом комплектования рабочих кадров, вызывало активное сопротивление с их стороны. Оно преодолевалось, как правило, методами принуждения с помощью того же государства. В результате этот период оказался довольно напряженным и долгим, охватившем фактически весь XVIII в. Помимо сложности задач, его протяженность определялась также неравномерностью подключения различных областей обширного края к горнозаводскому делу, а также происходившим тогда дроблением собственности в результате распада «горных империй» крупнейших уральских заводчиков. Они сформировались на начальном этапе развития промышленности и являлись своего рода «инкубаторами» обособлявшихся в их границах горнозаводских округов.

Так, во владении самого известного заводчика той эпохи А.Н. Демидова, помимо переданного из казны в 1702 г. Невьянского завода, оказалось еще 17 других металлургических предприятий, возведенных им и его отцом Н.Д. Антюфеевым (Демидовым) на огромном пространстве Среднего Урала порой лишь с целью закрепить за собой ту или иную перспективную ресурсную территорию. Они находились под общим управлением владельца с центром в Невьянске, где и располагалась его главная резиденция. Первоначально между заводами складывались далеко не всегда рациональные производственные связи. Однако экономическая целесообразность приводила к кристаллизации внутри этой аморфной производственной структуры самостоятельных заводских комплексов, зачатков будущих горнозаводских округов. Этот вполне закономерный процесс ускорился путем дробления обширных, сложноорганизованных и трудноуправляемых «горных империй» при переходе заводов от одного поколения владельцев к другому. Раздел наследства между сыновьями А.Н. Демидова в 1757 г., осуществленный с учетом уже сложившихся производственных связей, привел к формированию сначала трех, а при дальнейших переходах (в 1765–1767 гг.) – четырех самостоятельных территориально-хозяйственных комплексов. При необходимости они дополнялись возведением новых заводов до тех пор, пока не приобретали форму самодостаточных горнозаводских округов с более рациональной организацией производства и управления. Тем же путем распались на менее крупные «империи» других уральских горнозаводчиков – Строгановых (в 1747–1749, 1757–1763 гг.), Н.Н. Демидова (в 1758 и 1783 гг.),



И.Б. Твердышева и И.С. Мясникова (в 1782–1785 гг.), С.Я. Яковлева (в 1787–1788, 1806 гг.) и др., что свидетельствует об общности и закономерности этого явления<sup>1</sup>. К концу XVIII в. на территории Урала функционировало 48 частных и шесть казенных округов, количество которых в дальнейшем менялось.

Параллельно шло формирование родов уральских горнозаводчиков – наследственных владельцев округов, которые наряду с обретением промышленной собственности попутно превращались и в крупнейших в России землевладельцев и душевладельцев. В социальном плане эволюция заводчиков в тех условиях вполне закономерно пошла по пути нобилитации. Выходцы из Тульской оружейной слободы Демидовы получили дворянский диплом в 1726 г., «именитые люди» Строгановы стали баронами в 1722 г., сыновья ошашковского крестьянина, ставшего коллежским асессором, С.Я. Яковлева, были возведены в дворянство в 1796 и 1799 гг., соликамский купец А.Ф. Турчанинов, получивший от казны Сысертские заводы – в 1783 г.<sup>2</sup> Ту же социальную эволюцию прошли тульские оружейники Мосоловы, выходцы из монастырских крестьян Осокины, тульские купцы Лугинины, верхотурские купцы Походяшины и наследницы симбирского купца, ставшего коллежским асессором, И.С. Мясникова. Несколько дворянских родов путем покупки (Лазаревы, Всеволожские) или наследования (Голицыны, Шаховские, Пашковы и др.) подключились к горнозаводскому предпринимательству на Урале во второй половине XVIII в. Такими путями довольно узкий вначале дворянский слой превратился в основную группу (в XIX в. ее доля не падала ниже 85%), придав специфику составу уральских горнозаводчиков на фоне состава предпринимателей в других отраслях промышленности или регионах России.

Повышение сословного статуса заводовладельцев расширяло их предпринимательские возможности, но оно имело и негативные «побочные» последствия. Одворянившиеся потомки первых «фундаторов» заводов воспринимали образ жизни и занятия, свойственные высшему сословию, и отдалялись от предпринимательской деятельности, предпочитая ей государственную службу или другие занятия, связанные с их личными интересами. Случалось, что это приводило к полному отказу от владения заводами. Так, получив после раздела наследства отца Невьянские заводы, П.А. Демидов в 1769 г. продал их С.Я. Яковлеву. Тоже произошло и с его племянником П.Г. Демидовым, в 1767 г. передавшим полученные по наследству заводы братьям. Оба этих представителя рода Демидовых стали известны впоследствии своими крупными благотворительными акциями. Несколько представителей рода Строгановых также вышли из состава заводчиков. Желая освободиться от накопившихся долгов, они продали доставшиеся им части распавшейся строгановской вотчины В.А. Всеволожскому в 1773 г. и И.Л. Лазареву в 1778 и 1784 гг. Не состоялись как заводчики и сыновья основателя Богословских заводов М.М. Походяшина и внуки Л.И. Лугинина, владельцы Златоустовских заводов. Неудачей завершилась и попытка приобщиться к горнозаводскому предпринимательству знатных сановников елизаветинского царствования Воронцовых, П.И. Шувалова, А.Г. Гурьева, И.Г. Чернышева и С.П. Ягужинского, получивших казенные заводы в ходе «приватизационной компании» 1750-х гг. Большинство заводов вскоре вернулось в казну, некоторые были проданы С.Я. Яковлеву.

Однако большее количество одворянившихся потомков все-таки сохранило владение заводами в своих руках, воспользовавшись теми новыми возможностями, которые складывались по мере завершения формирования горнозаводских округов. Помимо стабилизации производственной структуры этот процесс включал и создание многоуровневой системы окружного управления, все звенья которой замещались, как правило, обученными крепостными служителями. Они постепенно превратились в особую привилегированную касту в составе заводского населения, передавая свои должности по наследству. Организация такого управления требовала значительных усилий со стороны заводчика, но в итоге она освободила его от большей части прежних обязанностей, функционируя и без непосредственного участия владельца. У Демидовых такая возможность появилась в третьем-четвертом поколении (во время владения Н.А. Демидовым

<sup>1</sup> См.: Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М.; Л., 1949; Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII в.: заводы и заводовладельцы. М., 1962; Мезенина Т.Г. Пермские владения Строгановых в XVIII – первой половине XIX в.: особенности пространственной и социально-экономической организации. Нижний Тагил, 2011; Юркин И.Н. Демидовы. Столетие побед. М., 2012.

<sup>2</sup> Хоруженко О.И. Дворянские дипломы XVIII в. в России. М., 1999. С. 37–38, 43, 314, 347, 368.

Нижнетагильскими заводами или его племянниками А.Г. Демидовым Суксунскими и П.Г. Демидовым Ревдинскими заводами). Строгановы изначально воспользовались уже давно сложившейся в их пермской солепромышленной вотчине подобной системой управления, приспособив ее к новому заводскому производству; С.Я. Яковлев, В.А. Всеволожский или И.Л. Лазарев использовали уже имевшуюся администрацию приобретенных ими заводов, придав ей заверченный вид. Создание эффективного окружного управления в сочетании со значительными доходами, получаемыми от заводов, позволили владельцам жить вдали от своих уральских имений (как правило, в Петербурге), состоять на государственной службе, достигая порой высших чинов и должностей, путешествовать, коллекционировать произведения искусства, заниматься наукой, благотворительностью и меценатством<sup>1</sup>.

Следствием нобилизации владельцев и стабилизации окружной системы стали, таким образом, перемены в функциях заводчиков и их историческом облике. Заводовладельцы отдалялись от заводов в прямом и переносном смысле, их предпринимательские занятия сужались до участия в принятии лишь важных стратегических решений, контроля за финансами и поддержания эффективности местной крепостной администрации посредством так называемого «дистанционного управления», которое заменило непосредственную связь заводчика с заводами деловой перепиской и единичными инспекторскими приездами владельцев на далекие от их резиденций уральские имения. Этот процесс происходил неравномерно по родам заводчиков и завершился в основном к началу XIX в. Новый исторический тип уральского заводчика стал характерным для первой половины этого столетия.

Однако благоприятные обстоятельства, вызванные наступлением стабилизационного периода, вовсе не исключали определенных трудностей, связанных как с изменением государственной политики, так и влиянием внешнеэкономических факторов, которые не позволили заводчикам полностью отдалиться от заводов. Именно на рубеже XVIII–XIX вв. определился новый поворот в промышленной политике. Он был следствием пересмотра казной своего прежнего отношения к «горному промыслу» как к «источнику народного благосостояния» и превращения его в «источник государственных доходов»<sup>2</sup>. Это выразилось не только в повышении горных податей в конце XVIII в., но и в утверждении казной своих владельческих прав на предоставленные многим заводчикам «пособия» в виде земель, лесов, рудников и рабочих людей. Правовым основанием для этого стала замена петровской «горной свободы» введенным в 1782 г. принципом акцессии (принадлежности недр владельцу поверхности земли) и сопряженным с этим осознанием казной своей собственности как равноценной частной. Это привело к разделению частных заводов на две группы (владельческие и посессионные) и установлению между ними сначала податных (в 1794 г.), а затем и правовых различий, зафиксированных в изданном в 1806 г. Проекте горного положения – первом кодексе российского горнозаводского законодательства (в 1832 г. он будет положен в основу Горного устава). Посессионные заводы (к ним отнесли почти половину частных округов) были обложены полуторной податью, а их владельцы (в числе которых оказались Демидовы, Мосоловы, Осокины, наследники С.Я. Яковлева, А.Ф. Турчанинова и др.) были ограничены в своих хозяйственных распоряжениях. С того времени началась и «необъявленная война» заводчиков против «казенной опеки», которая выражалась либо в их индивидуальных усилиях по переводу своих заводов в группу владельческих, либо в совместных действиях по пересмотру наиболее одиозных норм посессионного права<sup>3</sup>.

Вместе с тем, когда на Урале были обнаружены богатейшие золотые россыпи, государство передало заводчикам в 1824 г. монополию на разработку драгоценных металлов на территории

<sup>1</sup> Демидовский временник. Исторический альманах. Кн. 1 / Под ред. А.С. Черкасовой. Екатеринбург, 1994; Пирогова Е.П. Библиотеки Демидовых: книги и судьбы. Екатеринбург, 2000; Юркин И.Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства. Опыт науковедческой просопографии. М., 2001; Мезенина Т.Г., Мосин А.Г., Мудрова Н.А., Неклюдов Е.Г. Род Строгановых. Екатеринбург, 2007; Демидовский временник. Исторический альманах. Кн. 2 / Под ред. А.С. Черкасовой. Екатеринбург, 2008; Пирогова Е.П., Неклюдов Е.Г., Ларионова М.Б. Род Турчаниновых. Екатеринбург, 2008; Кузнецов С.О. Строгановы. 500 лет рода. Выше только цари. М., 2012; Мосин А.Г. Род Демидовых. Екатеринбург, 2012; Чагин Г.Н. Род Шуваловых. Екатеринбург, 2013; Неклюдов Е.Г., Торопов А.Н. Род Яковлевых. Екатеринбург, 2013; Микитюк В.П., Мосунова Т.П., Неклюдов Е.Г. Род Поклевских-Козелл. Екатеринбург, 2014; Неклюдов Е.Г., Попова-Яцкевич Е.Г. Род Лазаревых. Екатеринбург, 2014.

<sup>2</sup> Такую оценку промышленной политике дали в 1862 г. члены Комиссии по пересмотру Горного устава при Министерстве финансов (РГИА. Ф. 37. Оп. 5. Д. 939. Л. 9–17 об.).

<sup>3</sup> См.: Неклюдов Е.Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург, 2011.

принадлежавших им округов. Воспользовавшись этим, они создали новую высокодоходную и не требовавшую больших капиталовложений золотоплатиновую отрасль окружного хозяйства, развитие которой способствовало подъему металлургического производства после спада начала XIX в., который был вызван изменениями на европейских рынках металлов. Фактически лишившись тогда внешнего рынка, уральские заводчики продолжали развивать производство, подстраиваясь под динамику и потребности внутреннего рынка, огражденного от импортного металла высокими таможенными пошлинами. Правительство не поднимало также горные подати и разрешало заводчикам закладывать свои имения на длительный срок в казенных «кредитных установлениях» (в первую очередь Петербургской и Московской сохранных казнах), а для того, чтобы облегчить им составление операционных капиталов, с 1847 г. стало выдавать краткосрочные кредиты под залог металлов из открытой в Екатеринбурге конторы Коммерческого банка.

Первоочередной задачей уральских заводчиков в первой половине XIX в. оказалось решение социальных проблем, которые были следствием как обострившегося «кадрового вопроса», так и необходимости повышения производительности крепостного труда. Первый был связан с появлением новых отраслей окружного хозяйства, а также отменой института приписных крестьян в 1807 г. Для развития вспомогательных отраслей заводчики стали активнее практиковать внешние миграции (покупки крепостных или переводы их из не уральских вотчин заводчиков), что вело к росту численности горнозаводского населения и превращению его в основной источник комплектования постоянных рабочих кадров для всех отраслей окружного хозяйства. Вместе с другими мерами это способствовало унификации правового состава горнозаводского населения как особой, подвластной заводчикам сословной группы крепостного крестьянства. Лишь в нескольких округах оставались государственные мастеровые и непременные работники, положение которых регулировалось горным законодательством.

Завершение процесса формирования крепостного населения привело к переходу заводчиков к новой социальной политике, которую сами они называли «попечительской», основанной на поддержке трудоспособности работников и удовлетворении их разнообразных, в том числе и культурных потребностей. В одних случаях мотивацией этого служили вполне прагматичные представления владельца о значении труда рабочих. В одном из своих предписаний владелец Нижнетагильских заводов Н.Н. Демидов разъяснял приказчикам, что «притеснять трудников не надобно, а держаться совершенной справедливости, ибо угнетение их более может послужить во вред мне, нежели им, от чего я теряю более, нежели они»<sup>1</sup>. В других случаях основой такого отношения становилась получившая распространение в то время теория патернализма, вовсе не случайно разработанная французским социологом Ф. Лепле во время его поездок на Урал в 1840–1850-е гг. Она базировалась на принципе «семейственности» и сочеталась с православным сознанием народа<sup>2</sup>. Практика патернализма на заводах вела даже к появлению «зеркального» эффекта – формированию среди заводского населения своего рода «культа» владельцев, который те всячески поддерживали и развивали. Следствием патерналистской политики становилась относительная «гармонизация» социальных отношений, что выражалось в отсутствии крупных волнений, свойственных предыдущему периоду. Наряду с другими факторами она способствовала увеличению производительности труда и доходности заводов.

Там же, где владельцы не понимали необходимости перемен в отношениях с крепостными, либо не имели достаточных капиталов на довольно затратную попечительскую политику, возникали разной интенсивности конфликты, в ходе которых заводское население вовсе не случайно обрушивало свой гнев, как правило, на приказчиков и управляющих. Дистанционная модель управления именно их, а не «далекого» владельца, выдвигала в качестве непосредственных объектов социального недовольства. В этом заключалась еще одна привлекательная для заводчиков сторона такого управления. В первой половине XIX в. эта модель окончательно укоренилась фактически во всех горнозаводских округах и была доведена до совершенства, например, во время

<sup>1</sup> РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 338. Л. 1.

<sup>2</sup> Лепле Ф. Основная конституция человеческого рода. М., 1897; Мондей К. Французский социолог Фредерик Лепле и его деятельность в России // Коммерция и государство в истории России (XVI–XX вв.): сборник исследований. Екатеринбург, 2001. С. 64–76; Ермоленко Т.Ф. Патернализм в России (Опыт культурно-исторического анализа). Ростов на Дону, 1999.

владения Н.Н. Демидова и его сыновей П.Н. Демидова и А.Н. Демидова князя Сан-Донато Нижнетагильскими заводами, Х.Е. Лазарева – Чермозскими заводами, князя С.М. Голицына – Нытвенскими заводами, А.И. Яковлева – Верх-Исетскими заводами. Вполне успешно проявляли себя в качестве заботливых владелиц десятков тысяч крепостных и заводчицы, доля которых достигала 40% в общем составе заводчиков. Достаточно вспомнить владелицу Строгановского майората с Билимбаевскими заводами графиню С.В. Строганову или совладелицу Нижнетагильских заводов А.К. Карамзину. В своих уральских имениях они организовывали ссудные кассы, вводили страхование и пенсионное обеспечение для рабочих и служащих, открывали детские приюты, школы для девочек и публичные библиотеки.

Вместе с тем «стабилизационный» период развития окружной экономики, создававший видимость благополучия, способствовал развитию у части заводовладельцев благодушного отношения к заводам, которые стали рассматриваться ими как фактически бездонный источник доходов, шедших на удовлетворение все возрастающих личных потребностей. Примером тому может послужить род владельцев Пожевских заводов Всеволожских: В.А. Всеволожский, прозванный «русским Крезом» за казавшиеся несметными богатства, закончил свое владение заводами, находясь под попечительством, а его сыновья А.В. Всеволожский и Н.В. Всеволожский, известные представители петербургской культурной «богеми», задолжав казне огромную сумму денег, были вынуждены начать распродажу родового имущества, завершившуюся уже при их наследниках. Внуки А.Г. Демидова тоже не смогли удержать в своих руках родовые Суксунские заводы, которые в 1848 г. были переданы первой на Урале акционерной компании, составленной из кредиторов владельцев с целью расплаты с их огромными долгами.

В первой половине XIX в. остро заявила о себе и проблема «многовладения», когда при переходах от одного поколения к другому владельцами заводов одновременно оказывались от двух до 32 (как, например, в Невьянском округе) лиц. Установившаяся к тому времени производственная структура горнозаводских округов не позволяла провести дальнейшее дробление имущества, как это зачастую происходило в XVIII в. Оно заменялось дроблением права владения, при котором каждый из совладельцев получал условную долю имущества, в соответствии с которой и происходило распределение расходов и доходов. В отличие от «моновладения» такая форма совместного владения вела за собой усложнение управления и опасность возникновения конфликтных ситуаций, случавшихся довольно часто. Так, более 30 лет длился конфликт между многочисленными наследниками А.Ф. Турчанинова, владельцами Сысертских заводов, главную роль в котором играла враждовавшая со своими родственниками Н.А. Колтовская. Непримируемая вражда между тремя сыновьями Е.Л. Лазарева сопровождала владение Чермозскими заводами в 1830–1850-е гг. Она завершилась двукратным «выделом» из владения «врага общественных начал» (как характеризовали его братья) Л.Е. Лазарева за огромную сумму, которая выплачивалась из заводских доходов. Причиной упадка Кыштымских заводов в 1840-е гг. официально признавался «раздор» между двумя сестрами, М.Л. Харитоновой и Е.Л. Зотовой, наследницами купца Л.И. Расторгуева. Острая конфронтация между совладельцами Шурминско-Залазинских заводов Мосоловыми в 1820-е гг. сопровождалась не только составлением подложных актов, но и организацией волнения на заводах с целью устранения от управления представителей одной из враждующих сторон<sup>1</sup>.

Понятно, что такие случаи не только ухудшали отношения в семьях владельцев, но и негативно влияли на развитие заводов и положение заводского населения. Как правило, они вызывали вмешательство государства, устранявшего таких владельцев от управления (путем учреждения опеки и попечительств, установления казенного надзора или даже казенного управления), а порой и владения заводами с назначением их к продаже с публичных торгов. Однако углублению такой тенденции в эволюции облика заводчиков воспрепятствовали новые условия развития отрасли, сложившиеся во второй половине XIX – начале XX в. в связи с очередным витком российской модернизации, инициированным реформами Александра II.

Реформа 1861 г., освободив горнозаводское население от крепостного права, вызвала необходимость перехода на вольнонаемный труд, более дорогой и сложноорганизованный. Этот пере-

<sup>1</sup> См.: Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Нижний Тагил, 2004.



ход, сопряженный с отстаиванием своих экономических интересов и владельцами, и бывшими крепостными, усилил социальную конфронтацию на заводах и способствовал развитию массового рабочего движения, сменившего относительно спокойный дореформенный период господства попечительских отношений. По условиям реформы уральские «заводчики-помещики» должны были заняться и вовсе не характерным для промышленников наделением мастеровых и сельских работников землей, что еще больше усилило конфликт интересов<sup>1</sup>. Землеустройство населения вело также к сокращению ресурсного потенциала горнозаводских округов, который и без того был на грани исчерпания и угрозы нерентабельности производства в результате длительной эксплуатации. Значительно усугубляло ситуацию в этом отношении и фактическое отсутствие рынков сырья и древесного топлива на Урале, а также месторождений качественного каменного угля, на использование которого переходила мировая металлургия.

Взросшая конкуренция, будучи следствием расширения импорта металла из Европы и опережающего развития нового металлургического района на Юге России, вызывала необходимость не только упорядочить рынок путем синдицирования, но и активизировать индустриализацию, не ограничиваясь при этом «встраиванием» новой техники в старую производственную структуру, как это зачастую происходило раньше. Но полноценная индустриализация наталкивалась на особенности окружной организации, сориентированной на мануфактурный уровень металлургического производства с его сложными связями и относительно невысокими объемами производства. Поэтому индустриализация на Урале приобрела особый смысл, требуя сокрушения уже во многом утратившей свой позитивный потенциал окружной системы заводского хозяйства и формирования на ее месте фактически новой промышленности индустриального типа с иной комбинацией производственных связей и рыночными механизмами функционирования<sup>2</sup>.

Серьезным препятствием на пути индустриальной перестройки оказалось и сохранявшееся с дореформенных времен посессионное право со свойственными ему ограничениями хозяйственной деятельности. Разработанные властями с участием или без участия заводчиков проекты его ликвидации (1866, 1868, 1878, 1899 и 1908 гг.) так и не были осуществлены. Лишь в начале XX в. заводчики добились снятия «посессионных ограничений» на продажу природных ресурсов и залог округов в ипотечных банках по частным распоряжениям властей.

Разработанная в 1860-е гг. реформа горного управления на деле ограничилась лишь корректировкой существующей системы, сохранившей основные ее звенья. Горные подати в 1869 г. были понижены, но только в 1898–1901 гг. заменены промысловым налогом. «Правила о частной горной промышленности на свободных казенных землях» были введены в 1887 г. и оказались, по сути, единственным крупным новшеством в содержании Горного устава, вошедшего в Свод законов 1893 г. Этот кодекс горных законов опирался в основном на дореформенное законодательство, но действовал до конца имперского периода. В таких условиях заводчики были вынуждены не только ориентироваться на новейшие императивы экономического развития, но и учитывать сохранявшиеся традиционные институты и при необходимости пользоваться ими. В частности, не утратило своего значения давнее стремление предпринимателей быть ближе к власти с ее неограниченными возможностями и ресурсами, которые, впрочем, казна стала предоставлять заводчикам более избирательно, чем прежде<sup>3</sup>.

Одновременно в пореформенный период обострились и правовые проблемы, связанные, в частности, с ростом случаев «многовладения», что, как уже упоминалось, усиливало конфликтность управления и ограничивало его оперативность. Эту проблему заводчики пытались решить с помощью государства, санкционировавшего введение особых «положений об общем управлении». Первые такие «положения» были составлены для наиболее многовладельческих Алапа-

<sup>1</sup> См.: Горовой Ф.С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961; Алеврас Н.Н. Аграрная политика правительства на Горнозаводском Урале в начале XX в. Челябинск, 1996.

<sup>2</sup> См.: Гуськова Т.К. Нижнетагильский горнозаводский округ Демидовых во второй половине XIX – начале XX в. Заводы. Рабочие. Нижний Тагил, 2007; Грузинов А.С. Хозяйственный комплекс князей Абамелек-Лазаревых во второй половине XIX – начале XX в. М., 2009; Шустов С.Г. Пермское нераздельное имение графов Строгановых во второй половине XIX – начале XX в. Пермь, 2010.

<sup>3</sup> Сапоговская Л.В. «Старые» владельцы уральских горнозаводских округов второй половины XIX – начала XX в.: опыт типологии хозяйствования // Вопросы истории, 2006. № 3. С. 19–34; Друзин М.В. Уральские горнозаводчики и власть в конце XIX – начале XX в.: опыт типологии отношений // История предпринимательства в России: XIX – начало XX в. СПб., 2008. Вып. 4. С. 135–175.

евского и Невьянского округов потомков С.Я. Яковлева в 1858 и 1862 гг. В дальнейшем этим же путем законодательного упорядочения владения и управления пошли Демидовы, Шуваловы и некоторые другие роды, где складывалась подобная же ситуация.

Совокупность столь сложных задач (которые во многом напоминали проблемы, стоявшие перед «фундаторами» уральских заводов в XVIII в.) существенно повысила роль заводчика и привела к развитию новой тенденции, связанной с возвратом к активной предпринимательской деятельности, который отмечается как у представителей «старинных» родов, так и у «новых» владельцев, купивших или основавших заводы в то время.

Снятие прежних сословных ограничений на владение металлургическими заводами (действовавшие со времени Городового положения 1785 г.) и разрешения создавать новые горнозаводские хозяйства на свободных казенных землях привело к расширению социального и национального состава заводчиков. Владельцами уральских заводов смогли стать даже иностранцы, в частности британцы; несколько новых горнозаводских хозяйств основали разбогатевшие крестьяне. Тем не менее, в составе заводчиков по-прежнему преобладали представители высшего сословия, что было следствием развития «старинных» дворянских родов, насчитывавших в своей «владельческой истории» уже пять-восемь поколений, а также продолжавшейся нобилитации «новых» родов заводчиков (такую сословную эволюцию прошли тогда наследники купцов М.Ф. Ярцова, М.П. Губина, Л.И. Расторгуева, Н.П. Пастухова и В.Н. Рукавишникова). Хотя после 1861 г. дворянский статус уже не давал особых привилегий заводовладельцам, он сохранял престижность, по-прежнему выступая критерием состоявшейся личной карьеры и значимости рода. Но, если в XVIII в. одворянивание вело к отдалению заводчиков от заводов, препятствуя в той или иной степени «профессионализации» их предпринимательской деятельности, то теперь, когда предпринимательство становилось не менее престижным занятием, чем государственная служба, самые ответственные из них преодолевали сословные предпочтения и обращались к личному управлению заводами. Такие владельцы во многом напоминали «фундаторов» уральских заводов XVIII в.

К новому историческому типу заводчиков можно отнести таких незаурядных личностей из «старинных» родов, как владелец Чермозских заводов князь С.С. Абамелек-Лазарев, Лысьвенских заводов – граф П.П. Шувалов, Сысертских заводов – П.М. Турчанинов, Шайтанских заводов – П.В. Берг. К этому же типу по некоторым характеристикам принадлежали владельцы Симских заводов Балашовы, совладелец Нижнетагильских заводов Е.П. Демидов, владелец Катавских и Юрюзанских заводов князь К.Э. Белосельский-Белозерский или владелец Билимбаевских заводов граф С.Г. Строганов. На их заводах в конце XIX – начале XX в. началась коренная реконструкция, выразившаяся не только в обновлении заводского оборудования, но и в ломке устаревших производственных связей, закрытии небольших передельных заводов и концентрации производства на крупных комбинированных предприятиях. Динамичное «движение» собственности, характерное для того времени, выявило и нескольких способных заводчиков из числа приобретателей горнозаводских имений, среди которых можно назвать С.Д. Башмакова, князя С.Е. Львова, Н.П. Пастухова, Г.М. Пермикина, А.Ф. Поклевского-Козелл, В.А. Ратькова-Рожнова, В.Н. Рукавишникова и П.Г. Солодовникова. Высшие горные власти стали привлекать заводчиков к решению острых проблем развития Горнозаводского Урала в комиссиях и совещаниях 1860–1900-х гг. и дали санкцию на создание их представительной организации съездовского типа в 1880 г., что не могло не способствовать укреплению проявившегося тренда на сближение заводчиков и заводов<sup>1</sup>.

Не исчез в этот период и тип «несостоятельного» заводчика: утратили свои владения путем продажи или закрытия заводов Всеволожские, Губины, Мосоловы, Пашковы, Сухозанеты, Пономаревы, Поклевские, Бенардаки, «ревдинские» и «суксунские» Демидовы. К «расточительным и беспечным» владельцам современники относили, например, владельца Белорецких заводов Н.И. Пашкова, Никитинских заводов – Н.Н. Всеволожского, Каноникольского завода – А.П. Загряжского, Холуницких заводов – А.Д. Пономарева и И.А. Поклевского-Козелл. Следствием пренебрежительного отношения к своим владельческим обязанностям оказывалось, как правило,

<sup>1</sup> См.: Неклюдов Е.Г. Посессионное право в истории уральской горнозаводской промышленности XIX – начала XX в. Екатеринбург, 2011; Рукосуев Е.Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX – начале XX в.: организация и направления деятельности. Екатеринбург, 2015.

признание их несостоятельными должниками с последующей распродажей имущества. Граф А.В. Стенбок-Фермор, совладелец Верх-Исетских заводов, поплатился опекой за вполне типичное в его кругу увлечение актрисой. С подобного же разорительного для заводов казуса начинал «карьеру» заводчика и князь С.М. Голицын. Впоследствии он сдал свои Нытвенские заводы в долгосрочную аренду французской акционерной компании, а сам занялся масштабной лесопромышленностью.

В некоторых случаях несостоятельность владельца обуславливалась объективными обстоятельствами. Так, фактическое признание банкротами С.Д. Башмакова, Г.М. Пермикина, А.П. Демидова, К.Э. Белосельского-Белозерского явилось следствием не столько их расточительности, сколько провала предпринимаемых ими мер по возрождению заводов. В условиях, когда горнозаводская промышленность вступала на рыночный путь с его нестабильной, а порой и непредсказуемой динамикой, в отсутствие развитой экономической науки и прогнозируемой экономической политики многие заводчики зачастую принимали стратегические решения, сопряженные с немалым, а порой и неоправданно высоким финансовым риском.

Для реализации своих функций большинство владельцев использовали уже сложившуюся дистанционную модель управления, которая получила дальнейшее развитие благодаря включению в аппарат центрального и местного управления образованных наемных специалистов (инженеров, техников, геологов, лесничих, бухгалтеров и администраторов), что было вызвано как усложнением горнозаводского производства, так и развитием высшего образования в России. Более того, во второй половине XIX – начале XX в. заводчики не только стали чаще посещать свои уральские имения в целях контроля управления (например, С.С. Абамелек-Лазарев или Е.П. Демидов старались ежегодно посещать заводы) но, бывало, и переселялись на постоянное место жительства на Урал. Так, в частности, поступили С.Е. Львов, А.Ф. Поклевский-Козелл, Д.П. Соломирский и, что уж совсем неожиданно, намеревался жить на купленных Холуницких заводах британский барон В. Рекстер-Вагстаф. Предпринимательство зачастую оказывалось для таких владельцев основным занятием. Но в отличие от своих далеких предшественников они сосредотачивались, как правило, на организующей управленческой роли, передавая непосредственную заботу о многоотраслевом хозяйстве в руки российских или иностранных специалистов<sup>1</sup>.

Вместе с тем, фундаментальная реконструкция производства и слом окружной организации вызывали необходимость крупных инвестиций, зачастую превышавших доходы заводов и заводчиков. Наряду с задачей усиления оперативности управления, актуализировавшейся в условиях нестабильной рыночной конъюнктуры, это предопределило целесообразность акционирования, которое инициировалось, как правило, самими владельцами. Начавшись в середине XIX в., этот процесс значительно ускорился в условиях острого металлургического кризиса начала XX в. и к 1917 г. захватил 72% (или 20 из 28) горнозаводских округов Урала<sup>2</sup>. Это вело к «институционализации» заводовладельцев в виде сообществ владельцев акций, среди которых заметную роль стали играть способные к реализации грандиозных планов реконструкции крупные российские и европейские банки. Они постепенно вытесняли представителей родов заводчиков (на момент национализации полноправных владельцев горнозаводских округов осталось всего 8 чел.) и становились их преемниками на пути постепенной трансформации устаревших форм организации труда и производства.

Таким образом, очевидная зависимость эволюции облика уральских заводчиков в XVIII – начале XX в. от модернизационной динамики в стране доказывает их тесную связь с этим процессом. На протяжении более чем двухсотлетней истории заводчики являлись деятельными участниками развития уральской горнозаводской промышленности – ведущей отрасли экономики огромного региона, – прошедшей за это время путь от прото- до раннеиндустриальной стадии<sup>3</sup>.

Однако общий прерывистый ход российской имперской модернизации при неоднократной смене ее «моделей» и неравномерности развития составлявших ее субпроцессов не могли не влиять на

<sup>1</sup> См.: Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013.

<sup>2</sup> См.: Вяткин М.П. Горнозаводский Урал в 1900–1917 гг. М.; Л., 1965; Буранов Ю.А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917). М., 1982.

<sup>3</sup> См.: Алексеев В.В., Гаврилов Д.В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008.

меняющийся облик заводчиков. Основной вектор эволюции заводовладельцев прошел через образ заводчика – организатора производства и универсального специалиста, характерного для XVIII в., к заводчику-помещику, дистанцировавшемуся от непосредственного управления в первой половине XIX в., до вернувшегося к управлению заводчику-менеджеру во второй половине XIX – начале XX в. При этом уровень их участия в развитии промышленности повышался на пике «волн» модернизации и ослабевал при их затухании, что во многом влияло на относительную затянутость как индустриального перехода, так и процесса превращения владельцев уральских горнозаводских округов в типичную социальную группу современного общества. При этом характер их предпринимательской деятельности напрямую зависел от тех экономических, социальных и правовых условий, которые формировало государство. В этом отношении роль заводчиков в имперской модернизации можно определить как, безусловно, важную, но зависимую, или ведомую.

Она отражала не только страновую, но и региональную специфику модернизации, выразившуюся в первую очередь в тесной связи заводчиков с окружной организацией горнозаводской промышленности и крупным землевладением. Эти экономические феномены, благодаря которым в XVIII в. Урал превратился в крупнейший промышленный регион, во многом определили специфику и сложность хода индустриализации, нараставшие потребности которой во второй половине XIX – начале XX в. оказались выше возможностей горнозаводчиков, связанных этим наследием. В ходе индустриализации они вполне закономерно заменялись в роли персонифицированных владельцев уральских заводов институтами, свойственными рыночной экономике, которые перенимали у них и роль акторов имперской модернизации.

Если горнозаводчики оказались наиболее яркой и значимой группой уральских предпринимателей, связанных с эксплуатацией минеральных ресурсов региона, то в негорнозаводском секторе уральской экономики особый след оставили винокуры. Их деятельность, начавшись в XVIII в., в полном масштабе развернулась уже во второй половине XIX в. и превратила винокурение в одну из самых прибыльных и динамично развивающихся отраслей региональной экономики.

Винокуренная отрасль являлась вполне традиционной для большинства регионов Российской империи. При многих крупных и средних дворянских имениях, как правило, действовали винокуренные заводы, перерабатывавшие излишки зерна и производившие хлебное вино (водку). В уральских губерниях численность дворянства была невелика, поэтому и имений было сравнительно немного. Тем не менее, в XVIII – первой половине XIX в. количество поместий постепенно росло. В этот период земельными и лесными владениями обзавелись дворяне Голубцовы, Депрейсы, Дурасовы, Дягилевы, Зубовы, Левашовы, Ляховы, Тимашевы, Холодковские, Шотты и др. Кроме того, уральскими помещиками нередко становились отставные чиновники военных и гражданских ведомств, в том числе Арендты, Клепинины, Метлины, Сведомские, Покровские. Часть землевладельцев из числа чиновников со временем получила потомственное дворянство. Некоторые дворяне-винокуры непосредственно занимались делами заводов, но большая их часть предпочитала дистанционное управление, передоверяя руководство заводами управляющим и мастерам-винокурам.

Все упомянутые землевладельцы основали при своих имениях винокуренные заводы и мельницы. Тем не менее, их вклад в развитие экономики региона был относительно невелик, что во многом являлось следствием политики государства. Во-первых, на Урале действовали казенные винокурни, находившиеся в привилегированном положении как при приобретении сырья, так и при получении заказов. Во-вторых, частное винокурение было стеснено законодательством. В XVIII – первой половине XIX в. государство несколько раз меняло подходы к винокурению и виноторговле. По сути дела, в отрасли действовала государственная монополия, существовавшая в различных формах. В частности, длительный период действовала откупная система, доставившая немало неприятностей владельцам винокуренных заводов. При откупной системе налоги с виноторговли собирали частные лица (откупщики), выкупившие это право у государства. Откупщики жестко контролировали не только сферу торговли, но и производство спиртных напитков. В силу этого винокуры не были заинтересованы в совершенствовании оборудования и технологии, наращивании объема производства. Нередко винокурнями производилось минимальное



количество водки, предназначавшееся для собственных нужд. Завод наследницы коллежского асессора С.И. Метлина, находившийся в д. Верх-Теченская Екатеринбургского уезда, например, в самом начале XIX в. производил всего до 60 ведер водки в год<sup>1</sup>.

В XVIII – первой половине XIX в. винокурам было сложно проявить себя в качестве акторов модернизации, но, тем не менее, им удалось добиться определенных результатов. Некоторые винокуры обновили производственные мощности своих предприятий, внесли коррективы в технологический процесс. Так, Сведомские одними из первых на Урале начали использовать для получения спирта картофель, правда, в небольших количествах<sup>2</sup>.

Крутой поворот в государственной политике в отношении винокурения и виноторговли произошёл в середине XIX в. Положение о питейном сборе от 4 июля 1861 г. декларировало переход к акцизной системе, открывающей широкий простор частному предпринимательству. Новая система начала действовать на Урале с 1863 г. Она вызвала приток капиталов в производство и торговлю спиртными напитками. Большинство предпринимателей вкладывало средства в открытие торговых заведений, в то же время находились желающие инвестировать крупные капиталы в сооружение очистных складов, водочных и винокуренных заводов. Среди виноторговцев было немало мещан, крестьян, отставных солдат, среди владельцев заводов и очистных складов преобладали дворяне, отставные чиновники и представители купечества.

Развитие винокуренной отрасли в уральском регионе шло быстрыми темпами. В Пермской губернии перед введением новой системы было всего два водочных и десять винокуренных заводов, из которых девять принадлежали частникам. Стараясь создать благоприятный климат для частного винокурения, государство либо закрывало казенные винокурни, либо продавало их предпринимателям. Две крупные винокурни в Пермской губернии в 1859 г. стали частной собственностью дворянина А.Ф. Поклевского-Козелл. Полное исчезновение казенных винокурен, введение премий за перепроизводство (перекур), снятие различных преград стимулировали приток капиталов в винокурение. Уже в 1860-х гг. в губернии возникло семь новых винокуренных заводов, а к концу 1880-х гг. существовало уже 32 винокурни. Более быстрыми темпами росла численность водочных заводов: 11 таких предприятий возникло в первый год действия нового Положения о питейном сборе, к концу 1860-х гг. их количество увеличилось до 53. В 1873 г. в губернии действовало уже 62 завода<sup>3</sup>.

В Оренбургской губернии численность винокурен не подвергалась серьезным колебаниям. В 1863 г., то есть до выделения из состава Оренбургской губернии Уфимской, на ее территории существовало 32 винокурни (26 действующих и шесть недействующих); в 1864 г. этот показатель увеличился до 38 (33 действующих и пять недействующих). С созданием в 1865 г. Уфимской губернии на территории Оренбуржья осталось не более десяти действующих винокурен. Процесс создания водочных заводов был более динамичным. В 1866 г. в Оренбургской губернии существовало 30 водочных заводов, в 1872 г. их число достигло 80<sup>4</sup>.

Быстрый рост числа винокурен, водочных заводов, очистных складов привел к острой конкуренции. Победителями в ней оказались предприниматели, сосредоточившие в своих руках значительное количество промышленных и торговых заведений. Наиболее крупных успехов в этом направлении добился А.Ф. Поклевский-Козелл. Значительных результатов достигли винокуры И.В., И.И., И.П. Александровы, Я.П. Андреев, И.И. Бодалев, В.И. Видинеев, П.Д. Дягилев, П.А. Злоказов, М.Ф. Рожнов, Ф.П. Чердынцев, Л.И. Шотт и некоторые другие. Эти лидеры уральского винокурения и выступили в роли акторов модернизации, причем сразу по нескольким направлениям. Получая солидную прибыль, они использовали ее для обновления производственных мощностей своих заводов, для внедрения современной техники и новых технологий, а также для инвестирования в разные отрасли промышленности Урала и сопредельных территорий, в том числе Сибири и Поволжья.

Начались постепенные изменения в оборудовании винокурен и водочных предприятий. В 1863–1894 гг. многие деревянные производственные помещения были заменены каменными, на

<sup>1</sup> Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1813. Ч. II. С. 128.

<sup>2</sup> История Урала. Пермь, 1963. Т. 1. С. 170–171.

<sup>3</sup> Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 3.

<sup>4</sup> Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Оренбургской губернии за 1862–1893 гг. Оренбург, 1896. С. 2.

большинстве винокурен появились паровые машины, была усовершенствована так называемая «винокурная посуда». В частности, устанавливались более современные водоварные, заторные, дрожжевые и квасильные чаны, ректификаторы, бражные колонки и т.д. Как правило, подобное оборудование поступало с российских машиностроительных заводов, а нередко и европейских.

Во второй половине 1880-х гг. на некоторых винокурнях началась замена дистилляции (процесса, в ходе которого пары из перебродившей смеси испаряются и превращаются в самогон), новой технологией – ректификацией (многократной перегонкой дистиллята в специальном оборудовании). Новая технология позволяла удалить из спирта разные вредные примеси (например, сивушные масла) и значительно улучшить потребительские качества готовых изделий.

Наиболее дальновидные винокуры построили ректификационные цеха, установив дорогостоящее отечественное и импортное оборудование (цистерны для хранения спирта и ректификационные аппараты). Первоначально на винокурных заводах устанавливались аппараты французской фирмы «Саваль-сын и К<sup>о</sup>». Позже на некоторых винокурнях появились ректификационные аппараты «Саваль», произведенные на заводе московской фирмы «А.К. Дангауер и В.В. Кайзер». Среди уральских пионеров внедрения этой технологии были Александровы, Андреевы, Бодалевы, Булыгины, Видинеевы, Злоказовы, Поклевские, Суслины, Чистяковы и Шотты.

Успехов на предпринимательском поприще винокуры добивались не только путем модернизации заводов и создания крупных торговых сетей, но и иными способами. В 1875 г. группа винокуров Пермской губернии во главе с А.Ф. Поклевским создала монополистическое объединение картельного типа<sup>1</sup>. Это объединение вошло в историю под названием «ноябрьских соглашений», т. к. собрания заводчиков, как правило, проходили в ноябре. Подобные альянсы были запрещены законодательством, и в соответствующих документах именовались «стачками», а их участники «стачечниками». Пермские винокуры действовали открыто и, по-видимому, не опасались преследования со стороны властей. Почти ежегодно они собирались на съезды, на которых осуществлялся «раздел» губернии на сферы влияния и обсуждалась координация действий по производству и сбыту готовой продукции. В частности, составлялись списки действующих и недействующих заводов, для работающих винокурен устанавливался объем производства и определялся конкретный рынок сбыта. Кроме того, участники «ноябрьских соглашений» вели скоординированную борьбу с конкурентами, применяя в основном меры экономического давления. Как правило, они или брали предприятия конкурентов в аренду и прекращали на них производство, или вынуждали своих противников «добровольно» прекращать винокурение, выплачивая им за это определенное денежное вознаграждение. Против самых неуступчивых конкурентов применялась игра на понижение цен. Рядом с кабаками соперников строились заведения «стачечников», в которых водка продавалась по заниженным ценам. Это продолжалось до тех пор пока конкурент либо разорялся, либо принимал условия «Поклевского и К<sup>о</sup>».

Создание «ноябрьских соглашений», действовавших почти до середины 1890-х гг., позволило крупным винокурам Пермской губернии получать значительную прибыль. Это монополистическое объединение картельного типа было новинкой в уральской предпринимательской практике.

В 1895 г. в Оренбургской, Пермской, Самарской и Уфимской губерниях акцизная система была заменена разновидностью государственной монополии. В 1901 г. «казенная продажа питей» была введена в Вятской губернии. С этого момента уральские винокуры почти полностью ушли из торговой сферы и производства водки. В их руках остались изготовление спирта-сырца и его ректификация. Существенное ухудшение условий для развития частного винокурения одних предпринимателей разорило, других заставило уйти в иные сферы торгово-промышленной деятельности, третьих вынудило искать пути адаптации к новым реалиям. Так, в Пермской губернии закрыли свои заводы 8 винокуров (И.М. Белинков, П.В. Васильев, Н.С. Волков, В.В. Голубцов, М.Ф. Рожнов, И.Н. Суслин, А.А. Шанцилло, А.А. Хлестова). Новые условия для развития отрасли подтолкнули часть винокуров к модернизации заводов, расширению производственных мощностей по ректификации, к инвестициям в другие отрасли промышленности.

В начале XX в. уральские винокуры построили несколько отдельных ректификационных заводов и увеличили число ректификационных цехов. К 1913 г. ректификационные аппара-

<sup>1</sup> Пермские губернские ведомости. 1876. № 82. Часть офиц. С. 500.

ты были установлены на многих винокурнях. К 1910-м гг. появилось много модификаций этих устройств, как европейского, так и отечественного производства, благодаря чему гегемония «Саваля» закончилась. В Пермской губернии они действовали всего на четырех винокурнях; на восьми заводах работали аппараты системы «Блюменталя», на остальных винокурнях были поставлены устройства систем «Бормана, Шведе и К<sup>о</sup>» (4), «Дангауэра и Кайзера» (2), «Шампануа и Коффеля» (1), «Ильгеса и Мюллера» (2), «Фугельзанга и К<sup>о</sup>» (1). Кроме того, на заводах имелось несколько бельгийских ректификационных аппаратов и аппаратов непрерывного действия. Всего в Пермской губернии в 1913 г. на 21 предприятии действовало не менее 27 таких устройств<sup>1</sup>.

Затраты на внедрение ректификации и трудности с получением сырья (в этом качестве использовалась рожь) заставили уральских винокуров приступить к поиску способов удешевления производства. Некоторые винокуры начали применять в качестве сырья картофель. Если в 1882 г. на всех винокурнях Пермской губернии в заторы было пущено только 8995 пуд. картофеля, то в 1892 г. – уже 825 269 пуд.<sup>2</sup> Следствием интереса винокуров к этому виду сырья стало расширение посевов картофеля. В 1885 г. пермский губернатор докладывал начальству: «Начинающееся употребление в винокуренном производстве картофеля постепенно расширяет культуру этого растения, способствуя введению плодосменного хозяйства в губернии»<sup>3</sup>. Используя новое сырье, уральские винокуры оказали серьезное воздействие на сельское хозяйство, побудив крестьян приступить к увеличению посевов картофеля.

Под воздействием казенной винной монополии многие винокуры стали активно инвестировать в различные отрасли промышленности Урала и сопредельных территорий. Такие инвестиции начались еще в период действия акцизной системы, когда существенно выросли доходы предпринимателей. В новых условиях инвестиции в другие отрасли стали следствием желания сохранить и преумножить накопленные капиталы. Сначала они направлялись в производства, игравшие вспомогательную роль для винокуренных заводов. Первое место занимали солодовенное и мукомольное производства. Многие заводчики основали при своих винокурнях солодовни и мельницы, причем последние чаще всего были оборудованы относительно маломощными паровыми машинами. Большинство мельниц винокуров имело скромный объем производства. Исключение составляли мельницы А.Ф. Поклевского-Козелл, построенные близ Ертарского и Талицкого винокуренных заводов. Они не только обслуживали винокурни, но и перемалывали зерно для продажи. Иным путем пошли братья Злоказовы, которые построили крупную мельницу в Шадринском уезде Пермской губернии. Она не имела отношения к винокуренному производству и целиком работала на рынок.

Сопряженными с винокурением стекольными заводами в разное время обзавелись Зубовы, Злоказовы, Голубцовы, Матвеевы, Поклевские-Козелл, Чердынцевы, Шотты. Некоторые из них построили стекловарни, другие их приобрели. Стекольные заводы, выпускавшие в основном бутылки и оконное стекло, были относительно скромными по объему производства. В то же время несколько крупных стекловарен Злоказовых и Поклевских-Козелл удовлетворяли потребность населения Пермской губернии в оконном стекле. В Вятской губернии схожую роль играл Валамазский стекольный завод винокура Л.П. Матвеева, а в Оренбургской губернии – Тогузтемирское стекловаренное предприятие Л.И. Шота.

Отраслью, тесно связанной с винокурением, была пивоваренная. Часть винокуров охотно инвестировала средства в строительство пивоварен. В частности, такие шаги предприняли винокуры Александровы, Я.П. Андреев, И.И. Бодалев, Ф.А. Булыгин, В.И. Видинеев, П.Д. Дягилев, П.А. Злоказов, А.Ф. Поклевский-Козелл, Г.А. Ушков, Ф.П. Чердынцев, а также владельцы дочерних заводов Я.А. Пермьяков и А.П. Седунов. Основная масса пивоварен, сооруженных винокурами, первоначально была рассчитана на небольшой объем производства. Завод Дягилева ежегодно выдавал 16,3 тыс. ведер пива на 19,5 тыс. руб. Несколько менее был объем производства на заводе Ф.П. Чердынцева – 14,4 тыс. ведер пива на 17,5 тыс. руб.<sup>4</sup> Со временем некоторые виноку-

<sup>1</sup> Адресная книга винокуренных, дрожжевых и спиртоочистительных заводов Российской империи. СПб., 1911. С. 174–176.

<sup>2</sup> Голубев П.А. Историко-статистические таблицы по Пермской губернии. Пермь, 1904. С. 3.

<sup>3</sup> ГАПК. Ф. 65. Оп. 1. Д. 50. Л. 19.

<sup>4</sup> Указатель фабрик и заводов Европейской России с царством Польским и великим княжеством Финляндским. СПб., 1881. С. 542.

ры изменили подход к пивоварению и взяли курс на увеличение производства пива. Так, значительно нарастили мощности своих пивоварен Злоказовы и Поклевские. Уже в середине 1880-х гг. Талицкая пивоварня Поклевского вышла в лидеры по производству пива в Пермской губернии: в 1884 г. на ней было сварено 76 тыс. ведер пива на 68 тыс. руб.<sup>1</sup> В последующем объем производства Талицкой пивоварни достиг 500 тыс. ведер пива.

Винокуренные заводчики проявляли значительный интерес к отраслям, не имеющим отношения к основному направлению их предпринимательской деятельности, в том числе к текстильной, металлургической, горнодобывающей и химической.

Одним из первых инвестиции в текстильную отрасль осуществил Н.И. Севастьянов, который в самом начале 1860-х гг. основал мануфактурную фабрику близ Екатеринбурга. В 1872 г. его примеру последовал винокур А.Г. Ушков, построивший суконную фабрику близ Шадринска. В 1879 г. предприятие Севастьянова перешло к Злоказовым. Новые владельцы расширили фабрику, увеличили объем производства, организовали сбыт сукна почти по всему Урало-Сибирскому региону. В начале 1880-х гг. интерес к суконному производству проявил Я.П. Андреев, который купил недостроенное предприятие, находившееся в Туринском округе Тобольской губернии. Некоторое время спустя фабрика была пущена. Ее продукция сбывалась как в Западной Сибири, так и на Среднем Урале.

Текстильное производство требовало значительных затрат энергии и немалого количества разнообразных машин. В 1880-е гг. Злоказовы установили на своей сукновальне паровую машину в 50 л.с., три гидротурбины общей мощностью в 150 л.с., а также трепальную и четыре ваточных машины, три сельфактора на 900 веретен, ворсовальную и шесть моечных машин. Кроме того, на фабрике действовало 70 ручных станков и 10 самоткацких станков и много другого оборудования. Производственные мощности позволяли фабрикантам ежедневно получать до 500 аршин сукна<sup>2</sup>. В конце XIX в. Злоказовы приобрели у разорившихся купцов Ушковых суконную фабрику в селе Арамиль Екатеринбургского уезда. В начале XX в. они закрыли свою сукновальню в Екатеринбурге, а все суконное производство сконцентрировали в Арамиле. Это предприятие, прекрасно оборудованное, стало крупнейшей суконной фабрикой в Урало-Сибирском регионе, достигнув к началу Первой мировой войны объема производства в 1 млн аршин.

Суконные предприятия, основанные винокурами, насытили местный рынок разными изделиями и ослабили зависимость региона от привозной продукции. Спрос на оборудование, предъявляемый суконными фабриками, расширил экономические связи Урала с отдельными регионами Российской империи и с некоторыми странами Европы. Так, разные машины и станки поставляли заводы, расположенные в европейской части России и царстве Польском, а необходимые красители поступали из Германии.

В 1870-х гг. стал очевиден интерес ряда винокуров к металлургической отрасли. Одним из первых в этом направлении начал действовать Н.И. Севастьянов, пытавшийся купить или арендовать Сысертские, Сергинско-Уфалейские и Юрюзанские заводы. В 1873 г. он вместе с А.Ф. Поклевским-Козелл купил в Вятской губернии крупный Холуницкий горнозаводский округ<sup>3</sup>. Компания вскоре распалась и «водочный король» Урала А.Ф. Поклевский-Козелл стал единоличным владельцем округа. В 1886 г. в той же Вятской губернии он приобрел соседний Залазнинский округ, объединив его с Холуницким. Владелец и его наследники многое сделали для модернизации металлургических заводов, которые успешно развивались до начала XX в., когда пагубное пристрастие И.А. Поклевского-Козелл к карточной игре привело к утрате этой части обширного и многопрофильного хозяйства рода. В 1903 г. небольшой чугуноплавильный завод, находившийся в Уфимской губернии, приобрели братья Злоказовы.

В конце XIX в. винокуры стали вкладывать средства в химическую отрасль. Наиболее последовательно в этом направлении действовали Злоказовы, которые в 1896 г. основали Воздвиженский завод, выпускавший калиевый и магниевый хромпик (использовался в кожевенной и

<sup>1</sup> Указатель фабрик и заводов Европейской России. Материалы для фабрично-заводской статистики. СПб., 1894. С. 671.

<sup>2</sup> Город Екатеринбург. Сборник историко-статистических и справочных сведений по городу с адресным указателем и с присоединением некоторых сведений по Екатеринбургскому уезду. Екатеринбург, 1889. С. 752–753.

<sup>3</sup> Неклюдов Е.Г. Уральские заводчики во второй половине XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2013. С. 497.



спичечной отраслях). Увеличивая производство и расширяя ассортимент продукции, в 1908 г. завод Злоказовых произвел 33 508 пуд. калиевого хромпика, 15 874 пуд. натриевого хромпика, 45 пуд. искусственного малахита и 16 202 пуд. купоросной меди. В денежном выражении объем производства оценивался в 398 082 руб.<sup>1</sup> В 1908 г. Злоказовы основали еще один химический завод – Полевской серноокислотный, который изготавливал еще и медный купорос, азотную и соляную кислоты. Кроме того, на заводе были устроены медеплавильные печи. К началу Первой мировой войны Полевской завод стал одним из флагманов уральской химической отрасли.

Во второй половине XIX – начале XX в. винокуренные заводчики Урала вели разнообразную торгово-промышленную деятельность и являлись одной из наиболее активных групп местного предпринимательства. Они внесли немалый вклад в диверсификацию экономики региона и сопредельных территорий. Их усилиями было сооружено не только более трех сотен водочных заводов и винокурен, но и более сотни солодовен и мукомольных мельниц, а также не менее 27 пивоварен. Кроме того, ими были основаны три суконные фабрики, пять химических предприятий, два металлургических завода, банкирская контора, а также ряд лесопильных, дрожже-винокуренных, стекольных заводов, золотых приисков, железных, марганцевых и асбестовых рудников. Кроме того, они подключились и к характерному для Урала горнозаводскому делу, приобретя немалое число разных предприятий, в том числе два горнозаводских округа. Многие из этих предприятий винокурами были реконструированы и существенно расширены, что сделало их флагманами региональной промышленности.

Во второй половине XIX – начале XX в. крупномасштабные изменения произошли и в одной из старейших на Урале мукомольной отрасли. Долгое время эта отрасль была представлена мелкими предприятиями с относительно примитивным оборудованием и небольшим объемом производства. На Урале действовали ветряные и водяные мельницы. Здания мельниц в основном были деревянными, а их главным оборудованием являлись каменные жернова (постава) и толчейные песты. В основном мукомолы достигали роста объема производства за счет улучшения гидроэнергетики и увеличения числа жерновов и пестов.

Некоторые мукомолы старались сосредоточить в своих руках несколько мельниц. Так, крепостной крестьянин А.К. Ушков в 1810-х гг. обзавелся мельницей, которая находилась в шести верстах от Нижнетагильского завода. Позже он построил вторую мельницу, которая имела более мощное оборудование и которая располагалась ближе к Нижнему Тагилу. В 1839 г. им было организовано строительство мельницы в Выйском заводе, на которое было затрачено 35 тыс. руб. серебром<sup>2</sup>. В 1840 г. А.К. Ушков построил на берегах реки Салды четвертую мельницу. Этот пример не был единичным. Его брату, К.К. Ушкову, удалось сосредоточить в своих руках пять мельниц, причем некоторые из них имели по 16 поставов. Братьям не были чужды инновационные устремления. В частности, они стали пионерами внедрения в Пермской губернии производства крупчатки – муки более крупного помола.

Относительно узкий рынок сбыта долгое время был препятствием на пути развития мукомольной отрасли. С отменой крепостного права ситуация стала меняться. Емкость уральского рынка постепенно росла, что стимулировало появление новых мельниц. В основном строились небольшие мельницы, в то же время сооружались относительно крупные предприятия, производившие муку-крупчатку. Мельницы сооружались во всех уральских губерниях, сосредотачиваясь преимущественно в двух мукомольных районах – Исетском и Челябинском.

Исетский район начал складываться еще в первой половине XIX в. К середине 1870-х гг. в зауральских уездах Пермской губернии насчитывалось 28 крупчаточных мельниц, из которых 25 находились на берегах Исети и ее притоков. Кроме предприятий, занимавшихся изготовлением крупчатки, на Исети было построено немало мельниц другого типа. К середине 1870-х гг. на берегах реки и ее притоков имелось 175 раструсных мельниц, сосредоточенных в основном между Екатеринбургом и Шадринском и занимавшихся перемолом ржи и пшеницы<sup>3</sup>. Мельничные здания этого периода и мукомольное оборудование оставались примитивными. Многие предприятия выглядели примерно так: «Мельница состояла из деревянного корпуса в три этажа, имела семь

<sup>1</sup> ГАПК. Ф. 403. Оп. 1. Д. 3. Л. 39–40.

<sup>2</sup> ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1818. Л. 1.

<sup>3</sup> Островский Н.С. К вопросу о железных дорогах в Сибири. Пермь, 1880. С. 52.

жерновых поставов, столько же плоских сит, одну крупочную вейку, одну самотаску, особо пристроенное обойное отделение и три небольших амбара для зерна и муки. Двигателем были подлинные колеса»<sup>1</sup>.

В 1860–1870-е гг. лишь некоторые мукомолы прилагали усилия по модернизации мельниц. Так, купец Н.А. Грачев основал при одной из своих мельниц (д. Ключи Екатеринбургского уезда) столярную, слесарную и литейную мастерские. Иногда этот комплекс именовался механической мастерской. В ее стенах было изготовлено немало разных механизмов и для хозяйских мельниц, и для предприятий других мукомолов. К 1884 г. только на одной из грачевских мельниц имелось пять вальцов и шесть веек «местной работы», т.е. произведенных в мастерской Н.А. Грачева, который не только руководил работой мастерской, но и занимался изобретательством. В частности, он разработал круповеюку оригинальной конструкции, нашедшую применение на нескольких мельницах. Исходя из того, что механизм официально назывался «круповеюкой системы Грачева», можно предположить, что он был запатентован.

Непрерывный рост числа мельниц, сопровождавшийся увеличением количества поставов и пестов, привел к значительному повышению объемов производства различных сортов муки и, как следствие, заметно обострил конкуренцию среди уральских мукомолов. Небольшая группа предпринимателей (Н.А. Грачев, П.М. Злоказов, Ф.А. Малиновцев, Е.И. Первушин, И.И. Симанов и др.), ведя борьбу с конкурентами, сделала ставку на совершенствование своих предприятий, делая это, прежде всего, за счет внедрения новых технологий и установки более совершенного оборудования. Они взялись за переустройство своих предприятий по американскому методу, сооружая пяти- или шестизэтажные каменные или полукаменные здания, в которых обработка зерна начиналась на верхнем этаже и завершалась на нижнем. В ряде случаев подобное имело место в 1860–1880-е гг., но наиболее значительные масштабы строительство мельниц по американскому способу приобрело на рубеже XIX–XX вв. Сооружение новых мельниц шло с помощью российских и европейских мельнично-строительных фирм, среди которых наиболее крупными были «Антон Эрлангер и К<sup>о</sup>», «Добров и Набогльц», «Г. Даверио».

Сооружая новые здания, мукомолы старались оснащать их и новой техникой. В 1880-е гг. многие мукомолы установили на мельницах гидротурбины разных систем, а на рубеже XIX–XX вв. на большинстве крупных предприятий были установлены паровые машины. На мельнице В.С. Жирякова в д. Колоткино Екатеринбургского уезда действовала паровая машина в 100 л.с., такой же мощностью обладали паровые машины на предприятиях А.Е. Борчанинова, С.И. Грачева, Е.И. Первушина. Одновременно шло внедрение различных новинок в мукомольном производстве, в том числе металлических и фарфоровых вальцов, круповеек «системы Немелька», станков для дранья «системы бр. Зекк», плоских рассевов «системы Г. Хаггенмахера», американских пылесобирателей, куколеотборных машин нового типа и т.д. Внедрение различных механизмов превратило ряд мельниц в крупные индустриальные предприятия, на которых большинство работ производилось в полуавтоматическом и автоматическом режимах.

В начале XX в. модернизация мельниц продолжалась. «За пятилетие (1903–1908) производство увеличилось вдвое, – писал составитель одного из справочников Л.К. Чермак. – Виновато в этом не устройство новых мельниц, которых, как известно, за этот промежуток времени прибавилось очень не много, а быстрые шаги техники во всех производствах. Мельницы то и дело совершенствуются, заменяются одни другими, более лучшими. В этом отношении наши мукомолы не отстают от современной техники и не скупятся на хорошие нововведения. Усовершенствование машин для выработки крупчатки почти вдвое увеличило производительность каждой мельницы. Всякое новое усовершенствование немедленно находит отклик в мукомолах, если при нем можно рассчитывать на увеличение производства и на уменьшение рабочих рук»<sup>2</sup>.

Затратив значительные средства, владельцы мельниц, расположенных в Исетском и Челябинском мукомольных районах, превратили свои предприятия в фабрики, оснащенные по последнему слову техники и имеющие большую производительность. Благодаря этому крупчатные мельницы обоих регионов стали флагманами уральской мукомольной промышленности. Заслу-

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 18. Оп. 1. Д. 474. Л. 180.

<sup>2</sup> Чермак Л.К. Материалы по статистико-экономическому описанию районов проектируемых линий. СПб., 1909. С. 3–4.

гой уральских мукомолов и владельцев мельнично-строительных фирм явилось внедрение на мукомольных предприятиях региона множества разновидностей новой техники, изобретенной и произведенной как в России, так и в Европе и США.

В XVIII – начале XX в. среди ведущих направлений деятельности уральских предпринимателей исключительно важное место занимала торговля. Периферийность региона, его масштабы, разнообразие природных условий, специфика экономической жизни и занятий населения создавали условия для развития торговой деятельности. Коммерсанты осуществляли реализацию продукции местного сельского хозяйства, прежде всего зерна и муки. Кроме того, они торговали изделиями уральских заводов разного профиля, среди которых существенную роль играла продукция металлургических предприятий. Региональная промышленность не обеспечивала всех местных потребностей, поэтому торговцы завозили значительную часть дефицитных для местного рынка товаров из-за пределов Урала.

В XVIII – начале XX в. уральские коммерсанты сочетали ярмарочную и стационарную форму торговли. Долгое время доминирующей была ярмарочная торговля, а стационарная развивалась в основном в городах, крупных горнозаводских поселках и селах. В начале XX в. ярмарочная торговля стала постепенно сдавать свои позиции, продолжая, однако, занимать ведущее положение. Одновременно возрастала роль стационарной торговли, в которой наблюдались количественные и качественные изменения. Во всех уральских губерниях росла численность стационарных торговых заведений. Так, по данным исследователей, если в Вятской губернии в конце XIX в. было 16 422 торговых заведения с оборотом 31,8 млн руб., то в 1915 г. их количество возросло до 21 241 с оборотом 124 млн руб. Крупными центрами торговли становились уездные города губернии. В 1900 г. в них было сосредоточено 3221 торговое заведение с годовым оборотом 30 млн руб. Бойко развивалась торговая сеть в заводских поселках и фабричных селах. Так, в поселке Ижевского завода в 1900 г. было уже 323 лавки с оборотом 2,2 млн руб.<sup>1</sup>

Во второй половине XIX – начале XX в. в стационарной торговле происходили и качественные изменения. Долгое время в торговой сфере преобладали гостиные дворы и лавки; с последней четверти XIX в. начинает утверждаться магазинная торговля. Часть уральских коммерсантов, учитывая европейский опыт, взяла курс на совершенствование своих торговых заведений. Чаще всего под магазины приспособлялись существующие помещения, намного реже торговцы прибегали к более затратному сооружению новых зданий. И в том, и другом случае значительно увеличивались торговые площади, устанавливалось специализированное оборудование, значительно улучшались условия для потребителей.

Некоторые магазины были построены и оборудованы с учетом достижений науки и техники. Так, фирма троицких купцов Яушевых в 1908–1913 гг. построила в Троицке и Челябинске здания пассажей, которые имели паровое отопление и автономные системы электрического освещения. В них действовали специальные грузовые подъемные машины и телефонная связь. В интерьере были установлены огромные зеркальные витрины из итальянского стекла, удобно расположенная металлическая лестница, чугунные колонны художественного литья<sup>2</sup>. Сооружение четырехэтажного здания пассажа в Троицке стоило Яушевым 300 тыс. руб.

Наряду с универсальными магазинами на Урале открывались и узкопрофильные торговые заведения. В некоторых городах и горнозаводских поселках функционировали специализированные аптеки, книжные и писчих принадлежностей, музыкальные, табачные и ювелирные магазины.

Многие торговцы старались расширить ассортимент своих товаров, в том числе за счет новинок технического прогресса. На рубеже XIX–XX вв. на Урале можно было приобрести граммофоны, патефоны, разные оптические приборы, пишущие машинки разных моделей, телефоны, швейные и стиральные машины, велосипеды, мотоциклетки и автомобили, а также разнообразные паровые машины и котлы, динамо-машины и пр. Одновременно менялась и торговая практика. Многие городские коммерсанты стали охотно прибегать к распродажам по сниженным ценам, а также отказались от характерного торга с покупателем, в результате чего на товарах появи-

<sup>1</sup> Мусихин В.Е. Вятские рабочие: от мануфактуры к фабрике // Энциклопедия земли Вятской. Киров, 1995. Т. 4. С. 301.

<sup>2</sup> Гизатуллин Р.Н. Пассаж Яушевых (Троицк) // Челябинская область. Энциклопедия. Челябинск, 2006. Т. 5. С. 66.

лись ярлыки с фиксированной ценой. Об этом же свидетельствует реклама, размещавшаяся в местных газетах. В 1903 г. екатеринбургский купец И.А. Бабушкин, давший объявление о предстоящей распродаже готового дамского и мужского верхнего платья новейших фасонов, привлекал покупателей как дешевизной товаров и их доброкачественностью, так и тем, что «цены без запроса»<sup>1</sup>.

Во многих случаях ставка торговцев на новые товары приводила к заметным изменениям в местной повседневности, а в отдельных случаях имела последствия всероссийского масштаба. Ярким примером этого стала деятельность кунгурского купца А.С. Губкина, ставшего крупнейшим чаоторговцем Урала и России. Долгое время чай приобретался российскими коммерсантами в Китае путем бартерных сделок, причем соотношение цен на чай и русские товары (мануфактуру, кожевенные изделия и т.д.) было более выгодным для китайских торговцев. Последствиями этой практики явились доминирующая роль крупной оптовой торговли, дороговизна чая на российском рынке, невысокий уровень спроса на этот напиток, остававшийся экзотическим для большинства россиян.

Используя изменение цен в пользу российских товаров, наметившееся в конце первой половины XIX в., А.С. Губкин стал ежегодно закупать большие партии чая. Первое время он сбывал чай в основном на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, а затем создал сеть оптово-розничных заведений, которая охватила территорию всей империи. По примеру уральского купца чайной торговлей занялись многие коммерсанты, благодаря чему рынок в короткое время наполнился чаями разных сортов. Растущая конкуренция вынудила торговцев цивилизовать чайную торговлю. К минимуму был сведен обман покупателей, повышено качество товара, организована развеска чая в разную мелкую тару, что породило бум розничной торговли. Инициатором этих изменений стал А.С. Губкин, действовавший на основании принципа: «Наилучший продукт по дешевой цене, в любое время, в любом месте»<sup>2</sup>.

Деятельность А.С. Губкина и его коллег имела и другие последствия. Уже в третьей четверти XIX в. чай стал излюбленным напитком большинства жителей империи. Сформировавшаяся в России чайная церемония требовала разной посуды, в том числе самоваров, молочников, сахарниц, щипцов для колки сахара, масленок, стаканов, чашек с блюдцами и т.д. Возросшая потребность в этих товарах стимулировала повсеместное развитие фабрик и мастерских по производству самоваров, фарфоровых и фаянсовых изделий. Чайная церемония, сопровождавшаяся употреблением варенья, сахара, меда, различных хлебобулочных изделий, оказала сильное воздействие и на расширение сахарных заводов, кондитерских фабрик, булочных и крендельных заведений. Деятельность А.С. Губкина, таким образом, оказала мощное влияние не только на торговую сферу, но и на ряд отраслей промышленности, а также на российскую повседневность. Снабжая местный рынок разными товарами, в том числе новинками технического прогресса, развивая новые формы торговли (магазинную и биржевую), уральские торговцы тем самым оказали значительное воздействие на модернизацию региона.

\* \* \*

В целом наблюдая развитие уральского предпринимательства в XVIII – начале XX в., еще раз отметим, что появление значимых для региональной экономики групп предпринимателей относится здесь к XVIII в. Это было связано с начавшимся тогда превращением Урала из отдаленной и относительно слабо заселенной и освоенной окраины Московского царства в крупнейший металлургический район Российской империи. Уральские горнозаводчики и стали первой и наиболее значимой предпринимательской группой, благодаря деятельности которой здесь была создана крупная горнозаводская промышленность в особой форме, включавшей совместное функционирование металлургической, горнодобывающей, топливной, транспортной и других отраслей. В начале XIX в. горнозаводчики стали и крупнейшими в регионе золото- и платино-промышленниками, выведшими страну в число крупнейших производителей черных, цветных и драгоценных металлов.

<sup>1</sup> Уральская жизнь. 1903. 22 февраля.

<sup>2</sup> Субботин А.П. Чай и чайная торговля в России и других государствах. Производство, потребление и распределение чая. СПб., 1892. С. 550–551.



Вторая половина XIX – начало XX в. стали, как и для всей России, новым периодом развития предпринимательства, для которого реформами 1860–1870-х гг. были созданы более благоприятные условия. Наряду с доминировавшей прежде группой предпринимателей, связанных с добычей и обработкой минеральных ресурсов, на Урале сложились новые отраслевые группы, деятельность которых способствовала его превращению в регион с более развитой многоотраслевой экономикой и хозяйственной жизнью. Горнозаводчики, сохранив приоритет в металлургии, во многом уступили свои прежние позиции в смежных отраслях. Тогда сформировались особые группы крупных и мелких предпринимателей в золотой, горнодобывающей, каменноугольной и лесной промышленности. В особую отрасль стала формироваться транспортировка металлов и других товаров, особенно по речным путям. Крупные предпринимательские группы сложились в динамично развивавшихся «негорнозаводских» отраслях промышленности, среди которых наибольшим влиянием пользовались уральские винокуры. Как в XVIII в. крупная металлургия, так и крупное винокурение во второй половине XIX – начале XX в. дало мощный стимул для развития смежных отраслей, таких как мукомольная, стекольная, а также текстильная и химическая. Часто менявшиеся правовые условия развития винокурения стимулировали предпринимателей проявлять особую изворотливость и использовать даже такие формы конкуренции, которые могли противоречить действовавшему законодательству.

Для всей уральской промышленности этот период стал временем индустриализации, неравномерно протекавшей в различных ее отраслях. Но даже в горнозаводской промышленности, более других связанной наследием дореформенного времени, начались крупные сдвиги как в формах организации производства, так и в формах управления и владения собственностью. Мануфактуры преобразовывались в фабрики, а индивидуальные владельцы заменялись акционерными обществами с участием крупного банковского капитала, способного осуществить масштабные планы реконструкции заводов. Прежних акторов протоиндустриального периода заменяли новые предприниматели и их корпорации, свойственные индустриальной эпохе.

### 3.2. ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Феномен русской интеллигенции является предметом многолетних споров в научной и публицистической литературе. Спектр оценок социального и духовного облика интеллигенции, ее роли в жизни нашей страны чрезвычайно широк. Ученые не могут договориться даже об определении границ этого социального слоя. Анализируя эволюцию термина «интеллигенция» в научно-справочной литературе, Э.В. Кемпинский пишет о десятках попыток дать его формулировку<sup>1</sup>. Н.Ю. Кривопалова приводит два основных подхода к этому понятию: социологический и нравственно-этический. Приверженцы первого подхода считают основными критериями выделения интеллигенции образованность и профессиональный умственный труд, второго – высокие нравственные качества и активную общественную позицию<sup>2</sup>.

Опираясь на более нейтральный, социологический подход, можно отметить, что первые отряды техников-профессионалов появились на Урале в начале XVIII в. Возводившиеся в регионе крупные металлургические заводы потребовали развитого обслуживания гидротехнических сооружений, рудо- и водоподъемных механизмов, доменного оборудования, устройств для передела железа и пр. В XVIII–XIX вв. на Урале, помимо технической деятельности, сформировались и другие сферы умственного труда: педагогическая, медицинская, агрономическая, юридическая и пр. Уральская интеллигенция, как и вся интеллигенция России, складывалась в рамках существовавшей сословной системы. Особого сословно-правового статуса представители умственного труда не имели, они принадлежали к традиционным сословным группам, нередко поэтому в дореформенный период в их число входила и так называемая «крепостная интеллигенция». Самой образованной частью уральского общества были дворяне. По подсчетам Т.А. Андреевой, в конце XIX в. в Пермской, Вятской, Оренбургской и Уфимской губерниях

<sup>1</sup> Кемпинский Э.В. Интеллигенция: Эволюция понятия в научно-справочной литературе. Словарь-справочник. М., 2007. С. 3.

<sup>2</sup> Кривопалова Н.Ю. Теоретические проблемы истории российской интеллигенции в современной отечественной историографии // Интеллигенция и мир. 2008. № 2. С. 26–45.

они составляли 80,7% лиц с университетским образованием. Второе место по образованности принадлежало духовенству. Удельный вес дипломированных специалистов – выходцев из духовенства – в уральских губерниях колебался в пределах 28–37%. Городские сословия были слабо приобщены к системе высшего образования (количество выпускников вузов среди них не превышало 4%), однако они преобладали среди обладателей среднего специального образования (34%). В целом, по данным Первой всероссийской переписи 1897 г., в Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской губерниях дипломы о высшем образовании имели 3,6 тысяч человек, о среднем – 54,5 тысяч<sup>1</sup>. Общая численность жителей Урала в это время составляла около 10 миллионов человек. Очевидно, что доля интеллигенции среди населения была крайне невелика, она не превышала 0,3%. При этом трудно отрицать заметную роль образованного общества в развитии края. В настоящем разделе речь пойдет лишь о самых значительных инициативах и проектах уральской интеллигенции, давших импульс модернизации края, а иногда и всей России.

### Технический прогресс

Становление уральской интеллигенции шло вместе с ростом и развитием промышленности, поэтому проблемы горнозаводского края всегда были в центре общественного внимания. Известный уральский историк и краевед XIX в. Н.К. Чупин в одной из своих записок сравнил заводских людей Урала с моряками, жизнь которых с детства пропитана впечатлениями особого морского быта и проникнута романтикой моря. Он считал, что «человеку, который поселится в горнозаводской стране уже в зрелом возрасте, невесело [...] будет спускаться в мрачную, сырую, грязную шахту и ходить почти ощупью по тесным, иногда с удушающим воздухом, подземным выработкам, имея над головой висящий слой земли в несколько десятков сажен толщины, не понравится ему жариться целый день около заводской печи при оглушительном стуке молотков, при нестройном визге и шуме машин; не по вкусу будет ему и общество, где интересуются не столько судьбой Мексиканской империи, новым циркуляром французского министра или будущностью Пруссии и Германии, сколько состоянием воды в заводских прудах, временем разлития реки Чусовой да ценами на железо в Нижнем»<sup>2</sup>.

Для технической интеллигенции одной из главных задач было усовершенствование производства. В начале XVIII в. на Урал были перемещены технологии, заимствованные ранее из Европы и прошедшие адаптацию на заводах центра европейской части России. Из центральных районов страны на первые уральские заводы приехали и мастера – русские и иностранцы. Постепенно, однако, в крае сложились собственные квалифицированные кадры, своя металлургическая культура. Некоторые исследователи считают, что европейская техника на уральской почве настолько усовершенствовалась местными мастерами, что можно говорить о ее самостоятельном развитии. В ряде случаев она превосходила первоначальные образцы<sup>3</sup>. В частности, серьезным достижением стали уральские домны, построенные в 1730-е гг. по принципам казенного доменного уставщика Максима Орловского и его школы (мастера Борис Масленников, Антон Немешаев, Никифор Калугин и др.). Эти домны превышали объемом прежние олонечские в три раза и выдавали в сутки 270–320 пудов чугуна<sup>4</sup>.

Целесообразные формы организации производственного процесса уральских заводов XVIII в. стали плодом многолетних эмпирических исканий организаторов и руководителей горнозаводской промышленности. Важную роль сыграли здесь труды первых горных администраторов В.И. де Геннина и В.Н. Татищева. Именно они опытным путем установили нормы выработки, необходимые для производства отдельных частей продукта, профессиональную и квалификационную структуру предприятий. Нормы, определенные Генниным и Татищевым, легли в основу заводских штатов уральских заводов 1737 и 1766 гг., многие положения которых использовались и в первой половине XIX в.

<sup>1</sup> История Урала с древнейших времен до наших дней. Екатеринбург, 2003. С. 248.

<sup>2</sup> ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 139. Л. 39.

<sup>3</sup> Курлаев Е.А., Корепанов Н.С. Западноевропейские промышленные технологии в XVIII в. // Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург, 2011. С. 94.

<sup>4</sup> Там же. С. 83.

Особенностью Урала было раннее развитие здесь технического образования. Формирование горнозаводской школы на Урале историки связывают с инициативой В.Н. Татищева<sup>1</sup>. Первые учебные заведения им были созданы в 1721–1722 гг. при Кунгурском, Уктусском и Алапаевском заводах. Для Екатеринбургской школы, открытой в 1723 г., Татищев разработал первую в истории России программу сочетания общего и технического образования<sup>2</sup>. Выпускником этой школы был талантливый изобретатель-гидротехник Козьма Дмитриевич Фролов. Сын мастерового Полевского завода прошел на заводской службе путь от горного ученика до берггауптмана VI класса. На Урале он принимал участие в исследовании месторождений руд, работал на Гумешевском руднике, Березовских золотых промыслах, где создал оригинальную золотопромывальную машину, улучшившую процесс промывки золота. Славу изобретателю принесло создание в начале 1780-х гг. вододействующей системы на Змеиногорском руднике Алтая, позволившей механизировать значительную часть рудничных работ<sup>3</sup>.

На Урале под руководством одного из самых известных в России механиков Никиты Петровича Бахорева работала целая школа гидротехников. Н.П. Бахорев был выходцем из среды разночинцев, образование получил в Московской и Петербургской морских академиях, горному делу обучился в Швеции. На Урале Н.П. Бахорев работал в 1729–1771 гг. Здесь он создал различные приспособления, работавшие на механике водяного колеса. Это были оригинальной конструкции рудоподъемные машины, насосы для откачки воды из шахт, вододействующее точило, машины для сверления и обточки пушек, рудные толчеи и промывальни и пр. Механик был убежден в универсальности водяного колеса и вододействующего оборудования. В 1735 – начале 1750-х гг. он обучал на индивидуальной основе некоторых выпускников Екатеринбургской арифметической школы<sup>4</sup>, одним из которых был знаменитый русский теплотехник Иван Иванович Ползунов.

Ползунов, сын солдата горной роды из уральского города Епанчин, получил образование в Екатеринбургской словесной и арифметической школах, некоторое время служил при Екатеринбургских заводах, затем был отправлен на Алтай, где разработал проект первого в мире парового универсального двигателя непрерывного действия. «Огнедействующая машина» Ползунова была введена в строй в 1766 г., но проработала недолго. Уже в 1768 г. горный чиновник Ирман доносил: «Вышеписанная машина до сего уже давно оставлена, да и пущать в действо, по избылию при здешнем заводе воды, за ненужно не признается»<sup>5</sup>. Широкое внедрение паровых двигателей в России началось позднее, с началом промышленного переворота во второй трети XIX в.

Уральский исследователь С.В. Устьянцев проанализировал «цепочку» технических задач, которые встали перед инженерно-техническими работниками Урала в процессе промышленного переворота и модернизации металлургического производства. По его мнению, одним из ведущих направлений технической деятельности в это время стало совершенствование передельных технологий: до 1830-х гг. на Урале велись поиски оптимальных вариантов кричного передела, с 1840-х гг. началось внедрение пудлинговой, а с 1870–1880-х гг. бессемеровской и мартеновской технологий выделки железа и стали. Внедрение и эксплуатация новых передельных технологий стимулировали развитие технической мысли в доменном и прокатном производствах<sup>6</sup>. Большую роль в распространении передового мирового опыта играл «Горный журнал» и другие специальные издания, в большом количестве поступающие в технические библиотеки Урала. Как правило, «образцовой школой» в освоении нового выступали казенные заводы: они были инициаторами важнейших усовершенствований в заводском деле, брали на себя расходы, связанные со стадией опытов, и выдавали частным заводам отработанную технологию в виде рекомендаций; они же служили школой квалифицированных кадров для всей уральской промышленности.

Одним из условий промышленной модернизации в доменном и литейном производствах считалось внедрение высококорпусных доменных и плавильных печей. Древесноугольные домен-

<sup>1</sup> См.: Дашкевич Л.А., Сафронова А.М. Горная школа в России (XVIII – первая половина XIX в.) // Горные заводы и крестьянство: проблемы социальной организации металлургии России и Швеции XVII–XIX вв. Екатеринбург, 1992. С. 87–94.

<sup>2</sup> Сафронова А.М. Горнозаводские школы // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 131.

<sup>3</sup> Виргинский В.С. Творцы новой техники в крепостной России. М., 1962. С. 116–137.

<sup>4</sup> Корепанов Н.С. Бахорев Никита Петрович // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 41

<sup>5</sup> Виргинский В.С. Творцы новой техники в крепостной России. М., 1962. С. 114.

<sup>6</sup> Устьянцев С.В. Черная металлургия на Урале на путях перехода от мануфактуры к фабрике (техническая сторона процесса). Дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1991.

ные печи России, считавшиеся в конце XVIII в. самыми крупными и производительными, имели в высоту от 10,5 до 12, 9 м. В пореформенный период домны стали «повышаться». Значительное внимание при этом заводские администраторы уделяли строительству эллиптических доменных печей системы В.К. Рашета. Усовершенствованные «рашетовские печи» были построены на Нейво-Рудянском, Юговском, Верхнетурьинском, Богословском, Саткинском, Нижнетагильском и других заводах Урала.

Инженерную службу Владимира Карловича Рашета можно считать образцом блестящей карьеры. Он происходил из петербургских дворян, образование получил в Горном кадетском корпусе, несколько раз ездил «для подробного изучения металлургии» за границу. Работал в лаборатории горных и соляных дел Горного института, заведовал Гороблагодатской химической лабораторией, был управителем Нижнетуринского завода, помощником управляющего Александровской мануфактурой. В 1858 г. Рашет вышел в отставку в чине генерал-майора. Отставной генерал занял высокооплачиваемую должность управляющего Нижнетагильского горного округа Демидовых (1858–1861), а затем директора Департамента горных и соляных дел (1862–1875)<sup>1</sup>.

В передельном производстве важным направлением модернизации было внедрение пудлингования. Технологический процесс пудлингового передела чугуна в железо был разработан во второй половине XVIII в. английским металлургом Генри Кортон, патент на это изобретение он получил в 1784 г. Россия была в числе первых стран, начавших перенимать пудлинговую технологию. В 1817 г. на Пожевском заводе В.А. Всеволожского опыты по пудлингованию проводил горный инженер П.Г. Соболевский. На Нижнетагильских заводах Демидова работы по внедрению пудлингования проводились в 1825–1826 гг. Усовершенствованный способ газового пудлингования по методу германского металлурга Фабер-дю-Фора впервые в стране испытали в 1842 г. на Воткинском заводе, где была построена газопудлинговая печь с газогенератором. Причем в германский образец горным инженером В.И. Романовым были внесены улучшившие его конструктивные изменения, позволившие избежать засорения фурм и пода печи пеплом и шлаками. В начале 1850-х гг. на Воткинском заводе были возведены газопудлинговые и газосварочные печи нового типа, строительством которых руководил известный металлург А.А. Иосса. Печи Иоссы за счет изменений в конструкции давали экономию тепла до 50%. На пудлинговой фабрике Воткинского завода появились первые в стране паровые молоты для проковки пудлинговых криц: в 1845 г. – саксонский, в 1852 г. – системы Несмита.

Бesseмеровское и мартеновское производство началось в России в широких масштабах со второй половины 1880-х гг., но первое знакомство с новейшими изобретениями не отставало по времени от других стран. В 1856 г., когда английский инженер Г. Бессемер только что получил патент на свое изобретение, начались опыты по бесseмерованию на казенном Златоустовском заводе, которыми руководил горный инженер В.Н. Воронцов. Инженеры А.А. и Н.А. Иоссы начали в 1860-е гг. работы по бесseмерованию на Воткинском заводе. В 1870–1880-е гг. технологию производства бесseмеровской стали усовершенствовал управитель Нижнесалдинского завода Демидовых К.П. Поленов. Он разработал оригинальный способ продувки малокремнистых чугунов в конверторе с нижним дутьем, получивший название «русское бесseмерование». Научные основы поленовского метода изучил позднее известный уральский металлург В.Е. Грум-Гржимайло<sup>2</sup>.

После освоения бесseмеровского процесса выплавки стали произошел значительный сдвиг в технологии прокатного производства. Усилия уральских металлургов были направлены на внедрение ее в промышленность. К концу XIX в. преобладающее большинство заводов уже имело прокатные станы. К числу выдающихся достижений в стальном производстве можно отнести разработку горным начальником Златоустовского округа П.П. Аносовым технологии выделки литой углеродистой стали, превосходившей по своему качеству все существовавшие к тому времени сорта металла. Опыты производства стали производились в Златоусте в 1830–1840-е гг., однако из-за трудоемкости и высоких требований к исходным материалам они не получили ши-

<sup>1</sup> Металлургия Урала. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 292.

<sup>2</sup> Алексеев В.В. Три века уральской металлургии // 300 лет уральской металлургии: труды межд. конгресса, Екатеринбург, 4–5 октября 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 28; Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале. XVII – начало XX века. Свердловск, 1981. С. 102; Металлургия Урала. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 97, 148, 250, 275, 391; Устьянцев С.В., Логунов Е.В. Английский технологический опыт и уральские горные заводы. Екатеринбург, 1992. С. 14–22.



рокого распространения<sup>1</sup>. В 1857 г. горным инженером П.М. Обуховым был изобретен способ массового изготовления особо прочной тигельной стали, который дал начало производству стальных пушек, превосходивших мировые аналоги того времени. Стальная пушка Обухова была отмечена в 1862 г. высшей наградой на всемирной выставке в Лондоне. Технической инновацией было применение в 1891 г. на Пермском пушечном заводе инженером Н.Г. Славяновым усовершенствованного им способа дуговой электросварки.

Значительные успехи имели уральские инженеры и техники в развитии машиностроительного производства. Возникновению самостоятельных машиностроительных предприятий на Урале предшествовала деятельность механических мастерских при металлургических, литейных и других заведениях. Одна из первых механических мастерских была основана в 1800 г. при Екатеринбургском монетном дворе механиком Львом Федоровичем Сабакиным. Сабакин был выходцем из семьи купцов волжского уездного города Старицы. Талантливый механик и изобретатель начал свою службу в Тверском губернском правлении, откуда его дважды командировали на учебу в Британию. Вернувшись в Россию, Сабакин опубликовал описание и схематический чертеж паровой машины Д. Уатта. Механик был уверен в необходимости внедрения этого двигателя в производство. На Урал Сабакина перевели в 1800 г., предложив ему должность механика Главного правления Екатеринбургских заводов. Для прокатного, монетного, металлургического и других производств Екатеринбургского округа Сабакин создал большое число оригинальных механических устройств. В 1803 г. им была возведена первая на Урале паровая машина на Березовских золотых промыслах<sup>2</sup>. Продолжателями традиций механического заведения Л.Ф. Сабакина в Екатеринбурге стали казенная Екатеринбургская механическая фабрика и частные механические предприятия братьев Ятесов.

На частных заводах Урала крепостного периода наибольшей известностью пользовалось Выйское механическое заведение Демидовых, основанное известными изобретателями Черепановыми. Ефим Алексеевич Черепанов был сыном крепостного крестьянина-дровосека Выйского завода. Начал он заводскую службу простым мастеровым, в 1806 г. занял должность плотинного ученика, а затем и плотинного мастера. Сын Ефима Мирон Черепанов был принят на службу в 1815 г. Способность талантливых мастеровых к техническому творчеству не осталась незамеченной. В 1798–1801 гг. Ефим Черепанов был командирован на Линдоловский завод в Выборге, в 1821 г. – в Англию, в 1825 г. Ефим и Мирон Черепановы побывали в Швеции, в 1833 г. Мирон был отправлен в Петербург, а затем Англию. Не получив систематического образования, Черепановы смогли путем самоподготовки и практического производственного опыта подняться до лучших механиков своего времени. В 1822 г. по предписанию Н.Н. Демидова Ефим Алексеевич Черепанов стал главным механиком Нижнетагильских заводов, позднее Мирон был назначен его помощником. Основные работы Черепановы производили на Выйском механическом заведении. Под руководством механиков здесь изготавливались различные станки, механизмы и их детали для всей группы Нижнетагильских заводов. Большой практический опыт по изготовлению и ремонту металлических деталей машин, механизмов и инструментов позволил Черепановым приступить к возведению первых паровых машин на Нижнетагильских заводах. В 1824 г. Ефим и Мирон Черепановы построили небольшой паровой двигатель в 4 л.с., который стал использоваться для второстепенных работ на мельнице. В 1828 г. вступила в строй более мощная машина в 30 л.с. для откачки воды из Анатольевской шахты, потом появились и другие машины. Самая мощная (в 60 л.с.) была сконструирована Мироном Черепановым уже после смерти отца, в 1847 г. Особую славу Черепановым принесло создание первых в России паровозов. Первый из них грузоподъемностью в 3,3 тонн был построен в 1834 г., второй грузоподъемностью в 16 тонн – в 1835 г. За успехи в строительстве машин Е.А. Черепанов был награжден правительством серебряной медалью на аннинской ленте. В 1833 г. Демидов освободил его от крепостной зависимости. Мирон Черепанов получил вольную позднее, в 1835 г.<sup>3</sup>

<sup>1</sup> Путилова М.В. Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму. Красноярск, 1986. С. 81.

<sup>2</sup> Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале: XVII – начало XX века. Свердловск, 1981. С. 121–122.

<sup>3</sup> Виргинский В.С. Творцы новой техники в крепостной России. М., 1962. С.237–295; Козлов А.Г. Творцы науки и техники... С. 121–122.

В пореформенной России Урал занял одну из ведущих позиций в пароходостроении. Первенствовал в этой отрасли на Урале казенный Камско-Воткинский завод. Начало машиностроения здесь историки связывают с именем И.П. Чайковского, занимавшего должность горного начальника Камско-Воткинского округа. По инициативе Чайковского в 1847 г. в округе было основано пароходостроительное отделение с механическими мастерскими и верфью на реке Вотке. Завод стал выпускать для развивающегося Камского судоходства пассажирские и буксирные пароходы, баркасы, дебаркадеры, плавучие подъемные краны и пр. Немаловажную роль при этом играла Екатеринбургская механическая фабрика, снабжавшая воткинские железные заводы паровыми двигателями. Помимо этого, на Урале пароходы строились на заводе Гакса-Кузнецова в Кунгуре, Тета и Любимова в Перми и на других предприятиях<sup>1</sup>.

Краткий перечень пионеров технического прогресса свидетельствует о высоком уровне профессиональной культуры уральских инженеров, многие из которых стали новаторами в металлургическом производстве. В конце XIX – начале XX в. основной площадкой для обсуждения проблем промышленности края стали съезды уральских горнопромышленников. Техническая интеллигенция, по доверенности хозяев предприятий, участвовала в этих съездах. Ходатайства и предложения съездов часто разрабатывались именно инженерами. Их реализация, пусть и частичная, несомненно, способствовала модернизации уральской промышленности. Историк Е.Ю. Рукосуев выявил важнейшие направления деятельности представительных организаций уральских промышленников – они обсуждали вопросы, относившиеся к работе транспорта, расширению сети железных дорог и понижению железнодорожных тарифов, развитию торгового судоходства и топливно-энергетической базы предприятий, улучшению положения рабочих, совершенствованию системы технического образования<sup>2</sup>.

Численность инженерно-технического корпуса Урала была невелика. К началу XX в. она составляла около 4 тысяч человек. Значительную часть среди них занимали работники среднего и низшего звена – уставщики, штейгеры, старшие мастера, заводские и цеховые надзиратели, смотрители и пр. Высшее звено технического персонала на Урале не превышало 600 человек, из них лишь около 220 человек обладали дипломами горных инженеров, инженеров путей сообщения, технологов. Эти показатели свидетельствуют о том, что и в начале XX в. типичной фигурой на низших и средних должностях в уральской промышленности, а иногда и на высших, оставался техник-практик, выходец из среды местного заводского населения. По уровню образования промышленного персонала уральские заводы начала XX в. отставали от всех остальных горных районов страны. В этом исследователи видят причину нарастающего отставания Урала от капиталистически развитых промышленных регионов<sup>3</sup>.

Историки отмечают, что особенностью инженерной деятельности на Урале в конце XIX – начале XX в. оставалось совмещение административных и технических функций. Ученый В.Е. Грум-Гржимайло писал в своих воспоминаниях: «Урал накладывал очень своеобразную печать на инженеров и их семьи. В маленьком заводе управитель был, с одной стороны, царьком с весьма большой и реальной властью, с другой стороны, он жил почти в одиночном заключении. Лиц, равных ему по образованию и положению, не было»<sup>4</sup>. Среди администраторов этого уровня были, как уже отмечалось, талантливые техники и организаторы, но были и жестокие, и грубые, капризные «управители-белоручки». В материальном плане среди уральской интеллигенции инженеры считались самой обеспеченной группой. Наиболее высокооплачиваемыми кадрами были управляющие частными округами: в конце XIX в. они, кроме оклада в пределах 12–14 тысяч рублей в год, получали премиальные, имели в своем распоряжении лошадей на выезд, бесплатную квартиру с отоплением, освещением, прислугой и дополнительные командировочные деньги. Заработная плата среднего и низшего звена технических работников незначительно превышала оплату рабочих: на разных предприятиях она колебалась от 250 до 500 рублей в год.

<sup>1</sup> Путилова М.В. Казенные горные заводы Урала в период перехода от крепостничества к капитализму. Красноярск, 1986. С. 87.

<sup>2</sup> Рукосуев Е.Ю. Съезды горно- и золотопромышленников Урала в конце XIX – начале XX века: организация и направления деятельности. Екатеринбург, 2016. С. 177–357.

<sup>3</sup> Дашкевич Л.А., Корсунова С.Я. Техническая интеллигенция горнозаводского Урала. XIX век. Екатеринбург, 1997. С. 120–121.

<sup>4</sup> Грум-Гржимайло В. Хочу быть полезным Родине. Екатеринбург, 1996. С. 52.

Уральский исследователь Т.А. Андреева следующим образом характеризует социокультурный облик технической интеллигенции: «Из политических ценностей она предпочитала либерально-консервативные, в принципе отвергая левые социалистические партии и теории. Более того, в сознании технической интеллигенции интересы государственные, державные традиционно доминировали, оттесняя на второй план мотивы частного или корпоративного происхождения. Поэтому так заинтересованно обсуждались на уральских трибунах, будь то съезд или газета, вопросы, связанные с модернизацией уральской экономики силами государства»<sup>1</sup>. Нельзя забывать, однако, что представители среднего и низшего звена технического корпуса были более радикальны в своих взглядах. Один из первых кружков марксистского направления на Урале возник в конце 1880-х гг. в стенах Уральского горного училища. Выпускники училища А.С. Тютев и В.Г. Рогожников основали в 1888 г. социал-демократический кружок в Златоусте. На севере Урала распространением и пропагандой марксистской литературы среди рабочих активно занимались учащиеся Кунгурского технического училища<sup>2</sup>. Под влиянием большевиков находился Союз служащих Мотовилихинского завода. Сильно было их влияние и в Обществе уральских горных техников, объединявшем в начале XX в. около 200 человек<sup>3</sup>.

### Образование

К началу XX в. наиболее многочисленным отрядом интеллигенции на Урале были педагоги. Начало их профессиональной деятельности положили реформы Екатерины II, создавшие в городах Урала достаточно широкую систему школьного образования. В XVIII в. в главных и малых народных училищах Пермской, Вятской и Оренбургской губерний трудились 667 учителей<sup>4</sup>. К началу XX в. их численность существенно возросла. В 1911 г. в начальных школах уральских губерний работали 19 164 учителя, около 3 000 человек были заняты в сфере среднего и специального образования<sup>5</sup>. Развитие школьного дела явственно свидетельствует о том, что образование, формирующее мировоззрение населения, к началу XX в. играло на Урале заметную роль. Роль школы в общественной и культурной жизни края, однако, не ограничивалась привлечением к очагу знаний все большего числа жителей; учебные заведения были настоящими «культурными гнездами», оказывавшими гуманизирующее влияние на все слои общества.

Учителя стали первыми исследователями уральского края. В Пермской губернии начала XIX в. большую исследовательскую деятельность вел Никита Савич Попов, учитель, а затем директор Пермского главного народного училища. Обучался Н.С. Попов сначала в Пермской семинарии, а затем в Петербургской учительской семинарии Ф.И. Янковича де Мириево. Во время учебы он посещал лекции ученых Российской Академии наук, что, очевидно, повлияло на его последующую увлеченность научной деятельностью. В 1800 г. губернатор привлек Н.С. Попова к созданию атласа Пермской губернии<sup>6</sup>. За успешное составление «Историко-географического описания губернии», приложенного к атласу, учитель получил досрочное повышение в чине. В 1802–1803 гг. Н.С. Попову поручили составление «Хозяйственного описания Пермской губернии»; этот труд также был высоко оценен. В 1807 г. Н.С. Попов стал адъюнктом Казанского университета. В 1812 г. его приняли в члены Казанского Общества любителей словесности<sup>7</sup>.

«Вятским Карамзиным» называют историки учителя Вятской главной народной школы Александра Ивановича Вештомова<sup>8</sup>. Вештомов был выходцем из вятского духовенства. Образование

<sup>1</sup> Андреева Т.А. Социокультурный портрет уральской интеллигенции в начале XX в. // Урал в контексте российской модернизации. Челябинск, 2005. С. 61.

<sup>2</sup> Лушников А.В. Роль интеллигенции и учащейся молодежи в распространении и пропаганде марксистской литературы на Урале (1883–1903 гг.) // Участие демократической интеллигенции в революционном движении на Урале в период капитализма. Челябинск, 1981. С. 33–53.

<sup>3</sup> Чулкина М.А. Из истории профессионального движения интеллигенции Урала в 1905 году // Участие демократической интеллигенции в революционном движении на Урале в период капитализма. Челябинск, 1981. С. 53–70.

<sup>4</sup> Дашкевич Л.А. Городская школа в общественной и культурной жизни Урала (конец XVIII – первая половина XIX в.). Екатеринбург, 2006. С. 69.

<sup>5</sup> Андреева Т.А. Социокультурный портрет уральской интеллигенции в начале XX в. // Урал в контексте российской модернизации. Челябинск, 2005. С. 50.

<sup>6</sup> Калинина Т.А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII в. – первая половина XIX в.). Пермь, 1992. С. 11.

<sup>7</sup> Коровин А.Ф., ПикULEVA С.В. Попов Никита Савич // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 422.

<sup>8</sup> Бердинских В.А. Уездные историки: Русская провинциальная историография. М., 2003. С. 330.

он получил в местной семинарии, после начала школьной реформы продолжил обучение в Вятском главном народном училище, где получил необходимые сведения и навыки работы по классно-урочной системе. Педагогическую деятельность Вештомов начал в Сарапульском малом народном училище. После десяти лет службы он отправился обратно в Вятку. Здесь и началась его научная работа. В 1807–1809 гг. А.И. Вештомов написал первое в истории края обобщающее историческое повествование «История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества». Книга, давшая начало местной историографии, при жизни автора не была напечатана, более ста лет она хранилась в библиотеке Вятской мужской гимназии и была выпущена в свет в 1907 г. в Казани, по определению Совета общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. В 1807 г. вятский учитель начал работу над вторым своим замечательным произведением – описанием флоры Вятского края, положив в основу своего труда книгу Г.Ф. Соболевского «Петербургская флора». Двухтомное описание (с приложением атласа растений) было представлено на рассмотрение в Главное правление училищ и получило заслуженную награду.

В середине XIX в. городские училища стали центром притяжения для любителей просвещения. Отличительной чертой эпохи Великих реформ истории считают вкус образованного общества к публичной деятельности. Большой популярностью на Урале в то время пользовались литературно-музыкальные вечера. В частности, по подсчетам одного из корреспондентов Вятских губернских ведомостей, в 1862 г. в Вятке было проведено двадцать таких вечеров, в 1863 г. – двенадцать<sup>1</sup>. Преподаватели и учащаяся молодежь принимали в них самое активное участие. В Перми в конце 1850-х гг. просветители объединились вокруг Дмитрия Дмитриевича Смышляева, человека энергичного, отличавшегося в то время, по донесениям жандармов, «ультралиберальным образом мыслей»<sup>2</sup>. Купеческий сын, наследовавший от отца достаточно большое состояние, Смышляев с 1857 г. ликвидировал торговые дела и отдал все свои силы общественной деятельности. В 1859–1860 гг. в Москве на средства Д.Д. Смышляева были изданы два тома «Пермского сборника». Ближайшим сподвижником Д.Д. Смышляева в подготовке сборника был старший учитель Пермской гимназии Николай Алексеевич Фирсов. Товарищ и однокашник Н.А. Добролюбова по Главному педагогическому институту, Н.А. Фирсов был поборником кардинальных демократических преобразований в системе народного образования. В своей большой статье, опубликованной в «Пермском сборнике», он прямо высказался против пороков сословной школы и крепостнической системы<sup>3</sup>. Помимо Н.А. Фирсова, в состав смышляевского кружка вошли и другие преподаватели Пермской гимназии (Г.И. Балбашевский, Я.И. Предтеченский, С.С. Пенн), а также учитель духовной семинарии А.Г. Воскресенский. Изданный смышляевским кружком «Пермский сборник» вызвал большой интерес не только местной, но и столичной публики. Весьма одобрительно отзывались о нем крупные российские журналы – «Современник», «Русское слово», «Отечественные записки». Н.А. Добролюбов оценил сборник как серьезное, очень дельное издание, в котором «высказывается такое обилие знаний, серьезность взгляда и мастерство изложения, какое не всегда встречается в столичных журналах»<sup>4</sup>.

Много сторонников среди учителей нашла идея создания воскресных школ для простого народа. По духу преподавания воскресные школы середины XIX в. разительно отличались от традиционных школ Министерства народного просвещения. Обучение в них было основано на принципах гуманизма и уважения к личности. На Урале наиболее активной в деле создания народных школ оказалась педагогическая общественность Пермской губернии. В 1861 г., судя по отчету Пермской дирекции училищ попечителю Казанского учебного округа, здесь работали 10 воскресных школ: три школы для мальчиков и две для девочек в губернском городе Перми, три школы в уездных городах (Кунгуре, Шадринске и Камышловe) и две школы в горнозаводских имениях<sup>5</sup>.

Новацией провинциального культурного процесса на Урале в предреформенное время была организация в городах публичных библиотек, многие из которых появились в уездных учили-

<sup>1</sup> Сергеев В.Д. Вятские нигилисты. Из истории разночинной интеллигенции Вятки. Петропавловск-Камчатский, 1994. С. 43.

<sup>2</sup> Семенов В. Мировоззрение Д.Д. Смышляева. Идеи наследие и судьба пермского либерала. Пермь, 2001. С. 30.

<sup>3</sup> Фирсов Н.А. Открытие народных училищ в Пермской губернии // Пермский сборник: Повременное издание. Кн. 1. М., 1859. С. 151.

<sup>4</sup> Семенов В. Мировоззрение Д.Д. Смышляева... С. 30.

<sup>5</sup> Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 7909. Л. 62.



цах. Оренбургские губернские ведомости, например, сообщили о создании в 1859 г. публичной библиотеки при Бирском уездном училище. Эта библиотека, составленная из книг фундаментальной училищной библиотеки (239 названий в 1048 томах) и литературы, подаренной училищу бирскими купцами 3 гильдии братьями Кондюриными (433 названия в 833 томах), пользовалась большим успехом у местной публики. За внутренним распорядком в библиотеке следило училищное начальство и педагогический совет училища<sup>1</sup>. Популярной была и публичная библиотека при Котельническом уездном училище. По свидетельству корреспондента Вятских губернских ведомостей, в 1861 г. библиотеку посещала примерно одна пятидесятая часть жителей Котельнича<sup>2</sup>.

В пореформенной России огромную роль в развитии школьного образования сыграли земские органы самоуправления. Историки признают российскими лидерами в сфере распространения начального народного образования земства Пермской и Вятской губерний. Анализируя формы взаимодействия земства и государства в сфере образования во второй половине XIX – начале XX в., Г.Б. Азаматова и М.К. Елисафенко пришли к выводу, что, хотя финансирование учебных заведений не было включено в перечень обязательных земских расходов, оно постепенно вышло для уральских органов самоуправления на первый план. Рычагами воздействия земских учреждений на школьное дело Урала была сложившаяся в крае система субсидирования народных школ, практика сотрудничества с государственными органами управления народным образованием, участие земских деятелей в работе училищных советов и «школьных комиссий»<sup>3</sup>.

В диссертационной работе И.В. Семенченко, осуществившей компаративный анализ деятельности земств всех уральских губерний, отмечено, что земства имели возможность влиять не только на развитие инфраструктуры образования, но и на внутреннее содержание учебного процесса. Земские специалисты закупали учебники лучших российских педагогов (К.Д. Ушинского, Н.А. Корфа и др.), нанимали в школы квалифицированных учителей, способных претворять в жизнь передовые педагогические технологии, повышали оплату их труда. В результате на Урале была создана система школ, пользовавшихся спросом у местного населения. Земство стало, по мнению автора, связующим звеном между правительством и населением, оно претворило в жизнь идеал школы, отвечавшей потребностям общества. В Уфимской и Оренбургской губерниях земства уделяли большое внимание развитию национального образования, что являлось одним из действенных способов включения большой массы населения в систему хозяйствования и социальную систему<sup>4</sup>.

Буквально с первых лет существования представительные органы самоуправления занимали ведущие позиции и по размерам финансирования, и по темпам открытия народных школ на Урале. Историки видят одну из причин эффективности уральских земств в том, что активное участие в их работе принимала местная интеллигенция. «Третий элемент», как правило, не обладал землей или имуществом, достаточными для преодоления имущественного ценза и выборов в гласные земских органов, но многие его представители попадали туда по доверенности землевладельцев. Закон предоставлял такое право земствам Вятской, Олонецкой, Вологодской и Пермской губерний<sup>5</sup>. Заводские инженеры, учителя, врачи были главной «рабочей силой» в уральских органах земского самоуправления и играли здесь гораздо большую роль, чем в европейских губерниях России. Среди них было немало ярких талантливых деятелей, выдвигавших проекты совершенствования различных сфер жизни местного общества.

Начало движения за открытие начальных школ в Пермской губернии историки связывают с именем первого председателя Пермской губернской земской управы Дмитрия Дмитриевича Смышляева. Судя по воспоминаниям сестры Смышляева Ф.Д. Солодовниковой, Дмитрий Дмитриевич встретил эпоху освободительных реформ «с невыразимо радостным чувством. Он

<sup>1</sup> Об открытии в городе Бирске публичной библиотеки при уездном училище // Вятские губернские ведомости. 1859. № 44. С. 253.

<sup>2</sup> Глебов И.М. Несколько слов в пользу библиотек в уездных городах при училищах // Вятские губернские ведомости. 1859. № 2.

<sup>3</sup> Елисафенко М.К. Земство и начальное образование на Урале. Вторая половина XIX – начало XX века: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996; Азаматова Г.Б. Деятельность уфимского земства в области народного образования: 1874–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2000.

<sup>4</sup> Семенченко И.В. Деятельность земств на Урале (1900–1919 гг.): автореферат дис. ... докт. ист. наук. Оренбург, 2010.

<sup>5</sup> Рушанин В.Я. Внешкольное образование на Урале (вторая половина XIX – начало XX века). Челябинск, 2011. С. 309.

был горячим и убежденным истолкователем ее значения. Глубоко сочувствуя новым веяниям, Смышляев принимал активное участие в устройстве публичных библиотек, литературно-музыкальных чтений, в организации воскресных школ, в деле основания в Перми женской гимназии и т.п.»<sup>1</sup>. Первоначально, однако, как отметила исследователь уральской школы М.К. Елисафенко, активность пермского земства носила лишь эпизодический и локальный характер, она не встречала поддержки ни правительства, ни населения, но постепенно ситуация менялась<sup>2</sup>. В начале XX в. движение за развитие народного образования в России приобрело массовый характер. Исследователь образования И. Зубков отметил, что в это время требования о введении всеобщего обучения раздавались отовсюду, «они не смолкали в педагогической печати, с ними обращались к правительству самые разнообразные съезды, позднее они вошли в программы практически всех политических партий. Во всеобщей грамотности видели тогда необходимое условие для достижения страной лидирующих позиций в мировой экономике, а также панацею от многих застарелых общественных недугов»<sup>3</sup>.

Инициатором подъема школьного движения в Пермской губернии конца XIX в. стал директор народных училищ Алексей Пахомович Раменский. Представитель старейшей учительской династии отстаивал право каждого человека на начальное образование. Программа мер для создания доступной народной школы, предложенная А.П. Раменским XXV губернскому земскому собранию (1894), предполагала создание в крупных селениях Пермской губернии (на 600–1000 жителей) учебных заведений с трехгодичным сроком обучения, в мелких селениях (на 200–500 жителей) – передвижных школ и школ грамоты. Специальная комиссия, собранная для обсуждения доклада Раменского, решила создать специальный школьно-строительный фонд для выдачи ссуд и пособий уездным земствам и сельским обществам. Программа введения всеобщего обучения в Пермской губернии была разработана в 1902 г. по решению очередного XXXIII губернского собрания. Она дала начало общегубернским мероприятиям по созданию общедоступной школы. Полностью решить эту проблему, правда, земство не успело.

В Вятской губернии большую роль в развитии идеи всеобщего образования сыграл Авксентий Петрович Батуев. Детские годы Батуев провел в городе Малмыж Вятской губернии. Здесь он начал свою профессиональную карьеру, вернувшись после окончания курса юридического факультета Казанского университета и работая в звании кандидата на должность присяжного поверенного. Большую популярность в обществе Батуев завоевал, занимаясь бесплатной адвокатской практикой по крестьянским тяжбам. В декабре 1891 г. он был избран председателем Вятской губернской земской управы. Его пятилетняя деятельность на этом посту стала известна всей России. По инициативе А.П. Батуева народное образование заняло первое место среди земских мероприятий Вятской губернии. Расходы на школьное дело в вятском земстве росли ежегодно. В 1896 г. они составляли 15,5%, в 1897 г. – 24,9%, в 1898 г. – 25,9%, в 1899 г. – 28,7%, в 1900 г. – 26,3% земского бюджета. Для оказания помощи уездным земствам был сформирован губернский фонд в 150 тысяч рублей<sup>4</sup>. В 1891–1896 гг. земствами Вятской губернии были открыты 600 новых начальных школ, для народа были созданы три тысячи «пятирублевых» библиотек, стала выходить первая в России бесплатная газета для крестьян.

Общественность восторженно встретила успехи вятского земства в области народного образования. В воспоминаниях издателя И.Д. Сытина сказано о А.П. Батуеве следующее: «Зная и деревню, и город не понаслышке, а по личному опыту, он понял, что главное усилие земства должно быть направлено в сторону народного образования, и легко, быстро добился того, что Вятская губерния заняла в этом отношении одно из первых мест в России. Как человек удивительно обаятельный и милый, Батуев сплотил вокруг себя целый кружок прекрасных работников и задался целью искоренить в своей губернии безграмотность и бескнижность. Сразу в один прием, он создал три тысячи бесплатных деревенских библиотек, и я с удовольствием вспоминаю, что с одним

<sup>1</sup> Семенов В. Мирозозрение Д.Д. Смышляева. Идеиное наследие и судьба пермского либерала. Пермь, 2001. С. 30.

<sup>2</sup> Елисафенко М.К. Земство и начальное образование на Урале (вторая половина XIX – начало XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996. С. 133.

<sup>3</sup> Зубков И. Министерство народного просвещения и подготовка введения всеобщего обучения в России // Российская история. 2013. № 2. С. 62.

<sup>4</sup> Елисафенко М.К. Земство и начальное образование на Урале (вторая половина XIX – начало XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 1996. С. 141.

заказом он по старой памяти обратился ко мне. Списки книг Батуев составлял сам и умел в это дело внести свои познания образованного человека... В несколько лет заброшенная полузабытая северная губерния стала центром внимания...»<sup>1</sup>.

Большие проблемы общественность Урала видела в развитии технического образования. Заметным явлением для Урала в этом плане стали российские съезды деятелей технического и профессионального образования. На первом съезде присутствовали 13 делегатов от городских дум, учебных заведений и общественных организаций Урала<sup>2</sup>, на втором – 30<sup>3</sup>. Проблемы, непосредственно касавшиеся уральских школ, судя по опубликованным Трудам съездов, на заседаниях обсуждались лишь однажды. Во время работы третьего отделения первого Съезда русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в 1889 г. перед собравшимися выступил с докладом «О горно-технических училищах для подготовки мастеров по рудничному и заводскому делу» управляющий Богословскими заводами горный инженер Александр Андреевич Ауэрбах. Главную задачу русского горного образования он видел в развитии низшей структуры профессионального образования. Горный инженер имел собственный опыт создания подобной школы на частных Богословских заводах, чем и поделился с собравшимися. Рассказав педагогам об успешном опыте организации Турьинского горного училища, А.А. Ауэрбах попросил поддержать резолюцию собрания Общества горных инженеров о необходимости расширения сети низших специальных школ.

В 1890 г. доклад А.А. Ауэрбаха был опубликован в газете «Екатеринбургская неделя»<sup>4</sup>, вскоре там появился полемический ответ заведующего Уральским горным училищем Н.Е. Китаева<sup>5</sup>. Он считал, что организация горного образования не может обойтись созданием низших училищ. Профессиональная подготовка горных техников требует создания музеев различных горнозаводских устройств, минералогических и физических учебных кабинетов, лабораторий, механических мастерских, необходимо закупать массу инструментов и приборов, содержать целый штат мастеров и преподавателей, труд которых оплачивался недешево. Всё это было не под силу частным владельцам. Поэтому, писал Н.Е. Китаев, следует не заводить низшие школы при заводах и рудниках, как советовал А.А. Ауэрбах, а объединиться и дать силу и рост среднетехническому Уральскому горному училищу. Мелкие заводские школы, в которых будут преподаваться заводские науки, были, по мнению Китаева, не полезны, а вредны для дела. При этом он не отрицал необходимости начальной подготовки горных специалистов в заводских школах. Выступая на VI съезде уральских горнопромышленников (1898), Китаев предложил создать на Урале преемственную систему обучения: выпускники горнотехнических школ первого разряда могли поступать в Уральское горное училище, а оттуда – в проектируемый Екатеринбургским горный институт или политехникум. Эта задача, впрочем, на Урале так и не была решена.

Успешной оказалась лишь часть проекта – создание в крае высшего технического учебного заведения. Его продвижение во властных структурах взяли на себя органы местного самоуправления. Пермское губернское земство поставило этот вопрос на обсуждение в 1909 г. Для составления докладной записки, объяснявшей мотивы открытия на Урале высшего политехникума была избрана специальная комиссия, которую возглавил горный инженер Н.С. Михеев, представлявший в Перми Екатеринбургское уездное земство. Записка была составлена и одобрена совещанием, которое, однако, не заявило прямо, в каком из уральских городов возникнет первое на Урале высшее учебное заведение. На эту честь претендовали два крупных центра – Пермь и Екатеринбург.

Окончательно вопрос о размещении уральского политехникума был решен на заседании междуправительственного совещания, которое состоялось 31 мая 1911 г. в Петербурге под руководством министра народного просвещения Л.А. Кассо. Екатеринбург представили на совещании город-

<sup>1</sup> Цит. по: Чуприн В.В. А.П. Батуев – выдающийся уральский земский деятель // Выдающиеся представители научной, общественной и духовной жизни Урала. Мат-лы III региональной науч. конф. Челябинск, 2002. С. 48.

<sup>2</sup> Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в России в 1889–1890 году. Общая часть. СПб., 1891. С. 3–10.

<sup>3</sup> Съезд русских деятелей по техническому и профессиональному образованию в Москве в 1895–1896 году. Алфавитный список членов съезда со статистическими сведениями о его составе. СПб., 1898. С. 3–10.

<sup>4</sup> Ауэрбах А.А. Горные училища низшего разряда. Доклад в третьем отделении съезда деятелей по техническому образованию // Екатеринбургская неделя. 1890. № 19.

<sup>5</sup> Китаев Н.Е. Несколько слов об Уральском горном училище // Екатеринбургская неделя. 1890. № 23.

ской голова А.Е. Обухов и горный инженер Н.С. Михеев, Пермь – известный земский деятель Г.Е. Львов. Пермский делегат убеждал собравшихся чиновников в необходимости учредить политехникум в Перми, отдавая при этом приоритет сельскохозяйственному образованию. Екатеринбургцы защищали тезис о размещении вуза в их городе, считая первоочередным создание в нем горного и лесного отделений. После прений совещание признало, что «Урал нуждается не столько в улучшении сельского хозяйства, сколько в правильной и планомерной эксплуатации его горных богатств»<sup>1</sup>. С этой целью решено было учредить политехникум в Екатеринбурге. Закон «Об учреждении горного института в городе Екатеринбурге» был принят в 1914 г.

Характеризуя социокультурный облик уральских преподавателей, исследователи выделяют в нем две контрастные группы: учителей средней школы (гимназий и прогимназий, реальных и технических училищ) и учителей начального звена<sup>2</sup>. Эти группы отличались и по уровню образования, и по материально-правовому положению, и по социальному статусу. Социальный статус учителей средней школы в конце XIX в. был достаточно высок, их деятельность расценивалась общественностью как полезная, нужная и престижная. Значительная часть учителей этой группы имела высшее университетское образование. В гимназиях их доля доходила до 70-80%. Педагоги гимназий состояли на государственной службе, они имели чины в соответствии с Табелью о рангах и через каждые три года могли рассчитывать на получение следующего чина, что влияло на размер жалованья. К 1911 г. в среднем гимназические преподаватели получали 900 рублей в год, что было в два раза выше годового оклада квалифицированного рабочего. Самые опытные и заслуженные преподаватели получали оклады, доходившие до 1500 рублей. Имущественное положение позволяло учителям средней школы полноценно использовать летний отпуск для отдыха как внутри России, так и за границей. Можно согласиться с исследователем Т.А. Андреевой в том, что педагог средней школы был человеком, уверенным в себе и в своем будущем, хорошо обеспеченным материально, имеющим возможность творчески работать на профессиональном поприще. По своим идейно-политическим пристрастиям учителя средних школ, как правило, тяготели к либерально-консервативным ценностям. Женщин в системе среднего образования было очень мало.

Иначе выглядит социокультурный портрет учителя начальной школы. Перепись 1911 г. свидетельствует о постепенной демократизации и феминизации учительской среды Урала низшего звена, что было типичным для всей страны. В 1911 г. учителей-мужчин на Урале было только 39%. Историк С.Я. Бугаева видит причину этого явления в низком уровне материального благополучия учителей, что делало эту профессию малопrestiжной для мужчин. Относительно низким был и уровень образования в этой среде. По данным переписи 1911 г., лишь 1,1% учителей-мужчин и 29,6% женщин в начальной школе имели гимназическое образование, 27% мужчин и 2,4% женщин – специальное педагогическое, более половины учителей работали с еще более низким образовательным цензом<sup>3</sup>. Заработная плата учителей начальной школы различалась в зависимости от места службы, образования, стажа работы, пола и даже национальности учителя. По данным переписи 1911 г., по Оренбургскому учебному округу учителя-мужчины в начальной городской школе получали 436 рублей, в сельской – 378 рубль в год. В земских школах зарплата была еще меньше<sup>4</sup>.

Т.А. Андреева утверждает, что учителя начальной школы придерживались оппозиционных настроений, что толкало их к участию в деятельности леворадикальных политических объединений. Несколько иначе характеризует социальный облик учителей, работавших в начальной школе Пермской, Оренбургской и Уфимской губерний, уральский исследователь К.В. Кузьмин<sup>5</sup>. Он доказывает, что во второй половине XIX – начале XX в. материальное благосостояние народного учительства постепенно росло, чему способствовали возможности дополнительных заработков, при этом достаточно велика была подвижность учителей в поисках лучшей оплаты труда.

<sup>1</sup> К вопросу об уральском политехникуме // Уральская жизнь. 1911. № 36.

<sup>2</sup> Андреева Т.А. Социокультурный портрет уральской интеллигенции в начале XX в. // Урал в контексте российской модернизации. Челябинск, 2005. С. 50; Уколова О.С. Социопрофессиональный облик городского учительства Пермской губернии в конце XIX – начале XX веков: Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2013. С. 17–18.

<sup>3</sup> Бугаева С.Я. Образовательный уровень уральской интеллигенции в конце XIX – начале XX вв. // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX в. Свердловск, 1990. С. 92.

<sup>4</sup> Андреева Т.А. Социокультурный портрет уральской интеллигенции... С. 54.

<sup>5</sup> Кузьмин К.В. Народное учительство Урала в 1861–1905 гг.: проблемы формирования. Екатеринбург, 1995.



Эти выводы подтверждаются материалами диссертационных исследований О.М. Казаковой, посвященной провинциальному учительству Вятской губернии, и А.В. Суворовой, исследовавшей развитие системы начального образования в Оренбургской и Уфимской губерниях<sup>1</sup>. По мнению А.В. Суворовой, народное учительство «с большой ответственностью относилось к педагогической деятельности и поэтому выбирало более спокойные формы общественной деятельности. В отличие от преподавателей средних учебных заведений, которые отличались политической активностью, учителя начальных школ своей главной задачей считали преподавательский труд»<sup>2</sup>.

### Медицина

Первые основания практики медицинской помощи на Урале, как и в других регионах страны, были заложены в системе монастырского и церковного призрения: в средневековый период монастырские врачеватели оказывали помощь больным, «сырым» и увечным. Один из примеров подобной практики упомянут в работе шадринского краеведа А. Пашкова, посвященной истории Далматовского монастыря. Автор указывает, что в начале XVIII в. при монастыре существовала больничная келья, где содержались больные и престарелые монахи. В 1737 г. в ней находились шестеро больных крестьян из села Николаевского<sup>3</sup>. Количество больных, получавших помощь от врачей, однако, в то время было мизерным. Простой люд предпочитал более доступное домашнее лечение с помощью знахарей и народных целителей.

Официальная медицина появилась на Урале в начале XVIII в. Первый врач, сведения о котором сохранились в источниках, прибыл сюда в 1723 г., вместе с солдатами Тобольского пехотного полка, участвовавшими в строительстве Екатеринбургского завода. Созданный в Екатеринбурге заводской госпиталь возглавил полковой лекарь саксонец Иоганн Иосиф Спринцель. Ему было поручено обучать молодых русских людей лекарскому искусству<sup>4</sup>. Екатеринбургский госпиталь располагался первоначально в бревенчатой постройке «в три светлицы» на правом берегу реки Исети близ Московских ворот. Согласно заводским штатам Геннина 1733 г., в нем работали 2 лекаря и 3 ученика<sup>5</sup>. Руководитель Канцелярии Главного заводов правления В.Н. Татищев, прибывший на Урал в 1734 г., расширил медицинское обслуживание заводов. Заводские штаты 1737 г. предусматривали содержание в Екатеринбурге 13 медицинских чинов: одного доктора, одного штаб-лекаря, двух лекарей, аптекаря, а также восьмерых подмастерьев и учеников при докторе, лекарях и аптекаре. Татищевские штаты предполагали финансирование не только Екатеринбургского госпиталя, но и самостоятельного медицинского учреждения при Пермских заводах. Здесь вводились 3 должности медицинских чинов: один лекарь и два ученика. В целом, ежегодные штатные расходы на содержание заводских госпиталей, введенные Татищевым, превысили прежнее финансирование медицинского обслуживания более чем в 4 раза<sup>6</sup>. Небольшая численность лечебных заведений и служивших в них врачей сохранялась на казенных заводах Урала почти до конца XVIII в.

Медленно росло медицинское обслуживание и в частном секторе горнозаводской промышленности Урала. К началу XIX в. здесь действовали не более десяти заводских госпиталей, большинство – в крупных хозяйствах (Демидовых, Строгановых, Всеволожских, Голицыных, Лазаревых). Ситуация изменилась после принятия Горного положения 1806 г., обязавшего заводоладельцев содержать госпитали на предприятиях с числом работающих более 200 человек. Эти законодательные требования были повторены в Горных уставах 1828, 1847 и 1857 гг., что привело к расширению системы горнозаводской медицины. К моменту реформ 1860-х гг. она составляла самую развитую часть медицинского обслуживания населения Урала. По подсчетам Э.А. Черноухова, в середине XIX в. на казенных заводах Урала действовали 19 госпиталей, на частных – около 70<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Казакова О.М. Провинциальное учительство в XIX – начале XX в. (на материалах Вятской губернии): Дисс. ... канд. ист. наук. Киров, 2009; Суворова А.В. Развитие системы начального образования в Оренбургской и Уфимской губерниях (начало XX в. – 1914 г.): Дисс. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2012.

<sup>2</sup> Суворова А.В. Развитие системы начального образования... С. 25.

<sup>3</sup> Пашков А. Свято-Троицкий Далматовский мужской монастырь. Шадринск, 2000. С. 78.

<sup>4</sup> Корепанов Н.С. В раннем Екатеринбурге (1723–1781 гг.). Екатеринбург, 2001. С. 124.

<sup>5</sup> Старков В.И. Исторический опыт развития системы здравоохранения на горнозаводском Урале в XVIII – первой половине XIX вв. Екатеринбург, 1999. С. 27.

<sup>6</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 3114. Л. 9–12.

<sup>7</sup> Черноухов Э.А. Социальная инфраструктура частных горных заводов Урала накануне отмены крепостного права // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 1. С. 306–310.

В городах Урала были заведены учреждения военной и гражданской медицинской службы. Основной контингент военных обслуживался в медицинских заведениях Оренбургского края. Первый крупный госпиталь в Оренбурге был построен военным ведомством в 1744 г. Его медицинский персонал в 1750 г. составляли доктор, аптекарь, лекарь, подлекарь и лекарские ученики<sup>1</sup>. Гражданские медицинские заведения появились на Урале в ходе губернской реформы Екатерины II. По положению об управлении губерниями 1775 г., местное врачебное дело было передано в ведение губернских приказов общественного призрения, которые должны были содержать в каждом городе доктора и лекаря. Городовые и уездные доктора начали службу в городах Вятской, Пермской и Оренбургской губерний после создания там приказов общественного призрения в 1781 г. С 1796 г. врачи стали работать под надзором губернских врачебных управ.

Создание системы медицинской службы слабо отразилось на уровне здравоохранения в крае, так как военные госпитали и больницы приказов общественного призрения для простого народа были практически недоступны из-за платности врачебных услуг. На Урале, как и в других регионах страны, остро стояла проблема расширения доступности врачебной помощи. Проблема эта начала решаться только в ходе реформ 1860–1870-х гг. Созданные на Урале земства направили средства на строительство новых стационаров, амбулаторий, поликлиник, диспансеров, аптек и прочей медицинской инфраструктуры. Вторую половину XIX в. уральские историки справедливо называют временем становления в крае здравоохранения. Исследователь С.В. Голикова оценивает этот процесс как примету Нового времени, благодаря которому «официальной медицине удалось оттеснить на периферию своего народного аналога»<sup>2</sup>. К концу XIX в. корпус медицинских работников на Урале составил уже около 5,7 тысяч человек; сюда включались все категории медиков: врачи, фельдшеры, акушерки, дантисты, оспопрививатели, аптекари, больничные сиделки. Этого количества медиков, однако, было недостаточно для того, чтобы обеспечить необходимой помощью более чем 10-миллионное население Урала. Для сравнения: в 1913 г. в России один врач приходился на 6,9 тысяч человек, на Урале – один врач на 20–25 тысяч человек<sup>3</sup>. Квалифицированные специалисты редко отправлялись в отдаленный Уральский регион. Вплоть до начала XX в. здесь существовала проблема «фельдшеризма». При острой нехватке врачей представители среднего звена медицинских работников фактически выполняли их функции, руководя лечебными пунктами и занимаясь самостоятельной практикой.

Первоначально высшие докторские и лекарские должности в лечебных заведениях занимали высокооплачиваемые иностранцы. В частности, в Екатеринбургском госпитале XVIII в. работали Иоганн Иосиф Спринцель, Иоганн Христофор Шнезе, Иван Дейкен, в Егошихинском госпитале – Иоганн Граненберг. Иностранцами были и аптекари. Заводской аптекой, учрежденной при Екатеринбургском госпитале в начале 1730-х гг., руководил некоторое время уроженец Голштинии Генрих Тамм, затем его сменил Джекоб Грив – английский подданный, доктор медицины Британской академии. Иностранцами или выходцами из западных губерний России были и первые врачи на гражданской службе. В частности, в Перми с открытия наместничества губернским врачом работал доктор К. Крон, в 1783 г. его сменил доктор М.Л. Гамалея. В 1798 г. на службу в Пермскую губернскую больницу был приглашен доктор Ф.Х. Граль. Жители Перми сохранили память об этом человеке, как о «святом докторе». Сын лютеранского пастора, Федор Христофорович Граль изучал медицину в Киевской аптеке, затем – в Петербургском медико-хирургическом училище. Свои знания и навыки он совершенствовал в клиниках Германии, где в 1790 г. защитил диссертацию и получил звание доктора медицины. На Урал Граль попал в 1791 г. Некоторое время работал уездным врачом в Ирбитском уезде, затем был приглашен в Пермь. В губернской больнице в течение двух лет Ф.Х. Граль не только служил без жалованья, но и содержал за свой счет неимущих больных. В 1801–1818 гг. доктор занимал пост инспектора Пермской врачебной управы. Ф.Х. Граль сделал значительный вклад в развитие здравоохранения в

<sup>1</sup> Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А. Город и русская культурная традиция на Урале в XVIII – начале XX в. Очерки. Екатеринбург, 2002. С. 34.

<sup>2</sup> Миненко Н.А. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века / Н.А. Миненко, Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова. М., 2006. С. 116.

<sup>3</sup> История Урала. XIX век – 1914 год. Челябинск, 2008. С. 400.

губернии: он обучал лекарских учеников оспопрививанию, совершенствовал методы хранения вакцины, принимал активное участие в борьбе с холерой<sup>1</sup>.

В дореформенный период проблему привлечения врачей на Урал власти пытались решать за счет определения сюда на службу «казеннокоштных» выпускников высших медицинских заведений. В 1818 г. стипендиаты с казенных заводов Урала стали отправляться в городские уездные училища, затем в ближайшую духовную семинарию для изучения латинского языка и, наконец, в Медико-хирургическую академию. Оказалось, однако, что далеко не все юноши с семинарской подготовкой могли поступить в Медико-хирургическую академию и успешно ее закончить. В 1846 г. было принято решение готовить специалистов на медицинском факультете ближайшего к Уралу Казанского университета. Стипендии предлагались студентам младших курсов университета или окончившим полный курс гимназии или семинарии. Первые стипендиаты уральских казенных заводов появились на медицинском факультете Казанского университета в 1849–1850 гг.<sup>2</sup> Двое из них впоследствии стали известными врачами: А.А. Миславский и П.В. Рудановский.

Александр Андреевич Миславский родился в семье служащего Воткинского завода. После окончания Казанского университета он некоторое время служил врачом в казенном ведомстве, затем в течение полувека (1859–1909 гг.) возглавлял частный Верх-Исетский госпиталь Яковлевых. Во время своей врачебной деятельности Миславский выполнил более 10 тысяч операций, в том числе первую на Урале операцию на глазах (1853 г.) и по удалению зуба (1852 г.). Миславский был одним из активных общественных деятелей Екатеринбурга. Он был избран почетным членом Уральского общества любителей естествознания, состоял членом-корреспондентом Венского императорско-королевского геологического института. Екатеринбургское уездное земство учредило стипендию имени Миславского в Нуровском детском приюте и Казанском университете<sup>3</sup>.

Частную службу после отработки положенных казной лет предпочел и «горный стипендиат» Петр Васильевич Рудановский. После окончания Казанского университета в 1854 г. он был направлен на работу в Гороблагодатский округ, а затем на Каменский завод. В 1858–1859 гг. горное ведомство командировало врача в Германию и Францию для изучения опыта организации медицинского обслуживания в промышленных регионах и ознакомления с новейшими достижениями в лечении глазных болезней. Позже, уже за собственный счет, в 1864 и 1868 гг. Рудановский еще дважды выезжал за границу для изучения новейших достижений европейской медицины. В 1859 г. доктор получил приглашение занять должность главного медика Нижнетагильского округа Демидовых. Здесь он прожил до конца своей жизни. На Урале Рудановский много и плодотворно занимался наукой. Труды по нервной патологии, физиологии, гистологии, анатомии нервной системы и хирургии глаза принесли ему мировую известность. П.В. Рудановский являлся членом пяти научных обществ: Виленского медицинского, Кавказского медицинского, Московского физико-медицинского, Уральского общества любителей естествознания, членом-корреспондентом Парижской академии наук и почетным членом ученого совета Казанского университета<sup>4</sup>.

Земства сохранили практику подготовки стипендиатов, в рамках которой на медицинские факультеты российских университетов посылались юноши из местного населения. Уральские врачи, тяготеющие к общественной деятельности, с началом демократических реформ получили возможность реализовывать свои гражданские интересы. Врачебная общественность уральских городов устраивала съезды, объединялась в медицинские и санитарно-гигиенические общества, участвовала в различных культурных и просветительских организациях. В конце XIX в. врачи создали корпоративные объединения: Уральское медицинское общество, Оренбургское физико-медицинское общество, Общество врачей Уфимской губернии, Общество врачей Пермской губернии, Общество врачей города Вятки и пр. В опубликованных протоколах обществ отразились проблемы, интересовавшие медицинскую общественность региона. Уральское медицинское общество, созданное в 1890 г. в Екатеринбурге по инициативе земских врачей, включало в свои записки не только делопроизводственные материалы, но и научные статьи.

<sup>1</sup> Верхоланцев В.С. Город Пермь. Его прошлое и настоящее: краткий историко-статистический очерк. Пермь, 1913.

<sup>2</sup> Черноухов Э.А. Врачи казенных горных заводов Урала в первой половине XIX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 2 (22). С. 11–17.

<sup>3</sup> Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 360.

<sup>4</sup> Клат С.А., Шкерин В.А. Петр Васильевич Рудановский // Нижний Тагил. Общественные деятели XIX – начала XX веков. Нижний Тагил, 1998. С. 30–43.

Важным направлением работы земских медиков была организация санитарной службы. Исследователи признают, что в этом направлении земства уральских губерний лидировали в России. В числе активных пропагандистов санитарно-гигиенических знаний Т.А. Андреева выделяет: в Перми – супругов Серебренниковых, В.Н. Шишонко, Р. Рума, В. Чарушина, А. Тихонравова, в Екатеринбурге – Н.А. Русских, А.А. Миславского, в Оренбурге – И.К. Кондорского, М.С. Тарасенко, в Челябинске – А.Ф. Бейвеля<sup>1</sup>. Исследователь истории уральской медицины Т.Ю. Шестова указывает, что санитарные врачи Пермского и Вятского земства И.И. Молессон и В.О. Португалов заложили основы земской санитарной организации для всей России. Они разработали методику санитарных исследований и предложили организацию санитарии по территориальному принципу. Врачи уделяли огромное внимание статистике, считая, что только при полном сборе информации возможна правильная организация санитарной работы. По мнению исследователя, санитарная статистика Пермской губернии считалась одной из лучших в России, губернские управы других регионов часто обращались сюда за методикой исследований<sup>2</sup>.

Новшеством общественно-медицинской жизни Урала начала XX в. стала охрана материнства и младенчества. Земских врачей заботила высокая детская смертность, особенно в Пермской губернии. Пермский врач П.Н. Серебренников неоднократно поднимал вопрос о необходимости совершенствования призрения детей. В Екатеринбурге в 1905 г. по инициативе врача Николая Александровича Русских было открыто Уральское отделение Союза борьбы с детской смертностью, участники которого стали активно пропагандировать гигиену вскармливания грудных детей. Они организовывали акции по стерилизации молока и раздаче его кормящим матерям (в России такие акции носили название «капля молока»), открывали детские ясли, давали бесплатные консультации по детским болезням.

Как и другие группы интеллигенции, медицинская общественность в идейно-политическом плане была неоднородной. Согласно данным, приведенным в исследовании Т.А. Андреевой, врачи в большинстве своем отдавали предпочтение либерально-консервативным партиям. Например, активным членом Пермского отдела Конституционно-демократической партии был П.Н. Серебренников. Средний медицинский персонал тяготел к радикальным группировкам и партиям.

### **Общественная и культурная жизнь**

В философской и исторической литературе часто связывают понятие интеллигенции с тираноборческой линией, которая со второй половины XIX в. эволюционировала к атеизму и нигилизму. Такая оценка по отношению к провинциальной интеллигенции не вполне справедлива. Историк М.В. Змеев, изучивший жизненный мир русской интеллигенции на материалах Пермской губернии, пришел к выводу, что типичный интеллигент-провинциал был далек от новаций столичного центра. В частности, практически незамеченными в глубинке остались новомодные интеллектуальные течения начала XX в. – «философский идеализм», «новое религиозное сознание», богоискательство, мистицизм, новые направления в литературе и искусстве. Не интересовали провинциальных представителей «интеллигентных» профессий и горячие споры, кипевшие вокруг сборника «Вехи». Из двухсот различных публикаций о «Вехах», появившихся в течение года после выхода сборника в свет 23 марта 1909 г., в уральской периодической печати была опубликована только одна заметка – рецензия в газете «Уральская жизнь» за 30 апреля 1909 г. «Рядовой интеллигент – врач, учитель, инженер, статистик, – поглощенный своими повседневными профессиональными обязанностями, не чувствовал надобности ни в чем-либо каяться, ни тем более пересматривать свое мировоззрение. По своему объективному социальному положению, стилю мышления и переживанию своего общественного призвания интеллигенция мало изменилась в сравнении с 90-ми годами прошлого века»<sup>3</sup>. Настроениям значительной части уральской интеллигенции начала XX в. по-прежнему были близки старые народнические ценности, идеалы «культу́ртрегерства», «малых дел», чувство нравственного долга к просвещению и переустрой-

<sup>1</sup> Андреева Т.А. Социокультурный портрет уральской интеллигенции в начале XX в. // Урал в контексте российской модернизации. Челябинск, 2005. С. 59.

<sup>2</sup> Шестова Т.Ю. Здоровоохранение Урала в XVIII – начале XX в. (на материалах Вятской, Пермской и Оренбургской губерний). Пермь, 2006. С. 150.

<sup>3</sup> Змеев М.В. Жизненный мир русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. На материалах Пермской губернии. Пермь, 2006. С. 52.



ству своего отечества. Политическая жизнь в провинции оживала только в период думских выборов, когда часть интеллигенции стремилась идентифицировать себя с определенной политической партией. Мы уже указывали, что в идейно-политическом плане ценности различных слоев интеллигенции были неоднородны.

Несмотря на это, в повседневной жизни всех этих людей объединял схожий образ жизни – стремление к саморазвитию, чтение книг, ведение интеллектуальных разговоров на темы культуры и политики, участие в культурно-просветительных вечерах и собраниях. К началу XX в., при активном участии интеллигенции, на Урале была создана обширная сеть культурно-просветительных учреждений. В 1890-е гг. земства всех уральских губерний усилили финансирование как традиционных (народные библиотеки, народные чтения, воскресные школы), так и новых внешкольных заведений (народные дома, народные театры, народные университеты, музеи)<sup>1</sup>. Объединяющими и организующими центрами внешкольного образования в Пермской губернии стали народные дома. В уральских городах и заводских поселках они стали создаваться с 1905 г., в деревне – в 1913–1916 гг. Инициатива создания этих культурно-просветительных учреждений принадлежала различным общественным организациям. В 1912 г. Пермское земство предложило создать в губернии целую сеть народных домов. Был разработан примерный устав народного дома, согласно которому в нем должны были находиться бесплатные библиотеки-читальни, аудитории для народных чтений, лекций, бесед с «волшебным фонарем» или кинематографом, залы театральных представлений, танцевальных и музыкальных вечеров. Помимо этого, помещения народных домов могли свободно пользоваться все местные общественные организации: кредитные товарищества, сельскохозяйственные и потребительские общества, пожарные дружины и т.д. Пермское губернское земство предполагало выделять третью часть ассигнований на строительство народных домов. Вторая часть должна была поступать из средств казны (за счет фондов попечительств народной трезвости, созданных министерством финансов). Наконец, местное общество, выступившее с инициативой постройки народного дома, должно было взять на себя оставшиеся расходы.

Земский проект вызвал самый широкий отклик. За два года в управу поступило 41 ходатайство о субсидиях на постройку народных домов. Среди инициаторов их создания были кредитные товарищества, общества потребителей, сельские общества, школьно-волостные попечительства о народной трезвости и даже специально созданные общества «Народный дом»<sup>2</sup>. В 1913–1916 гг. Пермское губернское земство, несмотря на чрезвычайные расходы, вызванные начавшейся войной, выделило ассигнования на строительство 30 народных домов. В 1916 г. 9 из них уже действовали: в селе Романовском Верхотурского уезда, в селах Шаблишском и Катайском Камышловского уезда, в селе Сивинском Оханского уезда, в селах Балинском и Осиновском Шадринского уезда и в селе Багаряк Екатеринбургского уезда<sup>3</sup>.

Важным культурным событием края стало открытие Уральского общества любителей естествознания (1870) и его Пермской комиссии (1890). Научно-краеведческие организации объединили научные силы края, развернули работу по изучению местной истории, географии, природы. По подсчетам историка Е.П. Пироговой, более половины их участников составляли представители интеллигенции<sup>4</sup>. Основателями краеведческого движения в Екатеринбурге были местные педагоги Н.К. Чупин и О.Е. Клер. Пермскую комиссию УОЛЕ возглавил инженер-технолог Н.Н. Новокрещенных. Музеи УОЛЕ стали центрами лекционной работы, которая пользовались огромной популярностью у местного населения. В Екатеринбургском и Пермском музеях читались общедоступные лекции по истории, ботанике, химии, физике<sup>5</sup>. Действовали на ниве просвещения и другие научные общества Урала<sup>6</sup>. Темы бесед и лекций были весьма разнообразны. В январе 1910 г., например, на общеобразовательных курсах при Екатерино-Петровском городском училище

<sup>1</sup> Рупанин В.Я. Внешкольное образование на Урале (вторая половина XIX – начало XX века). Челябинск, 2011. С. 33.

<sup>2</sup> Белдыцкий Н.П. Об организации Народных домов в Пермской губернии. Пермь, 1914. С. 10.

<sup>3</sup> Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 47-й очередной сессии. 15–26 января 1917 года. Отдел 1. Народное образование. Пермь, 1917. С. 78.

<sup>4</sup> Пирогова Е.П. Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период. Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989. С. 228.

<sup>5</sup> Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Екатеринбург, 1996.

<sup>6</sup> Пирогова Е.П. Просветительская деятельность научных обществ Перми в 90-х гг. XIX – начале XX вв. // Народное образование на Урале в XVIII – начале XX вв.: сб. науч. тр. Свердловск, 1990. С. 123–132.

г. Перми с большим успехом прошла популярная лекция горного инженера А.Н. Кузнецова о воздухоплавании. Лекция сопровождалась показом диапозитивов и кинематографических кадров. Рекреационный зал училища, как указывал корреспондент «Пермских губернских ведомостей», с большим трудом вместил 200 человек, «старых и малых»<sup>1</sup>. Технические беседы устраивало Общество уральских горных техников<sup>2</sup>.

В деревнях проводились народные чтения, лекции и беседы с «волшебным фонарем». В 1911 г. такие чтения были проведены в 428 пунктах Пермской губернии 2863 раза<sup>3</sup>. Народные чтения религиозно-нравственного содержания устраивались и церковью. В частности, в январе 1906 г. духовно-нравственное чтение состоялось в Екатеринбургском ночлежном доме<sup>4</sup>. В конце года подобные чтения устроило духовенство в Николаевской церковно-приходской школе города Шадринска. Чтения собрали довольно много публики и, по словам корреспондента, были удостоены благодарности и пожеланий их продолжения<sup>5</sup>. Религиозно-нравственные цели ставили перед собой некоторые общественные организации, созданные духовенством совместно с интеллигенцией. В правление Екатеринбургского общества трезвости, например, были включены священники Николай Дягилев и Георгий Шрамков.

Как правило, священнослужители активно работали в комитетах попечительства о народной трезвости, учрежденных министерством финансов. Комитеты содержали бесплатные библиотеки-читальни и чайные. В 1906 г. в Екатеринбургском уезде работали 20 чайных и библиотек уездного комитета попечительства о народной трезвости<sup>6</sup>. Членом-корреспондентом Екатеринбургского уездного комитета состоял дьякон Маминского прихода Алексей Иванович Первушин. Отец Первушин учредил в селе Маминском народную библиотеку-читальню, единственную на округу в 25 верст, он же заведовал церковно-приходской библиотекой при Маминской церкви. По свидетельству крестьян, Первушин хлопотал об открытии в волости четырех земских школ. По его почину в селе был открыт акушерский пункт, начато дело о строительстве больницы. Кредитное товарищество, созданное в селе Маминском по инициативе Первушина, помогло крестьянам, говоря их словами, «смотреть каждому на себя как на человека». Первушин учредил также благотворительное общество для помощи бедным крестьянам. Судьба самого отца дьякона оказалась, однако, печальной: обвиненный, очевидно, по чьему-то доносу, в неблагонадежности, он был лишен места и в 1906 г. сослан в Далматовский монастырь<sup>7</sup>.

Огромную роль в распространении сельскохозяйственных знаний среди уральского крестьянства сыграла земская агрономия. Исследователи признают, что уральские земства были в этом отношении лидерами в стране. Именно в Пермской губернии, по утверждению центрального журнала «Земский агроном», родилась идея и были выработаны основные принципы организованной земской помощи сельскому населению. При Пермском губернском земстве начал действовать институт агрономических смотрителей. Земские агрономы были хорошо знакомы с условиями ведения сельского хозяйства в деревне. Они постоянно посещали крестьянские хозяйства, вели беседы с крестьянами, демонстрировали им улучшенные земледельческие машины и сельскохозяйственные орудия. Агрономическая помощь включала также работу на опытных полях и земских фермах, которые были открыты для любого заинтересованного земледельца. Помимо этого, крестьяне могли получить консультации у агронома на квартире. В отчете агронома Ирбитского уезда М. Ожарко, например, указано, что за три месяца 1900 г. к нему на квартиру за помощью явились 108 человек<sup>8</sup>.

Агрономы старались поднять общий культурный уровень местного крестьянского населения, привлекали его к сознательному участию в различных агрономических мероприятиях, пытались, как тогда говорилось, «развить самодеятельность крестьянства». Благодаря своему просветительскому значению, русская земская агрономия, построенная на принципах, выработанных

<sup>1</sup> Пермские губернские ведомости. 1910. 13 января.

<sup>2</sup> Уральский край. 1906. 2 февраля.

<sup>3</sup> Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 42-й очередной сессии. Отдел 1. Народное образование. Пермь, 1912. С. 91.

<sup>4</sup> Уральский край. 1906. 2 февраля.

<sup>5</sup> Там же. 2 декабря.

<sup>6</sup> Там же. 1 февраля.

<sup>7</sup> Там же. 1 октября.

<sup>8</sup> Ожарко М. По Ирбитскому уезду // Сборник Пермского земства. 1901. № 2. С. 41.

пермским земством, часто сравнивалась с итальянской организацией странствующих кафедр земледелия<sup>1</sup>.

Созидателем земской общественно-агрономической работы был В.А. Владимирский, первый губернский агроном, занявший эту должность в 1888 г. Владимирскому принадлежала идея создания сельского народного университета в Пермской губернии. В 1894 г. он представил земству проект создания четвертых сельскохозяйственных отделений при начальных народных училищах, в которых воспитанники могли бы получить основные сведения по естествознанию и ведению сельского хозяйства. Из преподавания предлагалось изгнать обычную школьную схоластику, основанную на заучивании плохо понятых фактов. Аудитория должна была научиться самостоятельно наблюдать природу и мыслить о ней, для этого, по мысли агронома Владимирского, следовало проводить беседы, экскурсии, опыты. Популярными систематическими курсами могли посещать все крестьяне, без различия возраста и предварительной подготовки<sup>2</sup>. К сожалению, местное общество тогда не было еще готово к осуществлению этого проекта: не доставало опытных преподавателей, да и массового желания регулярного обучения в школе. Четвертые отделения превратились в обычные дополнительные классы для юношества.

Одним из образцов функционального образования для взрослых на Урале являлись курсы певческой грамоты. Примером такой формы обучения могут служить курсы, работавшие в 1906 г. в Екатерининской церковно-приходской школе города Екатеринбурга. Поступить сюда могли все желающие, но преимущества отдавались учителям народных училищ и лицам духовного звания. Штат обучающихся на курсах составлял 50 человек. Все они обеспечивались (из фонда Пермского губернского попечительства о народной трезвости) стипендией в 10 рублей в месяц и пособием на оплату проезда. Екатеринбургские певческие курсы имели большой успех. Фактический состав их слушателей более, чем вдвое превысил штатную норму. В течение месяца курсы посетили 116 человек. Они не только освоили программу курсов, но и осмотрели многие достопримечательности Екатеринбурга: музей Уральского общества любителей естествознания, императорскую гранильную фабрику, золотосплавочную и физическую лабораторию. Совет старшин общественного собрания разрешил слушателям курсов бесплатно посещать клубный сад, руководствуясь тем, что «сельским обывателям редко представляется возможность послушать музыку»<sup>3</sup>. После завершения работы курсов слушатели выразили глубокую благодарность своему руководителю А.Д. Городцову. Преемником этого замечательного преподавателя стал его ученик и помощник Ф.С. Узких. После отъезда А.Д. Городцова в Пермь он продолжил работу курсов.

В целом, можно признать, что внешкольное образование на Урале рубежа XIX–XX вв. развивалось в общем русле культурно-просветительного движения в России. Определяющей чертой его был самодеятельный, общественный характер. Важнейшей функцией внешкольного образования было расширение условий социализации огромных групп уральского населения, традиционно лишенных образования, придание им возможностей профессиональной и социальной мобильности.

Во второй половине XIX в. распространенным стало участие представителей интеллигенции не только в организациях научного, профессионального или просветительского характера, но и в свободных ассоциациях, основанных на частном интересе и личных увлечениях его членов. В городах и заводских поселках устраивались литературные вечера, создавались любительские театры, музыкальные кружки, общества любителей изящных искусств и другие творческие объединения. В Вятке, например, имелись музыкальный кружок, кружок любителей драматического искусства и художественный кружок, в Екатеринбурге – музыкальный кружок и общество любителей изящного искусства, в Перми – певческое и филармоническое общества, музыкальный кружок, кружок любителей драматического искусства, общество любителей живописи, ваяния и зодчества, фотографический кружок. Любительские творческие объединения работали не только в крупных городах, но и в уездных и заводских центрах. В Пермской губернии, например, действовали музыкально-драматические кружки в Верхотурье, Ирбите, Камышлове, Чердыни,

<sup>1</sup> Земский агроном. 1914. № 2.

<sup>2</sup> Владимирский В. К вопросу о четвертых сельскохозяйственных отделениях при народных училищах // Сборник Пермского земства. 1900. № 1. С. 21.

<sup>3</sup> Уральский край. 1906. 7 июня.

певческое общество в Оханске, музыкально-драматическое общество и кружок любителей сценического искусства в Красноуфимске, кружок драматического искусства в Соликамске, музыкально-драматический кружок в Ирбитском заводе, музыкальный кружок и кружок любителей драматического искусства в Нижнетагильском заводе, кружок любителей драматического искусства в поселке Талица Камышловского уезда. По подсчетам В.Л. Загайновой, на Урале в пореформенный период действовали около 40 любительских театров<sup>1</sup>.

В состав творческих объединений входили педагоги, врачи, чиновники, купцы, юристы, представители других профессий. По справедливой оценке С.Е. Беляева, музыкальные и музыкально-драматические кружки представляли собой, с одной стороны, своего рода клубы, которые объединяли людей, занимавшихся совместной музыкальной деятельностью, с другой – концертно-просветительские организации»<sup>2</sup>. Примером может служить деятельность Чердынского музыкально-драматического кружка при обществе семейных вечеров, сбор от спектаклей которого шел для приобретения книг земской публичной библиотеки, на помощь бедным ученикам и педагогам начального училища, в неурожайные годы средства отдавались в пользу голодающих<sup>3</sup>. Екатеринбургский музыкальный кружок открыл в городе общедоступную школу пения. Не менее активно работали музыкальные кружки в других городах и заводских поселках Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской губерний. Со временем часть музыкальных кружков трансформировалась в отделения Императорского российского музыкального общества.

Самостоятельные организации, объединившие в своем составе любителей искусства, музыки, пения, театра сыграли выдающуюся роль в истории уральской культуры. Они дали толчок развитию в крае профессионального искусства. В частности, на базе Екатеринбургского отделения Императорского российского музыкального общества в 1916 г. было открыто первое на Урале музыкальное училище. Уральское общество любителей естествознания и общество любителей изящных искусств дали начало Екатеринбургской художественно-промышленной школе. Творческие объединения способствовали развитию художественных и эстетических вкусов горожан, приобщению населения к новым формам культурного досуга.

На общественную жизнь Урала значительное влияние оказывало журналистское сообщество: немалую часть его составляли представители интеллигенции, в том числе врачи, инженеры, педагоги и т.д. У провинциальной прессы Российской империи имеется богатая и сложная история. Ее зарождение и становление приходится на вторую половину XVIII в. Урал продолжительное время оставался без каких-либо периодических изданий: уральцам приходилось довольствоваться газетами и журналами, выходящими в Москве и Петербурге, а также в некоторых сибирских городах. Первой ласточкой провинциальной прессы Урало-Сибирского региона стал журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», начавший выходить в сентябре 1789 г. и закрывшийся в декабре 1791 г. Среди подписчиков журнала были и уральцы<sup>4</sup>. За первым журналом последовали другие, также издававшиеся в Тобольске. С 1825 г. в Петербурге начал издаваться «Горный журнал», с которым охотно сотрудничали многие инженеры, работавшие на уральских горнодобывающих и металлургических предприятиях.

Выпуск собственно уральских периодических изданий приходится на вторую четверть XIX века. С разрешения властей в 1838 г. началось издание трех газет (губернских ведомостей) – Вятских, Оренбургских и Пермских. С этого момента и началось развитие уральской прессы: сначала довольно медленное, а затем набравшее очень значительные темпы. Установлено, что в 1838–1917 гг. в регионе выходило «около 600 периодических изданий»<sup>5</sup>. В это число вошли как легальные издания, так и нелегальные, как печатные, так и рукописные. Многие из них появились на свет лишь в начале XX в. Так, в 1908–1909 гг. в регионе «возникло 31 новое легальное

<sup>1</sup> Загайнова В.Л. К истории изучения культурных запросов рабочих Урала (рабочий театр в конце XIX – начале XX в. // Положение и борьба трудящихся Урала XVIII – начала XX вв. Свердловск, 1987. С. 48.

<sup>2</sup> Беляев С.Е. Урал музыкальный // Очерки истории Урала. Екатеринбург, 1996. С. 18.

<sup>3</sup> Чагин Г.Н. Общественная жизнь г. Чердыни конца XIX – начала XX в. // Общественная и культурная жизнь дореволюционного Урала. Межвузовский сб. науч. статей. Пермь, 1990. С. 128.

<sup>4</sup> Павлов В.А. Очерки истории журналистики Урала. Т. 1 (1760–1860). Екатеринбург, 1992. С. 111.

<sup>5</sup> Периодика Урала. Библиографический указатель. Вып. 1. Дореволюционные издания. Свердловск, 1976. С. 3.



издание, из них 14 газет – преимущественно общественно-политических»<sup>1</sup>. В 1910–1913 гг. стали выходить еще 87 периодических изданий<sup>2</sup>.

По мере увеличения численности газет и журналов росло и количество журналистов. Долгое время в уральском регионе не было профессиональных журналистов. В «Ведомостях», губернских и епархиальных, роль редакторов и журналистов, как правило, исполняли чиновники губернских правлений и священнослужители. С появлением в «Ведомостях» неофициальной части эти издания начинают обрывать «корреспондентами с мест», среди которых значительное место занимали представители интеллигенции, в первую очередь педагоги, врачи, горные инженеры, присяжные поверенные. По мере увеличения численности неофициальных периодических изданий выросло не только количество «корреспондентов с мест», но и появились репортеры, для которых работа в газетах и журналах являлась основным источником дохода, т.е. стала профессией.

И «корреспонденты с мест», и журналисты, зачисленные в штат официальных и неофициальных изданий, являлись заметными фигурами в общественной жизни и региона в целом, и отдельных населенных пунктов. Существенное воздействие на общество они оказывали в первую очередь своей литературной деятельностью, освещая самые злободневные вопросы. В частности, газеты и журналы Пермской губернии тщательным образом освещали проблему становления и развития кооперативного движения. Они регулярно печатали сообщения о появлении новых кредитных товариществ, ссудо-сберегательных касс, обществ потребителей и т.д. Так, в 1899 г. пресса сообщила об утверждении устава ссудо-сберегательной кассы служащих в Чердынском уездном земстве<sup>3</sup>. В 1909 г. читатели «Уральской жизни» получили информацию об открытии общества потребителей в Березовском заводе<sup>4</sup>.

Средства массовой информации не ограничивались сообщениями о создании тех или иных кооперативов. Они постоянно и подробно освещали их практическую деятельность, обращая пристальное внимание на успехи кооперативного движения, а также и на недостатки, препятствующие развитию кредитных товариществ, потребительских обществ и других типов кооперативных организаций. В частности, пресса указывала на явную нежелательность зависимости кооперативов, действующих в горнозаводских поселках, от владельцев металлургических предприятий и их администрации. Газеты нередко публиковали материалы о различных злоупотреблениях должностных лиц, возглавлявших кооперативы. Как правило, такие статьи были направлены на предотвращение гибели тех или иных кооперативов.

Многие публикации носили агитационный характер. В 1897 г. газета «Урал» расхвалила почти все типы кооперативов, особенно выделив один из них: «Общества потребителей имеют большое практическое значение для населения. Во-первых, лавки общества потребителей оказывают крайне благоприятное влияние на цены: помимо того, что они сами удешевляют цены для своих членов и посторонней публики, они заставляют и частных торговцев понижать цены на товары и присматриваться к ценам общественной лавки. Во-вторых, общества потребителей нередко выполняют функции сберегательной кассы, так как члены их – крестьяне и рабочие, – кладут свои сбережения в общественную лавку. В-третьих, общественные лавки имеют огромное продовольственное значение. В голодный год пермские общества потребителей сыграли крупную роль: большинство из них вовремя запаслись хлебом и потому могли продавать и продавали его дешевле, чем частные торговцы. В результате масса народа нахлынула в общественные лавки и получила отсюда сравнительно дешевый хлеб. Все остальные кооперативные учреждения, как, например, ссудо-сберегательные товарищества, земледельческие и кустарные артели, волостные и сельские общественные лавки, – все это, бесспорно, имеет такое важное значение, как и потребительные общества»<sup>5</sup>.

В периодической печати нередко появлялись статьи, в которых подводились итоги развития кооперации в отдельных губерниях и на всем Урале. Так, крупная статья, посвященная этой про-

<sup>1</sup> История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 391.

<sup>2</sup> Там же. С. 392.

<sup>3</sup> Пермские губернские ведомости. 1899. 11 июня.

<sup>4</sup> Уральская жизнь. 1909. 6 августа.

<sup>5</sup> Урал. 1897. 19 августа.

блеме, была опубликована в январе 1914 г. газетой «Зауральский край»<sup>1</sup>. Региональные газеты и журналы, уделив огромное внимание развитию кооперативного движения, содействовали появлению многих новых кооперативов и совершенствованию их практической деятельности, кроме того, они всячески пропагандировали координацию действий кооператоров. Отчасти благодаря этому на Урале стали возникать объединения кооперативов, в том числе, в рамках одного города, уезда и губернии. Журналисты сыграли немалую роль в том, что кооперативы, особенно в Пермской губернии, со временем превратились в важный фактор экономического развития Урала.

Периодические издания сыграли важную роль в вовлечении уральского населения в общественную жизнь, используя для этого разные способы, иногда весьма специфические. В частности, владельцы газет и журналов охотно использовали веру большинства населения региона в силу печатного слова. Они всячески побуждали представителей разных слоев общества к сотрудничеству со средствами массовой информации. В большинстве периодических изданий существовали рубрики – «корреспонденции с мест», «письма в редакцию», «нам пишут» и т.д. Благодаря их наличию самые широкие слои уральского населения получили возможность высказать свое мнение по различным вопросам, как имеющим огромное общественное значение, так и по частным.

Такая практика обеспечивала периодическим изданиям рост интереса со стороны населения и его уважение, но одновременно навлекала гнев региональных властей, которым не нравилось внимание газетчиков к острым вопросам современности, особенно имевшим политическую подоплеку. В истории уральской прессы имеются случаи закрытия газет и журналов, особенно сатирических, а также привлечение к ответственности редакторов и журналистов. Многие из них не раз штрафовались и отправлялись под арест. Нижеследующая газетная заметка вполне типична: «По постановлению от 14 февраля за № 2897 и. д. пермского губернатора вице-губернатором г. Европеус на редактора нашей газеты И.П. Вогулкина наложен денежный штраф в размере 150 руб. за напечатание в № 31 “Уральского края” за 9 сентября статьи (фельетона) “Шопен под судом”, направленной, как говорится в постановлении, к распространению сообщений, возбуждающих враждебное отношение населения к правительству»<sup>2</sup>.

Стоит отметить, что многие издатели периодических изданий и профессиональные газетчики принимали самое непосредственное участие в общественной жизни и как частные лица. Они нередко участвовали в создании самодеятельных организаций и их непосредственной деятельности. Например, в деятельности Екатеринбургского общества любителей изящных искусств активно участвовал журналист В.А. Весновский. Он порой выступал на общих собраниях с рефератами и некоторое время был секретарем этой самодеятельной организации<sup>3</sup>.

Подводя итоги, можно отметить, что в пространстве взаимодействия различных акторов модернизации на Урале наиболее образованная и мыслящая часть общества, включавшая в себя инженеров, врачей, учителей и других представителей умственного труда, занимала существенное место. Участие интеллигенции в процессах социально-экономической, политической и социокультурной трансформации на Урале было особенно значимым в силу малочисленности, а в некоторых уездах и полного отсутствия дворянского элемента. Заводские управляющие, инженеры, учителя, врачи являлись главной рабочей силой в органах земского самоуправления и играли здесь гораздо большую роль, чем в европейских губерниях России. Интеллигенция активно участвовала в творческом процессе выработки новых идей, образов и моделей действия.

Отличительной чертой уральских интеллигентов была высокая социальная активность. Многие из них был присущ конструктивизм, стремление к созиданию, подвижничество и ответственность за развитие государства. «Мыслящее меньшинство» понимало значение культуры для организации жизни и стремилось реализовывать себя в культурном действии. Участвуя в различных просветительских, экономических, научно-технических, краеведческих, благотворительных организациях, работая в сфере духовного производства, представители уральской интеллигенции воздействовали на окружающую среду, общество, культуру, преобразовывали и изменяли их.

<sup>1</sup> Кооперация на Урале в 1913 году // Зауральский край. 1914. 5 января.

<sup>2</sup> Уральский край. 1911. 22 февраля.

<sup>3</sup> Уральская жизнь. 1900. 24 октября.

### 3.3. ИНОСТРАННЫЕ СПЕЦИАЛИСТЫ

Участие и роль иностранцев (а также зарубежных идей, капиталов, технологий, товаров) в национальном развитии относится к чувствительным и наиболее обсуждаемым проблемам во многих странах. Живо дискутируется данный вопрос и в современной России. В этой связи, обращение к историческому опыту привлечения иностранных специалистов в Российской империи представляется весьма конструктивным с точки зрения определения их реального вклада в модернизацию нашей страны. Ограниченные параметры текста ставят перед необходимостью сконцентрировать внимание на конкретных вопросах обширной и многоаспектной темы: ключевых этапах государственной политики в отношении деятельности иностранцев в Российской империи; европейцах – акторах региональной промышленной модернизации; отношении референтной группы российского общества к иностранным специалистам.

#### **Основные этапы государственной политики по привлечению иностранцев в Россию**

Первым законом об иностранных специалистах в России рассматриваемой эпохи является указ великих государей Ивана V и Петра I от 7 мая 1695 г., согласно которому в Германию послан был иностранец Матвей Попп «со штуфами свинцовой и серебряной руды для учинения оным пробы». Ему предписывалось найти специалистов, получить у них заключение о качестве представленных руд и содержании в них металлов, их цене на заморских рынках, а также высказать рекомендации, прибыльно ли будет на месте обнаружения этой руды строить большой завод. М. Поппу поручалось пригласить на российскую службу европейцев, знающих горное искусство, узнав размер запрашиваемого жалованья и предполагаемый срок работы<sup>1</sup>. В начале XVIII в. всевозможные ограничения пребывания иноземцев в Московском государстве сменились фактически беспрепятственным въездом иностранных подданных на территорию страны<sup>2</sup>. Манифест 1702 г. «О вызове иностранцев в Россию» призывал иноземцев на очень льготных условиях приезжать на постоянное жительство, «дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться, поныне им неизвестным познаниям, и тем искуснее становиться во всех делах». В Манифесте ясно подчеркивалось отличие старой иммиграционной политики от новой: «мы давно уже в царствование наше отменили и уничтожили древний обычай, посредством коего совершенно воспрещался иноземцам свободный въезд в Россию....подтверждаем и распространяем, чтобы всяк и каждый, имеющий намерение сюда ехать для поступления на службу в наше войско... равным образом купцы и художники, намеревающиеся въехать в Россию, имеют быть приняты со всякой милостию»<sup>3</sup>. Таким образом, петровское законодательство содействовало въезду специалистов – военных, торговцев, мастеров, развивало курс на военное и экономическое укрепление русского государства, обозначенный Романовыми ранее.

Манифест «О допущении иностранцев к строению и размножению рудопромышленных заводов» (1720 г.) законодательно защищал интересы иностранных промышленников в России, предоставлял всем «чужестранным охотникам, какого бы народа ни были», такие же права и привилегии, как и русским подданным в отношении добычи руды, строительства заводов, создания компаний. Государство, обязуясь оказывать иностранцам «милостивую протекцию», требовало в качестве налога десятую часть прибыли и право первого покупателя на продукцию их предприятий<sup>4</sup>. Иноземцы, проживая в России, могли оставаться подданными других государств, при этом, имели зачастую более широкие права по сравнению с русскими<sup>5</sup>.

Западный опыт требовался не только для заведения новой промышленности, но и для введения современных принципов управления государством. Генерал А.А. Вейде в докладе «О призыве в Россию ученых и в правоведении искусных людей» (1715 г.) предлагал Петру I использовать

<sup>1</sup> ПСЗ-1. Т. III. № 1512.

<sup>2</sup> Мулюкин А.С. Иностранцы свободных профессий в Московском государстве. СПб., 1898; Его же. О свободе приезда иностранцев в Московское государство // Журнал Министерства народного просвещения. Май 1908 г. СПб., 1908. С. 58–81; Его же. Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII веков. СПб., 1909; Орленко С.П. Выходцы из Западной Европы в России XVII в. (правовой статус и реальное положение). М., 2004.

<sup>3</sup> ПСЗ-1. Т. IV. № 1910.

<sup>4</sup> ПСЗ-1. Т. VI. № 3621.

<sup>5</sup> Николаева Т.Б. Паспортная система России: формирование и механизм функционирования во второй половине XVII – начале XX в.: Историко-правовой анализ: дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2003. С. 151–174.

знания иностранных специалистов в различных коллегиях. Отвечая на его запрос, Петр распорядился платить каждому специалисту по 500 руб. в год, обеспечивать бесплатно готовым домом и переводчиком<sup>1</sup>.

Таким образом, с начала XVIII в. государство «широко открывает двери» в Россию иностранцам, активно привлекает специалистов в военном деле, науке, образовании, искусстве, архитектуре, ремеслах и промышленности, законодательно гарантируя выгодные условия работы и проживания. Предполагалось, что приехавшие иноземцы будут способствовать проникновению в Россию новейших достижений стран Западной Европы, внедрять прогрессивные технологии в промышленном производстве, сельском хозяйстве, военном деле, способствовать культурному развитию, укреплению государства в целом. Это движение, в значительной степени по инерции, продолжалось при последователях Петра I, которые не препятствовали въезду иностранных специалистов и широко пользовались их квалификацией.

Следующий этап в отношении привлечения иностранцев в Россию связан с правлением Екатерины II, чей знаменитый Манифест «О позволении иностранцам выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу» (1762 г.), открыл миграцию в слабозаселенные земли десяткам тысяч иноземцев, преимущественно немцам. Характерно, что он составлялся в целях поддержания «тишины и благоденствия» в «пространной империи», умножения ее жителей<sup>2</sup>. То есть, приоритеты государственной политики за предыдущие полвека претерпели существенные изменения: от приглашения иностранцев-специалистов, «заводивших» новые механизмы модернизирующейся России «золотыми ключиками» своих знаний и умений, государство переходило к всестороннему, экстенсивному освоению своих территорий. Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» (1763 г.)<sup>3</sup> до конца века являлся основополагающим документом о статусе (очень льготном) иностранных переселенцев в России. Манифест разрешал заниматься хлебопашеством и ремеслами, заводить мануфактуры, фабрики и заводы, особенно специализированные, «наипаче такие, коих доньше в России еще не учреждено». К таким фабрикам и заводам разрешалось покупать «надлежащее число крепостных людей и крестьян». К манифесту прилагался реестр свободным и удобным к поселению землям. Перспективными для заселения считались земли в Тобольской губернии – близ Тобольска, в Барабинской степи, в районе Усть-Каменогорской крепости, по реке Иртыш и его притокам; в Астраханской губернии от Саратова вверх по реке Волге и ее притокам; в Оренбургской губернии по реке Сакмаре, до реки Кинели и ниже города Самары, по Волге; в Белгородской губернии в Валуйском уезде. Предполагалось расширить этот перечень по мере приезда поселенцев. В дальнейшем колонистами стали заселять свободные земли в Причерноморье, Крыму и на Северном Кавказе.

Поощрение переселения в Россию подданных других государств, фиксируемое в законах петровского времени и послепетровских указах и манифестах, сменилось в конце XVIII в. политикой законодательного ограничения прав иноземцев и введением надзорных и контролирующих мер, что знаменовало собой новый этап рассматриваемой политики. Это было связано с нестабильной военно-политической обстановкой в Европе, сложившейся после Великой французской революции, последовавшей затем серией войн и конфликтов. Политика подозрительности и ограничения прав иностранцев в России распространилась в некоторой степени и на часть XIX в.<sup>4</sup>: с 1789 г. по 1820 г. их въезд в Россию был затруднен, до 1860 г. лимитировались права в торговле и других сферах деятельности. Однако въезд иностранным специалистам не был полностью перекрыт; отвечая требованиям жизни, шло совершенствование нормативно-правовой базы, реформировались «государственные органы, обеспечивавшие надзор над иностранными подданными, а также изменялась практика регистрации их пребывания в России, реализовыва-

<sup>1</sup> ПСЗ-1. Т. X. № 2928.

<sup>2</sup> ПСЗ-1. Т. XVI. № 11720.

<sup>3</sup> ПСЗ-1. Т. XVI. № 11880.

<sup>4</sup> Тесленко А.М. Правовой статус иностранцев в России (вторая половина XVII – начало XX в.): дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000; Смирнова Е.С. Регулирование правового статуса иностранцев в России до начала XIX в. // Журнал российского права. 2004. № 9. С. 142–151; Смирнова Е.С. Регулирование правового статуса иностранцев в России с начала XIX века до октября 1917 года // Журнал российского права. 2004. № 10. С. 126–127.



лись меры, способствовавшие принятию иностранцами российского подданства»<sup>1</sup>. Например, 25 февраля 1810 г. вышел указ «О прекращении выдачи денежной ссуды колонистам»<sup>2</sup>. При этом из правила было сделано исключение для суконщиков, которые, «по настоятельной нужде в сих изделиях, приглашаемы в некотором числе быть могут» на прежних основаниях. Вместе с тем, принятие этого закона свидетельствует о коренном изменении взгляда Александра I и его сподвижников на массовые переселения из-за рубежа.

Итак, отношение правительства к привлечению в Россию иностранных специалистов и переселенцев претерпело кардинальные изменения на протяжении рассматриваемого периода. Петр I, проводивший структурные преобразования различных сторон жизни государства и общества, привлекал специалистов в административную, военную, научно-образовательную сферы. Многих он приглашал лично, особенно во время своих поездок за границу, но и принимаемые в это время законы ясно показывают, что Россия нуждалась в высококвалифицированных мастерах, привлекала их высокими заработками (в несколько раз превосходившими жалование русских на аналогичных должностях), званиями и прочими привилегиями.

Екатерина II основной упор в своей «иностранной политике» сделала на массовость. Ее главной целью являлось освоение малонаселенных территорий, давно входивших в состав России, но приносивших незначительные доходы казне: в первый период ее правления это были районы Поволжья и Западной Сибири, а затем, по мере расширения границ государства, Новороссия, Крым и Северный Кавказ. Соответственно, основную массу переселенцев составляли земледельцы, получавшие значительное денежное пособие и всевозможные льготы. Ремесленников и специалистов в других отраслях производства и торговли среди них оказалось незначительное число.

Революционные события в Европе конца XVIII в. повлияли на политику Павла I, который относился к ее жителям с подозрением, полагая, что они могут быть носителями «крамольных» взглядов. В конце правления Александра I правительство пришло к мнению, что освоение новых земель можно вести путем переселения российских подданных из густонаселенных губерний Центральной России, что было дешевле и выгоднее, и приняло решение полностью прекратить все виды помощи иностранцам-колонистам, желающим переселиться в Россию. Это не означало, что они перестали приезжать в Россию на постоянное место жительства, просто теперь им следовало рассчитывать только на свои силы и средства. Однако государство продолжало поддерживать (в том числе, финансово) привлечение в Россию мастеров, специалистов, о чем свидетельствует значительная миграция на Урал немецких оружейников, согнанных из родных мест бурными событиями наполеоновской эпохи. Научные и технические, производственные кадры по-прежнему ценились, могли приехать в Россию и работать по контракту или создать свое торговое или промышленное предприятие. Как будет показано ниже, на протяжении XIX – начала XX в. многие иностранцы широко пользовались этими возможностями.

### **Участие иностранных специалистов в региональной промышленной модернизации**

Технические специалисты и инженерно-управленческая элита относились к числу важнейших акторов промышленной модернизации Российской империи в XVIII – начале XX в. Очевидно, что функции и действия этих людей в продвижении материального, технического развития существенно различались в зависимости от региона и исторического периода. Промышленное развитие России, шедшее с начала XVIII столетия неравномерно и ограничено, к рубежу XIX–XX в. набрало высокий темп, расширило сферу охвата. Его успехи в существенной степени определялись техническими нововведениями в горном деле и металлургии, большая часть которых распространялась из европейских центров происхождения и первоначального применения в новые области использования и последующей рутинизации.

*Роль европейцев в развитии горного дела на периферии России в первой четверти XVIII в.* В процессе колонизации восточных территорий России в XVII в. из Москвы неоднократно отправлялись специализированные геологоразведочные экспедиции, которые искали золото и серебро

<sup>1</sup> Тихонова А.В. Надзор за иностранцами в Российской империи (1801–1861 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Брянск, 2014. С. 380.

<sup>2</sup> ПСЗ-1. Т. XXXI. № 24131.

на просторах Урала и Сибири. В их составе обязательно были иностранные специалисты и походные пробирные лаборатории. К началу XVIII в. на Урале были открыты огромные залежи железа и меди, началось масштабное строительство металлургических заводов. В активно создававшихся заводских поселениях определяющую роль играли русские и европейские горные мастера, специалисты рудного промысла и металлургического производства. Вопрос о степени участия иноземных специалистов в создании горно-металлургической отрасли Урала встал уже в XVIII в. В труде В.И. Геннина прозвучала мысль о том, что настоящими создателями этой отрасли промышленности в России является «малое число ... иностранных горных и заводских людей»<sup>1</sup>.

Современное горное дело, базирующееся на достижениях точных наук, появилось в Германии. Первые восемь горных специалистов, набранных по просьбе Петра I в Саксонии, выехали в Россию в 1699 г. Среди них были рудоплавный мастер Я. Лоренц, «горный рубитель» И. Ганн, рудокопный мастер, «что в ямы лазит», Г. Эндерлин, рудокопатель М. Лоренц, рудоискатели Г. Лангер и Е. Блешмит, лозоходец Х. Барт, «опытный» [испытывающий руды – авт.] мастер И. Блиер<sup>2</sup>. Основная задача И. Блиера заключалась в обучении русских учеников пробирному мастерству. В России он возглавил группу горных и плавильных мастеров в структуре формирующегося Рудного приказа. В 1701 г. уже сам И. Блиер завербовал в Саксонии плавильщика серебра В. Циммермана, испытателя серебра Я. Френтеина, горных дел мастера и лозоходца Г. Шмита, «рубителя гор» Г. Шонфилдера. Мастеров отпустили с разрешения короля под приговором И. Блиера по договору сроком на 2 года.

Несколько саксонцев («опытчик», заводчик и писарь И.А. Кундс, «топильщик» меди И.М. Лоренц, рудокопы И. Ганн, Г.К. Факер, Ф. Пазарувилгер во главе с бергмейстером И. Эндерлейном) еще до создания Рудного приказа отправили на 4 года в Казань «к рудокопному медному делу», и они не были включены в штат нового приказа. В начале августа 1703 г. этих саксонцев отправили за Урал для исследования признаков медной руды, обнаруженных в окрестностях Уктусского завода. Работа этой группы иностранцев – неизвестный в исторической литературе эпизод, связанный с открытием меди на Урале, в частности, знаменитых Гумешек.

За Урал отправились три саксонца: бергмейстер И. Эндерлейн, топильщик меди И.М. Лоренц, рудокоп И. Ганн<sup>3</sup>. Лоренц подтвердил, что руда с месторождений на р. Чусовой «прибыльная», но предупредил, что опыты из них никто делать не умеет, а сам он плавил разом только по 40 пудов. В этой поездке он вынужден был стать рудокопом. Саксонцы, привыкшие к четкой специализации, недоумевали, что их вынуждали заниматься несвойственным им делом. «А опытчик де у них бывает для опыту особливой. А они Яган с товарищами в такое дело, что им опыты чинить из руды не вступает»<sup>4</sup>. В Саксонии давно господствовало глубокое разделение труда. В России же горного мастера заставляли плавить медь, а плавильщика меди проводить пробирные опыты. Невежество представителей власти усложняло и без того нелегкие для европейцев условия работы на Урале.

С 23 августа 1703 г. саксонцы во главе с И. Эндерлейном обследовали меднорудное месторождение Гумешки у р. Полевой, древние копи на Половинном истоке в 10 верстах от Волчьей горы (Волчихи) и два места в верховьях р. Исеть<sup>5</sup>. Не имея опыта пробирного искусства и необходимых плавильных составов, они не сумели преодолеть главное технологическое препятствие в развитии уральской цветной металлургии – отделить медь от железа. 8 февраля 1704 г., пробыв за Уралом около 20 недель, иностранцы вернулись в Казань. В зауральской части экспедиции умер третий саксонец – медеплавильщик И.М. Лоренц. В 1705 г. умер и рудокопный мастер И. Эндерлейн<sup>6</sup>. О смерти Эндерлейна сообщил И. Ганн. В марте 1706 г. он обратился с челобитной о не вы-

<sup>1</sup> Геннин В.И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937. С. 80.

<sup>2</sup> Специальности контракторов представлены в документе в старорусском толковании (разлучитель, искуситель, лазитель в ямы, рудокопщик, с лозой ходильщик и т.д.). Не всегда удается определить их соответствие устоявшимся немецким названиям специальностей и чинов, распространившимся в 1720-х годах. Тем не менее, мы установили, что рудокопный мастер – бергмейстер, «рубитель гор», «рудокопщик» – берггауэр, «в ямы лазит» – штейгер, «топильщик» меди – шмельцер.

<sup>3</sup> Сопровождавший мастеров сын боярский И. Парфентьев сообщал, что до его прибытия умерли два иностранца: И.А. Кундс (Алдовдум) – в 1702 г., Ф. Пазарувилгер – в 1703 г.

<sup>4</sup> РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 50. Л. 69 об. 73–74 об.

<sup>5</sup> Там же. Л. 208.

<sup>6</sup> РГАДА. Ф. 158. Оп. 1. Д. 62. Л. 2.

плате 330 руб. за три года и об отпуске домой. Челобитчик голодал, как и его семья, оставшаяся на родине.

Саксонцы (лозоходец Г. Шмидт, квасцовый мастер Х. Франк, переводчик-рудознавец П. Привцын), выехавшие вместе с И. Блиером, находились на Урале в июле – октябре 1705 г. Они обследовали руды в Верхотурском уезде, побывали в Тобольске и на Уктусском заводе, откуда отправились для проверки месторождений медной руды, обнаруженных Ф. Бабиным и И. Шиловым<sup>1</sup>. В сентябре 1712 г. И.Ф. Блиер с П. Привцыным и И. Ганном вновь отправился для продолжения работ в Сибирскую губернию. По итогам этой поездки бергмейстер подал письмо в приказ Рудных дел, где говорилось, что в прилегающих к горам уездах есть немало признаков медной, серной, купоросной, квасцовой и других руд. По его мнению, чтобы получить какой-либо заметный результат в производстве, были необходимы искусные горные люди и не менее 4–5 лет времени<sup>2</sup>.

В период деятельности Рудного приказа (1700–1711 гг.) штатные рудные мастера и «саксонские ученики» непрерывно занимались поисками меди, серебра и золота в близких и отдаленных местностях России: Сибири, Кольском и Пустоозерском уездах, Соликамске, Казани, Астрахани, Азовской губернии, на Соловках и Медвежьих островах<sup>3</sup>. К этому времени были открыты несколько перспективных промышленных месторождений серебра на р. Аргунь, меди на Урале и Олонце, где остро требовались знания по технически грамотному строительству шахт и туннелей, составлению планов выработок, откачке воды и т.д.

В строительстве Нерчинского сереброплавильного завода участвовало до 10 греческих мастеров (А. Левандиан, С. Григорьев, С. Маноилов, Ф. Маноилов, А. Николаев и др.). По пути к серебряным копям А. Левандиан проводил опыты в слободах Верхотурского и Тобольского уездов. В апреле 1697 г. А. Левандиан, С. Григорьев и переводчик «мелетинской породы» Андриюшка обследовали Магнитную гору на р. Тагил, где в руде была найдена небольшая доля серебра. В 1703–1705 гг. экспедиция, направленная Рудным приказом, работала у старинного рудника на р. Цильме. В ее составе были греческие мастера С. Григорьев и В. Левандиан. Участие греков в поисках и разработке горных месторождений отмечено только до 1725 г. В последующем эта ветвь не получила продолжения, не встречено и упоминаний о подготовке греками русских учеников. В горной отрасли прочно закрепились саксонцы и немецкое «горное искусство».

А.А. Виниус, руководивший Сибирским и Артиллерийским приказами, имел большие возможности изыскивать для своих ведомств все необходимое не только в России, но и за границей. Бургомистр Амстердама Н. Витсен через А.А. Виниуса не раз оказывал содействие в исследовании российских руд, поисках нужных специалистов. В переписке он давал оценку состоянию горно-металлургической отрасли в Европе и приводил факты передачи технологических навыков в то время. В поисках мастеров в Европе определенной свободой обладали Посольский, Сибирский приказы, позже Берг-коллегия.

В мае 1703 г. в Прусскую землю за специалистами для уральских железных заводов отправили подъячего Сибирского приказа Ивана Иванова. Двумя годами ранее он уже подготовил выезд из Курляндии пушечного мастера Э. Депре. Перед отправкой в длительную командировку подъячий получил наказ с обширным перечнем задач и рекомендациями их выполнения. Многочисленные задания стали прямым следствием проблем, возникших при строительстве и в первые годы деятельности уральских железоделательных заводов. Главной задачей являлся поиск специалистов для военного производства, умеющих делать проволоку, «шкотские» замки, шпаги, пряжки, пуговицы, сталь, жечь, белое железо, пушечные колеса и латы. Здесь подъячему требовалось применить искусство убеждения и уловки, прописанные в наказе. Для побуждения мастеров к выезду рекомендовалось демонстрировать качество сибирского железа и вести рассказы о дешевом хлебе в России. В то же время не следовало упоминать о работе в Сибири, а в договорах предполагалось писать, что служить они будут в Москве и «куды пошлют». Требовалось проверять мастеров на знание ремесла, приверженность к пьянству, брать с них обязательство обучать мастерству учеников<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 776. Л.25; Д. 813. Л.1.

<sup>2</sup> Там же. Д. 994. Л. 35.

<sup>3</sup> РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 606. Л. 2.

<sup>4</sup> РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 49. Л. 98–103.

В числе первых металлургов с заводов Центральной России прибыли и иностранные специалисты. Иногда их трудно отличить, т.к. после длительной работы в стране за ними закрепились русские имена и фамилии. Менее всего известно об участии европейских специалистов в строительстве плотин и гидромеханизмов. Единственное упоминание – царский указ 12 мая 1703 г. боярину Ф.А. Головину о посылке из Москвы на верхотурские железные заводы плотинного мастера иноземца Ефима Григорьева с двумя плотниками, которые строили Алапаевский завод.

Первые домны на тульских заводах строили голландцы, но на Урале возобладало шведское влияние. Среди прибывших на Невьянский завод первых доменных мастеров был швед Филипп Дементьев. Из расспроса в Сибирском приказе следовало, что его отец Дементий выехал из Швеции и по царскому указу строил Павловский, Поротовский и Соломенский заводы, где возводил домны и молотовые, устанавливал водяные колеса и различные механизмы, плавил железо. После смерти отца в 1680-х гг. Филипп жил на Павловском заводе, затем на Поротовском у В. Меллера. К моменту переезда на Урал Филипп умел плавить железо, делать домны, гранатные и пушечные «станки» (литейные формы – авт.), однако, он не делал водяных колес, молотовых цехов и мехов<sup>1</sup>. Вместе с ним с Павловского завода прибыл и брат, доменный подмастерье Андриан Дементьев.

С Соломенского завода Л.К. Нарышкина на Урал прислали шведа мехового мастера Ивана Янвера, который с 1660-х гг. изготовлял мехи и обучал ремеслу мастеров на многих заводах. С Павловского завода и других заводов, построенных шведами, прибыло большинство мастеров других специальностей. Недаром в изготовлении железа применялись шведские стандарты.

В уральском доменном строительстве столкнулись две европейские технологические школы. В конце 1702 г. при содействии купца Андрея Стелса из Англии выехали пушечные мастера Роберт Жартов и Вилим Панкруст. За лето-осень 1703 г. по проекту англичан сложили домну квадратного сечения из кирпича. Однако попытки выплавить в ней чугун были неудачными. Доменщики Ф. Дементьев и Я. Фадеев в 1701–1706 гг. участвовали в возведении всех домен на первых уральских заводах, поэтому можно утверждать, что уже тогда победила конструкция печи, имевшая круглое сечение. Приезд мастеров из Англии – пример того, что не всякое появление иностранного специалиста заканчивалось технически прогрессивным решением.

С начала форсированного строительства казенных заводов на Урале в 1720–1730-е гг. в черной металлургии появились еще несколько иноземцев из числа прибывших в команде В.И. Геннина в 1722 г. с Олонецких заводов – почти все на ключевых должностях старших молотовых мастеров. Во главе смежных отраслей (производство жести, стали и проволоки) также стояли иноземцы. При доменном деле работал единственный формальный иноземец – поляк Максим Андреевич Орловский, а в смежной отрасли – фурмовой и пушечный мастер швед Иоганн Дейхман-старший.

Молотовые фабрики были основным предприятием всякого железоделательного завода, а молотовые мастера и подмастерья – наиболее многочисленным отрядом заводских работников. Заводская техника и технология расковки криц, в том числе, и само устройство кричных (молотовых) станов на российских и европейских заводах, судя по всему, принципиально не различались<sup>2</sup>. Тем не менее, уже в 1721 г. В.Н. Татищев упомянул о желательности привлечения иноземных молотовых мастеров: «Уведомился от ротмистра Шенстрема [пленного шведа – авт.], что в Финляндии молотовые мастера были славные, також и доменных многих шведских лучше. Которые обыкновенно из 13 пуд чугуна 10 железа делают. Здесь же едва вполов. И понеже я сам свидетельствовал, что состоит в мастерстве сила, того ради [надлежит] донести Государственной Берг-коллегии, ежели позволят за благо изобрести, чтоб оных мастеров, взяв, прислать сюда. Також оный ротмистр сказывал, что в Швеции заводы лучше французских...»<sup>3</sup>.

В.И. Геннин по прибытии также оценивал квалификацию местных казенных молотовых мастеров как весьма низкую: «По осмотру и по свидетельству моему в молотовых [фабриках] молоты весьма не в добром установе, а молотовые мастера самые неискусные и плохие и железа ко-

<sup>1</sup> РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 48. Л. 263 об. – 264.

<sup>2</sup> Геннин В.И. Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937. С. 187–188, 203. Струмилин С.Г. История черной металлургии в СССР. М., 1967. С. 61.

<sup>3</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 5. Л. 99.



вать гладко и ровно не умеют... Да и тех мало, понеже самые лучшие мастера на Демидова заводы ушли»<sup>1</sup>. В команду его в 1722 г. входили несколько олонечких молотовых мастеров, в т.ч. иноземцы российского подданства швед Иоганн Дейхман-младший и англичанин Ларион Николаев, или Лоренс Пожаров (вероятно, Поджер). В следующем году с Олонца по вызову генерала прибыл молотовой мастер Ехом Якимов (Иоахим Рамфельт), имевший английские или смешанные англо-германские корни. Он был российский подданный и вырос в московской Немецкой слободе; отец его служил дозорщиком Оружейной палаты<sup>2</sup>. Вскоре Пожаров и Рамфельт были произведены в старшие молотовые мастера, им полагалось теперь налаживать молотовое производство по всем казенным заводам.

В 1722 г. в команде Геннина с Олонечких заводов прибыл специалист серебряной и медной плавки саксонец Вольф Мартин Циммерман. Из Астрахани был срочно вызван ранее законтрактованный в г. Эрфурте мастер Вильгельм Штифт; вскоре он получил офицерский чин. Оба налаживали медеплавильное производство на казенных Пермских заводах. Циммерман фактически возглавил строительство и организацию производства Ягошихинского завода, Штифт командовал на Пыскорском заводе. В конце декабря 1723 г. его стараниями была пущена медеплавильная фабрика в Екатеринбурге. В 1720-е гг. в несколько этапов было налажено полномасштабное медеплавильное производство Полевского завода. Первоначально черную медь с Полевского завода возили в Екатеринбург. На Полевой трудились саксонец Асмус Гильде Брандт и первый значительный местный мастер Федор Яковлев. В начале 1720-х гг. на Урале работали также несколько русских плавильных мастеров, прибывших в команду В.И. Геннина с Олонца. Среди них – саксонский плавильный мастер, затем гитен-мейстер, Иоганн Готлиб Улих. С 1724 г. он служил на Пыскорском, Лялинском и других казенных заводах, и складывание промышленной медной плавки на Урале шло при его серьезном влиянии.

Итак, в начале XVIII в. поиск и испытание руд цветных и драгоценных металлов, планомерные подземные горные работы с изготовлением и применением специальных инструментов и приспособлений, выплавка меди и серебра, производство новых изделий из железа и видов вооружения, внедрение различных механизмов в горно-металлургической сфере оставались одними из основных сфер применения иностранного опыта.

Использование дипломатических возможностей для контрактации иноземцев ограничивалось геополитическим положением России. Круг государств, находившихся в союзнических отношениях с Россией в период Северной войны и обладавших богатыми горно-металлургическими традициями, был небольшим. В горном деле и медеплавильной отрасли издавна работали греки, но с XVIII в. стали преобладать выходцы из немецких земель, главным образом, из Саксонии. В черной металлургии встречались выходцы из Швеции, законтрактованные еще в XVII в.

Таким образом, с начала XVIII в. около сотни иностранных специалистов приняли самое непосредственное участие в создании на Урале передовых для России отраслей в горно-металлургической сфере. К ним относились: разведочные, опытные, подземные горные работы, выплавка меди и серебра, производство вооружения и изделий из железа. С приездом меховых и машинных мастеров Кейзеров начинается формирование новой отрасли – машиностроения. Пик внедрения передовых европейских технологий в горно-металлургическом производстве пришелся на 1720–1730-е гг. К середине XVIII в. большинство контрактников уехало на историческую родину или умерло. В производстве возобладали обученные европейцами отечественные кадры.

*Иностранные специалисты на Урале во второй четверти XVIII – первой половине XIX в.* Массовый приток европейцев в Россию (и на Урал, в частности), характерный для петровской эпохи, сменился во второй четверти XVIII в. более редкими контрактами с иноземными мастерами. Определенный всплеск активности государства по их привлечению пришелся на конец 1730-х гг. – в 1739 г. на уральские заводы прибыло 52 саксонских горных специалиста<sup>3</sup>. Контрак-

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 23. Л. 402, 431.

<sup>2</sup> Ковригина В.А. Ремесленники московской Немецкой слободы в конце XVII – первой четверти XVIII в. // Русский город. М., 1990. Вып. 9. С. 194.

<sup>3</sup> Корепанов Н.С. Благодатская горная экспедиция 1739–1742 гг. и волна контрактной иммиграции саксонцев на Урал // Немцы на Урале и в Сибири (XVI–XX вв.): Материалы науч. конф. «Германия – Россия: исторический опыт межрегионального взаимодействия XVI–XX вв.». Екатеринбург, 2001. С. 114.

ты, заключенные на несколько лет, чаще всего продлевались по желанию иноземцев и одобрению правительства. Однако, в 1740-е гг., особенно к концу десятилетия, все чаще ставился вопрос о необходимости их пребывания на заводах. К этому времени уже сформировался достаточный кадровый резерв из местных мастеров, обучившихся у иностранцев. В 1747 г. после учинения «строгого разбора», были определены «надобные» иноземцы, которых при сибирских и пермских заводах оказалось десять человек, а также «излишние» в составе 36 специалистов. Согласно ведомости об иностранцах, служивших по контрактам и без контрактов на казенных сибирских и пермских заводах, в число таковых входили штейгеры, угольные мастера, плавильщики, бергауэры<sup>1</sup>. В данный период была сделана попытка оставить ряд иноземцев на «вечной» службе в Российской империи. В частности, в связи с необходимостью отправления специалистов на Колывано-Воскресенские заводы, мастерам предлагалось заключить договор на «вечную службу» по окончании действующих контрактов. Однако лишь единицы согласились вступить в службу вечно, другие же пожелали работать «урочные лета», т.е. определенный срок<sup>2</sup>. В целом, на протяжении второй половины XVIII в. массового привлечения иностранцев не практиковалось, были лишь единичные приглашения. Кроме того, иноземцы приезжали по собственной инициативе. Их передвижения внутри Российской империи и за ее пределы контролировались государством и осуществлялись в уведомительном порядке. Тем не менее, мобильность специалистов в данный период была, несомненно, выше, чем, например, в XVII столетии. Отслужив время, оговоренное в контракте, иноземцы могли вернуться на родину. Многие из них, получив увольнение и расчет, уезжали обратно за границу, были и те, кто пытался найти другое место службы в России<sup>3</sup>.

В первой половине XIX в. на уральских заводах при помощи европейских специалистов были основаны и получили развитие новые отрасли промышленного производства. Большую роль специалисты из Западной Европы сыграли в развитии на Урале оружейного дела, металлургии, машиностроения и судостроения. Значительный рост производимого в России оружия (стрелкового и холодного) был во многом обеспечен участием иностранцев в создании новых оружейных предприятий Урала: Ижевского оружейного завода и Златоустовской оружейной фабрики. В результате мер по привлечению зарубежных специалистов на эти заводы в период с 1807 по 1816 гг. немецкая диаспора на Урале существенно разрослась и включала несколько сотен человек. Проект Ижевского оружейного производства вскоре после открытия завода был свернут, а большинство приезжих мастеров переведены в Златоуст.

В качестве организатора нового производства на Ижевском заводе российский консул в Данциге, статский советник Л. Трефурт, пригласил немецкого оружейного фабриканта Давида Гильгера. С ним был заключен контракт на десять лет, согласно выставленным иностранцем требованиям, установлен годовой оклад 2500 руб. Давид Гильгер обязывался осуществлять надзор за новым оружейным заводом: контролировать работу мастеров, качество изделий, ведение бухгалтерии. В 1807–1808 гг. Д. Гильгер вместе с другим иноземцем, Августом Карлом Поппе, совершил поездку в Европу, где заключил контракты со 134 иностранными оружейниками для Ижевского завода<sup>4</sup>. В 1810 г. Д. Гильгер стал управляющим заводами А.А. Кнауфа<sup>5</sup> и вновь поспособствовал устройству на службу немецких мастеров: 59 человек с Ижевского завода перешли на Златоустовский в 1810–1811 гг. Однако Давид Гильгер, по-видимому, недолго управлял заводами А.А. Кнауфа, уже в 1811 г. на должность управляющего заводами московский купец пригласил бывшего прусского подданного Александра Эверсмана, а вскоре заводы перешли в казну. А. Эверсман также являлся одной из знаковых фигур в ходе промышленной модернизации уральского региона. Он был назначен директором новой Златоустовской оружейной фабрики и обеспечил ее штат квалифицированными немецкими мастерами. А. Эверсман, бывший прусский горный советник, лично занимался наймом оружейников в Германии в 1813–1814 гг.<sup>6</sup> Выписанные им во время этого путешествия и в последующие несколько лет мастера составили полноценное про-

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1253. Л. 24–28.

<sup>2</sup> Там же. Л. 1А – 3 об., 23.

<sup>3</sup> РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 51. Л. 72, 90, 102, 155; Кн. 55. Л. 131–134 об., 150–152.

<sup>4</sup> ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–10; Ф. 212. Оп. 1. Д. 161. Л. 8–11.

<sup>5</sup> Боков В. Немецкие оружейники на Златоустовском заводе // Журнал императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1913. № 5–12. С. 200.

<sup>6</sup> РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 62–64.

фессиональное сообщество со своей структурой и внутренней иерархией, превратившись, таким образом, в коллективного актора региональной модернизации. Трудно оценить, насколько они осознавали подобное профессиональное предназначение. Скорее, выходцы из Европы действовали в собственных интересах, преследуя цели личного благополучия и обогащения, достигавшиеся, в том числе, и коллективными действиями. Как правило, с предложениями, просьбами и жалобами они выступали от имени «всех иностранных мастеров» (Златоуста), что выразилось в создании «Общества иностранцев» и «Общества молодых иностранных мастеров»<sup>1</sup>.

Каковы бы ни были личные мотивы иностранных специалистов, в силу своей профессиональной деятельности, а также социального поведения они неизбежно становились акторами модернизационного процесса. В этом смысле важно отметить заслуги отдельных мастеров и династий, обратить внимание как на наиболее выдающихся представителей сообщества, так и на рядовых специалистов, которые самим фактом исполнения работ, требующих определенной квалификации, создавали основы для развития производства. Так, например, выдающимся мастером Ижевского завода признавался оружейник Иоганн Генрих Бейне, уроженец Ганновера. Он был вызван на Урал из Германии в 1807 г. на условии, что если по истечении срока контракта пожелает вступить в действительную службу, будет принят на нее с учетом лет, проведенных в работе на заводе по контракту. В 1826 г. он стал коллежским секретарем, а в 1829 г. переведен в 9-й класс по Табели о рангах. 18 декабря 1832 г. Иоганн Генрих Бейне в знак отличной службы был награжден золотыми нашивками на мундир, а в 1839 г. – единовременной денежной выплатой в 500 рублей. В 1842 г. «За долговременную, усердную и ревностную службу и труды, понесенные по обучению рекрут, поступивших мастеровыми в Ижевский завод, оружейному мастерству и за доведение их до совершенства в искусстве отделки оружия» пожалован кавалером ордена Св. Станислава 3-й степени<sup>2</sup>. В 1843 г. И.-Г. Бейне принял присягу на подданство России, а вскоре был включен в число дворян Казанской губернии. В 1847 г. бывший иностранный подданный получил еще одну денежную награду – 125 рублей серебром, а также знак отличия за 25 лет беспорочной службы. Его дети учились в Казанской гимназии и университете<sup>3</sup>. Александр Фердинанд Бейне получил степень кандидата права. В 1846 г. он вступил в службу на Ижевский завод в должности помощника столоначальника первого отделения Правления заводами. Через три года утвержден чиновником разных командировок<sup>4</sup>. Густава Людвига Бейне исследователи считают первым историографом Ижевского завода. Труды Г.-Л. Бейне опубликованы в «Записках» Императорского Казанского экономического общества<sup>5</sup>. Эдуард Фердинанд Бейне служил помощником архитектора Ижевского оружейного завода<sup>6</sup>. Таким образом, дети иностранных мастеров могли работать не только на производстве, их деятельность как «актеров» модернизации распространялась на различные сферы жизни общества.

Известна своими заслугами в оружейном деле династия Боде. Первым представителем этого семейства был Филипп Антон Эрнст Боде, родом из Ганновера. Он приехал на Урал в 1807 г., а в 1818 г. в Россию из Гамбурга прибыл его брат, Вильгельм Боде. Оба они служили прикладными мастерами на Ижевском заводе. Когда Филипп занял должность главного мастера, Вильгельм стал его помощником. В 1825 г. Фридрих Боде за «отменную и усердную службу» награжден золотыми часами<sup>7</sup>. Потомственными оружейниками, в числе первых мастеров приехавших на Урал, являлись Вейерсберги. Петр Вейерсберг в Германии владел собственной мастерской. А. Эверсман так характеризовал его: «Он имеет совершенное практическое сведение о всех различных упражнениях в заводе белого оружия»<sup>8</sup>. На Златоустовской фабрике Петр Вейерсберг занимал должность браковщика по клинковому отделению и получал самое высокое жалованье. Известны своим ис-

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 8. Л. 26; Д. 135. Л. 21.

<sup>2</sup> ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 812. Л. 217.

<sup>3</sup> Там же. Л. 216, 218–219 об.; Ф. 4. Оп. 4. Д. 3. Л. 250–252; Ф. 4. Оп. 4. Д. 22. Л. 46 об.–49; Ф. 4. Оп. 1. Д. 443. Л. 30 об.–32; Д. 476. Л. 40 об.–43.

<sup>4</sup> ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 724. Л. 87 об.–89; Д. 756. Л. 90 об.–91; Ф. 4. Оп. 1. Д. 812. Л. 261 об.–263.

<sup>5</sup> Шумилов Е.Ф. Два века «Ижмаша»: Истоки. Лидеры. Технологии. Конструкции. Династии. Культура. Быт. Том первый. Город оружейников. 1807–1917. Ижевск, 2002. С. 105.

<sup>6</sup> ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 4. Д. 69. Л. 42 об.

<sup>7</sup> Там же. Оп. 1. Д. 75. Л. 37. Ф. 4. Оп. 4. Д. 3. Л. 182 об.–183; Д. 7. Л. 71 об.; Д. 10. Л. 74 об.–75; Д. 11. Л. 82 об.–83. Д. 18. Л. 128 об.–130.

<sup>8</sup> РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 64. Л. 226.

кусством кузнецы и оружейники Вольферцы. Даниель и Абрам Вольферцы приехали на Урал в 1814 г. Абрам Вольферц служил в должности мастера цехаковки клинков, выковывал шпажное оружие. Даниель Вольферц работал старшим цеховым мастером. Его сын, Даниель младший, с момента приезда с отцом в Златоуст, приступил к работе, а в 1820 г. занял должность мастера. Вольферцы изготавливали оружие для поднесения императору. Их клинки и сабли отправлялись в Санкт-Петербург, за что мастера не раз удостоивались высочайших наград<sup>1</sup>.

Иностранцами была основана Златоустовская школа холодного украшенного оружия и гравюры на стали. Немецкие оружейники положили начало этому художественному мастерству, обучили русских учеников, а их последователи сумели развить, усовершенствовать и разнообразить искусство украшения оружия. Основателями школы стали мастера Вильгельм Николаус и Людвиг Шафы. Они в совершенстве владели мастерством вытравки, гравировки и позолоты. В 1823 г. Шафы покинули Златоустовскую фабрику. Они осели в Петербурге, где открыли свою мастерскую<sup>2</sup>. В немецкую диаспору Златоуста входили семейства Ибахов, Гра, Брунеллеров, Оберкотте, Шлиперов, Гальбахов, Миллеров, Шмидтов, Пикертов, Баумейстеров, Лорхов, Рентхенов, Линдеров и др. Существовала градация специалистов по уровню квалификации. Условия их службы зависели не только от степени мастерства, но и от времени и обстоятельств приезда на Урал. Например, те, кого выписали посланники от горной администрации за рубежом в 1813–1814 гг., получали больше привилегий, поскольку условия первых контрактов были наиболее выгодными. Европейцы, приехавшие позже, особенно те, кто поступил на службу по собственной инициативе, а не по приглашению российского правительства, довольствовались более скромными условиями, которые, тем не менее, оказывались вполне привлекательными<sup>3</sup>.

Опыт иностранных специалистов использовался в ходе становления и развития машиностроения на уральских заводах. Предпочтение в этой отрасли отдавалось британским инженерам и механикам. С 1803 г. на Урале служил шотландец Иосиф Меджер. В 1804 г. он построил на Юговских заводах А.А. Кнауфа паровую машину мощностью в 10 л.с. В 1806 г. И. Меджеру было поручено устройство машин для казенных горных заводов. С 1812 г. он служил механиком Пермского горного правления и получил право организовать в Екатеринбурге собственную фабрику паровых и другого рода машин и инструментов. В 1820 г. он сконструировал водостолбовую машину для Березовских золотых рудников. Всего И. Меджер построил 18 паровых машин<sup>4</sup>. Большой вклад в модернизацию уральской промышленности внесли англичане Петр и Эдуард Теты. Они начали службу на Пожевском заводе в 1820-х гг. С 1836 г. Петр Тет служил главным механиком Уральского Горного правления. В 1842 г. он был командирован в Англию, Бельгию и Германию для ознакомления и последующего внедрения на Урале новых устройств и машин, используемых в Европе<sup>5</sup>.

Очередной этап привлечения на уральские заводы западноевропейских специалистов начался с середины 1830-х гг., что было связано со стремлением внедрить новые технологии на железнодорожном производстве. В 1835 г. министр финансов предписал организовать введение на Камско-Воткинском заводе английского способа выделки железа методом пудлингования. Для реализации этого проекта в апреле 1835 г. российским правительством был заключен контракт с английским мастером Самуилом Пенном<sup>6</sup>. В качестве помощников англичанину в Россию из Лондона выписали мастера-чугунолитейщика Джона Пенна и переводчика, британского подданного, Роберта Дина. В мае 1836 г. из Александровского завода в Санкт-Петербурге на Камско-Воткинский отправили машины, станки, приборы и инструменты, необходимые С. Пенну для его работ<sup>7</sup>. Первоначально процесс шел не совсем успешно, поскольку англичане привыкли работать

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 146. Л. 26–31; Д. 276. Л. 41.

<sup>2</sup> Бурмакин А.С. Исторические данные по введению изготовления холодного оружия на Златоустовской оружейной фабрике немецкими мастерами // Горный журнал. 1912. Т.4. С. 257–258; Куликовских С.Н. Златоустовская школа авторского холодного украшенного оружия. Становление и развитие (1815–1860 гг.). Челябинск, 2006. С. 55–56.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 276. Л. 41 об.–42 об.

<sup>4</sup> Бондаренко Ф.В., Микитюк В.П., Шкерин В.А. Британские механики и предприниматели на Урале в XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2009. С. 18–20; Козлов А.Г. Творцы науки и техники на Урале. XVII – начало XX века. Свердловск, 1981. С. 77–78.

<sup>5</sup> ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5592. Л. 36–37.

<sup>6</sup> Там же. Оп. 1. Д. 4263. Л. 1–5 об.

<sup>7</sup> Там же. Л. 11–17 об., 19 об., 56.



с каменным углем и не были знакомы с условиями сжигания древесного угля. В помощь Самуилу Пенну в 1839 г. на Камско-Воткинский завод был приглашен еще один британец, Бернард Аллендер, установщик пудлинговых и сварочных печей<sup>1</sup>. В начале 1840-х гг. пудлинговое производство уже имело 8 пудлинговых печей, 5 сварочных («проварочных») печей, 1 обжимной лобовой молот, 1 хвостовой молот, 4 прокатных стана, 1 резной стан и 7 дровосушильных печей. Введение пудлингования имело большое значение для осуществления промышленного переворота в металлургии Урала и России<sup>2</sup>.

Кроме пудлингования, британские специалисты на Урале привлекались для работы на паровом молоте Несмита, еще одном технологическом новшестве, пришедшем из Англии<sup>3</sup>. Еще одной отраслью, важную роль в развитии которой сыграли британские специалисты, стало судостроение. В середине 1840-х – начале 1850-х гг. на уральских заводах работала команда корабельных мастеров во главе с Джеймсом Карром. В 1846 г. была сооружена судоверфь, а в 1847 г. построен пароход «Астробад». В 1848 г. он был спущен по речкам Вотке и Сиве в Каму. К 1852 г. были сооружены еще несколько судов, например, пароход «Урал»<sup>4</sup>.

Каждый иностранный специалист по условиям контракта обязывался обучить минимум одного или двух русских работников. Некоторым иноземцам за время службы удавалось передать свое мастерство десяткам учеников. Например, к 1815 г. Иоганн Долквист, «задельщик замочно-отдельного мастерства», обучил 17 русских мастеровых, Петр Роде, «задельщик ложевого мастерства» – 12 человек<sup>5</sup>. Датчанин Дидрих Расмусен, штыковой отделочный мастер, за 3 года службы (с 1818 по 1821 гг.) сумел передать свое искусство 23 русским ученикам, хотя по контракту обязан был обучить всего двух человек<sup>6</sup>. Мастер Давид Петерсон, приехавший на Урал в 1808 г., к 1821 г. подготовил 52 работника<sup>7</sup>. Одного из учеников каждый иностранец должен был подготовить так, чтобы в случае необходимости тот мог занять должность мастера и заменить своего наставника<sup>8</sup>. В целом, приглашенные из-за рубежа мастера Ижевского завода передали свои навыки 202 русским ученикам<sup>9</sup>. На Златоустовской оружейной фабрике к 1819 г. немецкими мастерами было обучено 140 русских работников, а через год насчитывалось уже 200 русских мастеровых, не уступавших по искусству европейцам<sup>10</sup>. В Златоусте процесс обучения контролировали специальные чиновники, которые следили за тем, насколько иностранные мастера заинтересованы в обучении своих подопечных, и проявляют ли должное старание русские работники, а также они оказывали помощь мастерам в случае затруднений из-за незнания иностранного языка. Все свои наблюдения чиновники излагали в подробных донесениях Оружейной конторе, к которым прилагались списки русских учеников с оценкой их «понятливости, прилежания, поведения и меры способности». В среднем при каждом иноземном мастере находилось от одного до четырех учеников<sup>11</sup>.

Обучение европейцами русских мастеровых поощрялось отдельно, особенно приветствовалась подготовка большого количества учеников, чем предписывалось контрактом. Практиковались специальные выплаты за каждого обученного мастера, подтвердившего свою способность выполнять работы самостоятельно (например, на Ижевском заводе 50 руб., на Златоустовской фабрике – 500 руб.)<sup>12</sup>. Необходимость передачи своих знаний и навыков порой тяготила иностранцев. Некоторые из них не желали открывать секреты своего мастерства, имевшего, по сути, ремесленный характер. Например, мастера Шафы долго избегали этого и только в 1818 г., по принуждению директора фабрики, приступили к обучению первой группы русских работников.

<sup>1</sup> ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 4637. Л. 1–3 об.

<sup>2</sup> Там же; Металлургические заводы Урала XVII–XX вв.: Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 157.

<sup>3</sup> ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5701. Л. 1–2.

<sup>4</sup> Бондаренко Ф.В., Микитюк В.П., Шкерин В.А. Британские механики... С. 35–37; ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 5592. Л. 2–3, 62.

<sup>5</sup> ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 407. Л. 34, 53.

<sup>6</sup> ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 75. Л. 16, 20.

<sup>7</sup> Там же. Л. 117.

<sup>8</sup> Там же. Л. 110.

<sup>9</sup> Шумилов Е. Ф. «Для пользы ближних...» Андрей Федорович Дерябин. Очерк жизни гениального человека пушкинской эпохи. Ижевск, 2004. С. 103.

<sup>10</sup> Боков В. Немецкие оружейники на Златоустовском заводе // Журнал императорского русского военно-исторического общества. СПб., 1913. № 5–12. С. 523–524.

<sup>11</sup> Архив Златоустовского городского округа. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 90. Л. 2–4.

<sup>12</sup> ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 8. Л. 61–63; РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 63. Л. 137–139; ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 161. Л. 53–59, 73–106.

Через три года ученики вполне овладели искусством украшения оружия, так что могли работать самостоятельно, без помощи учителей<sup>1</sup>. Подобным образом английские корабельные инженеры во главе с Дж. Карром не приветствовали присутствия при их работе русских сослуживцев<sup>2</sup>.

Особого поощрения заслуживали действия иностранцев, направленные на ознакомление и внедрение на уральских предприятиях новейших западноевропейских технологий, а также и разработку прогрессивных технических методов. В контракте с машинными мастерами Фридрихом и Иоганном Георгом Кейзерами, заключенном в 1722 г., значилось, что, если они «какие новые инвенции и тайные художества, которые в Германии еще не известны имеют объявить», то для реализации таковых предоставлялись необходимые полномочия<sup>3</sup>. В обязанности зарубежных специалистов входил обзор западных инноваций не только в ходе командировок за границу, но во время отъездов в отпуск на родину. Подобные условия прописывались специальными пунктами в договорах о службе<sup>4</sup>.

Небольшой, но квалифицированный корпус кадров из Западной Европы обеспечивал трансфер технологических инноваций и основу для промышленной модернизации России. Вместе с тем, сообщества иностранцев выступали акторами социальных и культурных изменений, происходивших под влиянием модернизационных процессов. В региональной общественной структуре их положение отличалось особым статусом, европейских специалистов можно считать представителями технической элиты, что было обусловлено высокой профессиональной квалификацией и задачами, решаемыми европейцами, подтверждалось высоким уровнем их доходов и материального положения, высочайшим признанием их заслуг со стороны императора и правительства, а также принадлежностью некоторых из них к дворянскому сословию.

Крупные иностранные диаспоры стремились к обособленности от местного населения. Так, в Златоусте иноземцы проживали на отдельных улицах, имели собственный Немецкий суд, досуг проводили в Немецком клубе. Нередко возникали конфликты между немецкими и русскими мастерами<sup>5</sup>. В то же время, другие европейцы, приезжавшие не в составе крупных миграций и принимавшие российское подданство, постепенно интегрировались в локальный социум. Вливаясь в местное общество, иностранцы исполняли свою роль акторов уже в качестве российских подданных. В XVIII в. это проявлялось особенно ярко, т.к. в этот период иноземцы, осев на Урале и приняв подданство, получали более широкие возможности для карьерного продвижения, занимали более высокие посты, а значит, их влияние на различные сферы жизни региона возрастало. Примером может служить биография Рудольфа Мааке и его потомков. Последовательное повышение в чинах Иоганн Рудольф Мааке стал получать после принятия российского подданства<sup>6</sup>. В XIX в. факт принятия подданства уже далеко не всегда являлся определяющим в подобных случаях.

Результаты деятельности приглашенных из-за рубежа специалистов на уральских заводах в ряде случаев имели негативные или, по крайней мере, нулевые результаты. Не всегда посредник, нанимавший мастеров за границей, мог достоверно убедиться в квалификации контрагента, а потому принятыми иногда оказывались иностранцы с недостаточным уровнем знаний. Например, англичане С. Броун и В. Тиндль, приглашенные на Екатеринбургскую механическую фабрику, не оправдали ожиданий заводской администрации, поскольку, будучи простыми рабочими, знали лишь очень узкий участок производственных процедур<sup>7</sup>. Другой британец, Иосиф Тальбот, казалось бы, владел профессиональными навыками и пользовался уважением на Сестрорецком заводе. Однако, проработав семь лет на Камских заводах, не сумел добиться поставленных задач по введению нового способа изготовления ружейных стволов и удешевления их производства<sup>8</sup>. Но это, возможно, не являлось виной англичанина, а объяснялось технической неподготовленностью заводов. Иногда прием неквалифицированных иноземцев удавалось предотвратить. Так,

<sup>1</sup> Ляпин В.А. «Уголок Германии, перенесенный в Уральские горы» // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: Мат-лы Всерос. науч. конф. / Отв. ред. Е.В. Алексеева. Екатеринбург, 2009. С. 262–266.

<sup>2</sup> ЦГА УР. Ф. 212. Оп. 1. Д. 6610. Л. 10–13, 16.

<sup>3</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 10. Л. 213 об.

<sup>4</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 782. Л. 5; Ф. 43. Оп. 2. Д. 1347. Л. 4.

<sup>5</sup> ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 8. Л. 26; ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 135. Л. 21; РГИА. Ф. 37. Оп. 11. Д. 146. Л. 33.

<sup>6</sup> РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Кн. 68. Л. 121–123; Корепанов Н.С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 146.

<sup>7</sup> РГИА. Ф. 37. Оп. 10. Д. 35. Л. 1–2, 6–7, 13–18, 173.

<sup>8</sup> ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1347. Л. 3–5 об.; РГИА. Ф. 37. Оп. 10. Д. 35. Л. 190 об.; ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 876. Л. 1–3.

в начале 1820-х гг. на Ижевском заводе пожелал служить иностранец Гермусен, запросивший высокое жалованье. Однако после проведения им опытов по выковке железа, из которых удалась лишь половина, заводской инспектор не согласился принять Гермусена на службу<sup>1</sup>.

Несмотря на частичные неудачи, зарубежные специалисты в рассматриваемый период, несомненно, выступали индивидуальными и коллективными акторами региональной модернизации. Главным «дирижером» процесса привлечения иностранных специалистов, их мотивации и удержания на уральских заводах выступало государство. Методы и периодичность вербовки формировались в зависимости от потребностей империи в тех или иных мастерах. Регулирование найма и условий службы иноземцев происходило на разных уровнях: от законодательного до сугубо локального или даже личностного. Наряду с ролью агентов технологической модернизации европейские специалисты естественным образом оказывались носителями социальных и культурных инноваций, что приводило к изменениям в общественной структуре, а также облике уральских городов и культурной жизни региона.

В динамике длительного периода XVIII – первой половины XIX в. предпочтения государства относительно необходимых профессиональных знаний иностранцев менялись в зависимости от потребностей промышленного производства, однако, общие ключевые задачи, которые ставились перед приглашенными специалистами, были определены изначально, при первых попытках массового привлечения иноземцев, и оставались таковыми на протяжении последующего времени. От них требовалось, во-первых, исполнение их непосредственных должностных обязанностей, во-вторых – обучение русских работников, передача им профессиональных знаний и мастерства. Наконец, в-третьих, особенно поощрялись собственные инициативы иноземцев, связанные с внедрением западноевропейских инноваций сверх требований, обозначенных в контрактах.

*Иностранцы в уральских губерниях во второй половине XIX – начале XX в.* В рассматриваемый период в экономике и других сферах жизни региона происходили большие изменения. Значительно трансформировался горнозаводской комплекс. В металлургии были внедрены прогрессивные технологии, в том числе бессемеровское и мартеновское производства. В энергетическом хозяйстве заводов водяные колеса постепенно заменялись гидротурбинами и паровыми машинами, на ряде предприятий были построены электростанции. Изменилась транспортная система: возникло много фирм, специализировавшихся на перевозке грузов и пассажиров и использовавших для этого пароходы. Получил развитие железнодорожный транспорт: сначала появились магистрали регионального значения, а к концу XIX в. Урал вошел в общероссийскую сеть железных дорог. Улучшились условия для предпринимательской деятельности: появились новые возможности для вложения средств в разные отрасли промышленности и в торговую сферу. В этот же период в уральских губерниях выросло количество начальных и средних учебных заведений, аптек и больниц. Во многих городах и заводских поселках были открыты театры и кинотеатры, кое-где возникли постоянные театральные и музыкальные коллективы. Масштабные изменения сопровождалось появлением новых вакантных мест, что породило необходимость привлечения иностранных специалистов и рабочих. Поступательное развитие Урала и улучшение качества жизни в регионе делало его привлекательным для иностранцев, в основном выходцев из европейских стран и намного реже из США, Китая и других государств.

Во второй половине XIX – начале XX в. численность иностранцев, проживающих на Урале, постепенно увеличивалась. Пути их проникновения в регион были разными. В некоторых случаях европейцы, покидая родные страны, тут же ехали на Урал, но таких случаев было немного. Как правило, сразу на Урал попадали те из них, кто имел приглашения от заводовладельцев, учреждений или творческих коллективов. Намного чаще по приезду в Россию они сначала искали счастья в Москве, Петербурге, а также в таких регионах как Курляндия, Поволжье и некоторых других, а уж затем отправлялись в более отдаленные края Российской империи, в том числе и на Урал. В некоторых случаях европейцы быстро осознавали необходимость переезда в глубинку, в других случаях такой переезд осуществлялся их потомками, продолжавшими оставаться иностранными подданными.

Число иностранцев, временно и постоянно проживавших на Урале на протяжении большей части рассматриваемого периода, установить сложно, так как отсутствуют необходимые стати-

<sup>1</sup> ЦГА УР. Ф. 4. Оп. 1. Д. 75. Л. 128.

стические данные. Такую возможность дает лишь всероссийская перепись 1897 г. По количеству иностранных подданных лидировала Оренбургская губерния. В 1897 г. на 1 600 145 ее жителей приходилось 1137 иностранных подданных (596 мужчин и 541 женщина), причем европейцы не были доминирующей группой. Это обстоятельство отличает Оренбургский край от других уральских губерний, а само отличие объясняется пограничным положением Оренбуржья, делавшего его доступным для жителей Бухары и Хивы, которые и преобладали среди других иностранцев. Переписью было зафиксировано присутствие в крае 534 подданных Бухары и 136 подданных Хивы.

Большую часть остальных иноземцев составляли европейцы (426 чел.). Составители переписи выделили 12 стран Европы и создали графу «прочие европейские государства», причем кроме Германии в переписи были отдельно указаны подданные Баварии, Пруссии и Саксонии. По количеству подданных лидировала Германия – 94 человека, за ней следовали Швеция (67 чел.), Пруссия (64), Австро-Венгрия (63), Швейцария (34), Саксония (26). Немало жителей губернии считали родными иностранные языки и исповедовали лютеранство, англиканство и т.д. В частности, в крае было 3023 лютеранина, 1766 меннонитов, 91 приверженец реформатской церкви<sup>1</sup>. Немецкий язык признавали родным 5457 человек, норвежский – 48, шведский – 35, французский – 15<sup>2</sup>.

Второе место по количеству иностранных подданных на Урале занимала Пермская губерния. В 1897 г. в ней находилось 593 (314 мужчин и 279 женщин) иностранных подданных при численности населения в 2 994 302 человека. 549 человек были подданными европейских государств, а на остальные страны (Бухару, Китай, Персию и США) приходилось 44 человека. Из европейцев наибольшее стремление к проживанию в Пермской губернии проявляли подданные Германии (217 чел.), Австро-Венгрии (99), Великобритании (71), Франции (42), Швейцарии (34), Швеции (20), Италии (19). Численность подданных Бельгии, Болгарии, Греции, Норвегии, Румынии, Сербии и прочих государств исчислялась единицами. Подданных Болгарии, Греции и Румынии было по 4, а Сербии всего 1<sup>3</sup>. Перепись свидетельствует, что в губернии было немало европейцев, перешедших в российское подданство, но сохранивших родной язык и вероисповедание. 947 человек считали родным немецкий язык, 95 – французский, 51 – английский, 24 – шведский. Лютеран в Пермской губернии насчитывалось более тысячи (592 мужчины и 507 женщин), англикан – 18, меннонитов – 11. Много было приверженцев римско-католической церкви (2441 чел.), но среди них преобладали поляки, являвшиеся подданными Российской империи<sup>4</sup>.

В Уфимской губернии иностранных подданных было немного – 341 человек (301 постоянный и 40 временных)<sup>5</sup>. Они составляли небольшой процент по отношению к населению губернии (2 196 642 чел.). Вятская губерния также не могла похвастаться большим количеством иноземцев. При численности населения в 3 030 831 человека иностранных подданных насчитывалось всего 112, в основном являвшихся европейцами. 105 человек относились к постоянному населению, 7 проживали в губернии временно. Большинство было подданными Германии (70 чел.) и Австро-Венгрии (15). Кроме того, в губернии проживали подданные Великобритании (1), Дании (1), Италии (1), Норвегии (1), Турции (6), Франции (4), Швеции (3), Швейцарии (3) и Персии (7)<sup>6</sup>. Имелись в Вятском крае и бывшие иностранные подданные, сохранявшие верность родному языку. Немецкий считал родным 281 человек, французский 18, шведский 11<sup>7</sup>. Таким образом, на 9 821 920 человек, проживавших в четырех губерниях, приходилось 2143 иностранных подданных.

Выше уже говорилось, что иностранных подданных на Урал влекли разные сферы деятельности. Например, в Оренбургский край ехали, прежде всего, меннониты, которые предпочитали заниматься сельским хозяйством. Многих европейцев, приезжавших на Урал, привлекала горнозаводская отрасль, в которую они долгое время попадали в основном по приглашению заводо-

<sup>1</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб., 1904. С. 54–55.

<sup>2</sup> Там же. С. 56–57.

<sup>3</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XXXI. Пермская губерния. СПб., 1904. С. 90–91.

<sup>4</sup> Там же. С. 93, 95.

<sup>5</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. XLV. Уфимская губерния. Тетрадь I. СПб., 1904. С. 2–3.

<sup>6</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. X. Вятская губерния. СПб., 1904. С. 85.

<sup>7</sup> Там же. С. 86–87.



владельцев. В частности, интерес к приглашению западноевропейских специалистов проявляли Демидовы, вербовавшие их в различных странах Европы, в том числе во Франции и Швеции. В 1854 г. в Нижнетагильском округе числилось трое французских подданных. Уроженец г. Метца инженер Л. Вейер нанялся к Демидовым в 1839 г. В 1852 г. его примеру последовал инженер А. Жонес-Спонвиль, француз по национальности, родившийся во Флоренции. В 1854 г. к ним присоединился парижанин Э. Бокар. Последние двое на Урале не задержались: в 1856 г. они уехали в Санкт-Петербург, где стали служащими главной конторы Демидовых, причем Жонес-Спонвиль позднее занял пост главноуполномоченного демидовских заводов. Место уехавших заняли литейщик медных изделий Л. Белланже и химик Ж. Тисс<sup>1</sup>. Кроме французов у Демидовых трудились шведские подданные, в том числе инженер К. Оберг, механики И. Вольстедт и К. Гультман. Вольстедт вскоре был переведен в петербургскую контору, но позднее вернулся и возглавил Нижнетагильские заводы<sup>2</sup>.

Эти примеры показывают, что часть иностранцев работала на Урале совсем недолго. В иных случаях их отъезд был результатом перевода на новые места работы, а в других следствием разрыва контракта. Такое периодически случалось из-за конфликтов с местной администрацией. Иногда разрыв контракта был следствием выявившегося низкого уровня подготовки иностранного специалиста. Кроме того, краткое время пребывания на Урале присуще рабочим и служащим европейских машиностроительных и металлургических заводов, приезжавшим для сборки и монтажа сложного оборудования, в том числе сооружения бессемеров и мартеновских печей. На Нижнетагильском заводе в 1876–1878 гг. шло строительство трех мартенов, соорудившихся по образцу аналогичных печей французского завода Тер-Нуар. В пуске мартена участвовали французы: «Первой задувкой руководили директор этого завода Вальтон и мастер Арно»<sup>3</sup>.

Часть иностранных специалистов задерживалась на Урале на длительный срок и вполне адаптировалась к местным условиям. Ряд обстоятельств облегчал процесс адаптации. На Урале в немалом количестве проживали потомки принявших российское подданство и обрусевших англичан, австрийцев, немцев, французов, шведов и представителей других национальностей. Степень обрусения была неодинаковой: многие потомки иностранцев сохраняли знание родного языка, что облегчало вновь прибывшим возможность общения. Кроме того, не все их потомки меняли вероисповедание. В частности, на Урале было немало лютеран и протестантов, которые имели собственные кирхи и приходские организации. В начале 1860-х гг. организация приходской жизни в Пермской губернии выглядела так: «Лютеране и протестанты составляют, можно сказать, один общий приход, разбросанный по разным городам, которые посещает ежегодно пастор екатеринбургской евангелическо-лютеранской церкви. Лютеране и протестанты по духовным делам зависят от своей консистории, которая выбирает и назначает по своему усмотрению пастора»<sup>4</sup>.

Воспользоваться благоприятными факторами мог далеко не каждый иностранный специалист. Нередко служба забрасывала их на заводы, находившиеся в уральской глубинке, где возможность общения с соотечественниками и единоверцами, сводилась к нулю. Это обстоятельство не пугало иностранцев, так как неудобства компенсировались хорошими окладами. Они приглашались на различные должности, нередко занимали высокие посты, в том числе становились механиками, заводскими управителями, управляющими горных округов. Владельцы некоторых уральских округов вполне сознательно делали ставку на иностранцев. Так, владельцы Алапаевского округа длительное время, с 1867 по 1899 гг., на пост управляющего округа приглашали французов. Некоторое время Алапаевский округ возглавлял Н.Ю. де-Ришмон, смененный Э.Ф. Сиркуллоном, которого в свою очередь заменил А.Ю. Иллоро<sup>5</sup>.

О вкладе де-Ришмона и Сиркуллона в развитие округа судить сложно, так как их деятельность не становилась объектом научного изучения. Иначе обстоит дело с Артуром Иллоро, ко-

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1154. Л. 1, 4 об., 5 об.

<sup>2</sup> Там же. Л. 1–1 об.

<sup>3</sup> Комратов Ю.С., Семенов И.Г., Устьянцев С.В., Хлопотов С.И. Памятники индустриальной культуры Урала. Нижнетагильский металлургический завод. XVIII–XX века. Екатеринбург. 1996. С. 224–225.

<sup>4</sup> Мозель Х. Материалы для географии и статистики России. Пермская губерния. СПб., 1864. Ч. II. С. 427.

<sup>5</sup> Гаврилов Д.В. Алапаевский (Нейво-Алапаевский) чугуноплавильный и железоделательный завод // Металлургические заводы Урала. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С. 25.

торый возглавлял Алапаевский округ более десятка лет и многое сделал для его модернизации. Его деятельность получила высокую оценку современников: «За время его управления Алапаевскими заводами производительность округа увеличилась на одну треть при блестящих коммерческих результатах, построена заводская железная дорога протяжением около 40 верст для перевозки руды и древесных материалов, введено мартеновское производство, произведены геологические исследования и капитальные разведки руд и установлены рациональные приемы разработки рудников»<sup>1</sup>. Разногласия с заводовладельцами заставили Иллера оставить свой пост, после чего он вернулся во Францию.

А.Ю. Иллера не единственный пример эффективной деятельности иностранных специалистов на Урале. В последней четверти XIX в. немалой известностью в Пермской губернии пользовался шведский подданный К.П. Оберг. Во второй половине 1860-х гг. он работал на Чермозских заводах, где исполнял разные механические работы, в том числе построил турбину, которая улучшила снабжение завода гидроэнергией. До ее сооружения заводовладельцы каждую осень и весну останавливали 2 листокатальных стана и 6 листовых молотов. Турбина, построенная Обергом, получила высокую оценку горного инженера И.А. Тиме: «При проектировании настоящей турбины Оберг применил все те усовершенствования в турбинах, какие только возможны при данных местных условиях»<sup>2</sup>. В начале 1870-х гг. швед получил приглашение на Нижнетагильские заводы. Управление округа, присмотревшись к иностранцу, 20 февраля 1874 г. назначило его на пост механика с жалованием 3500 руб. серебром<sup>3</sup>. Позднее Оберг работал в Кыштымском горном округе, где также занимался установкой различного оборудования.

Высокие посты на металлургических заводах занимали и другие иностранцы. Британский подданный А.Ф. Эванс был управляющим Кыштымского завода, швейцарец И.Л. Меннет являлся главным механиком Сысертского горного округа, германский подданный Б.Э. Бабель был главой Шайтанского горного округа, швед А.А. Гофман служил управителем Полевского завода и т.д. Все они сыграли важную роль в модернизации возглавляемых ими заводов. Б.Э. Бабель улучшил доменную плавку и производство железа, а также внедрил ряд своих изобретений, в том числе «особый аппарат под названием “Консерватор” для продолжительного сохранения теплоты металла в промежутки времени между его выделкой и прокаткой»<sup>4</sup>. По инициативе Гофмана в Сысертском округе были организованы добыча медной руды из отвалов и получение меди химическим способом<sup>5</sup>.

На рубеже XIX–XX вв. приток европейских специалистов в горнозаводской комплекс продолжал нарастать. В одних случаях за их приглашением стояли российские горнозаводчики, в других английские, бельгийские, французские фирмы, ставшие владельцами уральских металлургических заводов, горнодобывающих предприятий, в том числе изумрудных копей, золотых и платиновых приисков. Большой интерес к иностранцам проявляли владельцы Богословского округа. В 1899 г. на Надеждинском заводе производством стальных рельсов руководил французский гражданин Ф. Биладе, главным механиком являлся француз М. Гюэт, мартеновский цех возглавлял французский гражданин Э. де-Луазель, а пост технического директора занимал француз А. Журжон. Помимо французов в округе работало немало подданных Германии.

Во второй половине XIX – начале XX в. французские фирмы стали инициаторами строительства в Пермской губернии ряда металлургических заводов, в том числе Чусовского, Велсовского, Вижаихинского и Кутимского, что стало причиной появления новой группы французских специалистов, сравнительно небольшой по численности. На Архангело-Пашийском заводе некоторое время трудились Р. Васле и К. Морель, заведующим инженерной частью Чусовского завода являлся Ж. Вердие, техническую часть Камского акционерного общества возглавлял Ю. Жиро, а его главными директорами в разное время служили Л. Монтейль, Э. Лавизон и Т. Тай. Пост директора Кутимского завода несколько лет занимал металлург Г. Дюссо, а управляющим Вижаихинского завода был инженер Г. Журд. Строителем последнего также был француз – Ж. Реймон.

<sup>1</sup> К проводам А.Ю. Иллера // Уральское горное обозрение. 1899. № 17. С. 15.

<sup>2</sup> Тиме И. Примечание // Горный журнал. 1878. Т. 1. Кн. 2. С. 199.

<sup>3</sup> ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 643. Л. 20 об.–21.

<sup>4</sup> Торгово-экономические известия // Уральское горное обозрение. 1897. № 1. С. 11.

<sup>5</sup> В.П. Некролог А.А. Гофмана // Золото и платина. 1913. № 3. С. 165.

Схожие процессы шли в Оренбургской и Уфимской губерниях. Иностранные предприниматели проявили интерес к металлургии и добыче полезных ископаемых. Для реализации этих проектов нередко приглашались специалисты из Европы. Французский инженер П.П. Гроссо в 1898 г. построил Александровскую домну в Авзянопетровском заводе. Позднее он был приглашен для постройки аналогичной печи на Лемезинском заводе. К сооружению последнего предприятия прямое отношение имел директор Уральско-Волжского общества А.А. Гуви, француз по национальности. Под его руководством были разработаны «все планы и сметы доменной печи и относящихся к ней технических сооружений и устройств»<sup>1</sup>.

Иностранные специалисты занимались не только решением административных и технических вопросов, но и консультировали европейские фирмы, решившие вложить средства в экономику Урала, оказывали посреднические услуги. Плодотворно в этом направлении работал А.А. Гофман: «Он был посредником между деловыми домами на родине и Россией. Он открыл путь для шведского алмазно-бурильного дела на Урале и в Сибири. Во время своей последней поездки на Урал, он сделал очень важные приготовления для введения на Урале геганезского метода приготовления железной губки»<sup>2</sup>.

В последней четверти XIX – начале XX в. зарубежные специалисты появлялись и на предприятиях негорнозаводских отраслей. Наибольшая их концентрация наблюдалась на химических заводах. В 1898 г. на Березниковском содовом заводе, принадлежавшем акционерному обществу «Любимов, Сольве и К<sup>о</sup>», директором технической части являлся австрийский подданный А. Гира, пост его помощника занимал бельгийский подданный А. Брюэр, должность заведующего производством каустической соды принадлежала бельгийцу К. Вилькену, механическими работами заведовал француз Ю. Делакур, строительством ведал также француз – Э. Девиен<sup>3</sup>. На Полевском сернокислотном заводе Злоказовых трудились шведы Эрих Ингманн и Иоганн Гартман.

Немало иностранцев работало на пивоваренных заводах. Большая часть мастеров-пивоваров приезжала в Россию из Германии и Австро-Венгрии, и, как правило, по своему желанию, не имея приглашения от уральских заводчиков. В силу этого им приходилось самостоятельно вести поиск вакансий: «Пивовар из Баварии с хорошими аттестатами, имеющий за собой многолетнюю практику, ищет место, согласен в отъезд. Спросить в “Дешевом магазине” в Екатеринбурге»<sup>4</sup>. В 1888 г. на екатеринбургском пивоваренном заводе М.И. Гребеньковой мастером-пивоваром являлся иностранец Г. Клинтман, позднее эту должность занял немец М.Р. Иррганг. Аналогичную должность в начале XX в. на Исетской пивоварне Злоказовых, также находившейся в Екатеринбурге, занимал австро-венгерский подданный В. Тесарж<sup>5</sup>. Еще один австриец, Г. Шольц, трудился на пермской пивоварне Чердынцевых.

Имеется немало примеров перехода бывших служащих к предпринимательству. Прусский подданный Г. Каттенбуш некоторое время являлся красильным мастером на суконной фабрике Ушковых, а затем открыл в Екатеринбурге химчистку и паровое красильное заведение<sup>6</sup>. Выходец из герцогства Саксен-Кобург-Готт И. Паккерт какое-то время служил в разных заведениях, а в 1877 г. открыл в Екатеринбурге мастерскую по изготовлению дубовых бочек<sup>7</sup>. Мекленбургский подданный К. Берс появился на Урале в начале 1860-х гг.: первое время он был рабочим на одном из уральских заводов. Скопив капитал, он занялся добычей золота и взялся за посредничество при купле-продаже золотоносных площадей<sup>8</sup>. Бельгийский подданный И. Берtrand несколько лет работал в качестве оружейного мастера на одном из казенных предприятий Урала, а затем основал в Екатеринбурге оружейную мастерскую<sup>9</sup>.

<sup>1</sup> Торгово-экономические известия // Уральское горное обозрение. 1900. № 26. С. 8.

<sup>2</sup> В.П. Некролог А.А. Гофмана // Золото и платина. 1913. № 3. С. 165.

<sup>3</sup> Адрес-календарь Пермской губернии. Правительственные и административные учреждения // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1898 год. Пермь, 1898. С. 101.

<sup>4</sup> Екатеринбургская неделя. 1881. № 41. С. 563.

<sup>5</sup> ГАПК. Ф. 111. Оп. 2. Д. 745. Л. 15.

<sup>6</sup> Уральская жизнь. 1906. 16 февраля.

<sup>7</sup> Награды экспонентам Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 года в Екатеринбурге. Екатеринбург, 1887. С. 22.

<sup>8</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 21. Д. 104. Л. 27.

<sup>9</sup> Объяснительная записка Екатеринбургской уездной земской управы к сметам доходов и расходов и раскладке земских сборов на 1902 год // Сметы доходов и расходов Екатеринбургской уездной земской управы на 1902 год. Екатеринбург, 1902. С. 141.

В числе специалистов, трудившихся на горнозаводских и негорнозаводских предприятиях, была небольшая группа представителей Великобритании, оставившая яркий след в экономике Урала. Многие из англичан и шотландцев прибыли в регион еще в первой половине XIX в. Подобное можно отнести к П.Э. и Э.Э. Тетам. Петр Эдуардович некоторое время сочетал службу главного механика уральских казенных горных заводов с предпринимательством: в Екатеринбурге ему принадлежала механическая фабрика. Позднее Уральскому горному правлению это совместительство показалось неуместным, и Тет сдал фабрику в аренду англичанам П. Гаксу и Г. Гуллету, которые уже во второй половине XIX в. основали механические фабрики в Кунгуре и Перми. Продукция этих фабрик, особенно паровые машины и котлы, была крайне востребована в Урало-Сибирском регионе.

Во второй половине XIX в. на Урале появились представители семейства Ятес, сохранившие подданство Великобритании. Василий (Вильгельм) Егорович Ятес в начале 1860-х гг. служил механиком Сергинско-Уфалейского горного округа. Позднее на Урал приехали его братья – Иван (Джон), Фома (Том) и Федор (Фридрих). Не прекращая службы в Сергинско-Уфалейском округе, англичане, основавшие фирму «Братья Ятесы», построили писчебумажную фабрику и приобрели предприятия Тета в Екатеринбурге (пивоварню, механическую и суконную фабрики). После смерти В. Ятеса пути братьев разошлись. Иван Ятес построил в Камышловском уезде новую писчебумажную фабрику и развернул обширную торговлю ее изделиями. Фома стал владельцем механической фабрики в Екатеринбурге, а Федор открыл в Тюмени техническое агентство «Урал», торговавшее разными машинами и механизмами. П.В. Гакс, Г.И. Гуллет, П.Э. и Э.Э. Теты, В.Е., И.Е., Ф.Е. и Ф.Е. Ятесы внесли большой вклад в развитие машиностроения на Урале. С помощью их предприятий многие пароходы и заводы были оснащены паровыми машинами и котлами, а также различными станками. В качестве комиссионеров зарубежных фирм они содействовали внедрению на Урале многих технических новинок.

Часть иностранных специалистов приезжала на Урал для того, чтобы поступить на службу в учреждения почтово-телеграфного ведомства, учебные заведения Министерства народного просвещения и т.д. В учебных заведениях им легче всего было трудоустроиться на место преподавателя иностранных языков. На Урале имелся спрос и на педагогов латинского и древнегреческого языков и на преподавателей французского и немецкого. Вакантные места привлекали в основном подданных Великобритании, Австро-Венгрии, Германии и Франции. Многие европейцы, получив работу, через некоторое время принимали российское подданство. Нередко это делалось из материальных соображений: педагог из числа российских подданных мог служить в соответствии с Табелью о рангах, получая при этом чины, повышенные оклады и пенсию. Кроме того, к переходу в российское подданство порой подталкивали женитьба на русских женщинах и появление потомства. Педагогам, сохранявшим иностранное подданство, приходилось изыскивать другие возможности для пополнения бюджета, в частности, заниматься репетиторством и предпринимательством.

Среди выходцев из Австро-Венгрии заметной личностью являлся преподаватель латинского языка П.М. Лешник, выпускник Венского университета. В начале 1880-х гг., в возрасте 26 лет, он появился в России. Выдержав в марте 1881 г. при Петербургском университете экзамен на звание учителя гимназии, он получил право преподавания в российских гимназиях. Летом того же года он занял место преподавателя древних языков в Екатеринбургской мужской гимназии. 30 апреля 1884 г. Лешник стал российским подданным. Вероисповедание он менять не пожелал, оставшись католиком. Со сменой подданства австриец начал продвигаться по карьерной лестнице, получая очередные чины и награды. В частности, он дослужился до чина статского советника и был пожалован 5 орденами<sup>1</sup>. Среди его выпускников было немало медиков и адвокатов, для которых знание латинского языка было насущной необходимостью.

Среди преподавателей новых языков также было немало европейцев. Некоторые из них стали появляться на Урале в начале 1860-х гг. Выпускник Руанского коллигеума Э. Мартен в 1861 г. занял место преподавателя французского языка в Екатеринбургском женском училище. Позднее преподавал французский язык в мужской гимназии и реальном училище, где и проработал до

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 375. Л. 92–95.



самой смерти в 1882 г.<sup>1</sup> В том же году его место занял А. Пинель-де-Граншан, выпускник частной школы в Орлеане. В начале XX в. в реальном училище появились новые выходцы из Франции. 4 марта 1906 г. в его штат был зачислен выпускник Сорбонны А. Дюпре. В 1908 г. педагогом реального училища стал Г. Уэ, также выпускник Сорбонны. И Дюпре, и Уэ преподавали французский язык<sup>2</sup>. Подобное происходило и в других учебных заведениях Урала. 15 августа 1901 г. на должность преподавателя французского языка Оренбургской мужской гимназии был назначен 25-летний выпускник Тулузского лицея Ж. Кастанье. Начав службу в 1899 г., он 15 января 1901 г. стал служащим Министерства народного просвещения. Кастанье остался католиком, но, по-видимому, принял российское подданство. Это позволило ему стать чиновником и получать чины в соответствии с Табелью о рангах: 15 мая 1905 г. он стал надворным советником<sup>3</sup>. Несколько позже, 10 августа 1905 г., на аналогичную должность в Уфимском реальном училище устроился Л. Ферье, имевший диплом Женевского университета. Лютеранин Ферье, вероятнее всего, был выходцем из французской части Швейцарии. Подробности о его служебной деятельности отсутствуют, так как он работал по найму<sup>4</sup>.

Среди педагогического персонала учебных заведений Урала иногда встречались выходцы из Великобритании, наиболее известной из которых была Е.И. Кук, урожденная Гуллет. Она родилась в Англии в 1815 г. и еще в молодые годы покинула родину. Перебравшись в Россию, она вышла замуж за англичанина, работавшего в одной из гимназий Харькова. После ранней смерти мужа Елена Кук была вынуждена зарабатывать на жизнь. Сдав экзамены в университете, она получила статус домашней наставницы и приступила к педагогической деятельности в Харькове, а затем переехала в Екатеринбург, где вскоре получила приглашение стать начальницей женского училища 1-го разряда, на этой должности она трудилась в 1864–1872 гг. Елена Кук много сделала для увеличения книжного фонда фундаментальной и ученической библиотек, создания энтомологической и минералогической коллекций, основания физического кабинета и организации благотворительной помощи беднейшим ученицам. Одной из главных ее заслуг стало учреждение при училище, преобразованном в гимназию, 8-го класса, именовавшегося педагогическим. Ученицы 8-го класса изучали разные предметы и после экзаменов получали звания домашних учительниц и наставниц, дававших им право преподавания в сельских и городских начальных школах, а также в средних учебных заведениях. В 1872 г. из-за участия ее воспитанниц в гимназических волнениях Кук покинула гимназию и переклочилась на частную деятельность. В 1881 г. ее не стало. Е.И. Кук сыграла большую роль в обеспечении Урала педагогическими кадрами: ее ученицы работали во многих учебных заведениях Урало-Сибирского региона<sup>5</sup>.

Не менее эффективной была деятельность педагога О.Е. Клера, уроженца Швейцарии, который до прибытия в Екатеринбург в 1867 г., успел поработать в Петербурге, Москве и Ярославле. В Екатеринбурге Клер преподавал французский язык в мужской гимназии, работал в реальном училище и женской гимназии. Швейцарец был преуспевающим педагогом: многим его ученикам и ученицам было свойственно хорошее знание иностранного языка. Известны случаи, когда бывшие ученики Клера брались за перевод сложных технических текстов. Например, А.И. Фадеев, бывший ученик реального училища, перевел книгу французского металлурга де-Билли «Производство чугуна. Краткое руководство доменной плавки». Клер, ставший российским подданным в 1885 г., преуспел не только в педагогике, но и в общественной деятельности. Он принял самое непосредственное участие в создании Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), которое со временем превратилось в одну из самых массовых и эффективных просветительских организаций на Урале. При участии Клера общество учредило музей и библиотеку, а также организовало издание «Записок УОЛЕ», выходивших на русском и французском языках. В 1871–1898 гг. Клер занимал в УОЛЕ пост ученого секретаря, позднее он был хранителем музея и президентом общества, вынес на своих плечах львиную долю организаторской работы. В частности, он был среди устроителей Сибирско-Уральской научно-промышленной выставки 1887 г.<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 90. Оп. 1. Д. 268. Л. 1 об.

<sup>2</sup> Памятная книжка Оренбургского учебного округа на 1910 год. Уфа, 1910. С. 238, 239.

<sup>3</sup> Там же. С. 17.

<sup>4</sup> Памятная книжка Оренбургского... С. 433.

<sup>5</sup> Некролог Е.И. Кук // Екатеринбургская неделя. 1881. № 14. С. 206–207.

<sup>6</sup> См.: Зорина Л.И. Онисим Егорович Клер. М., 1989.

В начале XX в. на Урале появились несколько чехов, подданных Австро-Венгрии, являвшихся преподавателями так называемой сокольской гимнастики. Все они поступили на работу в учебные заведения, и в короткое время содействовали тому, что сокольская гимнастика стала массовым увлечением уральских учащихся обоего пола, а публичная демонстрация гимнастических упражнений превратилась в одно из наиболее популярных массовых зрелищ.

Во второй половине XIX – начале XX в. некоторые иностранцы приезжали на Урал, чтобы наняться в богатые семьи в качестве прислуги. Как правило, они редко становились кухарками и домашними швеями, предпочитая статус бонн и гувернанток и используя для этого свое главное достоинство – знание иностранного языка. Часть из приехавших занималась репетиторством. В 1890 г. в Екатеринбурге некая французженка, «недавно прибывшая из Парижа, желала давать уроки французского и английского языков»<sup>1</sup>. В 1901 г. у екатеринбуржцев появилась возможность отдать своих детей в руки новых французенок: «Две парижанки, одна только что приехавшая, желает получить место гувернантки, а другая, имея несколько свободных часов, ищет уроков»<sup>2</sup>. Среди репетиторов были не только французы, но и немцы. К сожалению, газетные объявления не дают возможности отделить российских немцев от подданных Германии. Исключением является следующее объявление: «Немец (германец) дает уроки немецкого и французского языков»<sup>3</sup>.

Часть репетиторов нигде подолгу не задерживалась: поработав в одном городе, они перебирались в другой. В ходе таких переездов некоторые репетиторы навсегда покидали Урал. Аналогичным образом складывалась ситуация для служащих разных фирм, артистов цирка, театральных и эстрадных коллективов. На рубеже XIX–XX вв. в регионе стали появляться передвижные кинотеатры. В 1903 г. в Екатеринбурге гастролировал кинотеатр Парижского товарищества Ж. и В. Дерсенов<sup>4</sup>. В эти же годы на Урале работал синемаграф Люмьера, деятельность которого курировал Л. Нойе<sup>5</sup>. В короткое время кинематограф стал одним из наиболее любимых массовых зрелищ уральцев.

Таким образом, иностранные подданные, несмотря на свою немногочисленность, внесли заметный вклад в становление и технологическое совершенствование горно-металлургической отрасли Урала, в модернизацию региона в целом. Некоторые из них сыграли важную роль в сооружении промышленных объектов, внедрении новых технологий и различных машин, другие оставили значимый след в предпринимательстве и общественной деятельности. Кроме того, иностранцы оказали значительное воздействие на повседневную жизнь уральцев.

### **Отношение российских инженеров к иностранным специалистам**

Рассматривать вклад высококвалифицированных, но относительно немногочисленных зарубежных специалистов в прогрессивные преобразования на территории Российской империи необходимо в тесной связи с деятельностью отечественных акторов модернизации – инженеров, металлургов, оружейников, механиков, представителей многих других специальностей. Как было показано, часть из них прошла практическое обучение у иностранных мастеров, работала рядом впоследствии. Многие российские инженеры регулярно выезжали с деловыми поездками на зарубежные заводы, фабрики, рудники и шахты, знакомились с новинками европейской технической литературы и даже переводили их, участвовали во всемирных выставках, обучались в Европе, вели переписку и сотрудничество с зарубежными предприятиями, лабораториями, учебными заведениями, одним словом, были в курсе новейших тенденций мирового технического прогресса, продвигая вместе с европейскими коллегами, по мере возможности, его достижения в России. Тем не менее, в XIX – начале XX в., как и сегодня, привлечение иностранцев на ключевые позиции в промышленном производстве, использование европейских технологий, капиталов, сам феномен заграничных заимствований, вызывали неоднозначную реакцию российского общества, прежде всего, его наиболее сведущей части – технической интеллигенции.

<sup>1</sup> Екатеринбургская неделя. 1890. № 2. С. 47.

<sup>2</sup> Урал. 1901. 9 октября.

<sup>3</sup> Уральская жизнь. 1910. 17 июля.

<sup>4</sup> Уральская жизнь. 1903. 26 мая.

<sup>5</sup> Уральская жизнь. 1906. 10 февраля.

Усиливающаяся связь между формирующимся национальным самосознанием отечественных инженеров, промышленников и набирающим темпы техническим прогрессом прослеживается примерно с конца 1840-х гг. Она манифестировалась, в том числе, в сознательном намерении русских предпринимателей основывать новые производства без участия иностранцев. Примером такого рода убеждений и действий стало создание «Компании Волжского буксирного и завозного пароходства» – «Нижегородской механической фабрики» (1849 г.). Учредители компании подчеркивали, что при основании нового, трудного и дорогостоящего предприятия они руководствовались не стремлением к прибыли, но «единственно патриотическим желанием содействовать к распространению в России приготовления машин», целью образовать «в самой середине России рассадник для научения искусству соорудать паровые машины и пароходы». Предприниматели были убеждены, что «учреждение это послужит во всех отношениях к существенной пользе отечественной промышленности. Это доказывается уже многими судами с машинами, построенными при фабрике из русского железа, русскими мастерами, без пособия иностранцев»<sup>1</sup>. Важно, тем не менее, отметить, что создавая русскую фабрику и отрицая необходимость для своего дела иностранных специалистов, нижегородцы не могли не использовать западные технологии пароходостроения. Так, в 1851 г. из построенных ими двух паровых машин – одна конструировалась по системе Моделя, другая – по системе Пенна. На следующий год для Закавказья был построен пароход «Кур» с машиной, произведенной по бельгийской системе, а еще один паровой двигатель создали по системе Вольфа<sup>2</sup>. Убедившись на опыте в недостатках деревянных корпусов первых судов, компания с 1851 г. приняла решение строить железные пароходы, «но ни в коем случае не обращаться к пособию иностранных мастеров»<sup>3</sup>. В итоге, учреждения компании «достигли такой степени развития и совершенства», что пароходы могли выдержать «соперничество с лучшими и обходятся дешево»<sup>4</sup>.

Мощным толчком к росту как патриотических идей, так и собственного производства стала Крымская война. Об укреплении национального самосознания, утверждении в своих силах отечественных инженеров свидетельствуют публикации в технических журналах, связанные с внедрением передовых технологий в металлургии, в том числе, полемика на тему: «полезно ли вводить в России Бессемеров способ выделки стали», развернувшаяся в 1863 г. между специалистами-металлургами А. Иоссой и В. Полетикой<sup>5</sup>.

В споре о перспективах изготовления стали новым способом со всей остротой обозначилось противостояние, с одной стороны, сложившейся практики применения европейских технологических инноваций, внедрение их в России с помощью западноевропейских же специалистов и, с другой стороны, растущего признания собственных сил, способных и готовых самостоятельно развивать промышленность в России. «Истинный патриот не может оставаться равнодушным даже при одной мысли, что реформа в железном производстве в России совершится без участия иностранцев. А что же должны почувствовать лица, заинтересованные судьбою Воткинского завода, в котором, с давнего времени иностранцы руководят туземцами по разным отраслям железной специальности? ... В 1835 г. Горное ведомство пригласило англичанина Самуила Пен для введения в Воткинском заводе способа пудлингования чугуна на железо. В 1847 г. начата на Воткинском заводе постройка железных судов под руководством вызванного из Англии англичанина Карр. В 1852 г. Англичанин Тальбот устроил в Воткинском заводе фабрику для выделки ствольного железа. В период 1847–1852 г. вызваны из Англии мастера: котельный, кузнечный, стальные и выписаны оттуда же механические приспособления, а в новейшее время, токарные и прочие станки и паровые машины получены из Бельгии и Пруссии»<sup>6</sup>. Один из участников обсуждения, Д. Леонтьев, подчеркивал, что привлечение иностранцев и закупка импортного оборудования обходились казне в огромные суммы. При этом ясно осознавалось, что только при такой поддержке Воткинский завод мог считаться «наиболее развитым между казенными уральскими железоделательными заводами» и производить до 270 000 пуд. железа,

<sup>1</sup> Нижегородская механическая фабрика // Горный журнал. 1854. Ч. II. Кн. VI. С. 475.

<sup>2</sup> Там же. С. 476.

<sup>3</sup> Там же. С. 478.

<sup>4</sup> Там же. С. 479.

<sup>5</sup> Леонтьев Д. Сталь // Горный журнал. 1863. Кн. VIII. С. 437.

<sup>6</sup> Там же. С. 439.

стали, судов, якорей, цепей и прочих дельных вещей в год<sup>1</sup>. Неудачные пробы бессемерования на Воткинском заводе дали патриотически настроенным инженерам надежду на достижение результата своими силами: «и за успехи по выделке железа мы не дадим ни гроша иностранцам, сами наладимся»<sup>2</sup>.

В первые десятилетия XX в. критическое отношение к участию иностранцев в развитии русской промышленности (как в прошлом, так и в современный период) усилилось. Как уже было показано выше, наиболее масштабным, с точки зрения привлечения иностранцев к основанию и развитию новых для Урала производств, было массовое поселение немецких специалистов в Златоусте. Спустя столетие, в 1912 г., анализируя деятельность немецких оружейников, служащих главной конторы заводов Златоустовского горного округа А.С. Бурмакин критически оценивал их роль в организации оружейного производства в России. Он полагал, что большинство мастеров не обладали должными знаниями, а требования немцев к достойной организации условий их жизни были чрезмерными и обременительными для русской казны. «Русские «варвары» не так были глупы и дики, что для обучения их искусству готовить оружие нужна была целая рота немцев, которые, а равно и потомки их дорого обошлись России и немало причинили правительству хлопот и затруднений, требуя себе разных привилегий»<sup>3</sup>.

Что касается оценки активности современных иностранных компаний и специалистов, то в этом отношении весьма показательна позиция автора обзора о золотой промышленности, доказывавшего, что вовлечение иностранцев в российскую золотодобычу не принесет никаких положительных результатов: «Странно сказать, но наши учителя, иностранцы, имеющие на Урале значительное число рудников, не только не внесли ничего нового, но даже плохо справляются с такими рудниками, которые давали хороший доход их прежним, русским, владельцам. Рассчитывать на улучшение дела при помощи привлечения иностранцев к разработке наших золотых приисков, по моему мнению, не следует. Это будет и бесполезно, и опасно. Машины привезутся из-за границы, руководители приедут также оттуда, и мы будем только свидетелями, как наше государственное богатство будет обогащать иностранцев»<sup>4</sup>.

Сомнение в благотворности проникновения зарубежных компаний в уральскую промышленность выражали и местные жители: «Я знаю лишь одно иностранное предприятие, действительно прочно устроившееся. Это Камское акционерное общество – французское, акционерного типа. Французы заново перестроили заводы, ввели новейшие приспособления и поставили дело хозяйственно. А остальные иностранные предприятия – больше легковесные аферы. Они спекулируют акциями, вздувают их и благополучно продают»<sup>5</sup>.

Нельзя сказать, что критическое или даже негативное отношение к иностранным акторам российской модернизации было маргинальным. Его высказывали высококвалифицированные специалисты, например, А.А. Износков – горный инженер, предприниматель, изобретатель, хорошо знакомый с европейскими техническими достижениями, лично изучавший новейшие технологии сталелитейного дела в Бельгии и Швеции, что в 1870 г. позволило ему построить на Сормовском заводе первую в России мартеновскую печь. Будучи также автором трудов по изготовлению артиллерийских снарядов из твердой литой некованой стали, он последовательно возражал против использования западных специалистов в русской оборонной промышленности. Работая на Пермских пушечных заводах, Износков рекомендовал министерству обойтись без приглашения иностранцев, обещая достичь хороших результатов с одними русскими инженерами<sup>6</sup>. Однако его предложение не нашло поддержки. Контракт с Крупном был подписан, но тот не выполнил взятых обязательств, и снаряды, производившиеся по его технологии в Перми, на стрельбах показали себя неудовлетворительно. В 1908 г. Износков вновь высказал свой протест против присутствия европейцев в производстве русских пушек и снарядов. Он был глубоко убежден, что

<sup>1</sup> Леонтьев Д. Сталь // Горный журнал. 1863. Кн. VIII.

<sup>2</sup> Там же. С. 438.

<sup>3</sup> Бурмакин А.С. Исторические данные по введению изготовления холодного оружия в Златоустовской фабрике немецкими мастерами // Горный журнал. 1912. № 10–11. С. 240–267.

<sup>4</sup> Кулибин К.А. Разбор сочинения D. Levat "L'Industrie Aurifere" и объяснение причин медленного развития золотого промысла в России // Горный журнал. 1906. №4. С. 71–117.

<sup>5</sup> Рейхельт Н.Н. По северу и югу: (Картинки России) // Исторический вестник. 1909. Т. 115. № 2. С. 725–733. URL: <http://www.dompasternaka.ru/library/detail.php?id=505> (дата доступа: 01.09.2016).

<sup>6</sup> Г.Б. Александр Александрович Износков. Некролог // Горный журнал. 1911. Т. 2. № 6. С. 262–266.



русские инженеры могли добиваться отличных результатов, обходиться казне намного дешевле, если бы им предоставляли лучшие условия для работы.

Неодобрительное отношение к проникновению иностранцев на Урал в начале XX в. фиксируется не только у представителей технического, инженерного сообщества. Писатель, журналист Н.Н. Рейхельт передавал опасения жителей Урала о том, что край «переходит по частям в руки иностранцев». «В теперешнее бедственное время за ними явные преимущества, они забирают себе, что плохо лежит. Сначала дают хиреющим предприятиям маленькие деньги для оборота, потом становятся пайщиками дела, а, в конце концов, предприятие переходит целиком к ним»<sup>1</sup>.

Рассмотренные в разделе аспекты, безусловно, составляют лишь небольшую часть обширной темы «роль иностранцев в истории российской модернизации». Исследованный материал позволяет утверждать, что на рубеже XVII–XVIII в. российское государство создало благоприятные условия для возможно более эффективного переноса в Россию известных на тот момент передовых производственных технологий. Когорта европейских мастеров (порядка полтора-два человека) сыграла основополагающую роль в создании технических основ уральской горной промышленности в первой половине XVIII в. Квалифицированные европейские специалисты были востребованы в XIX столетии в оружейном производстве, машиностроении, строительстве и пуско-наладке крупных объектов черной металлургии. Ряд предприятий, технологии на которых были заложены иностранцами в дореволюционной России, работали на протяжении многих десятилетий, а некоторые из них действуют и поныне.

Применение историко-антропологического подхода позволило не только выявить конкретные факты и определить результаты деятельности иноземных специалистов, но в определенной степени составить представление о личностных и групповых особенностях иностранцев, процессе становления их как акторов модернизации, положительных и отрицательных итогах их службы в России с точки зрения профессиональных достижений.

Укрепление корпорации российских инженерных кадров в ходе многолетнего внутреннего развития, профессиональной подготовки в своем отечестве и регулярных зарубежных контактов, с одной стороны, отчетливое осознание опасности зависимости от европейских специалистов и стратегической продукции, импортируемой из-за рубежа, особенно остро проявившееся в ходе Крымской войны и в преддверии Первой мировой войны, с другой стороны, форсировало формирование патриотически окрашенного национального самосознания инженеров и предпринимателей, способствовало ориентации на осуществление технического прогресса – как он понимался в «век XIX, железный» – в России собственными силами.

---

<sup>1</sup> Рейхельт Н.Н. По северу и югу... С. 725–733.

## ГЛАВА 4. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

### 4.1. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ АППАРАТ И РАЦИОНАЛИЗАЦИЯ\*

Рационализация является одним из важнейших атрибутов процесса модернизации. Социологи и обществоведы широко используют выдвинутое еще М. Вебером положение, касающееся современного общества, о том, что модернизация сопровождается эволюцией рациональных форм власти и управления и формированием рациональной бюрократии, то есть бюрократизацией административного аппарата. Под бюрократизацией в данном случае понимается становление иерархической социальной структуры для управления организациями на принципах рациональности, квалификации, эффективности и обезличенности. В этом контексте рациональным способом управления «...является наиболее успешное решение возникающих перед людьми задач в непреложно заданных рамках внешней социальной детерминации»<sup>1</sup>.

При изучении рационализации административного аппарата полезно различение закрытой и открытой форм рациональности. Рационализация или «репродуктивное творчество» в режиме «закрытой» рациональности связана с «целесообразной деятельностью, с деятельностью, ориентированной на систему готовых целеориентиров, на поиск наиболее адекватных средств их достижения»<sup>2</sup>. Закрытая рациональность проявляется в априорном моделировании концептуального плана и дальнейшей его реализации, основанной на постоянном воспроизводстве институтов, занятых в процессе воплощения плана. При этом критерии эффективности рационализации коррелируют с изначально зафиксированным конечным результатом планируемой деятельности. То есть, эта форма рационализации проявляется не в целеполагании, а направлена на поиск оптимальных методов и средств достижения определенной цели. Подобного понимания рациональной деятельности как раз придерживался М. Вебер.

В отличие от закрытой открытая рациональность связана со сферой целеполагания и предполагает «установку на выход за пределы фиксированной готовой системы исходных... координат, за рамки жестких конструкций, ограниченных заданными предпосылками»<sup>3</sup>. При этом открытая рационализация подразумевает критический анализ постановок «закрытой» рационализации с точки зрения изначальных ориентиров, на достижение которых она направлена<sup>4</sup>.

При анализе проявления рационализации административного аппарата в исторической динамике следует учитывать существующее многообразие форм рационализации, а также социокультурный контекст этого процесса.

Начало петровских реформ знаменуется значительными изменениями в плоскости открытой рационализации. В результате реформ начала XVIII в. была создана более стройная и гибкая бюрократическая система государственных учреждений как в центре, так и на местах. Деятельность административного аппарата была направлена на изменение характера государственной власти и управления. Несмотря на то, что в исторической литературе присутствуют различные точки зрения по вопросам о характере и целях, предпосылках, образцах, результатах петров-

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625). В рамках гранта участниками коллектива написаны с. 150–160, 170–171, 174.

<sup>1</sup> Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 94.

<sup>2</sup> Рациональность на перепутье. М., 1999. Кн. 1. С. 16.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. С. 19.

ских реформ административного аппарата, степени оригинальности петровской системы управления и ее преемственности с предшествующей административной традицией, вряд ли есть основания оспаривать оценку петровской эпохи, данную дореволюционным историком права В.В. Ивановским: «Эпоха Петра I была эпохой наибольшего развития абсолютизма и полицейского направления государственной деятельности, эпохой, когда на Западе разного рода самостоятельные политические корпорации и политические общественные факторы были окончательно подавлены и абсолютизм торжествовал полную победу. У нас в России, как известно, не было классов политически самостоятельных; главные затруднения при образовании государства заключались не в политической борьбе за власть и преобладание, как это было на Западе, но в собирании разрозненных и дезорганизованных государственных элементов, в развитии и укреплении идеи государственности, в противоположность патриархальным частно-владельческим началам, выразившимся в особенности в деятельности приказного элемента»<sup>1</sup>.

Рационализация системы основывалась на принципах централизации и более четкого ведомственного разграничения функций центрального аппарата. Применительно к региональным административным системам она заключалась в создании унифицированной сети местных учреждений, которые замыкались на центральном органе управления соответствующего ведомства.

К началу XVIII столетия Урал не являлся целостным в административном плане. Его территория была не только разделена между различными административными единицами (Чердынский, Соликамский, Пелымский, Туринский, Верхотурский, Уфимский, Кунгурский, Хлыновский, Орловский, Котельничский, Слободской, Шестаковский, Кайгородский, Уржумский, Яранский, Царевосанчурский, Малмыжский уезды), но и подчинялась разным ведомствам. Зауральские уезды находились в ведении центрального органа управления – Сибирского приказа, который сохранил свое значение и в первое десятилетие XVIII в. Под верховной властью царя он осуществлял контроль за всеми административными, судебными, фискальными и дипломатическими делами в Сибири. Местное управление делилось на разряды. При этом зауральские территории входили в состав Тобольского разряда, который включал Тобольский, Тюменский, Верхотурский, Туринский, Березовский, Пелымский и Тарский уезды. С 1687 г. был образован Верхотурский разряд, в который вошли Верхотурский, Туринский и Пелымский уезды. В 1706 г. в ведомство Сибирского приказа попали Пермь Великая–Чердынь, Соль-Камская, Кай-городок и Яренск. Башкирия в административном плане к началу рассматриваемого периода не составляла единого целого. Зауральские части Башкирии входили в состав сибирских уездов и подчинялись Сибирскому приказу. Уфимский уезд, включавший ее основную западную часть, был подведомствен Приказу Казанского дворца, созданного после присоединения Казанского ханства к Русскому государству. В 1700 г. по указу Петра I города Уфа, Мензелинск, Бирск, Заинск, солеваренный городок Табынск составили единую административную единицу. Параллельно сохранялось старое административное деление Уфимского уезда на четыре дороги (области): Казанскую, Ногайскую, Осинскую и Сибирскую (дороги свидетельствовали о бывшей политической раздробленности Башкирии и приблизительно соответствовали прежним владениям Казанского и Сибирского ханств, а также Ногайской орды)<sup>2</sup>. Своеобразием отличалось административно-территориальное устройство Удмуртии. Северная часть Удмуртии располагалась преимущественно на территории Каринского стана, который входил в состав Вятской области. Юг Удмуртии включался в Арскую и Зюрейскую дороги Казанского уезда. Для северной Удмуртии была характерна долевая территориальная организация (в начале XVIII в. 6 долей Каринского стана, в том числе 4 удмуртские, 1 татарская и 1 бесермянская). Южные удмурты жили в 6 сотнях Арской дороги<sup>3</sup>.

Сибирскими разрядами и уездами управляли воеводы, которые руководствовались в своей деятельности наказами и грамотами из Сибирского приказа. «В далекой государевой отчине» воеводы обладали практически неограниченной властью<sup>4</sup>. В начале XVIII в., в условиях Северной

<sup>1</sup> Ивановский В.В. Русское государственное право. Казань, 1898. Т. 1. Ч. 2: Местные установления. С. 33.

<sup>2</sup> Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. 1961. Т. 68. С. 211–233.

<sup>3</sup> Гришкина М.В. Удмуртия в эпоху феодализма (конец XV – первая половина XIX в.). Ижевск, 1994. С. 108.

<sup>4</sup> Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 76.

войны, «прибыльная» деятельность воевод приобретала новые «измерения». В частности, потребность армии в оружии стимулировала промышленную колонизацию Урала, строительство там металлургических заводов. Воеводы руководили строительством и осуществляли контроль за работой Каменского, Невьянского (1701 г.), Алапаевского, Уктусского (1704 г.) железодельных заводов. Так, на протяжении первого десятилетия XVIII в. строительством уральских заводов руководил «товарищ» тобольского воеводы князь А.М. Черкасский.

Реорганизация административного аппарата на местах так же была связана с проведением городской реформы 1699 г. как части фискальных мероприятий по перераспределению «финансовых полномочий между «старыми» и «новыми» учреждениями и их соподчиненности с целью улучшения «государственного хозяйства»<sup>1</sup>. Однако, реформа не имела унифицированной направленности. Она не касалась городов, находившихся в ведении Сибирского приказа. Кроме того, выборные институты учреждались только по желанию населения, а в некоторых городах параллельно действовало и воеводское управление, и власть бурмистров. Корректировка финансовых потоков, минуя воеводские канцелярии, сопровождалась сосредоточением «купецких и промышленных» дел в выборном органе местного самоуправления – Бурмистерской палате (Ратуше) и включением его в систему центрального управления. Уральские города начала XVIII в. по сути являлись опорными военно-административными пунктами. В условиях «военно-феодалной» колонизации по периметру осваиваемого региона возникали города-крепости<sup>2</sup>. В соответствии с проводимой реформой в городах были созданы бурмистерские (земские) избы, которые стали важным инструментом в процессе финансового обеспечения последующих реформ.

Губернская реформа 1708 г. знаменовалась упорядочением государственной системы. Государство получило унифицированные административно-территориальные единицы – губернии, возглавляемые губернаторами, резиденция которых находилась в губернском городе. Губернии делились на уезды, управление которыми размещалось в уездных городах. Статус губернаторов значительно отличался от прежнего типа областного правителя – воеводы, имевшего по сути неограниченную власть на вверенной ему территории. Новый региональный руководитель подчинялся центральному правительству. Аппарат, находящийся в его ведении, имел относительно унифицированное структурное построение на всей территории государства. Россия была разделена на 8 губерний.

При этом Уральский регион оказался разделенным между огромными Казанской и Сибирской губерниями. Как писал в 1848 г. известный географ, экономист, историк и статистик К. Арсеньев, «обширная Казанская губерния заключала в себе все пространство Царств Казанского и Астраханского, земли Башкиров, Мордвы, Мещеры, Чуваши и Черемисов; в пределах этой губернии находились нынешние губернии Казанская, Нижегородская, Симбирская, Саратовская, Астраханская, Оренбургская и часть Вятской, Пермской, Тамбовской, Пензенской, Костромской, Владимирской и Области Кавказской». В состав Казанской губернии вошел прежний Уфимский уезд. Однако специфика его, особые задачи, которые ставило правительство перед местными учреждениями, привели к созданию в 1715 г. Уфимской провинции, во главе которой вместо воеводы был поставлен обер-комендант. Зависимость последнего от Казани имела номинальный характер. При этом новое наименование провинция почти не употреблялось даже в официальной переписке; широко бытовало прежнее название Уфимский уезд. В состав огромной Сибирской губернии вошли и уральские уезды с городами Верхотурье, Пелым, Туринск, Кунгур, Чердынь, Соль Камская, Кай-городок, Яренск, Хлынов.

Реальное введение нового управления затянулось, окончательное оформление губернского управления относят к 1712 г. К губернаторам перешло большинство функций центральных органов управления XVII в. – приказов, постепенно ликвидированных на протяжении первого десятилетия XVIII в. Новый центральный орган управления – Сенат – был не в состоянии справиться с огромной массой дел и финансовой отчетности, которые шли с мест. Поэтому следствием губернской реформы стала децентрализация управления.

В связи с проведением губернской реформы произошли некоторые изменения на уездном уровне управления. С 1709 г. термин «воевода» стал вытесняться термином «комендант», причем

<sup>1</sup> Тарловская В.Р. Из истории городской реформы в России конца XVII – начала XVIII в. // Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. М., 1991. С. 107.

<sup>2</sup> История местного самоуправления на Урале в XVIII – начале XX в.: город, село, деревня. Екатеринбург, 1999. С. 8.



нередко они использовались как взаимозаменяемые. Учреждение должности комендантов вызвало изменения в местном управлении. Стали учреждаться обер-комендантские провинции как промежуточные инстанции между огромными губерниями и уездами. К крупному городу, управлявшемуся обер-комендантом, приписывались более мелкие. В 1713 г. Петр I попытался придать власти губернатора коллегиальный характер. Указом 24 апреля 1713 г. повелевалось «учинить ландратов». Кандидатов в ландраты в двойном количестве должен был представлять губернатор, а утверждал их Сенат. Ландраты должны были составить совет при губернаторе, им предписывалось «все дела с губернатором делать и подписывать». В 1714 г. проявила себя тенденция сделать должность ландратов выборной, однако в 1716 г. было предписано назначать в ландраты из отставных офицеров. Именным указом 28 января 1715 г. функции и место ландратов в областном управлении были принципиально изменены. Согласно данному указу, должность обер-коменданта и коменданта упразднялась в тех городах, где не было военного гарнизона.

После создания в 1708 г. губерний деятельность земских изб была поставлена под контроль губернских канцелярий. Восстанавливалось воеводское управление в тех областях, где оно было ликвидировано в предшествующий период (в частности на Вятке). Воеводам предоставлялись права управления, суда и сбора налогов с казенных поселян, исключая купцов и посадских людей, которые по-прежнему оставались под ведением городских земских изб. Однако со временем земские избы все более и более превращались в своего рода финансовые канцелярии при губернаторах.

В 1719–1720 гг., параллельно с созданием центральных органов управления – коллегий, была проведена провинциальная реформа; территория каждой губернии была разделена на провинции, которые, в свою очередь, делились на дистрикты. Отныне провинция и дистрикт должны были заменить губернию и уезд. Во главе провинций были поставлены провинциальные воеводы, подчиненные Сенату и коллегиям. Создавались провинциальные канцелярии. В провинциях, центрами которых были бывшие губернские города, сохранялись губернаторы, права и компетенция которых сужалась до уровня провинциальных воевод. В значительных центрах командование военными гарнизонами поручалось обер-комендантам или комендантам, подчиненным губернатору. Сохранило свою специфику управление в Башкирии. В ходе проведения областной реформы 1719 г. Уфимская «обер-комендантская провинция» получила более четкое оформление. Уфимский воевода с 1728 г. был подчинен непосредственно Сенату и коллегиям, его самостоятельность упрочилась. Особая подведомственность Уфимской провинции сохранялась до 1734 г., когда она была возвращена в состав Казанской губернии.

Реализация провинциальной реформы изменила административно-территориальное деление. В ходе проведения провинциальной реформы была сделана попытка установить более точные границы между губерниями, провинциями, уездами, снять виды и планы городов. Казанская губерния была разведена на четыре провинции: Казанскую, Свияжскую, Пензенскую и Уфимскую. Уральские территории не вошли лишь в Пензенскую провинцию; Уфимская провинция состояла целиком из уральских земель; в Казанскую вошли уральские города и пригородки Уржум, Малмыж, Сарапул, Оса; в Свияжскую – Яранск, Царево-Санчурск. Как справедливо отмечается в литературе, реализация реформы осуществлялась не всегда в буквальном соответствии духу законов. Сохранило свою специфику управление в Башкирии. В ходе проведения областной реформы 1719 г. Уфимская «обер-комендантская провинция» получила более четкое оформление. Уфимский воевода («с большими полномочиями, с правами, почти равными губернаторским», как отмечал уже упоминавшийся К. Арсеньев) с 1728 г. был выведен из подчинения казанскому губернатору и подчинен непосредственно Сенату и коллегиям, его самостоятельность упрочилась (в 1730-е гг. во главе этой отдельной провинции стоял даже не воевода, а вице-губернатор). Особая подведомственность Уфимской провинции сохранялась до 1734 г., когда она была возвращена в состав Казанской губернии. В 1741 г. провинцию вновь передали в ведение Сената.

Разделение «сибирских городов» на провинции, осуществить которое было поручено губернатору, затянулось; при этом зауральские Верхотурский, Тобольский, Туринский, Пелымский уезды вошли в состав Тобольской провинции. «Поморские города» были выделены в самостоятельные провинции в составе Сибирской губернии – Соликамскую и Вятскую. При этом Вят-

ская провинция включила в свой состав помимо 5 вятских городов еще Кай-городок и Кунгур с уездами. При этом некоторые небольшие города, например Орлов, Котельнич, Шестаков, стали именоваться пригородками. В 1724 г. Кунгурский уезд в связи с отдаленностью от Хлынова был переписан в состав Соликамской провинции (которая вошла в состав Казанской губернии). Вятская провинция также была причислена к Казанской губернии (1727 г.).

В 1721–1724 гг. земские (бурмистерские) избы были заменены на городовые магистраты, подчиненные Главному магистрату, учрежденному в Санкт-Петербурге. Магистраты являлись коллегиальными учреждениями, состоявшими из президента, 2–4 бургомистров и 2–8 ратманов. Городовые магистраты находились в ведении Главного магистрата и одновременно состояли под контролем воеводских, провинциальных и губернских канцелярий. Кроме того, городовые магистраты зависели от провинциальных магистратов, находившихся в центрах провинций.

Для удобства управления горожане разделялись на две гильдии регулярных граждан. В 1-ю вошли банкиры, крупные купцы, доктора, аптекари, ремесленники-ювелиры, иконники и живописцы, во 2-ю – мелкие торговцы, содержатели дворов и ремесленники. Ремесленники, в свою очередь, распределялись на особые цехи по виду художеств и ремесел. Так, в Хлынове в данный период существовали цехи серебряников, оловянных, иконописцев; в Слободском – серебряников, медников, кожевников, кузнецов, скорняков, мыльников, красильщиков; в Кунгуре – красильщиков, мыльников, серебряников, медников; в Кае – кожевников; в Орлове – кожевников и красильщиков.

После смерти Петра I ряд созданных им государственных учреждений из-за высоких расходов на их содержание был ликвидирован. В их числе оказался и Главный магистрат. Согласно указу 15 марта 1727 г., магистраты были полностью подчинены провинциальным и губернским канцеляриям. Именным указом от 12 июня следующего года магистратское право было еще более сужено. Так, по данному указу магистраты Вятской провинции были переименованы в ратуши, в коих велено было быть по одному бургомистру<sup>1</sup>.

Итак, в период петровских реформ аппарат местного управления подвергся серьезной модернизации, которая включала рационализацию административно-территориального деления и разграничения компетенций центральных и местных органов власти, унификацию структуры управления, ограничение возможностей для произвола властей, отделение суда от администрации. При этом несмотря на несомненные успехи в деле унификации системы управления на уровне центральных институтов, местное управление по-прежнему характеризовалось региональными и локальными отличиями, что в значительной степени обуславливалось сохранением традиционных структур низового управления. К концу эпохи петровских преобразований Урал по-прежнему не представлял из себя единого административного региона. Его земли в качестве административной периферии включались в территориальные единицы, центры которых располагались за пределами региона (Тобольск, Казань).

В плоскости закрытой рационализации административного аппарата проводились мероприятия, которые способствовали репродуцированию сложившейся системы. Этому способствовало изданное законодательство, касавшееся деятельности административного аппарата («Генеральный регламент» 28 февраля 1720 г. (этим документом руководствовались все правительственные учреждения России на протяжении всего XVIII в.), «Табель о рангах» 24 января 1722 г. и т.д.). Следует отметить, что не все поставленные цели были достигнуты. Как известно, не удалась идея разделения административной и судебной властей.

Тенденция к децентрализации, связанная с губернской реформой 1708 г., была в значительной степени компенсирована созданием новых центральных органов управления – коллегий – на рубеже 1710–1720-х гг. Реформа центрального управления 1718–1720 гг. нашла свое отражение и в организации ведомственных органов управления на территории Урала. Вообще, развитие административного аппарата на Урале приобрело свои специфические черты. Система государственного управления на Урале с начала XVIII в. развивалась в условиях качественно новых для России реалий – формирующейся горнозаводской промышленности, экономических и социаль-

<sup>1</sup> Вештомов А. История вятчан со времени поселения их при реке Вятке до открытия в сей стране наместничества или с 1181 по 1781 год. Казань, 1908. С. 150.

ных последствий этого. На протяжении всего столетия (и в последующем) внутри системы отчетливо выделяются две составляющие: 1) общегосударственная, характерная для всех территорий России, объектом управления имеющая административно-территориальные единицы и города (в настоящем издании условно называется «гражданская»); 2) горная, или горнозаводская<sup>1</sup>.

Условия для развития горнорудного промысла, пользовавшегося особой поддержкой Петра I, на Урале были самыми благоприятными. Богатые месторождения железной руды, соответствующие энергетические ресурсы (лес и вода), а также возможность использования имеющихся людских ресурсов обеспечили приоритетное развитие горнозаводской промышленности на Урале. Эти обстоятельства накладывали отпечаток и на статус горнозаводского административного аппарата, который контролировал многие важнейшие стороны жизнедеятельности региона.

До 1720 г. развитие «гражданской» и «горной» администрации шло параллельно, в рамках единой структуры государственных органов. Технический аппарат, или носители горнозаводской составляющей – заводские комиссары с заводскими канцеляриями – подчинялись непосредственно Сибирскому приказу; после 1708 г. – губернским властным структурам (сибирский и казанский губернаторы, уездные воеводы). Губернаторская власть как административно-исполнительная, так и судебная осуществлялась соответственно через губернские канцелярии и надворные суды<sup>2</sup>.

В 1735 г. Кабинетом министров и Сенатом обсуждалась (хотя безрезультатно) идея создания особой уральской губернии. Инициатором обсуждения выступил Главный командир уральских заводов В.Н. Татищев, предлагавший выделить Уфимскую, Вятскую и Соликамскую провинции из Казанской губернии в отдельную губернию с центром в Кунгуре. Во главе губернии, согласно В.Н. Татищеву, должен был стать вице-губернатор. Татищев мотивировал свое предложение удаленностью указанных провинций от губернского центра – Казани, а также значительно выросшей численностью населения в них («а ныне оные, как видно, в населении весьма умножаются, и один уфимский уезд на несколько уездов разделяется»). Таким образом, согласно проекту В.Н. Татищева, предлагалось создать огромную губернию, которая должна была объединить практически все Приуралье (Зауралье оставалось бы в составе Сибирской губернии)<sup>3</sup>.

Образование самостоятельного областного центра на крайнем юго-востоке Европейской России, по выражению Ю.В. Готье, «подсказывалось силою вещей: государство подходило к этому ощупью и пыталось разрешить назревшую необходимость, то учреждая самостоятельную Уфимскую провинцию, то обсуждая вопрос о губернии Кунгурской».

Активизация в 30-е гг. XVIII в. освоения Южного Урала вызвала появление особого административного органа – Оренбургской экспедиции (1734 г.; с 1739 г. – Оренбургской комиссии), подчиненной непосредственно Сенату. Перед Оренбургской экспедицией были поставлены задачи строительства крепости на реке Орь, налаживания связей с народами Средней Азии. Первоначально в ведение экспедиции были переданы земли по верхнему и среднему течению Яика и линия крепостей, соединившая Оренбург с Самарой. В 1737 г. Оренбургской экспедиции была подчинена Исетская провинция с центром в Чебаркуле, а затем в Челябинской крепости, созданная из земель Южного Зауралья (Исетский, Окуневский, Шадринский уезды и территория зауральских башкир), до того входивших в состав Сибирской губернии. Уфимская провинция и Оренбургская комиссия были связаны общими политическими и военно-колониционными целями; вопрос их объединения был вопросом времени. Действительно, 15 мая 1744 г. Оренбургская комиссия была преобразована в Оренбургскую губернию, в состав которой вошли Уфимская и Исетская провинции; крепости, построенные по р. Яику, Сакмаре; Яицкое казачье войско; зауральские башкиры. Таким образом, на юго-восточной периферии Европейской России была сформирована самостоятельная областная единица, в значительной степени ориентированная на военно-колониционную деятельность – с момента образования новой губернии в ее управлении существенную роль играл военный элемент. В 1745 г. в состав губернии была включена

<sup>1</sup> Побережников И.В. Административно-политический фактор освоения: опыт имперского периода // Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М., 2004. С. 319–357; Зубков К.И., Побережников И.В. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.). Екатеринбург, 2003. С. 10–51.

<sup>2</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 9. Л. 27.

<sup>3</sup> Сборник Русского исторического общества. Юрьев, 1901. Т. 111. С. 146, 149.

также Ставропольская провинция, а в 1773 г. – город Самара без уезда<sup>1</sup>. Оренбургская губерния стала первой собственно уральской губернией с центром (г. Оренбург), располагавшимся на Урале, хотя в ее состав, помимо уральских, входили и завожские земли. Начальник губернии призван был решать сложный узел военно-политических, административно-управленческих, хозяйственно-экономических проблем освоения Южного Урала и Заволжья, расширения разнообразных связей России с Казахстаном и Средней Азией.

Насколько несовершенной еще была система административно-территориального деления на Урале до областной реформы Екатерины II, свидетельствует факт, приводимый географом и историком капитаном Н.П. Рычковым (конец 1760-х гг.): «В Мензелинске находятся два разные начальства, одно принадлежит к Казанской, а другое к Оренбургской губернии. Воевода, зависящий от Казанской канцелярии, управляет уездом той ж губернии, а жители пригородка сего, будучи под ведением Оренбургской губернии, имеют особого начальника»<sup>2</sup>.

Создание системы управления горнозаводской промышленностью при Петре I в рамках общероссийских реформ рассматривается современными российскими историками Е.В. Анисимовым, Д.А. Рединым, М.О. Акишиным с позиций не столько резкой ломки предшествующей системы, сколько как длительный процесс преобразования структуры управления на основе принципов «регулярного государства».

Летом 1698 г. в Раве Русской произошла встреча русского царя Петра I, который возвращался из Вены, и польского короля Августа II Сильного, который в это время возглавлял поход войск против турецкого султана. 3 августа 1698 г. монархи договорились о совместных действиях против шведов. Через много лет, уже на закате своей карьеры в России, горный деятель И.Ф. Блиер вспоминал, что во время этой встречи царь «дружеско требовал» помощи в обеспечении горными управителями и мастеровыми людьми. Для этого у него имелся список необходимых «горных художеств персон»<sup>3</sup>. На особом счету были сереброплавильные мастера. По всей видимости, они были настолько нужны, что стали одним из условий участия России в Северной войне. Несомненно, царь сосредоточился на создании в отечестве цветной металлургии для укрепления финансово-денежной системы государства, на что указывает перечень профессий иностранцев, готовых работать в России. В нем уже нет ювелиров, оружейников, доменных и кричных мастеров, востребованных в XVII в.

В итоге переговоров Петра I с Августом в Россию прибыло несколько саксонских горных мастеров и металлургов. Большинство из них прибыло из старинных районов Саксонии, где издавна добывали и плавили серебро и медь. Список желающих выехать в Россию с разрешения Августа включал имена 13 специалистов. 26 сентября 1699 г. в Москву вместе с генерал-майором Георгием Карловичем прибыли три саксонца (М. Лоренц, Г. Ган, Б. Вейгель). Из Посольского приказа мастеров отправили в приказ Большого дворца, ведавший дворцовым хозяйством и населением дворцовых волостей. Позже И. Лоренц, И. Ган и Г. Эндерлин из приказа Большого дворца были переданы в распоряжение приказа Казанского дворца. Их отправили на восстановление медеплавильного производства в окрестности Казани. Остальных иностранцев включили в штат формирующегося Рудного приказа. Впоследствии все рудокопные дела, которые были в приказе Большого Дворца, отослали в приказ Рудокопного дела. Из-за межведомственной неразберихи первых лет, некоторые из мастеров так и не получили заработанных денег.

В XVII в. контроль за рудокопным делом осуществлялся самыми различными приказами – Большой Казны, Тайным, Посольским, Сибирским, Оружейной палатой, Кузнечным двором и др. По словам Василия Крамаренкова, рудоискатели вынуждены были «в одном месте просить об окладном своем жаловании, в другом о кормовых дачах, в третьем об отправлении своем к делу, в четвертом рапортовать об успехах в рудных приисках, и часто, не получая долговременно прошлых решений, к немалому вреду рудное производство оставляли в праздности»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Готье Ю.В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. 1. С. 114–115; Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Казань, 1897; Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М., 1960; Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30–40-е гг. XVIII века. Самара, 1997.

<sup>2</sup> Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 г. СПб., 1770. С. 61–62.

<sup>3</sup> Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 224. Л. 106.

<sup>4</sup> ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 411. Л. 8 об.



По нашему мнению, именно появление этих специалистов стало основной причиной создания Приказа Рудных дел. Потребность в специалистах возникла из-за того, что к началу XVIII в. в России было открыто несколько промышленных месторождений серебра и меди на Урале и в Сибири. С прибытием специалистов в начале XVIII в. были проведены мероприятия по созданию централизованной системы управления рудными поисками, которые стали частью общероссийских реформ в других областях государственной политики.

В октябре 1699 г. царским указом предписывалось возглавить все рудокопные дела окольничему А.Т. Лихачеву и дьяку А. Коринскому из приказа Большой Казны с передачей в их распоряжение всех материалов, относящихся к рудокопному делу, из других приказов, в том числе Посольского, Иноземного, Стрелецкого, Сибирского, Денежного, Разрядного, Казанского и т.д. Первоначально эти люди и документы должны были находиться в приказе Большой Казны, но отдельно. С 24 августа 1700 г. было указано именоваться приказом Рудокопных дел и, как прежде, сидеть в приказе Большой Казны, но со 2 сентября 1700 г. он становится отдельным учреждением и называется Рудным приказом. Во главе его по-прежнему оставался А. Лихачев. При организации его указывалось, что создается приказ «для сыску золотых, серебряных, медных и иных руд вокруг Москвы и в других губерниях, и где сыщутся, заводить заводы»<sup>1</sup>. При его формировании предписывалось передать из других приказов «рудосыских мастеров иноземцов саксонцев и гречан, и к ним толмачей и русских учеников и салдат».

Со 2 сентября 1700 г. он становится отдельным учреждением и называется Рудным приказом. Во главе его по-прежнему оставался А. Лихачев. При организации его указывалось, что создается приказ «для сыску золотых, серебряных, медных и иных руд вокруг Москвы и в других губерниях, и где сыщутся, заводить заводы. Прочие руды, включая железную, на ВГ заводить не велено, а отдавать на откуп из 10-го пуда». В период деятельности Рудного приказа (1700–1711 гг.) штатные рудные мастера и «саксонские ученики» непрерывно занимались поисками меди, серебра и золота. Сфера его деятельности распространялась на Европейскую часть России, сыск же руд в Сибири был отдан Сибирскому приказу. Среди районов поиска упомянуты Кольский и Пустоозерский уезды, Соликамск, Казань, Астрахань, Азовская губерния, Соловки и Медвежий острова<sup>2</sup>.

С 1700 г. по 1711 г. в приказ поступили сведения о полезных ископаемых из 131 города, в 115 случаях сведения подтвердились. В 1702 г. в Олонецком уезде И. Блиер построил казенный медеплавильный завод, подчиненный приказу. В 1703 г. здесь выплавляли 332 пуда меди, которые использовали для финансирования деятельности учреждения. Еще два медеплавильных завода некоторое время работали на месте Пыскорского завода (выплавляли 14 пудов меди) и на р. Цильме в Пустозерском уезде (выплавляли 3 пуда). В приказе числились также 5 небольших частных железоделательных заводов, 2 серных, 1 квасцовый. На Урале по грамотам из Рудного приказа работали рудных дел промышленники Ф. Молодой и Д. Воронов.

8 июня 1711 г. Рудный приказ ликвидировали в ходе первой губернской реформы. Собранные материалы, образцы руд и немногочисленных специалистов разослали по губерниям. Это было ошибкой, поскольку иметь в каждой губернии пробирную лабораторию было невозможно. 30 июля 1711 г. из упраздненного штата для организации выплавки меди при Уктусском заводе послали русских мастеров, обучавшихся мастерству у И.Ф. Блиера. На Урал отправились дозорщик И. Патрушев, мастеровые люди (опытчик Ф. Кошурин, плавильщики А. Долгоносов и С. Аврамов), плавильные ученики (Г. Беляев, И. Свешникова, Ф. Запутряев, С. Щелкунов, Я. Семенов, А. Юкка), инструментальный мастер И. Рудакова, ученики-иноземцы С. Печ и П. Прицын. С 1713 г. на Уктусском заводе началась промышленная выплавка меди.

Современные медеплавильная и горнодобывающая отрасли требовали более совершенной формы управления промышленностью. Прежняя приказная система не отвечала условиям работы иностранцев. И.Ф. Блиер вспоминал, что еще в начале XVIII в., мемориалы о создании образцового европейского органа управления горными делами неоднократно подавали не только Блиер, но и польский генерал-майор Г. Карлович, и берг-мейстер И. Эндерлейн. И.Ф. Блиер предлагал ввести должности горных управителей в губерниях, которые не подчинялись бы губернаторам и должны

<sup>1</sup> Лоранский А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений горного ведомства России, 1700–1900. СПб., 1900. С. 8.

<sup>2</sup> РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 606. Л. 2.

были бы сообщать в Сенат о найденных рудах. В проекте создания Берг-коллегии по европейскому образцу, поданным им в 1712 г. Петру I, было 11 пунктов. Однако проект в то время не был принят.

17 мая 1715 г. Рудный приказ был вновь восстановлен. Петр I своим именным указом повелел Рудному приказу «быть по-прежнему и ведать его касимовскому царевичу Ивану Васильевичу»<sup>1</sup>. Через 2 месяца его перевели в Санкт-Петербург и назвали Рудной канцелярией. История этого учреждения очень скупая, так как не сохранились фонды учреждения. В трудах отечественных исследователей можно встретить лишь известные сведения об учреждении, упразднении и штате канцелярии<sup>2</sup>. В некоторой степени деятельность канцелярии была реконструирована историком М.А. Киселевым на основании выявленных канцелярских донесений в Сенат<sup>3</sup>.

В новую канцелярию направили делопроизводителей из упраздненного Рудного приказа, но этого не удалось сделать с техническими специалистами, т.к. некоторые саксонцы вернулись в свое отечество, другие умерли. И. Блиер с небольшой группой помощников постоянно был в экспедициях. Обученные им русские работники плавил медь на Олонце и Уктусском заводе. Греки уехали на Нерчинский завод. Лабораторию с коллекцией образцов разорили. Кроме подъячих работать было некому. На Урале Рудная канцелярия проявилась только в рамках следствия о прекращении выплавки меди на Кунгурском заводе.

Созданная в начале XVIII в. централизованная система горных поисков была разрушена, а к 1715 г. реально не восстановлена. Лишь с созданием Берг- и Мануфактур-коллегии в рамках коллегияльной реформы началось формирование новой структуры управления горным делом. 13 марта 1718 г. Рудная канцелярия была ликвидирована, но не исчезла сразу. 21 августа приказных людей, солдат и дела перевели в Берг- и Мануфактур- коллегия<sup>4</sup>. А в феврале 1719 г. еще осуществлялась закупка дров и досок для коллегии в зачет Рудной канцелярии<sup>5</sup>. Берг- и Мануфактур-коллегия имела лишь некоторую преемственность с прежними органами управления горным делом. Ее возглавил глава приказа Артиллерии Я.В. Брюс. С этого момента новое горно-геологическое подразделение опиралось не на учреждение, ведавшее финансово-денежной политикой государства, каким был приказ Большой казны, а на мощный технически обеспеченный орган управления оборонной промышленностью.

В указе от 15 декабря 1717 г., в списке организуемых коллегий и их президентов и вице президентов была обозначена «Берг и Мануфактур коллегия», президентом которой был назначен Я.В. Брюс. В штате Берг-коллегии «у прииску рудных мест и строительства заводов в Сибирской губернии» числились: от артиллерии капитан Василий Татищев (вписан в указ позже – Е.К.), берг-мейстер Иоганн Блиер, берг-шрейбер Иван Патрушев, борхман Иоганн Годфрид Георги, рудоискатель Павел Бривцын, подъячие Петр Клушин и Яков Степанов, рудные доносители Прокофей Сталов и Лаврентий Зуев.

Еще в 1714 г. медеплавильный мастер Кунгурского завода Н. Огнев обратился к царю с челобитной о большей самостоятельности в выплавке меди («чтоб им особливо плавить медную руду»), вследствие чего появился указ от 3 ноября 1714 г. «за подписанием собственной руки его величества», где мастерам Н. Огневу, И. Старикову и Ф. Инютину разрешалось в городах Сибирской губернии, в т.ч. и в Кунгуре, искать руды и плавить медь, и «ведать их судом и расправой» не коменданту, а самому губернатору. Этим же указом все дела, касающиеся добычи руды и плавки меди, исключались из ведения кунгурского коменданта А. Усталкова и передавались в особое ведение подъячему с приписью Льву Шокурову, «чтобы ни к чему не был привязан»<sup>6</sup>.

Появление указа стало знаковым событием. В территориальной системе управления появилась новая должность, предназначенная исключительно для ведения горного дела. Однако раз-

<sup>1</sup> ПСЗ-1. Т. V. № 2908. С. 157.

<sup>2</sup> Павленко Н.И. Развитие металлургической промышленности в России в первой половине XVIII века. Промышленная политика и управление. М., 1953. С. 100–101; Анисимов Е.В. Государственные преобразования и самодержавие Петра Великого в первой четверти XVIII века. СПб., 1997. С. 207; Манин В.А. Эволюция горнозаводского земельного законодательства России во второй половине XVII – первой половине XVIII века. Сургут, 2006. С. 59–60.

<sup>3</sup> Киселев М.А. Организация и деятельность Рудной канцелярии в 1715–1718 гг. // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: материалы IX Всеросс. науч. конф., посвящен. 85-летию профессора, д.и.н. А.В. Баунина. Екатеринбург, 2009. Т. 1. С. 51–57..

<sup>4</sup> РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 615. Л. 5.

<sup>5</sup> Архив ВИМАИВ и ВС. Ф.2. Оп. 1. Д. 253. Л. 46–48 об.

<sup>6</sup> РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 609. Л. 322–324.

деление функций управления не было регламентировано должностными инструкциями и в итоге отрицательно повлияло на производство меди. Наступило «двоевластие», и в 1715 г. выплавка меди упала до 44 пудов в год. Конфликт из-за медеплавильного промысла между А. Усталковым и Львом Шокуровым, с которым заодно были и плавильные мастера, перешел в физическую расправу. Началось длительное следствие, которое длилось с 1715 по 1720 гг., при этом не менее 6 раз менялись дознаватели. Пятое по счету дознание было поручено В.Н. Татищеву<sup>1</sup>.

Длительность следствия – лишнее подтверждение острой нехватки стратегически важного металла. В этой обстановке в обостренной форме проявились объективные процессы обособления сложного горно-металлургического производства в существовавшей системе административного управления. В силу своей специфики расследование проводилось в трех структурах власти (губернии, розыскных канцеляриях и Берг-коллегии). Возможно, именно необходимость расследования этого специфического дела потребовала включения капитана Василия Татищева в состав экспедиции.

Следствием коллежской реформы стало создание ведомственной администрации на местах. В 1720 г. сначала в Кунгур, а затем на Уктусский завод из Москвы прибыла группа офицеров и горных специалистов во главе с В.Н. Татищевым и И.Ф. Блиером. В наказе в качестве одной из задач для них ставилось «Сибирской губернии на Кунгуре и в прочих местах, где обыщутся удобные рудные места, построить заводы и из руд серебро и медь плавить». К моменту приезда на Урал в 1720 г. И.Ф. Блиер уже обладал большим профессиональным опытом работы в России, что было учтено при определении функций руководителей: «для лучшего смотрения заводских денежных дел артиллерии капитану Василию Татищеву, а над мастеровыми людьми в плавке и в пробе руд бергмейстеру Блиеру...»<sup>2</sup>. Остановка Кунгурского завода произошла в условиях длительной войны и реформ при отсутствии в стране меди, особенно востребованной в монетном производстве. Ведя расследование в Кунгуре, горные чиновники занимались восстановлением производства меди и в августе 1720 г. создали Канцелярию горных дел – местный орган российского горного ведомства, починенный Берг-коллегии и независимый от структуры территориально-хозяйственного управления.

По мнению знатока Уральского горного управления историка Н.С. Корепанова первоначально за основу структуры и принципов его деятельности была взята горнозаводская администрация г. Фрейберга, в разработке которых активную роль сыграл И.Ф. Блиер<sup>3</sup>. М.А. Киселев склонен видеть при создании местных органов Берг-коллегии копирование шведской модели ведения горного дела, в частности, создание берг-мейстерских округов. При этом автор отмечает, что «при создании местных органов эта модель будет деформирована до неузнаваемости»<sup>4</sup>. О симбиозе шведской и саксонской моделей один из авторов уже высказывался ранее<sup>5</sup>.

В результате коллежской реформы 1717 года был создан каркас новой управленческой структуры государства, копировавшей шведскую модель. В подчинении Берг и Мануфактур коллегии оказалось «ведение рудокopных заводов и всех прочих ремесел и рукоделий». С 1719 г. в коллегиях предписывалось начать прием и выдачу денег, а также подачу рапортов «по шведскому манеру», а с 1720 г. управлять в коллегиях «по новому манеру»<sup>6</sup>. Однако немецкое влияние в горном деле было настолько сильно, что к 1722 г. в Берг-коллегии одновременно сосуществовали центральный аппарат, финансы, делопроизводство, построенные по шведской модели, и одновременно среднее и низшее звено управления с табелем о рангах, заимствованным из Саксонии.

Бергамт – особое горное управление, которое существовало в Саксонии еще в XVI в., – осуществлял полный контроль за горным производством. Он следил за производственными процессами, ведал наймом рабочей силы, финансовыми доходами и расходами. В бергамте существова-

<sup>1</sup> Курлаев Е.А. Деятельность В.Н. Татищева и И.Ф. Блиера по возрождению выплавки меди в Кунгурском уезде // Вестник Пермского университета. 2016. Вып. 1(32). С. 96–102.

<sup>2</sup> РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 1. Л. 199–199 об.; ГАСО. Ф. 29. Оп. 1. Д. 2. Л. 282.

<sup>3</sup> Корепанов Н.С. Уральское горное управление // Немцы в России. Энциклопедия. Т. 3. М., С. 622.

<sup>4</sup> Киселев М.А. Организаций местных органов Берг-коллегии в период реформ Петра I: шведская модель и российские практики // Диффузия европейских инноваций в Российской империи. Материалы Всеросс. науч. конф. (Екатеринбург, 10–11 ноября 2009 г.). Екатеринбург, 2009. С. 149–165.

<sup>5</sup> Курлаев Е.А. К вопросу о формировании системы управления горно-металлургической промышленностью России и Урала в XVII – первой четверти XVIII в. // Россия и Запад в переходную эпоху от Средневековья к Новому времени (XVI – первая половина XIX в.) / Всеросс. (с межд. участием) научн. конф. 14–17.10. 2010 г. Проблемы истории России. Вып. 9: Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2011. С. 136–143.

<sup>6</sup> Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. 1. Д. 253. Л. 1 об.–2 об.

ла структурированная вертикаль власти горных чиновников, имевшая знакомые нам названия: гауптман (руководитель), бергмейстер (заместитель), цегентнер (десятинник<sup>1</sup>), бергшрейбер (горный писарь), а также штейгеры, шихтмейстеры и другие чины<sup>2</sup>.

Важный аргумент в пользу признания влияния саксонской модели при формировании местных органов горной власти – названия горных чинов. В декабре 1721 г. в Швецию направили камер-юнкера Бестужева<sup>3</sup>. Одним из данных ему поручений было найти и заключить с мастеровыми людьми договор о службе в России. К наказу прилагался реестр, где были указаны должности необходимых мастеровых людей в саксонском и в шведском толковании<sup>4</sup>.

Реестр мастеровых людей

	По шведски званию
2 штейгера	шахт стигер или груве стегер
6 гауров	груве дрейгер
2 кунст штейгеров	афь кость фолкен
2 плавильных медных мастеров	шмелтаре
1 гармахер	краць унгсь мейстер
1 гамер шмид	гамер шмед
1 стали кузнец	стал смед

Как видно из реестра, в структуре российского проекта Бергамтов, нет шведских названий. Иначе и быть не могло, поскольку основную массу приглашенных специалистов горного составляли немцы, господствовала немецкая терминология и документация на немецком языке. Да и сами шведы позаимствовали горную науку в Германии. Бургомистр Амстердама Н. Витсен писал А.А. Виниусу о том, что лучшие мастера на железных заводах имеются в Луйской земле, «а в шведской работают дети их», на серебряных же рудниках лучшие мастера работают в Линенбургской и Саксонских землях<sup>5</sup>.

По нашему мнению, копирование структуры горной службы и должностей «на саксонский манер» произошло с учреждением Бергамтов. Подтверждение тому проект учреждения Бергамтов в России<sup>6</sup>. Первоначально обер-бергамты создавались только в трех губерниях: Московской, Казанской и Сибирской.

В Сибирской губернии Обер-бергамт предполагалось образовать в Тобольске со штатом, включавшим берг-гауптмана или советника, обер-бергмейстера, цегентнера, секретаря, маркшейдера и одновременно пробирного мастера, механикуса, старого подъячего и 3 молодых подъячих. В Кунгуре и в других местах должен был появиться Ундер-бергамт с соответствующими служащими: берг-мейстером, берг-фогтом или ундер-берг-мейстером, пробирным мастером, 2 обер-штейгерами, берг-шрейбером или старым подъячим, 2 молодыми подъячими. В штате медеплавильных заводов должны были быть по гиттенмейстеру, знающему плавильное дело, старому и 3 молодыми подъячими. Кроме того, на государственных рудокопных заводах следовало прибавить специалистов: 2 штейгеров, 15 гауров, 3 плавильщиков, которых Берг-коллегия должна была вывезти из-за границы. В провинциях, имеющих рудокопные заводы, требовалось иметь по одному форст-мейстеру для присмотра за лесами.

<sup>1</sup> Чиновник, собиравший десятую долю.

<sup>2</sup> Фараджева С.А. К вопросу об эволюции «дирекционного принципа» в горном деле Саксонии XVI в. // Средние века. Сб. статей. Вып. 41. М., 1977. С. 187–202.

<sup>3</sup> Очевидно, в документе упоминается Михаил Петрович Бестужев-Рюмин (1688–1760) русский дипломат из рода Бестужевых. После заключения Ништадского мира в 1721 г. он был назначен министром в Стокгольм.

<sup>4</sup> РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 90. Л. 572–573.

<sup>5</sup> РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1280. Л. 47.

<sup>6</sup> РГАДА. Ф. 217. Оп. 1. Д. 628. Л. 13–15об. У документа нет даты, и я условно датировал его 1722 г., найдя в деле соответствующего года. Вопрос его авторства остается открытым. Киселев М.А. считает, что проект штатов был подготовлен между 18 августа и 12 декабря 1720 г. (Киселев М.А. Создание Берг-Мануфактур-коллегии в 1718 г. // Вестник Пермского университета. Вып. 4 (31). Пермь, 2015. С. 39–47.

<sup>7</sup> Но если проект Бергамтов был утвержден в 1720 г., непонятно почему он не был широко известен и внедрен с этого времени.



Масштаб проекта, охватывавшего всю горнозаводскую систему России, и немецкая табель о рангах, прочно закрепившаяся в горном ведомстве, указывают на автора – крупного немецкого специалиста-реформатора, занимавшего высокий пост в Берг-коллегии. В обнаруженном нами документе автор не указан, но мы считаем, что этот проект подготовил берг-рат М. Михайлис, законтрактованный в 1719 г. как теоретик и знаток горного дела и медеплавильного производства. До 1721 г. он находился в головной структуре Берг-коллегии на должности берг-советника с большим окладом в 1200 руб., после чего был переведен на Урал.

По оценке А.И. Юхта, на русской службе он ничем себя не проявил, был тщеславным человеком, ссорился с Татищевым и Гениным. Последний невысоко ценил берг-рата как специалиста и летом 1724 г. добился его отзыва в Санкт-Петербург<sup>1</sup>. В. Геннин писал А.В. Макарову о Михайлисе «...зело мало, когда на работе бывает, но всегда дома сидит и забавляется – из книг выписывает о горном деле и тем гордится, и хочет уставить по-саксонски горные чины...»<sup>2</sup>. Однако Геннин опасался выживать его с Урала, зная, что с ним уедет большинство иностранцев. Берг-рат подписывал контракты с мастерами от имени Берг-коллегии и государства и выступал гарантом их выполнения.

В итоге, оценивая выбор между шведской и саксонской моделями при создании местных органов Берг-коллегии, сошлемся на компромиссную, но наиболее точно отражающую положение дел позицию М.А. Киселева. Историк пришел к выводу, что «хотя перед глазами членов коллегии и имелась шведская модель, но реально местные органы были созданы так, как это позволяли наличные ресурсы и существовавшая необходимость»<sup>3</sup>.

20 июля 1721 г. в подчинение Берг-коллегии перешел Алапаевский завод. Заведовать им приказали берг-советнику М. Михайлису и капитану Татищеву. А подати за крестьян предписывалось платить в Штатс контор-коллегию<sup>4</sup>.

Попытка создания эффективной местной коллежской администрации для управления горнозаводской промышленностью не принесла больших результатов. В 1722 г. Петр I решил послать на Урал В.И. Генинина в связи с непростой ситуацией, сложившейся здесь в управлении промышленностью.

К 1725 г. Сибирский обер-бергамт, вобравший шведские и саксонские административно-управленческие традиции, объединил под единым началом промышленные центры Урала и Сибири<sup>5</sup>. Оглашение Берг-привилегии стало знаковым событием к появлению по обеим сторонам Урала небольших медеплавильных заводов, основанных на деньги частных заводчиков.

При построении территориально-экономической системы управления горнозаводским хозяйством уральского региона был взят на вооружение трехуровневый принцип структурирования и взаимодействия учреждений. Сама система выглядела как устойчивая пирамида, прочно сцементированная вертикальной осью трех уровней. Эту особенность управленческой системы отмечали практически все исследователи, занимавшиеся историей уральской горнозаводской промышленности<sup>6</sup>. Наиболее точную характеристику, с точки зрения терминологии, трехуровневой системы управления представил Н.С. Корепанов. Он так же отметил огромную роль горнозаводской администрации, особенно первых двух уровней, в процессах регионоформирования. Макроуровень системы занимали учреждения регионального масштаба. Необходимо отметить, что их деятельность была напрямую связана не только с «формированием регионального экономического пространства», но имела огромное влияние на развитие всех региональных систем, и, в первую очередь, социальной. Учреждения мезоуровня осуществляли руководство предприятиями, образующими зональные территориально-отраслевые комплексы. Микроуровень си-

<sup>1</sup> Юхта А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х – начале 30-х годов XVIII в. М., 1985.

<sup>2</sup> Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995.

<sup>3</sup> Киселев М.А. Организаций местных органов Берг-коллегии в период реформ Петра I: шведская модель и российские практики // Диффузия европейских инноваций в Российской империи. Материалы Всеросс. науч. конф. (Екатеринбург, 10–11 ноября 2009 г.). Екатеринбург, 2009. С. 165.

<sup>4</sup> РГАДА. Ф. 271. Оп. 1. Д. 618. Л. 105 об.

<sup>5</sup> Подробнее об истории Уральского горного управления см.: Зубков К.И., Корепанов Н.С., Побережников И.В., Тулисов Е.С. Территориально-экономическое управление в России начала века: Уральское горное управление / Отв. Ред. И.В. Побережников. М., 2008.

<sup>6</sup> См. Пензин Э.А. Сибирский обербергамт – орган управления горнозаводской промышленностью Урала XVIII в. // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале. История, историография, источниковедение: Сборник научных статей. Свердловск, 1988; Корепанов Н.С. Уральское горное управление в XVIII – начале XX в.: Исторический опыт // Уральский исторический вестник. № 3. Екатеринбург, 1996. С. 217; Тулисов Е.С. Организация управления горнозаводской промышленностью Урала во второй половине XVIII века. Екатеринбург, 1999. С. 17.

стемы уральской горнозаводской администрации был связан с предприятиями, объединенными единым технологическим циклом и образующими отдельный «район или экономическое поле». Характерной особенностью учреждений микроуровня являлась их многочисленность.

Зона подчинения учреждений горного управления не являлась сплошной административной территорией, скорее, представляла собой хозяйственное пространство. Однако уже в 1720-е гг. на Урале сформировалась своеобразная административно-территориальная единица отраслевого подчинения – так называемое «Екатеринбургское ведомство», подчиненное Екатеринбургской конторе судных и земских дел (преобразованной в 1727 г. в земское поветье Сибирского Обер-бергамта), которое являлось своеобразной «горнозаводской провинцией» в составе Сибирской губернии. Власти ведомства осуществляли управленческие функции применительно к местному крестьянству, приписанному к казенным металлургическим предприятиям для выполнения заводских повинностей, – наряд их на работы, сбор налогов, рекрутирование в мастерские и работные. Екатеринбургское ведомство подразделялось на дистрикты, состав которых (и, соответственно, границы ведомства) со временем изменялся. Первоначально (1723 г.) в ведомство входили Алапаевский, Арамилский, Каменский и Камышловский дистрикты; в 1729 г. был включен Крутихинский дистрикт; в 1737 г. вместо прежних дистриктов были учреждены: Алапаевский, Екатеринбургский (бывший Арамилский) и Китайский.

Взаимодействие учреждений горнозаводской администрации строилось в соответствии с четким определением иерархической субординации. Решение возникающих вопросов сопровождалось обязательным согласованием с учреждениями вышестоящего уровня, что приводило к усилению контроля за действиями управленцев низовых звеньев. В то же время, горнозаводская администрация первых двух уровней, в пределах своей компетенции, могла иметь самостоятельные взаимоотношения с учреждениями, находящимися вне системы горнозаводского ведомства.

Макроуровень системы характеризуется наличием нескольких институтов. Вершину пирамиды венчала должность Главного командира или начальника Уральского горного управления<sup>1</sup>. Главный командир или начальник одновременно возглавлял Уральское горное управление и Монетную экспедицию. Эти два института по своему положению в системе горнозаводской администрации были равными учреждениями, в общей системе государственных учреждений обладали статусом губернских канцелярий<sup>2</sup> и имели взаимоотношения с ними, а также с казенными палатами и губернаторами с помощью сообщений. Их компетенция определялась сферой производства подведомственных предприятий и учреждений.

Уральское горное управление состояло из:

- присутствия членов, осуществлявшего непосредственное руководство региональным горнозаводским комплексом, которое строилось на коллегиальной основе;
- непосредственно канцелярии и архива, осуществлявшей документационное обеспечение управления, которое распределялось по поветьям. Эти учреждения не обладали правом самостоятельных взаимоотношений с другими учреждениями;
- структурных подразделений, называемых экспедициями или конторами, которые, по характеру их деятельности, условно можно разделить на пять групп. Статус этих учреждений не был одинаковым. Он отличался в зависимости от важности тех функциональных задач, которые на них были возложены. Общим фактором для них являлось то, что все они находились в непосредственном подчинении Уральского горного управления.

<sup>1</sup> Уральское горное управление в различные периоды имело следующие названия: (Кунгурская) Канцелярия горных дел (июль 1720 – январь 1722); Сибирское горное начальство (январь – март 1722); Сибирское Вышнее горное начальство (март – декабрь 1722); Бергамт (декабрь 1722 – июль 1723); Обер-бергамт (август – декабрь 1723); Сибирский Обер-бергамт (декабрь 1723 – декабрь 1734); Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских заводов (декабрь 1734 – ноябрь 1781 гг. (С августа 1757 г. Канцелярия Главного правления Сибирских, Казанских и Оренбургских заводов)); Горная экспедиция при Пермской казенной палате (ноябрь 1781 – май 1797 (Также Горные экспедиции при Вятской и Уфимской казенных палатах)); Канцелярия главного заводов правления (май 1797 – март 1802); Екатеринбургское горное начальство, Пермское горное начальство, Гороблагодатское горное начальство (март 1802 – май 1807); Пермское Горное правление (май 1807 – декабрь 1831); Уральское горное правление (январь 1832 – март 1886); Управление горной частью на Урале (март 1886 – декабрь 1892); Уральское горное Управление (январь 1893 – январь 1918 гг.). Подробнее см. Корепанов Н.С. Уральское горное управление в XVIII – начале XX в.: Исторический опыт // Уральский исторический вестник. № 3. Екатеринбург, 1996.

<sup>2</sup> Тулисов Е.С. Канцелярия главного правления Сибирских и Казанских (с 1753 г.) и Оренбургских заводов – орган управления горнозаводской промышленностью Урала во второй половине XVIII века. // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С. 75.

К первой группе относились учреждения, осуществлявшие контроль за организацией финансирования и целевого использования средств всеми подведомственными предприятиями (Счетная Экспедиция и Екатеринбургское Главное заводское казначейство). Организацией золотодобычи занималась особая горная экспедиция. В третью группу входили учреждения и институты, которые осуществляли надзор, следствие и суд в отношении горнозаводского населения, а так же обеспечивали охрану правопорядка на территории, находящейся под юрисдикцией горной администрации (Екатеринбургская судных и земских дел контора и др.). Помимо постоянно действующих учреждений в недрах уральской горной администрации периодически создавались временные институты с привлечением специалистов и горных офицеров для проведения следственных мероприятий, осуществления инспекций на подведомственные предприятия и т.д. Обычно такие институты называли комиссиями.

Для выполнения вспомогательных мероприятий, обеспечивающих бесперебойное функционирование предприятий и учреждений, подведомственных Уральскому горному управлению, учреждались структурные подразделения, которые можно отнести к четвертой группе. Основной задачей этих учреждений было расширение и сохранение сырьевой базы горнозаводской промышленности, контроль за ее качеством, организация доставки готовой продукции, а также проектирование и строительство заводских сооружений и механизмов и поддержание их в рабочем состоянии (поисковые партии, Екатеринбургская заводская лаборатория, лесные дела, Чертежная камора и т.д.). Что касается вопросов, связанных с проектированием и строительством заводских сооружений и механизмов, а также их техническим обслуживанием в процессе эксплуатации, то для этих целей при Уральском горном управлении существовали должности механика и архитектора.

К пятой группе структурных подразделений горнозаводской администрации относились учреждения, которые выполняли социальные функции. Сеть медицинских учреждений возглавлял заводской доктор, назначение которого производилось при обязательно согласовании с Медицинской коллегией. В его подчинении находились заводские госпитали, а также Екатеринбургская заводская аптека. Не менее важным аспектом в деятельности Уральского горного управления в отношении выполнения социальных функций являлась забота о состоянии общего и профессионального образования среди населения горнозаводского ведомства. Администрация осуществляла финансирование Горных училищ, которые стали, поистине, кузницей горнозаводских кадров. В качестве куратора от горной администрации выступал смотритель Горного училища.

Учреждения, формирующие мезоуровень системы уральской горной администрации, курировали сложившиеся зональные отраслевые комплексы. Для XVIII в. характерны коллегиальные принципы управления, поэтому к числу этих учреждений можно отнести зональные бергамты (до 1734–1737 гг.) и горные начальства (Казанское, Пермское, Оренбургское, Гороблагодатское, Богословское). Во главе Присутствия становились Начальники, которые имели право самостоятельных сношений со всеми субъектами горной административной системы. Присутствие начальства, как правило, состояло из двух или трех членов. В случае необходимости старший член занимал место Начальника. Все вопросы, возникающие в ходе деятельности Горного начальства, решались членами Присутствия на коллегиальной основе. Тем не менее, Начальник имел право решающего голоса при определениях, по которым Горное начальство не могло прийти к единому мнению. Для коллегиальных учреждений того периода характерно разделение обязанностей между членами по «частям» или «экспедициям». Один из членов Горного начальства занимал должность бергмейстера и курировал все дела, касающиеся рудных ресурсов. Другой отвечал за положение дел в лесном секторе. В штате Горного начальства также находился секретарь, в подчинении которого служила группа канцелярских служащих. По своей структуре учреждения, относящиеся к первой группе мезоуровня, очень напоминали Уральское горное управление в миниатюре. Структурные подразделения, осуществлявшие финансово-фискальные функции, заменяли казначей и бухгалтер, входившие в штат Горного начальства.

Наиболее значимым в своей зоне ответственности было Пермское горное начальство, у которого в подчинении до приватизации 1759 г. находилось наибольшее количество заводов. Можно допустить даже, что при определенных условиях Пермское начальство могло выйти из подчине-

ния Главного правления (в конечном счете это и произошло, хотя и в форме создания отраслевых структур в губернских органах в 1781–1797 гг.). В 1729 г. аппаратная структура Пермского бергамта официально строилась по типу обер-бергамтской – повытья горное, заводское, лесное, счетное плюс по одному писчику при каждом шихтмейстере<sup>1</sup>. Из значимых подразделений не хватало лишь судного и розыска. Существовавшие тогда Нерчинский и Казанский бергамты четкой внутренней структуры не имели. По штатам 1737 г. в горных начальствах полагалось быть заводскому, земскому и счетному повытьям. В Пермском сверх того временно учреждались по типу Главного правления протокольное (при необходимости ускоренного «вершении» дел), разрядное (рассмотрение доношений и челобитных, прежде называемое «у крепостных дел»), судных и розыска дел. Для сравнения, в Казанском начальстве, которое во все времена надзирало лишь за частными заводами и не имело в подчинении казенных, обходились без земского повытья. Вообще не было деления на повытья в Красноярском и Оренбургском начальствах. Кроме того, управительский состав Пермского начальства в 1744 г. был наделен правом свидетельствования причин остановок частных домен и медеплавильных заводов, чего формально лишены были казанские горные командиры<sup>2</sup>. По штатам же 1737 г. Пермское начальство единственное имело в подчинении Пермскую казначейскую контору (по типу Екатеринбургской при Главном правлении), причем управитель ее должен был превосходить чином управителя Ягошихинского завода<sup>3</sup>. В ходе приватизации 1759 г. было удовлетворено требование управителя Пермского начальства гитен-фервальтера И.Ф. Княгинкина как о повышении ранга ответственного за отводы и межевание частных рудников и месторождений, так и о расширении канцелярского штата<sup>4</sup>.

К началу XIX в. в горном административном аппарате начинают наиболее ярко проявляться тенденции к единоначалию. Эти тенденции нашли свое отражение и в зональных институтах Уральского горного управления. В некоторые территориально-отраслевые зоны назначались специальные Командиры или Начальники заводов (в 1797 г. вводилась должность Командира Пермских медеплавильных заводов<sup>5</sup>; в конце этого же года в ведомство Канцелярии переходили Камские заводы, куда также назначался Начальник; в середине 1799 г. управление Лугининскими Златоустовскими заводами, поступившими в собственность Государственного ассигнационного банка<sup>6</sup>, возлагалось на Начальника Златоустовских банковских заводов). Характерной особенностью для этих институтов являлось то, что заводские Командиры и Начальники не имели в своем распоряжении совещательного коллегиального органа. Отчасти это было продиктовано постоянным стремлением государства к экономии казенных средств. С другой стороны, сокращение штата управленческого аппарата было оправдано, при обязательном условии, что Начальник или Командир должен обладать безупречными профессиональными знаниями и положительным опытом управленческой службы. Упрощение аппарата горной администрации среднего уровня, а также одновременное расширение административно-хозяйственных прав и увеличение ответственности Начальников заводов за последствия принятых ими решений, безусловно, способствовали внедрению более оперативных управленческих схем и сокращению громоздкого делопроизводства. В то же время соблюдался незыблемый критерий эффективности деятельности административного аппарата, который выражался в соблюдении фискальных интересов казны «...в избежание напрасного употребления излишнего числа чиновников и служителей, и как для них ... немалой суммы могущей числить цены на металлы располагаемые...»<sup>7</sup>. Чиновники, находившиеся в непосредственном подчинении Начальника или Командира, формировали его так называемую «команду». В ее состав обязательно входили должностные лица, осуществлявшие надзор за основными сырьевыми источниками – рудным производством и лесными ресурсами: казначей, бухгалтер и секретарь с группой приказных служителей.

В системе управления учреждения мезоуровня по существу являлись связующим звеном между региональными отраслевыми органами управления и предприятиями, образующими

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 185. Л. 209–212.

<sup>2</sup> Там же. Д. 1038. Л. 83.

<sup>3</sup> Там же. Д. 1495. Л. 378.

<sup>4</sup> Там же. Д. 1609. Л. 256.

<sup>5</sup> Там же. Д. 2629. Л. 82.

<sup>6</sup> Там же. Оп. 12. Д. 839. Л. 112.

<sup>7</sup> Там же. Д. 903. Л. 289.



зональный горнозаводской комплекс. Находясь в непосредственном подчинении Главного начальника или командира и Уральского горного управления, эти учреждения осуществляли координирующее руководство и контроль за исполнением на подведомственных предприятиях всех указов региональной горной администрации, а также несли ответственность за текущее хозяйственное руководство и предоставляли в вышестоящие инстанции сводную финансовую и другую отчетность по предприятиям, находящимся в их ведомстве. Между собой они были иерархически равны. В отношении негорнозаводской системы государственных учреждений органы горной администрации среднего звена по своему положению приравнивались к уездным канцеляриям.

Микроуровень структурной системы органов управления уральской горнозаводской промышленностью складывался за счет обширной сети заводских контор и других институтов, которые осуществляли контрольно-распорядительные функции на предприятиях, формирующих «экономическое поле». Экономическое поле ограничивалось природно-географическим и социальными факторами, т.е. наличием необходимых энергетических и сырьевых ресурсов, а также возможностью обеспечения предприятий рабочей силой. Тем не менее, оно могло объединять несколько предприятий, связанных единым технологическим циклом и близостью расположения. В этом случае заводская контора учреждалась на более крупном предприятии. Значимость влияния заводских контор и их неравное положение друг относительно друга определялось особенностями технологического цикла и масштабами производства ведущих или вспомогательных заводов, но фиксировалось тем же приказным составом (количеством и рангом подъячих). Так, требуя законодательного повышения статуса Кушвинской заводской конторы до фактического ранга горного начальства (относительно Туринской и Баранчинской контор), в 1751 г. заводской управитель гитен-фервальтер Н.П. Бахорев упирал главным образом на нехватку подъячих: «При здешней Кушвинской заводской конторе по имению в команде еще двух заводов и по большей против других заводов трудности дел великое множество имеется... И по таким трудностям и скудостям частые во всем доуки, а о невозможностях представления как в здешнюю контору, так и от оной в Канцелярию бывают. К тому ж здесь по отдалению от главной команды бывают по делам следствия... И многие дела из следствия, а иногда ведомости и счета, а паче закупка провианта и счета оных, которые было можно в Туринской конторе исправлять, оные отправляются по Кушвинской заводской конторе. И Главная команда дела за тот (Туринский) завод больше спрашивает на Кушвинской заводской конторе»<sup>1</sup>. Такая же ситуация складывалась и при Полевской конторе (с подчиненными Северской и Сысертской конторами), и при Алапаевской (с подчиненными Синячихинской и Сусанской конторами). Таким образом, уровень управления и состав приказного аппарата были величинами взаимозависимыми.

Чиновники заводской конторы осуществляли весь комплекс организационных и хозяйственных мероприятий, необходимых для бесперебойного функционирования завода. Помимо этого, в учреждениях низового уровня формировалась первичная отчетность по использованию денежных средств и сырьевых ресурсов, а также ведомости по результатам производства продукции. В 1748 г. статус заводского управителя приравнивался к положению воеводы и он, подобно воеводе, не должен был занимать одно место более 3 лет<sup>2</sup>. Косвенное уподобление заводских управителей воеводам имело место при проведении двухступенчатых выборов депутата от Екатеринбургского ведомства в Уложенную комиссию 1767 г., когда губернатор Д.И. Чичерин и Первый член Главного правления А.А. Ирман согласились считать заводы или группы заводов за уезды<sup>3</sup>. Последний факт весьма показателен.

Степень вмешательства горной администрации в производственные дела предприятий зависела от принадлежности завода к определенной категории. На казенных предприятиях весь аппарат заводской конторы назначался после утверждения в Уральском горном управлении. В отношении партикулярных заводских контор деятельность горной администрации смещалась от хозяйственно-распорядительных мероприятий в сторону финансово-фискальных и контрольных функций. Заботы по организации производства на частных заводах целиком ложились на

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1364. Л. 405–406.

<sup>2</sup> Там же. Д. 1245. Л. 204.

<sup>3</sup> Там же. Д. 1982 (3). Л. 613.

плечи их владельцев, а для горной администрации было важно обеспечить непрерывный поток налоговых поступлений в казну. В случае ослабления или прекращения этого потока происходила активизация вмешательства, начиная от исследования причин и заканчивая внедрением принудительных форм управления. Во главе заводской конторы стояли заводские управители, в подчинении которых был штат смотрителей и приказных служителей. Положение этих учреждений в системе горнозаводских органов управления характеризуется жесткой подчиненностью учреждениям мезо- и макроуровней. Их взаимоотношения между собой и «внешним» миром строились только через вышестоящие инстанции. Это еще больше усиливало контроль над ведомственными предприятиями, так как любое решение заводской администрации низового уровня требовало предварительного согласования и утверждения. Для учреждений, которые группировались вокруг Канцелярии Главного заводов Правления, характерно отсутствие среднего звена. Прямая зависимость от Канцелярии определяла особый статус некоторых заводских контор. Это выражалось хотя бы в том, что управители Екатеринбургского и Каменского заводов, наряду с руководителями высшего и среднего звена, входили в состав Горного Совета<sup>1</sup>.

Если говорить о заводской конторе как об административном аппарате, то она рождалась не с назначением полномочного заводского управителя, а с дачей конторской печати и «зеркала» – неперменных канцелярских атрибутов и с введением в заводской штат более чем одного подъячего. До тех пор действовали т.н. «заводские дела» (на рудниках – «горные дела»). Так, в 1742 г. управитель Мотовилихинского завода, действовавшего уже семь лет под общим руководством Пермского горного начальства, шихтмейстер С. Ранчковский требовал учреждения Мотовилихинской заводской конторы: «Пишутся в Пермское горное начальство представления, а на все заводы и в земские конторы промемории, именуя Мотовилихинского завода от заводских дел. А при том заводе действия работ и служителей не менее других заводов, который в правлении имеет неравенство»<sup>2</sup>.

Таким образом, трехуровневая система уральской горнозаводской администрации, способствовала централизации отраслевого управления. В то же время нельзя выделить четкого поступательного развития системы в ту или иную сторону. Существование регионального горнозаводского центра способствовало проведению единой промышленной политики в регионе и усилению контроля через укрепление вертикальной оси структуры, однако в рассматриваемый период дважды проводилась региональная децентрализация (в 1781–1797 гг. – управления было рассредоточено по нескольким Казенным палатам, а в 1802–1807 гг. отсутствовал региональный уровень горнозаводской администрации, а ведомственное управление было сосредоточено на зональном уровне). В целом, для рассматриваемого периода свойственно постепенное смещение в выборе форм управления от коллегиальности к укреплению единоначалия. Это давало реальную возможность воздействовать на процессы развития Уральской горнозаводской промышленности, которая приобретала черты системно структурированного территориально-отраслевого комплекса как на уровне зон, так и на уровне всего Уральского региона.

После издания Берг-привилегии, учреждения Берг-коллегии и создания системы регионально-отраслевого управления на Урале началось постоянное противостояние гражданской и горной администрации. С самого начала попытки влияния воеводской администрации на заводские конторы повсеместно рассматривались как архаика, хотя и не всегда игнорировались. В июне 1724 г. Геннин писал в своем указе о взаимодействии с верхотурским воеводой А.И. Беклемишевым при строительстве Лялинского завода: «Впредь мимо его, воеводы, ни к кому о заводских и горных делах указов не посылать, но писать к нему промемориями»<sup>3</sup>. Впрочем, можно допустить, что в данном случае определяющей оказалась личность А.И. Беклемишева, всегдашнего союзника «горной власти». Кстати, вся заводская отчетность с 1724 г. по указу Геннина составлялась по образцу отчетности верхотурского воеводы о Лялинском заводе<sup>4</sup>. Сами же заводские конторы на попытки воеводского вмешательства в их дела реагировали крайне болезненно. Показательна жалоба осокинских приказчиков Р. Набатова и Т. Никулина в Ягошихинскую заводскую контору

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 224. Т. 1. Л. 118.

<sup>2</sup> Там же. Оп. 1. Д. 1031. Л. 551.

<sup>3</sup> Там же. Д. 45. Л. 58.

<sup>4</sup> Там же. Д. 48. Л. 391.

и реакция ягошихинского управителя капитана Ю. Берглина в сентябре 1729 г.: «Кунгурский воевода Воронцов-Вельяминов о всяких делах присылает к ним на (Иргинский – Н.К.) завод указы и требует о людях ведомости и от них паспорта. А ныне он написал, чтоб Иргинским заводам быть особливо судом кроме воеводского ведомства, о том-де в Кунгурской (воеводской – Н.К.) канцелярии познания будто не имеется. А достойной памяти Петр Великий власть и мочь дал единым судиею быть, чтоб никаким образом губернаторы, воеводы ни же прочие поставленные начальники в рудокопные дела (не) вступали и (не) мешались»<sup>1</sup>. То же касалось и Сибири – в 1732 г. заводской комиссар Т.М. Бурцев, глава Нерчинского бергамта, жаловался в Екатеринбург о постоянных нарушениях именного указа 1720 г. о переподчинении Нерчинских заводов от губернии горному ведомству: «Иркутская провинциальная канцелярия требует о всяком горном и заводском и прочем поведении известиев. И чтоб быть Нерчинскому бергамту послушну в Иркутскую провинцию и посылать бы в тое канцелярию счета, посылает указы беспрестанно»<sup>2</sup>.

Об угрозе – судя по всему реальной – отмены юридической обособленности региональной «горной власти» Геннин писал в Коммерц-коллегию (тогда – центральный орган горного ведомства) в декабре 1733 г. незадолго до своего отъезда с Урала: «И хотя ныне при бытности моей она, губерния (Сибирская губернская канцелярия – Н.К.), такой власти, как над прочими Сибирской губернии городами не имеет и списывается (с Сибирским Обер-бергамтом – Н.К.) промемориями, однако кто здесь впредь будет иметь команду по мне, оного подчинять как прочих городов воевод и будут писать указами и всю команду возьмут, как уже и слух носится. И сие здешним казенным горным и заводским делам не весьма способно, для того что приписные к заводам слободы взяты из их рук, и для того губернские приказные служители здешние заводские и горные дела не очень любят и ненавидят»<sup>3</sup>. Как известно, сенатский указ о содействии сибирских губернаторов и воевод главе Обер-бергамта появился не при направлении Татищева или Геннина на Урал, а уже в ходе полномасштабной деятельности второго из них – в октябре 1723 г.<sup>4</sup>. Основной конфликт горной и гражданской администраций касался подсудности заводского населения. Впервые о неподсудности приписных крестьян гражданским органам Обер-бергамт за подписью второго члена князя Р.Ф. Горчакова заявил 16 декабря 1725 г.: «Приписных к Екатеринбургу крестьян судом и расправою и татинными, и разбойными, и убивственными делами ведать Екатеринбургской земской конторе (позже – Екатеринбургская контора судных и земских дел – Н.К.)». Указ издавался в ответ на сенатский указ от 13 июля того же года о подсудности дворцовых крестьян Главной дворцовой канцелярии. В январе 1726 г. Обер-бергамт (Горчаков) определенно высказался и о мастеровых (и работных) людях: «Мастеровые люди кроме Берг-коллегии судимы нигде быть не имеют (хотя об оных в указе ясно и не изображено), ибо оные нужнейшие есть при заводах нежели крестьяне, понеже от работы их к дальнему суду, яко из Екатеринбурга в Тобольск и в прочие места отсылать невозможно, и ведомо есть, что большая часть мастеровых людей взята из приписных крестьян, и о суде их быть должно яко о крестьянах... По мнению Обер-бергамта, мастеровым людям весьма должно быть в судных и розыскных делах, ведомым по оной Земской конторе»<sup>5</sup>.

На указ Верховного Тайного Совета 1727 г. о централизации власти губернаторов и воевод и ликвидации надворных судов с институтами камериров и судебных комиссаров Геннин отзывался: «В губерниях и в провинциях прежде сего указу частные суды были не под командою губернской или провинциальной канцелярии, но особливо; здесь же оные состояли под ведением Обер-бергамта. Тако ж и камерир – не под Камер-, а комиссар – не под Юстиц-коллегиями, но в ведении того ж Обер-бергамта были. И понеже я имею Ея ИВ именной указ, дабы я в делах своих поступал смело и в том милостиво обещает меня не оставить, и мог бы я для пользы заводской писать, чтоб тем людям быть в тех же чинах и у тех же дел. Тако ж и для пользы крестьянству, чтоб им быть не под ведением подъячих-плутов, но под ведением такого человека, который бы о них яко отец имел попечение»<sup>6</sup>. На практике же первый судебный комиссар Обер-бергамта

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 201. Л. 120–120 об.

<sup>2</sup> Там же. Д. 167 «а». Л. 576 об.

<sup>3</sup> Там же. Д. 367. Л. 309 об.

<sup>4</sup> Там же. Д. 18. Л. 18.

<sup>5</sup> Там же. Д. 93. Л. 158–163.

<sup>6</sup> Там же. Д. 114. Л. 96–96 об.

Д. Каравацкий имел двойное подчинение и регулярно отзывался для отчета в Тобольский надворный суд<sup>1</sup>. А сейчас речь шла о фактическом сохранении в системе горного управления института земских комиссаров (с формальным переименованием их в земские управители). Несравненно чаще случались конфликты в зоне Пермских заводов между учрежденной в 1740 г. в Кунгуре Пермской конторой судных и земских дел и Пермской провинциальной канцелярией, очевидно, в силу общего меньшего разграничения полномочий. Даже сама Берг-коллегия с некоторым сомнением склонялась в данном случае к поддержке подведомственных структур (указ ее от 16 января 1744 г.): «По доношению из Казанской губернской канцелярии о имеющейся в городе Кунгуре в заводском ведомстве Судной и земской конторе, которую якобы Канцелярия Главного заводов правления учредила собою (самостоятельным указом – Н.К.) и в той Конторе определила над приписными к казенным заводам крестьян во всем суд и расправу иметь кроме Пермской провинциальной канцелярии, и по какому-де указу те крестьяне от Провинциальной канцелярии отрешены – не известно... А в той-де провинции приказные служители за неимением юстицких дел и акциденции претерпевают немалую нужду... И она Казанская губернская канцелярия определила: между означенными Пермского уезду (провинции – Н.К.) обыватели, которые хотя и к заводам приписаны, в произвождении судных и розыскных дел поступать той Пермской провинциальной канцелярии, токмо в горные дела не вступать»<sup>2</sup>. Любопытно, что здесь отсутствие дел для подъячих, а не столкновение реальных властных интересов полагалось чуть ли не в основную причину конфликта.

Лишь в декабре 1758 г. Берг-коллегия на основании уже десятилетних взаимных жалоб гражданских и горных региональных структур высшего и среднего уровней определила требовать сенатского указа: «Чтоб губернские и провинциальные канцелярии к судным и земским делам приписных крестьян впредь кроме рекрутских, лошадиных и т.п. податей не требовали..., ибо те приписные крестьяне подушные деньги зарабатывают заводскими работами, а не натурою и деньгами платят. Судные и земские дела до тех приписных крестьян производить по-прежнему в земских правлениях и Канцелярии Главного заводов правления»<sup>3</sup>. Указ издавался в связи с передачей функции рекрутского и т.п. сбора с приписных крестьян губернским и провинциальным канцеляриям (указы Сената в Главное правление от 22 марта 1757 г. и 22 апреля 1758 г.). А упомянутые сенатские указы, в свою очередь, издавались в связи с непрекращавшимися столкновениями Пермской судной и земской конторы и Пермской провинциальной канцелярии: «По справке явилось, что в отданных и принятых в Пермскую провинциальную канцелярию из приписных к казенным заводам Кунгурского уезда острожков и сел, также из Пыскорского дистрикта рекрутах и лошадях в приеме описей не дано... А Пермская провинциальная канцелярия о числе тех приписных крестьян никакого известия не имеет и во время рекрутских наборов за мастеровых, работных и приказных людей в рекруты берутся натурою по рассуждению с оставшихся крестьян, чего оной Провинциальной канцелярии ведать не по чему»<sup>4</sup>.

Аналогично складывалась ситуация и в отношении органов городского управления, что нагляднее всего можно проследить после учреждения Екатеринбургской ратуши в 1751 г. Уже в ноябре того года Московский Главный магистрат спустил указ в Главное правление: «В Берг-коллегию сообщить промеморию и требовать указа в Канцелярию Главного заводов правления, чтоб та Канцелярия и Екатеринбургская судная и земская контора Екатеринбургскую ратушу и тамошнее купечество по силе Регламента Главного магистрата ни в чем не ведали и в заводские работы и в подводную гоньбу и ни в какие служения не определяли. А хотя то екатеринбургское купечество прежде учреждения ратуши в ведомстве Канцелярии и состояли, но потом оные по представлению Ревизии душ в Сибирской губернии и по указу Сената в подушный и раскольниковый оклад и из прежних их жилищ выключить велено. И по тому то купечество состоит, кроме великих государственных дел, судом и расправою в Главном магистрате»<sup>5</sup>. В январе 1752 г. указ был подтвержден Берг-коллегией. Ратуша иерархически была приравнена заводской конторе и

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 182; Д. 71. Л. 108.

<sup>2</sup> Там же. Д. 1027. Л. 271.

<sup>3</sup> Там же. Д. 1608. Л. 63.

<sup>4</sup> Там же. Д. 1571. Л. 338.

<sup>5</sup> Там же. Ф. 34. Оп. 1. Д. 108. Л. 326.



Екатеринбургской полиции (последняя сносилась с Екатеринбургской заводской конторой доношениями). Однако в финансовом плане несмотря на передачу в ведение ратуши подушных, таможенных, питейных и т.п. сборов полной независимости ее от горной власти не было достигнуто, и перечисления в главную команду шли согласно указа Берг-коллегии 1754 г. по довольно сложной схеме: ратуша – Екатеринбургская казначейская контора – Главное правление – Московский Главный магистрат. Со стороны Главного правления ратуша неоднократно подвергалась штрафам за нарушения подушных и пошлинных сборов.

Наряду с постоянным стремлением как горной, так и гражданской власти максимально оккупировать права регионального управления во всех проявлениях, существовали менее агрессивные приемы. Так, например, обычным методом вмешательства горного управления в судебные решения гражданских структур следует считать практику назначения депутатов. Депутаты в офицерском чине направлялись в гражданские органы всех уровней и разной подчиненности, но, пожалуй, чаще всего в местные органы Сибирского приказа – таможи и возникшие на их месте после 1754 г. соляные и питейные комиссарства. Об эффективности подобного вмешательства свидетельствует открыто проигнорированный указ сибирского губернатора 1764 г.<sup>1</sup> Участие депутатов в судебно-следственные комиссии губернских, провинциальных и уездных канцелярий, как правило, было вызвано рассмотрением земельных споров и, естественно, само по себе не вызывало конфликтов.

Наиболее ощутимое столкновение позиций по вопросам администрирования и проведения в жизнь «неполитических» решений высших и центральных органов, касавшихся техники управления, вели к наиболее серьезным структурным реорганизациям аппарата. Так, в ранний период формирования системы регионально-отраслевого управления едва ли не самым принципиальным казался вопрос о совместном или раздельном строительстве железоделательных и медеплавильных заводов и, соответственно, руководстве. Решение Берг-коллегии о запрете возведения железоделательного и медеплавильного оборудования при одной плотине, принятое в марте 1721 г. в ответ на знаменитое обращение В.Н. Татищева от 6 февраля о строительстве на Исети завода-комбината с функциями регионального центра управления, переводе из Ирбита ярмарки и т.п., привело в конечном итоге к отсрочке строительства Екатеринбурга и отстранению от руководства самого В.Н. Татищева. Сам центр регионального управления мог переместиться в Тобольск<sup>2</sup>. Проводник берг-коллежского решения берг-рат И.М. Михаэлис в апреле 1722 г., еще до отстранения В.Н. Татищева, добился решения Сибирского высшего горного начальства о раздельном управлении медных и железных заводов<sup>3</sup>. Несмотря на строительство – фактически в нарушение берг-коллежской установки – заводов с комбинированным металлургическим производством (Екатеринбургский, Полевской) новый Главный командир В.И. Геннин в общем придерживался политики раздельного промышленного управления. Это тем более показательно, что в основе всех противоречий внутри региональной горной администрации во времена В.И. Геннина лежал личный конфликт между ним и И.М. Михаэлисом. В марте 1724 г. при определении властных полномочий представители-ревизоры со стороны В.И. Геннина Н.Г. Клеопин и К.А. Гордеев фактически уподоблялись членам Сибирского Обер-бергамта и в качестве объекта надзора получали, соответственно, казенные железные и медные заводы<sup>4</sup>. В 1725 г. в органах горной администрации всех трех уровней (Обер-бергамт – горные начальства – заводские конторы) выделялись ведавшие медеплавильным производством особые подразделения – «плавильные дела»<sup>5</sup>.

Пиком политики раздельного производственного управления можно считать учреждение в марте 1727 г. Екатеринбургской конторы медного правления с К.А. Гордеевым во главе, которой отходила часть функций Екатеринбургской казначейской конторы (одновременно часть функций последней делегировалось в Екатеринбургскую заводскую контору). Новому органу подчинялась и Контора платных дел (руководство монетной чеканкой)<sup>6</sup>. Однако уже в июне на основании указа Верховного Тайного Совета от 15 марта о ликвидации надворных судов и усилении

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1757. Л. 476.

<sup>2</sup> Там же. Д. 10. Л. 46.

<sup>3</sup> Там же. Д. 12. Л. 22.

<sup>4</sup> Там же. Д. 33. Л. 25 об.

<sup>5</sup> Там же. Д. 80. Л. 212, 400, 404.

<sup>6</sup> Там же. Д. 121. Л. 131.

губернаторской власти Контора медного правления наряду с Екатеринбургской заводской и Судных и земских дел конторами были ликвидированы, а их функции отошли непосредственно Обер-бергамту<sup>1</sup> (по штату 1729 г. соответственно повытья горное, заводское и земское). При этом при делении полномочий членов Обер-бергамта на три экспедиции в 1732 г. надзор за железными и медными заводами казны был единым<sup>2</sup>. Горное и заводское повытья слились в одно в 1735 г. при В.Н. Татищеве. Развитие раздельного принципа управления двумя металлургическими отраслями логически завершилось в 1747 г. при размежевании функций трех членов Канцелярии Главного правления заводов аналогично практике, сложившейся в Берг-коллегии. Согласно указа от 25 мая 1743 г. 2-й член отныне отвечал за казенное медеплавильное производство, 3-й – за железоделательное. Размежевание произошло под прямым давлением президента Берг-коллегии А.Ф. Томилова, служившего в 1728–1732 гг. 3-м членом Обер-бергамта в Екатеринбурге и объехавшего уральские заводы в 1746–1747 гг.<sup>3</sup>

Земские органы горнозаводской администрации соответствовали аналогичным гражданским органам (провинциальным и уездным воеводским канцеляриям). Центральным звеном земских структур горного ведомства была учрежденная в 1723 г. Екатеринбургская контора судных и земских дел, иерархически соотносимая с провинциальной канцелярией. Ее глава приравнивался воеводе и обладал правами члена Обер-бергамта. В 1726 г. В.И. Геннин в отношении этого должностного лица использовал следующие эпитеты: «Имеет в ведомстве своем всех приписных крестьян, и для того учреждена особливая Земская контора, в которой он, яко комиссар от земли, сидение имеет. И когда крестьянам может случиться от непорядочных высылки в работу, от волокит обиды, то како он в том им по должности яко отец к детям голоса в главном правлении, то есть в Обер-бергамт, помоществовать будет. Оный Неелов не имеет мешаться в другие обер-бергамтские дела, но должен он с земскими его подьячими земское дело править»<sup>4</sup>.

Земские комиссары дистриктов Екатеринбургского ведомства (управители земских дистриктных контор) и подчиненные им земские приказчики практически в обязательном порядке назначались из представителей старого управительского слоя – тобольских детей боярских. Структуры общинного самоуправления (слободские мирские избы) находились в формальном подчинении дистриктных земских контор, а за пределами горного ведомства – воеводским уездным канцеляриям. Взаимодействие их происходило, как правило, по тем же вопросам традиционного плана: рекрутские наборы и сбор лошадей, выборы на целовальничьи должности, а после объезда Неелова 1748 г. и расчеты за переработку сверх подушного оклада (т.е. фактически вопросы подушного обложения в различных формах). Известен случай преобразования дистриктной Камышловской земской конторы в мирскую избу при очередном изменении состава Екатеринбургского ведомства и ликвидации Камышловского дистрикта в 1765 г.<sup>5</sup> При реорганизации ведомства, проведенной В.Н. Татищевым в 30-е годы, дела общины оставались все же за ней самой.

Земские структуры на низовом уровне проявлялись в виде особых «земских правлений» в заводских конторах и земских повытиях в горных начальствах (при сохранении дистриктных земских контор, подчинявшихся Екатеринбургской судной и земской конторе). Это было связано с введением права распоряжаться сборными подушными и пошлинными деньгами непосредственно горным начальствам и заводским конторам. Формально земские повытья в горных начальствах и заводских конторах учреждались по штатам 1737 г. Фактически же должность полномочного земского управителя (он же второй член заводской конторы) была впервые учреждена в Пыскорской заводской конторе в 1741 г.<sup>6</sup>, земское повытье (т.е. аппаратная структура) впервые появилось в Алапаевской заводской конторе еще в 1722 г.<sup>7</sup>, а повсеместно практика утвердилась по указу Главного правления 1746 г.<sup>8</sup>. Передача права использования податей и пошлин на завод-

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 124. Л. 261.

<sup>2</sup> Там же. Д. 375. Л. 143.

<sup>3</sup> Там же. Д. 1243. Л. 227–235.

<sup>4</sup> Там же. Д. 111. Л. 89–89 об.

<sup>5</sup> Там же. Д. 1797. Л. 991.

<sup>6</sup> Там же. Д. 934. Л. 144.

<sup>7</sup> Там же. Д. 1393. Л. 86.

<sup>8</sup> Там же. Д. 1286. Л. 362.

ские нужды на постоянной основе имела место лишь при Каменской заводской конторе с конца 1740-х гг.; там и утвердился механизм передачи: рапорт в Екатеринбургскую судную и земскую контору и дозволятельный указ Главного правления<sup>1</sup>. В конце 1750-х гг. механизм был уточнен: серебро в обязательном порядке отправляется в Екатеринбург, пошлинные (в основном соляные) целовальники получают векселя от имени конторы, выделенная ими сумма переводится от имени Главного правления в Екатеринбургскую казначейскую контору. Таким образом, выдерживалось сходство, по крайней мере внешнее, со схемой государственного ассигнования со стороны губернаторских и воеводских структур.

Важной вехой в процессе рационализации административного аппарата являлось подписанное 7 ноября 1775 г. Екатериной II «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи». В соответствии с положениями этого документа, губернии разукрупнялись, а промежуточные административно-территориальные единицы – провинции – упразднялись. В основу административно-территориального деления был положен принцип равенства податного населения (в уезде – 20–30 тыс.; в губернии – 300–400 тыс.), при этом прочие факторы регионоформирования (национальный состав населения, хозяйственные связи и т.д.) в расчет практически не принимались. 13 июня 1781 г. было утверждено «расписание» новых сорока губерний. В качестве контролирующей инстанции вводился институт Генерал-губернаторов, которые курировали две соседние губернии и подчинялись напрямую Сенату и императрице. Кроме того, к генерал-губернаторам переходили функции упраздняемых центральных органов – коллегий. Территория Урала была распределена между тремя наместничествами: Вятским, Пермским и Уфимским.

Согласно именному указу, данному Сенату 11 сентября 1780 г., учреждалось Вятское наместничество, вошедшее в Нижегородское и Вятское генерал-губернаторство, из 13 уездов: Вятского, Слободского, Кайгородского, Котельнического, Уржумского, Орловского, Яранского, Царевосанчурского, Глазовского, Елабужского, Малмыжского, Сарапульского и Нолинского. Наместничество было образовано на основе территории Вятской провинции и некоторых земель (из Казанского, Козмодемьянского, Царевококшайского уездов) Казанской губернии (помимо Вятской провинции, также входившей до того в состав данной губернии) и бывшей Уфимской провинции Оренбургской губернии. Центром наместничества стал город Хлынов, переименованный в Вятку. Впоследствии границы Вятского наместничества (губернии) мало менялись вплоть до 1917 г.

27 января 1781 г. был дан высочайший указ Сенату о поручении генерал-губернатору Пермскому и Тобольскому Е.П. Кашкину открыть в октябре Пермское наместничество в составе двух областей, или провинций: Пермской – из уездов Пермского, Кунгурского, Соликамского, Чердынского, Обвинского, Оханского, Осинского и Красноуфимского (Среднее Приуралье) и Екатеринбургской – из уездов Екатеринбургского, Челябинского, Шадринского, Далматовского, Камышловского, Ирбитского, Верхотурского и Алапаевского (Среднее Зауралье); основать соответствующие уездные города. Центром Пермского наместничества, охватившего всю территорию Среднего Урала, стал город Пермь, вновь учрежденный (осенью 1781 г.) на месте Ягошихинского завода.

Пермское наместничество было образовано на основе бывшей Пермской провинции Казанской губернии, ряда зауральских уездов прежней Тобольской провинции Тобольской губернии и частично земель Исетской и Уфимской провинций бывшей Оренбургской губернии. К концу 1781 г. количество уездов в наместничестве сократилось с 16 до 15 (Челябинский уезд был передан Уфимскому наместничеству).

На Южном Урале 23 декабря 1781 г. было создано Уфимское наместничество с центром в Уфе, Оренбург перешел на положение областного города. Наместничество было включено в Уфимское и Симбирское генерал-губернаторство, образованное именным указом от 13 июня 1781 г. Уфимское наместничество, как и Пермское, было разделено на две области – Уфимскую и Оренбургскую. В состав первой вошло 8 уездов: Уфимский, Бирский, Мензелинский, Бугульминский, Бугурусланский, Челябинский, Белебейский, Стерлитамакский. В состав второй – 4 уезда: Оренбургский, Бузулукский, Троицкий, Верхнеуральский. Города прежней Оренбургской губернии Уральск и Гурьев были переданы Астраханской губернии. Территория Уфимского наместниче-

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1373. Л. 329.

ства была скроена из Уфимской, Оренбургской и частично Исетской провинций бывшей Оренбургской губернии<sup>1</sup>.

Таким образом, в процессе осуществления реформы местного управления Екатерины II все территориально-административные образования, созданные на Урале, приобрели уральский характер, и их центры были расположены в пределах региона. Обновленный административный каркас более четко соответствовал естественному делению Урала на Средний (Пермское наместничество) и Южный (Уфимское наместничество). Данное деление имело и исторический подтекст.

Следует обратить внимание на то, что новая административно-территориальная сетка оказалась чувствительной и к естественной дифференциации Среднего Урала на предуральскую и зауральскую части (соответственно, Пермская и Екатеринбургская области в составе Пермского наместничества). В особый район (Вятское наместничество) административно выделялась «буферная» территория, тяготеющая как к Уралу, так и к Поволжью (Волго-Камский или Волго-Вятский край). При этом в состав Уфимского наместничества, наряду с уральскими, были включены некоторые поволжские уезды и казахские земли. Областная реформа 1780-х гг. в значительной степени содействовала административному оформлению Уральского региона.

Последнее двадцатилетие XVIII в. – первая треть XIX в. ознаменовались поисками путей совершенствования аппарата горного управления в русле общей тенденции рационализации административного аппарата. Областная реформа Екатерины II ослабила процессы рационализации в рамках развития системы местного горного управления. Дело в том, что в процессе реформы региональный орган горного управления ликвидировался, а его функции были переданы горным экспедициям при казенных палатах Пермского, Вятского, Уфимского наместничеств (1781–1797 гг.). Негативные последствия данного мероприятия для развития региона отмечались в литературе: «Преобразование в горную экспедицию ... как сопроводительная мера областной реформы объективно вела к ослаблению процесса регионоформирования, точнее, к изменению его путей. Возникли предпосылки складывания горнозаводского хозяйственного комплекса в административных границах новой Пермской губернии (а также Вятской и Уфимской), однако прежние региональные связи и механизмы развития нарушились. Болезненное всего воспринималось нарушение принципа независимости “горной власти”»<sup>2</sup>.

Немедленно по вступлении на престол в 1796 г. император Павел I произвел некоторые изменения в системе областного управления, сложившейся при Екатерине II. Наместничества были преобразованы в губернии, управляемые губернаторами; изменилось их число. Таким образом, на Урале появились Пермская, Вятская и Оренбургская (в которую было переименовано в 1796 г. бывшее Уфимское наместничество; по указу 23 марта 1797 г. Оренбург был объявлен губернским городом вместо Уфы). При этом хотя Симбирское и Уфимское генерал-губернаторство было ликвидировано, но для Оренбуржья (Оренбургского края) была предусмотрена должность военного губернатора (с 1796 г.). С 1802 г. Уфа вновь превратилась в центр Оренбургской губернии, однако ставка военного губернатора осталась в Оренбурге. В некоторых губерниях изменилось количество уездов и соответственно уездных центров. Так, в Вятской губернии осталось 10 уездов: Вятский, Слободской, Глазовский, Сарапульский, Елабужский, Уржумский, Нолинский, Орловский, Котельнический и Яранский. Впоследствии, в 1817 г., Малмыж был восстановлен в качестве уездного центра. В 1797 г. три уездных города Пермской губернии (Обвинск, Алапаевск, Далматов) были переведены в заштатные – в составе губернии, таким образом, осталось 12 уездов<sup>3</sup>.

В сфере горного управления ключевым стал именной указ от 19 ноября 1796 г., в соответствии с которым восстанавливалась система управления горнозаводской промышленностью, успешно действовавшая до 1781 г. Воплощая в жизнь положения этого указа 3 мая 1797 г. в Екатеринбурге

<sup>1</sup> Арсеньев К.И. Статистические очерки России. СПб., 1848. С. 119, 125, 129; Григорьев В. Реформа местного управления в России при Екатерине II (Учреждение о губерниях 7 ноября 1775 г.). СПб., 1910. С. 317; Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сборник материалов к истории Вятского края. Вятка, 1880. Т. 1. С. 1–2, 29; Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества. 1780–1880 // Столетие Вятской губернии... С. 209; Пермские губернаторы: традиции и современность. Пермь, 1997. С. 28.

<sup>2</sup> Корепанов Н.С. Уральское горное управление в XVIII – начале XX в.: Исторический опыт // Уральский исторический вестник. № 3. Екатеринбург, 1996. С. 224.

<sup>3</sup> Бехтерев Н., Андриевский А., Спасский Н. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества // Столетие Вятской губернии... С. 268, 363–364; Арсеньев К.И. Статистические очерки... С. 137.



была открыта Канцелярия главного заводов правления «второго бытия». Это учреждение должно было стать автономным от органов гражданского управления и обрести четко установленный статус. В целом, восстановление в конце XVIII в. системы управления горнозаводской промышленностью в том виде, в каком она существовала до 1781 г., имело положительные результаты. В то же время в рамках закрытой рационализации существующая структура выработала свои ресурсы. Прежде всего, коллегиальная система управления начинала вступать в конфликт с более оперативной системой единоначалия. Несмотря на то, что горная власть была отделена от гражданской, отсутствовало четкое разграничение пределов ведомственной компетенции. В целом, время царствования Павла I в отношении горнозаводской администрации можно оценить как переходный период, когда для стабилизации положения в горнозаводской промышленности использовались хорошо испробованные формы и методы управления<sup>1</sup>.

9 ноября 1800 г. состоялось подписание высочайшего указа о преобразовании управления заводами. В соответствии с этим указом предписывалось провести необходимые подготовительные мероприятия, которые касались, прежде всего, реструктуризации системы органов управления горнозаводской промышленностью, наделения соответствующими полномочиями самостоятельных учреждений, курирующих деятельность предприятий в составе определенных территориально-отраслевых образований, смещения акцентов в выборе форм управления в сторону укрепления единоначалия.

11-й пункт сенатского указа от 16 марта 1801 г. касался учреждения Екатеринбургского горного начальства с двумя департаментами. Горное начальство должен был возглавить Главный горный начальник И.Ф. Герман. В своей административной деятельности он должен был руководствоваться наставлением начальнику Колывано-Воскресенских заводов от 28 августа 1785 г. Кроме того, его действия подробно регламентировались соответствующей инструкцией<sup>2</sup>. В первый департамент, курирующий казенные заводы, предполагалось определить Главного начальника, на которого также возлагалось и управление Монетной экспедицией, двух членов – старшего и младшего, а также секретаря, протоколиста, регистратора, архивариуса, казначея и механика, «...который должен иметь в своем надзоре все до его должности относящееся по всем казенным заводам уральского хребта, а в случае надобности спешествовать благоустройству и партикулярных заводов...»<sup>3</sup>. Старший член присутствия 1 Департамента параллельно исполнял обязанности командира золотых промыслов<sup>4</sup>. Определение количества и комплектование штатов канцелярских служащих возлагалось на членов присутствий по формуле: «...столько, сколько надобность оных требует, но без всякого излишества...». Штат второго департамента Екатеринбургского горного начальства, учрежденного для управления и контроля над партикулярными заводами, полагалось сформировать из одного старшего члена, двух младших, двух секретарей, протоколиста, регистратора и архивариуса<sup>5</sup>. Фактическое открытие Екатеринбургского горного начальства, «...по принесению благодарственного богу молебствия, с водоосвящением...», состоялось 26 марта 1802 г.

В соответствии с Сенатским указом от 16 марта 1801 г., формировался штат Гороблагодатского горного начальства. Он должен был состоять из начальника, старшего и младшего членов, секретаря, протоколиста, регистратора, архивариуса, казначея и помощника механика. Пермское горное начальство формировалось, исходя из тех же принципов комплектования и на основании того же указа. Штат начальства должен был состоять из начальника, старшего и младшего членов, секретаря, протоколиста, регистратора, архивариуса, казначея и помощника механика<sup>6</sup>.

Таким образом, в этот период централизация административного аппарата горного ведомства была нарушена путем упразднения единого регионального центра и делегирования этих функций зональным структурам. В то же время, административный каркас, ослабленный на уровне

<sup>1</sup> Тулисов Е.С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург, 1999. С. 331.

<sup>2</sup> Инструкция Главному начальнику ЕГН была подписана 16 января 1802 г. (См.: Тулисов Е.С. Инструкция Главному начальнику Екатеринбургского горного начальства 1802 г. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI-XX веков. Новосибирск, 1999. С. 33–36.)

<sup>3</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2982. Л. 1 об.

<sup>4</sup> Там же. Оп. 12. Д. 1812. Л. 496.

<sup>5</sup> Там же. Оп. 1. Д. 2982. Л. 2.

<sup>6</sup> Там же. Л. 2 об.

региона, стимулировал процессы формирования внутрирегиональных зон, соответствовавших территориальным компетенциям горных начальств. Кроме того, проведенные мероприятия заложили основу и способствовали формированию субсидиарной административной системы отраслевого управления, которая получила свое развитие в Проекте горного положения 1806 г.<sup>1</sup>

В царствование Александра I некоторые губернии группировались в своего рода генерал-губернаторские округа под управлением высших правителей – генерал-губернаторов или военных губернаторов. Так, в 1804 г. Пермская и Вятская губернии были объединены в составе одного генерал-губернаторства, упраздненного в 1811 г. Сохранялась должность Оренбургского военного губернатора, возглавлявшего так называемый Оренбургский край, в состав которого входили собственно Оренбургская губерния, земли уральских казаков, башкирские земли в Пермской, Вятской, Саратовской губернии, калмыкские земли Симбирской губернии, приуральские кочевья казахских жузов.

В 1807 г. Урал был разделен на казенные и частные горные округа, охватившие всю территорию региона и просуществовавшие до начала XX века. Естественно, округа создавались там, где имелись предприятия горнозаводской промышленности. Оформление окружной системы содействовало субрегиональной интеграции, поскольку, как считается в литературе, округа были едиными и самодостаточными хозяйственно-территориальными комплексами, объединявшими металлургические предприятия, рудники и прииски, леса, необходимые заводам для выжигания угля, и гидроресурсы. В начале XX в. историк Уральской промышленности В.Д. Белов так характеризовал господствовавшую на Урале окружную систему: «Уральские заводы готовили у себя средствами своих латифундий все до последнего гвоздя: даже канаты и сальные свечи для рудников выходили из заводских мастерских; была своя швальня для заготовки обуви рабочим, своя писчебумажная фабрика, свой фаянсовый завод для делания чернильниц и песочниц. Все это оправдывалось тогда условиями своего времени, позволявшими выносить такой сторонний прямому делу расход»<sup>2</sup>.

Реорганизация 1807 г. сопровождалась переименованием регионально-отраслевого органа управления в Пермское горное правление (1807–1831 гг.; центр его располагался в Перми, а с 1831 г. – в Екатеринбурге). В дальнейшем (1832–1886 гг.) оно называлось Уральским горным правлением. С 1807 г. региональный орган горного управления подчинялся гражданской власти (Пермскому генерал-губернатору). Однако в 1826 г. была восстановлена должность руководителя регионально-отраслевого управления на Урале, Главного начальника горных заводов хребта Уральского, независимого от губернских властей. Последнее обстоятельство подчеркивалось статьями «Устава горного» (первая половина XIX в.): «Горное правление, кроме императорского Величества и Правительствующего Сената, ни от кого не принимает указов». «Главный Начальник непосредственно подчиняется Министру финансов, по местному начальству есть главный командир и хозяин», – подчеркивал «Устав горный». При Главном начальнике формировалась канцелярия, подчиненная ему лично. Власть Главного начальника уральских горных заводов действительно была велика. «Одним словом, это была обширная и совершенно своеобразная власть, какая дается только военным генерал-губернаторам в областях, объявленных на военном положении. Поставленная рядом с ней власть губернатора бледнела и совершенно терялась», – подчеркивал уральский писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк. Проект Горного положения, утвержденный 13 июля 1806 г.<sup>3</sup>, принимался как временное руководство сроком на пять лет. Фактически этот нормативный акт действовал до издания Горного устава в 1857 г. Согласно «Проекту горного положения», Екатеринбург получил статус «горного города», подчиненного горной администрации. Проект горного положения 1806 г. при организации административного аппарата культивировал так называемую «систему прибылей». Ее суть заключалась в следующем. Для каждого вида заводской продукции определялась фиксированная цена. Исходя из реальной себестоимости, оценивалась деятельность горнозаводской администрации. Прибыль распределялась между государством и чиновниками, входящими в состав администрации, а убытки покрывались за счет

<sup>1</sup> Тулисов Е.С. Реформа горного управления в 1802–1806 гг. // Третьи Татищевские чтения. Екатеринбург, 2000. С. 115.

<sup>2</sup> Белов В.Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 27; Его же. Кризис уральских горных заводов. СПб., 1909. С. 27.

<sup>3</sup> ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22208. С. 437.

казны. В данной ситуации возникала возможность фальсификации заводской отчетности. При этом вышестоящие учреждения оказывались в двусмысленном положении: руководство могло либо доверять получаемым сведениям, либо подвергать подведомственные структуры тотальному контролю, что не способствовало рационализации административной системы. При этом довольно рельефно обозначилось еще одно обстоятельство, которое делало невозможным существование «системы прибылей». С момента принятия Проекта горного положения реальные цены на заводскую продукцию существенно возросли, поэтому исчезла сама возможность получения прибыли. Кроме того, за время повышения уровня цен индексация жалования людей, занятых на горнозаводском производстве, не проводилась многие десятки лет<sup>1</sup>. Данное положение было ликвидировано лишь после реформ 1860-х гг.<sup>2</sup>

В середине XIX в. предпринимались попытки рационализации административно-территориального устройства региона. Уральский хребет разделял Оренбургскую губернию на две обширные части, коммуникация между которыми была затруднительной. В среде высшей местной администрации постепенно нарастало осознание связанной с этим управленческой проблемы, выход из которой виделся в разукрупнении губернии. Проекты подобного рода неоднократно выдвигались в середине XIX в. Так, согласно проекту Оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского (1840 г.), предлагалось выделить земли Оренбургского казачьего войска в особую область с автономным управлением. Позднее Оренбургский гражданский губернатор Г.И. Барановский предлагал разделить Оренбургскую губернию на Уфимскую и Зауральскую. К 1858 г. относится попытка генерал-губернатора А.А. Катенина выделить в отдельную область Мензелинский, Белебеевский, Уфимский, Стерлитамакский уезды, часть Верхнеуральского уезда и земли Оренбургского казачьего войска. В феврале 1863 г. в министерство внутренних дел был представлен проект разделения Оренбургской губернии Оренбургского генерал-губернатора А.П. Безака. Наконец, высочайшим положением 5–17 мая 1865 г. из Оренбургской губернии была выделена самостоятельная Уфимская губерния в составе Уфимского, Мензелинского, Белебеевского, Бирского, Стерлитамакского и вновь образованного Златоустовского уездов.

Во второй половине XIX в. назрела необходимость в специализации горного управления и выделении из юрисдикции горной администрации функций общего административного характера. К ним можно отнести управление полицией; суд; курирование ведомственных образовательных, медицинских и религиозных учреждений. Это значит, что «...соединение самых разнородных обязанностей в одном ведомстве не могло более сохраняться, а это не могло не иметь большого влияния и на самый состав как высшей, так и местной горной администрации»<sup>3</sup>. Результаты реформ выразились в следующем: 1) горный город Екатеринбург был подчинен общему губернскому управлению; 2) военные суды при Уральском Горном Правлении ликвидировались; 3) должность прокурора при Горном Правлении упразднялась; 4) Судный Департамент Горного Правления ликвидировался; 5) уральский горнозаводской батальон упразднился. Кроме того, церкви, полиция, почтовые конторы и станции были переданы под управление соответствующих ведомств<sup>4</sup>.

Уральское горное управление (Управление горной частью на Урале в 1886–1892 гг.; Уральское горное управление в 1893–1918 гг.) сохранилось, правда, потеряв некоторые функции, в пореформенный период как региональный орган, который осуществлял руководство казенными предприятиями, надзор за частными заводами, рудниками, золотодобычей на территории Уральской горной области, лежавшей в пределах шести губерний (Пермской, Оренбургской, Уфимской, Вятской, Казанской и Тобольской). На территории четырех уральских губерний было учреждено восемь округов во главе с окружными инженерами: I Вятский, II Пермский, III Западно-Екатеринбургский, IV Уфимский, V Верхотурский, VI Восточно-Екатеринбургский, VII Оренбургский и VIII Оренбургский-Южный. Законом от 7 июня 1899 г. число округов на Урале было увеличено до 12: Вятский (все уезды Вятской губернии); Чердынский (Соликамский и Чердынский уезды Пермской губернии); Пермский (Осинский, Оханский, Пермский и часть Кунгурского уезда Пермской губернии); Северо-Верхотурский (северная часть Верхотурского уезда Пермской губернии, Бере-

<sup>1</sup> Горный журнал. 1861. Ч. III. № 8. С. 237.

<sup>2</sup> Горловский М.А. Горный город Екатеринбург. 1807–1863. Свердловск, 1948.

<sup>3</sup> Исторический очерк учреждений по горной части. СПб., 1910. С. 30.

<sup>4</sup> Исторический очерк... С. 43.

зовский уезд Тобольской губернии); Южно-Верхотурский (Ирбитский, южная часть Верхотурского и часть Кунгурского уезды Пермской губернии); Северо-, Западно- и Южно-Екатеринбургский округа (Екатеринбургский и Красноуфимский уезды Пермской губернии); Уфимский (все уезды Уфимской губернии); Миасский (Троицкий, Челябинский уезды Оренбургской губернии); Верхнеуральский (Верхнеуральский уезд Оренбургской губернии); Оренбургский (Орский и Оренбургский уезды Оренбургской губернии, Тургайская и Уральская области). В 1896 г. территория Пермской и Оренбургской губерний была разделена на 6 горно-полицейских округов, по 3 в каждой губернии, которые также были подчинены Уральскому горному управлению<sup>1</sup>.

Огромную роль в процессе рационализации административного аппарата играет кадровая политика и выбор оптимальных форм морального и материального стимулирования. В рассматриваемый период практиковалось комплексное применение морального и материального стимулирования людей, находившихся «на государственной службе». Существовала целая иерархия наград, к которым относились: высочайшее благоволение; ордена; медали; единовременные пособия; аренды; земли. Кроме того, активно использовалась система ранжирования чинов, титулов и званий<sup>2</sup>. Причем выплата жалования во многом зависела от положения, которое занимал в «Табели о рангах» тот или иной чиновник. Сфера материального стимулирования служащих административного аппарата не имела четко выраженных ведомственных различий. Схемы оплаты труда чиновников и закономерности распределения фонда оплаты труда были общими как для горного, так и для гражданского ведомства. Учитывая специфику развития Уральского региона, где безусловной доминантой являлась горнозаводская промышленность, рассмотреть эти вопросы логичнее всего было бы на примере административного аппарата горного ведомства.

Для удобства анализа существовавших схем распределения фонда оплаты труда необходимо произвести классификацию кадрового состава горнозаводского чиновничества. Чиновников каждого учреждения можно условно разделить на три категории. Статус и соответственно размер жалования чиновника, помимо принадлежности к той или иной категории, во многом зависел от положения учреждения, в котором он работал, в общей структуре горнозаводской администрации. Самыми высокооплачиваемыми должностями были посты в центральных органах управления. Несколько меньше получали чиновники регионального учреждения. Еще скромнее было жалование у служащих зонального уровня, и, наконец, чиновники заводских контор и других учреждений микроуровня имели самые низкие оклады. Таким образом, исходя из иерархического положения учреждения и формировался фонд оплаты труда его служащих. Возвращаясь к классификации горных чиновников, следует отметить, что к первой категории относилось руководящее звено учреждения. В зависимости от статуса учреждения это могли быть члены присутствия, командиры, вице-директора, помощники начальника, управляющие экспедициями и конторами, заводские управители и их заместители и т.д. В учреждениях регионального уровня в состав первой категории также входил руководитель Уральской горнозаводской администрации (Главный директор Канцелярии главного заводов правления и монетных дел, Главный горный начальник, Главный начальник заводов хребта Уральского и т.д.). Вторую категорию составляли руководители структурных подразделений (руководители технических служб, казначеи, смотрители и надзиратели, секретари, протоколисты, регистраторы, столоначальники и т.д.). Третью категорию формировали канцелярские служители и рядовые исполнители. Численный состав учреждения зависел от его статуса и объема возложенных на него функций. При этом, чем выше было иерархическое положение учреждения, тем больше была численность чиновников. В заводских конторах она колебалась в пределах 10–20 чел. В учреждениях регионального уровня количество служащих достигало 90 чел. (данные получены на основании послужных и формулярных списков). Однако удельный вес определенной категории внутри каждого учреждения был приблизительно одинаковым. Средние показатели за 1737–1827 гг. имеют следующие значения: 11,7% чиновников принадлежали к первой категории; 28,1% ко второй и 60,2% к третьей.

<sup>1</sup> Корепанов Н.С. Уральское горное управление в XVIII – начале XX в.: Исторический опыт // Уральский исторический вестник. № 3. Екатеринбург, 1996. С. 224–229; Шкерин В.А. Государственное управление уральским горнозаводским регионом в XVIII – первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1996. № 3. С. 71–79; Русов Е.Ю. Государственный контроль за добычей золота и платины на Урале // Там же. С. 117–118.

<sup>2</sup> Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XVIII – начало XX в. СПб., 1999. С. 131.



Жалование горного чиновника либо зависело от утвержденного штата, либо регламентировалось соответствующим нормативным актом. Так, например, в соответствии с Проектом Горного положения, утвержденном 13 июля 1806 г.<sup>1</sup>, схема определения денежного вознаграждения для чиновников в зависимости от их статуса была различной. Размер жалования генерал-губернатора и горного начальника зависел лишь от высочайшей воли. Жалование берг-инспектора, главного берг-пробирера и главного маркшейдера регулировалось утвержденными штатами. Размер оплаты и столовые деньги берг-инспектора и управляющего Горной экспедицией назначались такие же, как и управляющим экспедициями, департаментами при министерствах и некоторым губернаторам. Жалование советников Пермского горного правления, кроме первого советника как заместителя берг-инспектора, соответствовало жалованию советников департаментов при министерствах. Чиновники, назначенные на должности горного механика и горного архитектора, получали жалование в соответствии с заключенными контрактами. Горные штаб- и обер-офицеры получали жалование в соответствии с окладами, утвержденными для Колываново-Воскресенских заводов<sup>2</sup>. Чиновники, имеющие статские классные чины, получали жалование «по нынешним окладам горным», то есть ниже Колываново-Воскресенских. Однако, жесткой привязки к горным окладам не существовало. Горный начальник мог увеличить жалование «по трудам и искусству». Эта формула широко применялась и для унтер-шихтмейстеров, и для других горных и статских чиновников горнозаводской администрации, относящихся к третьей категории.

Данные о размере фонда оплаты труда, зафиксированные в штатах 1737–1827 гг., свидетельствуют о его росте. Увеличение ФОТ связано с общим ростом цен, что отражалось и на жаловании чиновников. Изменение размера ФОТ делает невозможным анализ и сравнение абсолютных величин. Чтобы иметь полное представление о схемах оплаты труда чиновников за рассматриваемый период в динамике необходимо прибегнуть к анализу относительных величин структуры ФОТ, которые носят более универсальный характер. Данные штатов и формулярных списков за указанный период<sup>3</sup> позволяют вычислить размер ФОТ и удельный вес для каждой категории горных чиновников. Полученные данные сгруппированы в таблице 1 (в таблице представлены только данные о чиновниках регионального органа горнозаводской администрации).

Таблица 1. Данные о распределении ФОТ чиновников по категориям

Годы	Всего, руб.	1 кат., руб.	2 кат., руб.	3 кат., руб.	1 кат.,%	2 кат.,%	3 кат.,%
1737	9016,40	3221,00	3446,40	2349,00	35,7	38,2	26,1
1797	12413,15	4841,13	3972,21	3599,81	39,0	32,0	29,0
1802	28390,00	9500,00	7890,00	11000,00	33,5	27,8	38,7
1807	33550,00	12700,00	9350,00	11500,00	37,9	27,9	34,3
1827	58300,00	20700,00	22600,00	15000,00	35,5	38,8	25,7

Данные штатов и формулярных списков дают возможность проанализировать динамику роста среднего размера жалования отдельного чиновника в зависимости от его принадлежности к той или иной категории. Мы не будем сравнивать абсолютные величины выплачиваемого жалования, так как его размер зависел, как мы уже отмечали, не только от категории чиновника, но и от статуса учреждения, в котором он работал. Нам важно выявить общую для всех учреждений тенденцию изменения жалования чиновника при переходе из одной категории в другую. При этом оказалось, что рост окладного жалования при переходе из третьей категории во вторую, и из второй в первую, не одинаков. Средний размер жалования канцелярского служащего мень-

<sup>1</sup> ПСЗ-1. Т. XXIX. № 22208. С. 440.

<sup>2</sup> Там же. С. 441.

<sup>3</sup> Штаты 1737 г. – см.: Иванов П.А. Краткая история управления горною частию на Урале. Екатеринбург, 1900. С. 39; данные о жаловании чиновников в 1797 и в 1802 гг. получены на основании послужных и формулярных списков (ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. ДД. 1804 – 1812); штаты 1807 г. введены в соответствии с Проектом Горного положения (ПСЗ-1. Т. XLII. Книга штатов. Ч. II. С. 64); штаты 1827 г. – см.: ПСЗ-2. Т. II. Приложение I: штаты и табели. С. 215.

ше среднего жалования руководителя структурного подразделения в 1,9 раза. При переходе из второй категории в категорию руководителей учреждения средний размер жалования изменяется в 2,4 раза. Таким образом, при карьерном продвижении чиновника его жалование возрастало почти в геометрической прогрессии с приблизительным множителем 2,2. Следует обратить внимание, что мы сравнивали усредненные показатели по каждой категории. Фактически, внутри каждой категории размеры жалования значительно колебались. Особенно это проявлялось среди чиновников руководящего звена. Жалование руководителя учреждения было в среднем в 2,2 раза больше, чем среднее жалование любого другого члена первой категории. Если соотнести размеры жалования отдельного чиновника с общим ФОТ учреждения, мы получим следующие данные. В первой категории имеет смысл отдельно выделить первое лицо. Руководитель учреждения в среднем получал 19,2% ФОТ всего учреждения. Неплохо были обеспечены и члены руководящих органов любого учреждения. Каждый из них получал около 8,9% всех штатных окладов. Жалование представителя средней категории чиновничества составляло примерно 5,6%, а удельный вес жалования рядового приказного служителя равнялся 2,9%.

Таким образом, на протяжении всего рассматриваемого периода использовалась универсальная для всех учреждений горного ведомства схема распределения фонда оплаты труда чиновников. Общий смысл этой схемы сводился к следующему. Весь фонд оплаты труда работников учреждения равномерно распределялся между соответствующими категориями чиновников. Учитывая существующий баланс численного состава чиновников каждой из трех категорий, материальное положение отдельного чиновника в ходе продвижения по карьерной улучшалось в геометрической прогрессии. Это, безусловно, являлось мощным стимулирующим фактором и оказывало непосредственное влияние на усердие чиновников и руководителей<sup>1</sup>.

Одним из важнейших факторов, характеризующих административный аппарат, является обеспечение его управленческой деятельности. Процессы обеспечения управления связаны с организацией соответствующих коммуникативных схем, осуществляемых через организационно-распорядительные документы, возникающие в ходе функционирования системы, и сложившихся схем документооборота. Организация документационного обеспечения управления в учреждениях уральской горной администрации во многом была обусловлена особенностями структурного устройства и распределением функциональной нагрузки<sup>2</sup>. Вместе с тем, организация делопроизводства строилась на общих принципах для любого административного аппарата. В XVIII в. приемы обработки документов строились на положениях, заложенных в Генеральном регламенте. Подобный способ организации коммуникативных схем получил название коллежского делопроизводства, для которого были характерны четкое разграничение функций и строгая регламентация во всем. Вместе с тем, документы были длинными и многословными, хотя законы требовали краткого и ясного изложения. Канцелярский стиль документов, когда за хитросплетением слов и выражений терялась сама суть, был очень тяжел для восприятия. Делопроизводство было очень громоздким. В каждом последующем документе содержание всех предыдущих постоянно дублировалось<sup>3</sup>.

На протяжении всего XVIII века роль секретарей высшего и среднего уровней системы регионально-отраслевого управления неизменно возрастала, что было объективно обусловлено интенсификацией делопроизводственного потока. Профессионализация и усиление роли аппарата властных структур (часто вплоть до фактического приобретения им властных полномочий), в свою очередь, объективно являлось едва ли не центральным явлением в общем русле модернизации административных органов.

В январе 1726 г. В.И. Геннин официально обратился в Берг-коллегию: «Прошу от канцелярских дел, которые принадлежат к управлению до Овер-бергамта, мне свободно учинить, ибо ежели мне канцелярские дела управлять, то смотрение над заводами и горными делами останется»<sup>4</sup>, а уже в июне секретарь Овер-бергамта М. Ловзын впервые получил права полномочного овер-

<sup>1</sup> Тулисов Е.С. Сколько платить чиновнику? Исторический опыт Уральского горного управления (XVIII – первая треть XIX вв.) // Урал на пороге третьего тысячелетия. Екатеринбург, 2000. С. 118.

<sup>2</sup> Тулисов Е.С. История управления горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков. Екатеринбург, 1999. С. 125.

<sup>3</sup> Там же. С. 76.

<sup>4</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 89. Л. 104.

бергамтского члена на период отъезда генерала<sup>1</sup>. В 1732 г. присланный от Берг-коллегии асессор В. Шульце занял фактическую секретарскую должность с правами полномочного члена. Обычная обязанность секретаря по ведению протоколов общего присутствия и составлению текста указов законодательно получила крен от обычного технического оформления к чему-то большему: «Быть во Овер-бергамте секретарем у отправления всех горных и заводских дел и прочих канцелярских дел, и при том особливое иметь смотрение над теми, которые у приходу и расходу»<sup>2</sup>. Впрочем, при В.И. Геннине эта тенденция ограничивалась властным авторитетом самого генерала, а дальнейшего развития в тот период не получила, ибо Шульце умер, не прослужив и года, а преемник его Ф.К. Кузнецов вновь был жестко ограничен полномочиями: «Впредь ему, секретарю, без члена одному никаких дел отнюдь не следовать и не вершить под жестоким штрафом»<sup>3</sup>. В январе 1734 г. секретарь утверждался главой повытий – чисто аппаратным начальником. Поэтапное приобретение секретарем Главного правления властных полномочий произошло в 1752–1755 гг. и связано с именем Е. Яковлева (служил подьячим Овер-бергамта с 1721 г., в т.ч. правил должность секретаря и возглавлял Походную канцелярию В.И. Геннина на Пыскорском заводе). В 1752 г. в помощь Е. Яковлеву выделялся горный офицер (шихтмейстер А.П. Порецкий), который фактически становился его личным секретарем и, соответственно, вел под его надзором делопроизводство трех из шести повытий<sup>4</sup>. В декабре 1754 г. Е. Яковлев распоряжением Сената вводился в общее присутствие Главного правления в чине обер-цегентнера, но не теряя секретарской должности. По его словам в 1755 г.: «Понеже он, секретарь, издавна в той Канцелярии и донныне безотлучно находится, чего ради и должен по своему званию во всем прилежать и предостерегать, чтоб в делах порядочное отправление было, и за неимением прокурора (должность учреждена по указу Главного правления в 1740 г. – Н.К.) ежели какие усмотрит непорядки тотчас предлагать и протестовать Берг-коллегии, в чем наипаче должность его и зависит. По присяжной должности до обеда в общем присутствии, тако и после обеда, нередко и один во исправлении Канцелярских дел труд свой прилагал неленостно»<sup>5</sup>.

После учреждения Екатеринбургского горного начальства в 1802 г. наметился переход от коллежского к министерскому делопроизводству, для которого характерно повышение персональной ответственности и оперативности в принятии решений. Делопроизводство в каждом из двух департаментов начальства должно было осуществляться отдельно по повытиям или столам. Во главе каждого стола стоял столоначальник. В его подчинении работали 4–5 человек. Отдельное делопроизводство осуществлялось под руководством протоколистов, регистраторов и архивариев каждого департамента.

При 1 Департаменте учреждалась регистратура во главе с регистратором и три стола – разрядный, заводской и горный и казенный денежный, которые возглавлялись столоначальниками<sup>6</sup>. Чиновники разрядного стола занимались вопросами выдачи жалованья, кадровых перестановок, повышения в звании, исполнения судебных решений и пр. Функции заводского и горного стола заключались в заготовке для заводов провианта и материалов, транспортировке выпущенной продукции, учете вновь открытых рудников и разработке действующих, отводе казенных лесов на дрова и строительство. Казенный денежный стол занимался учетом и выдачей ассигнуемых на содержание заводов денежных средств, взысканием долгов и недоимок, раскладкой приписных крестьян в заводские работы.

Документационное обеспечение деятельности 2 Департамента осуществляли протоколист со штатом приказных служителей, регистратор, который также вел все бухгалтерские и разрядные дела 2 Департамента, и три стола. Первый Казенный стол занимался выдачей и приемом шнуровых книг, приемом и направлением на пробу руд с новых рудников, выдачей разрешений на строительство новых заводских объектов. Второй стол назывался Следственным и учреждался для решения срочных дел, остановка в которых могла сказаться на заводском производстве. В Судном столе рассматривались иски о порубке леса, о незаконном владении и другие вопросы, не имеющих уголовного характера.

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 61. Л. 95.

<sup>2</sup> Там же. Д. 375. Л. 143.

<sup>3</sup> Там же. Д. 419. Л. 105.

<sup>4</sup> Тулисов Е.С. Организация управления горнозаводской... С. 38.

<sup>5</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 2. Д. 1494. Л. 280 об.

<sup>6</sup> Там же. Оп. 1. Д. 2999. Л. 31.

При горном начальстве также существовал ревизионный счетный стол, где проводилась проверка финансовой и другой заводской отчетности. Поэтому штат этого структурного подразделения был самым многочисленным. Здесь работали 4 губернских регистратора и 5 канцеляристов. Делопроизводство заводского казначейства осуществлялось 2 канцеляристами. Для ведения дел в канцелярии Главного начальника назначались два канцеляриста и подканцеляриста.

Всего, в составе обоих департаментов ЕГН в соответствии с предложением горного начальника от 28 апреля 1802 г. должно было состоять 66 канцелярских служителей, в том числе по счетным делам – 1 столоначальник, 2 ревизора; для остальных структурных подразделений – 6 повытчиков или столоначальников, 12 канцеляристов, 23 подканцеляриста, 22 копииста, 1 переплетчик, 4 сторожа<sup>1</sup>. Однако на практике старались соблюдать только численный состав, а принадлежность к заявленным в штатах рангам канцелярских служителей не соблюдалась. Главным условием комплектования штатов канцелярских служителей являлось соблюдение установленных лимитов на выплату общего фонда оплаты труда. Поэтому канцелярским служителям предписывалось производить «по трудам и искусству»<sup>2</sup>.

Если провести классификацию документов, обеспечивающих процесс принятия управленческих решений в ЕГН, то можно увидеть, что соответствующие виды организационно-распорядительных документов характерны для всех государственных учреждений того времени.

От министра финансов Горный начальник получал предписания и отправлял представления. От вышестоящего должностного лица чиновники получали ордера. Равные между собой должностные лица обменивались отношениями (Екатеринбургский горный начальник осуществлял переписку отношениями с Пермским гражданским губернатором и другими горными начальниками). Взаимодействие Горного начальника и ЕГН строилось через определенные документы. Горный начальник направлял в начальство предложения и обратно получал представления. Переписка между учреждениями велась с помощью других видов документов. От вышестоящих учреждений получали указы (ЕГН получало указы от Берг-коллегии и Сената), а в ответ направляли рапорты. В адрес ЕГН рапорты направляли все заводские конторы, заводское казначейство, горные роты, заводская полиция, лаборатория, заводская аптека, волостные правления, должностные лица ведомства ЕГН. Равные по статусу учреждения обменивались сообщениями (ЕГН сносились сообщениями с губернскими правлениями, казенными палатами, губернскими духовными правлениями, Монетной экспедицией, другими горными начальствами; а также сообщениями обменивались Департаменты ЕГН).

Документооборот в ЕГН осуществлялся по вертикали, в строго централизованном порядке, с соблюдением субординационного положения. Отдельные структурные подразделения ЕГН не могли вести переписку между собой, а обязаны были направлять всю документацию вверх по вертикали – либо в соответствующий департамент, либо горному начальнику. Так, например, от ревизионного стола направлялись доклады, выписки, справки и представления. Чиновники, состоящие в ведомстве ЕГН, в зависимости от характера документа, направляли в начальство доношения и прошения. Доношения, как правило, касались производственных вопросов, а прошения – личных.

Регистрация документов осуществлялась отдельно в каждом департаменте в специальных регистрах. В регистре входящих дел отмечались номер дела в порядке поступления к рассмотрению, дата регистрации, наименование, краткое содержание и дата составления документа, а также отметка о дальнейшем продвижении дела. В настольном регистре, кроме того, содержалась информация об ответственном за производство дела повытчике, ходе рассмотрения вопроса и дата принятия определенного решения. Регистр исходящих дел содержал следующие данные: порядковый номер, дата составления документа, краткое содержание, чьей подписью был скреплен документ и отметка о получении рапортов на посланные указы.

С помощью этих регистров можно судить об объеме документооборота ЕГН за весь период его деятельности. Динамика общего объема документооборота ежегодно увеличивалась в среднем на 4,5 тысяч документов<sup>3</sup>. Причем 40,4% общего документооборота составляла доля 1 Департамента

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 12. Д. 890. Л. 40 об.

<sup>2</sup> Там же. Л. 41.

<sup>3</sup> Данные получены из отчетов Горного начальника (ГАСО. Ф. 24. Оп. 3. Д. 226. Л. 21 об.; Там же. Д. 227. Л. 57 об.; Там же. Оп. 2. Д. 1919. Л. 10; Там же. Оп. 4. Д. 1. Л. 9 об.).



ЕГН; 38,6% – 2 Департамента ЕГН; 11,1% – Екатеринбургской монетной экспедиции; 9,1% – Канцелярии Горного начальника; 0,7% – Ревизионного стола и 0,1% Горного Суда. Процент нерешенных дел в различных структурных подразделениях колебался от 0,5% до 6,8%, но в большинстве случаев не превышал 1,5%. Доля входящей и исходящей документации приблизительно одинакова и в большинстве случаев не превышает соотношения 45% к 55%.

Несмотря на то, что в дальнейшем схемы документооборота менялись в связи со структурной трансформацией административного аппарата, в целом делопроизводство на протяжении всего XIX века имело характер министерского делопроизводства. При министерском «исполнительном» делопроизводстве, введенном в соответствии с принятым 25 июня 1811 г. «Общим учреждением министерств», структура административного аппарата стала более унифицированной. Работа строилась на принципах единоначалия, когда столоначальники подчинялись непосредственно начальникам отделений, начальники отделений – директорам департаментов, а директора департаментов – министру<sup>1</sup>.

Подводя итоги анализа состояния административного аппарата на Урале на протяжении XVIII–XIX вв., хотелось бы выделить основные тенденции его развития. Итак, на протяжении XVIII–XIX вв. система административных учреждений Урала претерпела существенную эволюцию. Прежде всего, необходимо отметить, что с начала рассматриваемого периода до 20-х гг. XVIII в. развитие уральских институтов власти происходило в русле общего развития системы российских государственных учреждений. Петровские реформы явили собой открытую рационализацию всей государственной системы управления. Дальнейшее проведение преобразований происходило в рамках закрытой рационализации административного аппарата всех уровней. Результатом этого стало создание относительно унифицированной сети местных органов управления.

Наряду с этим, на Урале складывались некоторые специфические черты региона как пограничного на юге. Это обстоятельство предопределило существование административных органов, напрямую подчиняющихся центру (Оренбургская экспедиция и т.д.), которые были связаны с выполнением военно-колониальных задач Российского государства. Южный Урал, активное освоение которого началось лишь с 1730-х гг., на протяжении XVIII–XIX вв. сохранял очевидную специфику в своем развитии, обусловленную пограничным положением, пестрым этно-сословным составом населения, географическим размещением на стыке Европы и Азии, оседлого и кочевого миров. К характерным особенностям его социальной структуры можно отнести наличие значительного контингента служилого населения (регулярные и иррегулярные вооруженные силы). Местной администрации приходилось выполнять функции, не свойственные аппарату управления «тыловых» административных единиц, – а именно обеспечения безопасности пограничной линии от набегов казахов, содержания в подчинении башкирского населения, осуществления внешнеполитических задач. Решению подобных задач больше соответствовала особая система военного управления, которая и начала формироваться в 40-е годы XVIII в. До начала 1880-х в управлении Южного Урала значительную роль играла военная администрация.

Вместе с тем, с начала 20-х гг. XVIII в. на Урале начал складываться уникальный тип административного аппарата – горнозаводская администрация. Разграничение пределов компетенции горной и гражданской власти на Урале сопровождалось неоднократными попытками одного из ведомств сосредоточить все функции по управлению регионом в одних руках. Начало складывания горнозаводской администрации тесно связано с рационализацией системы отраслевого управления, которая основывалась на принципах централизации и более четкого ведомственного разграничения функций центрального аппарата. Применительно к региональным административным системам она заключалась в создании унифицированной сети местных учреждений, которые замыкались на центральном органе управления соответствующего ведомства. Создание регионального института управления промышленностью, автономного от губернской администрации и общего административно-территориального деления, обеспечивало проведение единой технико-технологической политики, рационализацию размещения и взаимодействия производств.

<sup>1</sup> Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 157.

Таким образом, начиная с 20-х гг. XVIII столетия для Урала характерно сосуществование общегосударственной администрации с системой административно-хозяйственного управления. Рационализация административного аппарата гражданского ведомства заключалась в уточнении и оптимальном определении границ административно-территориальных образований в процессе формирования Уральского региона. Кроме того, закрытая рационализация подразумевала уточнение и четкое разграничение компетенции центральных и региональных органов управления, а также разделение судебной и административной функций государства между различными ветвями власти.

Горнозаводская администрация за рассматриваемый период прошла сложный и противоречивый путь развития. Как и все поступательные процессы, он напоминает волнообразную линию тренда. Начало возникновения системы органов управления горнозаводской промышленностью связано с централизацией территориально-отраслевого управления как на уровне центральных органов управления, так и на региональном уровне. В дальнейшем централизаторская тенденция проявлялась с переменным успехом. В 50–60-е гг. XVIII в. в связи с массовой передачей казенных заводов в частное содержание наблюдалось некоторое ослабление административного аппарата, курировавшего государственный сектор горнозаводской промышленности. В последующий период, связанный с рекреацией паритета в пользу казенного сектора, положение стабилизировалось на предшествующем уровне. Областная реформа Екатерины II, проведенная в 1781 г., способствовала децентрализации регионального территориально-отраслевого управления. С восшествием на престол Павла I прежняя система горнозаводской администрации была восстановлена. Начиная с 1802 г., происходит ослабление единого регионального центра, а часть его полномочий делегируется учреждениям зонального уровня. Дальнейшая рационализация административного аппарата горнозаводского ведомства происходит в русле поступательной централизации, которая связана с введением в 1826 г. должности Главного командира заводов хребта Уральского. До 60-х гг. XIX в. эти процессы сопровождались постоянными попытками со стороны горнозаводской администрации аккумулировать максимум функций организационно-распорядительного характера, включая полицейские и судебные на территории всего пространства, где существовала горнозаводская промышленность. Показательно, что в середине XIX в. Главный начальник горных заводов В.А. Глинка вынашивал мысли о полной ликвидации какой-либо зависимости от гражданских властей. С этой целью он предлагал учредить особую губернию из некоторых уездов Пермской губернии, городов Туринска, Кургана и Челябинска (таким образом, губерния должна была быть составлена из территорий Пермской, Тобольской и Оренбургской губерний) с центром в Екатеринбурге. О своем замысле генерал В.А. Глинка сообщал в письме к Олонецкому (бывшему Пермскому) архиепископу Аркадию 18 февраля 1852 г. Хотя данный проект не был реализован, но, как справедливо отмечает историк В.А. Шкерин, «в нем едва ли не впервые нашла отражение идея создания губернии с центром в Екатеринбурге»<sup>1</sup>, причем находящейся в ведении горнозаводской администрации. Процессы пореформенного периода 60-х гг. и последующего времени связаны с рационализацией горнозаводской администрации в русле выделения целого ряда функций, не относящихся непосредственно к горному ведомству, и передачи их в соответствующие учреждения.

В целом, административный аппарат Уральского региона выкристаллизовался в трех типах: 1. Уральское горное управление; 2. Общая административная система управления (Пермская, Вятская, Оренбургская и Уфимская губернии); 3. Военная администрация Южного Урала. Все три типа развивались как в рамках открытой рационализации административного аппарата, связанной с ключевыми историческими периодами, когда во всех сферах жизнедеятельности происходили бурные преобразования и реформы, так и в рамках закрытой рационализации. Закрытая рационализация была направлена на оптимизацию деятельности административных учреждений в межреформенные периоды и была направлена на воспроизводство существующей административной системы.

<sup>1</sup> Шкерин В.А. Государственное управление уральским горнозаводским регионом в XVIII – первой половине XIX в. // Уральский исторический вестник. 1996. № 3. С. 77; Его же. Генерал Глинка. Личность и эпоха. Екатеринбург, 1998. С. 118.

## 4.2. ИНСТИТУТЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ\*

Под воздействием модернизации в России шел процесс формирования элементов гражданского общества, существенно менялись практически все общественные институты, в том числе местное самоуправление. Отдельные исследователи (как отечественные, так и зарубежные), рассматривая теоретическую модель гражданского общества, не считают институты местного самоуправления компонентами гражданского общества или же относят их к структурам «пограничного» типа<sup>1</sup>. Другие же, имея дело с конкретным обществом, справедливо придерживаются противоположной точки зрения и отмечают, что требуется определенная историзация жестких критериев, представленных в теории<sup>2</sup>. Можно согласиться с Б.Н. Мироновым, который применительно к России под элементами гражданского общества понимает те «социальные группы населения, общественные и сословные организации и институты, которые образовали обособленную, самостоятельную идейно-общественную силу, в той или иной степени оппозиционную официальной власти, но в то же время легитимную, т.е. признаваемую государством и всем обществом и которые оказывали влияние на официальную власть разными способами, но главным образом посредством общественного мнения»<sup>3</sup>.

Уровень развития местного самоуправления и общественная активность населения в этой области являются важными критериями при оценке состояния гражданского общества, результатов модернизации. Более того, уже на начальном этапе становления гражданского общества в России местное самоуправление, будучи школой гражданственности, подталкивало процесс модернизации. Анализ эффективности деятельности институтов местного самоуправления свидетельствует о том, насколько успешно происходили модернизационные трансформации. Важнейшими компонентами политической модернизации в России являлись: интеграция общественных элементов в систему управления, более четкое распределение властных полномочий и ответственности между ними и государственным аппаратом<sup>4</sup>. Анализ активности избирателей на выборах в местные органы власти позволяет делать выводы об уровне политической культуры населения. Таким образом, институты местного самоуправления имели важное не только социально-экономическое, культурное, но и определенное политическое значение, будучи одной из форм влияния гражданского общества на государственную систему.

### Городское самоуправление в XVIII – середине XIX в.

Города играли важную экономическую, социальную, культурную и политическую роль в до-революционной России и эта роль возрастала в процессе урбанизации. Городские поселения обладали особой административно-управленческой функцией. Трудно переоценить историческое значение города для формирования сферы гражданской деятельности. Город рассматривается историками как активный и динамичный фактор развития в процессе перехода от традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному.

К началу XVIII в. на Урале было около десятка городов: Чердынь, Соль Камская, Верхотурье, Кунгур, Уфа, Вятка, Слободской, Орлов, Котельнич, Шестаков, Кайгородок. Большинство из них возникло в качестве опорных военно-административных пунктов и к началу XVIII столетия еще не утратило этого значения. Военно-оборонительный фактор горообразования действовал и в XVIII в. Дело в том, что в данный период регион, в частности его южная часть, продолжал осваиваться. В условиях военной колонизации возникли города-крепости Оренбургского края<sup>5</sup>. Существенным фактором развития старых и возникновения новых уральских городов в XVIII

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625). В рамках гранта участниками коллектива написаны с. 182–220, 228–242.

<sup>1</sup> Гражданское общество в России: структуры и сознание. М., 1998. С. 7–10.

<sup>2</sup> Там же. С. 10–11.

<sup>3</sup> Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 тт. Т. 2. СПб., 1999. С. 262.

<sup>4</sup> Побережников И.В. Общество в контексте модернизации: Урал во второй половине XIX – начале XX в. // Российская модернизация XIX–XX веков: институциональные, социальные, экономические перемены. Сборник научных статей. Уфа, 1997. С. 47.

<sup>5</sup> Аполлова Н.Г. Особенности возникновения и развития городов Оренбургского края в XVIII в. // Города феодальной России: Сб. статей памяти Н.В. Устюгова. М., 1966. С. 456–457.

– первой половине XIX в. стало развитие в регионе горнозаводского производства. Впрочем, влияние промышленной колонизации на процесс развития уральских городов оценивается исследователями неоднозначно. Л.Е. Иофа считал, что горнометаллургическая промышленность стала базой развития ряда городов Урала. Другие историки (Ю.Р. Клокман, М.Д. Курмачева), соглашаясь с этим, выступали против преувеличения влияния интенсивного строительства заводов в первой половине XVIII в. на процессы горообразование, указывая на то, что городской элемент населения заводских поселков формировался прежде всего за счет ремесленников и купцов, а также беглых людей, то есть всех тех, кто непосредственно не был связан с работой на заводе. Преобладание принудительного труда в уральской металлургии, отмечают эти исследователи, приводило к тому, что не непосредственная работа на заводах, а обслуживание многочисленного заводского персонала в торгово-ремесленном отношении стимулировало развитие городов<sup>1</sup>.

Проведение городской реформы 1699 г. правительство мотивировало, в первую очередь, фискальными интересами, стремлением устранить неурядицы при сборе податей и улучшить условия деятельности торгово-промышленного населения (как отмечал Петр I, «все черных сотен и слобод посадские, и купецкие, и промышленные люди, купецкими и всякими расправными и его, великого государя, окладными доходами ведомы в разных приказах и во всяких промыслах чинятся им большие убытки и разорение, а его великого государя... доходы учинились в доимке, а пошлин сборам и иным поборам большие недоборы...»). Мотив установления податной ответственности для городского населения прямо звучал в указе от 30 января 1699 г.: «чтобы его величества государя казне окладным доходам доимки, а пошлинным, питейным и иным сборам недоборов бы не было». Реально главной задачей новой системы управления было упорядочение отправления повинностей, лежавших на торгово-промышленном населении, обеспечение исправного сбора в казну налогов в посаде и уезде, которые передавались земскими избами в московскую Ратушу. Земские избы осуществляли контроль за деятельностью кабацких, соляных и таможенных голов, других выборных должностных лиц по раскладке и сбору налогов и пошлин, отдаче «всяких статей» в оброк с торга; высылали подчиненных им таможенных и кабацких бурмистров для отчетности в Москву; вели учет посадского населения и судебные дела; обеспечивали организацию посадских выборов. Земским избам не было предоставлено права самостоятельно распоряжаться собранными суммами, не было у них и своего имущества<sup>2</sup>.

Объем управленческих функций, выполняемых, например, бурмистрами на Вятке, практически равнялся прежнему воеводскому. «Время бурмистров» в Вятском крае запомнилось многократными посылками работников для «городового строения» в Архангельск, к Петербургу, Азову, постоянными требованиями денег на войско, на корабельное дело или о высылке серы горючей, сукна сермяжного, хлеба и других припасов. Как писал исследователь данной эпохи историк-краевед В. Юрьев, «в течение многих лет этого периода во всех самых даже отдаленных областях, в том числе и в Вятской, вся почти деятельность правительственных учреждений, все заметное движение направлено было главным образом, если не преимущественно, в изыскании именно новых и новых источников доходов для покрытия чрезвычайных военных издержек»<sup>3</sup>.

Губернская реформа 1708 г. сопровождалась сужением полномочий земских изб; финансовые функции, которые они ранее исполняли, постепенно передавались губернским органам. В ведении магистратов, образованных в 1721–1724 гг., находились сбор податей, финансы, организация хозяйства, народное образование, признание, полиция, уголовный и гражданский суд, – т.е. практически все основные сферы управления городом. Магистраты должны были осуществлять раскладку и обеспечение взимания сборов (подушного, канцелярских, таможенных и др.); организацию поставок продовольствия, сырья, промышленных изделий, натуральных и денежных откупов и подрядов, распределение повинностей; определение границ посада с соседними владениями, отвод земельных участков под строительство домов, лавок, фабрик; вести учет посадско-

<sup>1</sup> Курмачева М.Д. Города Урала и Поволжья в крестьянской войне 1773–1775 гг. М., 1991. С. 36–37; Иофа Л.Е. Города Урала. М., 1951. Ч. 1: Феодалный период; Клокман Ю.Р. Социально-экономическая история русского города: Вторая половина XVIII. М., 1967.

<sup>2</sup> Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 78–79, 88, 92; Институты самоуправления: историко-правовое исследование. М., 1995. С. 258–260.

<sup>3</sup> Юрьев В. Вятская старина Вятская старина. Материалы для истории Вятского края первой четверти XVIII века. Вып. I. Вятка, 1888. С. 3.



го населения; контролировать казенные и гражданские службы посадских людей в качестве бурмистров, ларечных, целовальников при кружечных дворах, таможнях, ярмарках, окладчиков и сборщиков при оброчных статьях, соляных голов; наборы рекрутов, работных людей. В функции магистратов входила также защита сословных интересов посадского населения, рассмотрение жалоб на притеснения коронной администрации и «военных чинов». Органы муниципального самоуправления обязаны были содействовать развитию промышленности и торговли, обеспечивать благоустройство и поддержание общественного порядка в городах, пожарную безопасность; они контролировали законность торговых операций и правильность мер и весов, осуществляли сбор сведений о ценах на городском торгу, побуждали выборных сотских, десятских и других должностных лиц к исполнению полицейских обязанностей<sup>1</sup>.

Однако в действительности самостоятельность городских магистратов была ограниченной. Как справедливо отмечает Н.В. Козлова, «отсутствие реальных, гарантированных законом источников доходов местных органов городского управления в сочетании с обширностью возложенных на магистраты обязанностей, связанных с правительственными предписаниями, требовавшими быстрого исполнения и чреватых суровыми наказаниями, начиная от штрафа, телесного наказания и вплоть до конфискации имущества и ссылки, обуславливали декларативный характер обязанностей магистратов по развитию городской жизни»<sup>2</sup>. Каждый конкретный шаг магистрата требовал санкции со стороны Главного магистрата, которому, к тому же, необходимо было ежегодно предоставлять детальный отчет о собственной деятельности. Отсутствие четкой регламентации взаимоотношений магистратов с коронной администрацией позволяло последней постоянно вмешиваться в дела органов городского самоуправления. Деятельность коронной администрации существенно сужала обязанности магистратов по полицейской части. Важнейшие судебные решения магистратов утверждались надворными судами, существовавшими до 1727 г. в губернских центрах.

В деятельности городских магистратов, восстановленных в 1743 г., как и прежде, доминировали фискально-финансовые дела: сбор податей, организация кабацкой, соляной и таможенной служб, – т.е. обеспечение финансовыми и людскими ресурсами казенных нужд и потребностей.

Проблемы, связанные с реализацией функций органов городского самоуправления, были остро поставлены в городских наказах, поданных в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Как известно, к числу важнейших обязанностей общественного управления относилась организация выполнения государственного тягла, которое налагалось на членов посадской общины. Именно его тяжесть вызывала наибольшее недовольство жителей Верхотурья, которые поставили выполнение служб и повинностей на первое место среди «общих недостатков и нужд», о которых они представляли высшим властям. Верхотурцы жаловались на то, что им, купечеству, приходилось, помимо отправления служб в самом Верхотурье и в слободах и погостах данного ведомства, выполнять обременительные службы также в Екатеринбурге и его ведомстве, а также в Краснослободском ведомстве (в 300–500 верстах от дома): на партикулярных заводах, при соляном сборе, приеме денежной казны и казенных материалов и т.д. При этом верхотурцы считали, что в Екатеринбургском ведомстве службы должны были отправляться местным купечеством.

Наиболее же отяготительными казались службы в Верх-Иртышских крепостях, в 2000 верстах от Верхотурья, куда выбираемые служители обыкновенно бывали вынуждены добираться своим коштом. При этом верхотурские купцы жаловались, что порой их выборных местные власти произвольно переводили в другие места, «не против того купеческого выбора». Не всем удавалось рассчитаться по окончании сроков служб. Выполняя указанные повинности, уверяли авторы наказа, уже многие «в конец оскудели и до сущей нищеты дошли, а другие-ж несчетными померли, и за тех несчетных умерших чрез немало прошедшие годы взыскиваются с наследников и с верхотурского купечества немалые доимки». В результате многие купцы пришли в «недостаток и разорение», отстали от торгов и промыслов. Должники вынуждаемы были зарабатывать средства на заводах и в партикулярных наймах. По подсчетам составителей наказа, из 723 ревизских душ посадских и цеховых, которые числились по Верхотурью, лишь 282 души были способны к выполнению служб.

<sup>1</sup> См.: Российский государственный архив древних актов: Путеводитель: В 4 т. М., 1997. Т. 3. Ч. 1. С. 524–527, 547–586; Институты самоуправления: историко-правовое исследование. М., 1995. С. 262–263.

<sup>2</sup> Козлова Н.В. Российский абсолютизм и купечество в XVIII в. (20-е – начало 60-х годов). М., 1999. С. 229.

Существенное место заняли жалобы на обременительность общественных служб (служб по выборам), самой тяжелой для вятчан повинности, в наказе города Хлынова. Разнообразные должности, которые вынуждены были занимать хлыновские купцы, включали президентов и членов магистрата, гражданских и уголовных судей, гильдейских старост и старшин, рядовых и гостинных старост, таможенных, кабацких, соляных целовальников, надсмотрщиков, ценовщиков, ларечных, счетчиков, городских рассыльчиков, маклеров, квартирмейстеров и т.д. Особенно разорительной для выборных людей была служба в отдаленных местностях при различных казенных учреждениях, нередко сопряженная «с потерей не только доброго имени, но и всего состояния, так как выборные головы, ларечные, счетчики и различные целовальники, посылаемые в сибирские и низовые, поволжские города к приему новоположенных и прочих денег, к продаже вина, соли, к сбору конских и т.п. пошлин, нередко за убытки и недоимки отвечали собственным имуществом»<sup>1</sup>.

«По нарядам Главного и Казанского губернского магистрата и по требованиям Оренбургской губернской, также Исетской и Пермской провинциальных канцелярий и низовой соляной конторы, — писали составители наказа, — посылаются из здешнего хлыновского купечества в тамошние места к приему новоположенных и прочих денег и к продаже вина, и к сбору конских пошлин выборные головы, ларечные и целовальники, каковые по не ближнему отсель расстоянию принуждены бывают на казенную продажу немалою суммою от поставщиков вино, а по продаже оно и новоположенные деньги принимать, конские пошлины собирать и в усть-камские магазины машинных судов елтонскую соль принимать же, отдавать и продавать особливо к свозу в Москву собираемой из всей Вятской провинции новоположенной и прочих сборов суммы. А в сибирские города, к отправляемой запродажной соли, денежной казны счетчиков обращается не по малому числу. Им же отдаленным служителям, егда они выбираемы и посылаемы бывают и пока там пробудут, оставшее наличное купечество, разводя по себе, дает денежное награждение и платит за них подушные подати, равно как и за неимущих снимают на себя и, будучи там по усиленной даче от содержания многова числа ведр вина и соли, за чрезвычайную сверх порции усышку и утечку, и начетные деньги оплачивают собою. Те ж служители, за начет, под следствием и за счетами, лишась всего иждивения своего, проживают долговременно; чрез то по неоплатным долгам, закладывая детей своих, и сами, утверждая себя в партикулярные услуги, несут всякую нужду и в крайнее разорение приходят». Составители наказа выражали надежду на возможность избавления «от несносных упоминаемых разных тягостей и служб»<sup>2</sup>.

Екатеринбургские купцы жаловались на тяжесть повинностей и служб, а также на их неравномерное распределение среди городского населения. Так, «крайняя обида и в произведении промыслов и цехов пресечение и убытки», по мнению купцов, чинились им в результате неравномерного участия горожан в выполнении постоянной повинности. Последняя разверстывалась канцелярией Главного заводов правления только на купцов и приписных крестьян; канцелярские и заводские служители, военные, заводские мастеровые и работники не участвовали в ее отправлении. «Потеряние и трата интереса», «начеты и немалые разорения» были следствием службы екатеринбургских купцов по выборам головами, ларечными и целовальниками при продаже соли на партикулярных заводах<sup>3</sup>. Служба проходила в отдалении от мест постоянного жительства на 100–200, 500 верст и более; в период выполнения службы купцы жили «на своем коште»; их хозяйства, торги и промыслы оставались без присмотра. Купцы изъявляли готовность продолжать службу в Екатеринбурге и на казенных заводах; но настаивали на том, чтобы организацией продажи соли на частных заводах занимались сами заводоладельцы. Разорительными для купцов были службы в счетчиках по приему и отвозу денежной казны при екатеринбургском комиссарстве, а также в оценщиках вещей по малым судебным делам.

<sup>1</sup> Юрьев В.П. Состояние города Вятки в царствование Екатерины II. Очерк из истории городского общественного управления. Вятка, 1885. С. 30.

<sup>2</sup> Там же. С. 12–14, 26.

<sup>3</sup> В 1755 г. Тобольский губернский магистрат трижды требовал «о выборе к соляной продаже в головы, ларешные и целовальники из екатеринбургского купечества и об отсылке в Екатеринбургское комиссарство» (необходимо было выбрать 3 голов, 5 ларечных и 24 целовальника). «Граждане» во главе со старостой К. Бородиным, со своей стороны, просили ратушу «о невыборе в служение к соли из екатеринбургских посадских и о представлении от здешней ратуши в Тобольский губернский магистрат» об освобождении екатеринбуржцев от данной повинности в связи с отсутствием годных в службу (ГАСО. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3. Л. 64 об. — 65, 69 об. — 70, 72).

В губернских магистратах, учрежденных в ходе реформы 1775 г., рассматривались дела, касающиеся привилегий, спорных владений города, апелляции на судебные решения городских магистратов, ратуш и сиротских судов о займах, контрактах и купле-продаже недвижимой собственности на сумму свыше 25 руб. Губернский магистрат был наделен правом принимать окончательное решение по искам до 100 руб.; иски на большую сумму при несогласии тяжущихся могли переноситься в палату гражданского суда. Судебная палата уголовных дел являлась ревизионной и апелляционной инстанцией в губернии по соответствующим делам, рассмотренным в губернском магистрате. В магистрате был принят коллегиальный порядок работы. Функции губернского магистрата не ограничивались чисто судебными делами; он контролировал выполнение указов вышестоящих властей подведомственными ему органами городского самоуправления, представлял интересы государственного фиска, следил за поступлением местных сборов с горожан, занимался учетом городского населения и т.д. Хотя городские магистраты и ратуши планировались «Учреждением об управлении губернией» как судебные институты, их реальные функции охватили широкий круг административных, фискальных, хозяйственных дел, так и не исключенных из их ведения.

Насколько обширными были функции городского магистрата, свидетельствует пример Екатеринбургского магистрата, который на протяжении 80–90-х гг. XVIII в., помимо собственно судебно-следственной деятельности, осуществлял фискальные и полицейские мероприятия, занимался организацией сословного учёта, государственных сборов и повинностей, обеспечением полицейского порядка, участвовал в реализации государственных монополий, хозяйственно-экономической деятельности<sup>1</sup>. Существенное место в деятельности магистрата занимал контроль над процессом рекрутирования в состав посада новых членов (соответствие конкретной ситуации текущему законодательству; согласование вопроса с тем ведомством, которому подчинялся претендент до этого времени); выдача паспортов желающим отлучиться с места постоянного проживания, в частности, для занятий торгово-промышленной деятельностью в других районах Российского государства<sup>2</sup>.

Значимой была административная функция магистрата: исполнение распоряжений вышестоящих учреждений, касавшихся городского населения. Вообще, хотя магистрат и считался в первую очередь судебным местом для горожан, вопросы судебно-следственной деятельности, по расчетам Д.Е. Хохолева, не занимали доминирующего места в его служебной переписке<sup>3</sup>. Не ограничивалась судебной сферой и деятельность Челябинского городского магистрата (был открыт в ноябре 1781 г.), который осуществлял маклерские и нотариальные действия, рекрутские наборы, контроль за торговлей, исполнением соляной службы, опеку над малолетними, имуществом и т.д.<sup>4</sup>.

Магистрат функционировал в тесной взаимосвязи с посадской общиной (во главе которой стоял староста). Посадский староста формально занимал подчиненное положение по отношению к магистрату и обращался к нему как к вышестоящей инстанции посредством рапортов. Если магистрат являлся своего рода передаточным механизмом между институтами коронной администрации и собственно «обществом» (даже ответить на вопросы комиссии при императорской академии наук – «кто о чем известен» – Екатеринбургский городской магистрат в 1781 г. поручил «обществу» во главе со старостой<sup>5</sup>), то последнее занималось как реализацией спускаемых сверху требований, так и вырабатывало собственные инициативы. Эффективность работы городского самоуправления в целом была обусловлена степенью скоординированности деятельности всех его звеньев. Конкретный материал свидетельствует, что посадская община не находилась

<sup>1</sup> Так, в августе 1782 г. Екатеринбургский магистрат направил своего члена ратмана И. Устьянцева по соляным стойкам Екатеринбургского ведомства – «для отобрания от целовальников третних ведомостей и осмотра, порядочно ль происходит продажа» (ГАСО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 4. Л. 173).

<sup>2</sup> ГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 4. Л. 3–4, 5 об.–6, 7–7 об., 8–8 об., 9, 10–10 об., 22 об.–23 об., 25–26, 27, 28 об.–31, 33–34 об., 36 об., 39–40, 41 об.–43, 49 об.–50 об., 52 об.–53 об., 55 об., 56 об.–57, 217, Д. 5. Л. 1–198.

<sup>3</sup> См.: Хохолев Д.Е. Екатеринбургский городской магистрат в системе управления Пермского наместничества (1781–1796 гг.) // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков. Материалы четвертой региональной научной конференции, 11–12 ноября 1999 г. Новосибирск, 1999. С. 194–199.

<sup>4</sup> Воропанов В.А. Структура и состав провинциальных сословных низовых судов Оренбургской губернии в 1775–1864 годах // Вестник Челябинского университета. Сер. 7: Государственное и муниципальное управление. Челябинск, 1998. № 1. С. 101.

<sup>5</sup> ГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–16 об.

в полном подчинении у магистрата; между ними существовали сложные цепи взаимозависимостей. Естественно, не все инициативы «общества» находили поддержку магистрата; но, в свою очередь, не все «желания» магистрата беспрекословно исполнялись «обществом». Порой требования, поступавшие от вышестоящих инстанций, были просто не выполнимыми. Так, необходимо было подавать каждые полмесяца ведомости о движении населения – о вновь родившихся, умерших, браком сочетавшихся. В связи с этим екатеринбургский городской староста М. Рязанов просил магистрат подать представление о невозможности исполнять (потому что «живущие здешние купцы и мещане немалое количество со всеми своими семействами по разным другим местам не в ближнем отсель расстоянии оные и весьма в дальних отлучках во услужениях со всем же семейством» обретаются, что существенно затрудняет оперативный сбор демографической информации) данное требование в Пермский губернский магистрат<sup>1</sup>.

Попечению городского самоуправления, устроенного на основании «Жалованной грамоты городам» 1785 г., подлежали вопросы, связанные с городскими «пользами и нуждами»: благоустройство, продовольственное дело, развитие торговли и промыслов, пополнение городской казны, защита сословных прав, некоторые полицейские функции, например, надзор за порядком на рынках; при шестигласных думах появились особые торговые депутации, смотрители, инспектора. При этом сферы компетенции думы и городской полиции не были четко разграничены, что позволяло коронным чиновникам по-прежнему вмешиваться в работу формально самостоятельных муниципальных учреждений. Деятельность шестигласных дум контролировалась губернатором: городское собрание созывалось только с его разрешения, он осуществлял надзор за «правильным» употреблением суммы городским обществом; дума отчитывалась перед губернатором и казенной палатой в доходах и расходах. Деятельность управ была связана с задачами цеховой организации: учет мастеров, подмастерьев, учеников определенной профессии, забота о нуждах данного ремесла, о «порядке и согласии» среди ремесленников, разбор мелких споров, организация экзаменов на мастеров и подмастерьев.

Хозяйственная деятельность муниципального самоуправления стеснялась узкой финансовой базой. Бюджеты городов основывались на отчислении процентов от казённой питейной продажи, гильдейских сборов, на штрафах, мелких налогах и эксплуатации оброчных статей. При этом основная часть городских расходов шла на содержание администрации, полицейских органов, тюрем, казарм и прочих правительственных учреждений, а не на нужды города, что подчеркивало неполноправность городского общественного управления.

Насколько нелегким было материальное положение магистратов, показывает предложение генерал-губернатора С.Д. Жихарева Вятскому наместническому правлению, последовавшее в ответ на «меморию» последнего от 31 августа 1788 г. в связи с прекращением отпуска из государственного казначейства средств на жалованье служащим в магистратах. Дело в том, что в конце 1787 г. сенат, считавший, что городское положение существенно расширило источники доходов городских обществ, распорядился не только прекратить оплату труда служащих магистратов из казны, но и вернуть государству суммы, перерасходованные в 1786 и 1787 гг., изъяв их из городских бюджетов. Вятское наместническое правление нашло ряд «неудобовозможностей» ко взысканию перебранного бургомистрами и ратманами городских магистратов Вятки, Орлова, Котельнича, Яранска, Царевосанчурска, Слободского, Кайгорода, Уржума и Малмыжа: «1) Все оные магистраты отозвались, что они никаких общественных градских сумм денег в наличности не имеют, кроме полученных по силе городского положения 147-й статьи с прибыльной суммы питейного дохода по одному проценту, которые все почти употреблены в расход по тем магистратам, а по некоторым местам хотя и есть остатки, но самые малые, да и то впредь на расходы по магистратам и на содержание учрежденных в губернском городе главного народного и в уездном слободском малого народного училищ необходимо потребны; 2) Что со издания городского положения, по статьям оного 18-й, мучных, пильных и иных водяных или ветряных мельниц, по 19-й, харчевен, гербергов или трактиров, как внутри города, так и вне оного по дорогам, обществами градскими нигде не заведено по неимению у них общественных сумм; а по второй статье, хотя подтверждены городами в пользование им принадлежащие по межевой инструкции или инако:

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 6. Л. 35–35 об., 13–13 об.



земли, сады, поля, паствы, луга, реки, рыбные ловли, леса, рощи, кустарники, пустые места и мельницы водяные или ветряные; но поелику в губернии Вятской по небытию генерального по изданной в 1786 году инструкции межевания из всех городов ни один надлежащей пропорции полного числа выгонной земли не имеет... По таковым обстоятельствам города губернии Вятской и не пользуются никакими изъясненными по 2-й статье выгодами, да и потому 3) что имеющие по городам в принадлежащих им землях мельницы, сенные покосы и рыбные ловли отдаются от казенной палаты частным людям из платежа в казну оброка и заводимые по городам мещанами и купцами герберги состоять в оброке же казенном. По 148-й статье выморочных мещанских имений и по 150-й статье штрафных с купцов и мещан денег нигде ничего в городские доходы не поступало и по 149-й статье никакими доходами не пользуются; почему за неимением в городах общих городских доходов и никаких общественных сумм в наличности и перебранных магистратами городскими на жалованье денег за 1786 и 1787 годы ... к возвращению в государственные доходы других средств правление наместническое не находит, как взыскать лично со всех купцов и мещан, и цехов, что в котором городе по расчислению на каждую ревизскую душу причитается; да и таким средством взыскать оные будет в один год весьма отяготительно и разложить оные по городам: Вятке, Орлову, Котельничу, Яранску, Царевосанчурску, Слободскому, Уржуму и Малмыжу в два, а по Каю и во многие годы выполнить взыскание сие едва ль возможно будет: ибо в том городе граждане состояния бедного, так что ни одного уже человека и в гильдиях не состоит, а сверх того все они находятся в поручительстве, некоторые за содержателя в питейных домах сидельцев тамошнего бывшего купца Безгичева, а прочие по заимщикам из приказа общественного денег, въ рассуждении оставнаго на первом казенного начета немалочисленной суммы, а послѣдних по неимению к платежу всех взятых из приказа общественного призрения денег под взысканием...».

Наместническое правление предложило генерал-губернатору рапортовать о создавшейся ситуации в сенат, дополнив информацией «для будущего впредь положения на содержание в каждом сей губернии городе магистрата и на прочие законные городские расходы о потребных суммах», «особых по известности каждого городов тех состояния и сообразуясь течением в магистратах дел». С.Д. Жихарев в целом согласился с предложением наместнического правления, рекомендовав городским магистратам вместе с городничими провести «точнейшие следствия» с целью мобилизации тех источников доходов, которые были предоставлены «Жалованной грамотой» городам<sup>1</sup>.

Скудость городского бюджета была общей головной болью городских властей на Урале. Она создавала серьезные проблемы в содержании учреждений общественного самоуправления и в благоустройстве городов. В поисках выхода из создавшегося положения городские власти прибегали к дополнительному обложению горожан. Так, городское общество Верхотурья в конце XVIII в. приняло решение установить особый сбор раскладкою с купцов и мещан. Впоследствии городская дума подняла вопрос о расширении круга плательщиков за счет проживавших в городе крестьян, ямщиков, приказнослужителей и др. Проблема нехватки средств в городском бюджете сохраняла свою остроту и в первой половине XIX в.<sup>2</sup>

Деятельность органов самоуправления городов Урала имела несколько направлений. Серьезные усилия общества обращались на городское благоустройство. В 1780-е гг. утверждались новые планы городов с указанием мест для казенных, общественных и частных построек. Вскоре после открытия наместничества новый план, высочайше конфIRMованный 13 августа 1784 г., получила Вятка. Постепенно менялся внешний облик города. В 1780 г. в Вятке из 871 домов было всего 6 каменных; в 1804 г. количество каменных зданий выросло до 24 (общее количество – 835); в 1813 г. из 855 домов 30 были каменными. Порой новые здания строились вместо старых, значительно

<sup>1</sup> Бехтерев Н., Андриевский А., Спасский Н. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества. 1780–1880 // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сб. материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 244–248.

<sup>2</sup> Шилов А.В. Из истории Верхотурья в конце XVIII в. (по материалам Государственного архива Пермской области) // Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 99; Его же. Чердынь в конце XVIII – начале XIX в. // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999. С. 111–118; Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края: (К 400-летию Верхотурья). Екатеринбург, 1998. С. 138–142.

превосходя их по площади – это объясняет некоторое уменьшение общего количества зданий на рубеже XVIII–XIX вв., несмотря на прирост населения. Городскому обществу, в частности, принадлежал каменный двухэтажный дом с антресолями, в котором размещались шестигласная дума, земская изба и цеховая управа. Особенностью городской застройки Вятки в 1780–1790-е гг. были значительные пространства, отводимые под дворы. Вследствие этого город стал напоминать ряд дач с обширными дворами и огородами. Побывавший в 1800 г. в Вятке с ревизией сенатор И.В. Лопухин отметил в своих записках, что город был похож «больше на богатое село, нежели на губернский город». Тем не менее, в начале XIX в. Вятка превосходила по своему устройству некоторые губернские города, например, Пермь.

В это время прежние границы стали уже тесными для Вятки, и городское общество выступило с ходатайством об изменении плана 1784 г., «по неимению по прежнему плану мест для построения по оному обывательских и прочих домов и при том с лучшей по местоположению удобности». Проект расширения городской площади предусматривал: 1) включение в границы города Луковицкой и Хлыновской слобод – «по причине, что они издревле имеют в тех местах население»; 2) расширение некоторых улиц, в том числе Вознесенской; 3) образование хлебной торговой площади – «сколько нужной по многолюдному в торговые дни стечения сельского состояния, а не менее из знатного из других округ привоза разного хлеба, закупаемого здесь и отправляемого к Архангельскому порту». Инициатива городского общества нашла поддержку у высших властей, хотя и не в полном объеме. 23 марта 1812 г. был высочайше подтвержден новый план постройки в Вятке, согласно которому в состав городской черты были включены некоторые слободки и предместья.

В 1806 г. городское общество выступило еще с одной инициативой, касавшейся внутреннего благоустройства города. Речь шла о разрешении построить через реку Вятку, при самом городе, плывучий мост и установить с проходящих и проезжающих по нему умеренный сбор. Данное ходатайство было поддержано 8 июня того же года. В 1823 г. городское общество получило разрешение на постройку еще одного моста через Вятку, близ соляных магазинов, у спуска по Спасской улице. За 1805–1815 гг. городское общество потратило около 3 тыс. руб. на распланировку, очистку мусора и снятие земли с нижней площади. В 1818 г. на этой площади при участии городского и мещанского обществ частными лицами было построено здание, в котором разместились до 189 торговых лавок. В 1821 г. было обращено внимание на освещение улиц. Были заказаны новые фонари (в которых зажигались шестеричные свечки) по образцу, использовавшемуся тогда в столицах, увеличилось их количество. Впоследствии было введено масляное освещение. В 1850 гг. появились фонари, в которых использовалась спиртоскипидарная жидкость. В первой половине 1860-х гг. им на смену пришли керосиновые лампы.

На протяжении первой половины XIX в. Вятка продолжала разрастаться. Если в 1836 г. в городе было 865 домов (в том числе 94 каменных), то в 1856 г. их число выросло уже до 1130 (каменных – 167 зданий). Посетивший в 1824 г. город император Александр I заметил, что «Вятка есть один из лучших губернских городов».

Обращаясь в 1825 г. к министру внутренних дел за разрешением об устройстве в Вятке общественного сада, губернатор А.И. Рыхлевский ссылаясь при этом на предложение по данному вопросу «граждан и прочего общества». Разрешение было получено и губернатор обратился к горожанам с предложением о пожертвованиях на устройство сада. Последний был разведен в Вятке уже при губернаторе К.Я. Тюфяеве в 1835 г. на пожертвованные суммы. Сад был устроен на английский манер. В следующем году на пожертвования же сад был украшен двумя большими беседками, стоившими до 15 тыс. руб. Купец 1-й гильдии П. Гусев пожертвовал средства на устройство чугунной решетки с лицевой стороны сада. В конце 1830-х – первой половине 1840-х гг. было принято решение покрыть городские улицы речной галькой. Последняя заготавливалась на счет общества и продавалась домохозяевам для устройства каждого участка дороги, расположенного против его дома<sup>1</sup>.

Определенный прогресс в деле внешнего благоустройства Перми был достигнут в 1820-е гг., в период губернаторства К.Я. Тюфяева, накануне посещения города Александром I. «Площади и улицы ...немедленно были спланированы, очищены и снабжены, где следовало, доселе неиз-

<sup>1</sup> Спасский Н. Постепенное развитие внешнего вида города Вятки и занятий его населения // Столетие Вятской губернии... С. 129–135, 139–145; Бехтерев Н., Андриевский А., Спасский Н. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества. 1780–1880 // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сб. материалов к истории Вятского края. Т. I. Вятка, 1880. С. 330–331.

вестным у нас тротуаром; казенные и частные здания обновлены с фаса; словом, сделано все то, что позволяли и краткое время, и средства жителей». Успех в этом деле был обеспечен тесным сотрудничеством губернаторской власти и городского головы Д.Е. Смышляева<sup>1</sup>.

Существенное внимание городские власти уделяли деятельности общественных банков. Так, в октябре 1809 г. последовало высочайшее утверждение устава общественного банка в городе Слободском, который был основан первостатейным купцом Анфиловым, пожертвовавшим 25 тыс. руб. на его учреждение. Банк получил наименование Анфиловский в честь основателя и первого директора. Согласно уставу банка, для управления его делами создавалась дирекция в составе градского головы как директора и двух членов в качестве директорских товарищей, избираемых на трехлетие<sup>2</sup>.

Городские общества принимали участие в просветительской деятельности, в распространении народного образования. Указом 1786 г. предусматривалось учреждение в губернских городах главных народных училищ, а в уездных – малых двухклассных. При этом верховная власть исходила из того, что городские общества также примут существенное участие в финансировании этих мероприятий. Так, в высочайшем рескрипте по поводу открытия народных училищ, данном на имя Казанского и Вятского генерал-губернатора генерал-аншефа князя П.С. Мещерского, Екатерина II писала: «И хотя не везде приказы общественного призрения столь достаточные капиталы имеют, чтоб из процентов их удовлетворять всем предметам, попечению их предоставленным; но как доходы оных при добрых и усердных стараниях начальства и разных обществ от времени далее могут умножаться, сверх того снабдив города наши разными выгодами, в городском положении изображенными, доставляя Мы им и доходы на их надобности; а между таковыми надобностями просвещение народное одною из первых почитать долженствует. Содержание же народных училищ не требует большого иждивения, как-то в штате ясно показано, и при том на первое время довольно будет открытие в губернском городе главного, да еще там же и по самым знатнейшим городам малых народных училищ, то и уверены Мы, что вы изыщите средства заимствовать нужное сих училищ содержание без отягощения казны и без оскудения и для других полезных заведений...». Исполняя императорское повеление, П.С. Мещерский распорядился, чтобы вятский наместник Ф.Ф. Желтухин предпринял меры по подготовке к открытию главного народного училища в Вятке и малого училища – в Слободском, в том числе провел переговоры с городскими головами и с «именитейшими из купцов и прочаго гражданства» по поводу подыскания под училища подходящих помещений «со всеми нужными в нем снабжениями, яко то: столами, скамьями, хотя не многими, но порядочными стульями, услугою для бережения дому и всего в нем и для очищения всегдашнего и топления». Вскоре состоялось совещание наместника с городскими головами и выборными из числа именитых граждан, на котором обсуждались вопросы о помещениях и подготовке всего необходимого для открытия училищ. Было принято решение разместить главное народное училище во флигеле при наместническом правлении, а для училища в Слободском отвести помещение на верхнем этаже каменного здания, которое занимал земский суд. Согласно донесению Желтухина генерал-губернатору, вятчане и слобожане восприняли известие об открытии народных училищ с энтузиазмом: «Не могу умолчать и того, чтобы не донести вашему сиятельству, с какою радостью сие Высокомонаршее пожалование в обоих городах всеми вообще принято: каждый согражданин с пролитием слез воссылал Всевышнему прошение о здравии Всеавгустейшей Нашей Монархини, заявя при том, что они будут споспешествовать Высочайшему соизволению пособием к содержанию учащихся».

Главное народное училище в Вятке было открыто в срок – 22 сентября 1786 г. На его содержание было положено по штату 2700 руб. в год. Училище в Слободском открылось в следующем году. Зато оно было более обеспечено в материальном плане, чем главное, причем благодаря инициативной поддержке слобожан. Городское общество приняло решение ежегодно отпускать на содержание училища особую сумму. Если же ее окажется недостаточно, то «купечество и мещанство» обещали вносить известный процент: 1) с объявляемого капитала; 2) с взимаемого ру-

<sup>1</sup> Дмитриев А. Очерки из истории губернского города Перми. Первый опыт краткого изложения истории Перми. Пермь, 1889. С. 181.

<sup>2</sup> Бехтерев Н., Андриевский А., Спасский Н. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества. 1780–1880 // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сб. материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 343.

бля. Однако при ограниченности средств приказа общественного призрения и главное народное училище не могло просуществовать без участия вятского общества и граждан других городов, пожертвовавших в разное время только до 1789 г. до 2 тыс. руб. на его содержание.

В мае 1789 г. правитель наместничества, с разрешения П.С. Мещерского, вновь был вынужден обратиться ко всем жителям Вятского края за содействием (через городничих в городах и через нижние земские суды в уездах). Обращая их внимание на плачевное материальное положение главного народного училища, Ф.Ф. Желтухин предложил «обществу гражданскому: чиновникам, служащим, равно купечеству и мещанству» обсудить возможность «доброхотного подаяния на содержание ... главного училища народного по мере избытка каждого». Дабы избежать каких-либо злоупотреблений при этом добровольном сборе средств на народное образование, наместник предписывал городничим в городах предварительно внушить гражданам, что «такое давание должно быть предлог их воли, и кто сколько подаст – записывать в приход». Кроме того, предлагался стандартный механизм сбора пожертвований. В каждый город отправлялась шнуровая книга, в которую необходимо было вписывать, «при коликом числе людей, купцов и мещан, и прочих сограждан какую сумму сложили, и чтобы чиновники записали при их, а от купцов – городской голова, а от мещан – староста». Предусматривался и такой случай, когда «в обществе ... сограждане не все согласятся к подаянию доброхотному, а пожелают усердствовать оным подаянием немногие люди, то таковым даятелям позволить в той книге подаяние свое вписать каждому особо, а не общественно, что от всех граждан, дабы после можно было видеть тех благотворителей, кои соответствуют усердным исполнением Всевысочайшему Ея императорского величества соизволению, ознаменованному в указе, состоявшемся прошлого 1786 года месяца августа в 12 число на открытие училищ, удаляя при оном принуждение». В конце ордера правитель наместничества еще раз подчеркивал, «что всякое насилие под предлогом каким бы то ни было по строгости законов воспрещается, а должны просить убедительно без всякой суровости, не делая ни малейшего огорчения...». Жители наместничества с пониманием отнеслись к обращению Ф.Ф. Желтухина – было собрано пожертвований на сумму 7569 руб. 78,5 коп.<sup>1</sup>

В 1815 г. учебные заведения в Вятке и Слободском были осмотрены попечителем Казанского учебного округа М.А. Салтыковым, который предложил преобразовать Слободское малое народное училище в уездное. В этой связи городскому обществу Слободского через директора училища Глейниха поступило предложение о пожертвовании приличного здания для предполагаемого учебного заведения. Горожане пожертвовали каменное двухэтажное здание, оцененное в 2 тыс. руб. Вскоре они предоставили еще 1 тыс. руб. на приспособление помещения к учебным потребностям. Почти одновременно был поднят вопрос о преобразовании малых народных училищ в Сарапуле и Нолинске. При этом сарапульское общество приобрело для уездного училища деревянный дом за 2,5 тыс. руб., сделав в нем необходимые доработки. Глазовское городское общество приняло решение открыть приходское училище, которому был передан дом, занимаемый до того ратушей. Глазовцы обязались ежегодно отпускать 300 руб. на содержание училища. В Уржуме чиновники единовременно пожертвовали 245 руб., а купечество и мещанство – 439 руб. на содержание училища, для которого жители города собирались подыскать подходящее здание. Яранский помещик П.А. Залесский пожертвовал 1 тыс. руб. на заведение уездного училища в случае его открытия в Яранске. Городское общество Яранска пожертвовало на это же 709 руб. и купило дом для училища. Кроме того, яранцы обязались ежегодно отпускать по 250 руб. на содержание приходского училища. Готовность открыть у себя приходское училище изъявило и городское общество Орлова.

Лишь спустя несколько лет – в 1824 г. – было торжественно открыто Орловское приходское училище, на которое граждане пожертвовали 417 руб. Кроме того, городское общество постановило ежегодно отпускать 400 руб. на содержание училища и давать по 100 руб. в пособие уездному училищу, которое должно было открыться<sup>2</sup>. В 1859 г. городское общество Елабуги постановило учредить женское училище 2-го разряда, которое и открылось в следующем году<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Бехтерев Н., Андриевский А., Спасский Н. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества. 1780–1880 // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сб. материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 235–239, 249–250.

<sup>2</sup> Там же. С. 357–358, 374.

<sup>3</sup> Шуралева Е.Л. Н.И. Шишкин о вкладе елабужского купечества в развитие просвещения в Вятской губернии // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С. 52–53.



Участвовали в распространении народного образования и городские общества Пермского наместничества. Пермская городская дума поддержала материально главное народное училище, хотя не без сопротивления и под сильным нажимом со стороны генерал-губернатора А.А. Волкова. Дума объясняла свою осторожность в данном вопросе отсутствием лишних средств в городской казне. В 1789 г. ряд городов обратился к генерал-губернатору с просьбой об открытии у них малых народных училищ. Городской голова Верхотурья, в частности, писал, что верхотурское общество, видя по многим городам империи «благочрежденные» публичные учебные заведения, желает также иметь двухклассное училище «в подражание», а «вяще к составлению общего блага». Шадринцы на общем градском собрании приняли решение о содержании за счет города малого народного училища. В 1789 г. действительно открылись народные училища в Верхотурье, Екатеринбурге, Кунгуре, Соликамске, Ирбите, Шадринске, Чердыни. Городские власти беспокоились о помещениях для училищ и о снабжении их всем необходимым, кроме книг, для обеспечения учебного процесса. Городские общества пожертвовали одновременно денежные суммы на открытие училищ и впоследствии выделяли определенные средства на их содержание. Однако общая проблема скудости городских бюджетов не позволяла городам в полной мере удовлетворять все потребности учебных заведений, которые также постоянно испытывали материальные затруднения. Сходные проблемы в процессе развития народного просвещения возникали и перед городскими властями Уфимского наместничества<sup>1</sup>.

В 1813 г. по воле императора было учреждено Российское библейское общество, главной целью которого провозглашалось распространение Священного писания среди христиан всех вероисповеданий. Вятский епископ Гедеон, бывший его членом с самого открытия, стремился и на Вятке создать отделение общества. Он обратился за содействием к губернатору, чтобы последний через городничих и исправников пригласил чиновников и граждан губернии принять участие в обществе. Хотя известие не вызвало большого энтузиазма среди населения, некоторые пожертвования на это дело городничими были собраны: в Котельниче – 105 руб., в Орлове – 45 руб., в Уржуме – 95 руб., в Елабуге – 160 руб., в Сарапуле – 50 руб., в Слободском – 70 руб. Городские головы предоставили: вятский – 135 руб., орловский – 140 руб., елабужский – 70 руб., нолинский – 35 руб. В Вятке, по предложению губернатора, подписали единовременных взносов на сумму 460 руб. и ежегодных – желающих стать членами общества – на 825 руб. 18 апреля 1817 г. состоялось первое заседание Вятского отделения библейского общества. На втором заседании – 21 июля того же года – были избраны директора Вятского отделения, в число которых вошли вятский городской голова А.Я. Машковцев, вятский купец и бургомистр И.С. Репин<sup>2</sup>.

Сфера социальной реабилитации также была предметом забот городских властей. Именно городское общество Екатеринбурга выступило инициатором создания воспитательного дома для сирот и подкидышей. В 1812 г. оно выделило средства на покупку и ремонт каменного здания для этой цели. Екатеринбургские купцы стали попечителями воспитательного дома<sup>3</sup>.

Улучшение медицинского обслуживания также было заботой городских властей. В 1811 г. в губернском центре – Вятке была учреждена больница на 60 человек, на содержание которой город ассигновал из своего бюджета 3320 руб. Правда вскоре, из-за скудости городских средств, содержание больницы было возложено на приказ общественного призрения. В 1823 г. в Вятке же была построена больница на средства городского общества. Не позднее 1826 г. городское общество Верхотурья открыло больницу для солдат инвалидной команды, которая и впоследствии находилась на содержании города. В 1823 г. Челябинская городская дума приобрела здание для раз-

<sup>1</sup> Дмитриев А. Очерки из истории губернского города Перми. Первый опыт краткого изложения истории Перми. Пермь, 1889. С. 81–84; Калинина Т.А. К истории начального образования в г. Верхотурье // Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 48–51; Еф. же. Народное образование в Чердынском крае (80-е годы XVIII – первая половина XIX в.) // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России. Пермь, 1999. С. 217–222; Миненко Н.А., Федоров С.В. Город на Исети: Страницы Шадринской летописи. Шадринск, 1997. С. 50; Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края: (К 400-летию Верхотурья). Екатеринбург, 1998. С. 142; Дегтярев И. Дегтярев И. Челябинская старина: Сборник статей и материалов по истории Челябинска раннего периода (30-е годы XVIII – середина XIX века). Челябинск, 1996. С. 106.

<sup>2</sup> Бехтерев Н., Андриевский А., Спасский Н. Краткая летопись событий... С. 361–363.

<sup>3</sup> Дашкевич Л.А. Екатеринбургский воспитательный дом (1812–1828 гг.) // Вторые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 28–29 апреля 1999. Екатеринбург, 1999. С. 215–218.

мещения в нем лазарета, который со временем превратился в больницу для всех жителей города. Дума несла расходы по больнице на отопление, освещение и ремонт помещения<sup>1</sup>.

Развитие системы самоуправления в уральских городах XVIII – первой половины XIX в. характеризовалось определенной рационализацией, нарастанием специализации управленческой деятельности, ростом автономии муниципальных институтов, сопровождавшим процесс отделения города от села, превращения первого в самостоятельную общественную единицу. При этом необходимо признать, что данный процесс не был прямолинейным, имели место периоды торможения и даже возврата. Наблюдалось постепенное расширение участия в муниципальном самоуправлении торгово-промышленного населения, а затем и городского населения в целом. Однако параллельное укрепление стоявшего над городом аппарата коронной администрации и «фискальный» характер многих реформаторских мероприятий правительства серьезно ограничивали возможности складывания в городах элементов гражданского общества, готового и способного к реализации провозглашенного законом права на самоуправление. К негативным моментам, тормозившим развитие самоуправления, следует отнести функционирование на Урале специфических военизированных систем управления (в частности, горнозаводской), стремившихся подчинить себе городское население.

Тем не менее, постепенно у горожан формировалось убеждение, что делами города должны вестать представители городских сословий. Наличие городских сословных органов управления вызывало у горожан определенную гордость и желание отстаивать данные учреждения, если возникала угроза ликвидации или ущемления их прав. Замечательный ответ сформулировала Вятская городская дума в 1796 г., когда ей показалось, что городской магистрат продемонстрировал оскорбительное по отношению к ней отношение: «Городовому магистрату возвратить его сообщение, при таком же напомнать, что городская дума есть не изба мещанская, коя непосредственно подчиненностью от оного магистрата зависит, но место Высочайше Ея императорским величеством учрежденное в равном с оным магистратом достоинстве, которому толикою дерзостью, какова помещена в сообщении, касатися городской магистрат никак не может, кольми паче, отнимая всемилоостивейше представленную сей думе должность и власть, препурачать (так в источнике! – И.П.) оные по единому своему не ограниченному ни малейшею благопристойностью произволу городскому старосте и старшине мещанскому, которым городская дума в соблюдении своего достоинства, всемилоостивейше предоставленного, никогда и ни в каком случае исполнять таковые незаконные предписания не допустит, что самое ныне и учинено; ибо значущея в сообщении старосте и старшине предписание от городской думы, при собрании городского общества, приказано им оставить без исполнения. А посему городской магистрат и благоволил бы на будущее время, вникнув в должности городской думы, городского головы, городского старосты и старшины мещанского, насылать свои требования к тому точно месту или лицам, к чьей какое производство и исполнение принадлежит должности; по колику сие требуется Высочайшего для управления губернии учреждения 405 ст. 5-м отделением, которому не следовать городская дума почитает делом не простительным. При том городской магистрат уведомить, что городская дума по своей должности о исправлении и построении мостов прилагает свое старание на самом деле столько, сколько долг служения требует и позволяют обстоятельства, о чемъ и наместническому правлению известно и в чем пред оным ответствует. И что сообщение оного магистрата возвращается к нему потому, что в оном помещен без всякого права о сей думе дерзкий термин от непечности и что оным предоставлена должность и власть сей думе городскому старосте и мещанскому (так в источнике! – И.П.) старшине, о том дано знать только к сведению; что самая городская дума, признавая наивящую дерзость, иметь у себя таковую бумагу для соблюдения своего достоинства не может»<sup>2</sup>.

В 1819 г. начальник Вятской губернии поднял вопрос об упразднении заштатного города Кая. В городе проживало 362 мещанина, купцов не было. Население Кая занималось преимущественно

<sup>1</sup> Бехтерев Н., Андриевский А., Спасский Н. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества. 1780–1880 // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сб. материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 345, 373–374; Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края: (К 400-летию Верхотурья). Екатеринбург, 1998. С. 139–140; Дегтярев И. Челябинская старина: Сборник статей и материалов по истории Челябинска раннего периода (30-е годы XVIII – середина XIX века). Челябинск, 1996. С. 39–42.

<sup>2</sup> Юрьев В.П. Состояние города Вятки в царствование Екатерины II. Очерк из истории городского общественного управления. Вятка, 1885. С. 92–94.

хлебопашеством, а также рубкой и сплавом древесины по Каме, доставкой на заводы горнового и жернового камня, производством глиняных горшков и бурлацкой работой на соляных судах. Управление городом было сосредоточено в ратуше, словесном и сиротском судах. Причем городских доходов постоянно не хватало на содержание органов городского самоуправления. Губернатор предложил перевести Кайгород в сельское поселение, а его жителей в крестьян. Однако кайгородцы не изъявили желания на упразднение их города и ликвидацию общественного управления. Вопрос о судьбе Кая рассматривался в Комитете министров и по высочайшему повелению был оставлен без последствий. Было предусмотрено сокращение расходов на содержание ратуши в Кае<sup>1</sup>.

Смело защищал права общественного управления городской голова Горячев в 1848 г., когда возник очередной бюрократический проект преобразования Оренбурга в «военный» город. В представлении военному губернатору В.А.Обручеву он не без сарказма назвал данный проект «непостижимым для ума нашего». Горячев предупреждал военного губернатора, что в случае осуществления проекта многие купцы и мещане непременно оставят Оренбург и переселятся в города гражданского ведомства<sup>2</sup>.

### **Городское самоуправление во второй половине XIX – начале XX в.**

Д. Брауэр, анализируя вектор исторического развития российского города, подчеркивает, что если до середины XIX в. город в его институциональных формах представлял власть имперского государства, то в конце столетия, несмотря на сохранение контроля со стороны государства, усилилось значение общественных институтов, в частности, городского самоуправления. Д. Брауэр считает теорию Юргена Хабермаса (его концепта «гражданской общественной сферы») применимой для исследования общественной жизни городов в России в позднеимперский период. Вслед за Ю. Хабермасом исследователь акцентирует внимание на доступности общественной сферы для других социальных групп и слоев, помимо буржуазии, и гласности городских общественных дел. Муниципальная общественная сфера была достаточно автономной и обособленной от государственной администрации, считает Д. Брауэр, а городское общественное управление внесло свой огромный вклад в развитие сферы гражданской деятельности в дореволюционной России<sup>3</sup>.

Важным этапом в истории городского самоуправления стало Городовое положение 1870 г. Реформа вводила всесословное избирательное начало, буржуазный имущественный ценз. С этого времени более четко реализовывался принцип разделения городских властей – распорядительной и исполнительной. Провозглашалась самостоятельность городского общественного управления в пределах определенной законом сферы компетенции. Администрации предоставлялось лишь право надзора за законностью действий городского самоуправления<sup>4</sup>.

В прошлом осталось общегородское собрание (сход) как первичный орган городского самоуправления, обладавший широкими распорядительными функциями («общество градское» в своей деятельности могло даже выходить за рамки закона, решая самые разнообразные вопросы внутригородской жизни)<sup>5</sup>. «Реформа 1870-х гг., ликвидировавшая такой институт, как “градское” собрание, которое, подобно крестьянскому сходу, являлось главным – распорядительным органом, – заключает историк Н.А. Миненко, – существенно уменьшила демократизм городского самоуправления (хотя формально к участию в нем теперь допускались не только граждане, но и представители других сословий)»<sup>6</sup>.

Городовое положение 1870 г. вводилось только в официально признанных городах, т.е. в тех населенных пунктах, которые имели официальный статус города. Это положение содержало раздел (из 32 статей) под названием «О городских избирательных собраниях», в котором оговаривалась вся система выборов. Согласно закону, учреждениями городского общественного управления являлись: избирательные собрания, городская дума (распорядительный орган) и городская

<sup>1</sup> Бехтерев Н., Андриевский А., Спасский Н. Краткая летопись событий и законоположений, касающихся Вятской губернии за первое столетие с открытия наместничества. 1780–1880 // Столетие Вятской губернии. 1780–1880. Сб. материалов к истории Вятского края. Т. 1. Вятка, 1880. С. 370–371.

<sup>2</sup> Столпянский П.Н. Город Оренбург. Материалы к истории и топографии города. Оренбург, 1908. С. 241–244.

<sup>3</sup> Brower D. The Russian City between Tradition and Modernity, 1850–1900. Berkeley. Los Angeles. Oxford. 1990. P. 93–95.

<sup>4</sup> ПСЗ-2. Т. XIV. № 48498. С. 823–839.

<sup>5</sup> Миненко Н.А. Черты общественного быта города Шадринска (конец XVIII – начало XX в.) // Уральский город XVIII – начала XX в.: история повседневности. Екатеринбург, 2001. С. 47–92.

<sup>6</sup> Там же. С. 90.

управа (исполнительный орган). Председателем в них являлся городской голова. В небольших уездных и «безуездных» городах, а также в посадах городские управы могли не создаваться – их обязанности в таких случаях возлагались на городских голов. Постановления городских дум об этом должны были утверждаться министром внутренних дел. Городские избирательные собрания предписывалось созывать один раз в четыре года для избрания членов городской думы – гласных. Время созыва определялось самой думой.

Проведение городской реформы 1870 г. предусматривалось, прежде всего, в губернских и областных центрах, в остальных же городах ее предполагалось реализовывать постепенно, с учетом местных условий, по усмотрению министра внутренних дел. Разрешения Министерства внутренних дел на проведение реформы в большинстве уральских штатных городов датировались 1871–1872 гг., лишь некоторые из уездных и заштатных городов получили такие разрешения несколько позже.

По Городовому положению 1870 г. далеко не все горожане приобретали избирательное право. Непосредственно избирать гласных могли только российские подданные не моложе 25 лет. Закон устанавливал также ценз оседлости (2 года в данном городе) и имущественный ценз. Право голоса получали владельцы недвижимой собственности, расположенной в пределах города. Эта собственность подвергалась оценке и облагалась налогом в городскую казну (городским оценочным сбором). Следует отметить, что оценочным сбором облагалась вся расположенная в пределах города недвижимость, за исключением: императорского имущества; казенных зданий, занятых правительственными учреждениями; зданий, в которых располагались различные благотворительные и учебные заведения, а также ученые общества; не приносящая дохода недвижимость, принадлежащая духовным ведомствам (как христианских, так и нехристианских исповеданий); земли, отошедшие под железные дороги; малоценное имущество, освобожденное городской думой от сбора. Размер оценочного сбора с недвижимого имущества определялся городской думой, но он не должен был превышать 10% чистого дохода, получаемого с этого имущества, или 1% его стоимости.

Активное избирательное право предоставлялось также горожанам, содержавшим торгово-промышленные заведения по купеческим свидетельствам, и лицам, которые уплачивали в пользу города определенные торгово-промышленные сборы (со свидетельств: купеческого, промыслового на мелочный торг, приказчиьего 1-го разряда, с билетов на содержание промышленных заведений (перечисленных в ст. 37 Положения о пошлинах за право торговли). Лично участвовать в выборах могли только мужчины. Женщины и лица мужского пола моложе 25 лет имели право участвовать в выборах через доверенных лиц. Избирательным правом наделялись также различные ведомства, учреждения, общества, товарищества, монастыри, церкви, если они владели в городах недвижимым имуществом (с которого поступал сбор в пользу города) или уплачивали в доход города установленные сборы с документов на право торговли и промыслов. Они участвовали в выборах через своих представителей, назначаемых с соблюдением тех условий, что и для частных лиц. Городские жители не могли иметь на выборах более двух голосов: одного за себя, другого по доверенности. В число городских избирателей разрешалось включать людей, и не проживавших в данном городе, но имеющих в нем недвижимую собственность.

Подготовка к выборам начиналась с составления списка избирателей, чем занималась городская управа. В верхней части списка перечислялись самые состоятельные горожане, каждый из которых вносил в городскую казну солидные суммы сбора; за ними шли менее зажиточные избиратели; завершали список горожане, обладавшие необходимым для получения права голоса имущественным минимумом. Соответственно в каждом городе все избиратели делились на три разряда или «избирательных собрания». На каждый из разрядов приходилось  $\frac{1}{3}$  часть общей суммы городских казенных сборов. Естественно, что по числу входящих в них избирателей эти разряды, как правило, сильно различались: в первом разряде их было немного, а третий разряд оказывался наиболее многочисленным. Между тем каждому разряду (избирательному собранию) разрешалось избирать в думу по равному количеству ( $\frac{1}{3}$  от общего состава) гласных. Список избирателей утверждался городской думой.



Согласно ст. 25 Городового положения, в небольших городах избиратели могли делиться вместо трех на два разряда – по ходатайству местной городской думы и с разрешения Министерства внутренних дел. За два месяца до выборов списки избирателей объявлялись «во всеобщее сведение» тем способом, который определяла дума<sup>1</sup>. По закону на собраниях избирателей председательствовать должен был городской голова. В подсчете голосов участвовали представители, назначенные избирательными собраниями, – от двух до шести человек. Голосование было закрытым. Оно осуществлялось посредством баллотировки шарами.

Пассивное избирательное право регламентировалось ст. 35 Городового положения, в соответствии с которой любой избиратель мог быть избран в гласные. Однако число гласных-нехристиан не должно было превышать одну треть общего состава думы. Избиратели могли выбирать гласных как из собственного разряда, так и из числа избирателей других разрядов (ст. 36). В состав кандидатов в гласные мог попасть любой избиратель, если он имел на то собственное желание или предлагался кем-либо из избирателей (ст. 37). Согласно ст. 38, избиратели, получившие на выборах наибольшее число голосов (и притом более половины), становились гласными; между лицами, получившими равное число голосов, выбор решался посредством жребия, порядок которого устанавливался городским головой. Результаты выборов отмечались в особом выборном листе, который, по окончании выборов, зачитывался избирательному собранию.

Собрание считалось действительным, если в нем участвовало число избирателей, превышающее число подлежащих избранию гласных. Повторное собрание могло назначаться лишь по истечении семи дней и должно было приступить к выборам независимо от численности избирателей (ст. 41).

Городская дума избиралась на 4 года. Число гласных зависело от количества избирателей в данном городе. Там, где их было не более 300, в городскую думу полагалось избирать 30 гласных. В тех городах, где это число было выше, на каждые дополнительные 150 человек прибавлялось по 6 гласных, но общее их количество не могло превышать 72 человек.

Городской голова, члены городской управы и городской секретарь (секретарь думы) избирались городской думой. На эти должности могли выдвигаться не только гласные, но и другие лица, имеющие активное избирательное право (лично или по доверенности), кроме духовенства, председателей и членов «судебных мест» (за исключением почетных мировых судей), прокуроров и их товарищей и чиновников казначейств. В городские головы не могли избираться иудеи. Число членов городской управы из нехристиан не должно было превышать одной трети всего ее состава.

Общее количество членов управы определялось городской думой (не менее двух, помимо председателя). Членами городской управы не могли быть одновременно отец и сын, тесть и зять, а также родные братья. Если городской голова не мог временно исполнять своей должности в связи с болезнью или по другим причинам, а также если он оставлял должность в течение последнего года своей службы, то его обязанности возлагались на члена городской управы – «заступающего» место головы, которого также избирала дума. Если городской голова оставлял свою должность за год до истечения положенного по закону срока или ранее, назначались внеочередные выборы городского головы. Новый городской голова должен был исполнять свои обязанности до очередных выборов, т.е. того срока, на который избирался его предшественник.

Городские головы и «заступающие» их должность подлежали утверждению в губернских городах министром внутренних дел, в остальных губернатором. Срок службы городского головы, как и гласных, ограничивался четырьмя годами. Из членов городской управы через каждые два года половина переизбиралась; в первый раз после введения Городового положения вопрос о том, кому из членов управы полагалось покинуть «насиженное» место, должен был решаться жребием. При этом выбывшим членам управы не запрещалось снова претендовать на избрание<sup>2</sup>.

В губернском городе Перми, например, сразу же после введения Городового положения 1870 г. из 22 712 жителей избирательное право получили лишь 622 человека (2,7%), в выборах реально участвовали 168 человек (27% от общего числа избирателей). В 1882 г. из 32 909 жителей Перми к голосованию был допущен 1941 (5,9% от общего количества населения), фактически же в выборах участвовало 113 человек (5,8% от числа избирателей). В 1886 г. при выборах гласных на

<sup>1</sup> ПСЗ-2. Т. XIV. № 48498. С. 826, 835–836.

<sup>2</sup> Там же. С. 826–828, 831–832.

1887–1890 гг. в первый разряд вошло 37 человек, во второй – 204, в третий – 1569 (было избрано 72 гласных). При этом в первый разряд входило 19 представителей (включая наследников и родственников) от купеческого сословия, 8 – от чиновничества, а также 5 почетных граждан, 1 крестьянин, общество пермских дворян и различные другие организации и учреждения в лице своих представителей. Во втором разряде числились: купцов – 57, родственников и наследников купцов – 16, чиновников – 29, родственников и наследников чиновников – 21, почетных граждан и их родственников – 8, мещан – 31, их родственников – 6, крестьян – 5, представителей духовенства – 4, «временных» купцов – 8 (а кроме того, представители обществ и учреждений)<sup>1</sup>.

В Екатеринбурге в составе избирателей первого разряда (выборы 1876 г.) было: 5 потомственных почетных граждан, 32 купца 1-й и 2-й гильдий, 2 коллежских советника и единицы от других социальных групп. В числе избирателей второго разряда числились 5 заводовладельцев, 3 потомственных почетных гражданина, 37 купцов 1-й и 2-й гильдий, 111 купцов без гильдийских свидетельств, 22 мещанина и немногочисленные представители других сословно-профессиональных групп. Третий разряд составляли мелкие домовладельцы, лавочники, владельцы мелких промышленных заведений, некоторая часть крестьян и мастеровых города, имевших собственность или занимавшихся какой-либо торгово-промышленной деятельностью, помимо своей основной работы<sup>2</sup>. Таким образом, имущественный ценз обеспечивал численное преобладание среди избирателей первых двух разрядов наиболее состоятельной торгово-буржуазной верхушки общества.

По закону 1870 г. избиратели могли подавать городскому голове жалобы на возможные нарушения. Он в течение последующих семи дней обязан был сообщить о них губернатору, а тот, в свою очередь, – губернскому по городским и земским делам присутствию. Если жалобы при проверке подтверждались реальными фактами, проводились новые выборы. На страницах газеты «Екатеринбургская неделя» за 9 января 1880 г., например, сообщалось о нарушениях прав избирателей при выборах в екатеринбургскую городскую думу. Указывалось, в частности, на то, что между утверждением думой списка избирателей и самими выборами прошло менее месяца, что противоречило закону. В результате многие избиратели, жившие за пределами Екатеринбурга, просто не успели своевременно получить извещение о дне выборов. Между тем избиратели, опоздавшие к началу выборов, в этом городе, в соответствии с решением местной думы, не допускались к баллотировке. Кстати, Сенат поддержал в данном случае позицию Екатеринбургской думы.

Городовым положением 1870 г. механизм выдвижения кандидатов в гласные особо не оговаривался. В Екатеринбурге сложился обычай составления кандидатского списка. В этот список вносились претенденты, фамилии которых указывались в записках, подаваемых избирателями накануне выборов председателю избирательного собрания. Все, внесенные в этот список, и баллотировались в гласные. После зачитывания на избирательном собрании кандидатского списка выдвижение новых кандидатур не допускалось.

Проведение выборов гласных городских дум оказалось сопряженным с серьезными техническими трудностями. В частности, в силу особенностей демографической ситуации на Урале («по причине малочисленности и однородности состава» городского населения) в большинстве городов выборы производились по двухразрядной системе. Так, в Пермской губернии трехразрядная система оказалась приемлемой лишь для Екатеринбурга и Перми – крупных торгово-промышленных центров, городов с высокой концентрацией населения и, соответственно, довольно значительным количеством городских избирателей.

Как правило, по двум разрядам проводились выборы гласных в Ирбитскую городскую думу. Список лиц, избранных в органы городского самоуправления Ирбита в 1878 г. (на второе четырехлетие) включал 42 гласных, по 21 гласному от каждого разряда. Этому предшествовали безуспешные попытки провести выборы по трем разрядам, в результате чего они затянулись на долгий срок (выборы начались осенью 1876 г., а закончились только в апреле 1878 г.)<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> ГАПК. Ф. 512. Оп. 1. Д. 452. Л. 56 об.

<sup>2</sup> Горловский М.А. Из истории городского управления Екатеринбурга начала 70-х годов XIX века // Вопросы истории Урала. Свердловск. 1958. С. 74–75; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2409. Л. 43 об.–44.

<sup>3</sup> ГАСО. Ф. 644. Оп. 1. Д. 263. Л. 72., 72 об.–73., 818–820, 822 об.

Как и в других городах Урала, в Ирбите число избирателей по списку и тех, кто приходил голосовать, не совпадало. Так, на собрании избирателей по второму разряду для выбора гласных в Ирбитскую городскую думу на второе четырехлетие присутствовали избиратели, имевшие 285 голосов, что составляло менее половины горожан, обладавших активным избирательным правом. Показательно, что далеко не все избиратели смогли подписаться под выборными, что объяснялось их неграмотностью.

Выборы гласных в Ирбитскую городскую думу на третье четырехлетие, состоявшиеся в апреле-мае 1882 г., проходили по трехразрядной системе. По числу избирателей (816), внесенных в список, требовалось избрать 48 гласных, т.е. по 16 гласных от каждого разряда. Эти выборы оказались более удачными по сравнению с предыдущими. В очередной раз жителям Ирбита пришлось голосовать в 1886 г. Из 845 избирателей (уплачивающих в совокупности в доход города 2942 руб. 75 коп.) в первый разряд входили 19 человек, во второй – 70, в третий – 756. В состав городской думы требовалось избрать 48 человек (по 16 от каждого разряда). Особенностью избирательного списка (в основном его первой части) было присутствие в нем значительного числа иногородних лиц. В частности, в составе избирателей первого разряда назывались екатеринбургские купцы братья Злоказовы, московские купцы Морозовы, купцы и наследники купцов из Верхотурья, Елабуги и других городов. Ситуация объяснялась социально-демографической спецификой торгового Ирбита. Представители местного мещанства на этом основании настаивали на проведении выборов по двухразрядной системе (чтобы не допустить излишнего влияния на их исход «иногороднего элемента»), однако губернское начальство их не поддержало.

Не удивительно, что прежняя проблема возникла в Ирбите и при выборах гласных в местную думу на пятое четырехлетие, проходивших в 1890 г. К этому времени численность избирателей увеличилась до 913 человек (выплачивающих в сумме в доход города 2794 руб. 18  $\frac{1}{2}$  коп.). Первый разряд составили 17 человек, второй – 60, третий – 836. Им предстояло избрать 54 гласных – от каждого разряда по 18 человек. Поскольку «перворазрядных» избирателей в городе насчитывалось меньше того количества гласных, которое им следовало избрать, Ирбитская дума вновь выступила с ходатайством о замене трехразрядной системы выборов двухразрядной. Это вызвало недовольство со стороны избирателей, принадлежащих к 1-му разряду. В частности, с протестом против решения думы выступили потомственный дворянин Н.А. Мензелинцев и доверенный купцов братьев Злоказовых А.Н. Григорьев. Но на этот раз губернское по городским делам присутствие заняло сторону «коренных» жителей Ирбита. Ходатайство Ирбитской городской думы поддержало и Министерство внутренних дел. В итоге выборы 1890 г. в Ирбите прошли по двухразрядной системе; в состав думы было выбрано 54 гласных<sup>1</sup>.

Выборы в других городах Урала тоже зачастую проходили по двум разрядам. Например, когда в 1880 г. в Чердыни был составлен список избирателей для проведения выборов на второе четырехлетие, обнаружилось, что в первый разряд попало всего 9 избирателей, из которых трое не проживали постоянно в Чердыни. Между тем каждому из трех разрядов полагалось выбрать по 10 гласных. Естественно, что местной думе пришлось ходатайствовать о делении избирателей Чердыни на два разряда и что это ходатайство не встретило возражений в Министерстве внутренних дел. Выборы состоялись 29 декабря 1881 г. по двухразрядной системе. Подобная ситуация повторялась в Чердыни и в дальнейшем<sup>2</sup>.

В Шадринске в ходе подготовки к выборам гласных на четырехлетие с 1888 г. городской голова от лица местной думы тоже обратился к пермскому губернатору с просьбой ходатайствовать перед министром внутренних дел о разрешении «за малочисленностью избирателей первого разряда, на основании 25 ст. Городового положения, разделить избирателей вместо трех на два разряда». Объяснялось это тем, что каждому из трех разрядов избирателей предстояло выбрать в думу по 24 гласных, между тем в первом разряде насчитывалось всего 17 человек (во втором 96, в третьем 1298). Просьба и в Перми, и в Санкт-Петербурге получила поддержку. В результате гласные Шадринской городской думы на 1888–1892 гг. были избраны по двум разрядам (по 30 от каждого разряда)<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 644. Оп. 1. Д. 264. Л. 1 об.–6 об.; Д. 271. Л. 39; Ф. 658. Оп. 1. Д. 62. Л. 7; Д. 154. Л. 22–22 об., 26 об., 33–35, 74–75; Д. 200. Л. 24 об.–25, 27, 42, 47 об.; Екатеринбургская неделя. 1881. 18 февр. № 7. С. 127.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1212. Л. 212–214 об., 255–255 об., 323.

<sup>3</sup> ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 56. Л. 1–3, 5, 15–16, 17–18; Екатеринбургская неделя. 1880. 5 нояб. № 44. С. 702; 1882. 12 мая № 18. С. 274.

Вообще трехразрядная избирательная система, основанная на денежном принципе, не очень подходила для практической реализации. В этом смысле показательны сведения по Соликамску. Так, в 1880 г. в выборах в местную городскую думу должно было принять участие 238 человек (выплачивающих в совокупности в доход города 1057 руб. 55 коп.): 6 человек первого разряда, 22 – второго и 210 – третьего. Однако городские власти пошли на нарушение закона, включив окончательно в первый разряд 15 избирателей (которые платили в сумме в доход города 567 руб. 55 коп.), во второй – 25 (платили ежегодно 257 руб. 10 коп.) и в третий – 198 (вносивших в городскую казну всего 238 руб. 90 коп.)<sup>1</sup>.

Из-за невозможности сформировать полноценное первое избирательное собрание (соответствующим требованиям отвечало в городе в разные годы от 4 до 7 человек) Верхотурской городской думе тоже приходилось регулярно ходатайствовать о замене трехразрядной системы выборов двухразрядной<sup>2</sup>. Та же ситуация имела место в Камышлове, Осе, Оханске и других небольших уральских городах<sup>3</sup>.

При выборах гласных сказывалась «сословная психология» уральских избирателей. Так, в ходе подготовки выборов в городскую думу Чердыни на второе четырехлетие, состоявшихся 29 декабря 1881 г., избиратели были разделены на два разряда. В первом избирательном собрании тон задавал «торговый класс». Из «чужаков», претендовавших на место в думе, здесь объявились лишь двое мировых судей, из которых один прошел в гласные с большим трудом (с перевесом в его пользу в единственный голос), а другому потребовалась перебаллотировка. Во время выборов, по свидетельству наблюдателя, раздавались голоса, что «не нужно-де нам чужих: они будут нам помехой» («рассуждали наши Колупаевы, Разуваевы, Деруновы»). Некоторые «чердынские барыни» заявляли по поводу мировых судей, что пусть они «не суют носа, куда их не просят; ведь торговые люди не лезут же в мировые судьи». Поддерживали это мнение и некоторые образованные чердынские обыватели<sup>4</sup>.

Подавляющее большинство лиц, получавших избирательное право в губернских городах Урала, принадлежало к плательщикам сборов с недвижимых имуществ. При выборах на третье четырехлетие, например, из 11 городов Пермской губернии в 9 на долю этих плательщиков приходилось от 70,9% (в Шадринске) до 86,8% (в Осе) от общего числа избирателей. Исключение составляли лишь Алапаевск и Далматов, в которых их удельный вес в общем составе избирателей составлял соответственно 54,4% и 42,9%. Что касается плательщиков сборов с торговых документов, то в Алапаевске на их долю приходилось 37,4% избирателей, в Далматове 35%; в остальных же 9 городах Среднего Урала доля этих избирателей составляла от 3,4% избирателей (в Осе) до 13% (в Шадринске). Третья категория – плательщики оценочного сбора с недвижимых имуществ и сборов с торговых документов – составляла от 8,1% избирателей (в Алапаевске) до 20,5% (в Соликамске). Выявленные закономерности действовали и в последующее время<sup>5</sup>.

На долю избирателей первого разряда в 8 из 11 городов Пермской губернии (по данным выборов на третье четырехлетие по закону 1870 г.) приходилось от 2,3% избирателей (в Ирбите) до 8,8% (в Алапаевске), т.е. их доля в общем составе избирателей не превышала 10%, составляя в среднем 4,1% избирателей. Даже в тех городах, где выборы проходили по двум разрядам, на долю избирателей первого разряда приходилось от 4,6% (в Кунгуре) и до 7,3% (в Верхотурье). Исключение составил Далматов. В городах Пермской губернии, где функционировала трехразрядная избирательная система, на долю избирателей второго разряда приходилось от 6,6% (в Ирбите) до 14,2% (в Алапаевске) от общего количества; в среднем эта доля составляла 9,6% от всего числа избирателей. На долю избирателей третьего разряда приходилось от 76,8% (в Алапаевске) до 91% (в Ирбите), в среднем их доля составляла 86,1% избирателей. В тех городах, где действовала двухразрядная избирательная система, избирателей второго разряда насчитывалось от 78,9% (в Далматове) до 92,6% (в Верхотурье) и даже 95,3% (в Кунгуре) от всего количества<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1212. Л. 195–197 об., 215 об., 216, 289–289 об., 290 об., 342–342 об., 344–345.

<sup>2</sup> Там же. Л. 259–259 об., 261, 264 об., 282 об., 338–339.

<sup>3</sup> Там же. Л. 291–292; Екатеринбургская неделя. 1882. 12 мая № 18. С. 274.

<sup>4</sup> Екатеринбургская неделя. 1881. 4 февр. № 5. С. 127.

<sup>5</sup> Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в.: Правительственная политика. 1984. С. 62; РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1947. Ч. 2. Л. 132 об.–182 об.; Д. 2169. Ч. 3. Л. 267, 269–331 об.

<sup>6</sup> РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1947. Ч. 2. Л. 132 об.–182 об.; Д. 2169. Ч. 3. Л. 267, 268–282.



В среднем один гласный в первом разряде приходился на 1,5 избирателя, во втором на 8 и в третьем на 40,4. Следует подчеркнуть, что в более крупных городах эта несоразмерность сравниваемых показателей оказывалась еще заметнее. Так, в Екатеринбурге один гласный в первом разряде приходился на 2,6 избирателя, во втором на 10,1, в третьем на 100,4 избирателя. Примерно таким же оставалось соотношение избирателей по разрядам и при последующих выборах.

Сходные тенденции просматриваются при анализе данных о выборах гласных на следующее четырехлетие. В 14 городах Пермской губернии, по данным на четвертое четырехлетие по закону 1870 г., на долю этих налогоплательщиков приходилось свыше 50% избирателей. При этом их доля в общем составе избирателей колебалась от 57,05% (в Алапаевске) до 89,96% (в Осе), в среднем составляя 76,04% избирателей. По сравнению с предыдущим четырехлетием существенных изменений не произошло. Плательщики сборов с торговых документов составляли от 2,85% избирателей (в Оханске) до 33,33% (в Алапаевске). Заметно, что доля этих избирателей в общем составе горожан, имеющих право голоса, была выше среднестатистических данных (12,26%) в одном уездном городе (в Кунгуре 20,45%) и в двух заштатных городах (в Далматове 21,42% и Алапаевске 33,33%). В этом плане заштатные города представляли собой исключение и по данным на третье по закону 1870 г. четырехлетие. Третья категория плательщиков оценочного сбора с недвижимых имуществ и сборов с торговых документов составляла от 5,36% избирателей (в Осе) до 21,10% (в Кунгуре), в среднем достигала 11,66%<sup>1</sup>.

На долю избирателей первого разряда в 9 из 14 городов Пермской губернии (сведения о выборах гласных на четвертое четырехлетие), где выборы проходили по трем разрядам, приходилось от 1,47% избирателей (в Екатеринбурге) до 7,69% (в Алапаевске), т.е. их доля в общем составе избирателей в среднем составляла 3,34% избирателей. Даже в тех 5 городах, где выборы проходили по двум разрядам, на долю избирателей первого разряда выпадало всего от 3,97% (в Камышлове) и 10,99% (в Чердыне), т.е. в среднем 10,90% избирателей. 9 из 14 городов Пермской губернии, где функционировала трехразрядная избирательная система, на долю избирателей второго разряда приходилось от 6,23% (в Екатеринбурге) до 12,82% (в Алапаевске), в среднем составляя 10,33% избирателей. В тех 5 городах, где действовала двухразрядная избирательная система, на долю избирателей второго разряда приходилось от 76,53% (в Далматове) до 96,02% (в Камышлове), т.е. в среднем 89,08%. В рассматриваемых 9 городах Пермской губернии на долю избирателей третьего разряда приходилось от 84,10% (в Соликамске) до 92,29% (в Екатеринбурге), в среднем их доля составляла 86,27% избирателей<sup>2</sup>.

В среднем один гласный в 1 разряде приходился на 1,61 избирателя, во 2 – на 10,62 и в 3 – на 5078 избирателей. Несоразмерность сравниваемых показателей более заметна в Екатеринбурге, где один гласный в 1 разряде приходился на 2,37 избирателя, во 2 – на 10,04, в 3 – на 148,66 избирателя.

Характерной чертой городских выборов в последней трети XIX в. была низкая явка избирателей. Даже в губернском городе Перми основная масса избирателей уклонялась от участия в выборах думских гласных. Свое право голоса реализовывала немногим более  $\frac{1}{4}$  пермских избирателей.

За период между выборами на первое и четвертое четырехлетия количество избирателей в уральских городах увеличилось. Резкий прирост наблюдался в Перми – в 3,1 раза. Сравнивая активность избирателей при выборах на первое и четвертое четырехлетия, можно увидеть существенное ее снижение в Перми. Процент избирателей, принимавших участие в выборах, уменьшился в Перми в 4,6.

Данные по уездным городам подтверждают вывод о невысокой в целом активности избирателей. Примечательно, что на долю избирателей, реализовавших право голоса на основании выплачиваемого оценочного сбора в доход города (выборы по Пермской губернии на третье четырехлетие), приходилось от 35,2% (в Шадринске) до 80,2% (в Верхотурье), в среднем – 58,5% избирателей. Что касается категории плательщиков сборов с торговых документов, то их удельный вес в общем составе голосовавших колебался от 1,6% (в Красноуфимске) до 43,1% (в Кунгуре), в

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2169. Ч. 3. Л. 267, 269–331 об.

<sup>2</sup> Там же. Л. 267, 268–332.

среднем составляя 15,2%. Плательщики оценочного сбора с недвижимости и сборов с торговых документов в числе голосовавших составляли от 12,3% (в Алапаевске) до 51,7% (в Шадринске), в среднем – 28,7%. Получалось, что доминирующая часть избирателей, реально участвовавших в выборах, также относилась к категории плательщиков оценочного сбора с недвижимого имущества. Этот вывод подтверждается результатами голосования в Пермской губернии при выборах думских гласных на четвертое четырехлетие<sup>1</sup>.

Необходимо также отметить, что среди голосовавших (выборы на третье четырехлетие) в восьми городах Пермской губернии, где функционировала трехразрядная избирательная система, избиратели первого разряда составляли от 3,2% от общего количества (в Красноуфимске) до 20% (в Шадринске). В тех городах, где выборы производились по двухразрядной системе, доля этой категории избирателей среди голосовавших составляла от 15,5 до 35%. Категория избирателей второго разряда в городах с трехразрядной системой выборов составляла от 10,2% от общего числа голосовавших (в Соликамске) до 28,9% (в Екатеринбурге). Что касается категории избирателей третьего разряда, то они составляли от 52,9% (в Шадринске) до 86,4% (в Красноуфимске) принявших участие в выборах. Ситуация мало изменилась в этом отношении при следующих выборах<sup>2</sup>.

Данные о результатах явки на выборы избирателей в Пермской губернии свидетельствуют о равнодушном отношении к выборам значительной части избирателей. Большинство их не использовали свое законное право. Данную ситуацию можно объяснить рядом причин, в частности недовольством избирателей существовавшими порядками, низким уровнем политической культуры городского населения в целом, трудностями технического характера при проведении выборов. Число избирателей, участвовавших в выборах гласных на четвертое четырехлетие в Пермской губернии, колебалось в пределах 5,80% от общего количества горожан, обладавших избирательными правами (минимальное в процентном соотношении число) до 48,97% (максимальное) и в среднем составляло 24% от общего количества избирателей.

При этом наблюдается следующая тенденция: чем больше было в городе жителей, получивших избирательные права, тем меньше в процентном соотношении было количество избирателей, участвовавших в выборах (такая ситуация была в Перми, Екатеринбурге, Шадринске), и наоборот (в частности, результаты выборов в Далматове, Соликамске, Алапаевске). Таким образом, реально активность на выборах проявляла небольшая по численности категория более состоятельных горожан. Подобная же ситуация наблюдалась в дальнейшем. До реформы Александра III в Кунгуре в 1892 г. в выборах гласных могли участвовать 1163 избирателя, что составляло 8,5% от общего числа горожан – 12 488 человек. При этом к 1-му разряду относился 21 избиратель, ко 2-му – 136, к 3-му – 1006. Пришли выполнить свой гражданский долг 11 избирателей 1-го разряда, 32 – второго и 83 – третьего (всего 126 – 10,8% от общего числа избирателей)<sup>3</sup>.

Сравнивая данные о степени активности двух категорий избирателей в Пермской губернии, можно видеть, что в среднем избиратели по сбору с торговых документов проявляли несколько большую активность, чем избиратели по оценочному сбору с недвижимости. В некоторых городах эта активность избирателей по сбору с торговых документов была значительно выше (в Екатеринбурге, Оханске, Ирбите). В отдельных же городах более высокую степень активности проявили избиратели по оценочному сбору с недвижимых имуществ (в Кунгуре, Чердыне, Далматове и Алапаевске).

В Пермской губернии в рассматриваемое время (выборы гласных на четвертое четырехлетие по закону 1870 г.) на долю избирателей, получивших право голоса на основании выплачиваемого оценочного сбора в доход города и реально участвовавших в выборах, приходилось от 18,85% (в Екатеринбурге) до 76,36% (в Оханске), в среднем – 55,78% избирателей. Что касается категории плательщиков сборов с торговых документов, то их удельный вес в общем составе городских избирателей колебался от 3,7% (в Чердыне) до 26% (в Алапаевске), в среднем составлял 12,57%.

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 1947. Ч. 2. Л. 132 об.–183; Д. 2169. Ч. 3. Л. 268–282.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Кунгур // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. 17. С. 22; ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 65. Л. 58 об.–59.

Плательщики оценочного сбора с недвижимости и сборов с торговых документов составляли от 14,68% (в Красноуфимске) до 53,65% (в Шадринске), в среднем – 29,27%<sup>1</sup>.

Что касается распределения избирателей, реально участвовавших в выборах по разрядам, то можно видеть, что избиратели первого разряда в 9 городах Пермской губернии (выборы на четвертое четырехлетие по закону 1870 г.), где функционировала трехразрядная избирательная система, составляли от 6,03% (в Ирбите) до 23% (в Перми) избирателей, в среднем – 13,45%. В других пяти городах Пермской губернии, где действовала двухразрядная избирательная система, эта категория избирателей колебалась от 12,74% (в Камышлове) до 35,41% (в Далматове), в среднем составляла 20,44%. Категория избирателей второго разряда в тех же девяти городах Пермской губернии составляла от 14% избирателей (в Алапаевске) до 37,16% (в Перми), в среднем – 17,26%, в других пяти городах – от 64,58% (в Далматове) до 87,25% (в Камышлове), в среднем – 79,54%. Что касается категории избирателей третьего разряда, то они составляли от 39,82% (в Перми) до 76,92% (в Красноуфимске), в среднем – 64,09%. В среднем один гласный в 1 разряде приходился на 0,97 избирателя, участвовавшего в выборах, во 2 – на 3,50 и в 3 – на 6,64. Принципиальной разницы при анализе данных за третье и четвертое четырехлетия по Городовому положению 1870 г. не наблюдается<sup>2</sup>.

Важно рассмотреть процесс выборов членов городской управы. Например, Екатеринбургская городская дума была сформирована в 1872 г. Через два года после введения в Екатеринбурге Городового положения 16 июня 1870 г., на заседании городской думы 5 марта 1874 г., решался вопрос об изменении состава управы (на основании ст. 94 и примечания к ней), т.е. половина членов городской управы должна была выбыть по жребию. Городская управа состояла из трех членов. В результате после долгих дискуссий членам управы С.И. Свешникову и М.И. Беренову было предложено вынуть жребий. Билет с надписью «выбывает» взял Беренов. После этого были избраны новые члены городской управы: временный купец Я.Е. Ключин (17 избирательных и 12 неизбирательных голосов), чиновник Д.Н. Трубинов (18 избирательных и 11 неизбирательных). Затем были выбраны кандидаты на должности членов управы: купец М.И. Беренов, мещанин А.П. Ушаков, купец Ф.Т. Сырейщиков<sup>3</sup>.

В целом ситуация с выборами в городах Урала после реформы 1870 г. напоминала аналогичные процессы, происходившие в других российских городах: избиратели здесь также составляли небольшой процент от общего числа горожан, для городов Урала было характерно и такое явление как абсентеизм.

В результате реформы, которая на общих основаниях проводилась и в заштатных городах, эти города в определенной степени повысили свой статус. До городской реформы 1870 г. контроль за городскими старостами заштатных городов осуществлялся городскими думами уездных городов, в уездах которых эти заштатные города были расположены. Отныне они (Алапаевск и Далматов) контролировались губернским начальством.

Городовое положение, утвержденное императором 11 июня 1892 г., стало очередным этапом в истории российского городского самоуправления. В большинстве городов оно сохраняло существовавшую до этого структуру органов городского самоуправления. В тех городских поселениях, где признавалось невозможным сформировать такие органы городского общественного управления, вводилось упрощенное общественное управление<sup>4</sup>.

Сохранив основные начала предыдущего закона, оно внесло ряд существенных изменений. В частности, Городовое положение 1892 г. значительно изменило избирательную систему. По закону 1870 г. избирательным правом пользовались все владельцы недвижимого имущества, облагаемого сбором в пользу города без указания пределов его стоимости. По Городовому положению 1892 г. вводился высокий имущественный ценз: для столичных городов не менее 3000 руб. (стоимость недвижимого имущества по оценке, определенной для сбора налога в городскую казну), для губернских с населением более 100 тыс. и в Одессе – 1500, для остальных губернских, областных и наиболее значительных уездных – 1000, для прочих – не менее 300 руб. Избирательное право на тех же условиях предоставлялось также правительственным, благотворительным,

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1287. Оп. 38, 162. Д. 2169. Ч. 3. Л. 268–332.

<sup>2</sup> Там же. Л. 268–332.

<sup>3</sup> Протоколы Екатеринбургской городской думы за март месяц 1874 г. Екатеринбург, 1874. С. 48–50.

<sup>4</sup> Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. С. 6.

учебным и научным учреждениям. Помимо владельцев недвижимых имуществ избирательное право получали лица, общества, товарищества и компании, содержащие по свидетельствам в городе торгово-промышленные предприятия: в столицах – 1-й гильдии, в остальных городах – 1-й и 2-й гильдий (ст. 24). Ценз оседлости понизился до одного года, сохранился прежний возрастной ценз. Таким образом, Городовое положение 1892 г. резко повышало имущественный ценз, ограничивая численность избирателей, исключая из их числа мелких торговцев и приказчиков.

Другое важное изменение в избирательной системе было следующим: по ст. 34 для производства выборов в гласные образовывалось одно избирательное собрание; при многочисленности избирателей собрание могло делиться на отдельные участки по местностям города, с предоставлением каждому участку права избрания положенного числа гласных в соответствии с числом избирателей.

Как и по закону 1870 г., гласные избирались на четыре года. Ст. 56 Городового положения 1892 г. регламентировала состав городской думы. В городах, имеющих менее 100 избирателей, в думу должно было избираться 20 гласных. Там, где число избирателей превышало 100 человек, на каждые 50 избирателей прибавлялось дополнительно по 3 гласных. Однако, например, в губернских, областных, в более значительных уездных городах оно не должно было превышать 60, а в остальных 40. Число гласных от нехристиан не должно было превышать одну пятую от общего числа гласных. В тех местностях, где это было невозможно, по постановлению местного по земским и городским или по городским делам присутствия, министром внутренних дел разрешалось не соблюдать это правило.

По Городовому положению 1870 г. число членов управы зависело от думы. Реформа 1892 г. лишала думу этого права, ограничив число членов управы двумя. В соответствии со ст. 90 их число могло быть увеличено по постановлению думы в городах губернских, областных или входящих в состав градоначальств, а также в более значительных уездных городах – до трех, в городах с населением свыше ста тысяч человек – до четырех, в столицах – до шести. В некоторых уездных и «безуездных» городах обязанности управы могли возлагаться, с разрешения министра внутренних дел, единолично на городского голову, с назначением ему, по избранию думы, помощника. В тех городах, где не было должности товарища городского головы или помощника головы, дума избирала одного из членов управы в заступающие место головы. «Для ближайшего заведования» отдельными отраслями хозяйства и управления, по закону, могли назначаться думами особые лица, а в случае необходимости и особые исполнительные комиссии. Те и другие, подчиняясь управе, должны были действовать на основании инструкций городской думы и вступали в исполнение своих обязанностей с разрешения губернатора. Законом устанавливался четырехлетний срок служения городского головы, его товарища (в столицах, Одессе и Риге), помощника головы и членов управы.

В тех городских поселениях, где вводилось упрощенное общественное управление (по ст. 22 Городового положения 1892 г. и приложениями к ней), распорядительным органом являлось собрание городских уполномоченных в составе 12–15 человек. Уполномоченные избирались сходом местных домохозяев под руководством лица, назначенного губернатором, из владельцев недвижимого имущества. Стоимость их недвижимости, определенная для выплаты оценочного сбора, должна была составлять не менее 100 руб. На должности по общественному управлению могли избираться только местные домохозяева. Собрание уполномоченных избирало городского старосту с одним или, в случае признанной губернатором необходимости, двумя помощниками к нему, которые осуществляли исполнительные функции. Срок служения уполномоченных, городского старосты и его помощников был четырехлетним<sup>1</sup>.

Введение Городового положения 11 июня 1892 г. в Пермской губернии было решено осуществить в 1893 г. Хотя «государь император высочайше соизволил на продление срока полномочий нынешнего состава городского общественного управления в тех местностях, где это окажется необходимым» «впредь до введения там новой городской реформы в полном объеме», но в целом по сравнению с предыдущей реформой новое Городовое положение вводилось в более сжатые сроки<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Свод законов Российской империи. СПб., 1892. Т. 2. С. 6–7, 12–13, 21–22, 24, 29, 39–40.

<sup>2</sup> ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 118. Л. 94.



Результаты изменения избирательно закона были очевидными. Сравнение данных о количестве избирателей при выборах на четвертое четырехлетие по Положению 1870 г. и при выборах на первое четырехлетие по новому закону (1892 г.) показывает, что процент избирателей в губернском городе Перми снизился в результате реформы 1892 г. в 5,4 раза<sup>1</sup>.

При выборах на второе четырехлетие (по Городовому положению 1892 г.) в Пермской губернии в среднем к ним оказались допущенными 2,11% горожан (от 0,67% в Алапаевске до 4,06% в Оханске)<sup>2</sup>. По сравнению с числом жителей Екатеринбурга, имеющих право участвовать в выборах гласных на второе четырехлетие по Городовому положению 1870 г., которые проходили в 1876 г. (3005 человек), численность избирателей по Городовому положению 1892 г. сократилась примерно в 11 раз.

На городское избирательное собрание Екатеринбурга для баллотировки в гласные Екатеринбургской городской думы и кандидатов к ним на первое по Городовому положению 11 июня 1892 г. четырехлетие (1894–1898) 2 мая 1894 г. прибыло 167 избирателей, имеющих право на 177 голосов (собственный голос и по доверенности), т.е. численность избирателей, реально участвовавших в выборах, была еще меньше, чем формальное число лиц по избирательному списку на 28 гласных. Сократив состав городских дум, реформаторы надеялись за счет других мер повысить эффективность их работы.

О недовольстве новым Городовым положением 1892 г. свидетельствуют «объявления» представителей екатеринбургского купечества (М.П. Брагина и А.С. Клюквина), поданные в Екатеринбургскую городскую управу, которые отказывались от баллотировки в гласные по новому Городовому положению<sup>3</sup>.

Не менее значительными были изменения, которые внесло Городовое положение 1892 г. в избирательную систему более мелких городов Урала. Список избирателей гласных в Соликамскую городскую думу на четырехлетие с 1898 г. включал всего 93 человека (из этого числа 87 человек получили избирательное право, владея в городе недвижимым имуществом, а 6 человек содержали торгово-промышленные предприятия и относились ко второй гильдии). Было решено назначить одно избирательное собрание, «что же касается порядка распубликования списка выборщиков, постановлено отпечатать таковой отдельной брошюрой и разослать каждому выборщику, а по истечении установленного срока для исправления списков припечатать в местных губернских ведомостях, о чем и ходатайствовать пред господином начальником губернии». Время созыва избирательного собрания было назначено на 3 июля 1898 г.<sup>4</sup>.

Количество избирателей в городах Пермской губернии (выборы гласных на четырехлетие с 1898 г. – второе четырехлетие по закону 1892 г.) составляло от 0,67% горожан (в Алапаевске) до 4,06% (в Оханске), в среднем – 2,11% горожан. Количество избирателей в городах Пермской губернии (выборы гласных на четырехлетие с 1902 г. – третье по закону 1892 г.) составляло от 0,74% горожан (в Алапаевске) до 8,15% (в Далматове), в среднем – 2,56% горожан. Во всех без исключения городах Пермской губернии численность избирателей во время выборов гласных на третье четырехлетие была выше, чем при выборах гласных на второе четырехлетие. Вместе с тем следует отметить, что это увеличение было не столь существенным (за исключением Екатеринбурга)<sup>5</sup>. В начале XX в. доля избирателей в составе городского населения губернии выросла в среднем до 2,56%<sup>6</sup>. Однако можно видеть, что по-прежнему правом голоса обладало ничтожное меньшинство горожан.

Анализируя данные о количестве избирателей в уральских городах до реформы 1892 г. (сведения на четвертое четырехлетие по закону 1870 г.) и ситуацию после нее (сведения на второе и третье четырехлетия), можно сделать вывод, что изменение избирательного права вызвало значительное сокращение контингента избирателей. Более сильным оказалось сокращение в

<sup>1</sup> Нардова В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX века. СПб., 1994. С. 21.; Городское самоуправление в Вятской губернии в последней трети XIX в. // Европейский Север в культурно-историческом процессе: Материалы межд. конф. Киров., 1999. С. 179–181.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2169. Ч. 3. Л. 268–332; Д. 3626. Л. 28–446 об.

<sup>3</sup> ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 118. Л. 129–130, 611.

<sup>4</sup> ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 75. Л. 2–14, 16 об.

<sup>5</sup> РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2169. Ч. 3. Л. 268–332; Д. 3626. Л. 28–446 об.

<sup>6</sup> Там же. Л. 268–332; Д. 3626. Л. 28–446 об.

тех городах, где количество избирателей до реформы 1892 г. было значительно по сравнению с другими городами (например, в таких городах Среднего Урала, как Пермь, Екатеринбург, Шадринск). По сравнению с четвертым четырехлетием по закону 1870 г. численность избирателей на второе по Городовому положению 1892 г. четырехлетие в городах Пермской губернии в среднем сократилась в 4,2 раза, а на третье по закону 1892 г. – в 3,34 раза. Это связано с тем, что число избирателей для выбора гласных на третье четырехлетие по сравнению с предыдущим несколько увеличилось<sup>1</sup>.

И все же организация городских выборов была далеко несовершенной. Выборы по-прежнему сопровождались техническими трудностями. По свидетельству избирателей, имевших опыт участия в выборах, в Екатеринбургской городской управе «не имелось достаточного количества избирательных ящиков, вследствие чего избиратели совершенно непроизводительно тратили время в ожидании своих очередей», такое ожидание утомляло избирателей, и многие уходили с избирательного собрания, так и не проголосовав. У екатеринбуржцев возникала мысль о замене практиковавшегося тогда порядка голосования шарами другим способом – «посредством записок». Так, гласный Н.И. Козлов отстаивал именно последний способ голосования. Он находил его более удобным для избирателей, так как полагал, что тогда голосование займет гораздо меньше времени – «каждый избиратель может дома наметить кандидатов и лишь явится на 5–15 мин. времени в управу опустить записку с намеченными кандидатами в урну». Он отмечал, что «при выборах же шарами пробыть избирателю безвыходно 10–18 часов слишком утомительно, поэтому не все избиратели могут уделить время для этого, в особенности торговый класс и служащие». Первоначально этого мнения придерживался и городской голова, но затем «ввиду помещения в газетах известий о том, что решение Кунгурской городской думы о способе избрания гласных посредством записок было губернским присутствием отменено и будучи наслышан о злоупотреблениях», которые произошли во время выборов «посредством записок» в Одессе, он изменил свое мнение. Его поддержал Н.Ф. Магницкий, который полагал, что «там, где является масса баллотироваться, подача записок необходима, а где возможно обойтись без них, там лучший и более справедливый способ баллотироваться шарами». Городская дума единогласно постановила провести выборы на четырехлетие с 1914 г. традиционным способом – шарами. Выборы состоялись 5 марта 1914 г. Из 1203 потенциальных избирателей на выборы пришли только 404 человека (чуть менее 1/3). Выборы действительно затянулись до 1 час. 30 мин. ночи<sup>2</sup>. В начале XX в. механизм городских выборов во многом оставался традиционным.

Таким образом, в результате реформы 1892 г. на Урале наблюдалось резкое сокращение количества избирателей, а также членов городских дум и управ. Положительное значение имело, однако, упразднение Городовым положением 1892 г. трехразрядной избирательной системы, так как создание одного избирательного собрания вместо деления избирателей на разряды значительно облегчало проведение выборов. Несмотря на некоторые недочеты в законодательстве, определенные ограничения в избирательном праве, значительный контроль со стороны государственной администрации, в результате участия в городских выборах формировалась активная гражданская культура той части городского населения, которая обладала правом голоса и реализовывала это право.

Городовое положение Александра II провозглашало самостоятельный характер деятельности городского общественного управления, одновременно оставляя за правительственными властями право наблюдения и контроля. К сфере компетенции органов городского самоуправления, согласно Городовым положениям 1870 и 1892 гг., относились различные вопросы: распоряжение городскими сборами и повинностями, капиталами и имуществом, забота о народном продовольствии, благоустройстве городов, их санитарном состоянии, благотворительность, охрана народного здоровья, развитие народного образования и культуры, содействие местной торговле и промышленности, попечение об устройстве православных храмов, а также учреждений, «имеющих целью укрепление религиозного чувства и поднятие нравственности» горожан.

Дума должна была заниматься кадровыми вопросами, обсуждением и принятием решений по финансовым и хозяйственным вопросам, включая утверждение городского бюджета. Она кон-

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1287. Оп. 38. Д. 2169. Л. 268–332; Д. 3626. Л. 28–446 об.

<sup>2</sup> ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 436. Л. 84–85, 93–94 об., 141–150 об.

тролировала и направляла деятельность городской управы, снабжала ее инструкциями, имела право издания обязательных постановлений для горожан, связанных с городским благоустройством.

Городская управа на основе Городового положения, в соответствии с правилами и указаниями городской думы, разрабатывала конкретные меры по улучшению городского хозяйства, выполняла постановления думы, составляла городской бюджет, взимала и расходовала городские сборы, предоставляя думе отчеты о своей деятельности.

Сфера компетенции городского головы, осуществлявшего руководящие функции, была довольно широкой и в думе, и в управе. Заседания городских дум по закону 1870 г. могли назначаться по усмотрению городского головы, по требованию губернатора или по желанию не менее одной пятой части гласных, о котором сообщалось городскому голове. Решения думы признавались «законными» (за исключением некоторых случаев, когда обсуждались особо важные вопросы) при условии присутствия на заседании не менее одной трети гласных. По Городовому положению 1870 г. для решения некоторых вопросов (например, о приобретении в пользу города недвижимых имуществ или об их отчуждении, о займах или об устранении должностных лиц городского общественного управления от должности и о предании их суду) требовалось присутствие не менее половины всего числа гласных и принятие решения большинством не менее двух третей наличных голосов.

Городской голова отдавал распоряжение о созыве городской думы, составлял повестку ее заседания. Он также уведомлял губернатора о времени и программе заседания думы. В основном дела в думе решались простым большинством голосов, при равенстве голосов голос председателя являлся решающим.

Городская дума в своей инструкции определяла порядок работы городской управы, указывая в ней дела, требующие коллегиального обсуждения управы или единоличного распоряжения городского головы или членов управы. Распределение дел между членами управы зависело от самой управы. Дела, предназначенные коллегиальному обсуждению городской управы, решались большинством голосом. Кроме того, «в случаях чрезвычайных и не терпящих отлагательства», городской голова имел право принимать единоличные решения по отдельным вопросам, которые подлежали коллегиальному обсуждению городской управы, информируя затем управу о своих решениях. Все связи городского общественного управления с губернским начальством осуществлялись через городского голову.

В городовом положении 1870 г. говорилось, что городское общественное управление «в пределах предоставленной ему власти действует самостоятельно». Губернатору предоставлялось право надзора за законностью его действий. Вместе с тем многие стороны этой деятельности (в том числе составление и утверждение городского бюджета, его выполнение) регламентировались законом.

Согласно ст. 141 Городового положения 1870 г., в сроки, определяемые городской думой, городская управа должна была ежегодно составлять смету («ропись») доходов и расходов на предстоящий год. Затем смета рассматривалась и утверждалась думой, после чего (в течение двух недель) ее нужно было передать для ознакомления губернатору. По Городовому положению (ст. 143) он наблюдал за законностью предполагаемых бюджетом сборов, а также за тем, чтобы назначались суммы «на удовлетворение потребностей, законом обязательно на городские средства отнесенных».

В соответствии с бюджетом городская управа проводила сборы и расходовала средства из городской казны. Городская дума утверждала «формы» – порядок отчетности по всем денежным суммам. По Городовому положению 1870 г. городская управа должна была ежегодно предоставлять отчеты о движении городских сумм к определенному думой сроку. Эти отчеты проверялись и окончательно утверждались думой, а затем уже «препровождались для сведения губернатору»<sup>1</sup>.

Еще более детально все вопросы, связанные с городским бюджетом, оговаривались в Городовом положении 1892 г. Например, отмечалось, что «каждое сметное назначение должно быть подкреплено необходимыми, точно указанными, со ссылкой на документы, объяснительными

<sup>1</sup> ПСЗ-2. Т. XIV. № 48498. С. 823–824, 828–831, 833, 838; Свод законов Российской империи. Т. 2. С. 1–2.

данными и расчетами». Как и в законе 1870 г., в новом Положении определялись права губернатора. Губернатор или разрешал «приведение смет и раскладок в действие, или, по встреченным относительно законности и правильности их сомнениям, предлагал свои замечания на рассмотрение местного по земским и городским делам присутствия». Этот особый орган мог вносить обоснованные исправления в смету (на основе закона).

По закону 1892 г. «действие сметы начиналось с 1 января каждого года, продолжалось до 31 декабря того же года включительно». Принадлежащие городу денежные документы и наличные суммы могли храниться в кассе управы, в казначействе, государственном банке, его отделениях и конторах или в городском общественном банке. Годовой отчет о действительном исполнении смет должен был составляться управой и вноситься не позднее 1 июня в ревизионную комиссию и не позднее 1 сентября в думу с заключением комиссии. После рассмотрения его думой отчет передавался губернатору и министру внутренних дел. Таким образом, Городовое положение 1892 г., по сравнению с законом 1870 г., в целом ужесточило регламентацию деятельности городского общественного управления, усилило контроль правительственной администрации над ней (в том числе и в отношении городского бюджета).

Согласно Городовому положению 1892 г., городские головы и члены управы считались людьми, «состоящими на государственной службе». Кроме того, с этого времени губернатор имел право не только утверждения избранных городских голов и членов городского самоуправления, но и их назначения. Сфера компетенции органов городского управления в целом оставалась прежней, изменилась лишь форма контроля над ними. Губернатору предоставлялось право надзора не только «за законностью», но и за «правильностью» действий городского управления (ст. 11 Городового положения).

В тех городах, где вводилось упрощенное общественное управление, во главе со старостой (с одним или двумя помощниками) функционировало собрание уполномоченных, для законности приговора которого требовалось присутствие не менее двух третей его членов и принятие решения большинством голосов присутствующих. Староста исполнял постановления собрания уполномоченных. Он составлял городской бюджет, денежные отчеты, вел инвентарь городского имущества<sup>1</sup>.

Лица избранные городскими головами, гласными думы, членами городской управы и на другие должности по городскому общественному управлению, а в тех городах, где вводилось упрощенное общественное управление, — уполномоченные должны были перед вступлением в должность принести, «каждый по своей вере», присягу о добросовестном исполнении принимаемых ими на себя обязанностей. Если вера кого-либо из избранных лиц не допускала присяги, то они должны были давать в этой связи подписки.

Надо отметить, что реформированная городская власть (после 1870 г.) более умело подходила к составлению городских бюджетов, чем ее предшественники. Так, действовавшая еще на основе прежних законоположений Екатеринбургская городская дума сделала на 1872 г. смету доходов и расходов с дефицитом в 8507 руб. (доходов предполагалось получить в размере 41 588 руб., а расходов было запланировано на 50 096 руб.). Одним из первых важных мероприятий новой думы стал пересмотр бюджета на 1872 г. И доходы, и расходы города теперь были определены в 60 794 руб. По словам одного из современников, «смета эта возбудила немало толков и предсказаний о несбыточности исчисленных сборов и неизбежности недоборов». Однако предсказания скептиков не оправдались — годовой доход Екатеринбурга в 1872 г. составил 80 606 руб., а расход 73 405 руб. Первый финансовый успех нового городского самоуправления был закреплен в последующие годы. В 1873 г. в бюджет Екатеринбурга поступило 90 394 руб., израсходовано было 89 943 руб. За два пореформенных года, таким образом, доходы и расходы города увеличились на 51%. В отчетном докладе городского головы Екатеринбурга (1873 г.) говорилось: «Положительно можно утверждать, что в России находится малое число городов, финансовые средства которых, с введением нового Городового положения, оказались бы в столь благоприятном положении». Увеличение городской казны голова объяснял «благоприятными экономическими условиями, правильными поступлениями, правильным счетоводством и отчетностью», появлением новых

<sup>1</sup> Свод законов Российской империи. Т. 2. С. 27–29, 43–45.



источников доходов (в частности, за счет налога с «заведений для продажи и выделки напитков» и оценочного сбора)<sup>1</sup>.

Финансовыми успехами могли похвастаться и другие уральские города. Например, доходы Перми в 1870 г. составили 39 414 руб., в 1871 г. – уже 72 271 руб., а в 1872 г. – 84 027 руб. (за два года рост в два раза). В 1875 г. доходы Перми достигли 90 304 руб. В Камышлове в 1871 г. было получено 6478 руб. доходов, а в 1874 г. уже 18 169 руб. (увеличение в три раза). Доходы Кунгура в 1871 г. равнялись 11 516 руб., в 1872 г. – 28 014 руб., в 1873 г. – 38 620 руб., в 1874 г. – 47 339 руб. В бюджет торгового города Ирбита в 1871 г. поступило 27 466 руб., а в 1874 г. – уже 50 394 руб. Заметно выросли за рассматриваемое время и доходы Красноуфимска – с 4533 руб. в 1871 г. до 8946 руб. в 1875 г. В Верхотурье в 1870 г. доходы составили 3867 руб., а в 1875 г. – 7855 руб. Доходы Осы за это же время выросли с 5966 руб. до 10 296 руб., Соликамска – с 6051 руб. до 9877 руб., Далматова – с 3272 руб. до 6987 руб. Соответственно увеличивались и городские расходы<sup>2</sup>. Справедливости ради надо отметить, что темпы роста городских доходов и расходов наибольшими были как раз в 1870-е годы (в Пермской губернии в 2–5 раз). В дальнейшем городским властям нередко приходилось сталкиваться с дефицитом бюджета, прибегать к займам.

Финансовая деятельность городского самоуправления на Урале в последней трети XIX – начале XX в. во многом определялась успехами в развитии городских общественных банков, которые представляли собой одну из форм муниципальной собственности. Они существовали с начала XIX в. Однако расцвет кредитных учреждений этого типа в дореволюционной России (и в частности на Урале) пришелся на вторую половину XIX – начало XX в. (в период реализации Положений о городских общественных банках 1862, 1883, 1912 гг.).

Одним из первых в России городских общественных банков стал городской общественный банк в г. Слободском Вятской губернии, учрежденный в 1809 г., хотя действовать он начал только в 1811 г. (при основном капитале в 8000 руб.). Первоначальный капитал был пожертвован купцом Анфиловым.

Вторым по времени открытия на Урале стал банк в Верхотурье (1837 г.), а следующим – Ирбитский городской общественный банк (1849 г.). Вскоре после выхода первого Положения о городских общественных банках начал свою работу Соликамский Черкасова банк. Однако широкое распространение на Урале эти финансовые институты получают только после выхода Положения о них 6 февраля 1862 г.<sup>3</sup>.

В 1882 г. на Урале действовало уже 23 городских общественных банка. 13 из них были созданы сразу после издания Положения 1862 г. В 70-х годах XIX в. действительно открылись 4 городских банка и в 80-х еще два.

Согласно законодательству (ст. 1 Положения 6 февраля 1862 г., ст. 1 Положения 26 апреля 1883 г., ст. 1 Положения 1912 г.), основной капитал городского общественного банка при учреждении его должен был составлять не менее 10 тыс. руб.<sup>4</sup> На практике размеры его колебались от 10 000 руб. (в 8 банках) до 50 000 руб. (в 2 банках). 9 банков имели при открытии от 10 до 15 тыс. руб., 1 – 25 000 руб., еще 2 – по 30 000 руб.

Часто городские общественные банки открывались по инициативе и на средства частных лиц. Например, основателем общественного банка в г. Кунгуре, который начал действовать в 1862 г., стал купец С.О. Фоминых, пожертвовавший для этой цели 23 000 руб. Поэтому за банком закрепилось название: «Общественный Фоминых банк»<sup>5</sup>.

Пермский общественный Марьинский банк открылся 29 сентября 1862 г. на средства купца 1-й гильдии К.Г. Марьина, оставленные городу по завещанию<sup>6</sup>. Благодаря частной инициативе появился городской общественный банк в Вятке. Городской общественный банк в Шадрин-

<sup>1</sup> Протоколы Екатеринбургской городской думы за январь месяц 1874 г. Екатеринбург. 1874. С. 11–13.

<sup>2</sup> Материалы по изучению Пермского края. Пермь. 1905. Вып. 2. С. 80–81, 84–89, 90–91; Вып. 11. Пермь. 1905. С. 94–95, 98–99, 106–109.

<sup>3</sup> Там же. С. 170–185.

<sup>4</sup> Высочайше утвержденное Положение о городских общественных банках // ПСЗ-2. Т. XXXVII. № 37950. 1965. С. 112; Положение о городских общественных банках // Свод законов Российской империи. Устав кредитный. Т. XI. Ч. II. СПб., 1903. С. 219. Положение о городских общественных банках // Свод законов Российской империи. Кн. 4. Т. XI. Ч. I–XII. СПб., С. 886.

<sup>5</sup> Отчет о деятельности Кунгурского городского самоуправления и о состоянии городского хозяйства за 1893 год. Кунгур. 1894. С. 8–9.

<sup>6</sup> Очерк 50-летней деятельности Пермского общественного Марьинского банка. 1863–1913 гг. С. 2–5. Пермь. 1913.

ске назывался именем надворного советника Д.Д. Пономарева, владельца Холуницких чугуноплавильных и железоделательных заводов, уроженца г. Далматова. В оставленном завещании Д.Д. Пономарев просил свою жену создать в заштатном г. Далматове или Шадринске банк, доходы которого, «за исключением расходов и отчислением в приращение капитала по одному проценту, обращать в пособие бедным или в пользу приходского и уездного училища...». На это завещатель оставил 15 тыс. руб. серебром. Вдова А.П. Пономарева исполнила его просьбу, в конце жизни обратившись с соответствующим ходатайством в Пермское губернское правление. В 1863 г. вышел указ губернатора об учреждении в Шадринске общественного банка на деньги, завещанные Д.Д. Пономаревым<sup>1</sup>.

Основой всего городского хозяйства служила муниципальная собственность. Помимо земли, лесных и водных угодий уральские города владели городскими зданиями, торговыми площадями с расположенными на них торговыми помещениями, различными строениями. Городские власти рачительно относились к этой собственности, следя, например, за тем, чтобы развитие местной промышленности и торговой сферы не вело к загрязнению городского пространства. Вместе с тем забота о поступательном экономическом развитии городов входила в круг деятельности этих властей. Органы городского общественного управления выдавали документы на право производства торговли и промыслов, строительство новых фабрик и заводов. Особое внимание городское самоуправление уделяло ярмаркам, в частности таким знаменитым, как Ирбитская или Шадринская. Городские думы имели право избирать членов ярмарочных комитетов и торговых deputаций. Они следили за ходом операций на ярмарках, содействовали развитию их инфраструктуры, добивались от вышестоящего начальства более благоприятного режима их работы (например, переноса сроков проведения), боролись с конкурентами в лице сельских ярмарок и торжков и пр.<sup>2</sup>.

Регулируя городскую торговлю, органы самоуправления добивались того, чтобы горожане всегда могли приобрести для себя самые необходимые товары, в первую очередь продовольствие. В кризисные годы производилась даже организованная закупка продуктов питания.

Важным направлением деятельности органов городской выборной власти являлось благоустройство городов: поддержание чистоты на городских площадях, улицах, бульварах, устройство общественных садов, городских аллей, дренажных систем, развитие уличного освещения, забота о городских водных источниках, строительство пристаней, переправ, памятников и пр.

Распространение инноваций в городской среде являлось важным двигателем социально-экономических и социокультурных изменений в ходе российской урбанизации конца XIX – начала XX в. Наряду с другими акторами прогресса распространению инноваций в городах значительно способствовали органы городского общественного управления. Важно проанализировать деятельность городского общественного управления, направленную на улучшение городского благоустройства и усовершенствования быта горожан путем внедрения технических инноваций; реконструировать процесс приобщения горожан к достижениям научно-технического прогресса и формирование урбанизированного образа жителей российской периферии, что сопровождалось изменением общественного сознания. Города обзаводились электростанциями и водопроводами, горожане привыкали к новым средствам коммуникации. Распространение многочисленных инноваций городскими органами власти в глубокой провинции являлось закономерным явлением, обусловленным российской урбанизацией. Представляется важным акцентировать исследовательское внимание на инновационной деятельности органов городского общественного управления глубоко периферийных (в частности, восточных) регионов России, что можно сделать на материалах Урала в период урбанизации конца XIX – начала XX в.

Прогресс и новации в уральских городах отмечали сами современники. Если на поэта П.А. Вяземского, побывавшего на Урале в начале XIX в., Пермь и другие города Прикамья произвели жалкое впечатление, то другой очевидец, спустя три четверти столетия, писал: «Города Чистополь, Елабуга, Сарапул и Пермь стоят в иных уже условиях. Везде... заметна забота об удобствах

<sup>1</sup> Из книги Жирнова О.М. «Вятский городской общественный Федора Веретенникова банк» // Купечество вятское: Исторический сборник. Киров. 1999. С. 160–171; Миненко Н.А., Федоров С.В. Город на Исети: Страницы шадринской летописи. Шадринск. 1997. С. 88.

<sup>2</sup> Миненко Н.А., Федоров С.В. Указ. соч. С. 68–72, 148–150.

и приспособлениях к лучшей обстановке жизни. Если бы Вяземский был жив и проехал теперь на одном из блестящих пароходов, принадлежащих прикамским же жителям, он, наверное, не узнал бы прежнего... прикамского края и, вероятно, вместо сожаления об убожестве этого края, воспел бы ему хвалебную песнь...»<sup>1</sup>.

В ходе урбанизации постепенно менялся облик уральских городов. Например, писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк, автор очерка «Старая Пермь», впервые опубликованного в 1889 г., вполне благосклонно отзывался о губернском городе: «Впрочем, в последнее время Пермь совсем преобразилась: мощные улицы и целые кварталы прекрасных домов производят даже известный эффект»<sup>2</sup>. Накануне Первой мировой войны активно шло городское благоустройство в г. Осе (Пермской губернии). О работе городского общественного управления Осы в 1913 г. говорилось: «В видах предпринятых городом построек с нынешнего года приглашен на службу инженер, работающий в земстве, строится четырехкомплектная школа, каменная в два этажа, это первая, и такого же типа будет построено в разных районах еще три. Вообще сейчас на городское строительство обращено внимание и все строится не вычурно, но довольно красиво»<sup>3</sup>.

Показательно, что в сознании горожан прогресс ассоциировался с европейским влиянием. Автор публикации «Мечты и действительность сарапульцев» (с подзаголовком «Европейские мечты наших отцов и азиатская действительность города»), опубликованной в «Приложении к Вятским губернским ведомостям» 6 июля 1899 г., писал, что городская дума Сарапула «не спит и бредит, чтобы сделать Сарапул настоящим европейским городом. У нас начинают мостить... третью улицу; в скором времени будет телефон, и мы будем разговаривать друг с другом и отдавать приказания подчиненным утром и после обеда, не вставая с постели; наконец, лет двадцать спустя, мы будем гулять в «городском Пушкинском сквере»<sup>4</sup>. В словах современника сквозила нескрываемая ирония, слишком далека была азиатская действительность от европейских идеалов.

Тем не менее, и в Сарапуле, и в других городах Урала велась заметная работа по их благоустройству. Лучше других преуспели в этом губернские города. В конце XIX – начале XX в. заметно активизировалась в них работа по мощению улиц и площадей. Еще в 1873 г. в Перми было произведено шоссирование всей Сибирской улицы на пространстве 580 саж., от улицы Торговой до Ямской. На Сибирской улице размещались все правительственно-административные, и общественно-хозяйственные учреждения города. Тогда же началось мощение Торговой улицы. Вскоре шоссирована была также частично Красноуфимская улица. По мнению М.И. Черныша, «такое усиленное благоустройство Торговой и Красноуфимской улиц – основных торговых артерий города – было обусловлено, прежде всего, интересами купцов и промышленников»<sup>5</sup>. Работа по благоустройству улиц Перми продолжалась и в 1880–1890-е гг. Лучшее в итоге оказался благоустроенным центр. Объем работы, производимой в отдельные годы, был неодинаков, что во многом зависело от возможностей городского бюджета. Например, в 1898 г. произвели замощение 5714 кв. саж., в 1899 – 8570, в 1900 – 9622, в 1901 – 11367<sup>6</sup>, в 1902 – 8751 кв. саж.<sup>7</sup> К сооружению тротуаров и благоустройству участков улиц, примыкающих к частным усадьбам, привлекались домовладельцы. В июльском номере «Екатеринбургской недели» за 1881 г. рассказывалось о том, что еще в конце 1870-х гг. некоторые «домовладельцы-капиталисты города Перми стали заменять деревянные тротуары у своих домов, по улицам, панелями, выстланными пластовым камнем – сланцем». Таких каменных «панелей» в городе появилось немало. Другие домовладельцы вместо «пластового камня» употребляли в подобных случаях песок»<sup>8</sup>.

Энергично в последние десятилетия XIX в. приводился в порядок и Екатеринбург. В 1880-е гг.

<sup>1</sup> Смышляев Д. Сборник статей о Пермской губернии. Пермь, 1891. С. 133–135, 157; Кудрявцев В. Старина, памятники, предания и легенды Прикамского края // Памятная книжка и календарь Вятской губернии на 1899 год. Вятка, 1898. С. 186.

<sup>2</sup> Мамин-Сибиряк Д.Н. Старая Пермь: Путевые очерки. Чердынь, 1994. С. 10.

<sup>3</sup> ГАПК. Ф. 88. Оп. 1. Д. 28. Л. 3–3 об.

<sup>4</sup> Приложение к «Вятским губ. ведомостям». 1899. 6 июля. № 78. С. 3.

<sup>5</sup> Черныш М.И. Проведение городской реформы 1870 г. в Перми. Классовая сущность новых органов городского управления (К истории г. Перми 1870–1881 гг.) // Ученые зап. Пермского гос. ун-та. Пермь, 1961. Т. 17. Вып. 4. Исторические науки. С. 181–183.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Отчет о деятельности Пермской городской управы за 1902 год. Б.м., б.г. С. 5.

<sup>8</sup> Екатеринбургская неделя. 1881. 8 июля. № 26. С. 312.

были приведены в приличный вид Верхотурская, Колобовская, Фетисовская улицы. Многие в сфере городского благоустройства было сделано по инициативе городского головы И.И. Симанова: устроены мостовые, сооружен на Александровском проспекте прекрасный каменный Царский мост через реку Исеть, служивший, по словам очевидцев, украшением города. К 1898 г. протяженность городских улиц в Екатеринбурге составляла около 100 верст, из них пятая часть была замощена. В названном году по распоряжению управы было дополнительно замощено 705 кв. саж., перемощено 1831 кв. саж. Тогда же был произведен ремонт сплавного моста, отремонтирована плотинка на р. Исети. В 1901 г. в Екатеринбурге вымостили за счёт города ещё 2363 кв. саж. и отремонтировали старые мостовые на 648 кв. саж. Был перестроен Кривцовский мост, произведены другие ремонтные работы<sup>1</sup>.

В Уфе технология мощения городских улиц неоднократно менялась. Первоначально здесь строились примитивные мостовые путем насыпки и утрамбовки песка и гальки. С 1875 г. стали использовать, главным образом, дробленый камень, а с 1890 г. начали делать булыжные мостовые<sup>2</sup>. Городское самоуправление Ирбита занималось лишь благоустройством площадей, а приведение в порядок улиц возлагало на домовладельцев<sup>3</sup>. В Шадринске благоустраивался только центр, окраины и в начале XX в. представляли собой «печальное зрелище»<sup>4</sup>.

В Кунгуре еще в начале XIX в. некоторые улицы были «выстланы деревянными мостовыми, затем насыпанным на них хрящом». Камня близ города было предостаточно, но улицы им не мостили. Во время дождей в городе было грязно. Решительные перемены начались в конце 1870-х гг., когда граждане Кунгура пожертвовали на устройство мостовых более 2 тыс. руб. Жена купца А.С. Ковалева тогда же организовала посадку деревьев по берегу р. Ирени, у Иренской набережной. Городская дума выделила необходимую сумму на укрепление берегов рек плиткой. В 1888 г. Кунгурская городская управа хозяйственным способом наладила изготовление «жетонов» (жестяных табличек) с названиями городских улиц и переулков, распорядившись развесить их по городу<sup>5</sup>.

Новым явлением в быту горожан в последней трети XIX – начале XX в. стало электрическое освещение. В горнозаводской столице Урала уже во второй половине 80-х гг. XIX в. местный люд «познакомился с электрическим освещением, существующим в театре, на дачах для гулянья, на симановской мельнице и в некоторых частных домах»<sup>6</sup>. Улицы города в конце 1880-х гг. еще освещались 355-ю обыкновенными керосиновыми фонарями. Период освещения длился с 15 августа по 1 мая. В 1875–1888 гг. стоимость содержания каждого фонаря колебалась в пределах 9–11 руб. В конце XIX в. для освещения улиц в Екатеринбурге стало применяться электрическое освещение, керосиновые лампы оставались лишь на городских окраинах. В начале XX в. в Екатеринбурге электрическое освещение получило дальнейшее распространение. В первой половине 1901 г. город освещался 86 дуговыми фонарями, во второй половине к ним прибавилось еще 8 фонарей. Однако в это время бывали случаи перебоев с подачей электроэнергии, поэтому городская управа предусмотрительно занялась ремонтом керосиновых фонарей и ламп, чтобы «иметь возможность освещать улицы при неисправном действии электричества». Часовое освещение дугового фонаря в 1901 г. стоило 6,5 коп.<sup>7</sup>

Во второй половине XIX – начале XX в. эволюционировала технология уличного освещения и в Уфе. Если в 1861 г. улицы Уфы освещали спиртовые фонари, то со временем их сменили керосиновые, а в феврале 1898 г. в городе заработала электрическая станция, и зажглись первые электрические дуговые фонари. Пятьдесят дуговых фонарей освещали центральные улицы города.

Вопрос об устройстве электрического освещения города обсуждался городским управлением Перми на протяжении нескольких лет, начиная с 1896 г., но только в 1901 г. было решено начать

<sup>1</sup> Протоколы Екатеринбургской городской думы за вторую половину 1881 года. Екатеринбург, 1881. С. 10–18; Екатеринбургская неделя. 1894. 27 марта. С. 284; Отчет Екатеринбургской городской управы о движении сумм, капиталов и имущества г. Екатеринбурга за 1901 год. Екатеринбург, 1903. С. 295–297; ГАСО. Ф. 62. Оп. 1. Д. 157. Л. 122.

<sup>2</sup> Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 202–204.

<sup>3</sup> Герштейн Я.Л., Смирных А.И. Ирбит. Свердловск, 1981. С. 35.

<sup>4</sup> Мокеев В.М. Шадринск. Челябинск, 1975. С. 20.

<sup>5</sup> Кунгур в старых фотографиях и документах. Кунгур, 1999. С. 45–46.

<sup>6</sup> Екатеринбург. Исторические очерки (1723–1998). Екатеринбург, 1998. С. 85–86.

<sup>7</sup> Отчет Екатеринбургской городской управы о движении сумм... С. 297.



строительные работы. Многочисленные предложения частных предпринимателей о концессионном способе устройства освещения, рассмотренные при участии специалистов, были отвергнуты местной городской властью. Решили начать устройство освещения за счет городского бюджета. По плану предполагалось построить электрическую станцию так, чтобы она могла обслуживать потребности города (по освещению городских улиц, площадей и городских зданий) и снабжать электроэнергией частных лиц. Доход от частных абонентов предполагалось использовать в будущем для расширения уличной сети освещения. 27 июля 1901 г. была совершена закладка здания городской центральной электрической станции. К концу года работы по устройству станции были почти закончены. Произошла заминка с доставкой динамо-машины. Она была получена только 5 января 1902 г., поэтому открытие станции состоялось лишь в начале февраля 1902 г. На устройство станции потребовалось 107 403 руб. 93 коп. К концу февраля 1902 г. к станции подключилось 50 абонентов, а к концу года их число увеличилось до 182 (с общим количеством лампочек – 4432). В среднем на каждого абонента приходилось по 24 лампочки. Первоначально для уличного освещения было установлено 9 дуговых фонарей обыкновенных по 10 ампер, 10 дуговых фонарей продолжительного горения вольтовой дугой по 5 ампер, 26 ламп Нернста на 135 свечей и 29 ламп Нернста на 65 свечей. Однако впоследствии фонари продолжительного горения было решено заменить обыкновенными дуговыми фонарями. Кроме того, городская власть распорядилась об установке еще одного парового котла. К началу осветительного сезона осенью было прибавлено 72 лампы Нернста на 65 свечей, и дуговые фонари с закрытой вольтовой дугой были заменены обыкновенными дуговыми фонарями по 10 ампер, добавился еще один такой фонарь. К концу 1902 г. сеть уличного освещения включала 20 дуговых фонарей по 10 ампер, 26 ламп Нернста на 135 свечей и 101 на 65 свечей<sup>1</sup>.

Конец 1902 г. ознаменовался прогрессивными переменами и в жизни губернского центра Северного Урала. На страницах местной периодики сообщалось о решении Вятской городской думы устроить в городе электрическую центральную станцию для освещения частных и общественных домов, главных улиц и площадей. Сторонником этого проекта являлся городской голова Я.И. Поскребышев. Предполагалось, что проектируемая электрическая станция будет устроена по примеру станции в Перми. Местная электрическая станция должна была «обнимать собою около 2500 лампочек накаливания по 10–16 свечей для частных потребителей, 1500 лампочек для земских зданий, 1000 для освещения зданий епархиального ведомства, 400 для городских домов и 150 ламп Нернста по 65 свечей для освещения улиц: Московской, Спасской, Преображенской и части Николаевской и Владимирской». Кроме того, проектировалась установка двигателей мощностью в 15 л.с. Это дало возможность современнику утверждать, что «прогресс и культура» не чужды городу. «И вот спустя сорок лет, – рассказывал он, – после того, когда город не имел средств даже на самое скромное освещение, прибегая к воззванию о пожертвовании, мы будем иметь удовольствие гулять в ночное время при электрическом освещении городских улиц, устроенном на счет города»<sup>2</sup>. В следующем году местная газета констатировала: «Постройка электрической станции и устройство электрических проводов подвигается быстро и к октябрю будет, вероятно, закончена, если не встретится каких-либо препятствий»<sup>3</sup>.

Сарапульская городская управа (Вятской губернии) в лице заступающего место городского головы Б. Баранова, членов П. Смагина, А. Девятова и секретаря А. Пчелинцева 15 апреля 1910 г. сообщала сотрудникам технической конторы Р. Кольбе (в Москве): «Милостивые государи! Городская управа с удовольствием свидетельствует Вам искреннюю признательность за образцовое выполнение Вами в городе Сарапуле внутренних установок в домах по электрическому освещению, во всем согласное с условиями заключенного с Вами городским управлением 16 марта 1909 года договора. При этом управа считает своим долгом удостоверить, что командированные в город Сарапул для производства установок монтеры отличались аккуратностью и корректностью, исполняли порученные им работы вполне добросовестно и с полным знанием дела. В заключение городская управа позволяет себе выразить

<sup>1</sup> ГАПК. Ф. 35. Оп. 1. Д. 130. Л. 14 об. – 15 об.; Отчет о деятельности Пермской городской управы за 1902 год. С. 5–7.

<sup>2</sup> Приложение к «Вятским губ. ведомостям». 1902. 19 ноября. № 138. С. 1.

<sup>3</sup> Там же. 1903. 24 июня. № 73. С. 4.

уверенность, что она и в будущем не преминет воспользоваться услугами Вашей фирмы, если в том встретится надобность»<sup>1</sup>.

В начале XX в. о необходимости замены керосинового уличного освещения электрическим все настойчивее говорили и в других уездных городах. Так, из отчета Шадринской городской управы за 1913 г. следует, что в это время город освещался керосинно-калильными фонарями в количестве 28 штук. Зажигание фонарей, наблюдение за ними и их ремонт при поломке лежали на обязанности «нанятого заведующего освещением», в помощь которому управой был дан рабочий. Однако, по мнению членов управы, керосинно-калильное освещение не являлось идеальным типом освещения, так как такие фонари давали хороший свет лишь вначале, а затем скоро снижали силу света, требуя то чистки, то замены отдельных частей новыми. Калильные сетки по причине ветров часто ломались и этим значительно повышали стоимость освещения. Эта стоимость была значительной, благодаря порядочному количеству расходуемого на него керосина. Приблизительный годовой расход на фонарь достигал 125 рублей. Помимо керосинно-калильных, по окраинам Шадринска зажигались и простые фонари, которых насчитывалось около 20 штук. В лунные ночи фонари не зажигались. Шадринцы понимали, что лучшим, удобным и более практичным уличным освещением нужно считать электрическое. В отчете управы за 1913 г. отмечалось, что к его устройству городом «направлены все меры»<sup>2</sup>.

Урбанизация Урала и успехи в развитии телеграфии способствовали внедрению в регионе другого вида электросвязи – телефона. В 1884 г. во многом благодаря городскому голове И.И. Симанову в Екатеринбурге появился телефон. Телефонная линия соединила городскую управу и полицейскую часть. Первая в Екатеринбурге телефонная станция вступила в строй 10 марта 1892 г. В том же году открылась телефонная станция в Перми. Оборудование этих ГТС состояло из нескольких однопроводных коммутаторов и щитов переключения системы Эриксона. Абоненты пользовались настенными и настольными аппаратами «Эриксон». В 1897 г. начала действовать ГТС в Уфе, а в следующем – в Сарапуле и Оренбурге<sup>3</sup>.

Противоречивое отношение современников к новым видам связи объяснялось зачастую скудостью городских бюджетов и ростом разнообразных общественных потребностей. Житель Сарапула, например, писал: «Телефон, конечно, вещь хорошая и, главное, неременная принадлежность в собственном смысле европейского города. Когда он будет, наконец, в Сарапуле, то мы сразу шагнем в XXI столетие и уже куда до нас какой-нибудь Елабуге... Но я бы не советовал городу торопиться и с телефоном. Не подумайте, что я азиат и противник прогресса. Нет. Но поторопитесь лучше с мостовыми, со сквером, с народной аудиторией, а главное – с пушкинской или хотя бы и не пушкинской школой». Автор газетной заметки приводил соответствующие аргументы: «В Сарапуле на 20 тысяч населения всего 11 начальных школ; в них учится более 1000 человек, так что на каждую школу средним числом приходится 100 учеников. Между тем, достаточно взглянуть на большинство наших школьных зданий, чтобы убедиться, что поместить здесь 100 человек – значит набить бочку сельдями»<sup>4</sup>.

И все же телефон начинал пользоваться все большей популярностью. В 1902 г. на страницах августовского номера приложения к «Вятским губернским ведомостям» подробно рассказывалось о таком «полезном нововведении» как устройство телефона в Вятке, сообщалось, что оно будет завершено в первых числах сентября этого же года. Устройство телефонной сети в Вятке осуществлялось местным городским управлением с разрешения Главного управления почт и телеграфов. На заседании 1 апреля 1902 г. городская дума установила ежегодную абонементную плату в возмещение расходов городского управления по содержанию центральной станции и телефонной сети в размере 30 руб. за год<sup>5</sup>.

Согласно установленным городскими властями условиям, устройство центральной станции и установка в городской селитебной черте (за исключением городских земель на правом берегу реки Вятки) столбов для проведения магистральных линий и кронштейнов на них осуществлялось за счет городского бюджета. Расходы по присоединению к центральной станции аппаратов

<sup>1</sup> ГАПК. Ф. 88. оп. 1. Д. 24. Л. 208.

<sup>2</sup> Приложение к «Вятским губ. ведомостям». 1903. 12 августа. № 94. С. 2.

<sup>3</sup> Екатеринбург. Исторические очерки (1723–1998). Екатеринбург, 1998. С. 85–86.

<sup>4</sup> Приложение к «Вятским губ. ведомостям». 1899. 6 июля. № 78.

<sup>5</sup> Приложение к «Вятским губ. ведомостям». 1902. 24 августа. № 101. С. 3.

частных лиц и учреждений и по установке столбов для ответвлений относились на счет абонентов. Работа по присоединению к центральной станции, а по желанию абонентов, и приобретение всех необходимых телефонных принадлежностей и материалов выполнялась городской управой. Каждому потенциальному абоненту при подаче соответствующего заявления полагалось внести в кассу городской управы сумму стоимости аппаратов и телефонных материалов, а по окончании установки оплатить стоимость работы по устройству линии. Согласно утвержденным условиям, выбирались обязательно «хромисто-бронзовые» провода «диаметром не менее 1,2 м/м; железные оцинкованные провода допускались только для загородных линий, к которым причислялись и линии, идущие по местам, отведенным под заводы»<sup>1</sup>.

Содержание телефонной сети в исправности являлось заботой органов городского самоуправления. Ежегодную абонентную плату за пользование центральной станцией полагалось вносить по полугодиям вперед: в январе и в июле, не позднее 15 числа каждого месяца, в ином случае по распоряжению городской управы телефон отключался до внесения оплаты. На момент открытия городской центральной телефонной станции насчитывалось 86 абонентов. Это были различные административные и иные учреждения, владельцы магазинов и частные лица, желавшие иметь дома телефон<sup>2</sup>.

О прогрессе в деле коммуникации Осы свидетельствовал следующий факт: «Получена концессия от правительства на содержание центральной станции, и телефонные аппараты в городе распространены, городская сеть соединена с земской уездной, так что городские абоненты могут из дома говорить со всем уездом, имеющим протяжение до 300 верст»<sup>3</sup>.

Улучшалась со временем организация водоснабжения городов. Водопроводы в России даже в начале XX столетия имели далеко не все губернские города, не говоря уже об уездных. Устройство городского водопровода являлось весьма дорогостоящим предприятием. Однако уральские города постепенно обзаводились ими. От идеи сооружения в городе водопровода до ее реализации проходили годы, а иногда и десятилетия. В начале 1870-х гг. появилась идея строительства водопровода в Уфе с подъемом воды из р. Белой, начался сбор средств. В конце 80-х гг. XIX в. действовала постоянная водопроводная комиссия. Чтобы осуществить задуманное, думцы вынуждены были прибегнуть к облигационному займу на 300 тыс. руб. В 1901 г. уфимский водопровод начал работать<sup>4</sup>.

В деле сооружения водопровода добились успеха и вятчане. С 1894 г. местная городская власть занялась рассмотрением вопроса об устройстве в г. Вятке водопровода. Проект устройства водоснабжения города было предложено составить фирме «Нептун». Одоблив проект, городское управление решило начать устройство водопровода частями (по причине недостатка средств). Однако смета на оборудование, представленная фирмой «Нептун» оказалась слишком дорогой. Городская власть обратилась с просьбой составить аналогичную смету к доверенному фирмы «Добровых и Набгольц» И.А. Вибке. В марте 1899 г. эта смета была представлена местной городской власти, городская дума утвердила ее, поручив управе заключить с фирмой договор на осуществление строительных работ. В июле этого же года работы начались, и через 6,5 месяцев водопровод вступил в строй. Успехи в деле сооружения водопровода связывались с деятельностью городского головы Я.И. Поскребышева<sup>5</sup>.

В Перми основные работы по сооружению водопровода были закончены только в 1906 г. Наблюдение за строительными работами, производившимися уполномоченным фирмы «Нептун» Елисеевым, было возложено на городского инженера Б.Ю. Гецена. Местная городская власть с трудом нашла средства для покрытия расходов на сооружение водопровода, обратившись с ходатайством к губернскому земству о выдаче необходимой суммы из страхового капитала, что и было сделано «в виде разрешения ссуды государственной рентой на сумму 200 000 руб.». Общие затраты на водопроводные сооружения к концу 1906 г. составили 379 627 руб. 78 коп. (при длине сети в 21,45 верст)<sup>6</sup>. Что касается большинства уездных и заштатных городов, то они, как правило, и в конце XIX – начале XX в. обходились естественными водоемами, колодцами.

Весьма показательно, что в начале XX в. технические инновации привлекали городские вла-

<sup>1</sup> Приложение к «Вятским губ. ведомостям». 1902. 24 августа. № 101. С. 3.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> ГАПК. Ф. 88. Оп.1. Д. 28. Л. 4.

<sup>4</sup> Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 206–209.

<sup>5</sup> Приложение к «Вятским губ. ведомостям». 1900. 22 января. № 10. С. 2–3.

<sup>6</sup> Отчет о деятельности Пермской городской управы за 1906 год. Б.м., б.г. С. 5–6.

сти и малых уездных городов Пермской губернии. Городское самоуправление Осы осознавало целесообразность комплексного подхода к решению вопросов городского благоустройства. На вопрос, какие улучшения и в какой форме желательны для благоустройства города, сами современники (в лице представителей городской власти) отвечали: «Прежде всего, нужно водопровод и электрический свет – проекты того и другого составляются и заем на предприятие разрешен в размере 140 тысяч. На следующей очереди будет стоять замощение и хотя бы частная канализация, потом постройка новой усовершенствованной бойни и мясного ряда, после чего явится много других желаний, осуществить которые рано или поздно придется даже маленьким городам – это муниципальные пекарни, мясную торговлю, потребительские кооперативы и пр.»<sup>1</sup>.

«Думцы» и члены городской управы вели предварительную работу во многих направлениях. Например, в делопроизводственной документации Осинской городской управы сохранилась переписка по вопросу об устройстве и эксплуатации электрического освещения и водопровода в городе. Контактровала, в частности, городская управа с «акционерным обществом русских электротехнических заводов Сименс и Гальске» (его Екатеринбургским отделением), которое с готовностью предлагало свои услуги. В обращении к городской управе города Осы представители фирмы писали: «Так как мы узнали, что город предполагает построить городской водопровод, то мы покорнейше просим Вас сообщить нам, не пожелает ли город установить водомеры. Мы полагаем, что при применении водомеров город имел бы контроль над потреблением с одной стороны, т.е. знал бы точно расход воды, что привело бы к выгодным результатам»<sup>2</sup>. К сожалению, последующие исторические события, связанные с революционными потрясениями, последующей гражданской войной надолго затормозили проведение в жизнь передовых идей и проектов, задуманных городской властью еще до начала Первой мировой войны. Осинская электростанция была введена в строй только в 1921 г.

Городские думы и управы уездных городов Пермской губернии ориентировались на органы самоуправления губернского города – флагмана в деле городского благоустройства. Неудивительно, что в делопроизводственной документации Осинской городской управы сохранились данные об успешной работе Пермского городского самоуправления в сфере городского благоустройства. Например, в сохранившейся статье, озаглавленной «Пермь. К устройству электрической пожарной сигнализации», опубликованной в журнале «Электротехническое дело» (август 1913 г. № 5), издаваемом в Москве, достаточно подробно освещался пермский опыт устройства пожарной сигнализации. Летом 1913 г. в Перми осуществлялась установка на особых столбах электрических аппаратов для пожарной сигнализации. «Всех сигналов по улицам города установлено 50, – писал автор статьи, – кроме того, – еще 15 сигналов, в различных правительственных и общественных учреждениях (в доме г. начальника губернии, в полицейских частях, в городской управе и др.). Стоимость устройства пожарной сигнализации по смете определена в 12 тыс. рублей. Деньги эти городу ассигновало Пермское общество взаимного страхования от огня. Половина этой суммы обществом дана в безвозвратное пособие, а другая – с возвратом, как ссуда, на 10 лет без процентов». Сообщалось, что все работы по устройству пожарной сигнализации, согласно договору общества с городским самоуправлением, предполагалось завершить к 1 сентября 1913 г. Современник информировал читателя: «Сигналы будут включены в городскую телефонную сеть, а также и в сеть электрической станции. В виду новизны этого дела, городская управа предполагает составить, отпечатать и раздать домовладельцам особые объяснения, как пользоваться и как обращаться с пожарными сигналами»<sup>3</sup>.

В Екатеринбурге подумывали и о внедрении трамвайного транспорта. Впервые этот вопрос стал активно дискутироваться на заседании Екатеринбургской городской думы 13 января 1909 г. На этом заседании обсуждалось соответствующее предложение предпринимателя В.К. Павловского. Проект представлялся весьма дорогостоящим, неудивительно, что на собрании присутствовали представители бюджетной комиссии и комиссии по изысканию новых источников доходов<sup>4</sup>. Однако в действительности на тот момент городское самоуправление было не в состоянии реализовать идею. К проектам о введении трамвайного сообщения гласные вернулись накануне

<sup>1</sup> ГАПК. Ф. 88. Оп. 1. Д. 28. Л. 3 об. – 4.

<sup>2</sup> Там же. Д. 24. Л. 107.

<sup>3</sup> Там же. Л. 265.

<sup>4</sup> Трамвай в Екатеринбурге // Уральский край. 1909. № 10. С. 2.



Первой мировой войны. Один из проектов, полученный городской управой, был от горного инженера А.М. Ткемаладзе (из Екатеринодара)<sup>1</sup>. В 1914 г. городское самоуправление рассматривало встречное предложение от инженера путей сообщения Розенталя<sup>2</sup>. Однако Первая мировая война и последующие революционные события заставили думцев заняться другими актуальными вопросами городской жизни, надолго отложив проекты о внедрении трамвайного сообщения.

К повседневным заботам городских дум и управ с началом Первой мировой войны прибавились новые направления деятельности, обусловленные нуждами военного времени, связанные с расквартированием призванных на войну военнослужащих запаса, оказанием помощи их семьям, организацией санитарных отрядов для помощи и ухода за ранеными и больными воинами, обеспечения продовольственной безопасности населения, снабжением горожан топливом, размещением беженцев<sup>3</sup>. Городские власти продолжали заботиться о социокультурной сфере, стараясь воплотить в жизнь хотя бы самые значимые проекты, некоторые из которых были разработаны еще в довоенное время. Органами городского самоуправления принимались меры, направленные на развитие народного образования, увеличение числа культурных учреждений. Например, в 1915 г. было принято постановление Уфимской городской думы об открытии художественной галереи, пожертвованной М.В. Нестеровым и принятой в собственность города Уфы, в 1916 г. постановление об открытии новых начальных училищ с осени 1916 г. и др.<sup>4</sup>. Представляется важным исследовать ведущие направления деятельности органов городского общественного управления в условиях Первой мировой войны, что предполагается сделать на материалах Уральского региона, находившегося глубоко в тылу, однако испытывавшего на себе многочисленные тяготы чрезвычайного военного времени.

Показательно, что с первых дней войны проявилась высокая степень самоорганизации органов городского самоуправления на Урале. На съезде уральских городских голов, который проходил 28 августа 1914 г. под председательством пермского городского головы П.А. Рябинина, присутствовали из Пермской губернии городские головы Екатеринбург, Оханска, Верхотурья, Чердыни, Соликамска, Осы, Ирбита, Камышлова, Кунгура и Шадринска и из Вятской – Глазова и Сарапула. На этом съезде, в частности, выяснилась «степень участия органов городского управления Урала в деле содержания госпиталей», анализировалась финансовая политика городских властей. Участники съезда признали желательным создание подвижного госпиталя на 50–100 мест. Предлагалось, что госпиталь будет оборудован комитетом Красного Креста, а содержаться во время войны будет из средств городских бюджетов. В ходе съезда выяснилась степень участия местных органов власти в Московском союзе эвакуации раненых<sup>5</sup>. Губернский город Пермь подавал пример другим городам, пожертвовав 10000 руб. на Красный Крест, 5000 руб. – на помощь семьям воинов, призванных в армию, 20000 рублей – в фонд Всероссийского Городского Союза<sup>6</sup>.

Перед городской властью остро стояла проблема рационального использования финансовых и иных материальных средств. Например, пермский губернатор 4 и 16 августа 1914 г. обращался к Кунгурской городской думе, пересылая ей циркуляр министерства внутренних дел от 31 июля 1914 г., предлагая «повергнуть всестороннему и подробному обсуждению» вопрос о необходимости «всемерного сбережения общественных средств от расходов, могущих быть отложенными до окончания войны с целью избежания стеснения средств для удовлетворения неотложных нужд и содействия государству в деле оказания помощи семействам воинов, сверх казенной продовольственной помощи, обеспечением населения предметами первой необходимости, отоплением и освещением, а равно поддержанием на должной высоте санитарного состояния городов»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Проект электрического трамвая // Зауральский край. 1913. 14 февраля. № 37. С. 2–3.

<sup>2</sup> Трамвай и электрическая станция // Уральская жизнь. 1914. 21 января. № 16. С. 3.

<sup>3</sup> Казакова-Апкаримова Е.Ю. Общественная жизнь уральского города в годы Первой мировой войны // Известия УрГУ. 2010. № 2. С. 113–126.

<sup>4</sup> Городское самоуправление Уфимской губернии в годы Первой мировой войны: документы и материалы / сост., предисл. и примеч. О.А. Полянина. Уфа, 2008. С. 5–27.

<sup>5</sup> ГАСО. Ф. 386. Оп.1. Д. 7. Л. 11–24 об., 60–60 об., 73, 152.

<sup>6</sup> Трапезников В.Н. Летопись города Перми. Пермь, 1998. С. 173.

<sup>7</sup> Журналы Кунгурской городской Думы за 1914 год с докладами городской управы и другими приложениями. Кунгур, 1915. С. 184.

Городские власти вынуждены были экономить, о чем, в частности, свидетельствует выписка из журнала Бирской городской думы о мерах по оптимизации структуры расходов городского бюджета (от 11 ноября 1915 г.). Например, Бирской городской управе было поручено выработать норму расходования дров по отоплению городских общественных зданий, было решено исключить из сметы пособие в размере 200 руб. Бирскому высшему начальному училищу, на выписку книг для городской библиотеки назначить не 600 руб., предложенных управой, а только 400 руб.<sup>1</sup>

В числе первоочередных задач перед городскими думами и управами стояла задача обеспечения продовольственной безопасности населения. Так, заботясь о наименее состоятельных и бедных слоях городского населения, Кунгурская городская дума устанавливала (и время от времени пересматривала их по предложению соответствующей комиссии) таксы на предметы первой необходимости. Например, 11 сентября 1914 г. дума постановила назначить таксы: на скоромное масло вместо 36 к. – 40 к. за фунт, на пуд ржаной муки вместо 85 коп. – 88 к., на десяток яиц вместо 14 к. – 15 к., на пуд овса вместо 80 к. – 72 коп., на фунт сдобного хлеба – 7 к., на фунт обыкновенного белого хлеба – 5 к., сахар 17 к. за фунт (6 руб. 50 коп. за пуд), печеный ржаной хлеб – 2,5 коп. за фунт<sup>2</sup>.

В целях успешного ведения дела борьбы с дороговизной Уфимская городская дума 25 августа 1915 г. постановила: ассигновать в распоряжение исполнительной комиссии 50 тыс. руб. для муниципальной организации продажи предметов первой необходимости, включая топливо<sup>3</sup>. Городская дума откликалась и на частные ходатайства нуждающихся граждан города, оказывая посильную помощь. Например, уфимская мещанка А.А. Черепанина «ввиду крайне бедственного своего положения» ходатайствовала перед думой «отпустить ей безвозмездно на отопление своей квартиры полсажени дров». Ходатайство А.А. Черепаниной было рассмотрено, принято постановление от 14 декабря 1916 г. о выдаче ей дров из дровяного склада управы<sup>4</sup>.

Думцы проявляли заботу о тех, кто пострадал от военных действий, о непосредственных участниках этих действий, о семьях, призванных на фронт. На заседаниях Кунгурской городской думы 10 и 11 сентября 1914 г. было принято решение о выделении сумм из городских капиталов на выдачу пособий семьям запасных военнослужащих, мобилизованных на фронт; о вступлении во Всероссийский городской союз помощи больным воинам; об обложении владельцев недвижимости в пределах города в пользу Красного Креста. Гласные решили вступить во Всероссийский городской союз помощи раненым воинам и внести в него 1 тыс. руб. и, кроме того, такую же сумму выделить местному лазарету Красного Креста<sup>5</sup>. Думцы не могли отказать и постановили выдать скромную сумму (5 руб.) Обществу попечения о глухонемых в ответ на просьбу об ассигновании пособия на содержание воспитанников. Со времени преобразования (в 1881 г.) Кунгурского уездного училища в городское училище городская власть добавляла к казенному пособию в размере 2300 руб. еще 1805 руб. (по предложению министерства народного просвещения) и отчисляла средства на другие училищные расходы (всего в 1914 г. этот расход от города достиг 3122 руб.). На ходатайство комитета великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствии об ассигновании городским управлением в помощь комитету посильных сумм Кунгурская городская дума ответила положительно, постановив передать комитету 500 руб.<sup>6</sup>

Военные события и ускоренный темп жизни страны захватили и екатеринбургское самоуправление. За время войны собрания думы созывались особенно часто, от 5 до 7 раз в месяц. При городском бюджетном дефиците городская дума вынуждена была взять заем в 45 000 руб. на неотложные надобности, вызванные событиями военного времени, учредила этапный лазарет при действующей армии, местный лазарет на 50 кроватей, вступила во Всероссийский союз городов. Городской попечительный комитет по обеспечению семей запасных своей работой доказал, что

<sup>1</sup> Городское самоуправление Уфимской губернии в годы Первой мировой войны: Документы и материалы / сост., статья, предисл. и примеч. О.А. Полянина. Уфа, 2008. С. 31.

<sup>2</sup> Там же. С. 217–218.

<sup>3</sup> Городское самоуправление Уфимской губернии в годы Первой мировой войны... С. 19.

<sup>4</sup> Там же. С. 93.

<sup>5</sup> Зауральский край. № 212. С. 4.

<sup>6</sup> Журналы Кунгурской городской Думы за 1914 год с докладами городской управы и другими приложениями. Кунгур, 1915. С. 246, 256, 288–289.

гласные думы могут работать и исполнять возложенные на них задачи – Попечительством быстро и умело было произведено обследование имущественного положения семей запасных, организована благотворительная помощь особо нуждающимся и сбор пожертвований на эти цели. Регулярно выдавались пособия семьям воинов, призванных на войну<sup>1</sup>.

Чрезвычайные обстоятельства, созданные войной, заставили и оренбургские городские власти позаботиться о семьях людей, ушедших на фронт. Местная городская дума приняла постановление об учреждении городского попечительства по призрению семейств нижних воинских чинов, призванных на фронт. В это же время в печати появился призыв оренбургского губернатора Н.А. Сухомлинова помочь семьям мобилизованных и всем миром поспособствовать им в уборке хлеба<sup>2</sup>.

Иницилируя в своей губернии процесс создания городских попечительств для призрения семейств запасных нижних чинов органами самоуправления, мобилизованных на действительную службу, пермский губернатор информировал Кунгурскую городскую управу о задачах их деятельности: «1) точное обследование на местах личного состава всех семейств призванных и определение и определение лиц, имеющих право на продовольственное пособие; 2) постоянное наблюдение за изменением личного состава семей, пользующихся призрением; 3) присутствие при раздаче пособий в лице избранного для сего члена; 4) особое попечение о семействах нижних чинов, которые отправляются на службу или находятся на оной, будучи вдовцами, и в семье коих остаются малолетние или несовершеннолетние лица, а также тех чинов жены коих вследствие отсутствия, болезни, увечья или порочного поведения не в состоянии заботиться о детях и 5) принятие и раздача частных пожертвований, поступающих на нужду призрения»<sup>3</sup>.

На собрании думы были первоначально намечены, а затем единогласно избраны в члены попечительства лучшие представители городской общественности: Зинаида Петровна Ковалева, Ольга Васильевна Стетенчук, Таисия Васильевна Агеева, Александра Степановна Черноусова, Екатерина Петровна Малеева, Мария Семеновна Грибушина, Любовь Лаврентьевна Пономарева, Анна Алексеевна Ануфриева, Елизавета Афанасьевна Фокина, Евгения Афанасьевна Кобелева, Мария Александровна Попова, Порозова Аполлинария Петровна Порозова, Александра Петровна Нефедович, Елизавета Петровна Знаменская, Неофит Антонович Ануфриев, Иван Петрович Парфенов, о.Иоанн Михайлович Луканин, Семен Лавретьевич Сартаков, Арсений Григорьевич Агеев, о. Александр Александрович Коровин и Александр Прохорович Чулошников. Кроме того, думцы сочли полезным присутствие в составе организованного попечительства представителей от мещанского общества, от Общества пособия учащимся в г. Кунгуре и его уезде и от Кунгурского попечительства о бедных, «каковые общества и попечительство также могут оказать посильную помощь семействам призванных на войну лиц»<sup>4</sup>.

Общественные институты действовали в русле государственной политики в отношении семейств военнослужащих, мобилизованных на фронт, значительно дополняя государственную работу в этом направлении. В том же Кунгуре некоторые из семейств призванных на войну нижних чинов ощутили острую нужду в продовольственном пособии сразу после мобилизации, а до ассигнования этого пособия от казны требовалось некоторое время. Городской голова Кунгура Н.А. Ануфриев счел необходимым определить приблизительно по существовавшим на то время ценам размер предполагаемого к выдаче продовольственного пайка и предложил выдавать его «немедленно из городских средств нуждающимся в нем семействам призванных, с возмещением призванного на выдачу пайков расхода из имеющих быть отпущенными на этот предмет казенных средств». Дума единогласно решила безотлагательно приступить к выдаче продовольственных пособий из городских средств семействам призванных на войну запасных военнослужащих. Посчитали, что стоимость этого ежемесячного пайка могла составить 2 р. 50 коп. для взрослого и 1 р. 25 коп. для детей. Думцы приняли решение: «произведенный на выдачу этого пособия расход их городских средств возместить затем из имеющего поступить от казны ассигнования,

<sup>1</sup> Зауральский край. 1915. 1 января. № 1. С. 4.

<sup>2</sup> Губернаторы Оренбургского края. Оренбург, 1999. С. 331.

<sup>3</sup> Журналы Кунгурской городской Думы за 1914 год с докладами городской управы и другими приложениями. Кунгур, 1915. С. 168–169.

<sup>4</sup> Там же. С. 170–171.

при чем, если стоимость казенного пайка будет определена подлежащими учреждениями выше установленного в настоящем заседании, то разница между тем и другим должна быть доплачена семействам призванных из казенного ассигнования, если же размер казенного пайка будет ниже определенного думой, то произведенная благодаря этому переплата за время до установления казенного пайка, должна быть отнесена на городские средства».

Кроме того, в повестке заседания был вопрос о помощи семействам призванных запасных нижних чинов, которые не имели собственных домов или квартир путем выдачи им пособий на наем квартир. Гласные единодушно решили выдавать квартирные пособия, определив размер пособия в размере 1 руб. в месяц для взрослого и 50 коп. для малолетнего. На заседании Кунгурской городской думы было принято еще несколько постановлений о пособии семействам, призванным на войну городских служащих, в следующих размерах: жене призванного – половину жалованья мужа и детям – по 5 руб. на каждого, общий размер выдаваемого семейству пособия не должен превышать  $\frac{2}{3}$  жалованья, получаемого призванным служащим; занимаемые же призывниками должности решено было сохранить за ними до возвращения с войны. Для осуществления этих многочисленных расходов гласные постановили использовать запасный капитал<sup>1</sup>.

На повестке дня шадринской общественности остро встал вопрос помощи беженцам, когда Пермское отделение «Комитета ея императорского высочества великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий» 5 августа 1915 г. обратилось с письмом на имя председателя земской управы, приглашая его совместно с городским головой к организации помощи беженцам. Город в лице городской управы дал согласие принять в Шадринск 1000 беженцев, уездная управа посчитала возможным разместить 8000 человек. Оказалось, что по общему распределению беженцев в Пермской губернии на Шадринский уезд пропорционально численности населения приходилось 11 000 беженцев. Земское и городское самоуправления взялись за выполнение этой непростой задачи<sup>2</sup>.

12 августа 1915 г. при Шадринской городской управе состоялось первое собрание граждан города Шадринска по вопросу об организации помощи беженцам, было ясно, что «дело призрения беженцев должно захватить широкие круги общественных работников». Шадринская городская управа для приема беженцев отвела часть помещения при ломбарде, где устроила котлы для приготовления пищи и столовую для беженцев. Флигель во дворе ломбарда был предоставлен управой для организации приемного покоя для беженцев. Помещение бывшего ночлежного дома городская управа использовала для беженцев, страдавших заразными заболеваниями. В конце 1915 г. в Шадринске оставалось 88 семей беженцев (394 человека), расквартированных в помещении ломбарда – 17 семей (81 человек), в здании бывшего ночлежного дома – 5 семей (32 человек)<sup>3</sup>.

Часто перед гласными вставали вопросы духовного значения. Например, в ноябре 1914 г. в Кунгурскую городскую думу обратился священник (благочинный) Леонид Успенский: «Принимая во внимание послание всем возлюбленным о Христе чадам Пермской поместной церкви Его Преосвященства, Преосвященнейшего Андроника, Епископа Пермского и Соликамского, отпечатанное в № 48 «Епархиальных ведомостей», вполне разделяя мысль Архипастыря, что всеми нами переживаемое ныне тяжелое испытание в борьбе со врагом православия и славянства ниспослано Господом за наши накопившиеся грехи, за наше богопротивление, вторично просит городскую Думу возбудить особое ходатайство пред господином начальником Пермской губернии об ограничении времени действий местных электро-театров и запрещении таковых накануне праздников и воскресных дней во время служения всенощных бдений, когда всем нам в годину ниспосланного Промыслом Божия испытания уместно и необходимо молиться и сокрушаться о своих бесчисленных и ежечасных согрешениях, а не проводить время в развлечениях и удовольствиях»<sup>4</sup>. Вопрос обсуждался на заседании думы, мнения гласных разделились: одни считали, что ходатайство нужно «возбудить», считая «действие электро-театров во время всенощных бдений неудобным», что следует хотя бы один день в неделю посвятить Богу, что в теа-

<sup>1</sup> Журналы Кунгурской городской Думы за 1914 год с докладами городской управы и другими приложениями. Кунгур, 1915. С. 171–172.

<sup>2</sup> Там же. С. 922.

<sup>3</sup> Журналы Шадринского уездного земского собрания 46 очередной и 67 чрезвычайной сессий 1915 года. Шадринск, 1916. С. 923–924, 926.

<sup>4</sup> Там же. С. 381–382.



тры можно ходить и в будние дни, другие полагали, что это вопрос совести каждого отдельного гражданина, что «нежелающие ходить в церковь не пойдут в нее и тогда, когда закрыты будут и электро-театры». В итоге гласные (18 против 9) решили не ходатайствовать об ограничении времени действий электротеатров в Кунгуре<sup>1</sup>.

Таким образом, Первая мировая война внесла новые черты в общественную жизнь и повседневность уральского города, прибавив к обычным заботам городских властей новые: о тех, кто пострадал от военных действий, о непосредственных участниках этих действий. Показательна довольно высокая эффективность деятельности городского самоуправления. Патриотические настроения и высокий уровень самоорганизации общества во главе с органами самоуправления позволяли горожанам в начальный период войны решать насущные жизненные проблемы, вызванные условиями военного времени и в целом справляться с трудностями.

### **Органы земского самоуправления**

Земские учреждения вводились в политическую систему пореформенной России постепенно и осторожно. Процесс этот был растянут на 11 лет. В первую очередь, в 1865–1866 гг. земства были открыты в центральных губерниях России с явным преобладанием дворянского землевладения. Пермская губерния имела ряд особенностей, выделявших ее из ряда других регионов центральной России и придававших специфику как организации, так и времени учреждения земского самоуправления. В числе этих особенностей следует выделить отсутствие в губернии широкого слоя поместного дворянства, игравшего, по мнению современников, «видную и первенствующую роль в земском самоуправлении европейской части России»<sup>2</sup>. На Урале отсутствовали дворянские собрания, представители которых принимали участие в работе местной администрации и в судопроизводстве. Среди других качеств Пермской губернии следует выделить преобладание в социальном составе государственных крестьян, имевших опыт сословного самоуправления; преобладание казенного землевладения, а также огромные территориальные размеры. Своеобразие Пермской губернии предъявляло исключительные требования к органам местного управления и вызывало усиленные как государственные, так и земские расходы и повинности, от которых было избавлено большинство остальных губерний России. Так, например, ни одна земская губерния не имела такой протяженности почтовых и коммерческих трактов, как Пермская – 3,5 тыс. верст, которые нужно было содержать за земский счет.

Все эти обстоятельства стали причиной специального рассмотрения в Государственном совете и Министерстве внутренних дел в феврале 1866 г. вопроса о введении Положения о земских учреждениях в Вятской, Вологодской, Олонецкой и Пермской губерниях с некоторыми изменениями и дополнениями, учитывающими их особые условия<sup>3</sup>. В 1867 г. земские учреждения появились в Вятской губернии, а в 1870 г. – в Пермской.

Учреждение земств на Урале привело к необычному распределению гласных в губернском и уездных земских собраниях, что принципиально отличало Пермскую губернию от регионов, в которых дворянство заняло преобладающее место в земствах. В земском представительстве Уральского края, напротив, преобладали крестьяне, купцы, разночинцы. Размер земельного ценза и число гласных от владельцев и сельских обществ по каждому уезду и число губернских гласных определялись особыми расписаниями, приложенными к Положениям 1864 и 1890 гг. о земских учреждениях. В Пермской губернии самую большую площадь занимали земли государства и его различных ведомств. В целом по губернии более 40% земель принадлежало казне, 29% – частным собственникам и примерно столько же приходилось на долю сельских обществ. Однако по отдельным уездам наблюдалось иное соотношение. Так, в Шадринском, Камышловском, Красноуфимском, Осинском и других уездах большинство земель принадлежало сельским обществам. Напротив, в Пермском, Екатеринбургском, Соликамском уездах наибольшее распространение имело частное землевладение. Немногочисленные крупные землевладельцы Пермской губернии, владея имуществом и в других местностях России и занимая высокие должности на государственной службе или на выборных должностях, не проживали в губернии и не могли лично участвовать в избиратель-

<sup>1</sup> Журналы Шадринского уездного земского собрания 46 очередной и 67 чрезвычайной сессий 1915 года. Шадринск, 1916. С. 382.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 343.

<sup>3</sup> См.: Пермские губернские ведомости. 1866. № 22.

ных съездах или в земских собраниях. Законодательство наделило эту категорию собственников правом участия в земстве не лично, а по доверенности через уполномоченных. Подобное право было предоставлено только северо-восточным губерниям – Вологодской, Вятской, Олонецкой и Пермской. В земских собраниях Пермской губернии в качестве уполномоченных по доверенности землевладельцев могли присутствовать без личного ценза заводские управляющие и служащие, инженеры и состоятельные крестьяне. Передавать свои полномочия могли также и женщины, не имевшие по земскому закону избирательных прав. В уездных собраниях Пермской губернии поверенные крупных землевладельцев и заводчиков составляли до 70,8% всего числа гласных от землевладельцев<sup>1</sup>. Наибольшее число уполномоченных присутствовало в горнозаводских уездах, где были сосредоточены основные металлургические заводы: Екатеринбургском, Пермском и Соликамском, а также в губернском собрании – по 15–20 человек.

Кроме того, среди частных землевладельцев было немало «капиталистских» крестьян, по своему имущественному положению находившихся наравне со средними дворянами-землевладельцами центральных российских губерний и купцами-промышленниками. Наибольшее число крестьян, избранных в уездное собрание от землевладельческой курии, приходилось на Красноуфимский и Шадринский уезды. По данным М.И. Черныша, гласные-крестьяне Красноуфимского уезда имели в собственности от 500 до 900 дес. земли<sup>2</sup>. В результате в земское собрание крестьяне могли быть избраны не только от сельской курии, но и от других двух избирательных групп: землевладельческой и городской.

Положением 1890 г. избиратели также были распределены на три группы, но уже не в соответствии с типом владения, а по сословиям с сохранением обязательности имущественного ценза. При особых условиях Пермской губернии, где дворянское сословие составляло незначительный процент населения, применение Земского положения 1890 г. привело к слиянию в одну группу всех представителей частной недвижимой собственности, независимо от рода и места ее нахождения. Вследствие этого в земских собраниях на Урале с одной стороны, были представлены интересы частного владения недвижимыми имуществами, а с другой – интересы сельских обществ. Соединение в одну категорию всех владельцев недвижимых имуществ и сравнительно незначительное количество частного земельного имущества привело в некоторых собраниях к довольно существенному перевесу представителей города. Например, в Екатеринбургском уезде число гласных от горожан возросло на 32% и после 1890 г. составляло большинство. При этом следует отметить, что Екатеринбургское собрание было единственным в Пермской губернии, в котором доминировали горожане. На всем протяжении существования Екатеринбургского уездного земского собрания состав гласных комплектовался преимущественно из городского населения, причем в их число входили члены Екатеринбургской городской думы.

Таким образом, результат введения Земского положения 1890 г. на Урале оказался совершенно противоположным ожиданиям правительства. Вместо повышения роли дворян-землевладельцев в земском деле было усилено влияние владельцев городских и других неземельных имуществ, т.е. тех, кто занимался торговлей и промышленностью. Большинство гласных, как от крестьян, так и от горожан, принадлежало к категории «торгующих и кустарей-заводчиков»<sup>3</sup>. Наблюдатели отмечали, что «это и не крестьяне, и не мещане, и не купцы в общепринятом понимании этих сословий, а лица более или менее приближающиеся к этим сословиям в бытовом отношении, в зависимости от их коммерческих оборотов»<sup>4</sup>. Исследователи неоднократно отмечали, что, несмотря на сокращение представительства крестьян в российских земствах по закону 1890 г., в некоторых уездных собраниях Пермской губернии «их процент к общему числу был даже увеличен и степень преобладания усилена»<sup>5</sup>.

Что касается дворян, то в Пермской губернии они преобладали лишь в губернском собрании. По данным М.И. Черныша, они составляли в нем от 46 до 58,8% общего числа гласных<sup>6</sup>. Известный земский деятель, врач И.И. Моллесон вспоминал: «Пермская губерния была и есть губерния

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 344 об.

<sup>2</sup> См.: Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959. С. 109.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 1288. Оп. 3. 1-е делопроизводство, 1912 г. Д. 80. Л. 20.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб., 1911. Т. 4. С. 196.

<sup>6</sup> См.: История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 219.

народная (демократическая); но все же среди гласных губернского собрания бывали и статские и действительные статские советники, и помещики, и инженеры, и управляющие таких больших и богатых экономий и заводов, каковы строгановские, демидовские, всеволожские, Стенбок-Фермора и др.»<sup>1</sup>. Следует указать еще на одну особенность пермских земств. В связи с незначительным числом помещиков в Пермской губернии выборы в дворянские собрания здесь не проводились и поэтому председателями уездных земских собраний являлись не установленные законом предводители дворянства, а назначенные губернатором местные чиновники – мировые судьи, лесничие, управляющие казенной палатой или государственными имуществами, а также местные гласные.

Обратимся теперь к характеристике губернских и уездных управ Пермской губернии. В губернской управе всегда служили крестьяне-землевладельцы, в уездных управах работали преимущественно крестьяне и купцы, некоторые управы полностью состояли из крестьян<sup>2</sup>. При рассмотрении обязанностей земских исполнительных органов, обращает на себя внимание несоответствие между возможностями управ и обширностью подведомственных территорий. В центральных земских губерниях одна уездная управа, состоящая из 3–4 человек, приходилась в среднем на 624 тыс. дес. облагаемой земли и на 185 тыс. человек населения при среднем бюджете в 244 тыс. р.<sup>3</sup> В Пермской губернии в среднем на каждого члена управы приходилось в 3 раза больше территории (по отдельным уездам в 4–11 раз) и в 1,5–2 раза больше жителей и годового бюджета. При этом каждая уездная управа ежегодно представляла собранию около 100 различных докладов, готовила около 350 постановлений, один из ее членов постоянно был занят исполнением ответственных казначейских обязанностей. Очевидно, что в таких условиях трудно быть «ближайшими, непосредственными распорядителями разнообразных отраслей земского хозяйства», как того требовал закон.

Земское положение 1864 г. не предусматривало никаких вспомогательных органов земского управления, но передача в руки населения местного хозяйства потребовало от земств профессионального отношения к делу, а также специальной подготовки и административного опыта, зачастую отсутствовавших у выборных лиц. При таких условиях развитие земских учреждений было отмечено, с одной стороны, повсеместным ростом вольнонаемного земского персонала, а с другой – стремлением подключить к земскому делу местное население, создав наряду с управami многочисленные вспомогательные органы в форме различных комиссий, совещаний и съездов. Так появились агрономические и экономические комиссии, земско-медицинские советы в губерниях и уездах, а также уездные экономические, сельскохозяйственные, кустарные комитеты и советы, школьные комиссии, добровольные пожарные дружины и др.

Низкий уровень образования гласных (преимущественно крестьян), их слабая профессиональная подготовка определили внимательное и серьезное отношение земств к вольнонаемному персоналу. К началу XX в. общее количество земских служащих в Пермской губернии превышало состав правительственных учреждений. В течение всего периода существования земств на Урале увеличение числа вольнонаемных служащих наблюдалось по всем профессиональным категориям, различаясь только по степени интенсивности. Так, с 1870 по 1899 г. число служащих в канцеляриях уездных и губернской управ возросло на 166%, медицинского персонала на 36%, ветеринаров на 150% и учителей на 195%<sup>4</sup>. Обращает на себя внимание факт присутствия женщин в составе земских служащих. В уездных земствах свыше 25% от общего числа служащих, не считая педагогического персонала, составляли женщины, главным образом в составе уездного медицинского персонала<sup>5</sup>.

Отдаленность уральских земств от центра и дефицит образованных кадров не позволяют говорить о провинциализме земских специалистов, их низкой квалификации. Напротив, среди них были крупнейшие в стране профессионалы. Так, имя земского врача И.И. Моллесона – «дедушки русской санитарии» – было широко известно по всей России. Пермское земство в 1872 г. учредило

<sup>1</sup> Пермская земская неделя. 1912. № 20. С. 17.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 2659. Л. 1–35 об.; Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 346 об.–347.

<sup>3</sup> См.: Журналы Вятского губернского земского собрания XXXV очередной сессии. 1902 г. С. 53–54.

<sup>4</sup> Подсчитано по губернской и уездным сметам и раскладкам с 1870 по 1899 г.

<sup>5</sup> Подсчитано по: РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 288. Л. 1–12 об.; Д. 333. Л. 7 об.–12 об.; СПЗ. 1904. № 2. С. 24–26; Отчет по ревизии земских учреждений Вятской губернии. Т. 1. С. 231–237.

должность санитарного врача, и Моллесон стал первым в России санитарным врачом. И.И. Моллесон выступил с инициативой, а затем (совместно с земскими управами) разработал программу и проект устава врачебных съездов. Он сумел за 1871–1873 гг. широко поставить санитарное дело в крае, организовать медицинскую статистику и оспопрививание, разработать вопрос об устройстве земской медицины на рациональных основаниях<sup>1</sup>.

Земских служащих с полным основанием можно назвать главной рабочей силой земства. Являясь составителями большинства докладов, они сосредоточивали в своих руках всю подготовительную работу, оставляя собрания лишь обсуждение выработанных ими предложений управ и разрешение бюджетных вопросов. Следует обратить внимание и на отсутствие противостояния деятелей общественного самоуправления и государственных чиновников разного уровня. Отсутствие оппозиционных настроений и корпоративной замкнутости земских служащих во многом было обусловлено тем, что в Пермской губернии земский персонал сливался с немногочисленной, состоящей почти исключительно из служащих чиновников местной интеллигенцией. Многие представители земского персонала, начав свою службу в правительственных учреждениях губернии, затем продолжали ее по вольному найму или на выборных должностях в местных земствах, другие совмещали работу в государственных и земских органах. Обращает на себя внимание карьера А.И. Мухлынина, происходившего из богатой купеческой семьи г. Верхотурья. Получив юридическое образование в Московском университете, в 1893 г. он был назначен земским начальником Верхотурского уезда, но его влекла общественная деятельность, и в 1897 г. его избирают гласным Верхотурского земства. Через несколько лет Мухлынин становится председателем губернской земской управы, а при первых же выборах в Государственную думу – ее членом от Пермской губернии.

После введения в Пермской губернии земских органов самоуправления административные обязанности губернатора в сфере благоустройства и благосостояния населения значительно сократились. Народное продовольствие, общественное хозяйство, здравоохранение, общественное призрение были переданы в распоряжение земских учреждений<sup>2</sup>. Положение о земских учреждениях подразделяло их полномочия на обязательные<sup>3</sup> и необязательные (факультативные)<sup>4</sup>. К обязательным функциям земских учреждений относились вопросы, которые не считались непосредственно местными, и составляли делегированную сферу влияния. Факультативные полномочия реализовались земскими учреждениями по своему усмотрению, в зависимости от финансовых возможностей. К ним относились: врачебная помощь населению, организация народного образования и народных чтений, содержание ветеринарной службы, меры «по поднятию экономического положения населения, в том числе улучшение земледелия и других агрономических мероприятий»<sup>5</sup>. Следует также отметить, что стандарты факультативных полномочий законодательством не устанавливались, а разрабатывались земствами непосредственно на местах.

Для практической деятельности уральских земств характерно постепенное сокращение объема обязательных полномочий. С 1870 до 1900 г. расходы земских учреждений Пермской губернии на обязательные мероприятия<sup>6</sup> с 49,8% были снижены до 20,6%. Напротив, необязательные расходы на медицину, народное образование, общественное призрение, ветеринарию и земское управление неуклонно повышались. За 30 лет их доля в земских сметах возросла с 29,3% до 52,7%.

<sup>1</sup> См.: Систематический свод постановлений Пермского губернского земского собрания, 1870–1901. Вып. 2. Отдел медицины, ветеринарии и общественного призрения. С. 285.

<sup>2</sup> См.: ПСЗ-2. Т. XXXIX. Отд. 1. № 40457. Ст. 2.

<sup>3</sup> Обязательные функции, в свою очередь, делились на общегосударственные и губернские. К общегосударственным полномочиям относились: содержание лошадей, помещений на почтовых станциях; устройство шоссе между губерниями, содержание тюрем, подвод при этапировании заключенных, на содержание арестантских рот и исправительных отделений, квартир для чинов полиции; воинская повинность и расходы по пересылке сумм государственных земских повинностей. Обязательными губернскими повинностями являлись: содержание помещений местного гражданского управления, присутствий по крестьянским делам, мировых судов, рекрутских присутствий (до 1874 г.), оспопрививателей, земской почты. Кроме того, земствам поручалось страхование сельскохозяйственных построек от пожаров, содержание городских больниц и учебных заведений, находящихся в ведении правительства, ремонт дорог и мостов, продовольственная помощь населению. К обязательным относились также благотворительные мероприятия: содержание богаделен, пенсии и пособия на погребения бедных.

<sup>4</sup> Деление земских функций на обязательные и необязательные являлось неперменным условием до 1897 г.

<sup>5</sup> См.: СПЗ. 1901. № 2. Отд. 2. С. 82.

<sup>6</sup> При подсчете в категорию обязательных были включены расходы на содержание крестьянских и судебных мировых учреждений, содержание и ремонт общегосударственных и губернских дорог и мостов, содержание тюрем и подвод на почтовых станциях и при этапах арестантских рот.



Именно в этих отраслях местного управления наиболее полно обрисовался характер Пермского земства, его индивидуальный облик. Приоритет факультативных полномочий наглядно демонстрирует, насколько полно проявлялись принципы самоуправления в жизни земских учреждений Урала, их инициатива и самостоятельность. Земствам Пермской губернии принадлежат такие инициативы, как создание первой по всей России агрономической службы; организация текущей статистики при помощи добровольных сельских корреспондентов; учреждение первого в стране кустарно-промышленного банка в Перми; создание санитарной организации, книжных складов; устройства летних детских яслей и сельских библиотек; бесплатного снабжения крестьян книгами.

Начиная свою деятельность, земства неизбежно столкнулись с вопросом: что должно являться сферой их внимания помимо обязательных полномочий, строго предписанных законом. После долгих дебатов о выборе основного направления своей работы, а также в результате тщательного статистического исследования крестьянского быта земства пришли к выводу, что основы народного благосостояния с точки зрения удовлетворения фундаментальных жизненных потребностей: здоровья и медицинского обслуживания, крыши над головой, продовольствия и образования может обеспечить только широкая просветительская деятельность. При этом земства были убеждены, что успешному развитию промышленности, торговли и агрономии будет способствовать народное образование в широком смысле, ставшее «краеугольным камнем» деятельности органов земского самоуправления Пермской губернии<sup>1</sup>. Земские культурно-просветительные мероприятия можно сгруппировать по следующим направлениям: 1) развитие школьной сети; 2) среднее и высшее образование, стипендии и пособия учащимся в учебных заведениях всех типов; 3) внешкольное образование и просветительские мероприятия: библиотеки, народные читальни, книжное дело; 4) содействие профессиональному образованию и распространению агрономических знаний.

Инициатива в развитии народного образования всецело принадлежала уездным земским учреждениям, которым пришлось на этом пути преодолеть немало трудностей. Во-первых, «наследство», доставшееся им с дореформенной поры: отсутствие квалифицированного педагогического персонала, непригодные здания и т.д. Во-вторых, ограниченность в выборе средств и методов школьной политики вынуждало земские учреждения постоянно обращаться с ходатайствами к правительству. Часто они касались несущественных вопросов, которые легко были решаемы на месте. Так, по подсчетам земских специалистов наибольшее количество ходатайств уездных земств Пермской губернии с 1870 по 1900 г. вызывали именно вопросы народного образования<sup>2</sup>. В-третьих, земским органам самоуправления, поставившим цель приучить население относиться к школе как к необходимой потребности, пришлось потратить многие годы на борьбу с невежеством. Сельский житель не сразу оценил заботы земства и понял пользу грамоты. В отдельных случаях ученикам приходилось собираться в школу по наряду от волостного правления, отдававшего строгие приказы сельским старостам выбрать детей для обучения и обязать родителей аккуратно посылать их в школу.

В целом, как по общей сумме расходов на нужды просвещения, так и по процентному отношению к общему бюджету, уральские земства всегда занимали первое место среди 34-х российских земств, лишь в отдельные годы уступая место Московской губернии, по расходам на душу населения. Например, в начале XX в. в Пермской губернии учреждения народного образования всех категорий (Министерства народного просвещения, земские, городские, церковно-приходские и волостные школы грамоты) финансировались в основном органами земского самоуправления – 79% всех средств поступало от губернского и уездных земств.

В области народного образования земства сумели добиться сравнительно высоких результатов. К 1913 г. было открыто 2140 земских начальных училищ и 30 ремесленных и сельскохозяйственных школ. За все время деятельности земских учреждений число школ в регионе увеличилось почти в 19 раз. Кроме того, 7 реальных училищ, 14 женских гимназий, 9 прогимназий и 19 низших училищ различного типа пользовались субсидиями земства<sup>3</sup>. Благодаря открытию

<sup>1</sup> См.: СПЗ. 1900. № 2. Отд. 3. С. 3.

<sup>2</sup> СПЗ. 1902. Отд. 3. № 4.

<sup>3</sup> СПЗ. 1901. № 6. С. 43, 59; Пермская земская неделя. 1910. № 19.

значительного количества новых школ в регионе заметно вырос образовательный уровень населения: если в 1860-е гг. грамотных на Урале насчитывалось 2–3%, то в конце 1890-х гг. – уже 18%, грамотность заводских рабочих и горожан за этот же период увеличилась с 10 до 40%<sup>1</sup>. Земскую работу в области народного образования наглядно иллюстрируют данные о грамотности среди призывников. Так, в 1874 г. из 100 новобранцев только 13% умели писать; имели свидетельства об окончании школы – 0,27%; неграмотные составляли почти 86%. В 1902 г. умеющих читать и писать было уже 48,5%, имеющих свидетельства об окончании школы – 18,7 и неграмотных – 51,5%<sup>2</sup>.

Под народным образованием земские деятели подразумевали не только обучение в школах, но совокупность всех просветительных средств, «которые должны обнимать все население от школьного возраста до преклонного, освещать все стороны народной жизни, направлять на путь всякого усовершенствования»<sup>3</sup>. Важную роль в деле распространения грамотности играли просветительные учреждения для взрослых – воскресные школы, вечерние классы, народные библиотеки и народные чтения. В этой сфере земства Пермской губернии принадлежали многие начинания, распространившиеся затем на всю земскую Россию. Так, первый опыт устройства публичной народной библиотеки принадлежит Екатеринбургскому уездному земству в 1882 г., которое ассигновало 300 р. на открытие 7 библиотек. Пермское губернское земство субсидировало библиотеки в крупном размере: в 1897 г. при его содействии содержалось 158 библиотек, в 1901 г. – 320. К 1900 г. в губернии на средства уездных земств функционировало 109 библиотек, к 1913 г. – уже 708 (с книжным фондом в 444 тыс. томов)<sup>4</sup>.

Однако успех культурно-просветительной деятельности земских учреждений измеряется не только количественными показателями. Принципиальное значение имеет отношение к просвещению самих крестьян, а также их участие в земской деятельности в области народного образования. Пермское губернское земство в 1890-е гг. изучало мнение крестьян о земской школе по программе, разработанной земскими статистиками. Прежде всего выяснялось представление сельского населения о достоинствах и недостатках земской школы. Из 1 тыс. разосланных анкет было возвращено 900, что доказывало высокую степень интереса крестьян к предпринятому земством опросу. Как отмечал руководитель исследования статистик Д.М. Бобылев, в ответах преобладавало убеждение в том, что «заботы о сельском хозяйстве и о народном образовании тесно взаимосвязаны»<sup>5</sup>. На вопрос «охотно ли крестьяне отдают детей в земскую школу» 87,7% опрошенных ответили положительно<sup>6</sup>. Многочисленные сообщения свидетельствовали, что сельское население, предпочитало земскую школу, в которой «программа обширнее» и «более передает науку», «грамота усваивается тверже», а обучение «доступно для всех». Кроме того, «земские школы более снабжены книгами, учебными принадлежностями и ночлежными помещениями»<sup>7</sup>. Сравнивая два типа школ (земскую и церковно-приходскую), крестьяне говорили, что обучение в первой «идет исправнее».

В аграрной стране самая разнообразная помощь требовалась крестьянским хозяйствам. Быстрая капиталистическая трансформация страны и втягивание деревни в рыночные отношения заставило земства Пермской губернии обратить пристальное внимание на эту сферу. Сильнейшим импульсом к интенсивной работе по части экономических, преимущественно агрономических мероприятий был голод 1891 г., после которого земства пересмотрели всю свою предшествующую деятельность и выработали новые пути по развитию сельского хозяйства. Следующий этап усовершенствования этой отрасли был связан с аграрной реформой П.А. Столыпина. Стремясь повысить агрокультуру частновладельческих хозяйств, земства выделяли для этого значительные средства. Многие крестьяне благодаря созданному при российском земстве обществу «Русское зерно» смогли побывать за границей, где они обучались прогрессивным приемам обработки земли, передовой технологии, организации производственной и сбытовой кооперации. Заметим,

<sup>1</sup> См.: Гаврилов Д.В. Грамотность и образовательный уровень населения Урала в конце XIX века. 1885–1900 // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 96.

<sup>2</sup> См.: Бобылев Д.М. Что сделали земства Пермской губернии в интересах местного. Пермь, 1900. С. 14; СПЗ. 1901. № 6. С. 49.

<sup>3</sup> СПЗ. 1901. № 6. С. 51.

<sup>4</sup> Бобылев Д.М. Что сделали земства... С. 12.

<sup>5</sup> СПЗ. 1901. № 5. Отд. 3. С. 6.

<sup>6</sup> СПЗ. 1901. № 2. Отд. 3. С. 2.

<sup>7</sup> СПЗ. 1901. № 5. Отд. 3. С. 6–14.

что Пермское отделение общества, появившееся в октябре 1909 г., было одним из первых в России<sup>1</sup>. Деятельность уральских земств в этой отрасли земского хозяйства может быть разделена на 4 основных направления: 1) доступный кредит для населения; 2) мероприятия по улучшению постановки сельского хозяйства и распространения агрономических знаний; 3) меры, направленные к развитию подсобных отраслей сельского хозяйства; 4) меры для поддержания и развития кустарных промыслов.

Уральские земства первыми пригласили агрономов для оказания помощи крестьянам. Земство всеми мерами способствовало повышению агрокультуры: обеспечивало на льготных условиях породистым скотом, элитными семенами, по умеренным ценам распространяло сельхозмашины и усовершенствованные орудия, способствовало развитию маслоделия, пчеловодства, садоводства. На свои средства земские учреждения создавали сельскохозяйственные школы и фермы, опытные станции и поля, выдавали пособия крестьянам и сельскохозяйственным обществам. Стремясь приблизить к агрономической организации местное население, земства поощряли создание мелких сельскохозяйственных обществ. Для уральского региона был характерен быстрый рост этих организаций. К 1900 г. Пермская губерния имела 39 подобных обществ, занимая по их числу 3-е место после Полтавского и Самарского земств<sup>2</sup>. Общества, имея свои сельскохозяйственные склады, показательные поля, фермы и мастерские и привлекая к работе крестьян, дополняли земскую агрономическую деятельность. Земства оказывали обществам материальную поддержку, например, Екатеринбургское уездное земство раз в году выдавало каждому обществу безвозвратное пособие по 200 р.<sup>3</sup> В Пермской губернии с конца 1890-х гг. стали устраиваться ежегодные «съезды сельских хозяев крестьян», с инициативой созыва которых выступило Екатеринбургское уездное земство<sup>4</sup>.

В области интенсификации сельского хозяйства земства могли быть полными хозяевами. Правительство не только не стесняло их деятельности в этом направлении (в отличие от социально-культурной сферы), но даже старалось оказывать содействие. По данным земской статистики, наибольшим количеством разрешений отличались ходатайства именно по вопросам сельскохозяйственных мероприятий и кустарной промышленности<sup>5</sup>. Тем не менее, несмотря на широкую и многообразную экономическую деятельность, объем которой занимал одно из первых мест в России, пермским земствам не удалось коренным образом улучшить благосостояние всего населения уральского региона. Изучая состояние крестьянских хозяйств, земства пришли к выводу, что главная причина неудовлетворительного положения сельского населения заключалась в условиях, которые не могли быть устранены силами одного только земства, а требовали государственной поддержки и изменения законодательства. Для удовлетворения хозяйственных нужд населения и повышения его благосостояния земства Пермской губернии предлагали ввести мелкую земскую единицу в виде всесословной волости, расширить права органов земского самоуправления и организовать дешевый доступный кредит<sup>6</sup>.

Несмотря на то, что, законодательство рассматривало земства как институт гражданского права, на практике они частично включались в структуру государственного управления, не обладая при этом соответствующими полномочиями. Со временем правительство вынуждено было делегировать земствам некоторые административные полномочия, касающиеся санитарной части и противопожарных мероприятий. Так, в 1908 г. пермский губернатор после объезда губернии направил земским начальникам циркуляр, в котором обращалось внимание на то, что население не везде и не в полном объеме исполняет обязательные постановления 29-го очередного губернского земского собрания о мерах предосторожности от пожаров<sup>7</sup>. Совместных усилий общественных и государственных структур требовали потребности экономического развития региона. Правительство неоднократно привлекало земства к обсуждению актуальных вопросов

<sup>1</sup> См.: Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1910 г. Пермь, 1909. С. 129.

<sup>2</sup> СПЗ. 1903. № 5. Отд. 3. С. 77–109.

<sup>3</sup> Там же. С. 179.

<sup>4</sup> См.: Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXIX очередной сессии и доклады управы. 1899 г. С. 393.

<sup>5</sup> См.: СПЗ. 1902. № 4. Отд. 2. С. 173.

<sup>6</sup> См.: Шидловский С. И. Земский свод трудов местных комитетов по 49 губерниям Европейской России. СПб., 1904. Гл. 4; СПЗ. 1902. № 4. Отд. 2. С. 173.

<sup>7</sup> ГАСО. Ф. 679. Оп. 1. Д. 239. Л. 5.

развития региона. Уже в 1860-е гг. возникла практика, когда государство передавало в земские собрания законопроекты для предварительного обсуждения. Так, в 1869 г. МВД поручило губернаторам передать на обсуждение губернских земских собраний «имевшиеся в виду правительства предложения о мерах к сбережению частных лесов». В следующем году особая комиссия передала на рассмотрение земских собраний вопрос «о возможном сокращении производимой из государственного земского сбора приплаты по содержанию лошадей»<sup>1</sup>. В конце XIX – начале XX в. земства привлекались для обсуждения целого ряда аграрных проблем, в частности, в 1902 г. начало функционировать Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, в котором активное участие приняли представители пермского земства. Но наиболее продуктивно совместная деятельность государственных учреждений и органов земского самоуправления проявилась в 1907–1914 гг. при реализации столыпинских реформ в аграрной сфере и в области введения всеобщего начального обучения, а также в годы Первой мировой войны.

В годы войны активизировались не только совместные действия государственных учреждений с органами земского самоуправления, но и сотрудничество земств разных губерний, выразившееся в деятельности Всероссийского земского союза. Местные комитеты ВЗС в вопросах снабжения армии и оказания помощи раненым, беженцам, сиротам и вдовам с самого начала стали объединяющими и координирующими центрами в своих регионах. Им приходилось вступать в самые разнообразные отношения с органами государственной власти, общественными организациями и населением. Однако отсутствие у союзных комитетов в губерниях и уездах, как и у земств принудительной власти, а также отсутствие длительного опыта межгубернских и межъездных контактов осложняло деятельность пермских комитетов ВЗС. Как отмечал на 54-й чрезвычайной сессии губернского земства Пермский комитет Всероссийского земского союза по снабжению армией, ему пришлось «натолкнуться на ряд препятствий», например, на «упорное молчание Уральского районного военно-промышленного комитета на просьбу комитета союза приобрести нужное количество железа для кустарей», выполнявших военный заказ<sup>2</sup>. Но, несмотря на трудности, пермские комитеты ВЗС выполняли и перевыполняли военные заказы. Пермская губернская земская управа в 1916 г. отмечала в своем докладе: «Кустарный отдел губернского земства настолько слит с деятельностью военно-технического отдела губернского комитета ВЗС», что «не осталось ни одной отрасли кустарного отдела не причастной к исполнению того или иного военного заказа»<sup>3</sup>.

Губернатор и губернское правление, как представители центрального правительства ориентировались, прежде всего, на общегосударственные интересы, заботясь о выполнении государственных задач, интересах казны, своевременном поступлении налогов, повсеместном исполнении законов и соблюдении установленных правил. Поэтому вся их деятельность регламентировалась циркулярами царского правительства и степень свободы губернской администрации была минимальной. Земские учреждения, напротив, могли самостоятельно определять объем и соотношение обязательных и факультативных функций. Земства отдавали предпочтение мероприятиям необязательным, преимущественно в социокультурной сфере. Однако именно это вызывало беспокойство губернской администрации. Губернаторы регулярно обращали внимание гласных на необходимость установления строгого и правильного контроля в расходовании сумм земского сбора, на осторожность и осмотрительность при назначении земских расходов<sup>4</sup>. Неоднократно звучали призывы к водворению финансового порядка, к отказу от необдуманной щедрости в выдаче ссуд населению, об осторожном отношении к увеличению земских расходов, предостережения о необдуманных расходах. Следует признать, что земским гласным (особенно губернского собрания) было присуще стремление сразу все «учредить, ввести и устроить». Многие земские проекты, созданные из лучших помыслов помощи народу, были необоснованными в финансовом отношении, поэтому зачастую претензии губернаторов были справедливыми. Открытие школ и больниц, агрономические мероприятия требовали повышения расходной части

<sup>1</sup> Земский феномен: Политологический подход. Саппоро, 2001. С. 58–59.

<sup>2</sup> Журналы Пермского губернского земского собрания 54-й чрезвычайной сессии, 1915 г. С. 11.

<sup>3</sup> Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 46-й очередной сессии. Отд. 3. Экономические мероприятия, 1916 г. С. 195.

<sup>4</sup> ГАСО. Ф. 435. Оп. 1. Д. 745. Л. 4–18; Д. 802. Л. 206–5.



земских бюджетов и роста налогов, что негативно отражалось на платежеспособности крестьянства – основного налогоплательщика.

В Пермской губернии сложилась традиция, когда губернаторы, предваряя работу земских собраний, выступали с обстоятельными речами, в которых тщательно анализировали работу земства за истекший год и предлагали гласным сосредоточиться на самых важных, с их точки зрения, направлениях местного хозяйства. Таким основательным подходом к работе земских собраний отличался губернатор Д.Г. Арсеньев. В его губернаторство, несмотря на постоянные столкновения интересов казны и земского самоуправления, взаимоотношения губернской администрации и земских учреждений современниками были признаны как наилучшие<sup>1</sup>. Другие губернаторы также проявляли глубокую заинтересованность к земским и городским проблемам. Неоднократно по предложению именно губернаторов земство приступало к реализации того или иного мероприятия. Например, при содействии В.В. Лукошкова в 1888 г. при пермской губернской управе был учрежден Комитет для содействия кустарной и другим отраслям промышленности. В ходе подготовки к Уральской научно-промышленной выставке по предложению губернатора и его поддержке уездные земства выделили средства для организации посещения выставки выборными от волостей всех уездов губернии и о прикреплении к ним экскурсоводов из земских служащих для необходимых объяснений<sup>2</sup>.

Таким образом, довольно часто при решении самых актуальных проблем региона – просвещения, обеспечения продовольствием, развития кустарной промышленности, санитарии, противопожарной безопасности – устремления земства и губернаторов совпадали, особенно когда на посту начальника губернии оказывался человек просвещенный с прогрессивными взглядами.

В целом в практической деятельности Пермского земства можно выделить два основных этапа: 1) 1870–1880-е гг. и 2) конец XIX – начало XX века. В первый период путем «проб и ошибок» шел поиск наиболее действенных и плодотворных методов земской деятельности; исследовались местные природные, экономические и бытовые условия, проводились статистические исследования, в это время формировались все основные земские органы: комиссии, комитеты, общества. Создавалась материальная база – школы, библиотеки, больницы, фермы, мастерские, склады и т.д. Для земской деятельности первого периода характерны тщательное изучение всех местных условий и отсутствие излишней спешки. На второй период приходятся наиболее значительные земские мероприятия – начало введения всеобщего обучения, распространение внешкольного образования, открытие библиотек, окончательное становление агрономической и статистической организаций, поддержка кустарной промышленности. Для этого периода была характерна наибольшая активность местного населения, которые через разнообразные общества и комиссии участвовали в земском самоуправлении.

### **Агрономы и статистики на службе земств**

В условиях модернизации России во второй половине XIX – начале XX вв. культурная и общественно-политическая деятельность земских служащих («третьего элемента») становилась важным фактором рационализации экономических, социальных и психологических связей крестьянского мира. Земская интеллигенция – учителя, врачи, агрономы, статистики, ветеринары, фельдшеры – являлись своеобразными посредниками между городской и деревенской культурой. Как представители земской интеллигенции включались в модернизационные процессы, мыслили себе цели и задачи культурного, социально-экономического преобразования деревни? Как осуществлялось взаимодействие между крестьянством и земской интеллигенцией? Как относилось крестьянство к предлагаемым земскими специалистами переменам? На эти вопросы важно ответить, анализируя деятельность агрономических и статистических служб уральских земств<sup>3</sup>.

С момента своего возникновения и вплоть до начала 1880-х гг. уральские земства, как, впрочем, и другие земства страны, не предпринимали активных действий в аграрной сфере. По мне-

<sup>1</sup> См.: Пермские губернаторы: традиции и современность. Пермь, 1997. С. 150.

<sup>2</sup> Там же. С. 133, 135.

<sup>3</sup> Чернышева Е.В. Взаимоотношения земской интеллигенции и крестьянства: историографический аспект // Государственная власть и крестьянство в конце XIX – начале XXI века: сборник статей. Коломна, 2009. С. 74.

нию современников, деятельность земств в сельском хозяйстве в первое двадцатилетие своего существования носила «случайный характер». Это объяснялось тем, что внимание земских собраний и управ было сконцентрировано на таких проблемах как образование и здравоохранение. Огромных расходов требовала местная инфраструктура – строительство и ремонт дорог, создание школ и больниц. В частности, организационные и материальные ресурсы Пермского губернского земства во многом были направлены на поддержание и реконструкцию дорожной сети. По меткому замечанию исследователя земства Б.Б. Веселовского, история Пермского земства 1870-х гг. это – «история Сибирского тракта»<sup>1</sup>.

В сфере сельского хозяйства в 1870-е гг. земства уральских губерний проводили единичные мероприятия, главным образом сельскохозяйственные выставки, которые, однако, не имели систематического характера. С первыми попытками экономической помощи уральскому селу связаны статистические опыты изучения сельского хозяйства и крестьянства края. Земские статистические изыскания были вызваны не только «научным любопытством» отдельных представителей земств, но и имели утилитарный характер. Для решения экономических задач губернским и уездным управам была необходима актуальная информация не только о численности населения, но и его хозяйственной деятельности, а также природных ресурсах вверенной им территории. Созданные при управах статистические бюро и отделения, уже в силу своего положения, во многом определяли взгляды земства на аграрную экономику региона. Статистика и статистики, «призванные» на службу земств, были «глазами» земских органов управления.

Возникновение и развитие земской статистики было процессом длительным как в организационном, так и методологическом плане. Основной проблемой на пути организации статистического дела в российской глубинке был недостаток квалифицированных кадров. Так, Пермское губернское статистическое бюро начало фактическое функционирование с 1877 г., тогда как вопрос о его создании был поставлен еще в 1873 г. Целями работы вновь созданного бюро были с одной стороны необходимость фискального учета, т.е. определение размера земских «раскладок», а, с другой, изучение социально-экономического положения населения<sup>2</sup>.

В контексте изучения подходов земства к социально-экономическому развитию региона несомненный интерес представляет общественная деятельность и взгляды земского статистика Егора Ивановича Красноперова (1843–1897), длительное время возглавлявшего статистическую службу Пермского губернского земства. Жизненный путь Е.И. Красноперова был тернист. Родился будущий статистик и видный общественный деятель в Вятской губернии в семье священнослужителя. Окончил Вятскую духовную семинарию, после которой в 1863 г. поступил в Казанский университет. В это время, кроме обучения в университете, Е.И. Красноперов подрабатывал караульщиком дров на одной из пристаней города, занимался самообразованием – изучал английский язык. На первом году обучения он был исключен из университета за участие в студенческих волнениях, арестован и подвергнут ссылке. Во время четырехлетнего заключения и ссылки бывший студент Красноперов изучал французский и немецкий языки, которые в дальнейшем позволили ему познакомиться с экономической и статистической литературой западноевропейских стран. В 1868 г. Красноперов возвратился в Вятку и поступил на службу в местное земство, где служил на протяжении трех лет. Затем работал на разных должностях в Ветлуге, Васильсурске, Царицыне, Нижнем Новгороде. В Пермское земство Егор Иванович был приглашен председателем Пермской губернской управы Д.Д. Смышляевым в 1876 г. на должность делопроизводителя, а затем председателя статистического бюро, где он проработал 20 лет<sup>3</sup>.

Формирование взглядов статистика проходило в период бурного общественного подъема, вызванного подготовкой и отменой крепостного права. По мнению биографов детство и юность Красноперова протекали в тяжелых материальных и психологических условиях, что способствовало увлечению народническими и демократическими идеями. Причастность Красноперова к протестному движению в студенческие годы, закрепила за ним репутацию «политически

<sup>1</sup> Веселовский Б. История земства за сорок лет. Т. 4. СПб., 1911. С. 672; Черныш М.И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959. С. 144–151.

<sup>2</sup> Красноперов Е.И. О ходе статистического дела в учреждениях Пермского губернского земства // Сборник Пермского земства. 1882. № 3. Отд. 3. С. 2, 6, 13.

<sup>3</sup> Памяти Е.И. Красноперова // Сборник Пермского земства. 1897. № 1. С. 4.

неблагонадежного» человека и закрыла возможности для службы в государственных органах управления<sup>1</sup>.

Подходы Егора Ивановича к статистическим исследованиям Пермской губернии, его оценки экономического положения населения края, оказывали значительное влияние на мероприятия, проводимые земскими органами управления. За годы службы статистиком в Пермском губернском земстве, Е.И. Красноперов создавал процедуры оценок земельных и лесных угодий, недвижимого имущества, кустарной промышленности. Однако центральное место в исследованиях, возглавляемого им статистического бюро, отводилось сельскому хозяйству.

Среди земских деятелей Егор Иванович был фигурой заметной, его профессиональные качества высоко ценили и коллеги-статистики. Известный общественный деятель, агроном и статистик Н.Л. Скалозубов так отзывался о Красноперове: «Кто в Пермской губернии не знает Егора Ивановича? Какой коренной вопрос земского хозяйства в области экономических мероприятий был разработан без его живого участия? Имя его связано со всем, что хорошего создавало земство. Бессменно стоя земским деятелем со времени открытия земских учреждений в губернии он высоко держал земское знамя. Бывали и у земства периоды застоя, безлюдья, в эти периоды один Егор Иванович, как старое бродило, как фермент (так характеризовал его покойный проф. Янсон) хранил земские традиции и передавал их новым людям, новым деятелям. А сколько их прошло перед глазами Егора Ивановича.

Громадное уважение, каким он от всех пользовался, обуславливалось, во 1-х, личными его качествами – это был человек необычайной простоты, добрый, сердечный, юношески увлекающийся и юношески честный; во 2-х, его определенными и твердыми убеждениями. Он не стеснялся каждому беседовавшему с ним высказать правду, хотя бы он знал, что правда и была не по сердцу собеседнику; с точки зрения своих убеждений, взглядов на земство, на отношения его к населению и его нужды он ценил деятельность каждого из новичков. Многим из нас, его сотрудников, часто приходилось слышать от него горькие упреки...»<sup>2</sup>.

С первых дней работы в должности губернского статистика Е.И. Красноперов занимался разработкой материалов о состоянии крестьянских хозяйств, собранных управой в первой половине 1870-х гг. Уезды Пермской губернии имели значимые отличия в условиях ведения и интенсивности земледелия. Первые статистические описания крестьянских хозяйств Красноперов провел на материалах трех уездов: Красноуфимского, Шадринского и Верхотурского. Материалы первого из них позволяли охарактеризовать хозяйственные возможности юго-восточной части Пермской губернии. Во втором превалировала экстенсивная система земледелия, лесостепной и степной зон. Третья территория характеризовалась малоземельем с условиями ведения хозяйства в лесной местности среднего и северного Урала<sup>3</sup>. В своих исследованиях Красноперов определил несколько аспектов изучения крестьянского хозяйства: общинное землевладение и формы землепользования, аренда земли, система обработки почвы, условия найма рабочей силы в сельском хозяйстве, значение скотоводства для крестьянских хозяйств. Рассмотрение этих и других более частных вопросов, предпринятые Е.И. Красноперовым, способствовали структурированию знаний о состоянии сельского хозяйства в Пермской губернии<sup>4</sup>.

На основании проведенных исследований он пришел к выводу, что в Пермской губернии крупные землевладельцы занимаются лесным хозяйством, а сельскохозяйственная деятельность ими фактически не ведется. Часть посессионной земли сдается крестьянам в аренду, которые обрабатывают как наделные общинные земли, так и арендованные участки. Красноперов констатировал, что сельское хозяйство губернии – крестьянское. Основной отраслью аграрного сектора экономики было земледелие, хотя существовали хозяйства, специализировавшиеся на скотоводстве, особенно в горнозаводских районах, где пахотных земель было недостаточно и имевшиеся наделы использовались в качестве выгонов, покосов и огородов.

<sup>1</sup> Плотникова Г.Н. Е.И. Красноперов и Пермский край // Страницы прошлого: избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми / Сост. Т.И. Быстрых, А.Ф. Старовойтов. Вып. 2. Пермь, 1999. С. 221–222.

<sup>2</sup> Памяти Е.И. Красноперова // Сборник Пермского земства. 1897. № 1. С. 9–10.

<sup>3</sup> Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии. Красноуфимский уезд. Вып. 1. Пермь 1879; Материалы для сельскохозяйственной статистики. Шадринский уезд. Вып. 2. Пермь, 1880; Материалы для сельскохозяйственной статистики. Верхотурский уезд. Вып. 3. Пермь, 1881.

<sup>4</sup> Телицын В.Л. Е.И. Красноперов и его статистико-экономические исследования сельского хозяйства Пермской губернии // Страницы прошлого: избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 141.

Статистические изыскания Красноперова в области сельского хозяйства по достоинству были оценены современниками. В 1882 г. Комиссия Отделения статистики Императорского русского географического общества (ИРГО) отметила исследование Е.И. Красноперова «Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии» большой золотой медалью<sup>1</sup>.

Анализируя условия сельскохозяйственного производства и его возможные перспективы, Красноперов полагал, что земство должно идти по пути улучшения техники обработки земли в губернии, способствовать приспособлению крестьянского хозяйства к естественным и экономическим условиям. Нововведения, по мнению статистика, не обязаны были коренным образом менять систему хозяйства, но должны быть направлены на внесение отдельных изменений, «не эффективных по внешности, но весьма важных и серьезных по существу». Образцами таких нововведений могли стать показательные земские фермы, сельскохозяйственные школы, опытные поля и станции, выставки сельского хозяйства и кустарной промышленности<sup>2</sup>.

Последнее крупное статистическое исследование Е.И. Красноперова, было связано с организацией, проведением и разработкой материалов подворной переписи крестьянских хозяйств Оханского уезда Пермской губернии, которая проводилась в течение 1890–1891 гг. Подворное исследование Оханского уезда было одно из четырех масштабных статистических изысканий, предпринятых уездными и губернским земствами Пермской губернии. В период работы Красноперова на своем посту подобного рода исследования проводились и в других уездах губернии: Чердынском (1883–1886 гг.), Екатеринбургском (1885–1887 гг.), Красноуфимском (1888–1891 гг.)<sup>3</sup>. Проведение подворных переписей требовало от земства значительных затрат сил и средств. За чем проводились эти работы?

Необходимость масштабных и дорогостоящих исследований губернское земство объясняло тем, что «только сведения, добытые подворной переписью, могут дать земству полный и благонадежный материал для решения если не всех, то наиболее важных вопросов, касающихся крестьянского и заводского населения, имеющих экономический характер». По мнению организаторов переписи в Оханском уезде, собранные данные должны были помочь работе отделения Крестьянского поземельного банка. Главный губернский статистик Е.И. Красноперов по этому поводу писал, что сведения, полученные в ходе переписи, окажут «ближайшую пользу» по продаже крестьянам земли частными владельцами. Обширная программа статистических исследований, разработанная губернским статистическим бюро, позволила составить географическое описание местности, собрать данные о численности и структуре населения, землевладении, скотоводстве, земледелии, лесном хозяйстве, промыслах (местных и отхожих), платежах и сборах, бытовых условиях жизни населения, кредитных учреждениях и долгах жителей Оханского уезда казне, земству и частным кредиторам<sup>4</sup>.

Материалы переписи в силу длительных согласований, обширной программы, коренных изменений плана публикации результатов и недостатка финансов долго не выходили в печать. В итоге лишь в 1896 г. были опубликованы данные по 9 волостям северо-западной части Оханского уезда. Однако, даже неопубликованные, первичные статистические сводки активно использовались Пермским отделением Крестьянского поземельного банка, а также губернским земством, особенно в части организации мелкого сельскохозяйственного кредитования<sup>5</sup>. Что же касается материалов по другим 38 волостям, то их публикация так и не была завершена, по причине смерти автора-разработчика переписи – Е.И. Красноперова. Указанные выше факты показывают, что становление и развитие земского статистического дела во многом было обусловлено работой отдельных энтузиастов. Находясь на периферии европейской России, Пермское земство привле-

<sup>1</sup> Капустин С.Я. Отзыв действительного члена С.Я. Капустина о труде г. Красноперова «Материалы для сельскохозяйственной статистики Пермской губернии». СПб., 1882.

<sup>2</sup> Телицын В.Л. Е.И. Красноперов и его статистико-экономические исследования сельского хозяйства Пермской губернии // Страницы прошлого: избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Пермь, 1995. С. 142.

<sup>3</sup> Земские подворные переписи 1880–1913 гг.: поуездные итоги / Сост. Н.А. Сваицкий, З.М. Сваицкая. М., 1926. С. 42, 136.

<sup>4</sup> Подворное исследование экономического положения сельского населения Оханского уезда Пермской губернии, произведенное в 1890–1891 гг. / Сост. Е.И. Красноперов. Вып. 1. Пермь, 1896. С. VIII.

<sup>5</sup> Там же. С. I.



кало различные кадры, в том числе и такие, которые с точки зрения государства не заслуживали «полного доверия».

Параллельно с исследованием экономики края, земством предпринимались активные попытки развития местного хозяйства. Одним из направлений экономической помощи населению было развитие земских агрономических служб. Первые попытки проведения агрономических мероприятий в России предпринимались в начале 1870-х гг. Вятским и Шадринскими земствами, а также Новгородским и Верхотурским в конце десятилетия. Однако, эта деятельность, как было указано выше, не имела систематического характера<sup>1</sup>. Впервые вопрос об организации земской агрономической помощи населению был поставлен в Пермской губернии. В 1879 г. земское собрание Верхотурского уезда разрешило управе пригласить на службу специалиста-агронома, который бы «ознакомившись с местными условиями уезда, дал указания, какие машины, какие семена следует выписать и познакомил бы крестьян на деле с употреблением усовершенствованных орудий и с различными рациональными приемами хозяйства». Управа обратилась с подобной просьбой к П.С. Левитскому, преподавателю Нижнетагильского реального училища, агроному по образованию.

В 1883 г. Пермское губернское земство первое в России создало особый институт агрономической службы. Инициатором создания, вновь организованного института агрономических смотрителей был Н.А. Соковнин – директор Красноуфимского реального училища. На протяжении 1883–1886 гг. должности агрономических смотрителей были введены во всех уездах губернии. На вновь введенные должности агрономических смотрителей приглашались выпускники Красноуфимского реального училища, а также выпускники других сельскохозяйственных образовательных учреждений России.

Поводом для учреждения должностей агрономических смотрителей в Пермской губернии послужило непрекращающееся опустошение насекомыми-вредителями крестьянских полей, борьба с которыми не велась. В качестве кандидатов на эти должности директор Красноуфимского реального училища Н.А. Соковнин, где с 1880 г. был введен двухлетний курс по изучению сельского хозяйства, выдвинул выпускников этого училища, считая их достаточно подготовленными по энтомологии, так что им можно было не только поручить определить виды появляющихся вредителей растений, но и указать крестьянам способы борьбы с этими врагами полевого хозяйства. Кроме борьбы с вредителями, в круг обязанностей смотрителей также входили агротехнические советы крестьянам и сбор статистических сведений о сельском хозяйстве уездов. Теоретическое и научное руководство их деятельностью осуществлял Н.А. Соковнин. Постепенно в круг деятельности агрономического персонала были включены практически все мероприятия по улучшению сельского хозяйства: распространение улучшенных семян хлебов, овощей, кормовых растений, развитие мероприятий по применению минеральных удобрений, демонстрация и распространение сельскохозяйственных машин и орудий, меры по развитию скотоводства, пчеловодства<sup>2</sup>.

В 1887–1893 гг. по примеру Пермской была организована агрономическая служба в Вятской губернии. В остальных земских губерниях России институт агрономов вводился значительно позже. Агрономическая организация на Южном Урале была создана позднее, в Уфимской губернии процесс ее организации растянулся на 1890–1902 гг.<sup>3</sup>.

В начальный период своей деятельности сфера ответственности агрономических служб не была ограничена работой по развитию сельского хозяйства. Наряду с прямыми обязанностями по развитию аграрного сектора экономики земские агрономы выполняли и не свойственные им функции. Так, например, вятские и пермские агрономы до начала 1890-х гг. исполняли обязан-

<sup>1</sup> Есикова М.М. Возникновение и развитие агрономической службы в России (1880–1917 гг.) // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2010. № 4–6. С. 276.

<sup>2</sup> Дашкевич Л.А. Земская общественно-агрономическая служба в Пермской губернии рубежа XIX–XX веков // Интеллигент в провинции. Вып. 1. Екатеринбург, 1997. С. 91–92; Герасимов Г.А., Мирская О.Н. Деятельность земских агрономических смотрителей в бывшей Пермской губернии по оказанию агрономической помощи крестьянским хозяйствам в 80–90-х годах XIX века // Труды Пермского государственного сельскохозяйственного института им. акад. Д.Н. Прянишникова. Т. 67. Вопросы растениеводства. Пермь, 1970. С. 12–13.

<sup>3</sup> Веселовский Б. История земства за сорок лет. Т. 2. СПб., 1909. С. 133–134.

ности страховых агентов. Агрономические смотрители пермских земств до 1893 г. были обязаны контролировать работу сельских хлебозапасных магазинов<sup>1</sup>.

В 1880-е гг. в центре сельскохозяйственной деятельности пермского земства стояла работа Красноуфимского промышленного училища при котором действовала земская сельскохозяйственная ферма и мастерская сельскохозяйственных орудий и машин. При Красноуфимском реальном училище были организованы совещания агрономических смотрителей, с привлечением других земских специалистов. Руководил деятельностью совещательного органа директор училища Н.А. Соковнин. Во многом благодаря стараниям Н.А. Соковнина училище становится местом притяжения специалистов сельского хозяйства. Именно кадровый потенциал училища и земства позволили не только сформулировать, но и реализовать передовые инициативы в области сельского хозяйства. В исследуемый период в Красноуфимском земстве и промышленном училище трудились видные специалисты сельского хозяйства, в основном выпускники Петровской земледельческой и лесной академии, старейшего аграрного высшего учебного заведения страны. Так, например, в этот период в училище работал И.И. Барсуков, с 1882 г. преподававший в училище математику, ботанику и сельскохозяйственные науки. Позднее И.И. Барсуков сменил Н.А. Соковнина на посту директора и проработал в этой должности с 1 сентября 1889 г. по 1 августа 1896 г.<sup>2</sup> Постоянным участником агрономических совещаний при промышленном училище был видный агроном и статистик Н.Л. Скалозубов, который после получения степени кандидата сельскохозяйственных наук в 1886 г., руководил работой Красноуфимского статистического бюро, а с 1892–1894 гг. являлся сотрудником статистического бюро Пермского губернского земства<sup>3</sup>.

Дальнейшее развитие участковой агрономии в уральской провинции связано с именем В.А. Владимирского (1863–1913), выпускника Петровской академии, уроженца Пермской губернии. Возвращение Владимирского из столичного московского региона на Урал не было добровольным. Двадцатичетырехлетний кандидат сельского хозяйства был выслан в Пермь в 1887 г. по причине «политической неблагонадежности», так как являлся одним из фигурантов полицейского расследования 1884–1887 гг. о деятельности народолюбческой организации, получившего известность как «Процесс 21-го» или «Дело Лопатина». Уральская провинция не могла похвастаться обилием специалистов с высшим сельскохозяйственным образованием. Вероятно именно поэтому уже в следующем 1888 г. Пермское земство приняло В.А. Владимирского на должность губернского агронома. В этой должности он проработал до 1896 г., проявив незаурядные способности организатора земской агрономии<sup>4</sup>.

В сферу деятельности губернского агронома входило заведование вопросами агрономической организации земства и руководство деятельностью агрономических смотрителей в соответствии с решениями земства – съезда агрономических смотрителей.

Вследствие того, что агрономическая организация в Пермской губернии начала работать ранее, чем в других губерниях Европейской России, первые пермские агрономы не могли заимствовать опыт коллег. В специальной литературе механизмы работы участковой агрономии также не были разработаны. Методика работы с населением вырабатывалась опытным путем.

Идейные взгляды руководителя агрономической службы и его ближайших соратников во многом определяли направления деятельности земства по экономическому развитию села. Одним из основных методов внедрения передовых технологий и техники в крестьянскую среду земскими специалистами были избраны беседы и показательные опыты. По замыслу организаторов, агрономический смотритель не просто «шел в народ», чтобы продемонстрировать передовые орудия труда, способы обработки почвы и новые сорта растений, но и должен был приобщить «темную крестьянскую массу к культуре земледелия». Принципы организации агрономической службы Пермской губернии, во многом созвучные с идеями народничества сыскали популярность в земской среде России. В руках оппозиционно настроенной интеллигенции агрономия становилась не

<sup>1</sup> Веселовский Б. История земства за сорок лет. Т. 2. СПб., 1909. С. 134.

<sup>2</sup> Алексейчик Л. Красноуфимское земство: без основания и вершины // Сердце Предуралья / под ред. С.А. Русинова, В.А. Пономарева, Л.Е. Алексейчик. Екатеринбург, 2007. С. 75–77.

<sup>3</sup> Панфилов А.Э., Ильин В.С. Николай Лукич Скалозубов и истоки научной агрономии Зауралья // АПК России. 2015. № 72/1. С. 105.

<sup>4</sup> Красноперова Н.В. Первый пермский губернский агроном В.А. Владимирский // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми / Сост. и ред. Т.И. Быстрых. Вып. 2. Пермь, 2010. С. 48–49; Троицкий Н.А. Политические процессы в России 1871–1887 гг. Саратов, 2003. С. 133–145.

просто наукой о земледелии, но и способом преобразования социально-экономической действительности<sup>1</sup>.

Главное назначение земской агрономии В.А. Владимирский видел в подъеме уровня культуры крестьянского населения. Работая на посту агронома, он выдвинул идею создания сельских народных университетов. В 1894 г. Владимирский представил земству проект преподавания в четвертых отделениях при начальных народных училищах. Согласно проекту, училище должно было дать своим воспитанникам основные сведения по естествознанию, развить в них сознательное отношение к окружающей природе. Из преподавания предлагалось «изгнать обычную школьную схоластику», основанную на заучивании плохо понятных фактов. Преподаватель должен был научить аудиторию «самостоятельно наблюдать природу и мыслить о ней». Средством для этого должны были стать беседы, экскурсии и опыты. По мнению агронома, популярные систематические курсы могли посещать все крестьяне, без различия возраста и подготовки. По различным причинам этот проект не был реализован, главной из которых была отсутствие преподавателей. Культурно-просветительным центром должен был стать и Пермский сельскохозяйственный музей, проект которого В.А. Владимирский предложил в 1889 г. Губернский агроном уверял своих подчиненных в необходимости нести сельскохозяйственные знания в крестьянскую среду в общепотребительной и живой форме, развивать самостоятельный и «живой ум» крестьянина<sup>2</sup>.

Кроме активной профессиональной деятельности губернский агроном был замечен местной полицией в «антиправительственной деятельности». В служебных командировках Всеволод Александрович распространял не только агрономические знания, но и «сеял» революционные идеи. Эти сведения дошли до местного жандармского управления. На квартире у губернского агронома в апреле 1895 г. был проведен обыск. Активные действия полиции побудили Владимирского оставить службу в Пермской губернии и заставили отправиться в «добровольную ссылку», заняв должность помощника руководителя экспедиции по обследованию Степного края, где он служил до 1898 г. После двух лет службы в среднеазиатских степях, В.А. Владимирский вновь возвращается на работу в Пермское земство, на этот раз на должность статистика. С 1899 по 1903 г. он служил заведующим отделением общей статистики губернского земства.

Проживая в Перми, Владимирский был организатором и участником ряда общественных проектов на территории губернии. В 1894 г. Всеволод Александрович был библиотекарем Совета Пермской комиссии Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ), с 1899 по 1904 г. состоял товарищем председателя Пермского научно-промышленного музея. Занимая общественные должности, Владимирский являлся активным проводником идей доступного образования для широких слоев населения. С этой целью он добился учреждения библиотеки-читальни имени первого председателя губернской земской управы Д.Д. Смышляева. Библиотека была открыта в Перми 17 октября 1899 г. Позднее, в 1901 г., у библиотеки появился филиал в Мотовилихинском заводе. Членами библиотечного общества состояли видные общественные деятели Пермской губернии и сотрудники земства: Д.М. Бобылев, П.Л. Голубев, Н.В. Мешков, Е.А. Наумова, А.В. Онучков, П.Н. Серебренников, С.А. Удинцев, А.Н. Ягодникова. Длительное время председателем общества был В.А. Владимирский, возглавлявший общество с момента его образования в 1899 г.<sup>3</sup>

Губернская власть с крайним недоверием относилась к общественной деятельности бывшего агронома, подозревая его в пропаганде революционных идей. По распоряжению Пермского губернатора от 3 мая 1902 г. В.А. Владимирский был исключен из состава комитета библиотечного общества, а 6 марта того же года арестован. 1 августа 1902 г. арестованный Владимирский вместе с другими заключенными объявил 11-дневную голодовку, требуя скорейшего рассмотрения дела. В двадцатых числах августа Владимирского освобождают из под стражи за «недоказанностью улик». Однако, уже 13 марта 1903 г. он вновь под арестом, по обвинению в работе пермской ячейки РСДРП. С марта по октябрь 1903 г. он находился в губернской тюрьме, а затем направлен

<sup>1</sup> См.: Чайнов А. Основные идеи и методы работы общественной агрономии. М., 1918.

<sup>2</sup> Дашкевич Л.А. Земская общественно-агрономическая служба в Пермской губернии рубежа XIX–XX веков // Интеллигент в провинции. Вып. 1. Екатеринбург, 1997. С. 93.

<sup>3</sup> Краснопорова Н.В. Первый пермский губернский агроном В.А. Владимирский // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми / Сост. и ред. Т.И. Быстрых. Вып. 2. Пермь, 2010. С. 53–54.

в Верхотурский уезд. Решением суда 28 июля 1904 г. В.А. Владимирский был отправлен в ссылку в Архангельскую губернию, где он проживал до 1905 г. Материальное положение ссыльного было незавидным. Годы земской службы и общественной деятельности не позволили В.А. Владимирскому и членам его семьи нажить капиталов. В месте ссылки он проживал на казенное пособие, которое выдавалось после проверки состоятельности просителя. В ответ на запрос из Архангельска об имущественном положении семьи Владимирского пермский полицеймейстер писал: «Никакого движимого и недвижимого имущества Владимирский В.А. в г. Перми не имеет. Мать, 66 лет, живет в Перми, находится на иждивении холостого сына Ивана, 35 лет. Проживающий в Перми брат Федор, 38 лет, женат, имеет детей. Александр Владимирский, 36 лет, проживает в Верхних Курьях Оханского уезда. Юветин Владимирский, 39 лет, женат, имеет детей, проживает в заводе Варзи Ятчи (Вятская губерния). Зинаида Владимирская, 32 лет, живет в селе Никольске Екатеринбургского уезда»<sup>1</sup>.

В июне 1905 г. Владимирский, с разрешения властей, переезжает в г. Яранск Вятской губернии, а в октябре того же года возвращается в Пермь. Здесь он участвовал в организации и проведении забастовки на Мотовилихинском заводе. 13 декабря 1905 г. его вновь арестовали. После рассмотрения дела выездной сессией Казанской судебной палаты 5-10 декабря 1906 г. В.А. Владимирский был оправдан. После освобождения Всеволод Александрович покидает Урал и уезжает в Ташкент работать «по переселенческому делу», а затем в Санкт-Петербург для работы консультантом по агрономическим вопросам во II Государственной Думе. После роспуска Думы он был приглашен на работу Московским губернским агрономом, на этой должности он трудился с 1909 по 1913 г. Умер первый губернский агроном Пермской губернии от тифа 13 декабря 1913 г.<sup>2</sup>.

После ухода с должности главного губернского агронома В.А. Владимирского, уехавшего в 1896 г. в среднеазиатские степи, агрономическую службу Пермской губернии возглавил кандидат сельского хозяйства Н.А. Судзиловский, проработавший в этой должности около двух лет. На смену «агроному-революционеру» Владимирскому пришли специалисты не замеченные полицией в активной антиправительственной деятельности. В 1899 г. Судзиловского на посту губернского агронома сменил В.Н. Варгин<sup>3</sup>.

Жизненный путь агронома Варгина имеет много общего с судьбой Е.И. Красноперова, В.А. Владимирского; как и его коллеги он был выходцем из небогатой семьи, представителем «третьего элемента». Владимир Николаевич Варгин родился в семье мещан г. Спасска Казанской губернии в 1866 г. Отец будущего агронома, служивший в одном из уездных учреждений рано ушел из жизни, утонув на реке. После смерти отца мать Владимира ликвидировала хозяйство и переехала к родственникам в г. Казань, затем семья Варгиных переехала в Екатеринбург. Здесь В.Н. Варгин обучался в гимназии, которую окончил в 1884 г. с серебряной медалью. В этом же году выпускник екатеринбургской гимназии поступает в Петровскую земледельческую и лесную академию, располагавшуюся в Московской губернии<sup>4</sup>. В 1889 г. В.Н. Варгин успешно окончил академию, представил и защитил диссертацию «Зеленое удобрение и значение его для крестьянских хозяйств Пермской губернии», за которую был удостоен степени кандидата сельского хозяйства. После окончания высшего учебного заведения молодой агроном возвращается на Урал и по приглашению директора Красноуфимского промышленного училища И.И. Барсукова устраивается работать преподавателем. В промышленном училище Варгин преподавал курс «Сельскохозяйственные машины и орудия», счетоводство и одновременно заведовал учебной фермой<sup>5</sup>.

Первостепенное значение в обучении будущих специалистов сельского хозяйства Варгин уделял практическим занятиям. Под руководством ученого-агронома будущие техники сельского хозяйства проводили первые в своей жизни агрономические опыты. На ферме училища разводили племенной рогатый скот, обучали изготовлению сыров, сливочного масла. В мастерских

<sup>1</sup> Красноперова Н.В. Первый пермский губернский агроном В.А. Владимирский // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми / Сост. и ред. Т.И. Быстрых. Вып. 2. Пермь, 2010. С. 54–55.

<sup>2</sup> Там же. С. 55.

<sup>3</sup> Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1897 г. Пермь, 1897. Отд. 2. С. 15; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1898 год. Пермь, 1898. Отд. 2. С. 15; Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1899 год. Пермь, 1899. Отд. 2. С. 14.

<sup>4</sup> Николаев С.Ф. Ученый-агроном В.Н. Варгин. Пермь, 1966. С. 6–7.

<sup>5</sup> Алексейчик Л. Красноуфимское земство: без основания и вершины // Сердце Предуралья / под ред. С.А. Русинова, В.А. Пономарева, Л.Е. Алексейчик и др. Екатеринбург, 2007. С. 77.



при ферме изготавливались простейшие сельскохозяйственные машины. Ферма Красноуфимского промышленного училища, которую возглавил Варгин, была учреждена в 1881 г. на участке земли в 27 дес., пожертвованной Красноуфимской городской думой. Средства для организации фермы выделило уездное земство. В 1882 г. государство выделило 550 дес. казенной земли и постройки фермы были перенесены на новый участок. Располагалась ферма в 2,5 верстах от Красноуфимска. С 1888 г. при ферме действовала низшая сельскохозяйственная школа, сыроварня и маслодельня. В 1893 г. при участии В.Н. Варгина на ферме были созданы крахмальный и винокурный учебные заводы. Кроме того, при ферме действовали мастерские земледельческих орудий, а также кожевенная и гончарная. Постоянный персонал фермы не был многочисленным: заведующий фермой (В.Н. Варгин), помощник заведующего, эконо́м, заведующий скотным двором, он же по совместительству сыровар. Сельскохозяйственные работы на ферме выполняли учащиеся<sup>1</sup>. Летом, начиная с 1893 г., четыре года подряд, при ферме промышленного училища проводились трехмесячные курсы для учителей по сельскому хозяйству. На курсах они изучали теорию естествознания и сельского хозяйства и одновременно получали навыки практической деятельности<sup>2</sup>.

Наряду с основной работой Варгин являлся активным участником сельскохозяйственных совещаний – съездов агрономических смотрителей, на которых обсуждались проблемы экономического развития Пермской губернии. В 1899 г. В.Н. Варгин был приглашен на должность губернского агронома. Свою деятельность он начал с ряда ознакомительных поездок по губернии. Посещая уезды он детально описывал состояние сельскохозяйственного производства.

Работая на своем посту, новый агроном развернул бурную деятельность. В крестьянских хозяйствах Пермской губернии под руководством Варгина и других агрономов земства проводились сельскохозяйственные опыты. В 1892–1911 гг. на полях Пермской губернии было проведено около двух тысяч агрономических экспериментов. В среднем проводилось около ста опытов в год. Испытывались различные способы обработки почвы, новые для Урала сорта растений, фосфорные и калийные удобрения<sup>3</sup>. В это же время в практику сельского хозяйства активно внедрялось применение сидератов, посевов кормовых трав. Особое распространение в крестьянских хозяйствах Пермской губернии получили посевы клевера, семена которого продавались как в Сибирь, так и европейскую часть России. Высокое качество пермского красного клевера, в селекции которого участвовал В.Н. Варгин, признавалось не только в России. В 1906 г. на Международной выставке в Милане пермский клевер был аттестован золотой медалью<sup>4</sup>.

Результаты практических работ и собственные агрономические наблюдения земский агроном В.Н. Варгин публиковал в земской прессе и специализированных агрономических изданиях. За свою жизнь он опубликовал более 150 статей, книг, брошюр<sup>5</sup>. Полученные на практике знания В.Н. Варгин активно популяризировал в учебных изданиях. Большую известность получил его «Элементарный курс общего земледелия» в 7-ми выпусках, которые выходили в 1897–1908 гг. и затем многократно переиздавались, до 1921 г. включительно. Большими тиражами публиковались и популярные издания по сельскому хозяйству для крестьянства, где доступным языком объяснялись основы рационального земледелия и животноводства<sup>6</sup>.

В процессе работы земским агрономом В.Н. Варгин разработал план создания сети опытных учреждений. В 1912 г. Пермское губернское земство утвердило проект опытной сельскохозяйственной сети. С 1 января 1913 г. автор приступил к реализации своих замыслов. В этом году В.Н. Варгин был переведен на должность заведующего Центральной опытной сельскохозяйственной станции вблизи г. Перми. Усилиями специалистов был построен вегетационный домик и трехэтажное здание химической лаборатории. В 1916 г. станция начала свою работу. Одновре-

<sup>1</sup> Сельскохозяйственные учреждения: фермы, опытные поля и станции, садовые заведения и пр. Справочная книжка. Ч. 1. Сельскохозяйственные фермы. СПб., 1896. С. 127–130.

<sup>2</sup> Николаев С.Ф. Ученый-агроном В.Н. Варгин. Пермь, 1966. С. 14.

<sup>3</sup> Николаев С.Ф. Зачинатель уральской агрохимии. К 100-летию со дня рождения В.Н. Варгина // Календарь-справочник Пермской области. 1966 г. Пермь, 1965. С. 19.

<sup>4</sup> Миненко Н.А. Традиции и новации в уральском земледелии XIX – начала XX в. // Агрикультура Урала в XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2002. С. 59.

<sup>5</sup> Елисеев С.Л. Агроном В.Н. Варгин (к 150-летию со дня рождения) // Пермский аграрный вестник. 2016. № 3 (15). С. 4.

<sup>6</sup> Николаев С.Ф. Зачинатель уральской агрохимии... С. 19–20.

менно с опытной станцией Варгин планировал организовать опытные поля: 3 поля в Предуралье и 2 в восточной части Пермской губернии. Однако реализовать это проект в полной мере помешала Первая мировая война. Стараниями агрономов было открыто три поля: в Шадринском, Камышловском и Оханском уездах<sup>1</sup>. С 1920 г. В.Н. Варгин служил агрономом-консультантом на Пермской сельскохозяйственной станции. В этом же году он был избран профессором агрономического факультета по кафедре «Организация хозяйства» Пермского университета, где он проработал вплоть до своей смерти в 1936 г.<sup>2</sup>.

Стараниями агрономических служащих губернского и уездных земств в на Урале были созданы не только агрономические службы, но и ряд земских опытных учреждений. Мероприятия земства в этом направлении сводились к устройству и опытных полей, распространению травосеяния на отдельных участках, организации земских ферм.

На работе земских ферм Вятской и Пермской губерний следует остановиться подробнее. Первые попытки организации подобных учреждений предпринимались земствами России в 1880-х гг. Однако данный тип земских опытных учреждений не получил повсеместного распространения, так как содержание комплексного образцового хозяйства стоило дорого. Кроме того, для управления сельскохозяйственными учреждениями требовались квалифицированные специалисты, которых по понятным причинам не хватало. В начале XX в. в Российской империи функционировало около 30–35 ферм, часть из которых мало чем отличались от опытных полей. Хозяйство ферм использовалось двояким образом – оно могло выступать в роли «образцового хозяйства» для местного населения, а иногда действовало при сельскохозяйственных образовательных учреждениях. Самостоятельных ферм, т.е. имеющих лишь хозяйственное значение насчитывалось 17, причем в Вятской губернии таких хозяйств было – 7, а в Пермской – 6.<sup>3</sup>

Размеры деятельности этих учреждений сильно отличались друг от друга. Например, при Верхосунской ферме Глазовского уезда Вятской губернии участок земли составлял 227 дес., участок Окуневской фермы Уржумского уезда – 173 дес., Асановская ферма Елабужского уезда располагала 60 дес. и т.д.<sup>4</sup> Размеры хозяйственной деятельности ферм Пермской губернии были более крупными, что связано с лучшей обеспеченностью губернии земельными ресурсами. Ирбитская ферма располагала 254 дес. земли, ферма Красноуфимского промышленного училища имела участок земли в 550 дес., ферма Оханского уездного земства – 500 дес., ферма Шадринского уездного земства – 523 дес.<sup>5</sup>

Как было указано выше, на организацию работы земских ферм требовались значительные суммы. Так, например, в Вятской губернии на создание ферм земством выделялись суммы в размере 5 тыс. рублей. Ежегодно для работы ферм затрачивалось от 2500 до 9250 рублей. Кроме земских средств, опытные хозяйства финансировало государство. Министерство государственных имуществ (с 1894 г. Министерство земледелия и государственных имуществ) оказывало финансовую помощь фермам в размере от 1500 до 3900 рублей в год. Совокупно с 1891 по 1903 г. на финансирование ферм было затрачено 316,6 тыс. рублей<sup>6</sup>.

Хозяйство Вятских ферм было многопрофильным. По замыслу организаторов фермы должны были заниматься полеводством, для получения улучшенных сортов хлебных семян, скотоводством, для разведения племенного скота, устраивать древесные и плодовые питомники, для получения саженцев ягодных кустарников, организовывать мастерские для изготовления сельскохозяйственных орудий и ремонта простейших сельскохозяйственных машин. Одновременно на фермах пытались создавать случные пункты для скота окрестных крестьян, имелись сортировочные пункты для крестьянского зерна, осуществлялась сушка крестьянского зерна. С 1901 по 1908 г. фермами Вятской губернии было распространено 16 237 пуд. улучшенных семян,

<sup>1</sup> Николаев С.Ф. Ученый-агроном В.Н. Варгин. Пермь, 1966. С. 43–44; Доклады Пермской губернской земской управы Пермскому губернскому земскому собранию 46-й очередной сессии. Отд. III. Экономические мероприятия. Пермь, 1916. С. 1–19.

<sup>2</sup> Ошуркова Р.А. Варгин Владимир Николаевич // Профессора Пермского государственного университета. Пермь, 2001. С. 28–29.

<sup>3</sup> Веселовский Б. История земства за сорок лет. Т. 2. СПб., 1909. С. 200.

<sup>4</sup> Там же. С. 200.

<sup>5</sup> Краткие справочные сведения о некоторых русских хозяйствах. Вып. 3. СПб., 1902. С. 455–460.

<sup>6</sup> Меркушев В.А. Агрокультурная деятельность Вятского земства в конце XIX – начале XX века (фермы Вятского земства) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2005. № 13. С. 185.

отсортировано 52 512 пуд. зерна, высушено 17 877 пуд. крестьянского зерна, продано 212 голов племенного крупного рогатого скота, 825 голов мелкого скота (овец и свиней), распространено 87 170 шт. саженцев плодовых деревьев и кустарников, проданы сельскохозяйственные приспособления на сумму 11 195 рублей<sup>1</sup>.

Длительное время при земских фермах действовали сельскохозяйственные школы. Обучение в школах было бесплатным, кроме того, учащимся полагалась стипендия от 12 до 30 рублей ежегодно. Срок учебы составлял 3 года. За время существования школ при фермах образование в них получили около 600 человек. При всей пользе школ их работа неоднократно подвергалась критике. В частности, высказывалось мнение, что содержание сельскохозяйственных школ не дает отдачи для самого земства. Так, на Верхосунской ферме с 1894 по 1902 г. училось 63 ученика, на Асановской с 1900 по 1902 г. – 32, на Окуневской – с 1896 по 1902 г. 28, т.е. всего 123 человека. Из них 8 занялись сельским хозяйством, 22 ремеслам, 21 применили свои познания «по хозяйству и ремеслу на стороне», 22 работали не по профилю учебного учреждения, данные о 50 выпускниках отсутствовали. Статистика не самая благоприятная для земства, с учетом того, что содержание одного ученика обходилось земству в среднем в 62 рубля 46 копеек в течение трех лет. В конечном итоге 18 апреля 1906 г. внеочередная сессия земского собрания приняла решение о ликвидации школ при фермах прежде всего по финансовым соображениям<sup>2</sup>.

Несмотря на то, что в деятельности ферм были явные успехи, отношение к ним среди гласных земства было далеко не однозначным. В Вятской губернии на губернских земских собраниях неоднократно поднимался вопрос о дороговизне содержания ферм. На сессии 1902 г. гласные высказали недоумение, что для выполнения некоторых работ (заготовка дров) руководство фермы нанимает рабочих за плату. Гласные земства считали, что с данными работами могли справиться ученики, получавшие от земства одежду и содержание.

Были вопросы к хозяйству земских ферм и со стороны правительственных структур. Товарищ министра МВД Н.А. Зиновьев, проводивший в 1904 г. ревизию Вятского земства, указывал на постоянный перерасход отпущенных фермами средств и особенно на то, что губернское собрание их утверждает. При этом чиновник указывал на низкую доходность ферм (их бюджет имел в среднем 75% дефицит) и на то, что они слабо влияют на крестьянское население. При этом существовали явные хозяйственные промахи сотрудников ферм. Так, например, Верхосунская ферма покупала овес и солому в январе по высоким ценам, вместо того, чтобы запастись подешевле осенью; или приобретала древесину для построек у окрестных крестьян по случайным ценам, хотя были более выгодные варианты<sup>3</sup>.

С 1907 г. на каждом губернском собрании велись разговоры о сокращении расходов на фермы, предпринимались многочисленные постановления, направленные на улучшение отдельных отраслей хозяйства, на упорядочение отчетности и составление смет. Однако, стоимость содержания по-прежнему оставалась высокой – около 15 тыс. рублей в год на одну ферму, а культурно-хозяйственное значение их, по мнению ряда земцев, не увеличивалось<sup>4</sup>.

Острая дискуссия по поводу перспектив содержания ферм земством разгорелась на очередной сессии губернского собрания в 1909 г. Поводом для дискуссии послужило ходатайство Глазовского уездного земства о закрытии Верхосунской фермы как бесполезной. По сообщению гласного Д.Л. Гагаринова, крестьяне Верхосунской волости составили приговор, в котором говорилось о том, что ферма не приносит пользы и ее необходимо убрать. Глазовское собрание согласилось с крестьянами, но губернское земское собрание не закрыло ферму. Гагаринов заявил, что такое поведение губернского земства является насилием над крестьянам, так как последние лучше знают свою пользу. Заявление Гагаринова носило явно демагогический характер и подверглось серьезной критике других гласных. А.С. Депрейс указал на то, что крестьяне вообще против земств и готовы их закрыть, чтобы не платить налоги, поэтому на такие заявления вряд ли стоит обращать внимание. По его словам, до 1906 г. большие убытки фермам приносили курсы,

<sup>1</sup> Меркушев В.А. Агрокультурная деятельность Вятского земства в конце XIX – начале XX века (фермы Вятского земства) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2005. № 13. С. 187–188.

<sup>2</sup> Там же. С. 187.

<sup>3</sup> Там же. С. 185.

<sup>4</sup> Там же. С. 186.

но после их ликвидации расходы уменьшились. Депрейс заявил, что земство не должно гнаться за прибылью от ферм, так как эти предприятия в первую очередь носят просветительский характер. По его словам, с убытками ферм следовало смириться, так как для получения прибыли лучше было бы заняться виноторговлей. Гласный В.В. Ключарев привел интересный пример крестьянской психологии и отношения крестьян к земским начинаниям в целом. По его словам, Верхосунская и Окуневская фермы были устроены на истощенных землях, работники ферм землю облагородили, и она стала давать хорошие урожаи. Крестьяне, увидев это, решили «прибрать» плодородные участки к своим рукам и составили приговор. В итоге губернское земское собрание большинством голосов против одного отклонило просьбу Глазовского земства о закрытии фермы. Интересно то, что Глазовское уездное собрание не оставило попыток избавиться от фермы. В 1912 г. оно упрекнуло работников фермы в политической неблагонадежности. В заявлении говорилось о том, что в центре уезда на Верхосунской ферме устроена «республика», а персонал фермы больше занимается политикой, чем своими непосредственными обязанностями. В настоящее время трудно судить, что именно глазовские земцы подразумевали под «республикой» и какие реальные цели они преследовали, но губернское земское собрание заявило, что состав работников фермы мал, подвергается быстрой ротации, поэтому нет повода для беспокойства<sup>1</sup>.

В 1911 г. агрономическое совещание Вятской губернии назвало причины убыточности ферм: сложность и многообразие возлагаемых на фермы задач, отсутствие организационных планов хозяйства. Совещание указывало на недостаточное количество земли, отсутствие преимуществ в работе при смене сотрудников, высокие расходы на содержание администрации ферм и обслуживающий персонал<sup>2</sup>.

Несмотря на противоречия в работе и бурные дискуссии в земской среде, фермы способствовали распространению среди крестьян прогрессивных способов обработки земли, внедрению новых сортов сельскохозяйственных растений, улучшенных пород скота, а также развитию кустарной промышленности. Причины неоднозначного отношения к деятельности ферм были связаны с тем, что сами земцы так и не смогли до конца определиться с задачами этих учреждений: либо эти хозяйства необходимо было организовать по типу коммерческих организаций, нацеленных на получение прибыли, либо их работа должна была носить просветительский характер, тогда с затратами на ведение хозяйства необходимо было мириться. Стремление земских гласных и сотрудников управ сбалансировать бюджет, а также желание отдельных представителей земства сменить приоритеты в хозяйственной деятельности земства не способствовали эффективному развитию земских ферм.

Основной тенденцией в хозяйственной деятельности российских земств, как впрочем и земств уральских губерний, было увеличение расходов на развитие сельского хозяйства. Отчетливо эта тенденция обозначилась после масштабного продовольственного кризиса 1891–1892 гг., сопровождавшегося голодом. Именно с этого времени наблюдается заметное увеличение государственных и земских ассигнований на развитие аграрного сектора экономики страны<sup>3</sup>. Расходы уральских земств на экономическое развитие многократно увеличились. Так, например, если в 1895 г. Вятские земства тратили на нужды сельского хозяйства 121,0 тыс. руб., то в 1912 г. эти расходы составляли 667,8 тыс. руб. Аналогичная ситуация наблюдалась в Пермской губернии: в 1895 г. земство потратило 91,2 тыс. руб., а в 1912 г. – 692,0 тыс. руб. Затраты земств Уфимской губернии на развитие сельского хозяйства были скромнее. В 1895 г. было потрачено 42,4 тыс. руб., а в 1912 – 329,4 тыс. руб.<sup>4</sup>.

Значительные денежные траты требовали контроля, поэтому земство пыталось выяснить, насколько эффективно использованы потраченные средства. Лучшим способом для этих целей были опросы населения. Как правило, опросы осуществлялись через сеть добровольных корреспондентов, участвовавших в сборе данных текущей сельскохозяйственной статистики. Одним из таких исследований был опрос, проведенный статистическим отделением Пермского губернского земства в 1897 г. Большинство добровольных корреспондентов земства были грамотными

<sup>1</sup> Меркушев В.А. Агрокультурная деятельность Вятского земства в конце XIX – начале XX века (фермы Вятского земства) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2005. № 13. С. 186.

<sup>2</sup> Там же. С. 186.

<sup>3</sup> Агрономическая помощь в России / Под ред. В.В. Морачевского. Петроград, 1914. С. 80–81, 86–87, 101.

<sup>4</sup> Сельскохозяйственный промысел в России. Петроград, 1914. С. 230–231.



крестьянами, именно они отвечали на поставленные в анкетах вопросы. Посредством анкетирования статистическая служба пыталась выяснить знают ли крестьяне о существовании земских агрономов, а если знают, то обращаются ли за помощью? В ходе работы статистической службы было разослано более 1000 анкет, получено и обработано 800. В результате было выяснено, что в среднем по Пермской губернии 30% крестьянского населения не знали о существовании в губернии должности агронома, 55% указали, что знают о работе агрономов, но ни разу к ним не обращались. Лишь только в 15% анкет указывалось, что крестьяне обращаются к агроному за помощью<sup>1</sup>.

В анкетах первой группы респонденты обычно писали, что «агроном для населения лицо незнакомое». Более интересными были ответы второй группы опрошенных. Мнения о работе агрономов в этих анкетах были различны. Некоторые респонденты писали об отсутствии у крестьян потребности в услугах агронома, что «не гонимся за новостью, а живем по старине». Другие указывали на удаленность селения от уездного города и отсутствию возможности пригласить агронома или приехать к нему. По мнению одного из земских добровольных корреспондентов, многие крестьяне и вовсе были равнодушны к земским агрономическим начинаниям, даже если что-то о них и слышали: «Спросите обыкновенного заурядного крестьянина, не бедного и не богатого, живущего делом рук своих, спросите об агрономическом смотрителе. Че, смотритель? ... ответит он на ваш вопрос, немного подумав и состроит неопределенное выражение лица. Слово смотритель он отнесет к человеку, а агрономический не поймет. Из дальнейшего разговора он вынесет, что это чиновник. Такой чиновник, которых видал он проездом по городу, о котором он знает, что живут они не так, как он, и делают не то, что он. Затем, если рассказать о смотрителе все и выставить его должность в настоящем свете, мужичек с ним помирится, станет удивляться, но все таки отнесется с недоверием к нему». В некоторых случаях корреспонденты писали о том, что в своей среде крестьяне смотрят на агрономического смотрителя («агромона», как говорили крестьяне) свысока, считая его теоретические знания бесполезными на практике<sup>2</sup>.

Были и крестьяне, которые с интересом относились к деятельности агрономической службы. Как было указано выше, 15% из 800 опрошенных писали, что агрономы приезжали в деревню, делали опыты, производили демонстрации сельскохозяйственных машин. После общения с агрономом, часть сельчан обращалась к нему за советами. Однако, по словам добровольных корреспондентов, агрономам было сложно охватить всю территорию уезда. В частности корреспондент из Екатеринбургского уезда писал: «Знаем, что есть уездный агроном, да что в том толку, один агроном на 60 волостей. Это капля в море, которая не напоит, не охладит и даже не увлажнит, а пройдет совсем незаметной»<sup>3</sup>.

Постепенно земство решало эту проблему, увеличивая численность агрономического персонала. В результате к 1913 г. в Пермской губернии на земской службе состояло 170 человек: 56 агрономов, инструкторов и техников по сельскому хозяйству – 43, низшего агрономического персонала – 71. В 1914 г. в Пермской губернии было 57 агрономических участка и планировалось их увеличение до 70<sup>4</sup>.

Опросы населения были популярным способом сбора информации о работе земских специалистов и на Южном Урале – в Уфимской губернии. Уфимские статистики обратились с вопросом к добровольным земским корреспондентам: «Что знает уфимская деревня о земской агрономической организации?». Всего статистиками было обработано 1377 анкет. Выяснилось, что о деятельности земства на агрономическом поприще не знали 52% респондентов. В анкетах чаще всего встречались следующие высказывания: «слыхал, но не видал», «агроном сидит в канцелярии управы, а не ездит». Из села Афонасово Мензелинского уезда об агрономе написали: «Действительно он нам очень нужен, поговорить, послушать, поучиться, но, к великому сожалению [его] не видели». У соседей в Вятской губернии, по наблюдениям жителей этого уезда, «давно уже служат... агрономы». «А у нас, – признался один из корреспондентов, – я полагал, их еще нет». Однако, приводились и примеры агрономической помощи: «В Белебеевском уезде подгородные

<sup>1</sup> Бобылев Д. Что знают наши крестьяне об агрономах // Сборник Пермского земства. 1899. № 2. Отд. 3. С. 4–5.

<sup>2</sup> Там же. С. 6, 14–15.

<sup>3</sup> Там же. С. 23, 32–33.

<sup>4</sup> Доклады Пермской губернской управы Пермскому губернскому собранию 45-й очередной сессии. Отд. III. Экономические мероприятия. Пермь, 1914. С. 5.

крестьяне накупили плугов, но хорошо установить их не могли. Агроном выехал и показал, как обращаться с плугом в работе». Как и в соседней Пермской губернии опрошенные указывали на то, что в губернии не хватает агрономического персонала<sup>1</sup>.

Кроме недостатка специалистов, в работе агрономической службы были другие сложности. Описывая свою работу, земские агрономы Уфимской губернии указывали на проблемы взаимодействия с населением. Агроном Уфимского пригородного участка, так описал картину работы с крестьянством: «Среда, в которой приходится работать агроному, полуграмотная и наполовину безграмотная, запуганная, от этого невежественная, грубая, косная, крепко сросшаяся со своими привычками и обычаями, а за последнее время (плоды денежного хозяйства – век капитализма) пропитанная эгоизмом. Спать, объединить на общую работу такую массу – нужно чудо. Крестьянин... косо и недоверчиво смотрит на агронома, слушает, соглашается, но не делает. Агроном – это какой-то особый чиновник – начальник, как бы просто по-товарищески не держал себя, а потому не больно доверяй ему. Только «герои» отваживаются попробовать сделать по совету агронома. Такие «герои» есть в каждой деревне – 1–5 человек. Это бациллы, на которые приходится воздействовать в первую голову. Агрономическая деятельность массе не понятна...»<sup>2</sup>.

Несмотря на очевидные трудности взаимодействия земской интеллигенции и крестьянства, можно видеть, что в практику сельского хозяйства постепенно внедрялись новые аграрные технологии. В течение нескольких десятилетий в уральских губерниях была создана разветвленная агрономическая служба, сеть учреждений, оказывающих содействие мелкому сельскохозяйственному производителю. Статистические исследования, позволили земским специалистам систематизировать данные о хозяйственных нуждах крестьянства. Материалы подворных переписей, сельскохозяйственные обзоры и сводки способствовали проведению в жизнь научно обоснованных методов помощи крестьянским хозяйствам. Деятельность земцев в этом направлении не всегда имела очевидный результат. При этом необходимо учитывать, что был необходим определенный период времени для возникновения и развития практической агрономии. В процессе работы специалистами постепенно вырабатывались основные способы, формы и приемы оказания агрономической помощи, особый упор делался на практические меры. Значительное влияние на формирование принципов работы земской агрономии оказали общественные воззрения ее руководителей, рассматривавших свою деятельность как способ «служения обществу». В руках специалистов агрономических служб, хозяйственная деятельность становилась инструментом просвещения.

Итак, в городской и земской среде стали появляться общественные деятели нового типа, которым была свойственна активная гражданская позиция с акцентом на общественное служение. В процентном отношении это была небольшая часть социума. И все же из всех общественных институтов в российской провинции именно городское и земское самоуправление было той основой, вокруг которого формировалась сфера гражданской деятельности. В условиях отсутствия парламентской жизни и политических партий вплоть до начала XX в. и слабой ассоциативной жизни в России формировалась специфическая модель гражданского общества. Органам городского и земского самоуправления и его представителям были присущи (с учетом возможных оговорок) главные черты гражданского общества: добровольность, самоуправление, инициативность. В сферу общественной деятельности постепенно включались представители различных слоев населения, сословных и профессиональных групп, предприниматели. Общественная жизнь живо обсуждалась на страницах прессы, привлекая внимание населения.

Вообще уральские материалы свидетельствуют, что нельзя недооценивать вклада земского и городского самоуправления в развитие экономики и культуры страны. Конечно, выборные органы самоуправления были инкорпорированы в общую систему государственного управленческого аппарата, являясь проводниками политики центральной и губернской власти. Однако, в повседневной деятельности органов самоуправления интересы уральского социума отнюдь не занимали второстепенного места. Реформы земского и городского самоуправления во второй половине XIX в. сыграли прогрессивную роль; отвечали потребностям поступательного развития Ураль-

<sup>1</sup> Голикова С.В. Земская агрономическая организация Уфимской губернии // Пахари и агрономы Урала в XVIII – начале XX в. Екатеринбург, 2004. С. 62.

<sup>2</sup> Там же. С. 64–65.

ского региона. Органы земского и городского самоуправления успешно сотрудничали с частными лицами, общественными организациями и государственными институтами. Важно отметить и то, что из всех других структур, имеющих прямое отношение к формированию сферы гражданской деятельности в уральском регионе в рассматриваемое время, земское и городское самоуправление обладало наиболее значительной материальной базой и социальным капиталом. Прогрессивные изменения в бытовой сфере были обусловлены как активной (инновационной) деятельностью органов местного самоуправления по улучшению благоустройства, так и развитием экономики и культуры в Уральском регионе в целом. Конкретные результаты деятельности земств и органов городской власти доказывают, что по сравнению с централизованным управлением эти институты даже с ограниченной компетенцией становились лидером в эффективном решении сложных задач модернизации, требующих чрезвычайно высокого по историческим темпам радикального преобразования всех сторон жизни общества, особенно в сельской местности. Органы земского и городского самоуправления оказались наиболее плодотворной и действенной системой управления, способной в условиях модернизации быстро и качественно наладить отрасли, от которых зависело благополучие местного населения и стать основным каналом распространения новых экономических и социокультурных институтов – агрономии, медицины, общественного призрения и просвещения.

#### 4.3. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДОБРОВОЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ\*

Добровольные общественные организации считаются одним из наиболее активных агентов модернизационных процессов, способствующим росту общественной инициативы, ответственности, самоорганизации социума. По мнению признанного исследователя публичной сферы Юргена Хабермаса, именно добровольные ассоциации составляют институциональный стержень социальной инфраструктуры гражданского общества<sup>1</sup>. Степень их развития, сферы функционирования и эффективность деятельности являются значимыми факторами динамики и направлений модернизации.

Дж. Брэдли, обосновывая научный интерес к изучению общественных организаций в России имперского периода, отмечал: «Там, где существование общественных организаций не воспринимается как нечто само собою разумеющееся, они обычно стремятся создать социальную сеть не связанных с административным аппаратом или коммерческими структурами отношений и обеспечить тем самым свое участие в общественной жизни, преодолевая разобщенность индивидов, живущих в условиях репрессивных режимов. Пронизанные духом Нового времени ассоциации становятся средством мобилизации, координации, публичности и поддержки усилий социально активных лиц, желающих выступить с предложениями по решению практических задач. Даже те организации, которые тесно сотрудничали с правительством, поддерживали личную инициативу и убежденность в пользе общественной деятельности, воспитывая в своих участниках чувство ответственности за судьбы общества.

Общественные организации ставили перед собой задачи, осуществление которых было непосильно для отдельного человека. Они заполняли вакуум, вызванный неспособностью официальных властей выполнить стоящие перед ними задачи, такие как распространение полезных знаний, популяризация науки и техники, сохранение и преумножение национального достояния, содействие народному образованию. Руководители таких обществ играли роль, аналогичную роли предпринимателей в экономической сфере... Постоянно стремясь приносить пользу, общественные организации были опорой просвещения, помогали государству в его усилиях по мобилизации природных и человеческих ресурсов на решение задач национального развития и повышения престижа страны. Они выявляли и потенциальные возможности самоорганизации общества. Изучив роль общественных организаций в патриотических проектах улучшения жизни народа и проведения социальных реформ, мы сможем выявить возможности проявления частной инициативы и социальной активности в условиях самодержавия»<sup>2</sup>.

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

<sup>1</sup> Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry Into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, Mass., 1989. P. 23, 27, 83.

<sup>2</sup> Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество: пер. с англ. М., 2012. С. 36–37.

В России общественные и представительные организации стали возникать позже и в более низкой динамике, чем в других европейских странах, в значительной степени – в русле реформ, инициированных и проводимых властными структурами. Практика функционирования общественных организаций в Российской империи зачастую сочетала бюрократические и самодеятельные элементы, поэтому возникают определенные сомнения в том, могут ли эти организации считаться «общественными» в полном значении слова. Огромные просторы России ставят перед исследователями и задачу выявления пространственной динамики распространения общественных и представительных организаций, а также региональной специфики складывающихся сетей организаций.

Единого общепризнанного определения термина «добровольные общества» («общественные организации») нет, но в большинстве определений внимание акцентируется на том, что члены подбираются, скорее, произвольно, чем по необходимости; ассоциации являются самоуправляющимися обществами, объединенными для достижения определенных целей, подразумевающими признанную всеми членами или санкционированную ими процедуру ведения дел и модель поведения, причем основная цель не подразумевает извлечения прибыли<sup>1</sup>. А.С. Туманова отмечала, что «добровольные, самоуправляющиеся и объединенные формальным членством ассоциации являлись своеобразной моделью самоорганизации российского общества, в которой, как в миниатюре, отражались идейные пристрастия и приверженность последнего к организованной самостоятельной деятельности, к выработке новых форм культурной и социальной жизни, а в конечном счете – к общественному переустройству»<sup>2</sup>.

Хотя первые общественные организации в России появились еще при Екатерине II, вплоть до 1917 г. закона, регламентирующего все стороны их деятельности, не было. До 1906 г. основной правовой базой существования легальных общественных организаций оставался Устав благочиния 1782 г., который обещал таким обществам защиту управ благочиния (впоследствии – полиции)<sup>3</sup>. Общества должны были получить правительственное разрешение на свое существование. Только в 1860-е гг., в период проведения либеральных реформ, порядок открытия общественных организаций был упрощен, и право утверждения их уставов было передано профильным министрам. В 1890-е гг. получила широкое распространение практика составления «нормальных» уставов обществ. В это время сложилась типовая структура уставов, включавшая указание цели учреждения общества, способов ее достижения, источников средств, на которые общество собиралось существовать, состава общества, прав и обязанностей членов, порядка управления делами, составления отчетности, состава управляющей структуры, описывался порядок возможного закрытия общества. С конца XIX в., по мере накопления в министерствах нормальных и примерных уставов, право утверждать общества на их основании было предоставлено генерал-губернаторам, губернаторам или градоначальникам (в зависимости от территориальных рамок предполагаемой зоны действия общества). Уставы обществ, не соответствовавшие типовым, по-прежнему рассматривались министрами, а тех обществ, которые претендовали на особые права и привилегии – императором.

Право на объединение в общества и союзы было продекларировано Манифестом 17 октября 1905 г. и получило юридическое определение во Временных правилах 4 марта 1906 г. Хотя в новой редакции «Основных законов Российской империи» (ст. 80), утвержденной императором 23 апреля 1906 г. было указано, что «российские подданные имеют право образовывать общества и союзы в целях, не противных законам. Условия образования обществ и союзов, порядок их действий, условия и порядок сообщения им прав юридического лица, равно как порядок закрытия обществ и союзов, определяется законом», но постоянного закона (кроме Временных правил 1906 г.) принято не было. Уже весной-летом 1917 г. в законодательстве Временного правительства были утверждены такие правовые начала свободы союзов, как явочный порядок их открытия и судебный порядок их регистрации и ликвидации<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Брэдли Дж. Указ. соч. С. 35.

<sup>2</sup> Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX в. / отв. редактор А.С. Туманова. М., 2011. С. 218.

<sup>3</sup> ПСЗ-1.Т. XXI. № 15379.

<sup>4</sup> Подробнее о процессе выработки правовых основ существования общественных организаций см.: Самоорганизация российской общественности... С. 185, 193–216.



Согласно Временным правилам, могли быть два вида организаций: безуставные, не имеющие прав юридического лица, и с уставом, имеющие права юридического лица, в том числе право приобретать и отчуждать недвижимость, иметь денежные средства, заключать договоры. Для безуставных достаточно было подать заявление на имя губернатора или градоначальника, который мог в двухнедельный срок отказать в учреждении общества. Для обществ с правами юридического лица требовалось кроме заявления представить устав на утверждение, а срок рассмотрения увеличивался до 1 месяца. Общества, «преследующие цели, противные общественной нравственности или воспрещенные уголовным законом, или же угрожающие общественному спокойствию и безопасности», а также общества, преследующие политические цели, если они управлялись учреждениями или лицами, находящимися за границей, запрещались. Союзы и общества, преследующие религиозные цели, общества, образуемые учащимися в учебных заведениях могли создаваться только как юридические лица (с уставами). Несовершеннолетние, а также учащиеся в начальной и средней школе не могли участвовать в общественных организациях. Существовали ограничения для учащихся высшей школы, лиц, состоящих на государственной и военной службе, для работающих на предприятиях транспорта и связи<sup>1</sup>.

Хотя Временные правила 1906 г. были раскритикованы современниками как половинчатый закон, не дающий подлинной свободы добровольным организациям, современный исследователь А.С. Туманова дает ему довольно высокую историческую оценку: «Временные правила об обществах и союзах 4 марта 1906 г. стали итогом полуторавекового правительственного правотворчества в отношении общественных организаций, плодом упорядочения правового материала в целом ряде отраслей права – административном, уголовном, гражданском, государственном. Из сферы преимущественного внимания уголовного и административного права, общественные организации становятся субъектом также гражданского и государственного права. Все сказанное позволяет признать Временные правила актом, обозначившим важную веху на пути формирования негосударственного сектора российского социума, служившего противовесом произволу авторитарной власти и гарантом осуществления права подданных российского императора на объединение»<sup>2</sup>. Процесс создания общественных организаций после издания Временных правил приобрел более массовый характер.

На Урале общественные организации стали появляться в 20–30-е гг. XIX в. Это были отделения всероссийских организаций (например, Попечительный комитет о бедных Императорского Человеколюбивого общества), благородные собрания в губернских городах, горные общества. Однако массовый характер создание добровольных общественных ассоциаций в регионе приобрело в последней четверти XIX – начале XX в., как следствие проведения либеральных реформ 1860–1870-х гг.

В исторической науке в настоящее время нет единой типологии общественных организаций, хотя чаще используют принцип функционального назначения (по преобладающему виду деятельности)<sup>3</sup>. В данном исследовании также применяется типология по основному функциональному назначению.

### **Научно-краеведческие (просветительские) общества**

Во второй половине XIX в. на Урале стали появляться общественные организации, которые занимались научными изысканиями, краеведческими поисками, а также пропагандой научных знаний. У этих обществ были предшественники. Так, еще в 1825 г. горным начальством по указанию правительства были открыты горные общества в Екатеринбурге, Кушве, Златоусте, Богословске, Воткинске и Дедюхине. В эти структуры входили преимущественно горные инженеры, работавшие в уральских казенных горных округах. Например, в Златоустовское горное общество входили П.П. Аносов, И.Р. Лисенко, Я.К. Нестеровский, П.И. Порозов, А.В. Савицкий, И.Ф. Фелькнер, а также А.А. Агте, М.М. Карпинский и Г.А. Иосса.

Новые общества в основном занимались подготовкой материалов для «Горного журнала», издававшегося с 1825 г. в Санкт-Петербурге. С этой целью члены общества изучали историю сво-

<sup>1</sup> ПСЗ-З. Т. XXVI. № 27479.

<sup>2</sup> Самоорганизация российской общественности... С. 215–216.

<sup>3</sup> Там же. С. 220–264.

их округов и отдельных заводов, собирали статистические данные о деятельности округов, проводили географические и геологические исследования. Просуществовав несколько лет, горные общества распались. Наиболее активные члены этих организаций и в последующем продолжали корреспондировать в «Горный журнал», но уже частным порядком.

Несколько позднее в Екатеринбурге было учреждено местное отделение Общества содействия русской промышленности и торговле. В него вошли многие известные коммерсанты и промышленники, в том числе И.Д. Баландин, В.Д. Белов, Н.З. Блохин, И.П. Богомолов, А.А. Дроздилов, Г.Ф. Казанцев, М.А. Нуоров, Я.И. Расторгуев, С.М. Федулов, Ф.Ф. Щелков и некоторые другие. В основном они занимались сбором информации о состоянии торговли и промышленности Урало-Сибирского региона, которая предназначалась для газет и журналов, публиковавших подобные сведения. Ни горные общества, ни Екатеринбургское отделение Общества содействия русской промышленности и торговле не оставили заметного следа в истории общественного движения уральского региона. Опыт их организационной и практической деятельности канул в Лету, и не использовался при создании новых самостоятельных структур.

Во второй половине XIX – начале XX в. стали появляться новые общественные организации данного типа. В силу особой роли этих обществ, способствующих развитию рационального знания в российской периферии, популяризации достижений научно-технического прогресса и росту регионального (уральского) самосознания, их история находится в фокусе отечественной историографии<sup>1</sup>.

Исследователями, изучавшими типологию обществ, были предложены разные наименования. По мнению Е.П. Пироговой подобные организации можно именовать «научно-краеведческими», А.С. Туманова проводит демаркационную линию между подобными обществами, относя одни к «просветительским», другие к «научным XIX в.»<sup>2</sup>.

В сущности, оба варианта имеют полное право на существование, учитывая то обстоятельство, что многие добровольные ассоциации с трудом поддаются типологизации из-за крайнего разнообразия направлений их деятельности. Так, явные признаки научно-краеведческой и просветительской работы можно обнаружить у ряда досуговых организаций, которые нередко прибегали к проведению лекций, приглашая в качестве лекторов известных деятелей науки и культуры.

Нарождение новых самостоятельных обществ научно-краеведческого характера стало происходить во время реформ Александра II. По мнению Е.П. Пироговой «возникновение научно-краеведческих обществ Пермской губернии, как и всех вообще научных обществ в пореформенный период, явилось следствием общественного подъема, вызванного ускоренным после отмены крепостного права развитием капитализма».

В уральском регионе новые общества возникали либо в виде филиалов общероссийских структур, либо в качестве самостоятельных объединений. Кроме того, некоторые уральцы самостоятельно становились членами общероссийских структур. Наконец, немало талантливых обитателей Урала было среди членов-сотрудников Императорского русского географического общества. Уральцев можно было найти и среди членов Минералогического и Русского технического обществ.

В 1870-е гг. стал крепнуть интерес к созданию филиалов и самостоятельных структур. Этот процесс со временем набирал обороты. Так, Е.П. Пироговой удалось установить факт создания 36 научно-краеведческих обществ, возникших по инициативе преимущественно общественности, реже – по инициативе государства и земских органов самоуправления.

Одним из первых в ряду научно-краеведческих организаций явилось Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), созданное в Екатеринбурге 29 декабря 1870 г. Для его создания были все предпосылки и главные люди, полные энтузиазма и желания заниматься научно-краеведческой деятельностью. Среди них был преподаватель екатеринбургской мужской гимназии,

<sup>1</sup> Пирогова Е.П. Научно-краеведческие общества Пермской губернии в пореформенный период. Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1989; Зорина Л.И. Онисим Егорович Клер. 1845–1920. М., 1989; Ее же. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала. Екатеринбург, 1996; Вечтомова Е.Ю. Развитие краеведения в Российской провинции на рубеже XIX – XX вв. и деятельность Вятской ученой архивной комиссии. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.

<sup>2</sup> Самоорганизация российской общественности... С. 220–255.

швейцарец по национальности О.Е. Клер, ставший инициатором создания УОЛЕ и его главным организатором. Его инициатива встретила поддержку: «При господствовавшем тогда среди всего населения подъеме духа и желания содействовать прогрессу страны во всех отношениях мысль об устройстве местного музея с необходимыми при нем для работы библиотекой и кабинетами встречена была весьма сочувственно самыми выдающимися тогда на Урале научными силами из числа горных инженеров, врачей, учителей и пр.»<sup>1</sup>.

Первоначально УОЛЕ планировало заниматься изучением и исследованием Уральского края в естественно-историческом отношении и популяризацией этих знаний. Однако в дальнейшем оно вышло за эти рамки, обратившись к археологии, этнографии, статистике, экономике, истории. При обществе были созданы музей и научно-краеведческая библиотека. Со временем у УОЛЕ появился свой филиал – пермская комиссия, которая учредила в 1890 г. научно-промышленный музей. Инициатива его создания принадлежала крупному общественному деятелю, доктору П.Н. Серебренникову.

УОЛЕ на фоне аналогичных общественных организаций российской периферии заметно выделялось своими широкими научными контактами с общественностью зарубежных стран. В числе почетных членов УОЛЕ было много известных ученых того времени из России, Европы и Америки. По данным на 1908 г. почетными членами УОЛЕ было 14 иностранцев<sup>2</sup>. В последующие годы число иностранных ученых в составе почетных членов УОЛЕ увеличивалось; периодически поднимались вопросы избрания новых. В 1914 г. действительный член И.В. Кучин выдвинул идею избрать на общем собрании почетными членами УОЛЕ доктора Георга Сурбека, инспектора рыбководства и рыболовства в Швейцарии (Берн), профессора Бруно Гофера (Мюнхен), директора Баварской опытной рыбководной станции и профессора Шименца, директора Королевского Института рыболовства в Фридрихсгагене (под Берлином). Это предложение было принято обществом<sup>3</sup>.

В начале XX в. налаживается обмен УОЛЕ научными изданиями со многими иностранными научными учреждениями и обществами, в 1911 г. эти связи простирались от Европы (Австро-Венгрии, Англии, Бельгии, Германии, Испании, Италии, Шотландии) до Австралии, Японии и Аргентины. В 1913 г. УОЛЕ вело обмен научными изданиями со 185 русскими и 120 иностранными научными обществами и организациями<sup>4</sup>.

Зарубежная научная общественность обращалась к УОЛЕ по разным вопросам. Например, из Женевы УОЛЕ получило циркуляр Международной Ассоциации химических обществ с проектом сокращения заглавий периодических изданий, помещающих статьи по химии, и обращение с просьбой высказать свое мнение по этому вопросу. Члены УОЛЕ приняли постановление ответить, что УОЛЕ будет придерживаться порядка, принятого Императорской Академией Наук и Русским Физико-химическим Обществом в С.-Петербурге<sup>5</sup>.

Национальное Общество Французских Антиквариов на заседании 23 сентября 1914 г. в Луврском музее постановило обратиться во всем ученым обществам всего мира с протестом против варварского, совершенно бессмысленного разрушения германскими войсками кафедрального собора в Реймсе. Члены УОЛЕ единогласно приняли решение присоединиться к этому протесту<sup>6</sup>.

Члены УОЛЕ участвовали в международных научных мероприятиях и принимали в них организационное участие. Например, председатель IX Международного Конгресса по прикладной химии академик профессор П.И. Валден сообщил президенту УОЛЕ о том, что конгресс был запланирован на 26 июля – 1 августа 1915 г. и просил президента общества предложить УОЛЕ вступить в число сотрудников Организационного комитета<sup>7</sup>.

Наиболее известна исследователям Уральского края просветительская миссия УОЛЕ, при котором успешно действовал богатейший по тому времени музей. Собственно, именно с обще-

<sup>1</sup> Самоорганизация российской общественности... С. 7–18.

<sup>2</sup> Записки УОЛЕ. Екатеринбург, 1908. Т. XXVII. С. II–XIX.

<sup>3</sup> Там же, 1914. Т. XXXIV. С. CVII.

<sup>4</sup> См.: Там же, 1913. Т. XXXII; Шагисултанов Ф.А. История изучения природы Южного Урала во второй половине XIX – начале XX вв. (по материалам региональных научных обществ). Автореф. ... канд. географ. наук. М., 2007. С. 19.

<sup>5</sup> Записки УОЛЕ... 1914. Т. XXXIV. Вып. 4. С. CXVIII.

<sup>6</sup> Там же. Вып. 8. С. CXVIII.

<sup>7</sup> Там же. Вып. 6. С. CVII.

ственными гражданскими инициативами связано появление музеев и развитие музееведения на Урале, особый вклад в развитие этого направления общественной жизни внесло УОЛЕ. К 1912 г. в музее УОЛЕ было 17 отделов, в которых был всесторонне представлен Уральский край, его фауна и флора, геология и минералогия, ископаемые животные, история, быт и культура коренных народов и ближайших их соседей, русского населения, состояние промышленности и лесного хозяйства, художественная культура и многие экспонаты, не связанные своим происхождением и бытованием с Уралом. О популярности музея свидетельствует хотя бы такой факт: в 1906 г. музей посетило 5799 человек, из них 1666 – бесплатно. В музее велась интенсивная лекторская работа, организовывались массовые мероприятия<sup>1</sup>.

Кроме того, музей охотно принимал экскурсантов, как местных, так и приезжих. Так, 1 июля 1902 г. музей посетили 5 педагогов и 22 ученицы женский гимназии из г. Екатеринодара Кубанской области, причем его коллекции были осмотрены «под руководством О.Е. Клера»<sup>2</sup>. 17 июня 1908 г. в музее побывали 2 преподавателя и 26 учеников Пермского реального училища<sup>3</sup>.

В прессе нередко появлялись сообщения о посещении музея екатеринбургскими школьниками: «25 ноября (1906 г.) в десятом часу утра музей УОЛЕ посетила группа учащихся художественно-промышленной школы. Учащиеся осмотрели под руководством В.О. Клера все коллекции, заключающиеся в отделах музея»<sup>4</sup>.

Пермская комиссия УОЛЕ и учрежденный ею музей также весьма успешно вели научно-популяризаторскую деятельность. Музей в начале XX в. охотно занимался проведением лекций. Краевед В.С. Верховланцев, констатируя важность лекционной деятельности музея, особенно отметил прочитанные в разное время лекции: по истории искусств – преподавателя Пермского реального училища Г.А. Орлова (1904 г.), профессора Варшавского университета В.А. Амалицкого – об открытых им на севере России гигантских ископаемых животных Пермской формации (19 августа 1902 г.), С.Н. Стемневского – о беспроводной электрической сигнализации (26 апреля 1902 г.) и его же лекцию о рентгеновских лучах (9 октября 1899 г.), а также лекции П.А. Голубева о 200-летию горнозаводской промышленности в России и на Урале и известного педагога П.Ф. Каптерева о роли внушения в деле воспитания. Лекции носили преимущественно общеобразовательный характер и реже политический. Так, было в конце 1905 г. и в начале 1906 г., когда выступали приезжие (например, Миклашевский) или местные лекторы, которые знакомили пермскую публику с политической жизнью западноевропейских государств. Некоторые лекции были практического характера. Таким, был, например, цикл лекций по пчеловодству, прочитанный в декабре 1911 г. И.В. Голотиным<sup>5</sup>.

Помимо УОЛЕ и ее пермской комиссии на Урале функционировали и другие научно-краеведческие общества. В 1880-х гг. на Урале были созданы ученые архивные комиссии: Оренбургская, Пермская и Уфимская. Устав Вятской ученой архивной комиссии, провозгласившей главной целью своей деятельности сохранение памятников древней письменности Вятского края, был утвержден 28 ноября 1904 г. Все комиссии вели значительную краеведческую работу.

В конце XIX – начале XX в. стали появляться новые краеведческие общества и музеи в уездных городах Урала. Несколько подобных обществ возникло в Пермской губернии. В 1899 г. было учреждено общество любителей истории, археологии, этнографии Чердынского края, в 1911 г. начал действовать Осинский музей, годом позже открыл свои двери Красноуфимский музей. В 1916 г. был учрежден кружок по изучению Северного края при Пермском университете в 1916 г.<sup>6</sup>

В Вятской губернии научно-краеведческих обществ возникло сравнительно немного. А.С. Касановым установлено, что помимо Вятской ученой архивной комиссии на территории Вятско-Камского региона действовали Кукарское образовательное общество, Вятский кружок любителей естествознания, Вятский юридический кружок, а также общество изучения Прикамского

<sup>1</sup> Зорина Л.И. Уральское общество любителей естествознания. 1870–1929. Из истории науки и культуры Урала // Ученые записки Свердловского областного краеведческого музея. Екатеринбург, 1996. Т. I. С. 106–111.

<sup>2</sup> Уральская жизнь. 1902. 5 июля.

<sup>3</sup> Уральский край. 1908. 19 июня.

<sup>4</sup> Урал. 1906. 26 нояб.

<sup>5</sup> Верховланцев В.С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994. С. 112–115.

<sup>6</sup> Тагильцева Н.Н. Краеведение // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 285–286; Вечтомова Е.Ю. Развитие краеведения в Российской провинции на рубеже XIX – XX вв. и деятельность Вятской ученой архивной комиссии. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ижевск, 2006. С. 16.



края (г. Сарапул) и Слободской кружок любителей научных знаний<sup>1</sup>. Кроме того, в губернии существовало Вятское медицинское общество. В Оренбургской губернии имелись Оренбургский отдел Императорского русского географического общества и Оренбургское физико-медицинское общество.

В начале XX в. многие организации включились в просветительскую деятельность посредством чтения лекций. Уральцам (особенно пермякам и екатеринбуржцам) предоставлялась возможность послушать столичных лекторов. Например, летом в Перми в начале XX в. почти ежегодно проводились лекции профессора Петербургского психоневрологического института и лектора Санкт-Петербургских курсов ораторского искусства К.Ф. Жакова. Тематика лекций носила преимущественно философский характер: «Что такое философия?», «Бог в природе и человеке», «О границах естествознания», «Три идеи в истории русской философии». Лекции Жакова в аудиториях музея УОЛЕ на темы: «Идеи и настроения наших дней в творчестве Леонида Андреева», «Три идеи в истории русской философии», «О смысле жизни», а также лекция, прочитанная в Верх-Исетском народном доме на тему «Что такое философия?», проходили в присутствии многочисленной публики. Лояльное отношение местной власти к лектору было обусловлено высоконравственным и научным характером лекций, отсутствием политического подтекста, порядком во время их проведения<sup>2</sup>.

Лекторскую работу практиковали не только научно-краеведческие, но и досуговые организации, в т. ч. клубы – Общественные, Коммерческие и Благородные и т.д. В Екатеринбурге эту форму работы облюбовали Коммерческое и Общественное собрания. «В самом же коммерческом собрании ныне, в виду великопостного времени, никаких увеселений не происходит, – свидетельствовал в 1907 г. один журналист, – и взамен таковых ведутся популярные общедоступные лекции по истории, праву, медицине и пр., что, несомненно, делает большую честь заправилам этого собрания, и принесет членам клуба большую и несомненную пользу. Лекторами являются местные врачи, адвокаты, литераторы и прочие»<sup>3</sup>.

В последующие годы лекции в Коммерческом собрании продолжались: «6 марта в Коммерческом клубе состоится лекция Д.Л. Расснер, который читает “Основные моменты права”. 8 марта в том же клубе назначены две лекции: первая Л.А. Кроль – электричество и магнетизм (индуктивные токи) и Д.Л. Расснер (по торговому праву)»<sup>4</sup>.

Общественное собрание старалось не отставать от конкурентов. Оно охотно приглашало иногородних лекторов. Так, 10 марта 1914 г. в его зале должна была состояться лекция «известного писателя Федора Соллогуба на тему: “Искусство наших дней”»<sup>5</sup>. 25 апреля того же года артист артиста А.И. Аркадьев прочитал лекцию «Ревность и ее герои в драматической литературе»<sup>6</sup>. 4 сентября 1915 г. бывший товарищ председателя Государственной Думы Н.А. Гредескул выступил в собрании с лекцией на тему «Национальный вопрос на Западе и в России»<sup>7</sup>.

Показательно, что в начале XX в. просветительскую работу активно велась даже в таких маленьких провинциальных городах, как Оса или Оханск. В 1911 г. при деятельном участии заведующего внешкольным образованием Осинского уездного земства, видного этнографа, исследователя культуры и быта народов Прикамья и Приуралья И.К. Зеленова в Осе появился педагогический музей, фонды которого со временем расширились, в результате чего появились научный и художественный отделы. В начале XX в. популяризацией научных знаний в Оханске занимались три музея: научно-исторический, школьно-педагогический и музей пчеловодства<sup>8</sup>.

В чрезвычайных условиях военного времени росла потребность в общественных организациях культурно-просветительской и патриотической направленности. Ярким примером такой общественной организации стало Восточно-русское культурно-просветительное общество в г. Уфе, которое «как в пределах Уфимской губернии, так и за пределами ее было встречено рус-

<sup>1</sup> Касанов А.С. Влияние общественных организаций на социально-экономическую и культурную жизнь Вятско-Камского региона во второй половине XIX – начале XX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Киров, 2014. С. 153–157.

<sup>2</sup> ГАПК. Ф. 65. Оп. 2. Д. 485. Л. 223, 230.

<sup>3</sup> Нето. Письма из Екатеринбурга // Пермские губернские ведомости. 1907. 6 апр.

<sup>4</sup> Уральская жизнь. 1909. 14 янв.

<sup>5</sup> Там же. 1914. 7 марта.

<sup>6</sup> Там же. 23 апр.

<sup>7</sup> Там же. 1915. 29 авг.

<sup>8</sup> Чагин Г.Н., Шилов А.В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. Пермь, 2007. С. 319–320, 373–374.

скими людьми сочувственно». Толчком к его возникновению «послужили некоторые обстоятельства местной жизни и, прежде всего, беженцы русской национальности»<sup>1</sup>. Восточно-русское общество ставило цель – содействовать развитию духовных и материальных сил русской народности в Восточной части России. Общество стремилось: «а) к изучению края и его населения в историческом, географическом, этнографическом, археологическом, экономическо-промышленном и торговом отношениях, а также к раскрытию и выяснению всех богатств восточной части России; б) к укреплению среди местного русского и инородческого населения исконных русских начал преданности Церкви и Отечеству; в) к сближению местного инородческого населения с русским народом на почве взаимного уважения и приобщения к русской образованности и гражданственности; г) к развитию среди местного русского и инородческого населения образования и воспитания на началах преданности Церкви и Отечеству, а также к освобождению этого населения от иностранного засилья – путем улучшения его экономического благосостояния, воспитания в нем любви к труду, приближения школы к потребностям населения, – в зависимости от разнообразных местных условий, – выработкою в нем энергии, предприимчивости и надлежащей трудоспособности».

Из отчета о его деятельности следует, что эта общественная организация выдавала пособия на построение церквей; ходатайствовала перед министром народного просвещения об открытии учебных в крае и участвовала в финансировании этих начинаний. Общество само открывало и содержало воскресные школы. В 1916 г. по его инициативе заработали две воскресные школы – в здании Александро-Невской церковно-приходской школы и в здании V городского училища в г. Уфе. Общество содействовало открытию народных библиотек и способствовало организации постоянного склада синодальных изданий, занималось книгоиздательством, в частности, выпускало журнал «Заволжский летописец», «отзывчивый на вопросы жизни в русско-национальном духе». С учетом особенностей этнического состава населения края издавалась также газета «Дус» на татарском языке<sup>2</sup>. Общество стало, по словам современника, «плодом пробудившегося под влиянием текущей войны русского национального самосознания».

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. благодаря деятельности общественности в уральских городах заметно активизировалась работа по популяризации гуманитарных и естественнонаучных знаний, а также знаний по отдельным отраслям хозяйства. Показательно, что при этом анализировался и популяризировался европейский исторический опыт, что свидетельствует о взаимовлиянии культур. В рассматриваемое время активно развивалось музейное дело, возросло значение научно-просветительских общественных организаций. Вместе с тем, следует отметить, что культурно-просветительская деятельность протекала под неусыпным надзором государственной администрации и строго регламентировалась. Научные общества и комиссии постепенно появлялись не только в крупных городах, но и в малых городах Урала. Значительная численность научных ассоциаций позволяет говорить о весомом научно-культурном потенциале уральской общественности и интересе к науке не только со стороны интеллигенции. Некоторые из обществ являлись специализированными научными общественными организациями. Другие действовали по более широкой программе, реализуя наряду с научной и другие культурно-просветительские функции. Важную миссию выполняли научные организации, которые способствовали развитию знаний об Урале, его самобытной истории и культуре, росту регионального самосознания.

### **Благотворительные общества**

*Попечительства о бедных.* Начало благотворительным обществам в России дала инициатива монархической власти. В период правления императрицы Екатерины II, считавшей благотворительность одним из значимых элементов политики «просвещенного абсолютизма», в структуре управления появились приказы общественного призрения – бюрократические учреждения, призванные руководить в стране организацией социальной помощи. Работая на местах под председательством губернаторов, приказы собирали с жителей пожертвования на благотворительные

<sup>1</sup> Отчет о жизни и деятельности Восточно-русского культурно-просветительного Общества в г. Уфе за 1916 год. Уфа, 1917. С. 1.

<sup>2</sup> Там же. С. 8–17.

цели, однако, широкого проявления частной инициативы не предполагали. Очевидные недостатки деятельности этих учреждений побудили правительство привлечь к делу благотворительности общественные силы. В 1802 г. под покровительством Александра I в Санкт-Петербурге было основано Императорское человеколюбивое общество (ИЧО). Первоначально оно существовало в виде двух самостоятельных организаций – Медико-филантропического комитета и Попечительного о бедных комитета. В 1816 г. они объединились и получили статус центрального установления по призрению бедных, действовавшего под руководством Совета императорского человеколюбивого общества.

Одной из задач Совета стало распространение деятельности благотворительной организации в регионах, создание там новых комитетов и отделений. Позаботиться об этом на местах должны были губернаторы. В 1817 г. Комитет министров одобрил и разослал губернаторам для исполнения правила действия попечительных советов ИЧО. На Урале призыв к созданию благотворительных обществ поддержала «дворянская» Оренбургская губерния. 22 июня 1821 г. в Уфе состоялось открытие Попечительного комитета о бедных. Его первым президентом был избран епископ Оренбургский и Уфимский Феофан. Устав попечительного комитета, утвержденный в 1822 г., предполагал ежегодное переизбрание председателя общества путем баллотировки. При этом руководитель организации должен был отчитываться в своей деятельности перед действительными членами комитета – попечителями. Их число, согласно Уставу, не должно было превышать 16 человек.

В эпоху Николая I демократические основы общества были забыты, началась его постепенная бюрократизация. Руководство местной благотворительной организацией перешло к военным и гражданским губернаторам Оренбургского края. Все они, как правило, воспринимали эту должность как формальную, ни к чему не обязывавшую нагрузку и мало радели о делах комитета. Средства для благотворительной деятельности Уфимский попечительный комитет о бедных получал за счет взносов участников общества и пожертвований частных лиц. Поступления эти, однако, были невелики. По подсчетам автора издания, посвященного 50-летию юбилею Уфимского комитета, в 1859 г. сумма взносов и пожертвований не превышала 600 рублей серебром при общем приходе средств комитета в 13 046 рублей.

Главной статьей дохода в бюджете Уфимской организации была выручка от ссудных и сберегательных операций<sup>1</sup>. Охотно обращаясь в комитет за ссудами, общество, однако, весьма скупой отзывалось на его призывы о пожертвованиях, «не видя, вероятно, никакой пользы от его ничтожных благотворений». Суммы, выдававшиеся бедным жителям Уфы, в дореформенный период не превышали 13 рублей серебром в год. Число призреваемых в комитете в 1821–1860 гг. ежегодно составляло от 97 до 344 человек<sup>2</sup>. Переломным в истории Уфимского попечительного комитета о бедных стал 1859 г., когда было высочайше утверждено новое положение о его деятельности. Комитет потерял право вести ссудные операции и больше внимания стал уделять своим непосредственным обязанностям. Новые руководители признали нерациональность деятельности благотворительного общества в ее прежних формах и стали формировать в Уфе систему учреждений социальной помощи. В 1870 г. была открыта лечебница для приходящих бедных больных с родильным отделением и стационаром, в 1873 г. – женская богадельня. В 1874 г. комитет приобрел для бедных жителей города квартиры, которые стали предоставляться одиноким женщинам с детьми. Бедным жителям Уфы оказывалась и трудовая помощь. В 1896 г. при благотворительной организации было создано специальное справочное бюро, напоминавшее современную службу занятости. Туда обращались желающие получить работу и работодатели. Все эти мероприятия повысили авторитет благотворительной организации в местном обществе. В пореформенный период существенно увеличилось количество помощников комитета и собираемых добровольных пожертвований. В. Новиков видел причину этого в изменении статуса участников благотворительной организации. В 1859 г. председатель комитета и постоянно присутствующие члены получили права государственной службы, что было весьма привлекательным для местного дворянства.

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 338. Л. 52.

<sup>2</sup> Очерк основания и 50-летней деятельности Уфимского попечительного о бедных комитета Императорского человеколюбивого общества. СПб., 1871. С. 5.

В 1887 г. в состав ИЧО включилось Пермское дамское попечительство о бедных. Это общество существовало с 1862 г. и находилось первоначально в ведении министерства внутренних дел. Деятельность Пермского дамского попечительного общества было многофункциональной. Дамы-попечительницы стремились оказать благотворительную поддержку разным слоям города. К концу XIX в. они содержали в Перми убежище детей бедных, дом призрения престарелых женщин и ясли для детей рабочих в Солдатской слободке и на Слудке.

А.Р. Соколов, изучив деятельность Императорского человеколюбивого общества, пришел к выводу о его двойной роли в развитии благотворительности. С одной стороны, это была бюрократическая организация, ограничивавшая инициативу и свободу творчества, с другой, в ней имелись и существенные достоинства. Своим высоким статусом и авторитетом Императорское человеколюбивое общество способствовало повышению престижа благотворительности. Оно аккумулировало пожертвования тех, кто желал быть замеченным в «высших кругах» и видел в благотворительности средство для карьерного роста<sup>1</sup>.

Этот вывод можно распространить и на другие общества «общественно-бюрократического» типа. На Урале, помимо ИЧО, под покровительством императорской фамилии действовала широкая структура заведений детского призрения, находившаяся в Ведомстве учреждений императрицы Марии. Детские приюты открывались в уральских губерниях с 1847 г. Губернскими и уездными попечительствами приютов руководили губернаторы, уездные предводители дворянства, земские начальники и другие служащие. Пожертвования на их нужды привлекались при активном содействии местной администрации. К 1914 г. было основано: в Пермской губернии 19 попечительств, в ведении которых состояло 17 приютов на 527 детей, в Вятской губернии – 12 попечительств и 10 приютов на 276 детей, в Уфимской – 4 попечительства и 5 приютов на 222 детей, в Оренбургской – 1 попечительство и 2 приюта на 97 детей<sup>2</sup>.

В 1895 г. под покровительством императрицы Александры Федоровны в столице было учреждено Попечительство о домах трудолюбия и работных домах. В 1906 г. его преобразовали в Попечительство о трудовой помощи. Под эгидой этой полугосударственной организации в стране были объединены сотни домов трудолюбия. На Урале самой активной в этом плане была Вятская губерния, где действовали Вятский, Елабужский, Малмыжский, Слободской, Яранский дома трудолюбия, учреждения трудовой помощи в слободах Кукарка, городе Сарапуле и в селе Кильмез Малмыжского уезда. Существовали подобные заведения и в Пермской, Оренбургской и Уфимской губерниях. Содержались они на благотворительные средства. Впрочем, в сборе средств участвовали собственным трудом и сами призреваемые: дома трудолюбия получали заказы на работу от различных ведомств и частных лиц.

К числу полугосударственных общественных объединений историки относят Российское общество Красного Креста (РОКК). Его образование было результатом развития международного права. На конгрессе в Женеве в августе 1864 г. была выработана международная конвенция, согласно которой больные и раненые воины, к какой бы национальности они не принадлежали, должны были пользоваться помощью Красного Креста. В России, примкнувшей к данной конвенции, было образовано в мае 1867 г. Общество попечения о больных и раненых воинах, переименованное в 1879 г. в Общество Красного Креста. Организация находилась под покровительством императрицы Марии Александровны – супруги Александра II<sup>3</sup>.

Становление уральских организаций РОКК было стимулировано событиями русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В эти годы уральские комитеты создали и отправили в действующую армию несколько лазаретов. Наиболее развитой была сеть комитетов Красного Креста в Вятской губернии. Там действовали 15 организаций РОКК: Вятское управление, Глазовский, Елабужский, Котельнический, Малмыжский, Нолинский, Орловский, Сарапульский, Слободской, Уржумский, Яранский комитеты. В Пермской губернии работали 4 организации РОКК: Пермское и Кунгурское местные управления, Екатеринбургский и Нижнетагильский местные комитеты.

<sup>1</sup> Соколов А.Р. Благотворительная деятельность «Императорского человеколюбивого общества» в XIX веке // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 110.

<sup>2</sup> Голикова С.В., Дашкевич Л.А. Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX в.: институциональные и социокультурные аспекты. Екатеринбург, 2013. С. 86, 130, 145, 149.

<sup>3</sup> Самоорганизация российской общественности... С. 290.



В Оренбургской губернии действовало Оренбургское местное управление, в Уфимской – Уфимское местное управление и Стерлитамакский уездный комитет. В первые годы существования Общество Красного Креста не выходило за рамки своих непосредственных задач по оказанию помощи на войне, позднее расширило сферу своей деятельности, оказывая помощь пострадавшим от стихийных действий: голода, эпидемий, пожаров.

Наряду с «государственно-общественными» организациями на Урале во второй половине XIX в. действовали добровольные благотворительные общества. Активизация общественной самодельности в эпоху Великих реформ была вызвана обострением социальных проблем широких слоев населения. Способствовал появлению новых обществ и существенно упрощенный указом от 12 января 1862 г. правовой режим их открытия. Созданные во второй половине XIX в. добровольные общества активно включились в решение задач благотворительности. Историки отграничивают добровольные общества от объединений, действовавших под патронажем императорской фамилии и имевших статус полугосударственных структур, по следующим критериям: добровольный принцип создания; внесловный характер деятельности как по отношению к субъектам, так и объектам благотворения; участие членов в формировании и поддержании материальной основы организации; некоммерческий характер; наделение правами юридического лица и четкой внутренней структурой; деятельность под эгидой Министерства внутренних дел<sup>1</sup>.

Добровольные организации осуществляли свою деятельность в самых разных сферах. Многофункциональными были созданные на местах благотворительные общества: Екатеринбургское, Богословское, Кушвинское, Нижнетагильское, Осинское, Талицкое, Юговское и пр. Многие из них, несмотря на стремление объединить дело благотворительности в пределах населенного пункта и создать там систему помощи нуждающимся, в силу недостатка средств, ограничивались решением весьма узких задач. В частности, Екатеринбургское благотворительное общество, созданное в 1869 г., главные усилия прилагало к поиску средств для содержания Детского убежища, Кушвинское, возникшее в 1882 г., сосредоточилось на содержании местной богадельни и выдаче пособий нуждающимся.

Более широкие задачи ставили общества, имевшие крупных филантропов. Например, в деятельности Талицкого благотворительного общества, которое работало в крупном промышленном поселке, активное участие принимали Поклевские-Козелл, владевшие в Талице пивоваренным и винокурными заводами. Спектр социальной помощи Талицкого общества был достаточно широким: оно выдавало пособия малообеспеченным жителям поселка и учащимся из бедных семей, боролось с детской смертностью, участвуя в российских акциях «Капля молока», собирало пожертвования на создание приюта для больных туберкулезом и приюта-яслей для малолетних сирот<sup>2</sup>.

Помимо обществ общепоблаготворительного типа, во второй половине XIX в. стали создаваться специализированные организации, ориентированные на определенные группы нуждающихся. Одной из наиболее острых и животрепещущих проблем того времени была детская неустроенность, бездомность, преступность. Задачу возвращения детей к нормальной жизни, их воспитания и образования, как уже говорилось, решали приюты Ведомства учреждений императрицы Марии, однако, их количество было весьма ограниченным. В журнале «Вестник благотворительности» за 1897 г. отмечалось, что в России около 3,5 млн нищих детей<sup>3</sup>. Численность же всех призреваемых в приютах мариинского ведомства не превышала 40 тысяч<sup>4</sup>.

Решением этой проблемы стали заниматься добровольные благотворительные организации. По всей стране они стали создавать для бедных детей убежища, напоминавшие по своей организации мариинские приюты. В Екатеринбурге такое заведение было основано благотворительным обществом в 1872 г. Для того, чтобы собрать необходимые средства на нужды детского призрения, благотворители объявили в городе подписку. Она принесла организации 9262 руб. 30 коп. Комитет Екатеринбургского благотворительного общества направил эти деньги на приобретение помещения для Детского убежища. При приютском доме была создана собственная школа. До

<sup>1</sup> Самоорганизация российской общественности... С. 220–255.

<sup>2</sup> Формирование сферы гражданской деятельности на Урале второй половины XIX – начала XX в.: социальный аспект. Екатеринбург, 2011. С. 294–296.

<sup>3</sup> Как призывать детей // Вестник благотворительности. 1897. № 11. С. 19.

<sup>4</sup> Отчет по Ведомству детских приютов под Высочайшим их императорских величеств покровительством за 1902 год. СПб., 1904. С. 187.

1893 г. она располагалась в подвальном помещении, затем была перемещена в специально отстроенное здание. Рядом разместился еще один дом, в котором мальчиков обучали ремеслу. В 1899 г. при приюте были созданы ясли<sup>1</sup>.

Детское заведение открыл в Екатеринбурге и местный Комитет по разбору и призрению нищих. В марте 1885 г. в квартире, предоставленной главой комитета, городским головой И.И. Симановым, было обустроено общежитие для нищенствующих детей. В 1890 г. оно содержало 89 детей, младшие из них находились в самом помещении, старшие отправлялись на учебу в начальные учебные заведения Екатеринбурга<sup>2</sup>. Заведения детского призрения создавались добровольными благотворительными организациями в Перми, Верхотурье, Соликамске, Ирбите, Шадринске и других городах. В 1907 г. в Пермской губернии, судя по данным адрес-календаря, работали 43 приюта, призревавших 1738 детей, из них к Ведомству учреждений императрицы Марии относились лишь 19 приютов с 471 призреваемым<sup>3</sup>.

Основной целью Комитетов по разбору и призрению нищих было пресечение профессионального попрошайничества, часто связанного с преступностью. Создавались подобные комитеты чаще всего при городских управах. На Урале наиболее успешно эта работа была поставлена в Пермской губернии. В губернском городе в конце XIX в. была создана Пермская комиссия по разбору и призрению нищих, в уездных городах – подобные комитеты: Екатеринбургский, Камышловский, Красноуфимский, Кунгурский, Чердынский. Екатеринбургский комитет по разбору и призрению нищих, основанный в 1884 г., положил в основу своей деятельности эльберфельдскую систему. При помощи добровольцев все нищие города были переписаны, после чего иногородних попрошаек выслали, престарелых и нетрудоспособных отправили в богадельню, а малолетних – в детский приют или на обучение к ремесленникам. Большая заслуга в развитии этой сферы деятельности принадлежала инициатору создания комитета, екатеринбургскому городскому голове Илье Ивановичу Симанову<sup>4</sup>.

Помощь людям, потерявшим работу, оказывали дома трудолюбия. Создание домов трудолюбия было инициировано государством, но основная тяжесть их содержания легла на плечи благотворителей. В Пермской губернии были образованы Екатеринбургское и Шадринское попечительные общества о домах трудолюбия, в Оренбургской – Оренбургское, Орское, Троицкое и Челябинское попечительные общества о домах трудолюбия, в Уфимской – Уфимское попечительное общество о доме трудолюбия. Помимо этого решением подобных задач занимались Пермское, Уфимское и Шадринское общества трудовой помощи, Елабужское общество предоставления работы нуждающемуся женскому населению, Уфимское общество вспоможения частному служебному труду и другие организации.

Характерной чертой эпохи Великих реформ стало активное вовлечение в организованную филантропию женщин. Женщины часто оказывались во главе благотворительных обществ, руководили деятельностью детских приютов, были инициаторами сбора пожертвований. Четырнадцать лет руководила Пермским дамским попечительством о бедных Анна Георгиевна Семевская, супруга управляющего Пермским отделением государственного банка. По ее инициативе попечительство учредило стипендию для талантливых выпускников приюта, которые могли продолжать обучение в гимназии. Во главе Екатеринбургского благотворительного общества более шестнадцати лет стояла Мария Андреевна Покровская, жена судейского чиновника, известная в городе своей щедростью<sup>5</sup>. Девятнадцать лет отдала благотворительной службе в Ирбитском попечительстве общества о бедных Глафира Григорьевна Лопаткова. Этих примеров можно привести множество.

Оценивая феномен женской благотворительности, Г.Н. Ульянова пишет, что оно стало «важнейшей формой социализации для широких масс женщин в тот переходный период, когда в общественном сознании происходила смена нормативных воззрений на роль женщины в семье и на

<sup>1</sup> Голикова С.В., Дашкевич Л.А. Призрение детей на Урале в XVIII – начале XX в.: институциональные и социокультурные аспекты. Екатеринбург, 2013. С. 162.

<sup>2</sup> Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1892 год. Пермь, 1891. С. 129.

<sup>3</sup> Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001. С. 64.

<sup>4</sup> Казакова-Апкаримова Е.Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале (вторая половина XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2008. С. 99.

<sup>5</sup> Благотворительность на Урале... С. 132.

производстве»<sup>1</sup>. По утверждению Р. Стайтса, создание собственных ассоциаций дало представительницам слабого пола «опыт лидерства, воспитало чувство самоуважения»<sup>2</sup>.

Подводя итоги, можно признать, что в дореволюционной России благотворительные организации составляли заметную часть общественной жизни. Объединяя представителей различных сословий и сословно-профессиональных групп (дворян, купцов, интеллигенцию), они занимали по представительности членского состава одно из первых мест среди городских объединений. Благотворительные организации предлагали своим участникам новые формы самоопределения и общения, покровительствовали рациональным формам социальной помощи, образованию, демократизации знаний, являясь в этом смысле действенными акторами имперской модернизации.

*Общества по оказанию помощи учащимся и учащим.* Во второй половине XIX – начале XX в. на Урале выросла численность начальных, средних и средне-специальных учебных заведений, благодаря чему возросло количество учащихся. В 1886 г. в Пермской губернии действовало 1090 начальных и средних учебных заведений, в которых обучалось 68 962 учащихся<sup>3</sup>. В 1909 г. в губернии насчитывалось 2335 школ с 162 944 учащимися<sup>4</sup>. В 1914 г. в 3351 учебном заведении обучалось 230 586 человек<sup>5</sup>. В Вятской, Оренбургской и Уфимской губерниях картина была примерно такой же.

Среди учащихся преобладали представители необеспеченных слоев. Выходцы из социальных низов, обучаясь в начальных и средних учебных заведениях, сталкивались с серьезными материальными проблемами. Немало учащихся, испытывавших финансовые трудности, было даже в элитных учебных заведениях, например, в Екатеринбургской мужской гимназии<sup>6</sup>.

Уже в 1860-х гг. общественность Урала, осознав остроту проблемы, приступила к выработке способов оказания поддержки беднейшей части учащихся, в т.ч. к созданию разного типа обществ, главной целью которых была помощь учащимся и педагогам. При этом уральцами учитывался опыт подобной деятельности, наработанный в центральной России, а также иностранный.

Процесс создания обществ вспомоществования учащимся и других подобных организаций контролировался и поддерживался государством, по инициативе которого был разработан и опубликован типовый устав, ставший образцом для всех программных документов вновь возникающих благотворительных структур. Издание типового устава и упрощение процедуры утверждения уставов облегчило создание обществ вспомоществования. В последней четверти XIX в. количество подобных организаций стало увеличиваться. В первую очередь общества вспомоществования возникали в губернских центрах и крупных уездных городах, которые, во-первых, были эпицентрами общественной жизни и имели определенное число инициативных общественных деятелей, во-вторых, в них действовало немало начальных и средних учебных заведений с большим количеством малообеспеченных учащихся. Наиболее сложное положение было у воспитанников средних учебных заведений, так как плата за обучение в них была обременительной для семейного бюджета. Не менее сложным было положение иногородних учащихся: им приходилось оплачивать съемные квартиры или вносить плату за жилье в ученических общежитиях.

В самом начале 1880-х гг. первые такие общества появились в Екатеринбурге. В этом уездном городе действовали несколько начальных школ, а также группа средних учебных заведений (светских и духовных). В 1881 г. екатеринбургская общественность и педагогический персонал мужской гимназии и реального училища взяли курс на создание обществ вспомоществования недостаточным учащимся. Были разработаны уставы, утверждение которых прошло без особых

<sup>1</sup> Ульянова Г.Н. Исследования истории российской благотворительности: реконструкция национального опыта и возможности его применения в современных условиях // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001. С. 69.

<sup>2</sup> Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930. М., 2004. С. 108.

<sup>3</sup> Статистические сведения по Пермской губернии за 1886 год // Памятная книжка и адрес-календарь Пермской губернии на 1888 г. Пермь, 1887. С. 61.

<sup>4</sup> Статистические сведения по Пермской губернии за 1909 год // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1910 г. Пермь, 1909. С. 189.

<sup>5</sup> Статистический ежегодник Пермской губернии на 1914 год // Адрес-календарь и справочная книжка Пермской губернии на 1916 год. Пермь, 1916. С. 48–49.

<sup>6</sup> Отчет общества вспомоществования недостаточным ученикам Екатеринбургской мужской гимназии за 1881–1882 г. Екатеринбург, 1882. С. 1.

проволочек. Так, устав общества вспомоществования недостаточным ученикам реального училища был утвержден 26 ноября 1881 г. Примерно в этот же период был утвержден и устав общества вспомоществования недостаточным ученикам мужской гимназии. С конца 1881 г. оба общества начали функционировать, действуя с переменным успехом. Их пример оказался не слишком заразительным: новые общества вспомоществования в Екатеринбурге появились только в XX в.

В остальных городах Пермской губернии, а также в других уральских губерниях динамика создания обществ вспомоществования была примерной такой же. Небольшое их количество возникло в последней четверти XIX в., а остальные были созданы в начале XX в.

7 апреля 1885 г. начало деятельность общество вспомоществования недостаточным воспитанникам Пермской мужской семинарии. 2 марта 1892 г. было открыто общество вспомоществования учащимся в Чердынском уезде, в том же году в Шадринске возникло общество вспомоществования нуждающимся учащимся реального училища и женской гимназии. 11 февраля 1896 г. было открыто общество вспомоществования нуждающимся учащимся г. Ирбита.

Другие уральские губернии также не могли похвастаться большим количеством аналогичных организаций. В конце XIX столетия в Вятской губернии «обществ имеющих своей специальной целью вспомоществование недостаточным и нуждающимся учащимся, состояло шесть, а именно: при Вятской мужской гимназии, при Елабужском реальном училище, при Котельничской, Уржумской и Нолинском прогимназиях и общество вспомоществования учащим и учащимся в учебных заведениях г. Малмыжа и Малмыжского уезда»<sup>1</sup>. 26 ноября 1896 г. аналогичная структура появилась в Уфимской губернии: начало действовать общество вспомоществования нуждающимся учащимся Уфимской 1-й Мариинской женской гимназии.

В целом, в последней четверти XIX в. процесс создания обществ вспомоществования недостаточным учащимся не приобрёл масштабного характера. В XX в. создание обществ вспомоществования продолжилось, причем во всех уральских губерниях. Выросла численность подобных организаций в Вятской губернии. В Вятке к обществу вспомоществования при мужской гимназии добавились аналогичные организации при реальном, епархиальном и 1-м высшем начальном училищах. В Глазове было создано три общества вспомоществования нуждающимся учащимся: при городском училище, мужской и женской гимназиях; в Котельниче возникло общество вспомоществования недостаточным учащимся городского трехклассного училища. Несколько обществ было создано и в других населенных пунктах губернии. Итого, к 7 организациям, возникшим в последней четверти XIX в., добавились более 20 обществ вспомоществования, образованных в первые полтора десятилетия XX в.

В Оренбургском крае процесс создания обществ вспомоществования нуждающимся учащимся затронул в основном губернский центр. К 1914 г. в Оренбурге функционировали 4 таких общества: при мужской и женской гимназиях, реальном училище; кроме того, работало общество вспомоществования нуждающимся учащимся в городских и приходских училищах. В Уфимской губернии общества вспомоществования создавались более энергично: к 1914 г. в крае действовало 13 подобных организаций, из которых 5 имели прописку в губернском центре. К началу мировой войны в Уфе общества вспомоществования нуждающимся учащимся возникли при мужской и женской гимназиях, торговой школе, землемерном и городском трехклассном училищах.

Наибольшее количество обществ вспомоществования было создано в Пермской губернии. Несколько организаций было создано в Екатеринбурге. Весной 1905 г. было образовано общество вспомоществования при железнодорожном училище, действовавшем при станции Екатеринбург I. Чуть позже было открыто общество вспомоществования недостаточным ученикам художественно-промышленной школы. Урожайным стал 1906 г.: 21 ноября возникло общество вспомоществования при 2-й женской гимназии, 15 декабря появилось общество вспомоществования при 1-й женской гимназии. В 1914 г. было учреждено общество вспомоществования недостаточным ученицам частной женской профессиональной школы<sup>2</sup>.

Примерно в этот же период к созданию благотворительного общества приступило Уральское горное училище. Главным инициатором его создания был директор училища, горный инженер

<sup>1</sup> Краткий статистический обзор Вятской губернии за 1896 год // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1898 г. Вятка, 1898. С. 99.

<sup>2</sup> Уральская жизнь. 1914. 1 мая.



П.И. Паутов, прекрасно знавший материальное положение учащихся. 18 января 1916 г. было созвано первое общее собрание, с которого и началась история общества вспомоществования недостаточным ученикам Уральского горного училища.

Точное количество обществ вспомоществования, имевшихся в Пермской губернии, определить сложно. Даже губернские власти не имели исчерпывающей информации по данному вопросу. Несмотря на существующие информационные пробелы, можно, тем не менее, утверждать, что процесс создания обществ вспомоществования нуждающимся учащимся на Урале набрал впечатляющие темпы: к 1917 г. во всех четырех уральских губерниях действовало до 100 таких организаций, многие из которых были весьма многочисленными.

Так, в обществе вспомоществования недостаточным ученикам Екатеринбургского реального училища в 1896 г. состояло 50 почетных и 59 действительных членов<sup>1</sup>. В 1908 г. в аналогичном обществе при Екатеринбургской 1-й женской гимназии насчитывалось 10 почетных и 106 действительных членов<sup>2</sup>. Часть из них были педагогами гимназии, а большая часть являлись родителями учащихся.

Правления обществ вспомоществования стремились к увеличению числа членов, так как членские взносы были одним из важнейших источников финансирования благотворительных организаций. Существенную роль в пополнении бюджета организаций играли всевозможные благотворительные акции, в том числе концерты, спектакли, базары, лотереи-аллегри и т. п. мероприятия. Как правило, благотворительные спектакли и концерты организовывались при помощи других общественных организаций и клубов. Чаще всего подобные мероприятия имели место в губернских центрах, наиболее крупных уездных городах и горнозаводских поселках: в них было немало любителей музыки, пения и драматического искусства, что позволяло с успехом ставить спектакли и организовывать концерты. Кроме того, правления обществ вспомоществования привлекали к участию в акциях учащихся, в основном учеников старших классов.

Средства, аккумулированные обществами вспомоществования, шли на оказание помощи учащимся. Поддержка учащихся осуществлялась разными способами. В отчете Ирбитского общества вспомоществования говорится: «Главные расходы по удовлетворению нужд учащихся были на материалы для одежды (62% всех расходов) и учебные пособия (20%). Кроме того, были более мелкие расходы: портному, на квартиры учащимся, переплет книг и т.п. Помощь учащимся выражалась также в ссудах на поездки для продолжения образования. Так, в 1898 г. таких ссуд было на сумму 105 руб. В истекшем 1901 г. впервые дано было безвозмездно 50 руб. для завершения образования в полной гимназии одной из учениц, окончивших местную шестиклассную прогимназию»<sup>3</sup>.

Несколько иначе работало общество вспомоществования при Пермской духовной семинарии: «С 1 января 1886 года и по 7 апреля выдан в пособие ученикам 301 руб. Деньги эти были распределены следующим образом. 8 учеников получали пособие в течение 4 месяцев, 1 в течение 3 месяцев, 5 в течение 2 месяцев, 4 в течение 1 месяца. Пособия назначались от 7 до 4 руб. в месяц. Кроме того, 9 ученикам выдано единовременное пособие на разные нужды, как-то: приобретение одежды, обуви, книг и на проезд в дом родителей по случаю болезни. На выдачу ежемесячных пособий израсходовано 245 руб., а на выдачу единовременных – 56 руб.»<sup>4</sup>.

Общества вспомоществования за время своей деятельности собрали значительные суммы благотворительных средств, которые использовали на оказание адресной помощи наиболее бедной части учащихся. При их поддержке многие учащиеся смогли получить начальное и среднее образование, а затем реализовать свои способности в разных формах трудовой деятельности.

В начале XX в. стали возникать организации, деятельность которых была направлена на оказание помощи уральскому студенчеству, обучавшемуся в разных высших учебных заведениях. К 1914 г. в Вятской губернии действовало не менее 4 обществ вспомоществования нуждающимся ученикам в высших учебных заведениях. В частности, такие общества были созданы в Вятке, Сарапуле, Слободской и Яранске. В Уфимской губернии действовала одна подобная организа-

<sup>1</sup> Урал. 1897. 4 февр.

<sup>2</sup> Уральский край. 1909. 19 дек.

<sup>3</sup> Ирбитский ярмарочный листок. 1902. 11 февр.

<sup>4</sup> ПЕВ. 1886. № 13. Часть неофиц. С. 270.

ция – общество вспомоществования оканчивающим курс бедным ученикам Уфимской мужской гимназии при поступлении их в университет. В Пермской губернии таких организаций было не менее трех. Общества вспомоществования учащимся в высших учебных заведениях действовали в Екатеринбурге, Перми и Шадринске. Эти организации, собирая благотворительные средства, оплачивали дорогу до университетских городов, выдавали процентные и беспроцентные ссуды на разные цели, приискивали студентам работу в каникулярное время и т.д. Их деятельность не получила значительного размаха, но, тем не менее, они оказали конкретную помощь многим студентам.

На рубеже XIX–XX вв. на Урале стали появляться общества, оказывавшие материальную поддержку педагогам. В 1896 г. было открыто общество вспомоществования учащим и учившим в начальных народных училищах Вятской губернии. 21 ноября 1901 г. начало действовать общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных народных училищах Соликамского уезда. 3 января 1903 г. было основано общество вспомоществования учащим и учившим в церковно-приходских школах и школах грамоты в Екатеринбургской епархии.

Позднее появилось общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных народных училищах с. Усолье Пермской губернии, а общество вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения, состоящих в Шадринском уезде, а также общество взаимопомощи учащихся и учивших в начальных училищах Оренбургской губернии. Все они ставили перед собой целью «удовлетворять текущие нужды малообеспеченного учительского персонала»<sup>1</sup>.

В конце XIX в. начали возникать общества попечения или содействия начальному образованию. Среди организаций этого рода одним из первых было создано общество попечения о народном образовании в Верхотурском уезде. Устав организации был утвержден 29 июня 1884 г., а функционировать она начала в 1885 г. Общество собиралось оказывать помощь учащимся «взносом платы за право учения, выдачей книг и учебных принадлежностей, снабжением одеждой и обувью, а равно доставлением и других способов к продолжению учения». Кроме того, планировалось учреждение «воскресных школ, повторительных курсов и классов для взрослых, устройство общежитий для приходящих учеников и ремесленных классов для обучения практическим приемам существующей в крае кустарной промышленности»<sup>2</sup>. Этот пример стал образцом для подражания: аналогичные общества были созданы в Челябинске, Красноуфимске и Екатеринбурге. Общество попечения о начальном образовании в городе Екатеринбурге и его уезде, например, создавало различные курсы и воскресные школы для взрослых, где они могли получить начальное или специальное образование. В 1902 г. силами общества было открыто общежитие для детей сельских учителей, благодаря чему семьи бедных педагогов смогли давать своим детям образование в средних учебных заведениях Екатеринбурга. В 1905 г. общество выступило с инициативой создания в городе Народного университета, правда, поддержки у властей эта инициатива не встретила.

В Перми было создано Общество содействия начальному образованию при Кирилло-Мефодиевском училище. О цели и задачах последнего общества свидетельствуют данные о деятельности его правления в 1912 г.: было организовано: 6 экскурсий для учеников, детский праздник, педагогическая выставка во время рождественских каникул, вечерние классы для взрослых; кроме того, велась работа по созданию музея-кабинета наглядных пособий, удовлетворялись ходатайства беднейших учеников Кирилло-Мефодиевского училища о выдаче им обуви и одежды, правление осуществляло контроль над деятельностью бесплатной детской библиотеки и т.д.<sup>3</sup>.

Во второй половине XIX – начале XX в. на Урале было создано не менее 120 организаций, оказывавших материальную помощь учащимся, педагогам и учебным заведениям. Преобладающим типом были общества вспомоществования. Благодаря их эффективной деятельности очень многие учащиеся из необеспеченных слоев общества смогли получить образование и пополнить ряды специалистов разного профиля. Поддержка нуждающихся учащихся имела большое зна-

<sup>1</sup> Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1898 год. Вятка, 1898. С. 99.

<sup>2</sup> Устав общества попечения о народном образовании в Верхотурском уезде. Пермь, 1898. С. 3–4.

<sup>3</sup> Отчет правления о деятельности Общества содействия начальному образованию при Пермском Кирилло-Мефодиевском мужском училище с 1 октября 1911 года по 1 октября 1912 года. Пермь, 1913. С. 36–39.

чение, так как выходцы из социальных низов были более целеустремленными, более ориентированными на достижение результата. Благодаря этой особенности они имели возможность пополнить ряды акторов региональной модернизации.

*Организация благотворительности в условиях военного времени.* Общественная благотворительность стала стержнем гражданской деятельности горожан в тылу. В проведении досуговых мероприятий с благотворительными целями участвовали многие общественные институты и учреждения. В заметке, опубликованной в газете «Уральская жизнь», анонсировалось событие, назначенное на 19 января 1915 г., говорилось, что в залах Общественного собрания Екатеринбургский комитет Общества Красного Креста устроит «большой вечер по разнообразной программе с водевилями, живыми картинами, концертным отделением, продажей изящных вещей, танцами и другими разнообразными развлечениями для публики»<sup>1</sup>. В другом номере газеты очевидец информировал читателей, что в Общественном собрании 6 января 1915 г. труппа Екатеринбургского общественного собрания поставила спектакль, сбор с которого предназначался на помощь населению, пострадавшему в Бельгии. «Полный зрительный зал доказал, — писал современник, — что героизм Бельгии встречает у нас, как и всюду, горячий отклик»<sup>2</sup>. Труппой была поставлена драма Вл. Немировича-Данченко «Последняя воля».

В периодике освещались примеры благотворительности в адрес союзников. За три дня до мероприятия в газете «Уральская жизнь» сообщалось, что 18 января 1915 г. ученицы Румянцевской женской гимназии решили устроить «платный благотворительный литературно-вокально-музыкальный вечер в зале музыкальных классов екатеринбургского отделения Императорского музыкального общества». Весь чистый сбор от этого вечера предполагалось разделить на три равных части: в пользу сербских воинов, русских воинов и в пользу семейств запасных. Билеты продавались в помещении гимназии (Успенская, дом Атаманова, ежедневно от 10 до 12 часов дня)<sup>3</sup>. Не отстали от гимназисток и воспитанники екатеринбургского реального училища, которые к 23 января 1915 г. готовили проведение в Общественном собрании «литературно-музыкально-вокального вечера», половину чистого сбора от которого хотели передать в пользу Сербии, а вторую половину — «в пользу недостаточных учеников училища»<sup>4</sup>.

Идеями сострадания, милосердия и братской любви руководствовалась екатеринбургская общественность, создавая в городе кружок для сбора пожертвований в пользу пострадавшего от войны населения Черногории и Сербии. Членами кружка предполагалось устройство благотворительных концертов, спектаклей и вечеров. Учредителями и активистами кружка являлись: А.А. Ардашев, К.Ф. Копачелли, П.В. Иванов, В.А. Беренов<sup>5</sup>.

На Урале появлялись различные благотворительные организации, объектом помощи которых становились не только ушедшие на фронт, но и их семьи. Инициатива создания Общества помощи семьям призванных воинов в Вятской губернии исходила от губернатора А.Г. Чернявского. Устав общества был утвержден 9 августа 1914 г., а 17 августа состоялось организационное собрание, в общество записалось около 400 человек. Общественные начинания благословил владыка Никандр, отметив не столько материальное, сколько моральное значение подобной организации, поблагодарил его учредителей. «Открываемое ныне Общество помощи семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения Вятской губернии, призванных в мобилизацию 1914 года», — сказал владыка, — одно из проявлений нашего патриотизма». На собрании был заслушан доклад Н.К. Овчинникова, который, между прочим, отметил, что новое общество было «совершенно самостоятельным, не связанным с какими-либо центрами в столицах или иных местах»<sup>6</sup>.

Можно привести и другие примеры подобной самостоятельности уральцев. Учредители Общества оказания помощи семьям запасных и ратников в Екатеринбурге и его уезде являлись преимущественно членами бывшего Екатеринбургского благотворительного комитета, не желавшего войти в сеть учреждений Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны. Они решили открыть «совершенно частное общество» (первоначально под названием «Екатеринбургский

<sup>1</sup> Уральская жизнь. 1915. № 1. С. 2.

<sup>2</sup> Там же. 8 января. № 5. С. 3.

<sup>3</sup> Там же. 15 января. № 11. С. 3.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Зауральский край. 1915. 24 января. № 19. С. 3.

<sup>6</sup> Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1915 год. Вятка, б.г. С. 49–55.

общественный уездный комитет для помощи семьям запасных и ратников ополчения»; после требования Пермского губернского присутствия об обществах заменить в названии слово «комитет» на «общество», эта общественная организация была переименована и были внесены соответствующие некоторые поправки в ее устав)<sup>1</sup>.

Отмечая патриотический подъем уральцев и моральное значение названных общественных организаций, нельзя недооценивать значения и оказываемой ими материальной помощи. Бюджет Общества помощи семьям запасных Вятской губернии формировался из членских взносов, пожертвований деньгами и вещами, сборов с благотворительных мероприятий. Уже в первые дни существования общества в его бюджет поступили значительные для того времени средства – 11 522 руб. 64 коп. Известно, что и в дальнейшем поступали крупные пожертвования: от торгового дома Первушиных – 1000 руб., от торгового дома Уткина и Рублева – 300 руб. и др. Деньги использовались на покрытие экстренной нужды семей военнослужащих, призванных на фронт, связанной с уборкой и обработкой полей, помощью продовольствием (потрачено 1700 руб.), выдачу пособий (свыше 200 человек получили финансовую помощь – в размере от 1 до 15 руб. на семью, в зависимости от степени нуждаемости). «Венцом всех забот» самого губернатора и вятской общественности стала помощь детям, оставшимся «без призора и присмотра» после ухода родителей на фронт, посредством помещения их в приют<sup>2</sup>. Отмечая эффективность действий подобных институтов, важно подчеркнуть, что общественная помощь существенно дополняла меры правительства, направленные на обеспечение семей лиц, призванных на фронт, но лимитированных лишь поставкой продовольствия, не охватывавших широкого спектра иных нужд. Кроме того, закон не предусматривал помощь некоторым категориям (сожительницам и внебрачным детям ушедших на фронт мужчин), в этой ситуации помощь могла прийти только от местной общественности<sup>3</sup>.

Объемы благотворительной помощи заметно дифференцировались в зависимости от бюджетных возможностей тех или иных общественных организаций. Значительные суммы на нужды войны смогло выдать Екатеринбургское общество взаимного от огня страхования. 8 марта 1915 г. на общем годичном собрании этого общества было принято решение отпустить на нужды войны 11 500 руб.: 5000 руб. – Комитету Ея Императорского Высочества Великой Княгини Татианы Николаевны на оказание помощи больным и раненым воинам, 5000 руб. – Московскому сельскохозяйственному обществу для обсеменения полей в местностях, пострадавших от войны, 100 руб. – Всероссийскому вольно-пожарному обществу на военно-санитарные нужды, 400 руб. – Екатеринбургскому комитету Красного Креста на выдачу пособий выходящим из местных лазаретов увечным воинам и 500 руб. на заготовку и отправку на передовые позиции белья и 500 руб. на табак также для передовых позиций<sup>4</sup>.

В годы войны заметно возросла социальная активность женщин, особенно в сфере благотворительности. Благотворительные акции в Екатеринбурге устраивал Екатеринбургский дамский кружок по сбору пожертвований для отправки на передовые позиции, который открылся 5 октября 1914 г. В это время в столицах и других российских городах производился сбор белья для русских воинов. По инициативе дам Екатеринбурга 19–26 октября 1914 г. была организована Неделя белья. В местных газетах были опубликованы обращения с призывом приносить по названным адресам мужское белье, в том числе и поношенное, но чистое, пригодное для отправки воинам.

После Недели белья ее организаторы сформировали постоянно действующий кружок, поставивший целью осуществлять периодические отправки подарков в действующую армию. За период с октября 1914 г. по апрель 1916 г. на западное направление, в Галицию, на Кавказский фронт было отправлено семь вагонов шестью партиями. Главным образом посылались белье (например, кальсон было отправлено 7322, портянок – 5654, полотенец и простыней – 2289), а также рубашки (8 256), кисеты (10 332), крендели (374 пуд.), сапоги (628 пар). На фронт также доставлялись теплые жилеты, разные съестные припасы, сахар, чай, спички, носки. Часть подарков была приурочена к религиозным праздникам: к Пасхе (отправлялись куличи) и Рождеству<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Зауральский край. 1915. 7 февраля. С. 2.

<sup>2</sup> Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1915 год. Вятка, б.г. С. 55–57.

<sup>3</sup> Там же. С. 53–55.

<sup>4</sup> Уральская жизнь. 1915. 10 марта. № 55. С. 3.

<sup>5</sup> Очерк о деятельности Екатеринбургского дамского кружка по сбору пожертвований для отправки на передовые позиции, за время с 5 октября 1914 года по 25 апреля 1916 года. Екатеринбург, 1916. С. 3–12, 83–84.



Активизировались в годы войны и католические общественные организации в связи с притоком беженцев.

Таким образом, Первая мировая война внесла новые черты в общественную жизнь и повседневность уральского города, прибавив к обычным заботам общественности новые: о тех, кто пострадал от военных действий, о непосредственных участниках этих действий. В эти кризисные годы заметно активизировались (особенно на ниве благотворительности) общественные организации, чаще всего созданные по инициативе снизу (хотя многое зависело и от позиции губернской администрации). Региональная специфика поликонфессионального региона проявилась и в работе общественных организаций культурно-просветительской и благотворительной направленности. Высокий уровень самоорганизации общества позволял горожанам решать насущные жизненные проблемы, вызванные условиями военного времени и в целом на начальном этапе войны справляться с трудностями.

### Досуговые организации

В XIX – начале XX в. общественность Урала прилагала значительные усилия по организации досуга. В первой половине XIX в. они в основном были направлены на периодическое проведение балов, любительских концертов, танцев, конских бегов и тому подобных мероприятий. Как правило, в роли их организаторов выступали представители дворянства, чиновничества и частично купечества, являвшиеся единомышленниками, но не объединенные в общества с официальной регистрацией. Определенное исключение из правил составляли Дворянские собрания, являвшиеся органами самоуправления местного дворянства. В своей практической деятельности они часто прибегали к организации балов и других развлекательных мероприятий. В частности, этим занимались Оренбургское и Уфимское Дворянские собрания. В это же время имело место создание первых досуговых организаций с официальной регистрацией. В частности, в начале 1830-х гг. возникло Пермское благородное собрание, 25 января 1850 г. было открыто Вятское Благородное собрание (по другим данным возникло в 1826 г.).

Одновременно в ряде уральских городов появились предтечи таких клубов. А.Я. Купфер, посетивший в 1828 г. Екатеринбург, писал: «Высшие чиновники составляют приятное общество, в котором неудивительно встретить изящные столичные манеры, так как почти все они получили образование в Петербурге, в корпусе горных инженеров. Зимой часто собираются для танцев и музыки в предназначенный для этого дом»<sup>1</sup>. Спустя 6 лет другой путешественник засвидетельствовал: «Собрания в клубе бывают очень часто и всегда почти с танцами, душою, как и везде, молодых людей, которые здесь танцуют до изнеможения сил! Дом, занимаемый клубом, принадлежит штаб-лекару Варвинскому и весьма прекрасно расположен для публичных увеселений»<sup>2</sup>. Такие же собрания, главной целью которых были «публичные увеселения», возникали и в других городах, прежде всего, в губернских и некоторых уездных, а также в ряде заводских поселков. Все они были созданы явочным порядком и не имели уставов, утвержденных государством, выборных органов и списка постоянных членов.

Дворянские собрания и первые досуговые организации сыграли скромную роль в развитии культуры и общественной жизни Урала: их деятельность распространялась лишь на узкий слой элиты. В то же время они оказали положительное воздействие на местную общественность и побудили ее разные слои к разнообразным практическим действиям. Это позволяет считать Дворянские собрания и первые досуговые организации, а также их активистов, акторами модернизации, однако следует признать, что их влияние имело локальный характер. Иначе говоря, если в иных населенных пунктах общественная жизнь становилась более или менее масштабной, то в других она была практически незаметна. «Общественная жизнь в Верхнеуральске весьма мало развита, – писал современник в самом начале 1860-х гг., – в городе нет ни общественного собрания, ни библиотеки и никаких общественных увеселений»<sup>3</sup>.

Реформы, осуществленные во время царствования Александра II, оказали заметное воздействие на общественную жизнь уральского региона. В третью четверть XIX в. во всех уральских

<sup>1</sup> Цит. по: Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург: Город глазами очевидцев. Екатеринбург, 2000. С. 132.

<sup>2</sup> Там же. С. 183.

<sup>3</sup> Игнатьев Р. Верхнеуральск // Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Уфа, 1865. С. 131.

губерниях наблюдалось оживление общественной деятельности и создание разных неформальных объединений, как правило, без официальной регистрации. Чаще всего создавались кружки, занимавшиеся проведением благотворительных и развлекательных мероприятий. Некоторые кружки быстро распадались, другие стали основой для создания общественных организаций с официальной регистрацией.

Создание досуговых организаций приобрело наиболее масштабный характер в последней четверти XIX – начале XX в. Среди общей массы созданных вновь объединений преобладали собрания (клубы), спортивные общества, а также любительские организации, подвизавшиеся на ниве искусства. Усилиями их активистов были учреждены музыкальные и драматические кружки, а также общества любителей изящных искусств. Некоторые из созданных обществ по-прежнему не имели официального статуса.

Длительное время среди уральских досуговых организаций преобладали клубы или собрания – Благородные, Общественные, Купеческие, Коммерческие и Офицерские. Благородные собрания значительного распространения не получили, так как в уральских губерниях дворян было относительно немного. В Пермской губернии было создано всего два Благородных собрания: одно в Перми<sup>1</sup>, другое в Екатеринбурге. В других городах и заводских поселках преобладали Общественные, Купеческие и Коммерческие собрания. Их уставы предусматривали более демократичные условия вступления, поэтому членство в таких клубах очень охотно оформляли как представители привилегированных, так и полупривилегированных слоев местного населения.

В Вятской губернии Общественные собрания возникли в Вятке, Глазове, Котельниче, Малмыже, Нолинске, Орлове, Сарапуле, Царевосанчурске, а также в Воткинском и Ижевском заводских поселках. В Оренбургской губернии аналогичные собрания действовали в Верхнеуральске, Троицке, Оренбурге, Челябинске и Белорецком заводском поселке. В Пермской губернии Общественные собрания были созданы, прежде всего, в городах. Они существовали в Алапаевске, Верхотурье, Екатеринбурге, Красноуфимске, Ирбите, Камышлове, Осе, Оханске, Перми, Соликамске. Кроме того, подобные клубы были образованы в Богословском, Верх-Исетском, Верхне-Уфалейском, Кушвинском, Добрянском, Каменском, Каслинском, Кизеловском, Лысьвенском, Мотовилихинском, Надеждинском, Нейво-Шайтанском, Нижнесергинском, Нижнетагильском, Нижне-Уфалейском, Очерском, Пашийском, Режевском, Ревдинском, Сосвинском заводских поселках. В Чусовском заводском поселке действовало семейное собрание служащих. Иногда Общественные собрания возникали в селах. В Пермской губернии известны два таких клуба – Ильинское и Кудымкорское общественные собрания. В 1913 г. сельский клуб появился в Уфимской губернии – возникло Давлекановское общественное собрание.

В большинстве случаев членами клубов (собраний) являлись представители дворянства, интеллигенции, чиновничества, торгово-промышленных кругов и служащие банков. В некоторых случаях возникали корпоративные клубы. 29 декабря 1863 г. был открыт Пермский купеческий клуб (позднее преобразован в Общественное собрание), 6 декабря 1878 г. возник клуб пермских чиновников под названием «общество семейных вечеров», который стал образцом для Билимбаевского, Бисертского, Усольского и Чердынского обществ семейных вечеров. Кроме того, в Перми и Екатеринбурге действовали Офицерские собрания, причем екатеринбургское было создано на основе Благородного.

В конце XIX – начале XX в. ряд клубов открыли служащие различных уральских торгово-промышленных фирм. В частности, были образованы Вятский Коммерческий клуб, Екатеринбургское Коммерческое собрание, Оренбургское Коммерческое собрание, Общественное собрание служащих в торгово-промышленных предприятиях г. Сарапула, Пермское семейное собрание приказчиков, Яранское торгово-промышленное собрание.

Достаточно долго времяпровождение в собраниях сводилось к застольям в клубных буфетах, приятным беседам, а также к участию в азартных играх. Последнее не нравилось многим посетителям клубов, но избавиться от них было почти невозможно, поскольку плата за игру в карты и лото составляла важнейший источник пополнения клубного бюджета. В 1912 г. наибольшие по-

<sup>1</sup> Апкаримова Е.Ю. Общественные организации и досуг городского населения Среднего Урала во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2005. Вып. 5. С. 87.

ступления в кассу Екатеринбургского Общественного собрания дали плата за карты (7648 руб.) и лото (14 104 руб.), а также штрафы за различные нарушения (7729 руб.)<sup>1</sup>.

Постепенно деятельность клубов набирала обороты и расширялась. Многие клубы обзавелись библиотеками и кабинетами для чтения. Помимо традиционных для многих собраний балов и костюмированных вечеров стали практиковаться любительские драматические спектакли и вокально-музыкальные концерты. Собрания Екатеринбурга и Перми в течение многих лет сотрудничали с местными любительскими музыкальными кружками, предоставляя им свои помещения для концертов и спектаклей. Кроме того, многие клубы приглашали гастролеров, среди которых было немало видных российских и зарубежных артистов. Благодаря этому публика знакомилась с новинками русской и мировой музыкальной культуры и театрального искусства.

В последней четверти XIX в. многие клубы обзавелись собственными оркестрами, которые не только играли на балах, но и давали концерты. В начале XX в. собрания в некоторых крупных городах (Вятка, Екатеринбург) приступили к созданию своих оперно-драматических трупп. Это повысило привлекательность собраний для интеллигентной публики. Кроме того, клубы стали практиковать проведение лекций на различные темы, в том числе культурно-просветительского и научного характера. Большинство собраний, имеющих собственные помещения, часто предоставляли их для благотворительных мероприятий, а также для проведения заседаний различных самодельных обществ. Подобная практика превратила клубы в эпицентр местной общественной жизни и сделала их активными акторами модернизации.

В последней четверти XIX – начале XX в. на Урале появилась большая группа досуговых организаций культурно-просветительского характера, что в немалой степени было вызвано ростом численности городской интеллигенции. Начало данного процесса приходится на 1870-е гг. 19 ноября 1874 г. состоялся первый публичный концерт Пермского музыкального кружка. Примерно в этот же период сложилось неформальное объединение екатеринбургских любителей пения и музыки, которые в 1874 г. поставили оперу «Трубадур». Со временем объединение трансформировалось в Екатеринбургский музыкальный кружок, устав которого был утвержден 12 сентября 1880 г.

В Вятской, Оренбургской и Уфимской губерниях также появились подобные объединения любителей. В Вятской губернии были созданы Глазовский и Сарапульский музыкально-драматические кружки, Елабужское общество любителей изящных искусств, Малмыжский литературно-вокально-музыкально-драматический кружок «Лира», Котельничский музыкально-литературно-драматический кружок, Уржумское общество любителей драматического искусства. Творческие объединения возникали в основном в городах, причем, как правило, лидировал губернский центр. В Вятке действовали кружки: музыкальный, любителей драматического искусства, художественный. В последний кружок входили местные художники, фотографы и деятели просвещения. Кроме того, в Вятской губернии существовали объединения любителей драматического и музыкального искусства в Воткинском и Ижевском заводских поселках, драматический кружок на железнодорожной станции Мураши и такой же кружок в одном из сел. В Уфимской губернии действовали Белебеевское общество любителей пения, музыки, драматического искусства и литературы, Стерлитамакский драматический кружок, Златоустовский кружок любителей музыки и драмы, а также Уфимское общество любителей пения, музыки и драматического искусства.

В Пермской губернии музыкально-драматические кружки возникли в Верхотурье, Ирбите, Камышловe, Чердыни. Кроме того, были созданы певческое общество в Оханске, музыкально-драматическое общество и кружок любителей сценического искусства в Красноуфимске, общество любителей изящных искусств в Екатеринбурге, кружок драматического искусства в Соликамске. В губернском центре, кроме музыкального кружка, существовали певческое и филармоническое общества, кружок любителей драматического искусства, общество любителей живописи, ваяния и зодчества.

Некоторые музыкальные кружки в 1910-х гг. трансформировались в отделения Императорского русского музыкального общества (ИРМО). В частности, на базе Вятского музыкального

<sup>1</sup> Зауральский край. 1913. 2 июля.

кружка в апреле 1909 г. было создано музыкальное общество, преобразованное 24 октября 1915 г. в Вятский отдел ИРМО. При этом отделе были открыты музыкальные классы, кроме того аналогичные классы были учреждены в Сарапуле. Пермский и Екатеринбургский кружки тоже стали основой для образования отделений ИРМО, причем екатеринбургское отделение также открыло музыкальные классы, занятия в которых начались 6 сентября 1912 г.

Деятельность городских музыкальных и драматических кружков стимулировала появление аналогичных самостоятельных объединений в заводских поселках и крупных селах. В заводских поселках Пермской губернии существовало несколько творческих объединений, в том числе музыкально-драматический кружок в Ирбитском заводе, кружки любителей драматического искусства и музыкальный в Нижнетагильском заводе, а также кружок любителей драматического искусства в селе Талица Камышловского уезда. Деятельность этих объединений протекала с разной динамикой, нередко она почти замирала. Тем не менее, мероприятия, проводимые любительскими организациями, как правило, вызывали большой интерес публики: «Спектакль, данный 27 декабря местными любителями драматического искусства, имел редкий успех. Шли “Бобыль” и “Ямщики”. Публики было около 450 человек, причем многим, желавшим попасть на спектакль, пришлось отказать за неимением мест. Выручка со спектакля достигает 100 рублей, которые предназначены на поддержание Полевской народной библиотеки и дела благотворения»<sup>1</sup>.

Кроме вышеназванных зарегистрированных организаций существовала большая масса неформальных объединений, действовавших время от времени. В частности, попечительства о народной трезвости на рубеже XIX–XX вв. активно создавали объединения любителей пения (хоры). В 1902 г. только в Пермской губернии было создано до 300 таких хоров<sup>2</sup>.

Самодельными организациям, объединившим в своем составе любителей музыки, пения и драматического искусства, принадлежит выдающаяся роль в истории уральской культуры. В последней четверти XIX – начале XX в. они смогли организовать очень большое количество вокально-музыкальных и литературных концертов, драматических и оперных спектаклей, многие из которых проводились с благотворительной целью. Кружки сыграли выдающую роль в ознакомлении публики с творчеством многих российских и зарубежных композиторов, драматургов, комедиографов. Небольшая часть любителей, состоявшая в кружках, со временем стала профессиональными артистами. Общества любителей изящных искусств сумели сделать неотъемлемой частью городской жизни художественные выставки.

В последней четверти XIX – начале XX в. на Урале стали возникать спортивные любительские общества. Как правило, они создавались в городах, являвшихся крупными административными и торгово-промышленными центрами. Наиболее часто поклонниками спорта учреждались общества любителей конского бега, охотников и велосипедистов. В начале XX в. реестр спортивных организаций расширился за счет яхт-клубов, шахматных кружков, футбольных и хоккейных команд, поклонников лаун-тенниса.

Спортивные организации сильно различались по сословному составу членов. Первые общества охоты и велосипедистов объединяли в своих рядах преимущественно элиту: приобретение велосипедов, ружей и охотничьего снаряжения было по карману только состоятельным уральцам. Иной была ситуация в обществах любителей конского бега, в которых наряду с представителями дворянства и купечества состояли мещане и крестьяне. Демократический состав этих организаций объяснялся следующим обстоятельством: на Урале было сравнительно немного породистых лошадей, поэтому организаторы обществ любителей конского бега охотно привлекали к участию в состязаниях владельцев лошадей простых пород.

В последней четверти XIX – начале XX в. общества любителей конского бега были учреждены в Вятке, Екатеринбурге, Ирбите, Оренбурге, Перми, Сарапуле, Стерлитамаке, Троицке, Уфе, а также в Воткинском и Нижнетагильском заводских поселках. Отличаясь различным масштабом деятельности, эти общества сыграли заметную роль в развитии спорта. По их инициативе в городах Урала были созданы спортивные сооружения – ипподромы, которые охотно посещались публикой. Для ее привлечения общества поощрения коннозаводства приглашали оркестры, а не-

<sup>1</sup> Урал. 1901. 11 января.

<sup>2</sup> Уральская жизнь. 1902. 5 июля.



которые организации имели право устройства тотализатора. Любители конного спорта смогли внести заметные коррективы во времяпровождение горожан: по их инициативе возник один из наиболее популярных видов массовых зрелищ. Имелись и другие последствия их деятельности. Некоторые спортсмены открыли конные заводы и занялись выведением породистых скакунов, другие приобретали скаковых лошадей у лучших коннозаводчиков Российской империи. Это положительно сказалось на качественном составе уральских скакунов.

В различных российских изданиях конца XIX – начала XX в. в качестве спортивных организаций называются общества охотников и рыболовов. По отношению к обществам охоты это вполне уместно: многие из них имели тир (Екатеринбург, Пермь) и проводили стрелковые соревнования. К началу Первой мировой войны общества правильной охоты существовали в Екатеринбурге, Камышлов, Котельниче, Красноуфимске, Орлове, Перми, Сарапуле, Уржуме, Уфе, Шадринске, а также в Воткинском, Нижнетагильском, Уфалейском заводских поселках и селе Усолье (Пермская губерния). В этот же период действовали следующие организации: Вятский и Котельничский кружки рыболовов-любителей, Красноуфимское общество рыболовов, Уржумский кружок рыболовов удочкой. В некоторых случаях охотники и рыболовы создавали единые структуры, в том числе Воткинское общество охоты и рыбной ловли, Верхнетуринское и Златоустовское общества охотников и рыболовов. В начале XX в. наметилась тенденция создания новых спортивных организаций: возникли Вятское общество северных охотников, Пермский и Сарапульский отделы императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты, Аксаковский кружок охотников-уфимцев, Сарапульское товарищество охоты.

Большинство спортивных организаций действовало в пределах своего города или заводского поселка, за исключением обществ поощрения коннозаводства и Сарапульского общества охоты. Сарапульцы распространили деятельность своего общества на три губернии – Вятскую, Пермскую и Уфимскую. Общества поощрения коннозаводства регулярно приглашали на скачки спортсменов из других городов России. Так, в скачках на екатеринбургском ипподроме участвовали спортсмены из Москвы, Нижнего Тагила, Петербурга, Троицка, Тюмени. В свою очередь екатеринбуржцы были постоянными участниками скачек в Ирбите и Тюмени, реже в Петербурге.

Почти одновременно с обществами любителей конского бега возникли организации любителей-велосипедистов. Таких обществ было немного: Екатеринбургское и Пермское. Екатеринбургское общество велосипедистов-любителей со временем объединило в своих рядах не только сторонников велосипедного спорта, но и любителей борьбы, легкой атлетики, конькобежного спорта, поэтому велосоревнования стали сопровождаться состязаниями бегунов, прыгунов, борцов, которые проводились на велодроме. Зимой общество открывало на городском пруду каток, на котором проводились состязания конькобежцев. Кроме того, члены общества совершали лыжные прогулки, а иногда устраивали соревнования лыжников. Несколько позднее общество стало культивировать новые виды спорта: хоккей, футбол и лаун-теннис. Кроме того, в городе появились футбольные команды и кружки поклонников тенниса, не связанные с этим обществом. Возникновение футбольных команд имело место и в других городах, в том числе в Перми, Кунгуре и Уфе. Футбольные матчи охотно посещались публикой, особенно состязания между командами разных городов, которые в 1910-е гг. проводились довольно часто.

Уральским спортсменам не удалось сделать спорт массовым, но они построили группу спортивных сооружений (велодромов, ипподромов, тиров) и смогли превратить соревнования в одно из наиболее массовых зрелищ, что содействовало росту интереса к нему в широких кругах населения.

Деятельность досуговых организаций (клубов, спортивных и творческих объединений любителей) имела модернизационный характер: они оказали значительное воздействие на практику времяпровождения многих уральцев, привив им вкус к массовым развлечениям, ранее недоступным. Кроме того, они вовлекли в активную общественную деятельность большое количество уральцев. Оба вышеуказанных обстоятельства позволяют отнести досуговые организации к числу эффективных акторов региональной модернизации.

### Религиозные общественные организации

В конце XIX – начале XX в. в России сложилась обширная сеть религиозных общественных организаций<sup>1</sup>. Наибольший спектр был представлен православными организациями, функционировавшими как во всероссийском масштабе, так и в региональном и локальном. К числу всероссийских православных организаций относились Православное Миссионерское общество и Православное Палестинское общество. Обе организации придавали большое значение открытию епархиальных отделов. Как региональные (епархиальные) организации функционировали общества хоругвеносцев, церковно-археологические общества, братства. Шире всего была представлена сеть локальных (приходских) организаций: церковно-приходские попечительства, приходские общества трезвости, общества ревнителей православия.

Председателем и вдохновителем создания в 1870 г. Православного Миссионерского общества был «русский апостол Америки» святитель митрополит Иннокентий (Вениаминов), считавший, что миссия должна быть общим делом «всех православных империи». Общество имело высочайшей покровительницей императрицу Марию Александровну. Основной целью организации являлось содействие миссиям в среде мусульман и язычников, но не управление ими, остававшееся прерогативой епархиальных властей. Местные комитеты учреждали миссии, строили школы, часовни и церкви в приходах с нехристианским населением, содействовали поездкам епархиальных миссионеров в районы кочевий, создавали школы и приюты для детей коренных народов.

Вятский комитет, один из первых в стране, был открыт в 1870 г. Историческая близость Вятской епархии к Казанской, сложившиеся контакты с Казанской духовной академией привели к укоренению в деятельности Вятского комитета миссионерских подходов Н.И. Ильминского, предлагавших христианизацию через русификацию, которая должна была проводиться гуманными методами просвещения, проведения богослужения и проповеди на родных для коренных народов языках, оказания благотворительной помощи. Комитет открыл в Вятке 2 центральные миссионерские школы – мужскую и женскую – для специальной подготовки учителей для школ, создаваемых Комитетом в местах проживания коренных народов, исповадовавших ислам или племенные религии, а также в местах проживания недавно принявших православие. Учителей для таких миссионерских школ подбирали из представителей коренных народов, исповедывающих православие. К 1914 г. Вятский комитет открыл 54 школы, в которых обучалось 392 татарина, 669 марийцев, 251 удмурт, 74 бесермянина. В-основном, это были дети из семей, уже принявших православие, хотя и слабо укоренившиеся в нем. Миссионерские школы учреждались в отдаленных селениях, где не было других школ. Кроме этой формы просвещения Вятский комитет активно использовал и другие: устройство «школок» для внешкольного обучения взрослых (к 1914 г. их было 11), где неграмотных обучали не только Закону Божию, но и читать, писать и считать, а грамотным устраивали религиозно-нравственные чтения и чтения по всем отраслям сельского хозяйства; устройство регулярных собеседований в селениях инородцев, которые часто проводились учителями миссионерских школ. Комитет устраивал курсы для изучения языков местных народов, переводческие комиссии, перевод, печатание и распространение брошюр и книг религиозно-нравственного содержания на инородческих языках. Принципиальное значение комитет придавал привлечению к своей деятельности мирян: организовывал для них миссионерские курсы, проповеднические кружки, посылал в качестве книгонош-проповедников<sup>2</sup>.

Усилия Пермского комитета Миссионерского общества, организованного в 1872 г., были сосредоточены в основном на Красноуфимском уезде, где имелось много мест компактного проживания как мусульманского населения (татар и башкир), так и приверженцев племенных культов (марийцев). В 1902 г., например, на средства Комитета содержалось 9 инородческих школ в Красноуфимском уезде, и одним из успехов миссии считалось то, что, по отзывам заведующих этими

<sup>1</sup> На этапах исторического развития, для которых был характерен тесный симбиоз между властными и церковными структурами, когда некоторые религии имели статус государственных, то есть секуляризация общественной жизни еще отсутствовала или находилась в начальной степени развития, на наш взгляд, не следует причислять к религиозным общественным организациям сами церкви, которые, как известно, на современном этапе общественного развития также считаются «общественными организациями». Для таких, менее секуляризированных этапов, логичнее подразумевать под «религиозными общественными организациями» те, которые не входили в иерархическую структуру церкви, но формулировали свои задачи как религиозные.

<sup>2</sup> ВЕВ. 1914. № 24. Часть офиц. Приложение. С. 1–68.

школами, «инородцы относятся к школе в большинстве случаев сочувственно»<sup>1</sup>. В этом же уезде комитет содержал несколько миссионерских станов. Центром миссионерской деятельности был один из самых крупных станов – в с. Сарсы Вторые, где был учрежден миссионерский женский Боголюбовский монастырь<sup>2</sup>.

Для епархий Южного Урала, где численность мусульманского населения превосходила численность христиан, деятельность Миссионерского общества была особо актуальна. В Оренбургской епархии комитет общества был открыт в 1875 г., в Уфимской – в 1878 г. Деятельность этих организаций была направлена не только на распространение православия среди коренных народов, но и на укрепление в вере русского населения региона. Проявления «окиргизивания» в вере и быту русских, рассеянно проживающих среди численно преобладавшего местного населения, недостаток православного духовенства для исполнения обычных приходских служб в отдаленных местах проживания русских стали дополнительным кругом задач в деятельности Оренбургского комитета Миссионерского общества. С учетом значимости его деятельности в регионе, он получал существенные дотации от Православного Миссионерского общества. С 1893 г. комитет открывал миссионерские станы. Для укрепления в вере новообращенных в православие в 1895 г. в п. Макарьевском (недалеко от Кустаная) был выделен земельный участок для их отдельного поселения. Для облегчения перехода кочевников к оседлому образу жизни и занятию земледелием Оренбургский комитет создал особую комиссию, которая вплоть до 1898 г. оказывала материальную помощь поселенцам поселка: строила дома, выдавала продукты питания, закупала сельскохозяйственный инвентарь и т.д. Комиссия помогла организовать в поселке местное самоуправление (проведение выборов старшины согласно положению о сельских старостах). К 1903 г. в Макарьевском проживало около 120 крещенных казахов. В 1901 г. в пригороде Оренбурга, в Богодуховском монастыре, был открыт еще один миссионерский стан, при котором была учреждена второклассная школа для детей, в которой обучались дети крещеных нагайбаков, чувашей, мордвы и калмыков. Кроме станов, Оренбургский комитет содержал несколько приходских церквей и инородческих миссионеров. Комитет был вынужден очень аккуратно работать в регионе, избегая любых столкновений с мусульманскими муллами<sup>3</sup>.

Православное Миссионерское общество еще до открытия в Уфе местного комитета содействовало открытию школ для инородческих детей в Уфимской епархии. Эти школы находились под руководством Братства Святого Гурия в г. Казани. До 1884 г. этими инородческими школами заведовал директор Казанской учительской семинарии Н.И. Ильминский. Со времени открытия в 1878 г. Уфимского комитета Миссионерского общества создание новых школ и церквей в епархии пошло более активно: к 1902 г., например, комитет содержал 45 школ: 21 для татар, 20 для маришцев и 4 для удмуртов<sup>4</sup>. В школах обучались преимущественно дети старокрещенных из числа коренных народов, поскольку для данного региона проблема укрепления в вере уже принявших православие расценивалась как более актуальная в условиях достаточно активного идеологического воздействия на своих единоплеменников приверженцев ислама и племенных культов. Уфимский комитет также получал значимые дотации<sup>5</sup>.

Последним на Урале появился Екатеринбургский комитет Православного Миссионерского общества – в 1886 г. (впрочем, и сама епархия была образована только в 1885 г.). Деятельность комитета была ориентирована на наиболее отдаленные места проживания языческого и мусульманского населения. Ежегодных сборов Екатеринбургского комитета, например, в начале XX в.

<sup>1</sup> ПЕВ. 1903. № 33. Отдел офиц. С. 360.

<sup>2</sup> Там же. С. 358–360.

<sup>3</sup> ОЕВ. 1903. Отдел офиц. № 15. С. 202–211; № 16. С. 221–236; № 17. С. 240–248; № 18. С. 293–306.; Лысенко Ю.А. Оренбургский епархиальный комитет православного миссионерского общества: попытка организации миссионерства в крае (1875–1917 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4–2. С. 126–134; Есикова Е.М. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви среди нехристианского населения Оренбургской епархии (1859–1917 гг.). Автореферат ...к. и. н. Челябинск, 2010; Сгибнева О.Н. Миссия в Тургайской степи. URL: <http://prichod.ru/on-the-pages-of-the-history/21467/> (дата доступа: 25.08.2016).

<sup>4</sup> УЕВ. 1903. 1903. Прибавления к №№ 12. С. 810–817; № 13. С. 892–898; № 14. С. 980–988; № 15. С. 1062–1071.

<sup>5</sup> Там же; Павлова О.С. Деятельность Православного Миссионерского Общества в Уфимской епархии во второй половине XIX века // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XXXVI междунар. науч.-практ. конф. № 4(36). Новосибирск, 2014. URL: <http://sibac.info/conf/social/xxxi/38036> (дата доступа: 25.08.2016).

хватало на содержание четырех школ в отдаленных северных районах епархии, где проживали манси, одного приюта для детей башкир при Каслинском заводе, а также для организации одной – четырех миссионерских поездок в год в отдаленные мансийские юрты.

Культурное влияние деятельности местных комитетов Православного Миссионерского общества на коренные народы Урала было, несомненно, благотворно. Религиозно-просветительские мероприятия, внимательное отношение к школьному делу, аккуратные способы воспитания в школах и приютах для детей коренного населения способствовали сближению и взаимопониманию русского и коренного населения в регионе.

Второй всероссийской религиозной общественной организацией, имеющей епархиальные отделения, было Православное Палестинское общество, созданное в 1882 г., а с 1889 г. имевшее почетное наименование «Императорского» и состоящее под председательством великого князя Сергея Михайловича, а после его трагической гибели – великой княгини Елизаветы Федоровны. В 1885 г. были утверждены «руководящие правила» для создания епархиальных отделов ИППО, целью которых было распространение сведений о деятельности организации и сбор средств на нее. Открытие епархиальных отделов началось с 1893 г. На Урале первыми епархиальными отделами ИППО стали Вятский, Оренбургский и Екатеринбургский отделы, открытые в 1894 г., в 1896 г. был открыт Уфимский отдел, в 1897 г. – Пермский<sup>1</sup>.

Основными формами работы епархиальных отделов ИППО стали сбор пожертвований на нужды организации, а также религиозно-просветительные мероприятия, призванные разъяснять и пропагандировать деятельность ИППО, – палестинские чтения. Совет ИППО многократно подчеркивал, что палестинские чтения на местах должны проводиться по утвержденной Обществом программе и по издаваемым им брошюрам, а также стремился обеспечить отделы наглядными материалами («волшебными фонарями» и световыми картинками).

В Екатеринбургской епархии в 1902/1903 отчетном году чтения велась в 100 населенных пунктах<sup>2</sup>. Оренбургский отдел в том же году проводил чтения в 334 приходах<sup>3</sup>. Устроителями чтений чаще всего выступали священнослужители, за ними шли «лица педагогического персонала», в значительно меньшем количестве – представители практически всех социальных групп местного населения<sup>4</sup>.

О широкой популярности палестинских чтений сообщали все отделы. Слушатели готовы были терпеливо ожидать чтений и выслушивать их в самых непростых условиях. Так, Екатеринбургский отдел отмечал: «До чего нравятся русскому православному народу палестинские чтения, видно из донесения одного из настоятелей, который сообщает, что посетители просили лекторов продолжать чтения о Св. Земле возможно большее количество часов и устраивать их на будущее время возможно чаще, в чем иногда приходилось отказывать за наступлением сумерек и утомлением лекторов». Даже 3-часовые чтения не утомляли слушателей<sup>5</sup>. Развитием лучшего опыта, накопленного при проведении палестинских чтений, стала организация палестинских вечеров, которые предлагали не только речи на религиозные темы, но и развернутую музыкальную программу, номера художественного слова. Такие концерты, проходили, например, с огромным успехом в Перми в 1912–1915 гг.<sup>6</sup>.

История создания епархиальных общественных организаций демонстрирует широкую палитру сочетания «инициативы снизу» и инициативы властей.

Православные братства имели давние традиции существования. Первые такие организации появились еще в XVI в. на Украине и в Белоруссии. С 60-х гг. XIX в. количество братств в Российской империи стало расти. Каждое братство имело свой устав, основу которого составляли типовые «Основные правила для учреждения православных церковных братств», опубликованные в 1864 г., проект которых был составлен министром внутренних дел П.А. Валуевым. Согласно Пра-

<sup>1</sup> Нечаева М.Ю., Микитюк В.П. Императорское Православное Палестинское Общество в культурной среде российской провинции. М., 2014. С. 23–24.

<sup>2</sup> ЕЕВ. 1903. Отдел офиц. № 11. С. 274.

<sup>3</sup> ОЕВ. 1903. № 13. Отдел офиц. С. 171.

<sup>4</sup> Деятельность отделов Императорского Православного Палестинского общества в 1901/2 году // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Том XIII. Приложение 1. СПб., 1902. С. 20, 26–31, 33–34, 45, 98–101.

<sup>5</sup> Там же. С. 92–96.

<sup>6</sup> Подробнее см.: Нечаева М.Ю., Микитюк В.П. Указ. соч. С. 123–128.



вилам, братства могли учреждаться только по благословению епархиального архиерея, а уставы должны быть согласованы с губернским начальством<sup>1</sup>. Особенно активно создание братств пропагандировалось Синодом в 1880-е годы.

Епархиальные братства появились во всех регионах Урала: в Вятской епархии – Братство святителя и чудотворца Николая (1882 г.), в Пермской – Братство во имя святителя Стефана, епископа Пермского, и святых его преемников – Герасима, Питирима и Ионы (1882 г.), в Екатеринбургской – Братство святого праведного Симеона Верхотурского чудотворца (1886 г.), в Оренбургской – Михайло-Архангельское братство (1886 г.), в Уфимской – Братство Воскресения Христова (1896)<sup>2</sup>.

Зачастую инициатива создания епархиального братства исходила от правящего архиерея, стремившегося в такой форме аккумулировать дополнительные ресурсы для решения задач епархиального управления в деле миссионерства и христианского просвещения. Наиболее явно это прослеживается в истории Сарапульского Вознесенского братства, учрежденного в 1892 г. в Сарапульском викариатстве Вятской епархии, организованном в 1889 г. из трех уездов – Сарапульского, Малмыжского и Елабужского. Это братство не имело статуса епархиального, но его членами в обязательном порядке стало все духовенство викариатства (хотя и с добровольными взносами). В братстве были и светские лица, но с фиксированными членскими взносами (1–2 рубля). Сарапульское братство фактически выполняло функции епархиального училищного комитета на территории викариатства<sup>3</sup>.

Противоположный вариант – адаптацию уже сложившейся организации в епархиальное братство – демонстрирует история Пермского братства святого Стефана.

Инициатором его создания был пермский протоиерей Евгений Попов, который выступил с инициативой строительства в городе часовни во имя святителя Стефана, изначально приспособленной для проведения религиозных чтений и собраний. При часовне было предложено создать общество, цель которого виделась в заботе о народной нравственности. Инициатива пермяков была одобрена епископом Пермским Вассианом и в 1881 г. был создан Совет духовных чтений в Перми, председателем которого был избран Е. Попов. Была отмечена необходимость открытия читальни при будущей часовне и желательность «изустных бесед и увещаний к рабочему классу»<sup>4</sup>. 1 августа 1882 г. на основе этого Совета было открыто Общество св. Стефана, епископа Пермского, формулировавшее своей целью содействие «распространению в народе Пермской епархии (в частности г. Перми) религиозного просвещения и возвышению в нем христианской нравственности».

Впоследствии устав общества корректировался в 1888 и 1889 гг., оно было переименовано в братство, а цели расширены: братство должно было заниматься заведыванием церковно-приходскими школами; содействием духовенству в проведении внебогослужебных собеседований и открытием церковных библиотек и книжных складов; содействием духовенству в организации в сельских храмах церковного пения; руководством делами противораскольнической миссии в пределах епархии, заведением главной центральной миссионерской библиотеки и содержанием своих миссионеров из начетчиков, обратившихся из раскола<sup>5</sup>. Таким образом, по мере превращения организации из приходского общества в епархиальное братство, задачи религиозно-просветительские и нравственно-воспитательные трансформировались в руководство церковно-приходскими школами и противораскольнической миссией, организацию библиотек и книжных складов, организацию церковного пения – задачи епархиального управления, на фоне которых внебогослужебные собеседования стали отходить на второй план.

Подобный круг задач имели и другие епархиальные братства. Однако форма братства как общественной организации помогала привлекать к их решению не только духовенство, но и ми-

<sup>1</sup> Братства православные // Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. 6: Бондаренко – Варфоломей Эдесский. М.: Церковно-науч. центр «Православная энцикл.», 2003. С. 201–204.

<sup>2</sup> Благотворительные учреждения Российской империи. Т. II. СПб., 1900. С. 478, 507, 516, 903, 912; Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования императора Александра III. СПб., 1901. С. 320–323.

<sup>3</sup> Макурина В.В. Деятельность Сарапульского Православного Вознесенского братства в конце XIX – начале XX в. // Православие на Вятской земле (к 350-летию Вятской епархии): Мат-лы Межрегион. науч. конф. Вятка, 2007. С. 158–164.

<sup>4</sup> Нечаева М.Ю. Единение во имя Христа: Православные общественные организации Среднего Урала середины XIX – начала XX веков. Екатеринбург, 2008. С. 69–79; Казакова-Апкаримова Е.Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале (вторая половина XIX – начало XX в.). Екатеринбург, 2008. С. 240–242.

<sup>5</sup> ПЕВ. 1890. № 2. Отдел неофиц. С. 45–48.

рян. Это считалось актуальным и в деле организации церковно-приходских школ, и в деле миссии, особенно противораскольнической. В Екатеринбургском братстве св. праведного Симеона Верхотурского чудотворца, например, существовали так называемые миссионеры-сотрудники – приглашенные Братством «лица из народа», в значительной степени – бывшие старообрядцы, принявшие православие. Добровольные миссионеры либо просто помогали противораскольническим комитетам проводить собеседования, либо сами, помимо комитета, проводили такие беседы, правда, под наблюдением священника. В 1901–1902 г., например, в Екатеринбургской епархии был 31 сотрудник-миссионер<sup>1</sup>. Подобная практика существовала и в Пермском епархиальном братстве. Там, например, в 1908 г. были 14 миссионеров-сотрудников<sup>2</sup>.

Вятское братство, также как и Вятский комитет Миссионерского общества, основное внимание уделяло организации школ. Оно имело 2 центральные миссионерские школы в Вятке – мужскую (основана в 1875 г.) и женскую (основана в 1891 г.) и братские школы по селам и деревням (в 1913 г. – 51). Центральные школы ставили своей задачей «подготавливать из среды крестьян ревностных, в духе кротости христианской, собеседников с мнимыми старообрядцами, а также учителей и учительниц миссионерских школ, содержимых Братством в епархии». Для учителей и учительниц братских школ проводились и краткосрочные миссионерские курсы. В сельских братских школах Вятской епархии в 1913 г., например, обучалось 955 человек: 709 мальчиков и 246 девочек. Школы находились в приходах, «зараженных расколом», нередко в самых глухих местах, удаленных от православных храмов на расстояние от 10 и более верст<sup>3</sup>.

Оренбургское епархиальное Михаило-Архангельское братство в начале XX в. содержало 20 миссионерских школ, занималось проведением внебогослужебных религиозно-нравственных чтений, распространением религиозной литературы, антираскольнической и противосектантской пропагандой. Успеху деятельности Братства способствовало создание уездных отделений, которые имели право половину собранных ими средств тратить на местные нужды, что делало мероприятия организации более адресными и актуальными для населения<sup>4</sup>.

Уфимское епархиальное Братство Воскресения Христова учредило должности епархиальных и уездных миссионеров, обеспечивало их содержание. Оно содержало также кафедру истории и обличения магометанства в Уфимской духовной семинарии, 3-годичный класс подготовки псаломщиков. Активно занималось Братство благотворительной деятельностью: содержало Уфимское училище глухонемых, оказывало денежную помощь священнослужителям бедных церквей, участвовало в строительстве и реставрации более 200 храмов<sup>5</sup>.

Палитра епархиальных общественных организаций дополнялась и обществами хоругвеносцев, которые не ставили перед собой каких-либо религиозно-просветительских или миссионерских задач, а заботились о порядке и благочинии во время крестных ходов и религиозных праздников<sup>6</sup>.

Более интеллектуальный характер носили епархиальные церковно-археологические общества, создание которых активно пропагандировалось на страницах церковной прессы в начале XX в.

Идея создания такого общества возникала обычно в ходе обсуждения вопроса о сохранении памятников церковной старины и о создании особого церковно-археологического музея. Однако более активные действия были предприняты уже после получения циркулярного указа Синода от 25 июня 1911 г., побуждавшего епархиальных преосвященных к открытию церковно-археологических обществ<sup>7</sup>.

Открытие Екатеринбургского церковно-археологического комитета состоялось 22 августа 1911 г.<sup>8</sup> Он обращался к духовенству и мирянам епархии с призывом охранять и собирать пред-

<sup>1</sup> ЕЕВ. 1903. № 1–2. Отдел неофиц. С. 32.

<sup>2</sup> ПЕВ. 1909. № 26. Отдел офиц. С. 276–277.

<sup>3</sup> ВЕВ. 1914. № 13. Отдел офиц. Приложение. С. 1–97.

<sup>4</sup> ОЕВ. 1903. Приложения к №№ 9. С. 1–16; № 10. С. 17–32; № 12. С. 33–48; № 14. С. 49–61.

<sup>5</sup> Братства и сестричества православные // Башкирия. Энциклопедия. URL: <http://wiki02.ru/encyclopedia/bratstva-i-sestrichestva-pravoslavnye/t/2427> (дата доступа: 25.08.2016).

<sup>6</sup> ПЕВ. 1907. № 10. Отдел неофиц. С. 179–181; Устав Общества Хоругвеносцев во имя Просветителей Пермских. Пермь, 1912. 12 с.

<sup>7</sup> Полякова Е.А., Витовтова Г.И. Церковно-археологические учреждения России и их структурные подразделения во второй половине XIX – начале XX века // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 5 (48). С. 257.

<sup>8</sup> ЕЕВ. 1912. № 45. Отдел офиц. С. 508–511.

меты церковной старины, причем не только православной, но и «всех тех предметов, которыми могут быть представлены и охарактеризованы старообрядчество, сектантство, магометанство, язычество и все вообще вероисповедания, существовавшие и существующие в пределах Екатеринбургской епархии». Комитет в 1912 г. открыл церковный музей в здании Екатеринбургского духовного училища<sup>1</sup>.

Пермское епархиальное церковно-археологическое общество было открыто 17 октября 1912 г. В состав Комитета Пермского церковно-археологического общества вошли как представители церковной интеллигенции, так и миряне, в основном, преподаватели семинарии и духовных училищ. Среди них были люди, уже известные на Урале своими краеведческими изысканиями – П.С. Богословский, И.Я. Кривошеков, В.С. Верхоланцев.

Одним из направлений деятельности Общества стала организация археологических раскопок. Результаты раскопок в Пыскоре, проводимых под руководством И.Я. Кривошекова, вызвали интерес археологов в Императорской Археологической комиссии<sup>2</sup>. Общество устраивало публичные лекции<sup>3</sup>, развернуло активную собирательскую, исследовательскую и публикаторскую деятельность. Статьи по истории Прикамья, изданные членами общества, до сих пор не потеряли научной ценности<sup>4</sup>.

В Вятской епархии иначе подошли к проблеме сохранения памятников церковной старины. Там не создавали самостоятельное церковно-археологическое общество, но 5 октября 1912 г. открыли в епархиальном доме Трифоновский церковно-археологический музей. Он состоял под покровительством епархиального архиерея, но в подчинении Вятской ученой архивной комиссии, составляя церковный отдел общего Архивного музея. Деятельность организации не ограничивалась пределами Вятки, практиковались и командировки членов комитета по сельским храмам, во время которых удавалось собрать предметы церковной старины, ценность которых часто не осознавалась местным духовенством. Коллекция музея быстро росла, в ней выделялись уже разные отделения, например, иконное, картинное, книжное. Собирались и предметы нецерковного назначения, представляющие исторический интерес. Трифоновский музей был открыт для посещения по воскресным дням на 2–3 часа. По музею проводили экскурсии. За 1913/1914 год музей посетило около 500 человек. Бывали даже старообрядцы. Ученики же почти всех учебных заведений Вятки среднего и низшего уровня побывали в музее еще в первые два года его существования<sup>5</sup>.

30 октября 1915 г. состоялось первое собрание кружка любителей церковной старины при Вятском епархиальном братстве. К началу 1916 г. они разработали устав и обратились к вятской общественности с призывом участвовать в их работе. Устав и программа деятельности в 1916 г. были утверждены Братством и епархиальным архиереем. Одной из задач кружка было объявлено создание музея-древлехранилища. Кружок намеревался собирать и изучать не только предметы православной старины, но и религиозного быта всех народов Вятской губернии<sup>6</sup>.

На Южном Урале церковно-археологические комитеты были созданы также после получения синодального указа 1911 г.: Оренбургский в 1912 г., Уфимский в 1913 г. Свои задачи они формулировали в том же русле сохранения и популяризации церковного наследия. Учрежденное в феврале 1916 г. епископом Уфимским и Мензелинским Андреем (Ухтомским) Восточно-русское культурно-просветительное общество одной из своих задач считало сохранение церковной старины<sup>7</sup>.

Локальные религиозные организации также были достаточно типичны для всех епархий России. Их создание активно пропагандировалось церковной прессой, а сами организации считались одним из средств реформирования церкви.

2 августа 1864 г. император Александр II утвердил «Положение о приходских попечительствах при православных церквях». На попечительства возлагались три направления деятель-

<sup>1</sup> ЕЕВ. 1912. № 19. Отдел неофиц. С. 439–444.

<sup>2</sup> ПЕВ. 1916. № 17–18. Отдел неофиц. С. 132.

<sup>3</sup> ПЕВ. 1917. № 7–8. Отдел неофиц. С. 153.

<sup>4</sup> ПЕВ. 1915. № 12. Отдел неофиц. С. 104–108.

<sup>5</sup> ВЕВ. 1914. № 44. Отдел неофиц. С. 1384–1390.

<sup>6</sup> ВЕВ. 1916. № 5. Отдел неофиц. С. 101–109.

<sup>7</sup> Полякова Е.А., Витовтова Г.И. Указ. соч. С. 258. URL: <http://www.eparhia-ufa.ru/news/sostoyalos-pervoe-zasedanie-ufimskogo-cerkovno-istoricheskogo-obshchestva-5421> (дата обращения: 25.08.2016).

ности: благоустройство и благосостояние храма и причта; начальное обучение детей; социальная благотворительность в рамках прихода<sup>1</sup>. Заботой попечительств должно было быть «изыскание средств» на эти цели. В 1903 г. деятельность попечительств привлекла внимание императора Николая II, после чего епархиальные архиереи издали указы, предписывавшие открыть попечительства во всех приходах<sup>2</sup>.

Главной задачей создания общественных организаций приходского уровня была активизация общинных начал религиозной жизни, действенная христианская благотворительность, поэтому успех их деятельности в значительной степени зависел от того, как священнику и церковному старосте удавалось организовать активистов из числа мирян. Для священника и старосты участие в приходском попечительстве становилось обязанностью<sup>3</sup>. Некоторые из таких приходских организаций по численности членов намного превосходили даже епархиальные, например, в Нижне-Тагильском братстве<sup>4</sup> Св. Животворящего Креста Господня при Входе-Иерусалимском соборе к 1908 г. было более 800 членов, а в епархиальном Екатеринбургском Братстве в это время – только 263<sup>5</sup>.

Средства попечительств составлялись из добровольных целевых пожертвований прихожан и членских взносов. Адресному характеру деятельности попечительства способствовала и четкая система сбора пожертвований на те или иные цели. При некоторых церковно-приходских попечительствах имелись богадельни, чайные и столовые, ночлежные дома, приюты для нищих и сирот, странноприимные дома<sup>6</sup>. Приходские попечительства были достаточно гибкой формой организации, позволявшей максимально учитывать изменение потребностей в приходе. Изыскание средств на собственно религиозные цели составляло только часть задач этих организаций, не менее, а чаще всего, более значимой была социальная поддержка прихожан.

По мнению духовенства, именно церковно-приходские попечительства могли очистить приход и от такого нежелательного в нравственном плане явления, как профессиональное нищенство. В 1902 г. священник Н. Агафонов со страниц «Пермских епархиальных ведомостей» обратился с предложением закреплять между членами попечительств участки в 20–30 домов, которые члены попечительств могли бы регулярно посещать и лучше знать нужды прихожан<sup>7</sup>. Подобное разделение прихода на попечительные участки практиковалось и в екатеринбургском Екатеринбургском приходском попечительстве<sup>8</sup>.

Одним из активно действующих попечительств было Петро-Павловское в Полевском заводе. Инициатива его создания принадлежала приходскому священнику Иоанну Дергачеву. Его предложение об «осмысленном благотворении голодной бедноте» получило поддержку и рабочих, и управляющих, и владельцев Сысертских заводов. Полевское попечительство открылось 1 апреля 1880 г. Его первой заботой, затмевавшей все остальные, стала помощь бедноте – их в приходе было 70 семей, средств едва хватало на это. Рабочие и служащие Полевского и Сысертского заводов обязались отчислять по 1 копейке с каждого рубля заработка в пользу попечительств, выделяло пособие и уездное земство. Среди членов Полевского попечительства были не только

<sup>1</sup> Римский С.В. Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов). М., 1999. С. 340–350.

<sup>2</sup> ЕЕВ. 1903. № 6. Отдел неофиц. С. 120–125.

<sup>3</sup> Римский С.В. Указ. соч. С. 349–351.

<sup>4</sup> Приходские общественные организации чаще назывались «попечительствами», однако некоторые из них выбирали для себя название «братств». Братства чаще, чем попечительства, ставили перед собой не только задачи приходской благотворительности, но и борьбы со старообрядчеством. Некоторые такие приходские братства впоследствии перерастали рамки прихода и распространяли свою деятельность на весь заводской поселок или город, в котором находились. Такими братствами были не только Нижнетагильское, но и Кирилло-Мефодиевское при Ижевском заводе, Свято-Троицкое братство в г. Златоусте, Братство во имя Пресвятой Богородицы «Трёх Радостей» при Николаевском соборе г. Мензелинска (последнее действовало в рамках Мензелинского уезда). При Ижевском заводе существовало также единоверческое братство (Введенский В. Православные церковные братства (1864 г. – 8 мая – 1914 г.). (Отдельный оттиск из журнала «Церк. Ведом.» за 1914 год). СПб., 1914. С. 18–20).

<sup>5</sup> Нечаев М. Г. Миссионерская деятельность церкви на Урале (1905–1916 гг.) // Христианское миссионерство как феномен истории и культуры (600-летию памяти святителя Стефана Великопермского). Мат.-лы междунар. науч.-практ. конф. Т. I. Пермь, 1997. С. 77.

<sup>6</sup> Благотворительные учреждения Российской империи... С. 128–146, 478–483, 507–537, 903–913; ЕЕВ. 1887. № 20–21. Отдел неофиц. С. 441–450.

<sup>7</sup> ПЕВ. 1902. № 9. Отдел неофиц. С. 119–124.

<sup>8</sup> ЕЕВ. 1899. № 24. Отдел неофиц. С. 686–687.



православные, но даже два католика – управляющий Северского завода С.А. Гайль и главный врач Сысертских заводов В.С. Буйницкий<sup>1</sup>.

В годы Первой мировой войны обширная сеть приходских попечительств еще более развернулась к благотворительной деятельности: кроме сбора средств на нужды армии, лазаретов, пленных, они стали окружать особой заботой семьи раненых и погибших на фронте прихожан, организовывать присмотр за детьми в семьях солдат в страдную пору.

Непосредственное участие в деятельности религиозной организации – делом, а не деньгами – предлагали прихожанам и общества ревнителей Православия или кружки «ревнителей благочестия и доброй христианской жизни». Они обращали особое внимание и на привлечение женщин – очень слабо представленных во всех остальных уровнях религиозных организаций. Задача у ревнителей была две – содействие противораскольнической миссии и духовно-нравственное вразумление православных прихожан<sup>2</sup>. Занимались общества ревнителей и оказанием материальной помощи бедным, сиротам, престарелым, а также обращенным в православие из других вер. В некоторых приходах создавались особые сестричества – объединения женщин, наблюдавших за порядком и чистотой в храмах, а также обучавших общесемейной молитве по домам.

Еще одним направлением деятельности религиозных организаций приходского уровня стала борьба с пьянством. Синод еще в 1889 г. призывал духовенство содействовать правительству в борьбе с пьянством учреждением различного рода обществ трезвости, проповедничеством и нравственными беседами, и повторил эти призывы в 90-е гг., при учреждении правительством попечительств о народной трезвости, в состав которых приглашались и представители духовенства. Однако массовым явлением открытие приходских обществ трезвости (называвшихся также братствами, попечительствами о трезвости) стало после издания 4/6 июня 1909 г. определения Синода, которым предписывалось епархиальным архиереям вменить в обязанность епархиальному духовенству более активное воздействие на прихожан проповедью и беседами о вреде пьянства. В некоторых местах удавалось создавать крупные приходские общества трезвости, объединявшие несколько тысяч человек. Например, в Верх-Исетском обществе трезвости к 1913 г. было записано 4,5 тыс. человек.

Для удержания народа от пьянства эти общества стремились закрывать пивные лавки, проводили религиозно-нравственные беседы, чтения с показом «туманных картин», музыкальные вечера, устраивали певческие общества, праздники трезвости, библиотеки-читальни, покупали религиозные и антиалкогольные журналы и брошюры. К религиозным праздникам беднейшим членам обществ выдавалась материальная помощь. По целям своей деятельности такие организации были социальными, а не религиозными.

Уже к 1910 г. на Урале было более 163 приходских обществ трезвости, в которых состояло более 12 200 человек<sup>3</sup>. Дополнительный импульс распространению приходских обществ трезвости придало введение «сухого закона» в годы Первой мировой войны. На страницах епархиальной прессы трезвенный образ жизни в годы войны пропагандировался как проявление патриотизма.

Обобщая опыт православных приходских общественных организаций следует отметить, что они, в отличие от епархиальных и общероссийских, всегда сочетали чисто религиозную деятельность с социально-благотворительной, то есть носили синкретический характер. Деятельность приходских объединений была предельно адресной, и именно они объединяли наибольшее число верующих.

Такой же синкретический характер носили и локальные религиозные организации, создаваемые при мечетях и католических костелах. Сосуществующие с более многочисленными сообществами православных, сообщества мусульман и католиков осознавали задачей создания и существования своих религиозных общественных организаций не только сохранение религии, но и самих культурных отличий, для чего было важно поддерживать свой этноконфессиональный социум и в социальном плане. Поэтому для мусульманских и католических общественных

<sup>1</sup> ЕЕВ. 1886. № 20–21. Отдел неофиц. С. 441–450.

<sup>2</sup> ПЕВ. 1897. № 10. Отдел неофиц. С. 329; ПЕВ. 1911. № 18. Отдел неофиц. С. 384–386.

<sup>3</sup> В расчетах были учтены только те организации, которые имели название «общество трезвости», кроме них было много подобных, имевших названия «братство трезвости», «кружки трезвости» и т.п. (Церковные общества трезвости и подобные им церковные учреждения. СПб., 1911. С. 19–20).

организаций была характерна прежде всего благотворительная деятельность по отношению к бедным представителям своего этноконфессионального социума.

Католические благотворительные организации на Урале появились в конце XIX – начале XX в. в наиболее крупных городах: в 1898 г. – Общество пособия бедным прихожанам Уфимского римско-католического костела и Приходское благотворительное общество при римско-католической церкви в Оренбурге; в 1899 г. – Общество пособия бедным при Пермской римско-католической церкви; в 1908 г. – Общество пособия бедным прихожанам при Екатеринбургском римско-католическом костеле. В годы Первой мировой войны стали возникать также польские благотворительные общества при уральских костелах. Численность членов каждого католического общества составляла несколько десятков человек. Формы и способы оказания помощи беднякам были различными: снабжение одеждой, пищей и приютом, выдача денежных пособий; содействие в поиске работы, помощь в приобретении материалов и инструментов, в организации более выгодного сбыта продукции бедных тружеников; выдача медицинских пособий, помещение в больницы за счет общества, помощь в погребении умерших; помещение престарелых немощных в богадельни, дома призрения, а малолетних – в сиротские дома, приюты, убежища, ремесленные и учебные заведения; воспитание сирот; распространение книг нравственного содержания и помощь в возвращении на родину. Наиболее значительные доходы общества при костелах обычно получали от проведения благотворительных вечеров, затем шли пожертвования, членские взносы, проценты с капиталов. В годы Первой мировой войны благотворительные общества при костелах стали выделять некоторые суммы на материальную помощь прибывающим на Урал беженцам. В Екатеринбурге, Оренбурге, Вятке при костелах появились польские благотворительные общества, содействовавшие размещению беженцев, обеспечению их теплой одеждой, выделявшие небольшую материальную помощь лицам, оказавшимся в самых сложных ситуациях<sup>1</sup>. В Оренбурге существовало и Дамское благотворительное общество евангелическо-лютеранского прихода, имевшее целью оказание помощи детям бедных немцев-колонистов губернии, а также призрение старых, немощных и одиноких немцев<sup>2</sup>.

Деятельность мусульманских благотворительных организаций на Урале имела больший размах. Они существовали в Уфе, Оренбурге, Орске Троицке, Красноуфимске, Кунгуре, Нижнем Тагиле, Перми, Екатеринбурге, Челябинске. В Уфе и Оренбурге существовали и женские мусульманские благотворительные общества. В Оренбурге действовало также Общество попечения об учащихся мусульманах.

Наибольший масштаб приобрела деятельность мусульманских благотворительных обществ Южного Урала. Уфимское мусульманское благотворительное общество, созданное в 1898 г., ставило своей задачей оказание помощи нуждающимся мусульманам губернии, особенно детям. Средства общества складывался из пожертвований, которые давали как мусульмане, так и православные. Поступали пожертвования и от коммерческих организаций. Общество организовало мектеб-приют, в котором дети не только учились грамоте, но и получали различные ремесленные навыки: в плотницком деле, плетении корзин и т.д. Общество выделяло средства мусульманскому приюту престарелых мужчин и мальчиков, взаимодействовало с Духовным собранием мусульман<sup>3</sup>.

Широко развернула деятельность и первая в истории России мусульманская женская благотворительная организация – Уфимское женское мусульманское благотворительное общество, созданное в 1908 г. Оно объединило жен и дочерей известных татарских предпринимателей, государственных служащих, религиозных деятелей. Многие из них получили образование в русских учебных заведениях. Проблемы мусульманского общества они видели в тяжелом материальном положении большинства мусульман и низком уровне образования. Исправить положение

<sup>1</sup> Казакова-Апкаримова Е.Ю. Формирование гражданского общества... С. 265–273; Денисов Д.Н. Католицизм в конфессиональном пространстве Оренбургского края (конец XVIII – начало XXI вв.) Оренбург, 2014. С. 55–88; Машковцев А.А. Конфессиональная политика государства в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX – начале XX века. Киров, 2015. С. 296–297; Гавриленко Н.М. Екатеринбургской городской думе доклад о реорганизации дела призрения бедных в г. Екатеринбурге. Екатеринбург, 1916. С. 49.

<sup>2</sup> Сулейманова Р.Н. Деятельность благотворительных обществ на Южном Урале в конце XIX – начале XX века: женский вопрос // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 5. С. 54.

<sup>3</sup> Азаматова Г.Б. Мусульманские благотворительные учреждения в Уфе в конце XIX – начале XX вв. // Просветительские традиции ислама в Урало-Поволжье: Первые Фахретдиновские чтения. URL: <http://www.idmedina.ru/books/materials/?1244> (дата доступа: 25.08.2016).

они намеревались развитием широкой сети благотворительных учреждений. Хотя организаторы общества исходили из фундаментального положения ислама, требующего от каждого быть справедливым и благодетельным и помогать сиротам и беднякам, создание женской организации вызвало противоречивые отклики в среде мусульманского духовенства. В школах, которые содержались на средства общества, в 1908/09 учебном году, например, обучалось 623 девочки. К 1916 г. общество содержало в Уфе уже 5 учебных заведений, приют, открыло подготовку при одной из школ учительниц для мектебов и медресе. Курс обучения учительниц был рассчитан на 8 лет. Кроме школ, общество открывало библиотеки, приюты для нуждавшихся и престарелых женщин-мусульманок<sup>1</sup>. Эти и другие мусульманские общественные организации Урала<sup>2</sup> носили ярко-выраженный благотворительный и просветительский характер.

Религиозные общественные организации России XIX – начала XX в., хотя и имели свою специфику (тесная связь с церковными властными структурами, значительный процент духовенства в числе членов организаций, особенно епархиального и всероссийского уровня), были неотъемлемым компонентом палитры общественных организаций и вносили свой, весьма существенный вклад в распространение начального образования, социального призрения, а также в просветительскую работу, которая в ряде вопросов выходила за рамки сугубо церковного образования, приобретая общекультурное значение (деятельность церковно-исторических обществ, ИППО). В то время, когда светские общественные организации разворачивали свою деятельность в городах и крупных заводских поселках, религиозные общественные организации имелись и в этих населенных пунктах, и в широкой сети сел и деревень, охватывали самые отдаленные и малонаселенные районы, где иногда оказывались чуть ли не единственными носителями культурно-просветительных начинаний. Уже это позволяет рассматривать их как полноправных акторов модернизационных процессов в России имперского периода. Следует отметить и то обстоятельство, что чем локальнее, чем «ближе к народу» были эти общества (приходской уровень), тем большее значение в деятельности религиозных организаций приобретали аспекты активной социальной благотворительности, которая хотя и осмысливалась в категориях религиозной морали, но по сути своей мало чем отличалась от благотворительной деятельности других общественных организаций. Деятельность же мусульманских, католических, протестантских общественных организаций вообще должна быть отнесена по признаку основного направления деятельности к числу благотворительных, а не религиозных.

Подводя итоги, можно отметить, что к началу XX в. в уральском регионе сложилась развернутая сеть общественных организаций, в которой могли найти применение своим силам и устремлениям люди с различными интересами и взглядами – от желающих занять свой досуг и пропагандировать любимое дело до осознающих глубокие общественные проблемы и желающих своим трудом и финансовыми средствами способствовать их решению. Это говорит о развитии публичной сферы в российской провинции того времени. Деятельность общественных организаций распространялась в большей степени на города и крупные заводские поселения, но ряд организаций был представлен и в сельской местности (например, православные общественные организации, попечительства о народной трезвости), некоторые охватывали весьма отдаленные районы с малочисленным населением, в том числе коренные народы Урала (Миссионерское общество).

Возможность проявления своих личностных начал в рамках общественных организаций создавала «золотой фонд» деятелей, которые становились катализаторами развития начал гражданского общества в России. На материалах Урала полностью подтверждается наблюдение Дж. Брэдли о значении добровольных организаций в эпоху перехода от традиционного общества к модернизирующемуся, общее как для России, так и стран Европы и Америки: «Свидетельствуя о большей, чем это было прежде, степени индивидуализма общества, частные ассоциации еще в более значительной степени усилили ощущение свободно утверждаемой личной идентичности, самостоятельности и права выбора каждого человека. В то же время, для того чтобы преодолеть

<sup>1</sup> Сулейманова Р.Н. Указ. соч. С. 55–56; Азаматова Г.Б. Указ. соч.

<sup>2</sup> Казакова-Апкаримова Е.Ю. Формирование гражданского общества... С. 273–279; Сулейманова Р.Н. Указ. соч. С. 54–56; Денисов Д.Н. Мусульманская община Троицка во второй половине XVIII – начале XX века // Вестник Челябинского государственного университета. Вып. 39. История. 2010. № 10. С. 126.

чувство одиночества, ощущавшееся людьми, отходившими от разрушавшегося традиционного общества, добровольные ассоциации обеспечили новую групповую солидарность и создавали места общения, где ценились такие качества, как образованность, стремление к самосовершенствованию и труд на пользу ближнего»<sup>1</sup>. А.С. Туманова, называя общественные организации «островками формирующегося гражданского общества», подчеркивала, что они «готовили глубинные изменения в самосознании горожан, способствуя их превращению из обывателей в свободных граждан»<sup>2</sup>. Стоит отметить, что эти трансформации затрагивали не только горожан, но и наиболее активных представителей сельских социумов.

Анализ основных направлений деятельности добровольных организаций показывает, что именно сфера социальной благотворительности (призрение бедных, содействие распространению образования среди малоимущих) привлекала к себе наибольшее число акторов. Ручейки «малых дел» (создание приюта, школы даже для небольшого количества учащихся, изыскание средств на обучение нескольких малоимущих и т.п.) не только корректировали и смягчали глобальные социальные проблемы, но и учили членов добровольных обществ новым формам организации для решения этих проблем. Характерные для всех общественных организаций выборность органов управления, гласность работы, адресность сборов и пожертвований, возможность самостоятельной организации действий для решения уставных задач формировали навыки публичной деятельности, активную жизненную позицию – то, что превращало обывателей в граждан, которые хотели участвовать в решении общественных задач.

Осознание недостаточности возможностей государства и церкви для решения многих проблем, признание полезности «малых дел» добровольных ассоциаций приводило к заинтересованности властных структур в дальнейшем распространении общественных организаций (особенно если они не ставили политических задач). Вступление и даже председательство в ряде общественных организаций членов императорского дома, чиновников губернского, уездного, городского уровней, епископата фактически стали частью их служебных обязанностей. Это обеспечивало «подушку безопасности» для организаций в случае недостатка материальных средств, способствовало их престижу, но в то же время делало их более централизованными и косными в выборе средств осуществления уставных задач.

В целом, такая поддержка властными структурами создания добровольных ассоциаций, как показывает анализ, проведенный Дж. Брэдли, была характерна не только для России, но и для стран Западной Европы и Северной Америки, что не мешает признавать добровольные ассоциации европейских стран неотъемлемым компонентом гражданского общества<sup>3</sup>. Добровольные ассоциации России второй половины XIX – начала XX в. стремились заручиться поддержкой носителей властных полномочий, а отнюдь не дистанцироваться от них.

#### 4.4. ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЩЕСТВА\*

В общественных науках показано, что профессионализация является многоаспектным, многоуровневым и динамичным процессом. Исследование данного процесса невозможно без учета принципа историзма. Разделение труда исторически сопровождалось процессом профессиональной специализации, предполагающим распространение профессионального знания, формирование соответствующих общественных отношений и профессиональных сообществ, что накладывает отпечаток на эволюцию общественного сознания. Профессионализация тесно связана с процессом индустриализации и научно-технического прогресса.

Под профессионализацией понимается динамический процесс, в ходе которого различного рода занятия обретают систематические знания, лежащие в основании профессии; авторитет, который признается клиентурой профессиональной группы; моральный кодекс, регулирующий отношения профессионалов с клиентами и с коллегами; профессиональную субкультуру, которая поддерживается формальными профессиональными ассоциациями. Важным представляет-

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

<sup>1</sup> Брэдли Дж. Общественные организации в царской России... С. 426.

<sup>2</sup> Самоорганизация российской общественности... С. 264.

<sup>3</sup> Брэдли Дж. Общественные организации в царской России... С. 55–74.



ся определение места профессионализации в контексте регионального развития. В этой связи необходимо выявить роль профессиональной подготовки в формировании профессионального систематического знания и профессиональных навыков; определить социальный контекст профессионализации на Урале в изучаемый период; выявить механизмы профессионального контроля; определить место индивида в процессах профессионализации (мотивация к профессиональному росту, освоению профессиональных знаний, строительству карьеры в профессии); определить роль в процессах профессионализации профессиональных обществ, обществ взаимопомощи, организованных по профессиональному принципу.

В пореформенный период истории России (после Великих реформ) профессионализация набирала темп. Новая профессиональная интеллигенция по мере увеличения численности и укрепления самосознания становилась одной из главных сил в российском обществе. На материалах Урала второй половины XIX – начала XX в. можно видеть процесс формирования профессиональной субкультуры горожан, которая, в значительной степени, поддерживалась формальными профессиональными ассоциациями.

Во второй половине XIX в. в России первыми довольно многочисленными прообразами профессиональных объединений являлись общества взаимопомощи. В 1982 г., характеризуя состояние отечественной историографии, А.Д. Степанский констатировал, что в отличие от дореволюционной кооперации (прежде всего сельскохозяйственной и потребительской) «организации взаимопомощи оказались совершенно забытой темой»<sup>1</sup>. Исследователь преимущественно на материалах столичных городов рассмотрел многообразие видов обществ взаимопомощи как с универсальными, так и с более специализированными функциями, подчеркивая что главной из них являлось социальное обеспечение. «Такая функция неизбежно сближала организации взаимопомощи, – пишет он, – с организациями благотворительными»<sup>2</sup>. Между тем, справедливо отмечает А.С. Туманова, «наряду с элементами сходства, имелись у них и существенные отличия». Если членский состав благотворительных обществ формировался на более широкой основе, то состав обществ взаимопомощи обычно охватывал одну или несколько сословных (например, ремесленников) или профессиональных групп (торговых служащих, учителей, медицинских работников, техническую интеллигенцию). Причины создания обществ взаимопомощи имели как социально-экономический (материальные трудности, отсутствие гарантий социальной защиты), так и социокультурный (повышение требований к образовательному и профессиональному уровню населения) характер. Безусловно, сказывался рост самосознания различных профессиональных групп в условиях разделения труда в городской экономике<sup>3</sup>.

Феномен обществ взаимопомощи раскрывается при анализе документов, оставленных самими обществами. Так, во вступлении к «Краткому очерку десятилетней деятельности общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге» характеризуется сущность и значение общественных организаций, созданных для взаимопомощи своим членам: «Всякое общение людей, а тем более всякая общественная организация, направленная к взаимопомощи материальной или нравственной, пробуждает в людях сочувствие друг к другу и в свою очередь ослабляет людской эгоизм». Участие в таком обществе накладывает свой отпечаток на психологические и мировоззренческие особенности своих членов: «...каждый человек, состоя членом Общества, не чувствует себя одиноким, так как он знает, что если с ним что и случится, то его товарищи-члены непременно придут к нему на помощь. Болезнь, лишение места, с потерей которого вместе обрываются и материальные ресурсы к жизни, временные денежные затруднения, образование детей при ограниченных средствах и, наконец, даже самая смерть – ему уже не до такой степени страшны, когда он состоит участником Общества взаимопомощи. При болезни члена Общество принимает на себя медицинскую помощь и помогает ему материально; при потере места – выдает ежемесячное пособие и оказывает содействие к приисканию другого места; при денежных

<sup>1</sup> Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков. Пособие по спецкурсу. М., 1982. С. 20.

<sup>2</sup> Там же. С. 20–21.

<sup>3</sup> Бредли Д. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77–80; Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX–XX веков. Тамбов, 1999. С. 118–119; Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский, Э.Б. Каплуновская, Е.В. Ключина, Л. Хэфнер. Ульяновск, 2000. С. 417–421.

затруднениях – выдает ссуды; при затруднениях в средствах на образование детей – принимает таковое на себя и, наконец, в случае смерти члена – оставшаяся семья поступает на попечение Общества»<sup>1</sup>.

Проанализировав состав обществ взаимопомощи в России в конце XIX – начале XX в., А.Д. Степанский пришел к выводу, что они обслуживали почти исключительно средние городские слои. Самыми распространенными такими обществами в России были общества взаимопомощи лиц частного служебного труда, к которым относились приказчики, конторщики, бухгалтеры, коммивояжеры, а также трактирная прислуга и представители некоторых других профессий. Наиболее многочисленными были общества торговых служащих. Уральские материалы в данной связи подтверждают выводы А.Д. Степанского о социальной базе обществ взаимопомощи.

Изучая историю создания первых приказчицких обществ в России, исследователи установили, что первое такое общество возникло в Риге в 1859 г. Затем такие общества стали появляться в столицах, крупных южных и западных городах, а в 80-х гг. XIX в. – в Поволжье и в 90-х гг. XIX века – на Кавказе и в Сибири. Картина будет более полной, если отметить, что в конце 1880-х гг. этот процесс охватил города Урала<sup>2</sup>.

Так, первым обществом взаимного вспоможения приказчиков на Среднем Урале было Пермское общество, устав которого был утвержден 1 мая 1884 г. Общество поставило цель «приискать службу служащим в коммерческих конторах и лишившимся таковой, особенно семейным, по причинам от них независимым, например, в случае банкротства или прекращения дела»<sup>3</sup>. В «Пермских губернских ведомостях» так оценивалось это общество: «Около 9 лет (с 1 мая 1884 г.) в Перми существует полугоооперативное, полублаготворительное учреждение, весьма симпатичное по задачам своей деятельности, но настолько скромное, что в городе мало кто знает о его существовании». Автор газетной заметки, анализируя состав его членов, отмечал, что под словом «приказчик» обыкновенно подразумевался служащий у купца в лавке, магазине, на бирже и т.п., но по уставу пермского общества приказчиков, его членами могли быть не одни магазинные приказчики, но «вообще лица обоего пола, служащие в торговых и коммерческих учреждениях в г. Перми, как то: собственно приказчики (“молодцы”, как их называют некоторые из торговцев), бухгалтеры, конторщики, кассиры, комиссионеры, агенты, командиры пароходов, их помощники и даже – есть техники (параграф 9 устава)». В действительности так оно и было. Членами пермского общества приказчиков являлись «лица почти всех поименованных профессий». Средства свои пермское общество приказчиков до настоящего времени получало исключительно из членских взносов единовременных при вступлении – в 24 р., 12 р. и 6 р. и ежегодных в том же размере. Между тем, для увеличения своих средств общество могло, с надлежащего разрешения, устраивать публичные чтения, концерты, спектакли и т. п. В первый раз общество решило воспользоваться этим правом 26 февраля 1893 г., организовав при содействии любителей сценического искусства, литературный вечер в городском театре. Программа предполагала чтение сцен из драмы И.В. Шпагинского «Где любовь, там и напасть» и исполнение ролей из водевиля Н. Леонтьева «Шляпка невидимка»<sup>4</sup>.

Появление аналогичного Общества взаимопомощи приказчиков в Екатеринбурге было тесно связано с решением вопроса об ограничении работы приказчиков в воскресные и праздничные дни, чего они добивались долгое время. Только с вступлением на должность городского головы И.И. Симанова этот вопрос был окончательно решен Екатеринбургской городской думой, отныне приказчики торговали по воскресеньям и в праздничные дни только с 12 до 2 часов дня. Современник так описывает события: радостные приказчики отслужили благодарственный молебен на Главной площади напротив Кафедрального собора, поднесли благодарственный адрес городскому голове. Преосвященнейший Нафанаил благословил приказчиков св. иконой Вознесения Господня. Певчие пропели: «Тебе Бога хвалим». После молебна И.И. Симанов сказал ответное слово приказчикам, которые собрались для этого в зале городской думы. Собрание приказчиков,

<sup>1</sup> Краткий очерк десятилетней деятельности общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге. Б.м., б.г. С. 2.

<sup>2</sup> Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков. Пособие по спецкурсу. М., 1982. С. 22–23.

<sup>3</sup> Верхоланцев В. Город Пермь. Его прошлое и настоящее. Пермь, 1913. С. 14.

<sup>4</sup> Пермское общество взаимного вспоможения приказчиков // Пермские губернские ведомости. 1893. 24 февраля. № 16. С. 67.

«желая увековечить память сокращения торговых часов по праздничным дням и вместе с этим задаваясь мыслью о дальнейшем улучшении своего быта и положения», постановило: «учредить в г. Екатеринбурге Общество взаимного вспоможения приказчиков». Была открыта подписка на сбор средств, разработан устав общества, который после некоторой переработки был утвержден 5 марта 1887 г. В сентябре общество приступило к своей работе. По уставу Общество взаимного вспоможения приказчиков в г. Екатеринбурге могло оказывать свою помощь различными способами, в частности, выдавая пособия членам общества на лечение, на похороны, а также членам, призванным на военную службу<sup>1</sup>.

Общества взаимопомощи приказчиков, как и другие общества взаимопомощи, практиковали не только экономическую, но и «духовную» поддержку, заботясь о культурном развитии своих членов. В качестве примера универсальной по характеру организации можно назвать профессиональное общество торговых и торгово-промышленных служащих г. Екатеринбурга, которое ставило перед собой решение не только экономических вопросов, включая задачи взаимопомощи и улучшения условий труда членов общества, но и «содействие умственному и духовному развитию своих членов», что отмечалось в его уставе. Для «поднятия культурного уровня членов о-ва, повышения профессиональных и общих знаний», общество могло устраивать: библиотеки, читальни, экскурсии на выставки и музеи, профессиональные лекции, чтения и курсы<sup>2</sup>. Уральский материал свидетельствует, что в дальнейшем общества взаимопомощи стремились к расширению своей деятельности. Так, Общество тружеников печатного дела, существовавшее в Перми, решило оживить и расширить свою деятельность путем преобразования общества в Союз рабочих печатного дела Перми, привлечь к его работе практически всех лиц, так или иначе связанных с печатным делом. В 1908 г. представители общества выработали новый устав, по которому задачами союза провозглашались: защита профессиональных интересов, содействие умственному и «моральному развитию» своих членов, а также оказание им материальной помощи<sup>3</sup>.

Иногда общества взаимопомощи создавались по профессиональному и национально-религиозному принципам. Ярким примером этому является Общество взаимного вспоможения русско-православных торговцев в г. Екатеринбурге. Официально оно заявило о себе в 1912 г. Общества взаимопомощи, как и другие общественные организации в дореволюционной России, действовали на основании уставов. Так, в Уставе общества взаимного вспоможения русско-православных торговцев в г. Екатеринбурге очерчивался район его деятельности – Пермская губерния. В нем излагались задачи общества: поддерживать своих членов в материальном отношении и торгово-промышленных занятиях, содействовать улучшению и увеличению русско-национальной торговли, ходатайствовать об издании законов, направленных на защиту отечественной торговли, на основе православия содействовать развитию своих членов в культурном отношении, по мере возможности оказывать своим членам медицинскую и юридическую помощь.

Уставы обществ взаимопомощи были похожи, они регламентировали состав обществ, их бюджет, особенности управления, что можно охарактеризовать на примере Общества взаимного вспоможения русско-православных торговцев в г. Екатеринбурге. Действительными членами этого общества могли быть лица обоего пола, имеющие свою торговлю и притом только коренного русского происхождения и православного вероисповедания, а также единоверцы и старообрядцы. Организаторы этого общества, хотя и не имеющие своей торговли, также могли быть его членами. Что касается конкретных ограничений, то об этом в уставе говорилось: «Не могут быть членами общества несовершеннолетние, учащиеся в средних и низших учебных заведениях, состоящие на действительной военной службе воинские нижние чины, юнкера и лица, подвергавшиеся ограничению прав по суду, а также не только крещенные жиды, но и дети и внуки их».

Члены общества делились на действительных и почетных. К первой категории относились лица, которые при вступлении в общество вносили в общественную кассу единовременный пятирублевый взнос, а затем ежегодно платили по одному рублю. Почетными членами общества

<sup>1</sup> Краткий очерк десятилетней деятельности общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге. С. 3–6, 24.

<sup>2</sup> Открытие профессионального общества торгово-промышленных служащих г. Екатеринбурга // Зауральский край. 1915. 20 марта. № 64. С. 3.

<sup>3</sup> Уральский край. 1908. 26 августа. № 185.

могли быть лица обоего пола, которые пожертвовали в пользу общества не менее ста рублей, если при этом они соответствовали всем остальным критериям. Членские взносы, а также пожертвования и проценты с общественных капиталов главным образом составляли общественный бюджет<sup>1</sup>.

Общественные средства могли расходоваться на устройство школ, библиотек, курсов, лекций и на иные культурные мероприятия, на выдачу единовременных и постоянных пособий и ссуд. Пособиями могли воспользоваться лишь те члены, которые пробыли в обществе не менее года. Единовременные пособия и ссуды выдавались по распоряжению общего собрания на им же определенные сроки<sup>2</sup>.

Управление делами общества осуществлялось общим собранием и правлением общества. Правление общества созывало общественные собрания не менее двух раз в году по мере надобности или по желанию 30 членов общества. Общее собрание считалось действительным, если на нем присутствовало не менее одной трети членов общества. Принятие решений осуществлялось закрытой или открытой баллотировкой в зависимости от их важности и желания его участников. Приговоры общего собрания получали обязательную силу после принятия их большинством голосов участников собрания. Правление общества, которое располагалось в Екатеринбурге, состояло из председателя, двух его товарищей, казначея, делопроизводителя и счетовода. Члены правления избирались общим собранием прямой закрытой баллотировкой на один год. Они могли собираться по мере надобности, но не менее раза в неделю. На правление общества возлагались обязанности по исполнению постановлений общего собрания, выработка планов деятельности общества, прием членских взносов и пожертвований, представление к баллотировке желающих вступить в общество, выдача пособий и ссуд по решению общего собрания, работа с кредитными учреждениями, «сношение» с правительственными и частными учреждениями, наблюдение за правильным ведением отчетности общества, составление ежемесячных и годовых отчетов о действиях общества, заведование хозяйственными и вообще текущими делами общества, созыв общих собраний, наблюдение за исполнением устава. Решения правления общества принимаются большинством присутствующих членов<sup>3</sup>.

Общества взаимопомощи относились к числу наиболее многочисленных общественных организаций, которые существовали в городах Среднего Урала в конце XIX – начале XX в. Со временем их численный состав имел тенденции к росту. Так, к 1 января 1888 г. в Обществе взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге состояло 16 почетных и 100 действительных членов. На 1 января 1902 г. в этом обществе состояло уже 55 почетных и 398 действительных (всего 453 человек). В конце 1913 г. в нем насчитывалось внесших членские взносы 236 членов, а также 84 почетных члена, для которых были не обязательны взносы. Что касается 236 действительных членов, то среди них были: управляющие и доверенные – 34 человека, бухгалтеры – 10, конторщики – 36, приказчики – 94, кассиры – 11, «разных занятий хозяев, без права голоса» – 34<sup>4</sup>.

Членские взносы и пожертвования формировали общественный бюджет, который позволял обществам взаимопомощи осуществлять свои основные задачи. Так, обороты Общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге в 1913 г. были следующими: приход составлял 10 568 руб. 07 коп., а расход – 10 495 руб. 62 коп. К 1 января 1914 г. общество располагало 45 201 руб. 03 коп. В этом году общество смогло помочь своим членам разными способами: деньгами – 12 семьям, взносами за право учения – в трех случаях, приданым – в одном случае, на погребение – в одном случае. На оказание помощи нуждающимся общество израсходовало: 593 руб. – на ежемесячные безвозвратные пособия, 30 руб. – на похороны умершего члена, 13 руб. 10 коп. – на книги и одежду ученикам, 60 руб. – за право учения, 439 руб. – на пособия с возвратом, 2560 руб. – в виде срочных ссуд, 300 руб. – на врачебную помощь<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Устав общества взаимного вспоможения русско-православных торговцев в г. Екатеринбурге. Екатеринбург, 1912. С. 1–4.

<sup>2</sup> Там же. С. 5–7.

<sup>3</sup> Там же. С. 7–12.

<sup>4</sup> 2-й (годовой) отчет правления Общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге. С 1-го января 1888 по 1-е января 1889 года. Екатеринбург, 1889. С. 2; XVI годичный отчет Правления Общества Взаимного Вспоможения Приказчиков в г.Екатеринбурге. С 1-го января 1902 по 1-е января 1903 года. Екатеринбург, 1903. С. 3; ГАПК. Ф. 272. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об., 8 об.

<sup>5</sup> ГАПК. Ф. 272. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–2 об., 8, 45 об.



Одной из главных задач, которые общество ставило перед собой, была защита наемного труда. Встречая нарушения на практике, правление общества неоднократно сообщало о них местным властям и ходатайствовало о пресечении нарушений, но не всегда удавалось добиться желаемого результата. Так, осенью 1913 г. получив заявление служащих фруктовых балаганов о том, что хозяева заставляют их работать до поздней ночи и по праздникам, правление общества обратилось к участковым попечителям В.С. Вяткину и Е.И. Шарапову с просьбой заявить протест, т.к. по обязательному постановлению эти балаганы имели право торговать только до 7 часов вечера, а по праздникам должны быть закрыты. Вяткин и Шарапов взялись за это дело, составили несколько протоколов, но встретили поддержки ни местной полиции, ни городской управы<sup>1</sup>.

Показательны факты, свидетельствующие о стремлении обществ взаимопомощи к взаимодействию и защите своих профессиональных интересов посредством проведения всероссийских съездов общественных представителей. Так, в 1896 г. в Нижнем Новгороде состоялся первый съезд представителей обществ вспоможения частному служебному труду, а в 1898 г. в Москве – второй съезд, был и третий, и четвертый съезды. На последнем съезде, который проходил в Москве с 29 июня по 4 июля и был преждевременно закрыт по распоряжению администрации, участвовал представитель от Общества взаимного вспоможения приказчиков г. Екатеринбурга А.Я. Вейберт<sup>2</sup>.

А.Д. Степанский отмечал, что история обществ взаимопомощи представляет особый интерес в тех случаях, когда общества пытались «преступить грань», наглядно демонстрируя тем самым необходимость перехода к иным формам профессиональной организации. Эта тенденция усилилась в начале XX в., о чем свидетельствуют уральские материалы. Хотя еще в циркуляре МВД от 4 февраля 1895 г. констатировалось: «Из поступающих в МВД отчетов касс и обществ – ссудо-сберегательных, похоронных, взаимопомощи, потребительных усматривается, что общества эти и кассы нередко выходят из пределов разрешенной им деятельности и даже изменяют без надлежащего разрешения отдельные постановления утвержденных для них уставов». Губернаторам предписывалось не допускать подобных явлений<sup>3</sup>. Например, Екатеринбургское Общество взаимного вспоможения приказчиков, выйдя за рамки своего устава, разработало даже проект устройства клуба приказчиков. Однако проект не был утвержден министерством внутренних дел. В отчете за первое десятилетие существования общества отмечалось, что общество не спешило расстаться с этой идеей и вторично ходатайствовало об открытии клуба<sup>4</sup>.

Справедливости ради следует отметить, что общества взаимопомощи наряду с социально-экономическими задачами осуществляли функции организации досуга и повышения культуры своих членов. При них действовали библиотеки. В Шадринске библиотека функционировала при Обществе взаимопомощи приказчиков<sup>5</sup>. В «Отчете Профессионального О-ва служащих в торговых и торгово-промышленных предприятиях г. Екатеринбурга за 1910 год» рассказывалось об открытии библиотеки, в которой первоначально насчитывалось 800 томов книг, кроме того, в сентябре 1910 г. библиотечная комиссия выписала новую журнальную и книжную литературу «соответственно запросам приказничьей среды» на выделенные общим собранием 50 руб. В библиотеке имелась ежедневная местная газета «Уральский край». Библиотека общества работала ежедневно: в будние дни с 7 до 9 часов вечера, а в воскресные и праздничные – с 11 утра до 1 часа дня<sup>6</sup>.

Общество взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге имело библиотеку с читальным кабинетом, которой бесплатно могли пользоваться члены общества. Библиотека у общества появилась далеко не сразу: «Вначале общество, не располагая достаточными средствами для формирования собственной библиотеки, но, желая, однако, облегчить г.г. членам доступ к поль-

<sup>1</sup> ГАПК. Ф. 272. Оп. 1. Д. 3. Л. 8–8 об.

<sup>2</sup> Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков. Пособие по спецкурсу. М., 1982. С. 23–25; ГАПК. Ф. 272. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

<sup>3</sup> Там же. С. 21–22.

<sup>4</sup> Краткий очерк десятилетней деятельности Общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге. С. 33–34.

<sup>5</sup> Миненко Н.А. Досуг и развлечения уральских горожан в XVIII – начале XX в. // Уральский город XVIII – история повседневности / Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова, Н.А. Миненко, Т.П. Мосунова. Общ. ред. докт. ист. наук, проф. Н.А. Миненко. Екатеринбург, 2000. С. 31.

<sup>6</sup> Отчет Профессионального О-ва служащих в торговых и торгово-промышленных предприятиях г. Екатеринбурга за 1910 год. Екатеринбург, 1911. С. 4, 13.

зованию книгами, вошло в соглашение с Вас. Ив. Бабиновым, который и выразил свое согласие отпускать членам О-ва из своей библиотеки книги и журналы по уменьшенной цене». Члены общества получали абонементные билеты с 30% скидкой и освобождались от залога. В 1889–1890 гг. общество занималось решением вопроса об открытии собственной библиотеки, собирая необходимые средства. Активную и настойчивую позицию в рассмотрении этого вопроса принял председатель правления С.Н. Ведров, который заложил фундамент общественной библиотеки, пожертвовав свои собственные книги почти всех известных русских и иностранных классиков. Он же рекомендовал обществу и бесплатного библиотекаря в лице своего служащего И.Я. Алалыкина. Примеру С.Н. Ведрова последовали и другие, благодаря «жертвователям» библиотека увеличивалась. В дальнейшем общество само выписывало «все лучшие русские журналы и газеты». В отчете Общества за десятилетний срок его деятельности отмечалось, что «библиотека О-ва стояла в одном ряду с лучшими Екатеринбургскими публичными библиотеками». Ежегодная подписка на газеты и журналы обходилась обществу в 200–250 руб. В библиотеке общества были «такие ценные по своему значению издания как Белинский, Щедрин, Добролюбов, Некрасов, Пушкин и друг.». К 1 января 1897 г. в библиотеке насчитывалось 2031 книга на сумму примерно 1649 руб. 70 коп. Подводя итоги своей работы, общественники пришли к выводу: «Десятилетний опыт (1887–1897 гг. – Е.К.) показал Обществу, какое важное значение имеет для его членов библиотека и кабинет для чтения. Мало читавшие до тех пор приказчики получили бесплатный доступ к самым лучшим книгам, журналам и газетам. Количество читающих членов ежегодно увеличивается». В 1895 г. количество книг, прочитанных членами общества, достигало 8134 экземпляров (в среднем по 40 прочитанных книг на человека). Отмечался интерес читателей и к «книгам с серьезным содержанием». Библиотекарями при обществе состояли И.Я. Алалыкин, И.Ф. Фирсов, Н.М. Мамаева. В 1897 г. ей заведовал действительный член общества И.А. Басков<sup>1</sup>.

Из отчета Екатеринбургского Общества взаимного вспоможения приказчиков за 1902 г. следует, что библиотека при нем работала ежедневно в будни с 5 до 10 часов вечера, а в праздничные дни с 3-х до 8-ми часов вечера. С 1-го мая по 1-е сентября по праздничным дням она была закрыта. В 1902 г. обществом было выдано 207 абонементных книжек (по данным на 1 января 1902 г. в Обществе насчитывалось 453 члена, а к 1 января 1903 г. – 451), по которым за год было выдано читателям 9985 книг. По сведениям на 1 января 1903 г. в библиотеке насчитывалось свыше 3000 томов книг. Она активно пополнялась. Только в 1902 г. на выписку газет и журналов общество израсходовало 237 руб. 60 коп. Выписывались ежедневные издания: «Новое время», «Русские ведомости», «Россия», «Биржевые ведомости», «Волгар», «Урал», «Уральская жизнь», а также еженедельные издания: «Север», «Нива», «Родина», «Всходы», «Будильник», «Осколки», «Природа и люди», «Вокруг света», «Вестник моды», «Журнал для всех», «Счетоводство» и ежемесячные журналы: «Русская мысль», «Русское богатство», «Исторический вестник», «Мир Божий», «Вестник иностранной литературы», «Детское чтение», «Вестник воспитания», «Родник». Регулярным был расход на выплату жалованья библиотекарю, который в 1902 г. составил 122 руб.<sup>2</sup>

В ноябре 1910 г. Шадринская городская дума разрешила местному обществу взаимопомощи приказчиков открыть второй в городе кинематограф, который сначала разместили в дощатом здании цирка Быкова (около общественного сада на Хлебной площади), а затем его переместили в зрительный зал двухэтажного здания Общества приказчиков (угол современных Комсомольской и Октябрьской улиц). С завершением строительства здания театра общества приказчиков в 1911 г. там же разместился и кинематограф. Здесь работал драмтеатр и показывались фильмы<sup>3</sup>.

Программа культурно-развлекательных мероприятий Шадринского общества взаимопомощи приказчиков отличалась насыщенностью и разнообразием. Из отчета о его финансовой деятельности за март 1911 – начало февраля 1912 г. следует, что за этот период в помещении общества состоялось 15 маскарадов. В том же помещении за год провели 2 любительских спектакля, 14 спектаклей местной и 17 спектаклей приглашенной труппы, а также 6 детских вечеров (в том

<sup>1</sup> Краткий очерк десятилетней деятельности Общества взаимного вспоможения приказчиков в Екатеринбурге. С. 27–29.

<sup>2</sup> XVI годичный отчет Правления Общества взаимного вспоможения приказчиков в г. Екатеринбурге. С 1-го января 1902 по 1-е января 1903 года. С. 4–5, 7.

<sup>3</sup> Пушкарев Н.Г. Кинематограф в Шадринске // Шадринская старина. 1995. Краеведческий альманах. Шадринск, 1995. С. 138–139.

числе один костюмированный), 2 танцевальных и 1 юбилейный (посвященный юбилею Общества вспомоществования приказчиков) и «елку» (31 декабря)<sup>1</sup>.

Мероприятия по организации общественного досуга приносили прибыль Шадринскому обществу приказчиков. Так, в 1914 г. членские взносы с действительных членов составили 659 руб. 50 коп., а с членов соревнователей – 283 руб., тогда как валовая выручка от кинематографа достигала 10 663 руб., «от биллиардов 2720 руб. 55 коп.; от спектаклей 8897 руб. 64 коп., от карт 1845 руб. 90 коп., от чайного буфета 2030 руб. 08 коп.» (всего доходы общества составили 37 634 руб. 21 коп.). Впрочем, для организации общественного досуга требовались и значительные затраты. В 1914 г. расходы на пополнение библиотеки театральными пьесами составили 47 руб. 75 коп., на выпуск газет и журналов – 76 руб. 50 коп., на приобретение инвентаря – 3456 руб. 61 коп., по продаже карт – 950 руб. 20 коп., для организации игры в биллиард – 522 руб. 36 коп., содержание чайного буфета – 1144 руб. 94 коп., на кинематограф – 7365 руб. 20 коп. и т.д. В целом же, развлекательные мероприятия окупали себя. Убыточным для общества было только содержание драматической труппы артистов (антреприза дала убыток в размере 130 руб. 99 коп.). Чистой прибыли от разных других предприятий в 1914 г. обществом было получено 8453 руб. 91 коп., в том числе: «от кинематографа 3297 руб. 81 коп., от карт 895 руб. 70 коп., от сдачи помещения 1177 руб. 07 коп., от биллиардов 2198 руб. 19 коп. и от чайного буфета 885 руб. 14 коп.»<sup>2</sup>.

Общества взаимопомощи содействовали развитию профессионального образования не только путем оказания пособий нуждающимся ученикам. Об этом свидетельствует следующий факт. 27 октября 1902 г. состоялось торжественное открытие Торговой школы при Обществе взаимного вспоможения приказчиков г. Екатеринбурга. По этому случаю был отслужен молебен. Предполагалось, что в ней будут преподаваться: Закон Божий, русский язык, товароведение, коммерция, география, арифметика, немецкий язык, история, бухгалтерия, геометрия, черчение, корреспонденция, химия и каллиграфия. Школа открывалась сначала в составе двух классов (первого и «приготовительного»). Было принято 90 учеников, прошений было подано 100. Нужно отметить, что со времени появления идеи об открытии школы до ее реального появления прошло немало лет. Еще в 1890 г. бывший председатель правления Общества взаимного вспомоществования приказчиков г. Екатеринбурга Ведров высказывал мысль об открытии при обществе приказчиков профессиональной школы, которая бы готовила детей приказчиков к торговой работе. Тогда же был сформирован соответствующий фонд, сам Ведров пожертвовал 300 руб. и еще 610 руб. дала подписка. Но только через 10 лет благодаря энергии почетного гражданина Екатеринбурга и почетного члена Общества приказчиков А.И. Кожевникова наметились более реальные шаги по открытию школы. Правление Общества взаимного вспоможения приказчиков Екатеринбурга во главе с председателем Н.А. Ворожцовым поддержало призыв А.И. Кожевникова приступить к делу. 12 декабря 1900 г. было созвано общее собрание членов Общества взаимного вспоможения приказчиков г. Екатеринбурга, на обсуждение которого было вынесено предложение А.И. Кожевникова об открытии при обществе Торговой школы. Собрание поддержало идею и постановило: отпускать ежегодно из средств общества от 500 до 1000 руб. ежегодно пока школа будет нуждаться в деньгах, открыть подписку на составление неприкосновенного фонда Торговой школы, проценты с которого поступали бы на содержание школы, уполномочить правление ходатайствовать перед местными городской думой и земской управой о субсидиях на Торговую школу и поручить правлению пригласить сведущих людей для совместной выработки устава Торговой школы и представить его на утверждение правительства. Впоследствии неприкосновенный фонд Торговой школы составил 5000 руб. Городская дума согласилась ежегодно отпускать на содержание школы 1000 руб., а Екатеринбургское уездное земство по 500 руб. ежегодно. Кроме того, нашлись и другие благотворители. 30 марта 1901 г. проект устава Торговой школы был выработан и 25 января 1902 г. утвержден министром финансов. Тогда же министр утвердил решение купеческого собрания во главе с М.М. Ошурковым, постановившего обложить купеческие свидетельства двух разрядов 6% сбором в пользу Торговой школы<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Миненко Н.А. Досуг и развлечения уральских горожан в XVIII – начале XX в. // Уральский город XVIII – история повседневности / Е.Ю. Апкаримова, С.В. Голикова, Н.А. Миненко, Т.П. Мосунова. Общ. ред. докт. ист. наук, проф. Н.А. Миненко. Екатеринбург, 2000. С. 16.

<sup>2</sup> Шадринск // Зауральский край. 1915. 31 марта. № 70. С. 4.

<sup>3</sup> XVI годичный отчет Правления Общества Взаимного Вспоможения Приказчиков в г. Екатеринбурге. С 1-го января 1902 по 1-е января 1903 года. С. 62–65.

Торговая школа успешно функционировала в Екатеринбурге и пользовалась популярностью местного населения. В сентябре 1913 г. правление общества организовало при ней курсы бухгалтерии и корреспонденции, на которые записались около 50 слушателей. Посещало их реально около половины записавшихся, а аттестаты получили 15 человек<sup>1</sup>.

Общество взаимного вспоможения приказчиков города Оренбурга тоже вело достаточно обширную работу, направляя свои усилия на улучшение материального положения своих членов, обучение их детей, занималось выдачей ссуд и пособий, устройством образовательных курсов. Сходные задачи ставил перед собой Союз приказчиков и конторщиков: улучшение материального и правового положения своих членов, содействие их умственному и профессиональному развитию, защита их интересов и оказание материальной поддержки<sup>2</sup>.

Первая русская революция ознаменовала собой новый этап в процессе профессионализации в России, в частности, в истории профессиональных общественных объединений. В дополнение к действовавшим обществам взаимопомощи и другим общественным организациям профессиональной направленности вырастали профсоюзы с целью организации борьбы трудящихся за улучшение условий труда и экономического положения в целом. Показательно соответствующее отражение процесса профессионализации в законодательстве начала XX в. В именном высочайшем указе правительствующему сенату от 4 марта 1906 г. «О временных правилах об обществах и союзах» регламентировались открытие и деятельность профессиональных обществ, которые «имели целью выяснение и согласование экономических интересов, улучшение условий труда своих членов или поднятие производительности принадлежащих им предприятий»<sup>3</sup>.

Высочайший указ правительствующему сенату «Временные правила об обществах и союзах» достаточно быстро стали достоянием широкой общественности. В частности, правила были опубликованы в газете «Уральская жизнь» (от 18 марта 1906 г.). В ст. 5 Правил регламентировался порядок открытия обществ, в ст. 6 говорилось, что запрещались общества: «а) преследующие цели, противные общественной нравственности или воспрещенные уголовным законом, или же угрожающие общественному спокойствию и безопасности, и б) управляемые учреждениями или лицами, находящимися за границей, если общества эти преследуют политические цели»<sup>4</sup>. Заведывание делами об открытии, регистрации, воспрещении и закрытии обществ и союзов возлагалось на губернские или областные по делам об обществах присутствия в составе, установленном для губернских по земским и городским делам (по вопросам, касающимся городского общественного управления) и губернских или областных по городским делам присутствий в местностях, где эти последние присутствия учреждены. В ст. 17 указа говорилось, что «лица, желающие образовывать общество, обязаны представить письменное о том заявление губернатору или градоначальнику, который, в случае встреченного им препятствия к образованию общества, передает на рассмотрение губернского или городского по делам об обществах присутствия. Если в течение двух недель со времени получения заявления губернатором или градоначальником лицам, подавшим заявление, не будет сообщено определение присутствия об отказе в удовлетворении заявления, с точным указанием оснований этого отказа, общество может открыть свои действия»<sup>5</sup>.

Процесс их открытия был непростым. А.С. Туманова, анализируя воплощение нового закона в жизнь, подчеркивает: «С особой строгостью подходили присутствия к регистрации уставов просветительских и профессиональных обществ, объединявших большие по численности группы населения и поднимавших достаточно острые социальные, а нередко и политические вопросы»<sup>6</sup>. Региональные материалы подтверждают эту тенденцию.

В газетной заметке «О профессиональных союзах», опубликованной в «Уральской жизни» (от 2 декабря 1906 г.), излагались новости: «На днях получен он губернской администрации утвержденный устав союза рабочих в чаеразвесочных Екатеринбурга. Учредители профессионального союза приказчиков получили от губернской администрации указания на некоторые отклонения проекта устава союза от установленных законом правил, и предложение изменить сообразно с

<sup>1</sup> ГАПК. Ф. 272. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

<sup>2</sup> Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург, 2000. С. 151–152.

<sup>3</sup> ПСЗ-3. Т. XXVI. № 27479.

<sup>4</sup> Уральская жизнь. 1906. 18 марта. № 62. С. 1–2.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Туманова А.С. Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 годы. Тамбов, 2002. С. 286.



этими указаниями устав. Главные изменения, которые будут сделаны в уставе союза, касаются отчетности, ведения книг и вообще административной деятельности союза. Устав подмастерьев часовщиков и рабочих по обработке благородного металла и камней утвержден. Союз типографских рабочих пока не утвержден»<sup>1</sup>.

В архивном деле об утверждении устава профессионального общества приказчиков и конторщиков Оренбурга содержатся документы, свидетельствующие о том, что это общество открылось не с первой попытки его учредителей. В журнале Оренбургского губернского по делам об обществах присутствия от 9 декабря 1906 г. фиксировалось решение – в регистрации «Профессионального Общества приказчиков и конторщиков г. Оренбурга» отказать «вследствие допущенных Уставом этого Общества существенных нарушений п. 5 и 7 разд. 2 Высочайше утвержденных Правил 4 марта 1906 года»<sup>2</sup>. После устранения замечаний учредители смогли добиться разрешения на его создание.

Политические партии старались использовать профессиональные сообщества в своих целях. Р.Б. Габдулхаков, в частности, показывает, что именно эсерами было создано в 1915 г. профессиональное «Общество торговых и торгово-промышленных служащих» в Екатеринбурге<sup>3</sup>. Когда деятельность обществ приобретала политический характер к ним могли применяться репрессии. 17 февраля 1909 г. «за бесплодное политиканство» губернатором было закрыто общество приказчиков, на которое оказывали влияние социал-демократы во главе с Н.П. Патлатых и А. Трефиловым<sup>4</sup>.

Уральским ремесленникам в плане общественной самоорганизации был свойственен путь от обществ взаимопомощи до профессиональных союзов. Уральские материалы подтверждают целесообразность деления организаций их взаимопомощи на общества и кассы, хотя следует согласиться с А.Д. Степанским, что иногда грань между ними трудноуловима. И все-таки если кассы чаще ограничивались только материальной взаимопомощью, то общества часто (но не всегда) практиковали «духовную» взаимопомощь, заботясь о культурном развитии своих членов<sup>5</sup>.

Так, многосторонними были задачи, которые ставило перед собой Общество взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников, предусматривалась как материальная помощь членам общества и их семьям (выдача единовременных и постоянных пособий членам общества по случаю болезни, увечья, отсутствия заработка, а также и их осиротевшим семействам; выдача процентных и беспроцентных ссуд нуждающимся членам; помещение неспособных к труду в благотворительные учреждения за счет общества и устройство благотворительных заведений для своих членов и их семей самим обществом; оказание медицинской помощи), так и забота о повышении уровня их грамотности и образования (устройство детей в учебные заведения, а с увеличением средств общества открытие собственной библиотеки преимущественно ремесленно-технического и общеобразовательного характера)<sup>6</sup>.

Наряду с подобными организациями ремесленников, которые оказывали разные виды помощи, существовали специализированные по функциям общества (например, ссудо-сберегательного типа). Более узкие цели ставили перед собой Пермское ремесленное ссудо-сберегательное товарищество или, например, ссудо-сберегательная касса ремесленников Екатеринбурга.

Что касается членского состава, то, как правило, общества и кассы взаимопомощи ремесленников носили ограниченный, сословный характер. В административно-территориальном отношении они распространяли свою деятельность только на город или на город с соответствующим уездом. Так, членами Общества взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников по уставу, утвержденному министерством внутренних дел 25 ноября 1889 г., могли быть все ремесленники Екатеринбурга и его уезда. Только ремесленник мог иметь статус действительного члена этого общества, почетными же его членами могли быть «лица всякого звания, оказавшие обществу особые услуги», а также жертвователи сумм и плательщики более крупных взносов.

<sup>1</sup> О профессиональных союзах // Уральская жизнь. 1906. 2 декабря. № 260. С. 2.

<sup>2</sup> Государственный архив Оренбургской области. Ф. 10. Оп. 2. Д. 169. Л. 5.

<sup>3</sup> Габдулхаков Р.Б. Особенности политической деятельности эсеров на Урале (1907 – февраль 1917 г.) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2014. № 10. С. 75.

<sup>4</sup> Трапезников В.Н. Летопись города Перми. С. 152.

<sup>5</sup> Степанский А.Д. Общественные организации в России на рубеже XIX–XX веков. Пособие по спецкурсу. М., 1982. С. 20–21.

<sup>6</sup> Устав общества взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников. Екатеринбург, 1900. С. 1–2.

Однако почетные члены общества не имели права на получение пособий из общественной кассы; они также не могли избираться на общественные должности и не имели права голоса на общих собраниях. Членами ссудо-сберегательной кассы ремесленников Екатеринбурга могли быть только екатеринбургские ремесленники<sup>1</sup>. По сравнению с другими общественными организациями общества, кассы или товарищества взаимопомощи включали довольно большое число членов. Так, к началу 1907 г. в Пермском ремесленном ссудо-сберегательном товариществе насчитывалось 250 человек<sup>2</sup>.

Эти социальные институты взаимопомощи, которые появились в Перми и Екатеринбурге на рубеже веков отчасти компенсировали слабеющую роль ремесленных обществ с их сословными органами самоуправления. Показательна их частичная преемственность в функциональном отношении и даже в руководящем составе. Так, 10 января 1904 г. в помещении упраздненной ремесленной управы под председательством бывшего ремесленного старосты И.С. Акулова состоялось учредительное собрание членов ссудо-сберегательной кассы ремесленников Екатеринбурга. На нем присутствовали 20 человек. После открытия собрания был прочитан утвержденный правительственной властью устав кассы, составленный с небольшими изменениями по образцу подобных касс, существовавших в других городах. В частности, отмечалось, что операции и отчеты новой кассы должны состоять под правительственным контролем. Средства кассы образовывались из 5000 руб., «подлежащих возврату кассе, из сумм выданных в ссуду из капитала бывшего ремесленного общества под заемные обязательства». Капитал ремесленного общества к тому времени достигал около 18 000 руб., из которых около 4000 руб. были в наличности и хранились в местной конторе государственного банка, остальная же сумма в размере около 14 000 руб. находилась в долгах у ремесленников. Средства кассы должны были делиться на основной и запасный капиталы. Членский взнос устанавливался в размере 3 руб. в год. Взаимопомощь членам общества могла оказываться двумя основными способами: в случае тяжелой болезни члена ссудо-сберегательной кассы или кого-нибудь из его семьи или при несчастном случае правление кассы могло назначать безвозвратное пособие не более 100 руб. для одной семьи или человека; выдавать ссуды в сумме до 20 руб. – по усмотрению правления кассы без поручителя или с одним поручителем, до 50 руб. – с одним или двумя поручителями (крайний срок ссуды составлял 12 месяцев, размер процентов должно было определять общее собрание участников кассы). Для заведования кассой избирался на один год председатель (он же кассир) и два члена правления, товарищ председателя и кандидаты в члены правления, четыре члена ревизионной комиссии с поочередным исполнением своих обязанностей (по два месяца) и два кандидата к ним. Губернское правление разрешило открыть действия новой кассы. Собрание избрало должностных лиц: председателем правления стал И.С. Акулов, членами правления – А.Я. Ларищев и А.А. Арапов, товарищем председателя (кандидатом) – В.А. Ключев, кандидатами в члены правления – А.А. Погудин и А.И. Кукарцев, членами ревизионной комиссии – П.Е. Аникин, А.А. Зайцев, П.Г. Савичев и М.М. Крылов, кандидатами к ним – А.В. Лебзин и С.В. Лескин<sup>3</sup>.

Наряду с сословной принадлежностью при организации структур взаимопомощи могла учитываться национальная принадлежность. Так, накануне Первой мировой войны в Екатеринбурге существовало Еврейское благотворительное общество и Еврейское ссудо-сберегательное товарищество. Это товарищество выдавало ремесленникам-евреям ссуды на приобретение инструментов, на устройство ремесленного дела, на его расширение. Ссуды выдавались возвратные и краткосрочные. Средства общества формировались из членских взносов и вкладов. В Екатеринбурге существовало также отделение Петроградского общества содействия развитию ремесленных знаний среди евреев. Оно также выдавало ремесленникам краткосрочные ссуды, а в некоторых случаях помогало и торговцам. Размеры ссуды обычно не превышали 200 руб., причем с обязательным погашением ее ежемесячными взносами от 50 руб.<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Устав общества взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников. Екатеринбург, 1900. С. 1–2; Уральская жизнь. 1904. 14 января. № 14. С. 2.

<sup>2</sup> Отчет Пермского ремесленного ссудо-сберегательного товарищества. За 1906 год. Пермь, 1907. С. 3–9.

<sup>3</sup> Уральская жизнь... С. 2.

<sup>4</sup> Екатеринбургской городской думе. Доклад о реорганизации дела призрения бедных в г. Екатеринбурге. Гласного городской думы присяжного поверенного К.М. Гавриленко. 1915–1916 гг. Екатеринбург, 1916. С. 48.

Средства обществ взаимопомощи формировались главным образом из членских взносов, пожертвований, доходов от устраиваемых ими культурных мероприятий (концертов, спектаклей, гуляний и т.п.), доходов от принадлежащей им недвижимости и процентов с принадлежащих им капиталов. Все средства того или иного общества обычно делились на оборотный и запасный капиталы.

Управление делами организаций взаимопомощи обычно возлагалось на их правления и общие собрания членов. По уставу общества взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников правление общества должно было состоять из 6 членов, избираемых общим собранием общественников из числа действительных членов общества. В составе правления могли присутствовать только по одному представителю от одного цеха. На случай отсутствия членов правления по болезни или по другим уважительным причинам избирались кандидаты на их должности. Члены правления могли неоднократно избираться на эту должность. Показательно, что общества взаимопомощи сохраняли некоторые сословные корпоративные традиции. Так, по уставу никто из действительных членов общества был «не вправе отказываться от исполнения возлагаемых на него общим собранием обязанностей, за исключением лиц, исполнявших какие-либо обязанности в течение истекшего отчетного года». Члены правления выбирали из своей среды председателя и кассира, а при необходимости и бухгалтера. Члены правления и ревизионной комиссии, избираемой для проверки отчета и делопроизводства общества, трудились безвозмездно. Дела в правлении решались простым большинством голосов, постановления считались действительными, если на собраниях правления присутствовало не менее четырех членов. К обязанностям правления относились: заведование бюджетом общества; ведение списков членов общества, жертвователей и лиц, получающих пособия от общества; проверка кассы и ведение денежной отчетности, контроль за общественным имуществом; составление годовых отчетов о работе общества и смет; рассмотрение и решение просьб о назначении пособий, определение их размеров; исполнение поручений общих собраний; созыв годичных и чрезвычайных общих собраний; переписка общества с различными лицами и учреждениями. В сферу компетенции общих собраний общества входило: избрание членов правления и ревизионной комиссии; «поверка и утверждение отчетов правления»; рассмотрение жалоб на работу правления и разрешение вопросов, превышающих власть правления; исключение членов из общества; рассмотрение предложений об изменении и дополнении устава общества; утверждение инструкций для правления и ревизионной комиссии и принятие постановления о закрытии общества. В общих собраниях председательствовал один из членов общества по выбору собрания. Общие собрания считались действительными при наличии не менее половины живущих в Екатеринбурге членов общества, за исключением вопросов об изменении устава или о закрытии общества, когда требовалось присутствие  $\frac{2}{3}$  членов общества (в этих случаях постановления принимались  $\frac{2}{3}$  голосов участников собрания, тогда как текущие дела в общих собраниях решались простым большинством голосов присутствующих)<sup>1</sup>.

Управление Пермским ремесленным ссудо-сберегательным товариществом осуществлялось общим собранием членов, советом и правлением общества. Члены совета проверяли денежные книги, документы и отчетность правления товарищества. В 1906 г. совет провел 23 заседания, на которых рассматривалась кредитоспособность членов товарищества, решались вопросы о возможности выдачи ссуд, принятии новых членов или увольнении из членов товарищества. Так, в 1906 г. была разрешена выдача ссуд 199 членам товарищества на сумму 19325 руб. Успешная деятельность ссудо-сберегательного товарищества ремесленников позволила пермскому комитету по постройке в Перми новой церкви во имя св. Феодосия Черниговского чудотворца обратиться в 1906 г. к правлению товарищества об оказании посильной помощи в деле завершения строительства храма<sup>2</sup>.

Общества взаимопомощи могли закрываться как по решению самих общественников, так и по желанию государственной администрации. Так, в Уставе общества взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников отмечалось, что общество может быть закрыто по постановлению общего собрания в составе  $\frac{2}{3}$  членов общества и по большинству  $\frac{2}{3}$  голосов участников этого

<sup>1</sup> Устав общества взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников. Екатеринбург, 1900. С. 6–11.

<sup>2</sup> Отчет Пермского ремесленного ссудо-сберегательного товарищества. За 1906 год. Пермь, 1907. С. 3–9.

собрания, так и по распоряжению губернатора, имеющего «права закрывать общества при обнаружении в них чего-либо противного государственному порядку, общественной безопасности и нравственности»<sup>1</sup>. Однако материалы Перми и Екатеринбурга рубежа XIX–XX вв. свидетельствуют, что организации взаимопомощи ремесленников действовали, не выходя за рамки своих уставов, помогая средним слоям городского населения выживать в кризисных социально-экономических условиях и в трудные личные моменты жизни, преимущественно оказывая им материальную поддержку ссудами и пособиями.

Уральская периодика в годы Первой русской революции немало писала о процессах профессионализации и политизации в регионе. В разделе «Хроника» газеты «Уральский край» сообщалось, например: «Среди местных ремесленников рабочих, служащих у владельцев ремесленных заведений возникла мысль организовать в профессиональный союз. Окончательное решение вопроса об организации отложено до общего собрания рабочих-ремесленников, на котором будет избрана особая комиссия для выработки устава союза. В члены союза будут приниматься ремесленники всех существующих профессий»<sup>2</sup>. В другом номере газеты корреспондент писал: «В воскресенье, 18 ноября, в фойе городского театра состоится общее собрание членов профессионального союза пекарей, кондитеров и булочников. Программа занятий собрания следующая: 1) чтение доклада учредителей союза устава союза и разъяснение последнего; 2) доклад об экономическом положении рабочих; 3) доклад об алкоголизме»<sup>3</sup>.

Общественно-политическая активность обществ взаимопомощи (предшественников профсоюзов) несколько возросла в годы революционных потрясений и последующее время. В 1905 г. особенно оживилось Общество тружеников печатного дела, когда в условиях забастовки всех типографских рабочих Перми, вызванной экономическими требованиями рабочих, казенная типография дольше всех не хотела делать каких-либо уступок рабочим, тогда как частные типографии искали компромиссов. Общество на чрезвычайном заседании 25 ноября 1905 г. постановило раздать в виде пособий весь свободный общественный капитал в количестве 500 руб. в случае, если забастовка затянется и если к 1 декабря рабочие не получат компенсации за забастовочное время. Впрочем, забастовщики понимали, что сумма эта невелика. Даже членам общества (50 человекам, которые составляли седьмую часть всех типографских рабочих) этих средств могло хватить ненадолго. Между тем, стачечный комитет не располагал и такой суммой. «Для усиления средств» собрание печатников решило устроить концерт. В местной печати говорилось: «Нынешняя забастовка типографских рабочих наглядно на примере общества печатников показала последним необходимость профессиональных объединительных организаций». 25 и 26 ноября 1905 г. собрание типографских рабочих разработало устав союза типографских рабочих г. Перми. Предполагалось, что он объединит кроме типографских рабочих еще переплетчиков и граверов<sup>4</sup>.

Не отставали от пермяков и екатеринбургские типографские рабочие, о чем на странице газеты «Уральский край» говорилось: «Организующийся в Екатеринбурге союз типографских рабочих на днях высылает устав союза на утверждение пермской губернской администрации. В союз будут приниматься только рабочие типографского дела»<sup>5</sup>.

Общество вспоможения книгопечатников в Оренбурге являлось объединением рабочих печатного и переплетного дела, общество ставило перед собой цель – содействие улучшению материальных и нравственных условий членов общества<sup>6</sup>.

Необходимость формирования собственного профессионального союза в 1906 г. осознавали и уральские фельдшеры. В периодике была опубликована заметка следующего содержания: «Группа фельдшеров вновь послала на днях на утверждение пермской губернской администрации устав уральского союза фельдшеров. Необходимость подобной организации на Урале давно уже назрела, было бы весьма желательно, чтобы к утверждению устава союза не встретилось никаких препятствий»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Устав общества взаимного вспоможения екатеринбургских ремесленников. Екатеринбург, 1900. С. 11.

<sup>2</sup> Профессиональный союз // Уральский край. 1907. № 52. С. 3.

<sup>3</sup> Собрание булочников // Уральский край. 1907. № 250. С. 3.

<sup>4</sup> Уральская жизнь. 1905. 2 декабря. № 270. С. 3.

<sup>5</sup> Профессиональный союз // Уральский край. 1906. № 171. С. 2.

<sup>6</sup> Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург, 2000. С. 152.

<sup>7</sup> Союз фельдшеров // Уральский край. 1906. № 160. С. 3.



Обращаясь к истории общественных организаций в региональном измерении, можно обнаружить проявления региональной специфики Урала. Неудивительно, что именно в «горнозаводской столице Урала» появилось Общество уральских горных техников. Оно было основано в Екатеринбурге в 1901 г.

По Уставу общества уральских горных техников, утвержденному 13 ноября 1901 г. провозглашалось, что общество создается «с целью: а) выдавать пособия нуждающимся членам Общества и их семьям, б) выдавать членам Общества ссуды, в) оказывать в деле воспитания и образования помощь и попечение сиротам умерших членов, г) оказывать содействие в приискании занятий членам и д) способствовать ознакомлению членов с успехами техники горнозаводского дела». Предполагалось, что капитал общества будет формироваться: «а) из единовременных и ежегодных членских взносов, б) из процентов на капиталы Общества, в) из прибылей и процентов от выданных членам ссуд (параграф 24), г) из пожертвований в пользу Общества, д) из сборов от устраиваемых, с особого каждый раз разрешения и с соблюдением установленных на то правил: благотворительных спектаклей, концертов и прочее, в количестве не более четырех в год и е) из других случайных поступлений». Уставом регламентировался состав общества. Предполагалось деление его членов на действительных и почетных: «Число членов не ограничено. Действительные члены принимаются Правлением Общества простым большинством голосов, а почетные избираются общим собранием закрытой баллотировкой». Предполагались некоторые ограничения по принятию действительных членов, которыми могли быть «русские подданные, без различия вероисповеданий, окончившие курсы в Уральском Горном училище и других горных или технических училищах, а также лица занимающие технические должности по горной части, окончившие курсы в средних учебных заведениях»<sup>1</sup>.

Через три года в обществе насчитывалось действительных 210 членов. Его почетными членами являлись представители как гражданской администрации, так и горнозаводской власти. В списке почетных членов в 1904 г. значились: министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов, директор Горного департамента Н.А. Иосса, главный начальник уральских горных заводов П.П. Боклевский, бывший пермский губернатор Д.Г. Арсеньев, бывший главный начальник уральских горных заводов И.П. Иванов и бывший управляющий Уральского горного училища Н.Е. Китаев. Численный состав общества расширился довольно быстро. Только за 1904 г. в Общество вступило 39 новых членов (из них 27 окончили Уральское горное училище, 8 – Нижне-Тагильское горнозаводское училище, а один имел университетское образование)<sup>2</sup>.

При обществе успешно действовало бюро по приисканию занятий членам общества. В 1904 г. оно помогло найти служебные места 26 человекам, а в предыдущем – 16. Правление общества не только указывало, но и рекомендовало служащих. Оно строго следило за репутацией общества, в дальнейшем просило те фирмы, куда рекомендовались техники, давать отзывы об их работе. Лица, которые получали работу благодаря бюро, должны были платить 5% (сбор с действительных членов) или 10% (с не членов общества). Практика показала обременительность сбора. В результате решено было сократить его и брать только с годовых окладов в 720 руб. и более, а с остальных лишь суммы для погашения почтовых и телеграфных расходов. Размеры сборов дифференцировались: от 720 до 1000 руб. – 2%, от 1000 до 1500 руб. – 3%, от 1500 и выше – 5%. Для лиц, которые не являлись членами общества, но пользовались услугами его бюро, размеры сборов увеличивались в два раза<sup>3</sup>. Понимания необходимость социальных гарантий по старости, члены общества думали о создании пенсионной кассы, используя опыт земцев.

Из отчета Общества уральских горных техников за 1904 г. следует, что при нем действовал отдел технических бесед, на которых члены общества слушали доклады на профессиональные темы. Например, 29 февраля 1904 г. были прочитаны доклады: П.П. Поличенко «Опытная плавка медных руд на Вознесенском заводе Воскресенского общества», Секачева «О креплении горных выработок на Кувинских рудниках», А.К. Кузнецова «Перекрепление шахт и других выработок». Активно слушались доклады в апреле и ноябре отчетного года. Иногда доклады печатались в специальных изданиях; например, в «Уральском горном обозрении» были опубликованы работы:

<sup>1</sup> Устав общества уральских горных техников. Екатеринбург, 1915. Л. 1–3.

<sup>2</sup> Отчет о деятельности Общества уральских горных техников за 1904 год. Екатеринбург. 1905. С. 9, 61–83.

<sup>3</sup> Там же. С. 10–11.

«Алмазы на Урале» (в №№ 1 и 2) и «Мартеновская плавка» (в № 22). Для пользования членами общества был также отпечатан доклад П.П. Поличенко «Опытная плавка медных руд на Вознесенском заводе Воскресенского общества». Технические беседы проходили в тесном помещении правления общества. Общество нашло полезной статью «О рудных месторождениях» (прения в Вашингтонском Геологическом обществе, перепечатана из «Engineering and Mining Journal», Нью-Йорк, май 1903 г.), переведенную горным инженером А.И. Рябининым. Издание продавалось по 70 коп., но правление Общества уральских горных техников обратилось к А.И. Рябину с просьбой снизить цену для действительных членов общества до 50 коп. за экземпляр в целях его большего распространения. Статья представляла большой интерес для специалистов в смысле выяснения характера месторождений с геологической стороны<sup>1</sup>.

При обществе имелась библиотека, в которой сначала насчитывалось 58 наименований до 100 томов (в том числе около 30 справочных изданий). Частично книги жертвовались, частично приобретались. В августе 1904 г. библиотека пополнилась вкладом семейства умершего инженера В.А. Писарева, включавшим «Горный журнал» за 12 лет (1892–1904 гг.), «Известия О-ва Горных Инженеров» за 7 лет (1892–1903 гг.) и до 10 различных технических книг и брошюр, а также каталоги многих технических русских и иностранных фирм. От семьи Писарева обществу было предоставлено право на получение журналов, выписанных им на 1904 г.: «Горного Журнала», «Известий Горных Инженеров» и «Вестника Золотопромышленности». В 1904 г. обществу удалось недорого купить библиотеку технического характера в количестве до 100 томов. В итоге к концу 1904 г. в библиотека общества насчитывалось до 242 наименований (до 600 томов)<sup>2</sup>.

Общество уральских горных техников располагало капиталом в размере 3601 руб. 15 коп. Материальная база позволяла обществу вполне успешно решать свои задачи, способствуя взаимопомощи и повышению профессиональной культуры своих членов.

Провинциальные (в том числе уральские учителя) в рассматриваемый период были активно включены в процесс профессионализации. Многие из них состояли в различных легальных педагогических обществах и обществах взаимопомощи учителей. С учетом тяжелого материального положения учителей низшей школы понятен тот факт, что их профессиональные объединения зарождались в форме обществ взаимопомощи. Первые общества взаимопомощи учителей в России возникли в 60-х гг. XIX в., однако наибольшее их количество сформировалось во второй половине 90-х – начале 1900-х гг. Например, из 71 общества, числившегося на 1 января 1903 г., после 1895 г. были основаны 54 общества (77,4%). В отличие от педагогических обществ общества взаимопомощи объединяли довольно широкие массы учителей. В 1901 г. в 53 обществах взаимопомощи, давших сведения, состояло 21 695 членов<sup>3</sup>. И.В. Зубков, анализируя причины их создания, пишет, что «материальная необеспеченность, правовая незащищенность, неуверенность в своем будущем, одиночество и потребность общения с коллегами вызвали в 1890–1900-х гг. быстрое распространение обществ «взаимного вспомоществования учащихся и учивших в начальных училищах»<sup>4</sup>.

Общества взаимопомощи являлись легальными профессиональными организациями. В нормальном уставе, утвержденном Министерством народного просвещения 5 июля 1894 г. (и в добавлении к нему об уездных отделениях от 18 сентября 1903 г.), говорилось, что общества ставили своей целью оказание материальной помощи своим членам (в виде пособий и ссуд), подыскание им работы, предоставление удешевленной медицинской помощи, заботу об улучшении условий труда учителей, снабжении их книгами. По данным А.В. Ушакова на 1901 г. в 10 обществах имелись библиотеки, в 9 – кабинеты для чтения, в 2 – педагогические музеи, в 18 – общежития для обучающихся в городе учительских детей, в 2 – собственные санатории, в 8 – помещения для собраний, в 15 – квартиры для приезжающих в города учителей<sup>5</sup>.

Известно, что в начале XX в. на Урале довольно заметными были Общество взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии и аналогичное

<sup>1</sup> Отчет о деятельности Общества уральских горных техников за 1904 год. Екатеринбург. 1905. С. 12–22.

<sup>2</sup> Там же. С. 29–37.

<sup>3</sup> Ушаков А.В. Революционное движение демократической интеллигенции в России 1895–1904. М., 1976. С. 24–25.

<sup>4</sup> Зубков И.В. Общества взаимопомощи учителей в российской империи (1890–1910-е гг.) // Российская история. 2011. № 5. С. 46.

<sup>5</sup> Ушаков А.В. Революционное движение... С. 24–25.

общество в Пермской губернии. Общество взаимопомощи в Оренбурге было основано в 1895 г. и до 1902 г. называлось Обществом взаимной помощи учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии, его правление располагалось в Оренбурге. Это общество выпускало «Учительский вестник». Просуществовало, как и многие другие общественные организации в России, до 1917 г.<sup>1</sup>

Важное историческое значение профессиональных организаций осознавалось самими современниками. «Говорить о значении вообще союзов или обществ людей одной профессии, одной специальности, особенно в настоящее время, совершенно не приходится, т.к. значение и важность подобных организаций известна всем»<sup>2</sup>, – писал действительный член общества И.М. Владимирский в исторической записке о десятилетнем существовании Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии.

И.М. Владимирский обозначал два периода в истории общества, обусловленные особенностями его деятельности. В первый период забота правящих лиц общества была направлена на то, чтобы поднять материальное благосостояние общества и накопить средства для удовлетворения материальных нужд его членов. Во второй период наблюдался переход от целей «чисто материальных» к целям духовным<sup>3</sup>. Эволюционируя и расширяя свою деятельность, пермское общество тоже стремилось к решению не только материальных проблем учительства (например, задумывалось о создании ссудо-сберегательной кассы для членов общества), но и собственно профессиональных вопросов – проблемы самообразования и, в частности, учреждения учительского дома в Перми<sup>4</sup>. Вынашивая идею постройки учительского дома в Перми, общественники полагали, что это «предприятие привлечет участие всех членов общества, послужит центром деятельности их, будет их общим делом, оживит и сплотит Пермское учительство в одну семью, а также будет оправдывать чисто профессиональные запросы его по всей губернии». Избранная для этой цели комиссия «наметила несколько пунктов, которые должен заключать учительский дом: 1. Центральную педагогическую библиотеку; 2. Музей и выставку детской литературы, учебников и учебных пособий; 3. Справочное педагогическое бюро; 4. Правление общества и правление кассы; 5. Лабораторию для опытов и работ учителей; 6. Зал для собраний и лекций; 7. Квартиры для учителей; 8. Образцовую школу»<sup>5</sup>. Идея учительских домов была позаимствована из Европы, где подобные учреждения действовали в Австрии, Англии, Германии и славянских странах. Эта идея была апробирована на российской почве – причем не только в Москве, но и в некоторых провинциальных городах (например, в Вологде)<sup>6</sup>. К сожалению, война помешала пермскому обществу осуществить многие прогрессивные начинания.

Другие же меры, которые требовали посильных обществу финансовых расходов, правлением принимались и способствовали повышению профессионально-педагогической культуры провинциального учительства. В 1914 г., например, при обществе действовала передвижная библиотека, в форме выставки книг. Выставка продолжалась 16 дней, разъяснения и указания давались особым лицом, командированным правлением по желанию Соликамской городской управы. В 1915 г. правление намеревалось приобрести все педагогические журналы за 1915 год, а кроме того, «некоторые из журналов, начало изданий которых относится к ближайшему времени, приобрести за все время существования их». Начало этой ценной для учителей журнальной библиотеки было положено журналом «Свободное воспитание», номера которого за все время существования издания высылались бесплатно И.И. Горбуновым-Посадовым. В 1915 г. общество предполагало приобрести все, что возможно из литературы по методике русского языка и арифметике. Наконец, общество планировало издание «Библиографического спутника учителя». Очевидно, что члены общества ставили и по мере сил решали организационно-деятельностные и оценочно-информационные педагогические задачи, уделяя особое внимание технологическому компоненту профессионально-педагогической культуры.

<sup>1</sup> Боже В.С. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Том 2: Справочные материалы. Челябинск, 2006. С. 225.

<sup>2</sup> Отчет общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии за 1905 г. (одиннадцатый год). Оренбург. 1907. С. 84.

<sup>3</sup> Там же. С. 85.

<sup>4</sup> Отчет общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Пермской губернии ведомства Министерства народного просвещения за 1911 год. Пермь, 1912. С. 17.

<sup>5</sup> Отчет общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Пермской губернии ведомства Министерства народного просвещения за 1912 год. Пермь, 1913. С. 21–22.

<sup>6</sup> URL: <http://www.booksite.ru/education/main/teacher/7.htm>

Общество принимало активное участие в обсуждении вопроса об организации общества экспериментальной педагогики и психологической лаборатории. Предполагалось, что новое общество будет действовать с целью всестороннего изучения психофизиологической природы детей и воспитания условий ее развития и воспитания при помощи точных естественнонаучных методов и распространения в обществе научных сведений о детской природе и психологических основах воспитания и обучения. В разработанном уставе формулировались направления деятельности общества: устройство лаборатории экспериментальной педагогической психологии; проведение психофизиологических опытов и наблюдений над детьми; организация лекций и курсов и издание книг и брошюр по вопросам, относящимся к деятельности общества; обсуждение научных докладов и проведение съездов по экспериментальной педагогике<sup>1</sup>. Подобные факты свидетельствуют, что уральскому учительству были близки актуальные проблемы повышения методики воспитания и обучения и в целом профессиональной культуры преподавателя.

Анализируя отчет о деятельности Осинского филиального отделения Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях за 1912 г., можно видеть, что профессиональные вопросы доминировали в повестках заседаний этой организации. Например, обсуждались и решались проблемы обеспечения учителей педагогической литературой, установления сроков начала и окончания учебного года, целесообразности введения «меры переводных экзаменов», «способах увеличения числа учащихся и оканчивающих курс в начальной школе», проблем внешкольного образования, организации народных чтений и спектаклей, проведения съездов и курсов для учителей земством, «где бы учителя набрались сил и снова принялись за труды», создания педагогического музея<sup>2</sup>. Многие инициативы и постановления, принимаемые на этих заседаниях, успешно реализовывались собственными силами или при помощи земства. Часто свои текущие повседневные заботы общество учителей решало в тесном контакте с земством, регулярно выбирая своих представителей в школьную комиссию при земской управе, в строительные комитеты при земстве (это было важно в деле осуществления контроля за строительством школьных зданий)<sup>3</sup>.

Общественные активисты прекрасно осознавали, что успехи в деле просвещения и воспитания в значительной степени зависят и от повседневной стороны этих процессов. В ходе решения на одном из заседаний аналитико-рефлексивных педагогических проблем, рассмотрения возникающих трудностей, особенностей субъектных отношений, в частности, анализа способов увеличения числа учащихся и оканчивающих курс в начальной школе исследовались причины «выбытия учащихся», зависящие от личности учителя, школьной обстановки и бытовых условий. Например, Желтышев, размышляя о педагогических ценностях, подчеркивал, что школа будет только в том случае привлекать население, «когда она будет жизненна и программа школы будет приноровлена к нуждам местного населения, а не будет ему навязана, поэтому необходимо обратить самое серьезное внимание на программу начальной школы». Тарутин, откликаясь на слова Зеленова о проблеме повышения профессионализма учителя, соглашался с ним, подчеркивая, что «необходимо воспитывать учителей». Современник полагал: «Необходимо входить в интересы местного населения, чтобы жить его жизнью, помогать ему, и тогда население будет доверять учителю. Учитель направит его на истинную дорогу и откроет ему заветы светлого, тогда население пойдет туда, куда учитель его поведет»<sup>4</sup>.

При рассмотрении и реализации политики в области просвещения и образования населения общественники учитывали особенности той среды, в которой приходилось работать учителям, социокультурные и экономические факторы. Например, на заседании общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Пермской губернии 30 декабря 1912 г., на котором присутствовало 68 членов, Бояршинов, знакомя собрание с делом введения всеобщего обучения в Чердынском уезде, указывал в своем докладе на большой процент (около 50%) детей

<sup>1</sup> Отчет общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Пермской губернии ведомства Министерства народного просвещения за 1914 год. Пермь, 1915. С. 9–11.

<sup>2</sup> Отчет о деятельности Осинского филиального отделения Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Осинского уезда, Пермской губернии Ведомства Министерства народного просвещения. За 1912 год. Оса, 1913. С. 7, 10–11, 17, 19, 21, 27, 30–35.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Там же. С. 11.



школьного возраста, остающихся вне школы. Анализируя причины этого явления, докладчик подчеркивал, что одной из них является необеспеченное материальное положение родителей учащихся. Преподаватель делился опытом введения при некоторых школах Чердынского уезда подкармливания учащихся, как одного из возможных средств привлечения детей в школу. Земство поддерживало эти начинания, о чем докладчик информировал присутствующих, сообщая, что очередное Чердынское земское собрание ассигновало на это 1500 руб. Об успешности опыта введения в школах подкармливания свидетельствовал и другой учитель, Будрин, который подчеркивал, что в одной из школ Соликамского уезда после внедрения подобной практики число учащихся быстро увеличилось: с 90 до 250. Благодаря собственному огороду при школе в детском районе были овощи. Будрин рекомендовал по возможности завести огороды и при школах Чердынского уезда. При этом учитель ссылался не только на уральский опыт, но и на пример Олонечского земства, где подкармливание учащихся составляло одну из главных задач земства. По итогам обсуждения вопроса присутствующие на собрании учителя высказались «за желательность организации подкармливания в школах Чердынского уезда», где были соответствующие возможности, причем постановили кормить всех учащихся<sup>1</sup>.

На вечернем заседании членов Осинского филиального отделения Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Осинского уезда 29 декабря 1912 г., открытом председателем собрания И.К. Зеленовым в присутствии 48 членов, обсуждался вопрос о вечерних занятиях с неграмотными и малограмотными взрослыми. Вечерние занятия предполагали достижение главной цели – «научить считать, писать и читать сознательно». Первоначально председатель предложил, прежде всего, выяснить, совместимы ли вечерние занятия с занятиями школьными. М.Е. Шаимов горячо отозвался: «...вечерние занятия нисколько не вредят занятиям школьным, даже приносят им значительную пользу: грамотность в народе развивается, население начинает интересоваться школой и начинается крепкая связь ее с населением. Весной вечерние занятия очень и очень желательны. Это должна быть нравственная обязанность учителя, исключая, конечно, тех случаев, когда учитель не может вести вечерних занятий по расстроенному здоровью. В интересах дела необходимо, чтобы на каждого учителя приходилось не больше двух групп». Его поддержал М.Ф. Кочаков, который говорил о развитии педагогической мысли и наличии в ней нескольких течений, различных приемов в обучении, полагая, что учитель, не стесненный программой на вечерних занятиях, может экспериментировать и использовать новые приемы, а при хороших результатах применять их в дальнейшем на занятиях с малолетними, что «улучшит школьное дело». И.В. Севастьянов обратил внимание на возможность распространения при помощи вечерних занятий книг в народе из открываемых земством народных библиотек. Присутствующие постановили: «вечерние занятия с неграмотными и малограмотными взрослыми признать желательными и нисколько не вредящими занятиям школьным». Вместе с тем, понимая, что это дополнительная серьезная нагрузка на учителя, учителя постановили «вести вечерние занятия не больше 3-х часов в вечер и не больше 3-х раз в неделю, при том желательно отделить из 9 часов часа 2 в неделю для литературных чтений с учащимися»<sup>2</sup>.

Среди активистов Осинского филиального отделения Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях были и выдающиеся общественные деятели Пермского края. Среди них следует отдельно назвать Ивана Константиновича Зеленова, видного этнографа, корреспондента Этнографического отдела Русского музея, заведующего внешкольным образованием Осинского уездного земства. Иван Константинович имел опыт работы народным учителем, хранителем в штате Пермского научно-промышленного музея. С его именем во многом связано открытие музея в Осе<sup>3</sup>. И.К. Зеленов внес заметный вклад в развитие музейного дела в Пермском крае и становление краеведения. На одном из заседаний Осинского филиального отделения Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Осин-

<sup>1</sup> Отчет общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Пермской губернии ведомства Министерства народного просвещения за 1912 год. Пермь, 1913. С. 53–56.

<sup>2</sup> Отчет о деятельности Осинского филиального отделения Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Осинского уезда, Пермской губернии. Ведомства Министерства народного просвещения. За 1912 год. Оса, 1913. С. 29–31.

<sup>3</sup> См. подробнее: Чагин Г.Н., Шилов А.В. Уездные провинции. Кунгур, Оса, Оханск. Пермь, 2007. С. 319–320.

ского уезда, Пермской губернии 31 декабря 1912 г. И.К. Зеленов пропагандировал свои идеи, излагая политику земства в этом направлении: «В настоящее время земство не находит возможным обставить все школы пособиями. Оно для облегчения дела проектирует устроить порайонные музеи, которые и будут обслуживать окрестные школы. Но кроме педагогических музеев, нужны нам выставки родного края. Роль этих выставок, земство полагает, дать общему музею в г. Осе. Организация его должна помочь учительству. Польза этой организации громадна. Он будет прекрасным материалом для курсовых и уроков природоведения»<sup>1</sup>. Первоначально в состав музейного собрания Осы входили образцы наглядных пособий для начальной школы, учебники, труды просветительских обществ, но уже в 1913 г. его пополнила коллекция минералов и горных пород. В 1914 г. музей уже включал педагогический, научный (с материалами по изучению родного края) и художественный отделы. В дальнейшем особенно возросло значение научного отдела Осинского музея<sup>2</sup>.

Активистами Осинского филиального отделения Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях были, например, учителя И.В. Севастьянов и М.Ф. Кочаков. Именно эти общественные деятели в 1912 г. были избраны (закрытой баллотировкой) на Всероссийский съезд обществ взаимопомощи в Санкт-Петербург (Севастьянов – делегатом, а Кочаков – кандидатом). Кроме того, Кочаков был делегирован представителем в общегубернское общество взаимопомощи Перми<sup>3</sup>.

Общества взаимопомощи, о чем свидетельствуют уральские материалы, способствовали укреплению профессиональной самоидентификации учителей. Важно обратить внимание, например, на поднимаемые учителями вопросы о повышении профессиональной этики и необходимости собственного профессионального суда, товарищеского суда или «суда чести». На заседании членов Осинского филиального отделения Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Осинского уезда Пермской губернии 30 декабря 1912 г. этот вопрос горячо обсуждался после доклада Севастьянова «О суде чести». Общественники понимали, что уставом это не предусматривалось, но считали вопрос чрезвычайно важным. Кочаков, например, убеждал «собратьев»: «При обществе суда установить нельзя, но рассматривать этот вопрос следует, потому что это важно для всех учащихся»<sup>4</sup>.

Следует подчеркнуть представительство от уральского учительства на I Всероссийском съезде учительских обществ взаимопомощи в Москве, на котором участвовали представители от 76 общественных организаций учителей и обсуждались профессиональные интересы российского учительства, принимались соответствующие резолюции о необходимости расширения прав и льгот учителей, принятии мер, способствующих повышению профессионально-педагогической культуры. Чтобы быть «выполнителем широких задач школы», учительство просило: «а) расширить программу учительских семинарий; б) открыть ему бесплатный доступ в средние и высшие учебные заведения; в) дать ему право отдавать отчет о своей педагогической деятельности училищному совету, а не представителям министерства народного просвещения, которые посещают школы только проездом; г) дать ему право защищать себя в училищных советах, земских и общественных учреждениях при увольнении от службы и переходе в другие училища». По докладу «О самообразовании народных преподавателей» съезд 4 января 1903 г. постановил: «а) ходатайствовать о понижении проездной платы по железным дорогам в тех случаях, когда поездки делаются с образовательными целями; б) признать необходимым устраивать для учительского персонала библиотеки, педагогические и общеобразовательные курсы»<sup>5</sup>.

На примере уральских учителей начальной школы в конце XIX – начала XX в. очевидно формирование профессионально-педагогической культуры на профессионально-групповом уровне.

<sup>1</sup> Отчет о деятельности Осинского филиального отделения Общества вспомоществования учащим и учившим в низших учебных заведениях Осинского уезда, Пермской губернии. Ведомства Министерства народного просвещения. За 1912 год. Оса, 1913. С. 43.

<sup>2</sup> Чагин Г.Н., Шилов А.В. Уездные провинции. С. 319–320.

<sup>3</sup> Отчет о деятельности Осинского филиального отделения... С. 45.

<sup>4</sup> Там же. С. 33–35.

<sup>5</sup> Отчет общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии за 1903 г. (Девятый год деятельности общества). Оренбург, 1904. С. 16–19.

Уральские педагоги относились к довольно многочисленной группе учителей, о которой современный исследователь И.В. Зубков пишет: «Педагоги начальной школы были крупнейшей учительской группой (свыше 157 тыс. человек к концу 1915 г.) и являлись своеобразной частью интеллигенции, которую современники часто относили к “полуинтеллигентам”. Они, как правило, отличались низким уровнем образования (среди них была велика доля лиц с образованием ниже среднего, а лица с высшим образованием встречались редко), народническими настроениями, маргинальным положением на рынке интеллигентного труда»<sup>1</sup>.

Историческое значение общественных организаций педагогов начальной школы заключалось не только в плане их формирования профессиональной идентичности и профессионально-педагогической культуры, но и в формировании гражданского самосознания учительства. В одном из отчетов Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии подчеркивалось: «Ведь только объединяясь в том или другом виде, мы можем чувствовать себя полноправными гражданами-работниками на ниве народной и не за страх только, а за совесть, за наш долг перед народом»<sup>2</sup>. Можно видеть включение общечеловеческих (в том числе гражданских) ценностей в палитру педагогических ценностей. Стержнем социально-педагогических ценностей народных учителей являлись православные идеалы. В «Отчете директора народных училищ Оренбургской губернии о занятиях на съезде учителей и учительниц начальных училищ» (Оренбург, 1877 г.) приводились слова: «Тот – учитель, кто преподает учение, взятое от Духа Божия. Мы учителя, если можем сообщить своему делу религиозных характер». Настоятель Оренбургского прихода священник о. Андрей (Невзоров) наставлял: «Можно ли думать, что ваш долг исключительно преподавать некоторые другие науки и только? Религия светила гораздо прежде науки»<sup>3</sup>.

В начале XX в. в Екатеринбурге появилось еще одно общество взаимопомощи – общество вспомоществования учившим и учащим в церковно-приходских школах и школах грамоты. Оно было основано 3 января 1903 г. для оказания помощи учителям и их детям. Общество распространяло свою деятельность на всю Екатеринбургскую епархию. В 1903 г. в нем насчитывалось 267 членов (10 почетных, 8 пожизненных, 12 сореволюционеров и 199 действительных членов). Общество имело капитал, который формировался из взносов и пожертвований, и составлял на 1 января 1905 г. 4741 руб. Общество во главе с правлением выдавало ссуды и пособия нуждающимся<sup>4</sup>.

Показательно, что общественная жизнь пробуждалась в самых отдаленных уголках уральской «глубинки». По «Уставу общества учащихся Верхотурского уезда Пермской губернии» его учредители ставили цели: «а) дать преподавателям всех учебных заведений Верхотурского уезда и его окрестностей, а также лицам, посвятившим себя частной педагогической деятельности и вообще интересующимся вопросами педагогики, возможность совместно обсуждать вопросы педагогического характера; б) содействовать взаимному сближению учащихся указанных категорий на почве, во-первых, совместного обсуждения разных вопросов из практики воспитания и обучения детей; во-вторых, культурно-просветительной деятельности и, в-третьих, взаимопомощи учащим – нравственной и материальной»<sup>5</sup>.

Способы достижения поставленных целей были достаточно традиционными для своего времени: проведение общих собраний членов общества для знакомства с докладами; организация лекций, курсов, экскурсий, проведение чтений и обсуждение сочинений и статей научного и литературного содержания; устройство экскурсий для учащихся и иных общественных мероприятий «для возбуждения в учащихся интереса и любви к изучению родной природы и истории»; устройство публичных чтений, концертов и спектаклей («для усиления своих денежных средств»); устройство «постоянных и летучих библиотек, кабинетов и коллекций наглядных пособий для научных и практических занятий своих членов»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Зубков И.В. Общества взаимопомощи учителей в российской империи (1890–1910-е гг.) // Российская история. 2011. № 5. С. 45.

<sup>2</sup> Отчет общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Оренбургской губернии за 1905 г. (одиннадцатый год). Оренбург. 1907. С. 122.

<sup>3</sup> Отчет директора народных училищ Оренбургской губернии о занятиях на съезде учителей и учительниц начальных училищ. Оренбург, 1878. С. II–III.

<sup>4</sup> Микитюк В.П. Екатеринбургское общество вспомоществования учившим и учащим в церковно-приходских школах и школах грамоты // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 211.

<sup>5</sup> Устав общества учащихся Верхотурского уезда Пермской губернии. Нижний Тагил, 1917. С. 1–2.

<sup>6</sup> Там же. С. 2–3.

Общество открывало свои двери всем «занимающимся и интересующимся педагогической деятельностью» лицам, которые могли стать действительными членами общества, уплатив обязательный ежегодный взнос в размере 2 руб. В почетные члены общества представители общест-венности избирались за определенные заслуги за «особенно полезное содействие успешному осуществлению целей Общества» или «значительное единовременное в пользу его пожертвова-ние деньгами, вещами или имуществом», почетными членами общества становились выдающи-еся педагоги регионального и общероссийского уровня. Управление делами общества и кассой взаимопомощи возлагалось уставом на выборное правление общества и общее собрание его чле-нов.

Анализируемое общество в значительной степени было прообразом профсоюзной организа-ции учителей. При обществе учреждалась касса взаимопомощи. Действительным членам обще-ства полагалось вносить в кассу взаимопомощи ежемесячно не менее 2% с получаемого ими за-работка. Это давало им право на возможное получение пособия.

Показательно, что в «Уставе общества учащихся Верхотурского уезда Пермской губернии» был пункт «Права Общества учащихся», который, правда, включал всего две статьи: право печатать свои годовые отчеты и педагогические труды» и приобретать недвижимое имущество «путем дара, по завещанию и покупкой», а также «совершать на то купчие крепости и запродажные записи»<sup>1</sup>.

Необходимость интеграции со временем все отчетливее осознавали учителя не только низ-ших, но и средних учебных заведений, открывая совместные общества взаимопомощи. Совмест-ными силами было создано Челябинское педагогическое общество взаимопомощи. Его появле-ние совпало с политическими переменами в стране. 12 марта 1917 г. состоялось организационное собрание Общества «при наличии громадного большинства учащихся г. Челябинска». Активисты успешно вели работу по консолидации учителей. Общество было переименовано и называлось в дальнейшем «Педагогическим обществом». В начале апреля 1917 г. общество начало свою дея-тельность с целью «материальной и духовной взаимопомощи членов Общества и культурно-прос-ветительной работы». Его членами могли быть «учащие и учившие во всех учебных заведениях г. Челябинска и его уезда, а также местные деятели по школьному и внешкольному образова-нию». Наряду с другими задачами, перечисленными в уставе, общество предполагало: «Заботит-ся об организации курсов, чтений, докладов и рефератов общеобразовательного и специального характера»; «устраивать библиотеки, музеи, читальни, учебные заведения, физические и хими-ческие кабинеты, лаборатории, выставки, книжные склады и их филиальные отделения»; «ор-ганизовывать экскурсии, путешествия»; «отправлять своих членов на приобретение книг, жур-налов, газет, печатать и издавать книги, брошюры, периодические издания и учебные пособия»; «заботится о расширении общего и специального образования членов Общества, организовывать секции, комиссии, попечительства для разработки вопросов своего ведения и вообще заботится об установлении научно обоснованных взглядов на дело народного образования – дошкольного, школьного и внешкольного». На базе этого общества в дальнейшем был образован профсоюз учи-телей – «Челябинский профсоюз деятелей по народному образованию»<sup>2</sup>. Этот пример и история других обществ взаимопомощи учителей, которые являлись прообразами профессиональных общественных организаций, являются индикаторами усиления процессов профессионализации в Уральском регионе в начале XX в. Их деятельность была направлена на повышение уровня профессиональной и общекультурной подготовки учителя.

Представляет интерес юридическая общественная организация, возникшая в Вятке. Обще-ство открылось 26 октября 1913 г.<sup>3</sup>. Мысль о создании юридического кружка зародилась у не-большого круга вятских адвокатов после одного из частных собраний. Первое организационное собрание кружка состоялось лишь 15 января 1914 г. На него прибыло свыше 40 человек и по-ступило около десяти письменных заявлений о вступлении в члены кружка. Первое собрание открыл старший из учредителей председатель окружного суда В.И. Пташинский. Общество ру-

<sup>1</sup> Устав общества учащихся Верхотурского уезда Пермской губернии. Нижний Тагил, 1917. С. 1–13.

<sup>2</sup> Боже В.С. Школьный мир дореволюционного Челябинска. Том 2: Справочные материалы. Челябинск, 2006. С. 272–283.

<sup>3</sup> ГАКО. Ф. 639. Оп. 1. Д. 217. Л. 2.



ководствовалося уставом, который гласил, что вятский юридический кружок имел своей целью «теоретическую и практическую разработку вопросов права и распространение юридических сведений». По мнению историка А.С. Касанова «это была достаточно смелая формулировка задач, учитывая отсутствие в составе действительных членов организации преподавателей университетской науки», что обуславливало заранее более низкое теоретическое назначение работы кружка по сравнению с аналогичными университетскими обществами. Однако потребность в создании такого общества, по мнению исследователя, в Вятке была велика, особенно для юристов-практиков, которые и составили его основное ядро. Основной формой работы кружка стало издание собственных записок и журналов, организация профессиональных собраний и обсуждение докладов. Кружок сформировал библиотеку юридической литературы, кроме того, благодаря содействию председателя окружного суда В.И. Пташинского, для членов кружка был открыт свободный доступ в достаточно богатую юридическую библиотеку окружного суда г. Вятки. Продуктивную деятельность юридического кружка прервала Первая мировая война<sup>1</sup>.

Рассмотренный материал позволяет заключить, что в имперский период профессиональные сообщества занимали особую нишу в социальном пространстве уральского региона. В ходе индустриализации значительно росла потребность Урала в технических специалистах, что накладывало свой отпечаток на особенности профессионализации в этом регионе. В целом же спектр профессиональных обществ отличался широтой. Они отстаивали интересы различных профессиональных групп (приказчиков, торговых служащих, ремесленников, учителей, медицинских работников, горных техников, юристов, рабочих), содействовали повышению профессиональной культуры граждан. Показательно, что не только общества взаимопомощи, созданные интеллигенцией, но и большинство профессиональных обществ, сформированных представителями других социальных слоев, ставило перед собой задачи повышения культурного уровня своих членов. Наряду с оказанием материальной помощи они активно содействовали развитию новых форм общественного досуга, повышению грамотности и распространению специальных знаний. Можно видеть, что принадлежность к профессиональной общественной организации становилась мощным средством социальной идентификации отдельных профессиональных групп. Профессиональные общественные организации, пройдя путь от обществ взаимопомощи до профессиональных союзов, представляли собой инструментальную модель общественной организации, но с некоторыми экспрессивными функциями, способствуя удовлетворению социальных потребностей своих членов, укреплению чувства взаимной поддержки и взаимопомощи, удовлетворению стремления к профессиональному и шире социальному одобрению, росту уважения и доверия по отношению друг к другу, расширению профессионального кругозора. В начале XX в. профессиональные общества стали играть заметную политическую роль в общественной жизни Урала.

#### **4.5. ПРЕДСТАВИТЕЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПАРТИИ\***

*Представительские организации.* В пореформенный период российское общество претерпело существенную трансформацию. Под влиянием модернизации шел процесс перераспределения властных полномочий между государством и общественными объединениями, формировались – возможно, не так быстро, как хотелось бы современникам этих событий – элементы гражданского общества. Общественные организации оказывали положительное воздействие на развитие различных секторов экономики, способствовали рационализации методов хозяйствования, профессионализации различных видов деятельности, распространению научных знаний и культуры в обществе. Нельзя забывать и об их значении как «начальной школы» воспитания гражданской самодеятельности и долга, самоорганизации людей, формирования независимой личности. Однако процессы в общественной и политической сферах, как и в области социально-экономических отношений, имели половинчатый, незавершенный характер<sup>2</sup>.

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

<sup>1</sup> Касанов А.С. Влияние общественных организаций на социально-экономическую и культурную жизнь Вятско-Камского региона во второй половине XIX – начале XX в. Дис. ...канд. ист. наук. Киров, 2014. С. 161–165.

<sup>2</sup> Побережников И.В. Урал в контексте российских модернизаций XVIII – начала XX вв.: теория и история // Урал в контексте российской модернизации. Челябинск, 2005. С. 20.

Изучение и сравнение истории существования съездов горнопромышленников и золотопромышленников на Урале позволяет понять, как по разному может развиваться деятельность организаций, созданных примерно в одно и тоже время и имевших изначально, в общем-то, похожую задачу – всестороннее обсуждение проблем, стоявших перед «своей» отраслью промышленности, выработку общего решения по наиболее выгодному и прогрессивному направлению ее развития, сообщение (ходатайство) об этом в министерство и совместная с правительством деятельность по претворению в жизнь выработанных решений.

Создание на Урале съездов горнопромышленников и золотопромышленников было обусловлено двумя похожими, по форме, но разными, по сути, причинами – широко развивавшейся модернизацией производства, активным внедрением новых технологических процессов и увеличением объемов выпускаемой продукции у первых и истощением месторождений, снижением объемов добычи и необходимостью содействовать внедрению новой техники и технологии добычи металлов у вторых.

В 1880 г. в Екатеринбурге собрался первый съезд горнопромышленников, его созыв был проведен по инициативе предпринимателей, участвовавших в начале этого же года в Особой высшей комиссии для исследования железнодорожного дела в России<sup>1</sup>. Разрешение на проведение съезда было дано на самом высоком уровне<sup>2</sup>. Все организационные мероприятия, включая составление программы, рассылка приглашений и предоставление помещения для проведения заседаний, взяла на себя государственная структура – Уральское горное управление.

Создание Съезда горнопромышленников Урала как организации было подражанием горнопромышленникам Юга России, у которых съезды стали собираться с 1874 г.<sup>3</sup> В это время Урал занимал лидирующие позиции в производстве металлов и всем казалось, что нет причин для беспокойства. Первые съезды в 1880-е гг. прошли весьма малорезультативно – много говорили, но не было создано исполнительного органа; старались не касаться системы денежных взносов на содержание съезда, решили ограничиться добровольными пожертвованиями; при этом достаточно квалифицированно, но не без эйфории, обсуждались проблемы, стоявшие перед промышленностью региона; составленные и посланные в столицу ходатайства остались без ответов<sup>4</sup>. Избранные уполномоченные представители Съезда в Санкт-Петербурге не имели возможности действовать активно, так как было непонятно, кого они представляют<sup>5</sup>. Тем не менее, промышленники провели три съезда, отмечая большую пользу для себя и от делового общения, и от обсуждения различных тем. В проведении четвертого съезда, из-за отсутствия исполнительного органа – долго не могли составить отчет о проделанной работе, было отказано<sup>6</sup>. Он состоялся только через 12 лет, в 1896 г., и прошел в том же ключе, что и три первых<sup>7</sup>. Но ситуация в экономике за прошедшее время стала уже принципиально иной. Урал, при общем увеличении объемов продукции, выпускаемой промышленными предприятиями, начинал терять свои позиции. Темпы роста производства на Юге России были значительно выше, при этом там было меньше рудников и заводов, чем на Урале, на которых работало меньшее число рабочих, но они выпускали больше продукции хорошего качества, следовательно, была выше производительность труда. Южный промышленный район возник, практически на «пустом месте», и развивался по классическому капиталистическому принципу. На Урале подавляющая часть заводов действовало в составе старых горнозаводских округов, на которых висел шлейф социальных и экономических пережитков прошлого.

На четвертом съезде в 1896 г. стало ясно, что настоятельно необходимо менять отношение к съездам, они должны были стать организацией, направленной на сплочение и консолидацию предпринимателей, способных, только объединив усилия, переломить ситуацию, сохранить и

<sup>1</sup> Труды I съезда уральских горнозаводчиков. Екатеринбург, 1881. С. 56.

<sup>2</sup> ПСЗ-2. Т. LIV. № 60521.

<sup>3</sup> Крутиков В.В. Съезды южных горнопромышленников // История СССР. 1981. № 4. С. 126–135.

<sup>4</sup> Труды III съезда уральских горнопромышленников, бывшего 8–19 декабря 1883 года. Екатеринбург, 1884. С. 1–2, 64–68.

<sup>5</sup> Бочкарёв К.Н. Формирование и структура съезда уральских горнопромышленников (1880–1918) // Проблемы социально-политической истории Урала XIX – начала XX веков. Челябинск, 1991. С. 109–110.

<sup>6</sup> ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 1168. Л. 2.

<sup>7</sup> Протоколы IV съезда уральских горнозаводчиков, бывшем в Екатеринбурге 8–13 февраля 1896 года. Екатеринбург, 1896. С. 38–39.

развивать промышленность региона. На пятом съезде в 1897 г. создание организации наконец-то состоялось, согласие участвовать в ее работе высказали практически все горнопромышленные предприятия<sup>1</sup>. В 1898 г. утверждается Положение о Съездах горнопромышленников Уральской горной области<sup>2</sup>. Съезд превращается в сильную представительную организацию. Создается его постоянный орган – Совет Съездов, появляются его уполномоченные представители в столице, начинает издаваться постоянный печатный орган – «Уральское горное обозрение», стабилизируется бюджет. Экономический кризис 1900–1903 гг., очень сильно ударил по металлургической промышленности края, вызвав сокращение производства, а затем застой. Уполномоченные съезда не смогли в полной мере решать все возникающие проблемы и оперативно реагировать на запросы правительства; каждый вопрос необходимо было согласовывать с Советом Съездов, находившемся в Екатеринбурге. В этих условиях у некоторых членов Съезда и его уполномоченных в Санкт-Петербурге появляется мнение о желательности переноса исполнительных структур Съезда в Санкт-Петербург, чтобы иметь возможность быть постоянно в курсе событий, происходящих в правительственных структурах, и быстро реагировать на них<sup>3</sup>.

В 1906 г. Совет Съездов окончательно переезжает в Санкт-Петербург, принимается новое Положение о Съездах, которым предусматривалось проведение ежегодных съездов сначала в Екатеринбурге, а потом в Санкт-Петербурге. Институт уполномоченных при этом исчезает, так как Совет Съездов теперь всегда был рядом с правительством и был в состоянии сам, напрямую, довести решения съезда до исполнительной и законодательной власти<sup>4</sup>. Первичные съезды в Екатеринбурге ни разу не собирались. Переезд в столицу и изменение статуса уральских съездов привел к сокращению числа их членов. В отличие от прошлых, «уральских», съездов, в работе которых принимали участие главным образом инженеры-практики, управляющие горнозаводских предприятий, жившие и работавшие на Урале, в работе «столичных» съездов принимали участие представители главных управлений горнозаводских округов и акционерных обществ, проживавшие в центре.

Здесь же в столице работала и Постоянная Совецательная контора железозаводчиков, что позволяло объединять усилия по лоббированию интересов. В 1906 г. начинает свою деятельность Съезд представителей торговли и промышленности<sup>5</sup>, в который Съезд горнопромышленников Урала входил как коллективный член, что еще более укрепляло его позиции и открывало дополнительный канал «воздействия» на государственные структуры.

В годы Первой мировой войны два съезда были проведены в Екатеринбурге, но это было простым изменением места проведения, постоянным местом нахождения Совета Съездов остался Петроград. В это же время начинается быстрое восстановление числа предприятий, принимавших участия в работе съездов и уплачивавших членские взносы, а также расширение территории ответственности Съездов. В организацию начинают вступать предприятия Западной Сибири, не имевшие своей представительной организации, что, несомненно, можно расценивать как рост влияния и авторитета организации уральских предпринимателей в деле защиты их интересов. В 1897 г. в работе съездов горнопромышленников согласилось участвовать 34 округа, а в 1913 – только 25<sup>6</sup>, в 1916 г. их было уже 36<sup>7</sup>, в том числе все 22 частных уральских металлургических предприятия<sup>8</sup>, в марте 1917 г. – 45 членов<sup>9</sup>, из них 5, или 11%, участников, представляли Западную Сибирь, в конце октября 1917 г. в состав организации входило 53 промышленных предприятия<sup>10</sup>.

Создание съездов золото- и платинопромышленников Урала проходило в совершенно другой обстановке. Добыча золота и платины в конце XIX в. на Урале начинает сокращаться. Больше

<sup>1</sup> Особое приложение к журналам V съезда уральских горнопромышленников. 1897 г. Екатеринбург, 1897. С. 3–4.

<sup>2</sup> Девиер А.А., Бредов В.Р. Свод постановлений о горнопромышленности. Т. 1. СПб., 1904. С. 176–178.

<sup>3</sup> Труды экстренного съезда уральских горнопромышленников, бывшего 28 мая – 2 июня 1904 года в г. Санкт-Петербурге. СПб., 1904. С. 14.

<sup>4</sup> Бочкарев К.Н. Формирование и структура съезда уральских горнопромышленников. С. 115–116.

<sup>5</sup> ПСЗ-З. Т. XXVI. № 28265.

<sup>6</sup> РГИА. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 29.

<sup>7</sup> РГИА. Ф. 1427. Оп. 1. Д. 308. Л. 27–27 об.; Ф. 84. Оп. 1. Д. 15. Л. 27–27 об.

<sup>8</sup> ГАСО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 618. Л. 38–39.

<sup>9</sup> РГИА. Ф. 1427. Оп. 1. Д. 308. Л. 40–40 об.; Ф. 84. Оп. 1. Д. 15. Л. 32–32 об.; Ф. 86. Оп. 1. Д. 317. Л. 68–68 об.

<sup>10</sup> РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 342. Л. 80.

всего золота в регионе было добыто в 1892 г., платины – в 1903 г., хотя Пермская губерния и оставалась единственным местом, где велась добыча всей платина в России и большая часть мировой. Так что съезды создавались в этой отрасли не на подъеме производства, а на его спаде и задача перед съездами была в сохранении этой отрасли промышленности в крае.

В 1895 г. министру торговли и промышленности было разрешено, если это необходимо, созывать съезды золотопромышленников в тех районах, где производилась добыча этого металла<sup>1</sup>. В октябре-ноябре 1897 г. во всех золотодобывающих районах Урале прошло шесть окружных съездов: Екатеринбургский, Турьинский, Кваркенский, Кочкарский, Верхнеуральский и Кушвинский, – в работе которых участвовали золотопромышленники и представители старателей. Одновременно прошло семь съездов в Западной Сибири и пять в Восточной Сибири. На всех съездах главной темой для обсуждения был вопрос о свободном обращении в стране шлихового золота<sup>2</sup>. Подавляющее большинство участников высказалось против введения свободного обращения золота и обратились к правительству с просьбами об оказании помощи отрасли<sup>3</sup>. Но правительство уже приняло свое решение вопреки мнению промышленников.

В 1897 г. принимается Положение о проведении местных и общих съездов золото- и платинопромышленников<sup>4</sup>. В 1897–1899 гг. прошло три общих съезда золотопромышленников Урала. Их созыв проходил с большими трудностями, так как, согласно Положению, они могли начать свою работу только в том случае, если на момент открытия приехали представители предприятий, на которых в прошедшем году было добыто не менее половины благородных металлов региона. Каждый раз приходилось посылать телеграмму министру с просьбой сократить квоту, чтобы можно было начать работу съезда. Четвертый общеуральский съезд состоялся в 1903 г., пятый – в 1910 г., после чего, было решено общие съезды больше не собирать. Так что, золотопромышленники Урала не смогли создать свою единую организацию.

В связи с необходимостью выбирать представителей в Раскладочные присутствия (для распределения сбора со всех действующих на территории России золотых и платиновых предприятий), с 1901 г. начинают на Урале свою деятельность местные Съезды золото- и платинопромышленников Пермской губернии и Съезды золотопромышленников Оренбургской и Уфимской губерний.

За деятельностью съездов золотопромышленников был более строгий надзор со стороны контролирующих органов, правила об их созыве и устройстве пересматривались и утверждались правительством в 1897, 1905, 1911 и 1916 гг. Съезды собирались под председательством окружного инженера, назначаемого Уральским горным управлением. Это отличало их от Съезда горнопромышленников Урала, Положения о деятельности которого принимались только дважды в 1897 и 1906 гг. «Статус» горнопромышленных съездов был выше, их заседания в качестве председателей возглавляли либо Главный начальник Уральского горного правления, когда съезды собирались в Екатеринбурге, либо высшие чиновники Горного департамента, члены Горного совета и Горного ученого комитета, когда съезды проходили в Санкт-Петербурге.

Все вопросы на всех съездах решались большинством голосов, открытой баллотировкой. Начиная с 1905 г. решения съездов были обязательными для всех золото- и платинопромышленных компаний, фирм и товариществ, чьи прииски были расположены на территории деятельности съезда, независимо от того какой статус имела земля на которой они располагались. Съезды могли устанавливать денежный сбор с золотопромышленников, независимо от принадлежности к организации, для создания специального фонда, из которого можно было оплачивать деятельности самого съезда, Совета Съезда, а также финансировать мероприятия, намеченные на съезде и проводимые Советом: устройство и содержание приисковых дорог, почтовых сообщений, врачебной помощи, приютов для рабочих и прочего. Кроме того на съезды возлагалась обязанность собирать особый сбор на содержание горно-полицейской стражи на приисках, в качестве пособия казне. Совет Съезда сам принимал решение, на каком прииске должен находиться каждый стражник или урядник, устанавливал им жалование и приобретал для них вооружение и снаря-

<sup>1</sup> ПСЗ-З. Т. XV. № 12341.

<sup>2</sup> ГАСО. Ф. 24. Оп. 21. Д. 526. Л. 96.

<sup>3</sup> ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 200. Л. 1–83.

<sup>4</sup> Девьер А.А., Бредов В.Р. Свод постановлений о горнопромышленности. Т. 1. СПб., 1904. С. 190–196.



жение за счет собранных сумм. То есть золотопромышленные съезды стали, в известной мере, и фискальным органом, придатком министерства.

Для того, чтобы стать членом Съезда горнопромышленников Урала, необходимо было свободное желание предприятия, выраженное в письменной форме и одобренное Советом Съездов. В этом заключалось коренное отличие между золотопромышленными и горнопромышленными съездами. В работе золотопромышленных съездов обязаны были принимать участие все предприятия этой отрасли, не обязательно личным участием, но финансово непременно. Представители некоторых предприятий располагавшихся в отдаленных районах, например, в Чердынском горном округе, в силу больших расстояний ни разу не присутствовали на съездах.

Большинство ходатайств золотопромышленников осталось без ответов<sup>1</sup>. Но горнопромышленники, обсуждая на своих съездах вопросы, касающиеся общих экономических проблем региона, в своих ходатайствах, прямо или косвенно, отстаивали и интересы золотопромышленности. Особенно это касалось стратегических вопросов, без решения которых была бы невозможна модернизация уральской горнозаводской промышленности в целом и отдельных входящих в нее отраслей в частности. Кроме того, многие горнопромышленники Урала смотрели на свои Съезды как на законных представителей всей горной промышленности региона, имевших право от их имени выступать, ходатайствовать и посылать представителей во все местные и общегосударственные учреждения, в которых полагалось представительство промышленности.

В конце XIX – начале XX в. реестр представительских организаций уральских предпринимателей расширился. Отчасти это стало результатом создания филиалов общероссийских структур, иногда это было следствием возникновения местных организаций. На рубеже столетий процесс создания подобных структур распространился на негорнозаводскую промышленность. В регионе было немало предпринимателей, занимавшихся кожевенным, винокурением, пивоварением, мукомольным, текстильным и прочими производствами, что создавало возможности для создания представительских организаций, образуемых по отраслевому принципу. Их возникновение было облегчено позицией государства, стимулировавшего процесс создания отраслевых представительских организаций с помощью соответствующих законодательных актов, наделяющих новые структуры различными правами и обязанностями.

Несмотря на это, предприниматели, сосредоточенные в уральских негорнозаводских отраслях, не проявили серьезного интереса к образованию отраслевых представительских организаций. При создании всероссийских съездов винокуров, пивоваров и других аналогичных структур уральские предприниматели не только не спешили создавать их филиалы в регионе, но и не торопились вступать в их ряды, хотя и проявляли сдержанный интерес к деятельности различных съездов коммерсантов и промышленников.

В самом конце XIX в. активизировался общероссийский съезд пивоваренных заводчиков. Пивовары Пермской губернии какое-то время проявляли интерес к его работе и даже послали своего делегата – И.А. Поклевского-Козелл<sup>2</sup>. В дальнейшем уральские пивовары лишь изредка участвовали в деятельности съезда пивоваренных заводчиков, но ни одной эффективной региональной структуры так и не создали. По схожему сценарию действовали уральские предприниматели, занимавшиеся винокурением, кожевенным, текстильным и другими производствами.

Явная пассивность предпринимателей, работавших в негорнозаводских отраслях, объясняется разными причинами. На рубеже XIX–XX вв. Урал пережил целую череду экономических и политических катаклизмов, что поставило многих предпринимателей на грань выживания: в таких условиях им стало не до создания в регионе отраслевых представительских структур. Существенным препятствием на пути их образования явилась значительная разбросанность предприятий одной отрасли по огромной территории четырех уральских губерний. Кроме того, предприниматели, имевшие заводы любого профиля в одной уральской губернии, на коллег по цеху из другой губернии, смотрели как на конкурентов, что не способствовало созданию общеуральских представительских структур.

Несмотря на вышесказанное, исключения все же случались. В конце XIX в. начал функциони-

<sup>1</sup> Померанцев А. К итогам 2-го Всероссийского съезда золото- и платинопромышленников // Золото и платина. 1915. № 3–4. С. 39.

<sup>2</sup> Урал. 1899. 29 мая.

ровать всероссийский съезд мукомолов. По его решению страна была поделена на мукомольные районы, во главе которых встали уполномоченные, в обязанность которым вменялось проведение областных съездов. Урал был поделен между несколькими районами. В частности, Пермская губерния вошла в состав 14-го Сибирского района, во главе которого встал крупный мукомол И.И. Симанов, опытный общественный деятель<sup>1</sup>.

Благодаря его энергичным усилиям в Екатеринбурге, центре Исетского мукомольного района, началось проведение съездов. Уже на самых первых порах И.И. Симанову пришлось столкнуться с трудностями. Сибирский мукомольный район включал в себя мельницы уральских и западно-сибирских мукомолов, которые постоянно вели конкурентную борьбу между собой. Кроме того, сибирякам было крайне неудобно ездить на районные съезды, проходившие в Екатеринбурге. В результате, районные съезды стали посещаться только уральцами. На съезд, который прошел в Екатеринбурге в октябре 1898 г., из 85 мукомолов района приехали только 19 человек<sup>2</sup>. На районный съезд в 1902 г. приехало только 14 мукомолов<sup>3</sup>.

Тем не менее, оба съезда состоялись. Участники съездов обсуждали проблемы, мешающие развитию отрасли и торговле мукой, составляли соответствующие ходатайства. Одной из важных тем для мукомолов были отношения с железнодорожным ведомством. Владельцы мельниц были недовольны нехваткой паровозов и вагонов, частыми и долгими простоями составов, а также тарифной политикой ведомства<sup>4</sup>.

Обсуждались, разумеется, и другие проблемы. Программа районного съезда мукомолов 1902 г., утвержденная Министерством финансов, включала следующие пункты: «О местных нуждах мукомольной промышленности; Об упорядочении обложения мельниц городскими и земскими сборами; О более справедливом и уравнительном обложении мельниц государственным промышленным налогом; О мерах, могущих содействовать развитию возникшего общества страхования от огня имущества мукомолов; Об основаниях для выработки проекта положения о районных съездах; Об экспорте муки за границу; О мерах, могущих способствовать развитию сбыта отрубей на внутренние рынки»<sup>5</sup>. Помимо вышеперечисленных тем участники съезда обсудили еще ряд проблем, в том числе вопросы о сооружении новых железных дорог.

В последующем районный съезд мукомолов действовал с переменным успехом. Многие его ходатайства не получили поддержки министерств и других государственных структур, одновременно некоторые прошения были удовлетворены, что благотворно сказалось на состоянии хлебного рынка и мукомольной отрасли. В частности, районному съезду мукомолов при поддержке других представительских организаций удалось добиться сооружения некоторых подъездных железнодорожных путей, что облегчило подвоз грузов к мельницам и создало новые крупные торговые пункты зерном.

Кроме того, районный съезд под руководством нового уполномоченного П.В. Иванова смог убедить всероссийский съезд мукомолов изменить принципы районирования. На IX всероссийском съезде, состоявшемся в 1909 г., было «принято новое распределение товарных мельниц по районам и образован самостоятельный Екатеринбургский район»<sup>6</sup>. Во вновь созданный район вошли мельницы, расположенные в Пермской губернии, Тюменском, Тобольском и Ялуторовском уездах Тобольской губернии. На том же съезде был образован Челябинский район, под юрисдикцию которого попали мельницы, находившиеся в Оренбургской губернии, Петропавловском уезде Акмолинской области, Курганском уезде Тобольской губернии и Тургайской области. Новое районирование не смогло оказать значительного влияния на участие в районных съездах владельцев мельниц, расположенных в отдаленных местностях. В то же время оно создало условия для созыва новых районных съездов, более активного обсуждения проблем, стоящих перед мукомолами.

Характерной чертой отраслевых организаций являлось то, что они, в первую очередь, представляли интересы крупной промышленности. Система начисления голосов тому или иному

<sup>1</sup> ГАСО. Ф. 11. Оп. 5. Д. 2732. Л. 25.

<sup>2</sup> Рудок. 1898. 21 октября.

<sup>3</sup> Урал. 1902. 19 ноября.

<sup>4</sup> Рудок. 1898. 1 февраля.

<sup>5</sup> Урал. 1902. 1902. 7 ноября.

<sup>6</sup> Мукомольный отдел // Екатеринбург и Урал. Торгово-промышленный справочник на 1914 год. Екатеринбург, 1914. С. 337.

предприятию зависела от объемов производимой продукции, существовала специально разработанная пропорция увеличения числа голосов. В 1914 г. Съезд горнопромышленников Урала, стал начислять голоса своим членам в зависимости от заработной платы, которая выплачивалась за год всем рабочим и служащим, работающим на предприятии. Однако мелкие предприятия, если объёмов производимой ими продукции или заработной платы было недостаточно чтобы иметь «голос» при голосовании, могли «объединяться», чтобы иметь возможность участвовать в выборах в качестве полноправных членов<sup>1</sup>.

С самого начала вопросы профессионального и корпоративного характера находились в центре внимания отраслевых съездов. Защита собственных интересов – это центральная тема в материалах и документах предпринимательских организаций. Съезды были местом «переговоров», где представители различных промышленных предприятий имели возможность встречаться и обсуждать свои дела, подготавливать соглашения о совместных проектах.

Члены представительных организаций поддерживали постоянные и прочные контакты с правительством. Широкое распространение получила практика приглашения чиновников различных ведомств в создаваемые промышленниками комиссии и совещания. «Живое общение» иногда приобретало формы финансирования промышленниками некоторых новых правительственных учреждений. В тоже время сами представительные организации использовали различные способы воздействия на органы государственной власти. Они направляли ходатайства, петиции и обращения, участвовали в работе различных междуведомственных совещаний, направляли отзывы на официальные документы, проекты законов, влияли на экономическую политику путем постоянных контактов с ведущими деятелями правительства, образовывали совещания по общим и частным хозяйственным вопросам, привлечения специалистов для разрешения спорных вопросов и для принятия решений по техническим проектам. Многие предпринимательские ассоциации добились права посылать своих представителей в правительственные комиссии, участвовать на постоянной основе в работе местных и центральных ведомств. Среди них – Совет по горнопромышленным делам, Комиссия по золотопромышленности, Комитет по распределению заказов, Совет по страхованию рабочих, Особое по промысловому налогу присутствие, Главное по фабричным и горнозаводским делам присутствие и другие. Значительное внимание ими уделялось составлению для министерств отчётов об экономическом положении на местах. В начале XX в. сложился союз, основанный на сотрудничестве представительных организаций и исполнительной власти.

Анализ программ съездов, изучение представленных на съездах докладов, стенограмм заседаний позволяют по-новому взглянуть на развитие и трансформацию промышленности региона – это взгляд самих предпринимателей на те проблемы, которые стояли перед ними, и их видение путей преодоления имевшихся препятствий. Важнейшие направления деятельности съездов – вопросы, относящиеся к работе транспорта, расширению сети железных дорог, торгового судоходства, понижению железнодорожных тарифов, что способствовало бы выходу Урала из исторически сложившейся транспортной изоляции. Снабжение предприятий новыми видами топлива, переход на использование которого позволил бы выстоять промышленности региона в конкурентной борьбе. Совершенствование и расширение системы технического образования, так как для модернизации промышленности требовались высококвалифицированные кадры, способные работать и обслуживать новые, быстро менявшиеся станки, оборудование и технологии. Большое внимание съездами уделялось рабочим, трудившимся на местных рудниках, приисках и заводах. Материалы съездов позволяют понять, что эти взаимоотношения основывались не на «классовой борьбе», а в первую очередь на принципах «социального партнёрства». Перед участниками съездов стояли две основополагающие цели – преодолеть пережитки, оставшиеся с крепостной эпохи, и сохранить в то же время историческую систему взаимозависимости и взаимопомощи между владельцами промышленных предприятий и рабочими, жившими в горнозаводских округах. Это проявлялось в создании основополагающих документов, направленных на охрану труда и технику безопасности, создание спасательных артелей, системы оказания медицинской

<sup>1</sup> Труды XX съезда горнопромышленников Урала с 27 февраля по 3 марта 1915 г. в г. Екатеринбурге. Пг., 1915. С. 436–439.

помощи и социального страхования. По некоторым позициям они достигли определённых успехов. Однако контроль правительства лишал представительные организации самостоятельности, всячески стараясь сохранить их совещательный статус.

В начале XX в., особенно в годы Первой мировой войны, в России сформировалась многоуровневая система представительства торгово-промышленной буржуазии, поддерживаемая правительством, каждое звено которой, дополняя друг друга, использовало различные приемы и способы (от ходатайства до прямого участия в работе правительственных учреждений) для лоббирования корпоративных и профессиональных интересов капитала. Разнообразие представительных форм было обусловлено особенностями экономического и геополитического развития страны: большой территорией, разрозненностью промышленных районов, спецификой отраслевой структуры, степенью организованности торгово-промышленной буржуазии и т.д. Кроме того, в это время в России сложился действенный механизм управления экономикой, соединивший государство и частный капитал. Представительные союзы, в первую очередь предпринимательские, являлись важнейшим звеном в системе прямой и обратной связи между капиталом и правительством, превратившись во влиятельные общественные объединения, которые оказывали значительное воздействие на характер и динамику экономического развития, модернизацию промышленности. Однако, революционные события 1917 г. и Гражданская война не позволили приступить к масштабному выполнению намеченных планов и проектов.

В начале XX в. на Урале стартовал процесс создания бирж, возглавляемых биржевыми комитетами, которым было суждено стать разновидностью региональных представительских организаций. Темпы возникновения бирж и биржевых комитетов на Урале отставали от общероссийских. Уже в 1870 г. в России действовало 17 биржевых комитетов. В своей практической деятельности новые структуры руководствовались уставом Московской биржи, принятым в 1870 г. и игравшего роль типового документа.

В последней четверти XIX в. сторонники биржевой торговли начали появляться и на Урале: отдельные представители торгово-промышленных кругов стали высказывать мысли о желательности учреждения бирж. В частности, такое предложение прозвучало на II-м съезде уральских горнопромышленников<sup>1</sup>. Дальше разговоров дело, однако, не пошло. Лишь в начале XX в. предприниматели перешли к практическим действиям. Наиболее энергично действовали коммерсанты и промышленники Перми. Они разработали устав биржи и отослали его в Петербург на утверждение: 8 июня 1901 г. программный документ был утвержден. С 7 октября того же года началась практическая деятельность Пермской биржи.

Спустя несколько лет на Урале появилось еще несколько бирж. 25 декабря 1905 г. был утвержден устав Челябинской биржи, а первое организационное собрание местного биржевого общества состоялось 21 февраля 1906 г. К его созыву в члены общества успело записаться 214 предпринимателей и торгово-промышленных фирм. Устав Екатеринбургской торговой и горнопромышленной биржи был утвержден 22 мая 1904 г., однако экономическая депрессия негативно повлияла на процесс создания биржи. Организационное собрание членов биржевого общества состоялось только 30 ноября 1905 г. Практически в это же время на Урале появились еще две биржи – Уфимская и Оренбургская. Первая начала работать в июле 1905 г., вторая – в марте 1906 г.

Становление бирж и организация биржевой торговли происходили в сложных условиях продолжающейся экономической депрессии. Негативное влияние на деятельность бирж оказали Русско-японская война и первая русская революция. В результате биржевая торговля на Урале не приобрела значительного размаха, хотя и знала отдельные взлёты. В частности, какое-то время успешно работала Челябинская биржа: «На ней совершались сделки на многие миллионы, купечество съезжалось из портовых городов, из Волжского мукомольного района и в некоторые годы даже из северо-запада России. Вся Сибирская линия до Мариинска и Минусинска, половина Самаро-Златоустовской дороги, часть Пермской и весь Троицко-Кустанайский район целиком тяготели к Челябинской бирже, не говоря уже об Екатеринбургско-Исет-

<sup>1</sup> Рукоусев Е.Ю. Создание Екатеринбургской торговой и горнопромышленной биржи в начале XX в. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (136). С. 159.



ском мукомольном районе, который также половину заготовок зерна для своих крупчатных мельниц делал на Челябинской бирже»<sup>1</sup>. В 1906–1910 гг. на этой бирже ежегодно продавалось от 10 до 15 млн пуд. зерна<sup>2</sup>.

В условиях относительно слабого развития биржевой торговли неизбежным стало изменение роли биржевых комитетов, которые к началу XX в. создавались уже при всех биржах. Если по законодательству их первоочередной задачей было руководство деятельностью бирж, то на практике комитетам пришлось заняться отстаиванием интересов местных торгово-промышленных кругов. Председатель Уфимского биржевого комитета Н.Н. Степанов предельно откровенно заявил, что главной задачей биржи является устранение препятствий, встречающихся «на пути торговли и промысла»<sup>3</sup>.

«Устранение препятствий на пути торговли и промысла» стало главным содержанием деятельности уральских биржевых комитетов в 1900–1910-х гг. Члены комитетов, неплохо ориентировавшиеся в региональной экономике, пытались ликвидировать разные препоны, мешавшие развитию Оренбургской, Пермской и Уфимской губерний.

Некоторые, относительно незначительные проблемы комитеты могли устранить самостоятельно, т.е. без помощи государственных структур. В частности, биржевые комитеты с помощью учреждения арбитражных судов постарались уладить острые недоразумения между предпринимателями и приструнить недобросовестных коммерсантов. Немалых успехов добился арбитражный суд Челябинской биржи. Его эффективную и полезную работу современники объясняли полным отсутствием «пристрастных и дружеских решений»<sup>4</sup>.

Многие препятствия, мешавшие торгово-промышленной деятельности, невозможно было ликвидировать без помощи правительственных инстанций. В этих случаях биржевые комитеты прибегали к подаче ходатайств в органы местного самоуправления и в разные правительственные инстанции. Кроме того, они составляли докладные записки и другие подобные документы, также адресованные властям разного уровня. Так, Оренбургский биржевой комитет, зная о быстром развитии в регионе мукомольной промышленности и о сильной нехватке специализированных хранилищ (элеваторов) для зерна, решил облегчить процесс постройки нового элеватора. С этой целью он направил в Оренбургскую городскую думу ходатайство, содержавшее просьбу о выделении земельного участка под сооружение элеватора<sup>5</sup>. Пермский биржевой комитет по просьбе пароходоладельцев в ноябре 1901 г. возбудил перед правлением Казанского округа путей сообщения ходатайство о приведении всех камских затонов в порядок. Для большего эффекта комитет направил аналогичное ходатайство министру путей сообщения. Инициатива комитета нашла понимание в Министерстве финансов, которое выделило 105 тыс. руб. Эта сумма позволила благоустроить все затоны, находившиеся близ Перми, и облегчить условия для зимовки судов. Пермскому биржевому комитету в 1904 г. удалось получить 2 землечерпальные машины для углубления фарватера Камы. В 1911 г. комитет обратился с ходатайством в Министерство торговли и промышленности, в котором настаивал на улучшении условий кредитования торговцев лесом и лесными материалами. В том же году комитет возбудил ходатайство об учреждении в Перми «таможни для очистки (растомаживания) иностранных товаров и особенно чайных»<sup>6</sup>. В начале 1910-х гг. Екатеринбургский биржевой комитет добился изменения тарифа на перевозку фанеры, которая в основном экспортировалась в США. В 1910 г. Оренбургский биржевой комитет, пытаясь облегчить положение местной мукомольной отрасли, направил ходатайство с просьбой об уничтожении на Среднеазиатской железной дороге тарифа, определявшего цену на перевозку зерна и муки<sup>7</sup>.

Екатеринбургский биржевой комитет для урегулирования споров предпринимателей с железной дорогой учредил тарифное бюро, работавшее очень успешно. Едва начав работу, оно предъявило железной дороге более 70 претензий на сумму свыше 8 тыс. руб. Клиентами бюро в

<sup>1</sup> Зауральский край. 1913. 4 января.

<sup>2</sup> Прыкина Н.А. Биржа торговая // Челябинская область: Энциклопедия. Челябинск, 2003. Т. 1. С. 399.

<sup>3</sup> Отчет Уфимского биржевого комитета за 1908 год. Уфа, 1909. С. 9.

<sup>4</sup> Зауральский край. 1913. 4 января.

<sup>5</sup> Судоргина Н. «Для поддержания местной торговли и промышленности» // Вечерний Оренбург. 2001. 23 марта.

<sup>6</sup> Промышленность и торговля. 1911. № 9. С. 424.

<sup>7</sup> Отчет о деятельности Оренбургского биржевого комитета за 1910 год. Оренбург, 1911. С. 9.

основном являлись «торгово-промышленные фирмы и владельцы их, главным образом, из соседних с Екатеринбургом городов, окрестных заводов и сел»<sup>1</sup>.

Биржевые комитеты имели право делегировать своих представителей на съезды предпринимателей и во всевозможные комиссии, действовавшие при министерствах и других правительственных инстанциях. Это право комитеты использовали для защиты региональных интересов. Так, 12 марта 1908 г. Екатеринбургский биржевой комитет получил предложение из Министерства финансов избрать представителя в совещание по пересмотру Положения о государственном промысловом налоге<sup>2</sup>. Аналогичные приглашения получили и другие уральские биржевые комитеты.

Уральские биржевые комитеты действовали сравнительно недолго, как правило, не более двух десятков лет. По сути дела они находились на стадии становления и определения главных и второстепенных направлений своей деятельности. Процесс становления затягивался из-за разных политических и экономических катаклизмов. Тем не менее, эти организации смогли привлечь в свои ряды самых активных уральских коммерсантов и промышленников, в том числе тех, кто обладал явными задатками общественных деятелей, дав им отличную возможность для реализации их общественных амбиций. Биржевые комитеты стали площадками для обсуждения проблем, волновавших предпринимательское сообщество, а также для выработки решений, направленных на улучшение условий для торгово-промышленной деятельности на Урале. Самостоятельно и с помощью государства биржевые комитеты сумели устранить некоторые препятствия, мешавшие развитию экономики региона, и тем внесли определенный вклад в ее развитие.

*Партии.* Для XIX в. характерно значительное оживление общественной жизни, затронувшее не только центр Российской империи, но и ее периферийную часть, в том числе и Урал. Уже в первой четверти этого столетия в регионе проявляется тенденция к созданию организаций, ставящих перед собой политические цели. В силу разных причин почти все возникшие организации были нелегальными.

Наиболее заметным среди таких объединений было Оренбургское тайное общество, возникшее в 1820-х гг. Его предтечей был небольшой кружок, объединявший людей с разными политическими взглядами, в основном либеральными. По-видимому, многие члены кружка являлись масонами. Время возникновения этого объединения одни историки относят к концу XVIII в., а другие датируют 1813 г. С притоком в кружок молодых армейских офицеров и чиновников либеральные настроения стали сменяться радикальными. После событий 14 декабря 1825 г. либералы вышли из кружка, что позволило оставшимся членам приступить к созданию тайного общества, разработке устава и других программных документов. Их автором являлся лидер нелегальной организации военный чиновник П.М. Кудряшов. Целью общества провозглашалось «изменение монархического правления в России и применение лучшего рода правления к выгодам и свойствам народа для составления истинного его благополучия»<sup>3</sup>. Устав был дополнен инструкцией, которая совершенно определенно ориентировала членов общества на осуществление вооруженного переворота. Выступление должно было сопровождаться арестом оренбургского военного губернатора, верных власти военных и гражданских чиновников и последующим наступлением в направлении Казани. С помощью провокатора тайное общество было раскрыто в 1827 г.

Во второй четверти XIX в. предпринимались и другие попытки создания нелегальных организаций. Так, в 1827 г. служащий Верх-Исетского завода А.В. Лоцманов предпринял попытку вербовки членов в «Тайное общество ревнителей свободы», якобы уже существующее, но был выдан и угодил под следствие, которое не смогло установить факт создания нелегальной организации. В ходе следствия у крепостного служителя были изъяты различные бумаги, в том числе его литературные труды. Следствие особо заинтересовала неоконченная повесть «Негр, или возвращенная свобода», в которой автор проводил параллель между положением крепостных мастеровых уральских горных заводов и невольниками-неграми. После ряда допросов в

<sup>1</sup> Зауральский край. 1913. 12 марта.

<sup>2</sup> ГАСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

<sup>3</sup> История Урала. Пермь, 1976. Т. I. С. 197.

Екатеринбурге и Петербурге Лоцманов был отправлен в арестантскую роту в Бобруйскую крепость<sup>1</sup>.

Еще одна попытка создания нелегальной организации имела место в Чермозском заводском поселке. Учащийся «горной студии» при Чермозском заводском училище П.И. Поносов изучал как необходимые школьные дисциплины, так и активно занимался самообразованием, в ходе которого пришел к мысли о необходимости борьбы против крепостного права. Для организации борьбы с крепостничеством Поносов решил создать тайное общество «Вольность», для которого написал программный документ. В этом документе провозглашался курс «на ниспровержение власти». В 1836 г. Поносов начал вербовку в члены нелегальной организации, делая ставку в основном на крепостных слуг. Он сумел привлечь в общество восемь человек, однако из-за предательства оно было раскрыто: все его активисты были арестованы и после допросов отправлены кто на Кавказ и в Финляндию, кто в арестантские роты<sup>2</sup>.

В целом, в первой половине XIX в. было создано небольшое количество организаций, занимавшихся или собиравшихся заниматься политической деятельностью. Как правило, эти организации были нелегальными, малочисленными и существовали ограниченное время. Об их скольконибудь значительном влиянии на общественную жизнь Урала говорить не приходится.

Во второй половине XIX – начале XX в. общественная жизнь Урала стала более разнообразной благодаря деятельности самых разных политических организаций, как легальных, так и нелегальных. Первые общественно-политические объединения, главными действующими лицами в которых являлись разночинцы, в регионе стали появляться в начале царствования Александра II.

В данный период на Урале возникло сравнительно небольшое количество кружков и групп, которые, как правило, не имели организационной структуры и определенной политической программы. Состоявшие из представителей интеллигенции, чиновничества, заводских служащих и офицеров, они в основном занимались культурно-просветительской деятельностью, в том числе организовывали чтения и литературно-музыкальные вечера. Такие объединения действовали в Бирске, Вятке, Глазове, Перми, Оренбурге и Уфе. Их роль в общественной жизни Уральского региона была сравнительно скромной. Тем не менее, активистам этих кружков удалось добиться вполне осязаемых результатов: по их инициативе были учреждены общедоступные библиотеки в Вятке и Перми, а также 15 воскресных школ для горнозаводских рабочих<sup>3</sup>.

Кроме того, активные дебаты, имевшие место среди членов этих кружков, привели к определенному размежеванию. Значительная часть кружковцев осталась верна культурно-просветительской деятельности: многие из них приняли самое активное участие в создании разных самодельных организаций и в работе органов городского и земского самоуправления, и в этой роли проявили себя как акторы модернизации. Некоторое количество разночинцев, придерживавшихся радикальных взглядов, встало на путь активной борьбы с существующей властью и приступило к созданию нелегальных организаций, которые сравнительно быстро были ликвидированы правоохранительными органами.

Несмотря на это, в 1870-е гг. началось оживление политической жизни Урала. В регионе возникли нелегальные организации народников, развернулась революционная пропаганда, имели место случаи «хождения в народ», носившие, правда, эпизодический характер. Значительную часть членов этих организаций составляли ссыльные и студенты, что стало одной из главных причин их недолговечного существования. Однако, уже в конце 1870-х гг. на Урале стали появляться новые нелегальные объединения, часть из которых была связана с организацией «Народная Воля». Подобные кружки возникли в Екатеринбурге, Троицке, Перми и Мотовилихинском заводском поселке. Новые кружки были лучше организованы и поэтому смогли развернуть более или менее масштабную пропаганду, которая в значительной степени сводилась к распространению нелегальной литературы. Кроме того, в ряде случаев кружковцам удалось установить связи с рабочими некоторых заводов и даже организовать забастовки. Тем не менее, разногласия в сре-

<sup>1</sup> Гаврилов Д.В., Павлов В.А. Лоцманов Андрей Васильевич // Екатеринбург. Энциклопедия. Екатеринбург, 2002. С. 330.

<sup>2</sup> История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 455–456.

<sup>3</sup> История Урала в период капитализма. М., 1990. С. 169.

де народничества привели к расколу. Повторилась история 1860-х гг.: часть активистов отошла от революционной борьбы и переключилась на легальную деятельность, другие же продолжили нелегальную работу, но уже под новыми знаменами.

В конце XIX в. на Урале стало постепенно расти количество различных нелегальных организаций, в том числе социал-демократических. На последнее немаловажное влияние оказала практика ссылки революционеров в Урало-Сибирский регион. В конце столетия в Вятской губернии отбывали срок Н.Н. Батулин, В.В. Воровский, Ф.Э. Дзержинский, И.Г. Сидович, в Уфимскую губернию были сосланы В.Н. Крохмаль, А.И. Свидерский, А.Д. Цюрупа и другие. Как правило, ссылки активно занимались пропагандой социал-демократических идей.

В конце XIX – начале XX века в политической жизни Урала проявилась новая тенденция: социал-демократы и социалисты-революционеры проявляют стремление преодолеть кружковщину и создать политические партии. Нечто подобное происходит по всей Российской империи, но на Урале процесс создания партий эсеров и эсдеков имел свои особенности. Если во многих регионах России нелегальные структуры эсеров и эсдеков дистанцировались друг от друга, то на Урале в конце 1901 г. возник Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров, не присоединившийся ни к Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП), ни к Партии социалистов-революционеров (ПСР). По мнению И.В. Нарского, этот феномен объясняется «организационной незрелостью обоих социалистических течений» и сохранением основной массой населения региона (крестьянами и рабочими) патриархальных стереотипов в образе жизни и психологии<sup>1</sup>. Союз социал-демократов и социалистов-революционеров, просуществовавший около двух лет, занимался в основном работой просветительского характера.

Революция 1905–1907 гг. внесла значительные коррективы в процесс создания партий на Урале, причем как нелегальных, так и легальных. В конце 1905 г. в регионе началось превращение разрозненных структур в политические партии. В сравнительно короткое время были созданы местные организации Партии народной свободы (конституционных демократов), Партии мирного обновления, Партии правового порядка, Союза 17 октября, Союза русского народа, русско-монархической партии и ряда других. В этот же период нелегальные партии сумели значительно расширить число своих сторонников, восстановить контакты с центром, а также установить связи с организациями, действовавшими в регионе. Социал-демократы и эсеры очень часто проводили областные, окружные, городские съезды и конференции. И легальные и нелегальные партии активно пропагандировали свои взгляды, организовывали собрания, митинги, демонстрации, выпускали листовки и брошюры политического содержания. Некоторые партии наладили издание газет и журналов (легальных и нелегальных). Так, в Екатеринбурге кадетами с конца 1905 г. начала издаваться газета «Уральский край», а в Вятке ими был организован выпуск газеты «Вятский край».

Социалистические партии использовали не только легальные методы. В частности, широко практиковались экспроприации и индивидуальный террор. Социал-демократы и социалисты-революционеры имели непосредственное отношение к организации вооруженного выступления в Мотовилихе и партизанским действиям отрядов «лесных братьев» А. и И. Давыдовых, А. Лбова.

В сравнительно короткое время на Урале появились партии самого разного толка – от крайне левых до праворадикальных. Между партиями, слабыми и в организационном, и в идеологическом плане, разгорелась ожесточенная борьба. Корреспондент «Пермских губернских ведомостей» так описывал политические будни Екатеринбурга: «Партийная жизнь наших политиканов идет своим чередом и без видимого успеха той или другой партии в смысле образования предвыборного блока или соглашения на предмет избрания выборщиков. На происходящих собраниях каждая партия продолжает расхваливать и выставлять как лучшую свою программу, критикуя без жалости и милосердия программы других партий. На собрании внепартийном господа кадеты громили мирнообновленцев и эсдеков, мирнообновленцы громят кадетов и эсдеков, а последние двух первых»<sup>2</sup>.

Иногда противоборствующие партии заключали временные союзы. Чаще всего взаимная борьба, равно как и спорадические союзы, имели место во время избрания новых составов орга-

<sup>1</sup> Нарский И.В. Русская провинциальная партийность: Политические объединения на Урале до 1917 г. (к вопросу о демократической традиции в России). Челябинск, 1995. Ч. 1. С. 51.

<sup>2</sup> Екатеринбургские письма // Пермские губернские ведомости. 1907. 20 января.



нов самоуправления, и особенно в период выборов в Государственную Думу. Для ряда партий выборы в Государственную Думу стали апогеем их деятельности, а поражение на выборах повлекло за собой их ликвидацию. В частности, так произошло с местными филиалами Партии правового порядка, которая имела репутацию проправительственной. Выборы в I-ю Думу оказались для партии провальными и гибельными. Некоторые активисты ушли в Союз 17 октября, большая же часть ее членов отошла от какой-либо политической деятельности. Непопулярность партии, по мнению А.В. Антошина, объясняется тем, что она пользовалась поддержкой власти, что вызвало раздражение других политических партий и дискредитировало ее в глазах большинства избирателей<sup>1</sup>. Роспуск I-й Думы и репрессии со стороны правоохранительных органов нанесли сильный удар и по другим партиям, в том числе по конституционным демократам. Сразу после роспуска Думы исследователями отмечается «характерный для всех регионов развал кадетской периферии»<sup>2</sup>.

В 1908–1916 гг. политическая жизнь на Урале заметно ослабла. Более активно действовали нелегальные партии, но они подвергались постоянным и эффективным преследованиям со стороны правоохранительных органов. Приспосабливаясь к тяжелым условиям, эсеры и эсдеки взяли курс на активное участие в различных самостоятельных организациях, в том числе кооперативах и больничных кассах. Легальные партии в этот период лишь время от времени напоминали о своем существовании. Чаще всего, это происходило в период выборов в органы самоуправления и Государственную Думу. Особенно энергично некоторые партии действовали в период избрания депутатов IV-й Государственной думы. Некоторые легальные партии продолжали издавать газеты и журналы, что являлось очень эффективной формой политической деятельности.

Кроме того, партии искали и другие возможности для привлечения новых сторонников. Так, екатеринбургский отдел Союза русского народа в самом начале 1908 г. решил открыть чайную с читальней, в которой должны были преобладать книги, газеты и журналы «черносотенного содержания»<sup>3</sup>. Несколько позже активисты отдела открыли библиотеку, а также сняли сад В.Я. Казанцевой, в котором организовали проведение разных мероприятий, в основном, так называемых, народных гуляний. Эти мероприятия не пользовались особой популярностью у горожан.

На снижение накала политической деятельности легальных и нелегальных партий оказали воздействие самые разные факторы. Немалое значение имели репрессивные меры правоохранительных органов. Полиция, начиная с 1907 г., провела массу обысков в городах и заводских поселках. Часть из них оказалась очень эффективной: «Революционное гнездо обнаружено в Екатеринбурге в д. Пургина на Московской улице. Там оказалась тайная типография газеты “Рабочий”, причем найдено около 15 пудов шрифта, пять бомб, девять пироксилиновых шашек, 550 аршин бикфордового шнура, около 2000 патронов, печать комитета, четыре пуда прокламаций, два ружейных затвора, три коробки от магазинов. Хозяин квартиры арестован»<sup>4</sup>.

Активная работа полиции позволила арестовать и заключить в тюрьмы множество рядовых членов нелегальных партий, а также немало видных деятелей эсеровского и социал-демократического толка. Так, в самом начале 1908 г. в екатеринбургскую тюрьму из Перми были доставлены «Яков Свердлов (известный местной публике под именем Андрея) и Клавдия Новгородцева, осужденные за принадлежность к социал-демократической партии»<sup>5</sup>.

Власти прибегали не только к арестам, к тюремному заключению и ссылкам, но и практиковали высылку наиболее активных политических деятелей за пределы Урала. В августе 1907 г. из Пермской губернии был выслан врач С.Н. Чернавин, редактор газеты «Утро», близкой к социалистическим партиям, несколько раньше за пределы той же губернии был выслан Л.А. Кроль, один из лидеров местной кадетской организации.

Репрессии, а также постепенное улучшение экономического положения негативно сказались на количестве политических организаций и их численности. По подсчетам И.В. Нарского, в 1905–1907 гг. на Урале действовала 121 социал-демократическая организация (14 300 членов), в 1908–

<sup>1</sup> Антошин А.В. Консервативный либерализм на Урале в начале XX века (на примере Партии правового порядка) // Первые Татищевские чтения. Екатеринбург, 1997. С. 78.

<sup>2</sup> Нарский И.В. Кадеты на Урале (1905–1907). Свердловск, 1991. С. 96.

<sup>3</sup> Уральская жизнь. 1908. 9 января.

<sup>4</sup> Пермские губернские ведомости. 1907. 14 августа.

<sup>5</sup> Урал. 1908. 30 января.

1911 гг. их осталось только 37 (2300 членов), в 1912–1916 гг. сохранилось лишь 23 организации, насчитывающие 1200 членов. Схожая динамика была характерна для социалистов-революционеров: 1905–1907 гг. – 174 организации (7300 членов), 1908–1911 гг. – 78 (3200), 1912–1916 гг. – 4 (100 членов). Общая же численность политических организаций с 418 (1905–1907 гг.) сократилась до 55 (1912–1917 гг.), а количество активистов разных партий с 40 700 человек (1905–1907 гг.) упало до 4400 (1912–1917 гг.)<sup>1</sup>. Новое оживление политической деятельности, причем масштабное, произошло лишь в 1917 г.

Влияние деятельности политических организаций и партий на модернизационные процессы имело противоречивый характер. Леворадикальные и праворадикальные партии, активно применявшие террористические методы, спровоцировали жесткую реакцию со стороны действующей власти, что отрицательно сказалось как на развитии общественного движения на Урале, так и на ряде других направлений региональной модернизации. В то же самое время деятельность легальных и нелегальных организаций (кружков и партий) содействовала формированию политической культуры населения уральских губерний, вовлечению в общественно-политическую работу десятков тысяч человек. Просветительская деятельность некоторых политических партий положительно сказалась на развитии средств массовой информации, образовательном уровне заводских рабочих и низов городского населения. Благодаря участию многих эсеров и некоторых социал-демократов<sup>2</sup> на Урале весьма значительное развитие получили кооперативы, ставшие в свою очередь акторами региональной модернизации.

---

<sup>1</sup> Нарский И.В. Русская провинциальная партийность... С. 87–88.

<sup>2</sup> Пьянков С.А. Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX – начале XX века. Екатеринбург, 2014. С. 152–153.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ\*

Проведенное исследование продемонстрировало многообразие движущих сил российской модернизации имперского периода, отнюдь не сводимых только к самодержавному государству. Да и само государство не оказалось инвариантным монолитом, обладавшим неизменными рецептами развития для всего периода истории империи. На самом деле стратегии модернизации менялись, государство действовало через разнообразные структуры разного уровня и разного ведомства, интересы которых (даже в рамках коронной администрации) далеко не всегда находились в гармонии.

Предпринята разработка проблем формирования имперских стратегий модернизации XVIII – начала XX вв. сквозь призму анализа политики ключевого актора модернизационного процесса – государства. Предложено выделение в рамках модернизационного процесса указанного периода двух фаз стратегирования, теснейшим образом соотносимых с изменением социально-политической природы имперского государства – абсолютистской (XVIII в.) и постабсолютистской (XIX – начало XX вв.). Определяющая черта абсолютистской стратегии модернизации состояла в опоре преимущественно на традиционалистские инструменты и формы эксплуатации общества с целью достижения, в первую очередь, роста военной и экономической мощи государства, что имело своей оборотной стороной усиление налогового гнета, дальнейшее закрепощение общества, искоренение «нерегулярного» общественного элемента и т.п. Для постабсолютистской стратегии модернизации было характерно усиление меритократического принципа в механизмах социальной мобильности, развитие институтов, которые действовали полностью или частично на внесословной основе (бюрократия, армия, промышленность), в ущерб социально-сословной структуре общества. Всё это резюмировалось постепенным проникновением модернизационного эффекта в толщу традиционного общества и его обновлением.

Роль государства в целом как модернизационного актора была признана высокой и возросшей в условиях догоняющей модернизации. Определена специфика российского модернизационного процесса, которая заключалась в том, что авторитарное государство, на всех этапах выступая в качестве ключевого актора модернизации, видоизменяло формы своего взаимодействия с обществом. Характерное для этапа становления абсолютизма ужесточение служебно-подчиненной роли сословий в инициированных властью проектах модернизации с конца XVIII в. трансформируется в процесс постепенной эмансипации сословий, расширение пространства личной и имущественной свободы, развитие начал гражданского общества. К кульминации этого процесса – Великим реформам 1860-х – 1870-х гг. – общественность уже играла довольно активную роль в преобразованиях, оказывая действенное влияние и на политику власти.

При этом проведенное исследование показало, что вопреки циркулирующим концепциям о критическом своеобразии Российской империи, в частности, связанным с разрывом «большой», городской, и «малой», сельской, традиций (в терминологии американского антрополога Р. Редфилда), с крайним антогонизмом социального порядка (например, «двойная» поляризация, по выражению американского историка Л. Хаймсона), все-таки в реальности преобладало взаимодействие, причем нередко конструктивное, с обоюдной заинтересованностью, между властными структурами, местным самоуправлением, общественностью, социальными стратами.

Авторы обратились на уральском региональном материале к исследованию таких социальных акторов как предприниматели, интеллигенция, иностранные специалисты. Выявлены суще-

---

\* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-18-01625).

ственные сдвиги, произошедшие в развитии всех этих категорий (особенно со второй половины XIX в.), связанные с диверсификацией и интенсификацией экономической и культурной жизни региона.

Существенное внимание было уделено уральским предпринимателям как акторам модернизационных процессов. При этом оказалось, что основной вектор динамики заводовладельцев не имел линейного характера и прошел через три фазы: образ заводчика – организатора производства и универсального специалиста, характерного для XVIII в., к заводчику-латифундисту, дистанцировавшемуся от непосредственного управления в первой половине XIX в., до вернувшегося к управлению заводчика-менеджера во второй половине XIX – начале XX в. При этом уровень их участия в развитии промышленности повышался на пике «волн» модернизации и ослабевал при их затухании, что во многом влияло на относительную затянутость как индустриального перехода, так и процесса превращения владельцев уральских горнозаводских округов в типичную социальную группу современного общества.

Выявлено, что в пространстве взаимодействия различных акторов модернизации интеллигенция занимала существенное место. Ее роль была особенно значимой в силу малочисленности, а в некоторых уездах и полного отсутствия дворянского элемента. Отличительной чертой уральских интеллигентов была высокая социальная активность; многим из них был присущ конструктивизм, стремление к созиданию, подвижничество и ответственность за развитие государства. Участвуя в различных просветительских, экономических, научно-технических, краеведческих, благотворительных организациях, работая в сфере духовного производства, представители уральской интеллигенции воздействовали на окружающую среду, общество, культуру, преобразовывали и изменяли их.

Рассмотрение иностранных специалистов как агентов региональной производственной и социокультурной модернизации было связано с анализом их демографических характеристик, социально-правового статуса и материального положения, с исследованием структуры, внутренних взаимосвязей и внешних контактов сформировавшегося на Урале профессионального сообщества, с выявлением специфики социальной адаптации и самоидентификации иностранцев. Наряду с ролью агентов технологической модернизации европейские специалисты естественным образом оказывались носителями социальных и культурных инноваций, что приводило к изменениям в общественной структуре, а также облике уральских городов и культурной жизни региона.

Серьезное внимание было уделено региональным институциональным акторам (административный аппарат, органы самоуправления, общественные организации, профессиональные общества, представительские организации и партии), совершенствование которых, как доказывалось в монографии, содействовало рационализации системы управления, становлению элементов гражданского общества, развитию публичной сферы в российской провинции. В частности, было показано, что создание регионального института управления промышленностью, автономного от губернской администрации и общего административно-территориального деления, обеспечивало проведение единой технико-технологической политики, рационализацию размещения и взаимодействия производств.

На всех этапах существования российской государственности в имперский период административная вертикаль дополнялась разветвленной системой местного самоуправления. В монографии проанализировано складывание и эволюция структур сельского и городского самоуправления на региональном материале, особое внимание уделено росту рационализации, специализации управленческой деятельности, показано влияние органов самоуправления на поступательное развитие региона, в частности, выразившееся в способности институтов земского и городского самоуправления быстро и качественно наладить отрасли, от которых зависело благополучие местного населения, и стать основным каналом распространения экономических и социокультурных новшеств в пореформенный период.

Проведен анализ организационных форм, динамики развития, направлений и эффективности деятельности добровольных общественных ассоциаций. Выявлено, что на Урале общественные организации стали появляться в 20–30-е гг. XIX в., однако массовый характер создание добро-



вольных общественных ассоциаций в регионе приобрело в последней четверти XIX – начале XX в. как следствие проведения реформ середины XIX столетия. Анализ основных направлений деятельности добровольных организаций показывает, что именно сфера социальной благотворительности привлекала к себе наибольшее число акторов. Характерные для всех общественных организаций выборность органов управления, гласность работы, адресность сборов и пожертвований, возможность самостоятельной организации действий для решения уставных задач формировали навыки публичной деятельности, активную жизненную позицию – то, что превращало обывателей в граждан, которые хотели участвовать в решении общественных задач. Существенное внимание уделено выявлению тенденций и особенностей формирования профессиональных групп на Урале; роли профессиональных обществ и союзов в повышении профессиональной культуры, в общественной жизни, в формировании корпоративного самосознания в уральском социуме в XIX – начале XX в.

В целом в процессе исследования удалось обрисовать контуры акторной инфраструктуры модернизации, проанализировать становление ряда значимых акторных социальных и институциональных групп в региональном масштабе, рассмотреть эволюцию их статусов, применяемых стратегий на разных фазах модернизации.

## СОКРАЩЕНИЯ

Архив ВИМАИВмВС	Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
ВЕВ	Вятские епархиальные ведомости
ГАПК	Государственный архив Пермского края
ГАСО	Государственный архив Свердловской области
ЕЕВ	Екатеринбургские епархиальные ведомости
ИППО	Императорское Православное Палестинское общество
ОЕВ	Оренбургские епархиальные ведомости
ПЕВ	Пермские епархиальные ведомости
ПСЗ-1	Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649 – 12 декабря 1825 г.: В 45 т. СПб., 1830.
ПСЗ-2	Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 гг.: В 55 т. СПб., 1830–1885.
ПСЗ-3	Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1 марта 1881–1913 гг.: В 33 тт. СПб., 1885–1916.
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГИА	Российский государственный исторический архив
СПЗ	Сборник Пермского земства
УЕВ	Уфимские епархиальные ведомости
УОЛЕ	Уральское общество любителей естествознания
ЦГА УР	Центральный государственный архив Удмуртской Республики

*Научное издание*

**АКТОРЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРСКОЙ  
МОДЕРНИЗАЦИИ (XVIII – НАЧАЛО XX В.):  
РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

Рекомендовано к изданию  
Ученым советом Института истории и археологии  
Уральского отделения Российской академии наук

Литературный редактор В.С.Митин  
Корректор А.П.Иванов  
Технический редактор Я.С. Недвига

Подписано в печать 06.12.2016 г.  
Формат 84х108  $\frac{1}{16}$ . Бумага офсетная. Печать офсетная.  
Усл. печ. л. 32,97. Уч.-изд. л. 30,57. Тираж 500 экз.

Банк культурной информации:  
620100, Екатеринбург, п/о 100, а./я. 855.  
E-mail: ukbkin@gmail.com

Отпечатано в соответствии с качеством  
предоставленного оригинал-макета  
в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»:  
620990, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

**ДЛЯ ЗАМЕТОК**



**ДЛЯ ЗАМЕТОК**



ISBN 978-5-7851-0780-9



9 785785 107809

